

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

**№4
2023**

ISSN 2079-8482

**НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ**

THE NEW RESEARCH OF TUVA

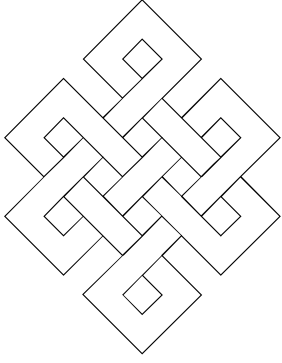
2023

№ 4

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2023

№ 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан

Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив

Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отроценко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского

Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии

Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия

Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия

Левин Т., Дартмаус колледж, США

Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия

Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Бахтикирева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор

Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine

Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia

Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia

Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Theodore Levin, Dartmouth College, United States

Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager

Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions

in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Токарева Н. А. (Россия) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста 6

Аминева В. Р., Мижит Л. С. (Россия) Нэсер и шулук-чугаа: варианты прозопоэтического синтеза в татарской и тувинской литературах 22

Варламова И. Ю., Будильцева М. Б., Пугачев И. А., Куулар Е. М. (Россия) Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в поговорках) 44

Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Саитбатталов И. Р. (Россия) Лингвокультурологический аспект библейского перевода на тюркские языки (на материале башкирского и тувинского) 61

Черкашина Т. Т., Новикова Н. С., Пугачев И. А. (Россия) Речевой жанр приветствия как маркер ментальности (на примере обрядов приветствия у русских и тувинцев) 70

Денисенко А. В., Калинина Ю. М. (Россия) Репрезентация лексем «голова» / «баш», «сердце» / «чурек» и «язык» / «дыл» в русских и тувинских фразеологизмах 88

Кучукова З. А., Берберова Л. Б. (Россия) Космо-психо-логос Тувы в языке героических сказаний 99

Мамбетова Г. Т., Шингарева М. Ю., Дмитриук Н. В., Стычева О. А. (Казахстан) Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом рука как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) 109

Темиргазина З. К. (Казахстан), Николаенко С. В. (Беларусь), Шахарам А. П. (Казахстан), Апаева С. Х. (Кыргызстан) Наименования женщин по брачному статусу: компонентный анализ (на материале тувинского и казахского языков) 124

Арсеньева И. А. (Россия), Поморцева Н. В. (Россия), Куулар Е. М. (Россия), Шеверина О. В. (Беларусь) Категория памяти по данным русского и тувинского языков 139

Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Кужугет Ш. Ю. (Россия) Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) 153

Валикова О. А., Синячкин В. П., Кулиева Ш. А. (Россия) Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита 171

Брагина М. А., Левина В. Н. (Россия) Образ пространства Тувы в Рунете 185

Скнарев Д. С., Русакова М. М., Нелюбова Н. Ю. (Россия) Тува туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации 200

Должикова А. В. (Россия) Источник народной педагогики и потенциал языкового образования 217

Бахтикиреева У. М. (Россия), Шагимгереева Б. Е. (Казахстан), Амалбекова М. Б. (Казахстан) Познание самих себя через познание культуры своего этноса 226

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Эвэрт Л. С., Серен-оол С. С., Сат Д. А. (Россия) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве 237

Балакина Г. Ф. (Россия) Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва 255

ФИЛОЛОГИЯ

Бредис М. А., Сюэ Б. (Россия) Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) 274

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. (Россия) Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка 290

Данилов И. А., Иванова Н. И. (Россия) Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.) 301

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Султангареева Р. А. (Россия) Тупрак ‘земля, почва’ в мифоритуальных традициях башкир: архаичные истоки, особенности и современные модификации 314

Доржигушаева О. В., Киплюкс А. В. (Россия) Экологизация традиции завязывания зурам, хадаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия 328

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ламажаа Ч. К., Санчай Ч. Х. Монгуш А. В. (Россия) Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев 344

CONTENTS

SPECIAL THEME

<i>Shafranskaya E. F., Garipova G. T., Tokareva N. A. (Russia)</i> Roman Senchin: The poetics of Tuvan text	6
<i>Amineva V. R., Mizhit L. S. (Russia)</i> Nesor and shuluk-chugaa: Variants of prosopoetic synthesis in Tatar and Tuvan literatures	22
<i>Varlamova I. Yu., Budiltseva M. B., Pugachev I. A., Kuular E. M. (Russia)</i> The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in paroemias)	44
<i>Vorobyev V. V., Fatkullina F. G., Saitbattalov I. R. (Russia)</i> Linguoculturological aspect of biblical translations into Turkic languages (a case study of Bashkir and Tuvan)	61
<i>Cherkashina T. T., Novikova N. S., Pugachev I. A. (Russia)</i> Speech genre of greeting as a marker of mentality (the case of greeting rituals among Russians and Tuvans)	70
<i>Denisenko A. V., Kalinina Yu. M. (Russia)</i> Representation of lexemes 'head' / 'bash', 'heart' / 'churek' and 'tongue' / 'dyl' in Russian and Tuvan phraseological units	88
<i>Kuchukova Z. A., Berberova L. B. (Russia)</i> Cosmo-psycho-logos of Tuva in the language of heroic epics	99
<i>Mambetova G. T., Shingareva M. Yu., Dmitryuk N. V., Stycheva O. A. (Russia)</i> Comparative analysis of phraseological units with somatism <i>hand</i> as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages)	109
<i>Temirgazina Z. K. (Kazakhstan), Nikalayenka S. V. (Belarus), Shakhman A. P. (Kazakhstan), Apaeva S. Kh. (Kyrgyzstan)</i> Names of women by marital status: component analysis (based on the Tuvan and Kazakh languages)	124
<i>Arsenyeva I. A. (Russia), Pomortseva N. V. (Russia), Kuular E. M. (Russia), Sheverinova O. V. (Belarus)</i> Memory category according to the Russian and Tuvan languages	139
<i>Vorobyev V. V., Fatkullina F. G., Kuzhuget Sh. Yu. (Russia)</i> Linguoculturological description of the spatial code of culture (based on the material of the Russian and Tuvan languages)	153
<i>Valikova O. A., Sinyachkin V. P., Kulieva Sh. A. (Russia)</i> Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems	171
<i>Bragina M. A., Levina V. N. (Russia)</i> The image of Tuva's space in Runet	185
<i>Sknarev D. S., Rusakova M. M., Nelyubova N. Yu. (Russia)</i> Tuva tourist: linguistic and cultural features of marketing Internet communication	200
<i>Dolzhikova A. V. (Russia)</i> The source of folk pedagogy and the potential of language education	217
<i>Bakhtikireeva U. M. (Russia), Shagimgereyeva B. E. (Kazakhstan), Amalbekova M. B. (Kazakhstan)</i> Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group	226

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Evert L. S., Seren-ool S. S., Sat D. A. (Russia)</i> Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space	237
<i>Balakina G. F. (Russia)</i> Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva	255

PHILOLOGY

<i>Bredis M. A., Xue B. (Russia)</i> Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (in comparison with Turkic, Mongolian and Chinese languages)	274
<i>Borgoiakova T. G., Bitkeeva A. N. (Russia)</i> The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language	290
<i>Danilov I. A., Ivanova N. I. (Russia)</i> Language distribution of urban everyday life in Sakha: sociolinguistic dimension (according to data from 2021)	301

ORIENTAL STUDIES

<i>Sultangareeva R. A. (Russia)</i> <i>Tuprak</i> 'land, soil' in the mythoritual traditions of the Bashkirs: origins, features and modern modifications	314
<i>Dorzhighushaeva O. V., Kiplyuks A. V. (Russia)</i> Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia	328

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

<i>Lamazhaa Ch. K., Sanchai, Ch. Kh., Mongush A. V. (Russia)</i> Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans	344
--	-----

Специальная тема
«Филологические проекции
сравнительного тувиноведения»

Ответственные редакторы:
кандидат химических наук
Анжела Викторовна Должикова
(Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация),
доктор филологических наук
Элеонора Дюсеновна Сулейменова
(Казахский Национальный Университет
им. аль-Фараби, Республика Казахстан)

Special issue
“Philological projections
of comparative Tuvan studies”

Edited by
Anzhela V. Dolzhikova
Candidate of Chemical Sciences,
RUDN University,
Russian Federation,
Eleonora D. Suleymenova
Doctor of Philology,
Al-Farabi Kazakh National University,
Republic of Kazakhstan

Роман Сенчин: поэтика тувинского текста

Элеонора Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет, Российская Федерация,

Гульчир Т. Гарипова

Московский городской педагогический университет;

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Российская Федерация,

Надежда А. Токарева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье исследуются противоречивые вопросы идентификации локального текста как научной категории. Предпринята попытка описания локального тувинского текста на примере прозы современного автора Романа Сенчина. Особенности тувинского текста соотнесены с современными теориями локальных текстов и категорией «метатекст». Изложены формальные и содержательные аспекты тувинского текста. В ходе анализа авторской модели тувинского текста — как знака метасознания Сенчина — выявлены принципы текстовой репрезентации уровней художественной и экзистенциальной матрицы *genius loci*, соотнесенной с метаобразом потерянного рая. Отмечается, что в матрицу тувинского текста входит образ «героя пути», воспринимающего пространство «чужой Тувы» как обретенный «свой мир».

Аналитика статьи вписана в систему междисциплинарных парадигматических связей эстетики, историософии, этнографии, мифологии. Сделан вывод о том, что понимание иноэтнокультурной составляющей русской литературы о Туве как историко-культурного феномена дает возможность находить проявления тувинского текста в совершенно разнонаправленных авторских художественных системах.

Ключевые слова: локальный текст; тувинский текст; метатекст; образ потерянного рая; место памяти; Роман Сенчин

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Токарева Н. А. Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, профессор кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина. Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

Токарева Надежда Андреевна — педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: tokareva_nadia@mail.ru

SPECIAL THEME

Article

Roman Senchin: The poetics of Tuvan text**Eleonora F. Shafranskaya**

Moscow City University, Russian Federation,

Gulchira T. Garipova

Moscow City University; Kosygin Russian State University, Russian Federation,

Nadezhda A. Tokareva

RUDN University, Russian Federation

The article examines the controversial issues of identifying the local text as a research category. The authors make an attempt to describe the Tuvan local text using the case of prosaic works by the contemporary writer Roman Senchin. The features of the Tuvan text are correlated with modern theories of local texts and the category of metatext. The formal and substantive aspects of the Tuvan text are outlined. In the course of the analysis of the author's model of the Tuvan text — as a sign of Senchin's metaconsciousness — we have determined the principles of textual representation of the levels of the artistic and existential matrix of genius loci compared with the metaimage of the paradise lost. It is noted that the matrix of the Tuvan text includes the image of the "hero of the way" who perceives the space of the "alien Tuva" as a discovered "own world".

The analytics of the article is fit in with the system of interdisciplinary paradigmatic connections of aesthetics, historiosophy, ethnography and mythology. It is concluded that understanding of the foreign ethnic and cultural component of Russian literature about Tuva as a historical and cultural phenomenon makes it possible to find manifestations of the Tuvan text in completely diverse authorial artistic systems.

Keywords: local text; Tuvan text; metatext; image of paradise lost; realm of memory; Roman Senchin

For citation:

Shafranskaya E. F., Garipova G. T. and Tokareva N. A. Roman Senchin: poetika tuvinskogo teksta [Roman Senchin: The poetics of Tuvan text]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University. Postal address: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4462-5710

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of Philology and Linguoculturology, Kosygin Russian State University. Postal address: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7675-2570

TOKAREVA, Nadezhda Andreevna, Additional Education Teacher, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: tokareva_nadia@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2437-5670

Введение

В российском научном дискурсе последних четырех десятилетий феномен «локальный текст» — одна из проблемных тем в работах культурологов и литературоведов. В научной аналитике сегодня выделяют множество разновидностей локальных текстов: петербургский текст, московский текст... пермский, ташкентский, туркестанский, одесский, сибирский, армянский, кавказский, крымский и т. д. Однако еще в начале XX века (1920-е гг.) ученый Н. П. Анциферов разрабатывает локально-исторический метод (Анциферов, 2009) — в определении Натальи Башмакофф просто «локальный метод» (Башмакофф, 2006), позволяющий по-новому рассматривать текстовые корреляты города или иного пространства жизнебытия человека — не как сюжетный фон или место действия, а как антропологические константы «душа», «дух», «сознание» и историко-культурные концепты «миф», «мир», «текст», «образ». Исследователь И. О. Приходченко отмечает, что «изучая “душу” города, ученый (Н. П. Анциферов. — *Авт.*) предложил вариант рассмотрения пространства города (иначе — его “метафизики”), описывая городской образ понятием “гений места как архетип пространства”, подверг анализу пространственные образы в творчестве репрезентативных “петербургских” авторов, в первую очередь Достоевского и Пушкина» (Приходченко, 2023: 32).

Иными словами, «локальный текст (именной, топонимический) — это совокупность растиражированных в культуре и словесности (устной и письменной) представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии, образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками — всего того, что с течением времени становится сводом стереотипов о месте, или локальным текстом» (Шафранская, 2017: 22).

Цель нашего исследования — зафиксировать и описать тувинский текст в русской прозе Романа Сенчина, для ее достижения предполагается решение ряда задач:

- обозначить проблемные точки в осмыслении и изучении локальных текстов;
- раскрыть образ «потерянный рай» как наиболее концептуальный для прозы Р. Сенчина и ассоциативно связанный с авторской рецепцией Тувы;
- выявить мифопоэтические константы тувинского текста в прозе Р. Сенчина (с экзистенциальными, мифологическими, историческими и историософскими акцентами).

Теоретико-методологическая основа статьи — труды, посвященные проблемам локального текста (Топоров, 2009; Башмакофф, 2006; Баянбаева, 2016; Гаврилина, 2018; Приходченко, 2023; Супрун, 2019; Шафранская, 2010, 2016, 2017; и др.), а также вопросам метатекста (Налимов, Дрогалина, 1984; Ильин, 2004).

Объект исследования — модель тувинского текста в прозе Р. Сенчина.

Предмет исследования — поэтика тувинского текста Р. Сенчина.

Источниковая база: прозаические тексты Р. Сенчина: очерк «Моя Тува»¹, роман «Дождь в Париже»², критическая статья «Миражи Хуррамабада»³.

Проблемные точки в изучении локальных текстов

Концептуальная научная практика использования понятия «локальный текст» применительно к литературным произведениям начинается со статьи В. Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст в русской литературе”» (Топоров, 1995). Ученый не только вводит в научную парадигму художественной пространственности категориальное понятие «локальный текст», дефинируя его через бином «город-/=текст», но и дифференцирует подходы идентификации новых локальных текстов и их аналитики в системе фундаментальных текстологических задач. Противоречивость в констатации того или иного локального текста определяется последовательным расширением в культуре его

¹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами: сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 59–86.

² Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020.

³ Сенчин Р. Миражи Хуррамабада. «Мешалда. Книга семейных рецептов» Андрея Волоса. Мысли после чтения // Юность. 2022. № 8. С. 70–74.

урбанистических границ до региональных, областных. В связи с чем в последующем даже вводятся расширительные понятия «столичный текст» и «провинциальный текст». На основе фольклорно-мифологических, историко-этнографических, географических и других источников границы локального текста также не могут быть зафиксированы навсегда. Локальный текст аккумулирует в себе комплекс локальных мифов, последовательно развивает определенную систему устойчивых образов, постоянно «самовоспроизводится» и развивается в рамках определенной культурно-исторической системы координат, в первую очередь, в художественной литературе. Появляются подвиды локальных текстов — городской и региональный.

Городские тексты могут входить в состав региональных свертхтекстов. Границы между понятиями «локальный текст» и «свертхтекст» в современной теории не прояснены, но мы придерживаемся условного системного разграничения, связанного с географическими координатами городской, региональной и зональной литератур. Локальный текст может иметь не только городское выражение, но и более расширительное, связанное с краем, даже страной (например, армянский текст). Кроме того, не все города имеют свой локальный текст, позиционируемый в культуре образом или мифом. Важно не путать локальный текст с краеведческим дискурсом. Любое место имеет свою историю, свои легенды и предания, но это не локальный текст (в соответствии с теорией В. Н. Топорова).

По словам исследовательницы Ж. А. Баянбаевой, категория «локальный текст» пересекается с другими — «хронотоп», «топос», «локус», поэтому необходимо сделать такое уточнение: локальный текст — «это всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> Локальный текст — это корпус “текстов о месте”, благодаря которым само “место” наделяется рядом дополнительных характеристик» (Баянбаева, 2016: 77).

Исследовательница Л. М. Гаврилина подчеркивает региональное многообразие российской культуры, в которой локальные свертхтексты могут рассматриваться как своеобразные опоры национально-го семиозиса, акцентирующие его смысловые точки и фиксирующие его внешние границы. При этом важно, что «локальный текст как некий образ места складывается благодаря переживанию / осмыслению его специфики (петербургский, пермский, крымский, московский, кавказский, сибирский, алтайский, северный, поморский, калининградский и другие тексты). Наибольший интерес вызывают локальные свертхтексты, которые порождают региональные культуры с ярко выраженными особенностями, самобытной индивидуальностью, уникальной судьбой, сложившимся культурным ядром» (Гаврилина, 2018: 47; курсив источника. — Авт.).

В научном дискурсе подчас отождествляют понятия *genius loci*¹ и локальный текст. Термин «локальный текст», как и *genius loci*, в какой-то мере противоречив, неоднозначен, не всегда трактуется и наполняется исследователями в согласии с неким выработанным теоретическим каноном. «Гений места» (*genius loci*) и «локальный текст» — разные понятия; первое, связанное с древними анимистическими представлениями, используется, скорее, в метафизическом смысле и никак не связано с личностью, прославившей место; второе — вполне конкретное, вырабатываемое временем, в итоге функционирующее в культуре (а потом и в литературе и искусстве) в виде свода паттернов (а личности, прославившие место, как раз и выступают в виде паттерна).

Например, В. И. Супрун, исследуя казачий локальный текст, уравнивает эти понятия, цитируя другого исследователя и соглашаясь с ним: «...“Гений места — художник или творец, чья жизнь (биография), работа и/или произведения связаны с определенным местом <...> могут служить существенной частью образа места или географического образа” (Замятин, 2013: 154). <...> Следующим закономерным этапом в исследовании проблем взаимоотношений человека с окружающим миром и отражении этих отношений в произведениях искусства и литературы стало введение в научный язык понятия локального текста» (Супрун, 2019: 194–195).

Некоторые топосы могут одновременно иметь свой *genius loci* и формировать локальный текст культуры. Мы уже отмечали в своих исследованиях, что «латинское выражение и понятие *genius loci* довольно часто встречается в современном научном дискурсе — культурологическом и литературоведческом. Обращает внимание, что произносящие *genius loci* или пишущие о нем вкладывают в него разный смысл. Наиболее распространенный переводной эквивалент звучит как

¹ *Genius loci* — устойчивое латинское выражение, ставшее крылатым в книжной словесности, русской в том числе; помимо латиницы воспроизводится и кириллицей в виде словосочетания «гений места».

гений места, хотя более точный перевод — *дух места* (уж если переводить, то оба слова). Именно такой неточный перевод порождает исследовательскую аберрацию: появляются научные работы, где в качестве *гения* выступает некая знаменитая личность, как бы посмертным существованием превращая место своего рождения (или длительного проживания в нем) в музейную достопримечательность, паломническую цель туристов» (Шафранская, Гарипова, 2022: 4). Важно помнить, что изначально фразеологическая единица *genius loci* носит метафизический смысл: место (и его дух) формирует свою эстетику, атмосферу, влияя на проживающих в нем. Место во взаимоотношениях с человеком может быть благотворным или губительным. Следует отметить, что «место диктует определенный кодекс поведения и т. д. В литературе и культуре *место* может быть вымышленным или совпадать с реальным географическим топосом, однако во всех случаях оно провоцирует развитие литературного или устного сюжета: как музыкальный ключ указывает местоположение нот, так и дух места — по авторскому замыслу или вне воли автора — формирует сюжет текста» (там же).

Эстетическим шифром *genius loci* может выступать культурно-языковой код доминирующего этноса города / региона, выраженный не только и не столько через материнский язык, сколько через его присутствие в других лингвосистемах (на которых создано произведение). Но чаще всего идентификатором выступает эстетическая *loci*-модель этнической топики, метафоризованной в образах-кодах (например, сад, пустыня, дом) или образах-мифологемах (потерянный рай, гора Арарат, Шамбалла, Эдем). Для писателя его личное отсутствие в географическом месте может быть замещено присутствием духа этого места, его *genius loci* в сменяющихся пространствах жизнебытия (иных / других / чужих). Так создаются художественные модели текста-локуса, организующие в единство экзистенциальное сознание автора. В этом случае локальный текст становится художественным способом моделирования образа мира, в котором экзистенциальное, биографическое и историческое становятся константами целостного авторского мифа о «локусе-/=тексте».

На основе вышеизложенного можно говорить об актуализации в современной литературе феномена «локальный тувинский текст» как одного из составляющих локального сибирского сверхтекста. Репрезентация Тувы в русской литературе полифонична и организует две линии в своем развитии: Тува как локальный текст иной культуры и / или другой модели мира; Тува как *genius loci*, организующий личный миф (автобиографический, экзистенциальный), соотносимый с «внутренней миграцией». Исследование тувинского текста было начато в статье «Тувинский текст в аспекте транскультурации» (Шафранская, Гарипова, 2023), в которой представлено относительно панорамно явление «тувинский текст»; материал этой статьи сосредоточен на творчестве Р. Сенчина.

Русский писатель Роман Сенчин, родившийся и выросший в Туве, в иноэтнической среде, с иными языком и культурой, часто в своей творческой системе создает особую личную мифологию (термин Стэнли Криппнера), связанную с историей и культурой *другого, чужого*, но ощущаемого родным (хотя бы по принципу природного сознания и самоосознания) этноса и места. Такова Тува Сенчина. Обладая знанием о *неродном* народе, полученным из опыта совместного проживания, писатель способен говорить голосом тувинца — во всяком случае, таково читательское восприятие. Писатель моделирует художественную картину в системе оппозиции «тувинский мир — русский мир». Мифологическое сознание тувинцев содержит целый ряд полиэтнических мифологем, культурологем, историософем, которые феноменологически становятся конгениальными и русской культуре, и иным этническим картинам мира. У. М. Бахтикиреева подчеркивает, что этническая

«культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой), стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру. <...> Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется «специальная сфера иначе организованная», чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся «ядром духовно-культурной экзистенции народа», поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой» (Бахтикиреева, 2009: 223).

Исследования об отдельных культурообразующих локациях дают возможность представить человеческое сообщество как трансляторов единого метатекста, как носителей единых парадигматических клише культуры. В этом значении метатекст (или метадикурс, метанарратив) описывает любое устоявшееся знание, не только зафиксированное в официальных источниках, но и такое, которое

существует устно, выступая как корпус мифологии повседневности, описывающей материальные объекты, духовные и бытовые практики, что равнозначно теории коллективного бессознательного К. Г. Юнга, основанной на вербальных и невербальных текстах культуры.

Введенный в научный оборот Ж.-Ф. Лиотаром термин постмодернизма *метатекст*, по словам И. П. Ильина, обозначает все те «объяснительные системы», куда входит «религия, история, наука, психология, искусство (иначе говоря, любое “знание”» (Ильин, 2004: 252). Исследователи В. В. Налимов и Ж. А. Дрогалина пишут о некоей семантической вселенной (она же — метатекст культуры), которая «инвариантна к процессам, происходящим в нашем времени, — она остается застывшей в своей неизменности, готовой к многократной повторной реализации в семиотическом мире, и в этом смысле она архетипична» (Налимов, Дрогалина, 1984: 119).

Образ «потерянный рай» в тувинском тексте Р. Сенчина

Константы тувинского текста Р. Сенчина соотносятся с эйдетическим образом «потерянный рай», организующим творчество писателя в единый метасюжет, который репрезентирует мотив бегства в «автобиографическое прошлое». Исследователь А. Ю. Сорочан считает, что «на основе анализа обширного материала следует раскрывать не историю места, а историю образа места» (Сорочан, 2010: 6). Образ тувинского потерянного рая можно маркировать как *genius loci*. Тувинский текст Сенчина может быть охарактеризован как метатекстуальный, поскольку является сквозным концептуальным авторским «образом мира», который центрирует все сюжетные топосы в единый хронотоп памяти, с выходом на целостность автобиографического и исторического.

Критик В. В. Коркунов акцентирует исключительную способность локального текста к фиксации целостной экзистенциально-исторической и культурной памяти. Он пишет, что, объединив реальные исторические события, биографии жителей конкретного места и тексты о месте, как некоем средоточии памяти, мы получаем место памяти. Тем самым В. В. Коркунов обосновывает необходимость знать историю места и включать в него биографический компонент¹.

Именно так складывается литературный дискурс Романа Сенчина: его тувинский текст, став сквозным для целого ряда произведений, помещен, с одной стороны, в биографический контекст, с другой — сопряжен с этнической картиной мира тувинцев, их историей.

Тувиновед Ч. К. Ламажаа пишет об очерке Сенчина «Тува» следующее: «Это произведение — личный дневник о детстве, о родных, о юности, о том, что окружало автора в пору ярких отроческих впечатлений, которые вспышками-картинами остались в памяти на всю жизнь и которые стали все больше звать, манить к себе как сказочный мир, избавляющий от суеты и забот. И грусть по этому сказочному миру, тяга к нему лично мне очень понятна, потому что многие из кызыльских картинок, нарисованных Романом, знакомы мне, как ровеснице автора» (Ламажаа, 2013: 158). По словам исследовательницы, «автобиографичностью произведение восполняет существенный пробел нашей исторической науки, так как оно представляет собой документальный источник по истории повседневности 1990-х годов в Туве. Это история русского населения в Туве, история великого перелома, который случился с нашим обществом. История глазами очевидца. Зафиксированная. Прочувствованная. Детально прописанная» (там же: 158–159).

Принцип осознания себя «русским тувинцем», обретающим экзистенциальную целостность в системе двух этнокультурных миров, позволяет говорить об особом случае не языковой, а мировоззренческой транскulturации, в значении феномена слияния и сближения культур (термин введен Фернандо Ортисом в 1940 г.). Е. Б. Скороспелова пишет: «Мифологический первоисточник может не только иметь локальный характер, но и лечь в основу сквозного сюжета, превращающего поведение, творчество какого-либо автора в некий единый метатекст, выражающий целостное мироощущение писателя» (Скороспелова, 2003: 63–64). Таков сюжет бегства в место памяти, локализованное в образе потерянного рая, который соотносим с тувинским текстом писателя. Он синтезирует в единую целостную миромодель автобиографический и исторический контексты жизни писателя и страны.

¹ См.: Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения биографического и исторического контекстов // Дети Ра. 2014. № 7 (117). С. 73–76. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2014/7/lokalnyj-tekst-k-voprosu-obedineniya-biograficheskogo-i-istoricheskogo-kontekstov.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Сенчину удастся, при сохранении своей этнической идентичности, выразить ментальность иного (ставшего родным) — тувинского народа — средствами русского языка. Особенно ярко это проявляется в ономастике, основу которого составляют этнические топонимы: «в русском селе Верхне-Никольском (ныне — Бай-Хаак)»¹, «поселения в Урянхайском крае»², «на севере Туран и Уюк»³, «роман под названием “Урянхай” — о Туве»⁴, «поселке Шамбалыг»⁵, «Берега Тонмас-Суга»⁶ и др. Писатель использует и прием калькирования, позволяющий донести до русского читателя языковой образ тувинского мира: «Кызыл чоолоктур, — приветствовало радио по-тувински. — Экии, мищтер!»⁷ — А потом повторяло по-русски: — Говорит Кызыл. Доброе утро, товарищи!»⁸

Подобный культурный полилог становится способом сакрализации «внутренней Тувы», метафорически соотносимой с образом потерянного рая. В основе метатекстуальной основы творчества Сенчина лежит парадоксальное противостояние «чужого / родного» — фракталов личной / исторической памяти, наполняющих пространственные координаты мира метафорическими значениями времени. Своеобразная концепция хроноса через топосы создает эффект неразличения чужого и родного. Русские герои произведений Сенчина осознают в качестве родного пространство Тувы («Моя Тува», «Этот уголок — моя родина»⁹, «...он когда-то решил, что его родина — вот здесь, в небольшом городе... что его река — Енисей...»¹⁰), но конкретного времени-памяти (личное время — детство, юность, историческое время — до распада СССР). Эта оппозиция носит скорее метафизический смысл, часто не связанный с собственно противопоставлением тувинского и русского миров. В прозе Сенчина она детерминирует мотив бегства, самоизгнания и «русского» исхода из «родного» тувинского мира в «чужой мир»: в Россию (в условном диапазоне «от Сибири и Урала до Крыма») — практически во всех текстах, Францию и Эстонию (роман «Дождь в Париже»), Америку (повесть «Русская зима») и т. д. Однако бегство в «альтернативную реальность» оборачивается для героев не спасением от личностного кризиса и бесконечной рефлексии по прошлому, а повторяющимся *метафизическим* возвращением в тувинский «потерянный рай»: «Страшно возвращаться туда, где прошла жизнь. Я бываю в Туве хоть почти и каждый год, но коротко»¹¹; «Пора было возвращаться домой»¹².

Вариативность и повторяемость этого сюжетного «бегства» образуют еще один метатекстуальный мотив — «внутренняя миграция». Мотивная структура прозы Сенчина позволяет читать ее как метатекст о метафизическом изгнании и возвращении на его духовную родину — в Туву, в которую приходится прорываться через множество «чужих» пространств, «ведь наложились на нее Питер, армейская служба в Карелии, Минусинск и село Восточное под Минусинском, Абакан, Москва, Берлин, Париж, Франкфурт, десятка два городов в России... Воображение рисует картинки то ли действительно бывшего, то ли придуманного, невольно нафантазированного мной»¹³.

Особенно ярко такая экзистенциализация тувинского мира как художественного способа моделирования личного мифа характерна для очерка «Тува» (в ряде изданий — «Моя Тува») и романа «Дождь в Париже». Тувинской «личный миф», как правило, содержит историософский элемент. Личный миф о потерянном «тувинском рае» становится уже принципом построения художественной историософии искусственного полиэтнического мира, в котором национальное самосознание двух соживущих народов (русских и тувинцев) определяется социокультурным антагонизмом, приводящим к эсхатологии тувинского природного мира и экзистенциальному кризису русского героя. Ему просто необходимо периодически «мигрировать» из реального внешнего «русского мира» во внутренний

¹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами : сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 64.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М. : АСТ, 2020. С. 250.

⁶ Там же. С. 252.

⁷ Правильно по-тувински будет: «Кызыл чугаалап тур» и «Экии, эштер». — *ред.*

⁸ Там же. С. 85.

⁹ Сенчин Р. Моя Тува... С. 62.

¹⁰ Сенчин Р. Дождь в Париже... С. 15.

¹¹ Сенчин Р. Моя Тува... С. 86.

¹² Сенчин Р. Дождь в Париже... С. 411.

¹³ Сенчин Р. Моя Тува... С. 61.

«тувинский рай». Тема памяти разворачивается Сенчиным как спасительное бегство в прошлое, ассоциированное именно с Тувой: «Тянет к себе малая родина. (Многих, знаю, родившихся в Туве или хотя бы раз там побывавших она к себе тянет.) И будто тяжелые, вымывающие силы волны, накатывают воспоминания. Тогда я послушно ложусь на диван и вспоминаю, гуляя в воображении по улицам Кызыла, столицы Тувы, сижу на берегу Енисея, бегаю по степи, гоняясь за сусликами... <...> Много с чем связана для меня Тува, но память удерживает не все...»¹.

В тувинском тексте Сенчина Тува всегда выполняет роль некоего особого иеротопического (сакрального и сокровенного) пространства, куда герой возвращается, «сбегая» из других стран, городов. Тувинская культура становится некой призмой для восприятия иных «чужих» культур (даже если это культура материнская «русская»).

В романе «Дождь в Париже» Сенчин продолжает тему бегства во «внутреннюю миграцию» и выстраивает тувинский текст как медиатор нескольких фрактальных хронотопов-оппозиций: «Париж — Россия», «Россия — Тува», «Тува — Эстония», «Тува — Париж».

И. Б. Ничипоров считает, что в романе «“рубешное” самоощущение центрального персонажа, которому “в прошлом августе... исполнилось сорок лет”, задает тон ретроспективно направленному романному повествованию, его рефлексии о непрочности семейных привязанностей, о “*расщепленности*” собственной истории несхожими и “враждующими” между собой пространствами» (Ничипоров, 2019: 617; курсив источника. — Авт.).

Архитектоника романа разворачивается на основе все того же метаобраза потерянного рая, соотносимого с тувинским текстом. Именно в кодах тувинского мирообраза, истории, мифологии обнаруживаются ответы на экзистенциальные вопросы, которые встали перед человеком XX века, — в мощнейших природных ценностях тувинского народа видит повествователь альтернативу современной русской и европейской эсхатологии, которая и приводит человека к экзистенциальному кризису самоидентичности: «Топкин уговаривал пропустить своих гостей-тувинцев, сделать исключение. “Они русские тувинцы”, — заверял»².

В романе очень важна обращенность автора к культуре европейской, олицетворением которой становится Париж и его достопримечательности. Реальные впечатления все время накладываются на образ тувинского мира, который словно выталкивает из сознания героя великолепный Париж, его старину, но при этом ощущается как уже совсем другой, как «новодел»:

«Дома были красивые, но похожие один на другой сильнее, чем наши хрущевки. И на всех — ажурные, кружевные балкончики, будто лишние детали Эйфелевой башни; под всеми крышами — оконца мансард. Заблудиться немудрено.

Топкин оглянулся, чтоб запомнить отель с этой стороны. Вон синий навес над входом. Ладно, найдет...

В Кызыле в восемьдесят четвертом, перед сорокалетием присоединения Тувы к СССР, балконы на центральных улицах украсили деревянными щитами с национальным орнаментом — перекрещивающиеся прямые, образующие квадратики, а в целом симметричные многоугольники. Прикрыли цветастыми щитами скарб и хлам, громоздившийся на балконах. Довольно долго было симпатично, особенно когда орнамент подкрашивали»³.

Сенчин описывает тувинские обрядовые праздники советского извода, в которых, казалось бы, сохранена память об истоках народа, его душа. Но картина древних метафизических духовных обрядов в музыкально-фестивальном исполнении современных буддистов разрушает их сакральную суть и предстает как энтропия «тувинского мира» в советских и постсоветских реалиях. Изображенные Сенчиным шаманские медитации по советской схеме — это *метафора остановившегося времени* (см.: Шафранская, Гарипова, Смирнова, 2022). Экзистенциальная трагедия героя представлена Сенчиным как метафорический образ распада древнего мира — потерянный «тувинский рай» нельзя возродить, и странным образом выстрадавшая идея возвращения героя из Парижа домой, в Туву, мыслится писателем как возможное возрождение «русского тувинца». Это «культурный метис» (Welsch, 1995), сознательно «выбравший» себе в качестве «нетитульной» родины Туву, пронизанную «капиллярами

¹ Там же.

² Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 11.

³ Там же. С. 97–98.

русского мира»¹, страну, в которой тувинцы и русские жили «рядом, но не вместе»², но все же Туву, не Россию:

«И ведь Кызыл — даже не родина его, Андрея Топкина. Родился он недалеко от Благовещенска, где служил тогда папа, но с Кызылом связаны первые ощущения себя как части огромного мира, здесь случилась первая любовь, здесь оставались друзья, пусть и немного их, но все-таки. А те, что уезжают, будто исчезают, гибнут где-то в огромной стране. <...> По природе не твердый, не упорный, он когда-то решил, что его родина — вот здесь, в небольшом городе, окруженном горами, что его река — Енисей, его деревья — толстые кривые тополя, его лето — испепеляющее жаром, а зима — выжигающая морозом... Решил тихо, в душе, и не мог представить, что станет иначе...»³.

И даже Нотр-Дам-де-Пари не в силах был избыть эту любовь к Кызылу — альтернативу всему остальному миру. Кызыл, Тува в романе реальны, зрительно и осязаемо ощутимы, хотя так же, как и в очерке «Моя Тува», существуют лишь во внутреннем месте памяти, помещенном во внешний мир Парижа, куда пытается герой сбегать от самого себя в первую очередь. Архитектоника романа напоминает фрактальную структуру очерка «Моя Тува» — герой-путник (турист в этом случае) блуждает по улицам и достопримечательностям Парижа, но при этом все время вспоминает тувинские «места памяти» — город Кызыл и его улицы, реку Енисей, тувинские озера («Это Хадын, а мы едем на другое — на Сватиково. По-тувински — Дус-Холь»⁴). Постепенно для читателя «иллюзорная» Тува, существующая и представленная в романе только в призме восприятия «вспоминающего сознания» героя, оживает и начинает восприниматься как реальный локус. Реальный же, живой Париж превращается в некую иллюзию, блики образа Тувы. Париж представлен как «музей», в котором экспонаты становятся для героя точками возвращения в свой «потерянный рай». И совсем не важно, что парижская реальность и тувинское прошлое никак не коррелируют в плане культуры, традиций, образа жизни, живущих людей. Важно ощущение пространства и времени — они у героя эйдетические, т. е. возникшие когда-то, под влиянием Тувы навсегда зафиксированы в памяти и готовы всплывать в сознании вне зависимости от реального хронотопа. Именно поэтому принципиально, что у героя романа появляется имя — Андрей Топкин, появляется не авто-, а именно биография. Сознание Топкина — это alter-сознание Романа Сенчина, погруженное в реальную советскую историю тувинского мира. В отличие от очерка, в романе разворачивается именно советская история жизни героя в столице Тувы, городе Кызыле. Парадокс в том, что эти воспоминания представлены изнутри культурного пространства Парижа, знаковых, всемирно известных мест, памятников. Для героя они значимы как триггер его воспоминаний о «тувинском рае», личном и уникальном, не всемирно известном, не помпезном — и оттого еще более сакральном и экзистенциально значимом. Он не идеализирует свое прошлое, тувинский мир представлен в романе как время советской / постсоветской исторической травмы, кризисное для русских и тувинцев, как эпоха общих и личных катастроф. Идеологическое насилие над историей народов (в равной степени русского и тувинского), искусственно включенных в «общую семью», привело к потоку не только внешних мигрантов, но и внутренних «чужих среди своих». Не случайно в романе возникает история бегства из Эстонии в Туву и возвращения обратно русской семьи Топкина, запутавшейся в поисках своей истинной родины. Художественное создание подобных историй есть единственный пока способ преодоления исторической травмы, воскрешения героя и мира распавшейся советской империи.

Трагедия подобного типа героя — «культурного метиса» (Welsch, 1995) — ярко представлена и в романе «Мбобо» современного писателя Хамида Исмаилова. Следует отметить, что «метафоризация сакрального андеграундного сознания как феномена иеротопического культурного пространства осуществлена в романе в первую очередь в системе интертекстуальных и метатекстуальных ономастических кодов феномена «культурного героя», каковым и является Мбобо, вбирающий в свой образ-парадигму ключевые концепты имаго-образа «другой» в значениях «инородец», «эмигрант», «странник» и др., фиксирующих не только процесс разрушения национального самосознания, но и общей имперской ментальности» (Гарипова, 2022: 106–107).

¹ Сенчин Р. Миражи Хуррамабада. «Мешалда. Книга семейных рецептов» Андрея Волоса. Мысли после чтения // Юность. 2022. № 8. С. 71.

² Там же.

³ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 13–15.

⁴ Там же. С. 406.

Для Топкина экзистенциальной и культурной инициацией становится эпоха разрушения и построения «нового мира» в 90-е годы, когда вдруг возвращенная литература стала тем глотком свободы, которая изменила его «внутренний мир»: «Эта литература открывала новый мир — мир свободы. Он жесток, конечно, опасен, но лучше быть свободным на воле, чем запертым в безопасной — относительно безопасной — клетке. Тем более что клетка эта шаткая, старая, и сильные руки стихии ломали ржавые прутья, вытаскивали оттуда: иди, живи, действуй»¹.

Мир, наполненный памятью о «потерянной» Туве, подарившей когда-то ощущение и понимание этой внутренней свободы, навсегда сохранился в его сознании. Это именно его пространство, которым он мыслит, в котором возрождается к жизни и обретает себя, потерянного и растрченного в «чужих мирах». Только ближе к концу романа вдруг начинает проявляться образ настоящего природного тувинского мира, разрушающего обыденное социальное сознание героя (подготовленное распадом советского мира), дающего настоящую природную свободу:

«Даль», говорят, исконно русское слово, но к пейзажу открывающейся Тувы оно подходит лучше всего. Это действительно даль... До самого горизонта — почти ровная степь, лишь кое-где поднимаются невысокие, похожие на пирамиды холмы. Это природные курганы. Дальше в степи есть и созданные людьми много тысяч лет назад. Лиственницы исчезают, вместо них — ковыль, перекасти-поле, полынь, караганник. <...> Енисей, вдоль которого и налепились огоньки, видишь не сразу. Крошечная ленточка воды. Но благодаря ей, этой живительной ленточке, и возник здесь город. Вернее, сначала поселок для российских чиновников, а уж затем — город. Пятьсот жителей, две тысячи жителей, десять, семьдесят, сто тысяч.

Один из них он — Андрей Топкин»².

Постепенно тувинский мир превращается для Сенчина в «мир как текст» и организует его творчество в единый метатекст, части которого скреплены тувинским текстом, но в призме взгляда и понимания *русского* писателя, создающего русский «тувинский мир». При это функциональная роль тувинского текста концептуальна для понимания творчества писателя, потому что позволяет обнаружить авторское метасознание, понимаемое как «собранный из локусов его жизнепробывания, сращенная временем целостность, или она же, но распавшаяся на мириады осколков, метафорически отмеченных в географии его местопребывания» (Гарипова, 2018: 73).

В отличие от исторических акцентов тувинского текста Сенчина, «тувинский мир» другого автора, Геннадия Снегирева, — это природное пространство и вечное время прекрасного края великого народа, сохранившего свою мифологию, культуру и душу: «В самом центре Азии, за хребтами Саян, лежит Тувинская республика, которая сейчас называется Республика Тыва. <...> Тыва — это страна голубых озер и голубой тайги, потому что летом хвоя на лиственницах голубоватая»³.

В небольшой книжке для детей Снегирев воссоздает образ тувинского природного рая, к возвращению которого стремится повествователь Сенчина, так и не сумевший вернуть свой «потерянный рай», который разрушила история XX века, запорошила призрачными ценностями, исказила истинные смыслы тувинского народа. Вся большая история Тувы, как и история России в целом, мыслится писателем как одна большая «зона затопления», «убегая» из которой, пытается он в своем метатекстуальном творчестве, в его «местах памяти», перевоссоздать настоящий метаобраз тувинского мира. Сенчину удалось смоделировать именно «свою Туву», экзистенциальное «место памяти».

Мифопоэтика тувинского текста: «внутренняя Тува»

В художественно-публицистическом очерке Р. Сенчина «Моя Тува» рассказчик подчеркивает иллюзорность тувинского прошлого и тем самым создает эффект его призрачности, нереальности, выводит в плоскость понимания Тувы как личного мифа. Используемые автором архетипические концепты и историософемы настоящего становятся средством погружения в пространство «внутренней Тувы», репрезентирующей некий личный «биографический» миф писателя о «потерянном рае», который антитетичен эсхатологическому образу русского (московского) мира. Закрытый московский мир с разрушенными семейными традициями, с закованной в камни природой («От того, чтобы не

¹ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 124.

² Там же. С. 375–377.

³ Снегирев Г. Я. Голубая Тува. М.: Малыш, 1968. С. 4.

захлебнуться в городской круговерти, спасает близость Коломенского парка...»¹), противопоставлен миру Тувы как открытому природному лону бытия, способного возродить человека каменных городов-миров, в том числе героя-рассказчика.

Поэтому так важна корреляция через реальный мир настоящего мифоконцептов двух миров — того русского, который через мифосмыслы прошлого маркирует настоящее, и тувинского, который просачивается в реальность настоящего через эти общие корреляты, как, например, камни, обнаруженные героем в овраге Коломенского парка:

«Есть в овраге два камня. По преданию, это голова и внутренности коня Георгия Победоносца. Если верить коломенским старожилам, часто дежурящим в овраге, бой Георгия со змеем произошел именно здесь, и змей, уже пронзенный копьем, сумел хвостом разрезать коня на куски. И вот эти куски окаменели, два из них частично выступают из земли.

На камень, действительно очень похожий на клубок кишок, садятся страдающие бесплодием женщины. Считается, что он помогает зачать ребенка. Деревца и кусты вокруг камня пестры от тряпичных ленточек. Эти красные, голубые, белые кусочки ткани напоминают мне тувинскую чаламу. В Туве тоже есть традиция украшать деревья и кусты вблизи священных мест цветными ленточками»².

Такая легенда о камнях реально существует в русской мифологической системе. Интересно, что Власиев овраг (сегодня он называется Голосов) когда-то разделял подмосковные села Коломенское и Дьяково Городище. Овраг был назван в честь покровителя природного мира Святого Власия — христианского преемника Велеса (Волоса). Считается, что Святой Георгий Победоносец и Святой Власий в начале IV в. пострадали за веру. Так овраг становится символом победы христианской веры.

Большинство легенд о Голосовом овраге связано с особой миссией перехода — из одного пространства в другое, из одного времени в другое. И соответственно камни, лежащие в этом овраге, наделены чудесной силой не только целительства, но и исполнения желаний, связанных с переходами. Девий камень и Гусь-камень не только исцеляют и исполняют желания просящих, но и дают им силу духа и стойкость.

На наш взгляд, Сенчин не случайно делает акцент на этих камнях и овраге, обозначая своего рода портал между мирами (тувинским и русским) и временами (прошлое «потерянного рая» и настоящая «внутренняя миграция»). Для писателя камни становятся волшебными предметами-помощниками, в мифологии указующими дорогу герою-путнику. Точкой пересечения становится ряд совпадений, связанных в том числе и с именем Георгия Победоносца. Когда-то город Кызыл, столица Тувы, был основан как Белоцарск, и считается, что именно Георгий Победоносец стал Небесным покровителем города. Один из первых православных храмов, построенных на средства Священного синода в августе 1915 г. в Белоцарске, был освящен в честь великого святого Георгия Победоносца. В 1920-х гг., во время революционных событий, храм Георгия Победоносца и весь город были сожжены.

Герой очерка приходит в овраг как в место памяти и место силы, соединяющее тувинский и русский миры общей историей. Отсюда начинается погружение в хронотоп «внутренней Тувы», это место дает герою силы помнить и возрождаться вновь и вновь. Упоминание о камнях не случайно и связано не только с русской историей. Автор словно видит в них неких помощников, дарующих способность преодолевать время и мигрировать между хронотопами тувинского и русского миров. Камни как знаки памяти и пограничья — с них начинается череда бегств героя из настоящего (московский мир) в прошлое (тувинский «потерянный рай»). Возвращение через вспоминание в Туву — это духовная трансгрессия «помнящего сознания» к своим истокам, к тому времени, которое хранит живую семейную историю автора (автобиографический сюжет) и историю народа советской Тувы. Семантика потерянного рая совпадает в очерке с мифосемантикой Голосова оврага в значении «сакральное пространство» памяти, экзистенциальной и исторической. Девий камень и Гусь-камень ассоциативно соотносятся с волшебным камнем чат-даш, который в традиционной тувинской культуре является сакральным, чужеродным, принадлежащим иному миру. (Предлагаем читателю сопоставить роль камней в картине мира героя-мальчика из повести Ч. Айтматова «Белый пароход».)

¹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами: сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 60–61.

² Там же.

В мифопоэтике очерка Сенчина присутствует мотив поиска духовного пространства. Если поиск отца в повести «Белый пароход» Айтматова осуществляется через *коллективное бессознательное*, то для Сенчина важна личная история, которая помогает познать собственное Я и определить свои отношения с миром через постоянное поддержание в памяти личной «моей Тувы». Семантика камней в очерке не является организующей инициативный путь героя и / или личного мифа, она органически включена в историософскую линию произведения, выполняет не «функцию коррелята судьбы главного героя и средства выявления авторской позиции» (Мироненко, 2012: 118), а референциальную роль эмблематики некой общей истории русского и тувинского миров. В этом плане важным представляется упоминание Сенчина о тувинской чаламе. Широко известно (см.: Кенин-Лопсан, 2006; Харитоновна, 2018), что в определенных священных местах-жилищах духов местности на *оваа* (специальные культовые сооружения из деревьев и / или камней) или просто на деревьях люди завязывают разноцветные ленты как знак просьбы, благодарности и почтения к духам. Шаманы в процессе камлания около *оваа* тоже вяжут ленты и шелковые платки (чалама, кадаки). В народе считают, что степень силы места определяется количеством цветных лент, а когда ветер колышет ленту, то молитвы доносятся до духов.

Есть еще одна легенда, согласно которой чаламой называется священный камень-глыба, с давних пор люди поклоняются и молятся ему. Реальный 9-тиметровый красивейший камень сердцевидной формы является природным памятником и расположен на левом берегу реки Баян-Кол, на месте слияния ее больших притоков — Ортаа-Хема и Оораш-Хем. Знатоки пишут, что

«...с юга перед священным камнем стоят три лиственницы (одна справа, а две другие слева), между ними протянуты цветные тряпочки — чалама. В 25 метрах к югу от Чалама есть чаща елей. Весной среди них вырастают пионы, лесные фиалки. На макушке камня растут лиственницы, кустарник, также верх камня зарос травой и лишайниками. Сюда приходят люди, чтобы зарядиться энергией камня»¹.

Легенда о возникновении священного камня связана с историей борца за свободу Тувы и Монголии от ига Китая Амыр-Санаа. Узнав об Амыр-Санаа, китайское правительство послало в посольство Белого царя требование вернуть бунтовщика. Ему отказали, сообщив, что никто не знает об Амыр-Санаа. Стали говорить о том, что Амыр-Санаа утонул в какой-то большой реке на севере. Слухов было много. По одному из них, ради спасения и продолжения освободительной борьбы Амыр-Санаа с помощью молотков пробил себе и своим подданным дорогу, разрушив скалы. Таежное высокогорье получило название Алага Тайгазы (дословно — «Молоток Высокогорье»):

«Большой камень сердцевидной формы, говорят, имеет огромную энергетическую силу. Люди этих мест молятся Чалама с давних пор и получают положительный заряд энергии. Он защищает их от всего негативного, а кто совершает плохие поступки (воровство, кража скота, убийство, срезает деревья, оскверняет место Чалама и т. п.), со временем кончает свою жизнь от своего же плохого поступка. Сегодня Чалама — очень известное место. <...> Сюда приезжают очищаться, зарядиться энергией, получить вдохновение, полюбоваться природной красотой все, кто любит природу и ее памятный божественный дар»².

Р. Сенчин словно связывает два подвига — Георгия Победоносца, спасителя земли русской, и Амыр-Санаа, спасителя тувинского края. В очерке Сенчина герой пути приходит к камням Власиева (Голосова) оврага как к месту памяти и месту силы Чалама. Так в реальном хронотопе российского локуса обретает он свой тувинский «потерянный рай», к которому прорывается сквозь свою личную жизнь и историю целой страны, бывшей когда-то единой (СССР), а теперь распавшейся, как некогда скалы из тувинской легенды: «Это, говорят, языческая традиция, противная христианству, но я, если есть возможность, тоже привязываю на ветку или прут ленточку. И вспоминаю Туву — землю, где родился и жил до двадцати двух лет»³.

Художественная историософия Сенчина коррелирует с публицистической линией, в большей степени связанной с историческими реалиями всех катастрофических событий XX века: колонизация Урянхайского края (начатая в 1856 г. старообрядцами, продолженная в 1885 г. русскими купцами с разрешения иркутского генерал-губернатора), гражданская война, Афганистан, распад СССР и др., — связавших в единой экзистенциальной катастрофе русский и тувинский народы. Энтропия

¹ Владимирова И. Есть такой камень...// Тувинская правда. 2021. 5 марта. URL: <https://tuvappravda.ru/novosti/est-takoi-kamen/> (дата обращения: 16.07.2023).

² Там же.

³ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами: сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 60–61.

советского периода разворачивается Сенчиным на материале целого народа и отдельных личностей, что усугубляет ощущение трагизма судьбы каждого отдельного тувинца. Писатель вписывает в рамки своего личного «тувинского рая» всю сложнейшую историю Тувы и ее народа и тем самым акцентирует не просто сопричастность судьбы русского человека и тувинцев, а их слиянность. Встраивание в биографическое поле «русской семьи» тувинской картины мира формирует авторскую историософию распада историко-политического мифа о «счастливой советской Туве». Тоска героев по личному потерянному «тувинскому раю» начинает осмысляться как экзистенциальная тоска всего народа по родовым истокам, по природному миру.

Очерк Сенчина не только и не столько о попытке через бегство в память обрести в себе Туву как *genius loci* экзистенциального возрождения, сколько об истории «внутренней Тувы» как метафорической идее разрушенного «личного мира» целого народа, охватывающего историческую реальность периода его экспансии. Стилистика ностальгирующих воспоминаний и стратегия исповедального повествования, наложенные на очерковую форму публицистического описания истории тувинского края, дают возможность рассматривать каждую отдельную судьбу героев очерка как срез понимания исторических вех Тувы в целом. Важнейшую роль играют, например, истории о быте и бытии староверов, об отшельниках Лыковых, которые понимаются не как борьба нового и старого, а как агоническое сопротивление каждого и всех живущих в Туве процессам разрушения исконного природного, синкретического мифологического начала тувинского мира:

«Староверы появились в Урянхее под конец девятнадцатого века, расселились по берегам Малого Енисея и его притоков в труднодоступных местах. За сто с лишним лет разные власти пытались подчинить их государству, установить свои порядки, но не получилось — выстояли, пугая пришлых начальников групповыми самоубийствами: бросались в полыньи, сгорали в срубах, замерзали — «замирали» — в тайге»¹;

«Позже, пытаясь разобраться в этом противостоянии родных людей, Топкин, кажется, понял: не «русские» было здесь главным, а «советские», что не произносилось»².

Мифологический первоисточник может не только иметь локальный характер, но и лечь в основу сквозного сюжета, превращающего творчество какого-либо автора в некий единый метатекст, выражающий целостное мироощущение писателя. Таков мотив спасения.

Заключение

Наше исследование показало, что в ряде произведений Романа Сенчина представлены мифологические, социокультурные, исторические, экзистенциальные составляющие «тувинского мира». Его герой — путник, воспринимающий пространство «чужой Тувы» как обретенный «свой мир». Тува остается для писателя природным миром, манящим возможностью вырваться из каменной урбанистической эсхатологии. Так, русский писатель создает тувинский текст в соотношении с экзистенциальными задачами, в которых подвергаются синтезу «чужие» для чужого языка и иной ментальности культурные коды, способы мышления, психологические особенности, личностная идентификация. Этот процесс выражается не в простой механике соединения разных культурных голосов, но в сложном формировании нового видения поликультурного мира, художественным продуктом которого становится феномен метатекстуальности.

Выявленный и описанный тувинский текст писателя Р. Сенчина соотносим в его творчестве с принципами метатекста. Его ключевым концептом становится образ тувинского «потерянного рая», в большей степени коррелирующего с историческими координатами тувинского «русского мира». Сенчин создает художественную модель мира, которая обладает условными пространственно-временными параметрами (соотнесение настоящего хронотопа с Тувой как биографическим «местом памяти»), постоянным и характерным кругом героев, коллизиями исторической и культурной противоположности тувинского и русского миров. Тува становится для писателя местом силы, его *genius loci* и носит метафизический смысл, формируя поэтику, героя, образы и мотивы. Все константы тувинского метатекста центрируются в контексте целостного «тувинского сверттекста», определяющего авторскую историософскую концепцию. Метатекст создается благодаря варьирова-

¹ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 94.

² Там же. С. 113–114.

нию устойчивого круга художественных образов и автобиографических мотивов, выводящих событийный план на уровень художественных обобщений — это образы «потерянный рай» и «герой пути» (с ярко выраженным рефлексивным сознанием), мотивы бегства и спасения, исхода и возвращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анциферов, Н. П. (2009) Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, посл. Д. С. Московской. М. : ИМЛИ РАН. 584 с.

Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : Изд-во «ЦБОиМИ». 259 с.

Башмакофф, Н. (2006) Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование : сб. статей / под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. М. : Новое литературное обозрение. 596 с. С. 576–591.

Баянбаева, Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере Алма-Атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 2. С. 77–84.

Гаврилина, Л. М. (2018) Локальные сверткесты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры // Вестник Московского государственного института культуры. № 2 (82). С. 43–50.

Гарипова, Г. Т. (2018) Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хаида Исмаилова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре : сб. науч. статей / сост. и ред. Э. Ф. Шафранская. СПб. : Свое издательство. 240 с. С. 71–85.

Гарипова, Г. Т. (2022) Ономастическая транскультуральность в романе Хаида Исмаилова «Мбобо» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № S6. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.100>

Замятин, Д. И. (2013) Гений и место: ускользящая со-в-местность // Общественные науки и современность. № 5. С. 154–165.

Ильин, И. П. (2004) Мегарассказ // Западное литературоведение XX века : энциклопедия / гл. ред. Е. А. Цурганова. М. : Intrada. 560 с. С. 251–253.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : учеб. пособие / пер. с тув. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 230 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Тува 1990-х глазами пореформенного поколения // Новые исследования Тувы. № 2. С. 157–160.

Мироненко, Е. А. (2012) Фольклорно-мифологический контекст повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 3–2. С. 115–118.

Налимов, В. В., Дрогалина, Ж. А. (1984) Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. Т. 5. № 6. С. 111–122.

Ничипоров, И. Б. (2019) Из Кызыла в Париж: геопэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 24. № 4. С. 616–624. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

Приходченко, И. О. (2023) Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 17. № 1. С. 30–42. DOI: <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3>

Скороспелова, Е. Б. (2003) Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС. 420 с.

Сорочан, А. Ю. (2010) Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь : Изд-во М. Батасовой. 172 с.

Супрун, В. И. (2019) Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф. Д. Крюкова до Б. П. Екимова // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград : Перемена. 471 с. С. 193–204.

Топоров, В. Н. (1995) Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М. : Прогресс ; Культура. 624 с. С. 259–367.

Топоров, В. Н. (2009) Петербургский текст. М. : Наука. 820 с.

Харитонов, В. И. (2018) Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Шафранская, Э. Ф. (2010) Ташкентский текст в русской культуре. М. : Арт Хаус медиа. 301, [1] с.

Шафранская, Э. Ф. (2016) Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб. : Свое издательство. 370 с.

Шафранская, Э. Ф. (2017) Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (25). С. 22–29.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2022) Локальные тексты в русской литературе : учеб. пособие. М. : Юрайт. 109 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2023) Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturные практики. Т. 20, № 3. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Смирнова, А. И. (2022) Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. С. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>

Welsch, W. (1995) Transkulturalitat // Migration und kultureller Wandel. Stuttgart : Institut für Auslandsbeziehungen. 152 S. S. 1015–1020. (Zeitschrift für Kultur-Austausch, Jg. 45, Vj. 1).

Дата поступления: 17.07.2023 г.

Дата принятия: 02.09.2023 г.

REFERENCES

Antsiferov, N. P. (2009) *Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature. Opyt postroeniia obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsii [Issues of urbanism in Russian fiction. An experience of building the image of the city — Dostoevsky's St. Petersburg — based on the analysis of literary traditions]* / comp., prep. and afterword by D. S. Moskovskaia. Moscow, IMLI RAS. 584 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Tvorcheskaia bilingval'naia lichnost' (osobnosti russkogo teksta avtora tiurkского proiskhozhdeniia) [Creative bilingual personality (authors of Turkic origin and their texts in Russian)]*. Astana, TsBOiMI Publ. 259 p. (In Russ.).

Bashmakoff, N. (2006) Lokal'nyi tekst, golos pamiaty i poetika prostranstva [Local text, the voice of memory and the poetics of space]. In: *Istoriia i povestvovanie [History and narration]* : A collection of articles / ed. by G. V. Obatnin and P. Pesonen. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 596 p. Pp. 576–591. (In Russ.).

Bayanbayeva, Zh. A. (2016) Lokal'nyi tekst i ego funktsii (na primere Alma-Atinskogo lokal'nogo teksta) [To the question of the local text and its functions (on the example of the Almaty local text)]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 2, pp. 77–84. (In Russ.).

Gavrilina, L. M. (2016) Lokal'nye sverkhsteksty kak forma osmysleniia regional'nogo mnogoobrazii rossiskoi kul'tury [Local supertexts as a form of reflection of regional diversity of Russian culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 2 (82), pp. 43–50. (In Russ.).

Garipova, G. T. (2018) Kalendar' Moskvy: «Sobranie utonchennykh» i prostranstvo Londona v metasoznanii Khamida Ismailova [Moscow calendar: “Assembly of the Refined” and the space of London in Khamid Ismailov's metaconsciousness]. In: *Genius loci v literature, iskusstve, kul'ture [Genius loci in literature, art, culture]* : A collection of research articles / comp. and ed. by E. F. Shafranskaya. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 240 p. Pp. 71–85. (In Russ.).

Garipova, G. T. (2022) Onomasticheskaia transkul'tural'nost' v romane Khamida Ismailova «Mbobo» [Onomastic transculturality in Khamid Ismailov's novel “Mbobo”]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. S6, pp. 100–108. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.100>

Zamiatin, D. I. (2013) Genii i mesto: uskol'zaiushchaia so-v-mestnost' [Genius and place: The elusive co-locality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 154–165. (In Russ.).

Ilyin, I. P. (2004) Metarasskaz [Metastory]. In: *Zapadnoe literaturovedenie XX veka [Western literary studies of the 20th century]* : Encyclopedia / editor-in-chief: E. A. Tsurganova. Moscow, Intrada. 560 p. Pp. 251–253. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]* : A study guide / transl. from Tuvan. Kyzyl : Tuvan Book Publishing House. 230 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) Tuva 1990-kh glazami poreformennogo pokoleniia [Tuva of 1990s through the eyes of new generation]. *The New Research of Tuva*, no. 2, pp. 157–160. (In Russ.).

Mironenko, E. A. (2012) Fol'klorno-mifologicheskii kontekst povesti Chingiza Aitmatova «Belyi parokhod» [Folklore and mythological context of the story by Chingiz Aitmatov "White Ship"]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3–2, pp. 115–118. (In Russ.).

Nalimov, V. V. and Drogalina, Zh. A. (1984) Veroiatnostnaia model' bessoznatel'nogo. Bessoznatel'noe kak proiavlenie semanticheskoi vselennoi [Probabilistic model of the unconscious. The unconscious as a manifestation of the semantic universe]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 5, no. 6, pp. 111–122. (In Russ.).

Nichiporov, I. B. (2019) Iz Kyzyla v Parizh: geopoetika sovremennogo psikhologicheskogo romana («Dozhd' v Parizhe» R. Senchina) [From Kyzyl to Paris: The geopoetics of the modern psychological novel ("Rain in Paris" by R. Senchin)]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 24, no. 4, pp. 616–624. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

Prihodchenko, I. O. (2023) Lokal'nyi tekst provintsial'noi literatury: k voprosu ob opredelenii poniatii i istorii izuchenii [Local text of provincial literature: The question of the concept definition and the history of study]. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 17, no. 1, pp. 30–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3>

Skorospelova, E. B. (2003) *Russkaia proza XX veka: ot A. Belogo («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian prose of the 20th century: From A. Bely ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")]. Moscow, TEIS. 420 p. (In Russ.).

Sorochan, A. Yu. (2010) *Tverskoi krai v literature: obraz regiona i regional'nye obrazy* [Tver region in literature: The image of the region and regional images]. Tver, M. Batasova's Publ. 172 p. (In Russ.).

Suprun, V. I. (2019) Lokal'nyi kazachii tekst v iazyke i literature: ot F. D. Kriukova do B. P. Ekimova [Local Cossack text in language and literature: From F. D. Kryukov to B. P. Ekimov]. In: *Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore* [East — West: The space of local text in literature and folklore] : Festschrift dedicated to the 70th anniversary of A. Kh. Goldenberg / ed. by N. E. Tropkin. Volgograd, Peremena. 471 p. Pp. 193–204. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995) Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (Vvedenie v temu) [Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature" (Introduction to the topic)]. In: Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo : Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image : Research in the field of mythopoetic : Selected works]. Moscow, Progress ; Kul'tura. 624 p. Pp. 259–367. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2009) *Peterburgskii tekst* [St. Petersburg text]. Moscow, Nauka. 820 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2018) Tuvinskii (neo)shamanizm kak kul'tovaia i tselitel'skaia praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo)shamanism as a religious and healing practice in contemporary world]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 47–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Shafranskaya, E. F. (2010) *Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture* [Tashkent text in Russian culture]. Moscow, Art Khaus media. 301, [1] p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2016) *Turkestanskii tekst v russkoi kul'ture: Kolonial'naia proza Nikolaia Karazina (istoriko-literaturnyi i kul'turno-etnograficheskii kommentarii)* [Turkestan text in Russian culture: The colonial prose of Nikolay Karamzin (historical, literary, cultural and ethnographic commentary)]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 370 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2017) Vruny i fantazery kak pattern lokal'nykh tekstov XX v. [Liars and fantasizers as a pattern of the XX century local texts]. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1 (25), pp. 22–29. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. (2022) *Lokal'nye teksty v russkoi literatury* [Local texts in Russian literature] : A study guide. Moscow, Urait. 109 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. (2023) Tuvinskii tekst v aspekte transkul'turatsii [The Tuvan text in the aspect of transculturation]. *Polylinguality & Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 497–514. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. and Smirnova, A. I. (2022) Metafori ostanovivshegosia vremeni v sovremennoi literatury [Metaphors of stopping time in modern literature]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 4, pp. 132–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>

Welsch, W. (1995) Transkulturalitat. In: *Migration und kultureller Wandel*. Stuttgart, Institut für Auslandsbeziehungen. 152 S. S. 1015–1020. (Zeitschrift für Kultur-Austausch, Jg. 45, Vj. 1).

Submission date: 17.07.2023.

Acceptance date: 02.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.2

Статья

Нэсер и шулук-чугаа: варианты прозапоэтического синтеза в татарской и тувинской литературах

Венера Р. Аминова

Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Российская Федерация,

Людмила С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

Устанавливаются типы взаимодействия поэтической и прозаической стратегий художественного мышления в татарской и тувинской литературах на материале нэсер Ш. Анака (1928–2005) и Р. Габделхаковой (р. 1959), шулук-чугаа Э. Мижита (1961–2023) и А. Даржая (1944–2016). Выявляются параметры этнокультурной идентичности жанров нэсер и шулук-чугаа, типологически близких, но имеющих в татарской и тувинской литературах разные истоки: в татарской литературе жанровая форма нэсер восходит к средневековым литературам Востока, в которых была распространена ритмическая проза (садж), а в творчестве современных тувинских писателей шулук-чугаа появляется как результат трансгрессии жанра, характерного в основном для французской литературы.

Исследование поэтики и особенностей функционирования нэсер и шулук-чугаа в татарской и тувинской литературах конца XX — начала XXI в. базируется на сложившихся в литературоведении критериях разграничения поэзии и прозы как формальных и содержательных категорий.

Установлено, что и татарские, и тувинские авторы используют сходные приемы поэтизации прозаического текста. Отличительная особенность прозаических миниатюр Э. Мижита и элегий-нэсер Ш. Анака — влияние на изображаемый мир поэтических структур, отображающих свойства мифологического мышления. Обобщение эмоционально-психологического опыта лирических субъектов совершается на путях символизации изображаемого. В нэсер Ш. Анака и Р. Габделхаковой ритмообразующую функцию выполняет прием парадигматизации текста, введения в него сети эквивалентностей, проявляющихся как в плане содержания, так и в плане выражения. Стихотворения в прозе Э. Мижита — прозиметрические произведения, целостность которых создает взаимодополнительность поэтической и прозаической художественных картин мира. Расширение синтезирующих возможностей прозаических миниатюр в тувинской и татарской литературах продемонстрировано на примере произведений А. Даржая, в творчестве которого шулук-чугаа функционирует как емкая и гибкая художественная форма, вбирающая в себя элементы притчи, и Р. Габделхаковой, в прозе которой нэсер существует как лиро-эпическое произведение, где

ведущая роль принадлежит лирической тенденции.

Проведенное исследование позволяет уточнить и углубить представления о жанровых процессах в татарской и тувинской литературах, охарактеризовать своеобразную микромодель межлитературного процесса, представленного в его синхроническом разрезе.

Ключевые слова: татарская литература; тувинская литература; жанр; символ; мифологическая семантика; ритм; литературный род; внеродовая форма; внехудожественный элемент

Для цитирования:

Аминова В. Р., Мижит Л. С. Нэсер и шулук-чугаа: варианты прозапоэтического синтеза в татарской и тувинской литературах // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.2>

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Адреса: 480008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а. Эл. адрес: amineva1000@list.ru

Мижит Людмила Салчаковна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: lmizhit@mail.ru

Neser and shuluk-chugaa: Variants of prosopoetic synthesis in Tatar and Tuvan literatures

Venera R. Amineva

Kazan (Volga Region) Federal University; Gorky Institute of World Literature of the RAS, Russian Federation,

Lyudmila S. Mizhit

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

The authors specify the types of interaction between poetic and prose strategies for artistic thinking in Tatar and Tuvan literatures using the cases of neser by Shamil Anak (1928–2005) and Ramziia Gabdelkhakova (b. 1959) as well as shuluk-chugaa by Eduard Mizhit (1961–2023) and Alexander Darzhay (1944–2016). The article highlights parameters of the ethnic and cultural identity of the genres of neser and shuluk-chugaa. They are typologically close, but have different origins in Tatar and Tuvan literatures: in Tatar literature, the genre form of neser goes back to the medieval literatures of the East where rhythmic prose (saj') was widespread, and in the works of contemporary Tuvan writers, shuluk-chugaa appears as a result of the transgression of the genre, mainly typical of French literature.

The research into the poetics and features of the functioning of neser and shuluk-chugaa in the Tatar and Tuvan literatures of the late 20th and early 21st centuries is based on the criteria established in literary studies for distinguishing poetry and prose as formal and substantive categories.

It has been found out that both Tatar and Tuvan writers use similar techniques for poetization of prose texts. A distinctive feature of E. Mizhit's prose miniatures and elegies-neser by Sh. Anak is the influence of poetic structures reflecting the characteristics of mythological thinking on the depicted world. Generalization of the emotional and psychological experience of lyrical subjects is carried out on the ways of symbolization of the subject matter. In neser by Sh. Anak and R. Gabdelkhakova, rhythm-forming function is performed by the method of paradigmization of the text and the introduction of a network of equivalences into it. These equivalences are manifested both in terms of content and in terms of expression. Poems in prose by E. Mizhit are prosimetric works. Their integrity creates the complementarity of poetic and prosaic artistic worldviews. The expansion of the synthesizing possibilities of prose miniatures in Tuvan and Tatar literatures is demonstrated by the case of the works by A. Darzhay (in his writings, shuluk-chugaa functions as a capacious and flexible artistic form that incorporates elements of a parable) and R. Gabdelkhakova (in her prose, neser exists as a lyric and epic work where the leading role belongs to the lyrical trend).

The conducted research makes it possible to clarify and deepen our understanding of genre processes in Tatar and Tuvan literatures as well as to characterize a kind of micromodel of the inter-literary process presented in its synchronic aspect.

Keywords: Tatar literature; Tuvan literature; genre; symbol; mythological semantics; rhythm; literary mode; extramodal form; extra-artistic element

For citation:

Amineva V. R. and Mizhit L. S. Neser i shuluk-chugaa: varianty prozopoeticheskogo sinteza v tatarskoi i tuvinskoi literaturakh [Neser and shuluk-chugaa: Variants of prosopoetic synthesis in Tatar and Tuvan literatures]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.2>

AMINEVA, Venera Rudalevna, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, Department of Russian Literature and Methods of Its Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University; Leading Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the CIS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 18 Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation; 25a Povarskaya St., 121069 Moscow, Russian Federation. E-mail: amineva1000@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-4016-2242

MIZHIT, Lyudmila Salchakovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: lmizhit@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1991-0517

Введение

Прозаические миниатюры существуют в каждой литературе, но вопросы об их специфике, жанровом статусе, смысло- и структурообразующих принципах, критериях сопоставления остаются нерешенными. В татарской литературе к ним принадлежит *нэсер*, в тувинской — *шулук-чугаа* или *проза-шулук* (стихотворение в прозе).

Исторически сложились два варианта основного значения понятия «*нэсер*». Во-первых, так обозначали прозаические произведения: *насер* — «рассыпанная речь» (проза, писание), форма художественной речи, противоположная стихам (назму — «нанизанной речи»)¹. Во-вторых, *нэсер* — «лирическое, эмоционально насыщенное прозаическое произведение малой формы, стихотворение в прозе; жанр, распространенный в восточных литературах»². Одним из основных признаков *нэсер* как жанра исследователи считают *ритмическую организацию* текста. Генетически эта жанровая форма восходит к средневековым литературам Востока, в которых была распространена ритмическая проза, называемая саджем — размеренной речью, напоминающей воркование голубя («күгөрчен гөрлөвө») (Загидуллина, 2007: 127–128). Вслед за средневековыми арабо-мусульманскими авторами современные востоковеды (А. А. Долинина, В. А. Розов³) считают садж третьим родом словесного творчества и речевой организации произведения, существующим наряду с нерифмованной прозой и стихами и отличающимся «украшенностью» и изысканностью стиля. В литературоведении *нэсер* рассматривается либо как переходная между поэзией и прозой форма речи (Халит, 1975: 157), либо с точки зрения родового содержания (см.: Загидуллина, 2013: 47, 123).

Существенные черты жанра «стихотворение в прозе», сложившегося в творчестве французских поэтов (А. Бертраана, Ш. Бодлера, С. Малларме, Лотреамона) и предоставлявшего большие возможности для творческого самовыражения, выделены М. Л. Гаспаровым (Гаспаров, 2001: 1039). Жанровые особенности стихотворений в прозе И. С. Тургенева исследованы А. П. Квятковским (Квятковский, 1966: 287), В. И. Тюпой (Тюпа, 2008: 253).

В тувинской литературе зачинателем жанра, типологически сходного со стихотворением в прозе и получившего название «*проза-шулук*» (букв. стихотворение-проза), является Эдуард Мижит (1961-2023). Впервые его произведения в данном жанре появились в литературном журнале республики «Улуг-Хем» («Енисей»)⁴. Вслед за ним произведения в рамках данной формы стали писать А. Даржай, предложивший термин «*шулук-чугаа*» (букв. стихотворение-рассказ) и М. Кужугет.

В произведениях Э. Мижита, на наш взгляд, чувствуется желание освободиться от избитых форм, традиционной образности, ставшей трафаретной, от набившей оскомину лексики, которые в свое время также начали мешать французским поэтам. Этим желанием новизны (а значит и возрождения) диктуется его движение, направленное к обновлению поэтического языка. Он вовремя понял, что освоить тувинское стихосложение очень просто, что силлабика и начальная рифма всем дают возможность писать рифмованные строки без тени поэзии и при этом считаться поэтами. Эти его поиски форм и языка, где звучала бы истинная поэзия, и привели его к жанру *проза-шулук*. При этом он не выступает как эпигон, слепой подражатель. При всем своем уважении к французским поэтам как к зачинателям данного жанра, он пишет по-своему, в соответствии со своим миропониманием и традициями тувинской литературы.

Научно-критических исследований поэтики и особенностей функционирования *шулук-чугаа* в истории тувинской литературы в настоящее время немного (см. работы М. Б. Кунгаа⁴, Ш. А. Монгуш (Монгуш, 2009), Л. С. Мижит (Мижит, 2015)). Не раскрыты и типологические соответствия этой художественной формы со сходными жанрами в других литературах.

¹ Долинина А. А. Бади' аз-Заман ал-Хамадани и его макамы [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Litresp.ru. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%B0/al-hamadani-badi-az-zaman/makami-bez-illyustracij/2> (дата обращения: 01.05.2023).

² Татарская энциклопедия (2008) : в 6 т. / отв. ред. Г. С. Сабирзянов. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ. Т. 4: М–П. 768 с. С. 503.

³ Розов В. А. Архаический садж (рифмованная и ритмизованная проза) в религиозных и ритуальных текстах доисламской и раннеисламской Аравии : дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 150 с. С. 58.

⁴ Кунгаа М. Б. Философчу угланышкын быжыккан, күштелген [Философское направление укрепилось, усилилось] // Шын. 1996. 27 января. С. 3. (На тув. яз.).

⁴ Там же.

Жанровая природа *нэсер* и *шулук-чугаа* связана не только с восходящими к национальным языкам и способам стихосложения традициями, но и, как представляется, с лежащими в основании разных типов культуры системообразующими началами, мотивирующими соотношение формы и содержания, принципы построения художественного образа, сюжетный план произведений, их субъектную архитектуру: концепцией личности и характера, времени и пространства, процедурами смыслопорождения и др., т. е. с теми параметрами художественного текста, которые важны для понимания этнокультурной идентичности разных литератур.

Цель настоящего исследования — выявить жанрообразующие признаки *нэсер* и *шулук-чугаа* в татарской и тувинской литературах конца XX — начала XXI в. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть мифопоэтические структуры в произведениях татарских и тувинских писателей данного периода, являющиеся источником поэтического как онтологической категории; исследовать семантическую структуру символических образов и мотивов; выделить приемы ритмической организации прозаического текста; описать характерную для современного литературного процесса и проявившуюся в прозаических миниатюрах татарских и тувинских писателей синтезирующую тенденцию.

Исследование поэтики и особенностей функционирования прозаических миниатюр в татарской и тувинской литературах базируется на сложившихся в литературоведении критериях разграничения поэзии и прозы как формальных и содержательных категорий: способов организации речевого материала (Жирмунский, 1975; Орлицкий, 2002); типов художественного мышления и обусловленных ими двух конструктивных принципов — парадигматического, выделяющего сходное в различном, и синтагматического, подчеркивающего различия в сходном (см.: Лотман, 1998: 14–28), или генеративных стратегий (Смирнов, 2001: 258–281); двух картин или моделей мира — автоцентрической (поэтической) и логоцентрической (прозаической) (Бахтин, 1975: 68–69); жанрово-стилевых структур и двух видов словесного образа (Тынянов, 1993: 108; Теория литературы, 2004: 138–172).

Объектом исследования являются процессы взаимодействия поэзии и прозы в *нэсер* Ш. Анака¹ и Р. Габделхаковой², написанных на татарском языке, и *проза-шулук* Э. Мижита³ и А. Даржая⁴, написанных в основном на тувинском языке.

Предмет исследования — формы присутствия поэтического как конструктивной и содержательной категории в прозаических миниатюрах татарских и тувинских писателей конца XX — начала XXI в.

Мифопоэтические структуры в произведениях Ш. Анака и Э. Мижита

И татарские, и тувинские авторы используют сходные приемы поэтизации прозаического текста.

Уникальную авторскую модель жанра, отражающего синтез поэзии и прозы, создал Шамиль Анак⁵ в цикле «Дүрт элегия» («Четыре элегии»), вошедшем в сборник «Тыйнак табын» («Скромный праздник», 1982), — произведении, прозиметрическая структура которого и принципы художественного обобщения ориентированы на традиции *нэсер*. Элегии посвящены великим поэтам России и Востока: первая — А. С. Пушкину, вторая — С. А. Есенину, третья — М. И. Цветаевой, четвертая — Н. Хикмету, — объединены в единый цикл и располагаются в соответствии с определенной логикой: между текстами образуются лейтмотивные связи и намечается внутренний сюжет. Если Пушкин ассоциировался у Ш. Анака с типом поэта-мыслителя, погруженного в «тяжелые думы» и непреклонного в исполнении своей миссии, то Есенин, которому посвящена вторая элегия-*нэсер*, наделяется типичными атрибутами «певца» («жырчы»), происхождение которого имеет мифологическую семантику: к природе родного

¹ Анак Ш. Тыйнак табын. Шигырьләр [Скромный праздник. Стихотворения]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. (На татар. яз.).

² Габделхакова Р. Г. Көмеш тун : хикәяләр, парчалар, нәсерләр [Серебряная шуба : рассказы, миниатюры, проза в стихах]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. (На татар. яз.).

³ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктуң кыйгызы : проза-шулуктер [Зов взвихренного колодца : стихотворения в прозе]. Кызыл: Тув. книж. изд-во, 2002. 144 с. (На тув. яз.); Мижит Э. Б. Стихотворения в прозе // Улуг-Хем. 2016, № 3 (116). С. 3-31.

⁴ Даржай А. А. Шагар-оьтта шалың [Роса в крапиве]. Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1995. (На тув. яз.).

⁵ Псевдоним Махмудова Шамиля Гумеровича (1928–2005), известного тюркоязычного поэта, переводчика, писавшего на татарском, башкирском, русском языках (см.: Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2002. Т. 1: А–В. 656 с. С. 143).

края восходят уникально-самобытные черты как внешнего, так и внутреннего облика поэта. Отсюда — необычайное богатство и сила его художественного дара, органичность лирического самовыражения, свежесть и первозданность мировосприятия.

Природный характер поэтического таланта С. А. Есенина находит выражение в стихотворении Ш. Анака в образе поэтического творчества как «пения»:

<p><i>Рязань киңлекләре буйлап ага Ока елгасы... <...> киңлекләрдән алган анда төньягының тыйнаклығын, чәчләренең саф сарысын, күзләренең ачык зәңгәрән... <...> Ак каеннар белән бергә моңланган ул кичке моңсу мизгелдә, һәм шуңа да жырларында шундый тыйнак төньяк сагышы...¹</i></p>	<p>Широко раскинулась река Ока по рязанским просторам... <...> от этих просторов — в нем северная сдержанность, светлый цвет волос, ясная синева глаз... <...> Он грустил вместе с белыми березами в минуту вечерней печали, И поэтому в его песнях такая по северному сдержанная тоска...²</p>
--	--

Этот поэтический полюс уравнивается прозаическим, в котором господствует прямое слово лирического героя о себе:

<p><i>...зур халыкның зур шагыйре сөйгән тын елга. Безнең Димгәме охшаган, Иделгәме, беллим ансын...³</i></p>	<p>Тихая любимая река [Ока] большого поэта великого народа. Похожа она на наш Дим или на Волгу — этого не знаю...</p>
--	---

В диалоге «я» с адресатом послания складывается единое внутреннее пространство природно-психической жизни обоих поэтов:

<p><i>Минем дә бит илем зәңгәр, ак каенлы, мәһабәт, миңа да бит таныш бу сагышлар һәм бу мәхәббәт...⁴</i></p>	<p>У меня ведь родина тоже голубая, с белыми березами, красивая, и мне тоже знакома эта грусть и эта любовь...</p>
--	--

Параллелизм жизни двух поэтов и реки развивается в поэтическую модель, в которой жизненная конкретизация материала неотделима от его мифологического осмысления. Широко раскинувшаяся по просторам родного края река выступает как эстетическая категория, аналог поэтической материи, обнаруживающий в песнях поэтов, принадлежащих разным эпохам и культурам, сходную природно-родовую субстанцию. В. Н. Топоров считает, что в основе идентификации реки с пением, речью, поэзией лежит не только «акустический эффект шумно текущей воды, но и образ самого потока Р[еки] и речи, последовательного перетекания — развития, от начала до конца, до состояния смысловой наполненности» (Топоров, 1994: 375). Ока и грусть-тоска Есенина, вспоминающий его и тоскующий на берегу Волги лирический герой образуют единую синкретическую реальность, в которой стираются границы между двумя поэтами, их чувствами, изливающимися в песнях, и непрерывным движением рек, а также между живым и неодушевленным, органическим и неорганическим, био- и семиосферой, «я» и «не-я».

В элегии-нэсер Ш. Анака «М. Цветаевой» чередующиеся прозаические и поэтические структуры устанавливают эквивалентность между двумя обликами героини — биографическим, конкретно-

¹ Анак Ш. Тыйнак табын. Шигырьләр ... С. 66.

² Подстрочный перевод с татарского языка здесь и далее (без иных указаний) выполнен В. Р. Аминовой.

³ Анак Ш. Тыйнак табын. Шигырьләр ...С. 66.

⁴ Там же.

историческим и символично-мифологизированным, вневременным. Сквозные темы цикла: жизни, смерти и бессмертия — преобразуются в третьей элегии в мифологический сюжет, заданный рефренами: «Марина Цветаева спускается с берегов Оки...» и «Марина Цветаева смотрит вдаль с берегов Оки...»¹. Повторяющиеся строки делят текст на части, в которых создается литературный портрет М. И. Цветаевой, включающий в себя и биографические реалии, и ассоциативно-образные обобщения, и попытку выявить доминирующую черту характера героини:

<p><i>Ярда чук талларны ююп, Ока суы ага тын гына, ничэ яшьтер Окага, белним ансын, ләкин бар аңарда өлкән хатыннарга охшаганлык...²</i></p>	<p>Ока течет неспешно, омывая ветви вербы на берегу, и сколько лет Оке, не знаю я, однако есть в ней схожесть с взрослой женщиной...</p>
---	--

В трактовке Ш. Анака своеобразие внутреннего мира М. И. Цветаевой определяет горящий в ее глазах «огонь бунтарства» («бунтарлык уты»), обрекающий ее на одиночество, изгнанничество, муки безысходной тоски. В качестве интерпретационной модели жизненного пути героини выступает модус трагического: вначале это эстетическая категория (Цветаева, будучи еще гимназисткой, вместе с сестрой читает стихи трагического содержания), затем становится фактом сознания («...һәм ул әйтәчәк: “Әфәндәләр, дөнья нинди фаҗигалә!”»); «...и скажет она: “Как все же мир трагичен, господа!”»), наконец, переходит в авторскую рефлексию о судьбе поэта:

<p><i>Һәм нинди фаҗига — читләр кага, үз итми туган ил...³</i></p>	<p>И какая трагедия — чужие притесняют, не принимает родина...</p>
---	--

Намечающийся в биографическом дискурсе «событийный» контекст образует прозаический «полюс» художественного мира. Архаический мотив, сближающий женщину и реку и актуализирующий эстетическую и провиденциальную проблематику стихотворения, обеспечивает парадигматическую членимость текста и его развертывание по поэтическому принципу. Река Ока соотносится с «линией жизни» Цветаевой и авторской концепцией ее личности. Развитие этого мотива выводит повествование из конвенционального смыслового ряда и высвечивает смысловую проекцию бесконечно продолжающегося взаимодействия героини с миром:

<p><i>Үтәр ун ел, үтәр йөз ел да, һаман шулай булып — Марина Цветаева Ока ярыннан карар еракка һәм күрер без күрмәгән гаҗәеп җирләрне, тояр без тоймаган сагышларны, моңарны... Марина Цветаева тошөп килә Ока ярыннан⁴.</i></p>	<p>Пройдут года, столетия, всегда так будет — Марина Цветаева устремит свой взор с берегов Оки куда-то вдаль и увидит удивительные земли, те, что не видим мы, и ощутит неведомую нам тоску и грусть... Марина Цветаева спускается с берегов Оки.</p>
---	---

Таким образом, с помощью поэтических приемов завершения характера достигается символизация личности М. И. Цветаевой и ее пути-реки.

Если в нэсер Ш. Анака ключевой семантической фигурой становится реализованная метафора — образ, понимаемый в буквальном смысле и существующий как объективный (см.: Потеня, 2003: 310), то в произведениях Э. Мижита действует закон партиципации-сопричастия, который определяет «открытость» соположенных структур: внешнего и внутреннего, мира и человека, их вза-

¹ Анак Ш. Анак Ш. Тыйнак табын. Шигырьләр ... С. 67.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

имопроникновение, «перетекаемость» друг в друга. В стихотворениях в прозе Э. Мижита «Олчук болгаш дамыракчыгаш» («Мальчик и ручеек»), «Кудук» («Колодец»), «Ээрем» («Омут»), «Аът чарыжы» («Скачки») и др. есть элементы и повествовательности, и лиризма, отражаются простые человеческие раздумья о жизни, близкие и понятные любому читателю. Рассказчик оказывается носителем множественной точки зрения: ребенка, юноши, взрослого и т. д. Это приводит к формированию особого типа субъектной ситуации, в основе которой — бытийно-субъектные отношения между разными обликами лирического «я», которые не только сменяют друг друга, но и присутствуют в нем одновременно, мерцая друг сквозь друга и создавая особую поэтическую модальность.

В балладе «Кудук» («Колодец») лирический герой дважды заглядывает внутрь колодца. В первом случае возникает поэтическая картина мира, в которой важная роль отводится единству «я» и «другого», «я» и «мира»:

Бодумну ынчан бир-ле хуулгаазын делегейде турар кылдыр көөр турдум, а кудуктуң дүвүнден менче көрүп турар ийи дугаар бодум бо турар бодумдан муң катап улуг, муң катап ханы мерген угаанныг кылдыр көстүр турду¹.

Я видел себя в каком-то фантастическом мире, отныне я начинал существовать сразу в двух лицах: и тот я, который глядел на меня оттуда, казалось, был в тысячу раз мудрее меня².

В этом воображаемом фантастическом мире герой освобождается от земной тяжести тела и обретает полную свободу. Духовное преодоление прозаической действительности воплощается в теме полета, символизирующего переход из одной реальности в другую, прорыв преграды, разделяющей идеальное и материальное, земное и космическое:

А чамдыкта бодумнуң уйгу-дүш дег сагыш-бодальмыда ооң чанынга, ооң-биле кады салдап ужуп эгелээр-даа туржук мен, а ол карак чивеш аразы дег хензиг үелер аас-кежиктиң дээди чадазы апаар ийик. Сылдыстар мээң кырымда-даа, адаамда-даа апаар турду, мени долгандыр сылдыстар-ла, сылдыстар...³

А иногда в своих грезах я начинал парить с ним рядом, и эти мгновения были верхом блаженства. Надо мной и подо мной были звезды, они окружали меня, и я летал среди них...

Образы дрожащих звезд, колыхающегося неба, поминутно меняющей форму луны, указывающие на что-то, развертывают тему эквивалентности полета и процесса познания истины, приближения к тайнам бытия. Совершая «маленькие открытия», «я» испытывает состояние высшего напряжения и достигает предельной интенсивности переживаний («верх блаженства», «неописуемый восторг»).

Этой поэтической картине мира противостоит прозаическая, возникающая через много лет. Герой-рассказчик по мере своего взросления и включения в социум отдаляется от внутреннего имманентного знания о сущем, от врожденного чувства гармонии со всей вселенной, и когда он заглядывает в колодец, то видит в нем тридцатилетнего мужчину respectable вида, самовлюбленного и глуповатого, с высокомерной усмешкой в глазах:

¹ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктуң кыйгызы : проза-шүлүктөр [Зов взвихренного колодца: стихотворения в прозе]. С. 12.

² Здесь и далее перевод с тувинского языка Э. Б. Мижита. В ходе подготовке номера к печати стало известно о кончине Э. Б. Мижита 29 ноября 2023 г. - ред.

³ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктуң кыйгызы ... С. 13.

Таанда-ла, бо кижиге мен мен бе? А дараазында карак чивеш дээр аразында бо кижиге — анаа-ла сугда көрүнчүтелип турар бодум-дур мен дээрзин шуут-ла уттупкан: “Чүге менче ынчаан көрүп тур сен, мелегей тулуп? Чуртталга болгаш өлүм дугайыңды чүнү билир сен сен, бүгү назыңны бодуңуң бо кудууң иштинге олура эрттирген чүве?” — деп, бар шаам-биле алгырган тур мен¹.

Неужели это я? Но в следующий миг я, начисто позабыв, что это лишь мое отражение, кричал во весь голос: «Что ты так смотришь на меня, дурак набитый? Что ты знаешь о жизни и смерти, ты, просидевший всю жизнь в этом своем колодце?»

Колодец — промежуточная субстанция земного и трансцендентного, пространство перелома и метаморфозы. Заглядывая в колодец, рассказчик пересекает границу между мирами: внешним и внутренним, потусторонним и посюсторонним. Обличительная речь «я», обращенная к своему отражению, вызывает его преобразование: со дна колодца на героя смотрел все тот же мальчик из его детства. Изображая столкновение «я» с разными ипостасями его личности, поэт использует балладные приемы организации сюжета, призванные усилить его динамику, окутать происходящее атмосферой тайны, рокового и ужасного:

Ону эскерип кааш, ол-ла хевээр көжүп калдым, а алгырып четтикпээн сөстөрүмни дедир ажырыптарымга, олар бүгү бодумну соолаңнадып, шырынныктырып кире берди. Хенертен бир-ле кедергей улуг хөлеге кудуктуң ханазындан адырылгаш, менче хөме шурай берди. Мен кортканымдан атпаш дээш, кудуктуң чанынга ойда дүштүм, ынчалза-даа ол-ла дораан сири-кавы тура халыдым².

Заметив это, я так и застыл, проглотив все остальные слова, которые мурашками пробежали по спине. Вдруг какая-то огромная тень, оторвавшись от стенки, метнулась на меня. Я в ужасе отпрянул и свалился на землю рядом со срубом, но тут же вскочил на дрожащие ноги.

Ход событий приближается к драматической вершине, и лирическое напряжение достигает апогея:

...кудуктан бир-ле кижиниң муңгарап, качыгдааны кончуг, аар улуг тынганы дыңналган соонда... дамырларымда ханым дош бооп хуула берди³.

...услышал со стороны колодца чей-то горестный вздох... и кровь в моих жилах обратилась в лед.

Лирический субъект включается в балладную ситуацию, наполненную глубоким символическим смыслом. Человек оказывается внутренне подвижной структурой, но он не равен самому себе и не может вернуться к себе прежнему. Поэтому сосуществующие в герое «плавающие» слои личности отделяются от него и объективируются. Таким образом, семантика балладного сюжета связана с обретением героем-рассказчиком неких непреложных истин о человеке и мире.

В миниатюре «Оолчук болгаш дамыракчыгаш» («Мальчик и ручеек») вслед за А. Шопенгауэром («Мир как воля и представление») Э. Мижит размышляет о свободе воли и предопределении:

¹ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктуң кыйгызы : проза-шүлүктөр [Зов взвиренного колодца : стихотворения в прозе]. С. 15.

² Там же.

³ Там же.

А сен ынчан черге чыткан шывык-биле, хуулгаазын мерге туткан илбичи дег, хөөлбектин эриинден тура бир-ле хензиг шыйыг шыйып, чуруй кааптын. Хөөлбектин суу ынчан ажыттынган эжиктиве агып кирди, а ол ам чаа төрүттүнген дамырактын хөглүг маңын көөрүмге, ооң оруу — ээр-дагыр, дараазында карак чивеш аразында кайы угже ээптерин кижил билбес — элдепейлиг тывызык-ла...¹

И поднял ты прутик с земли, и начертил им, как волшебной палочкой, крохотную линию от края лужи, и потекла дождевая вода в эту открытую дверь, и до того причудливы были извивы ее пути, что не ведал я, куда же сейчас направится бег новорожденного ручейка.

Активизация поэтической структуры связана с символизацией невидимого русла ручейка, властно направляющего его, казалось бы, вольное течение, созданного только для этой тоненькой струйки воды, и самого этого недолговечного ручейка, оставляющего лишь мимолетный влажный след своего пребывания на земле, который высыхает на глазах наблюдающих за ним лирического героя и мальчика и остается только в их памяти. Поэтический субстрат произведения создает философско-метафизическое осмысление категории судьбы и соотношенных с ней вопросов: что есть жизнь человека и всего мира — случайная цепь событий, которую каждый может повернуть, куда и как угодно, сообразно своему пониманию и желанию, или же все в этом мире раз и навсегда предопределенно свыше? (Мижит, 2015: 75).

Философия судьбы соединяется с категорией «русло». Оно подчиняет личную инициативу человека сверхличной заданности и определяет совпадение или несовпадения внутренних границ «я» со своими событийными границами:

Аа, бис база шак-ла мынчаан салым-хуувус унундува агып кирип, ону безин угаап билбейн, салымывыс ээптекттерин эдерип-ле чоруур-дур бис. Ынчангаш-ла өлгүжеге: «Хосталгадан! Хосталга!» деп, бар шаавыс-биле негеп чоруур эвес бис бе?²

И вострепнулся я, и прозрел вдруг, что и мы вот так же втекаем в свою судьбу, не осознавая этого, следуем своему руслу. Так вот почему всю жизнь мы кричим: «Свободы! Свободы!»

Жизнь отдельного индивида органично вписывается в провиденциальную концепцию бытия, в свете которой существование каждого отдельного человека приобретает высший надличностный смысл.

В создаваемой поэтической картине мира, изоморфной мифологической, устанавливается тождество «я» и «ты», «ты» и «Бог»:

Чүге дээрге карактарың менче ынчан өттүр көрүп, билип турду, чүге дээрге шак ол өйде Үе болгаиш Октаргайның кызыгаар чок делгемнери мени өттүр эртип турду... Чүге дээрге хензиг када Бурган менче көрүп турду...³

И вострепетал я перед тобой, ибо проник твой взгляд сквозь меня, ибо под взором твоим я ощутил, как проносится через меня пространство и время, ибо смотрели на меня в это мгновенье глаза Бога...

Встреча «я» с Богом углубляет экзистенциальную проблематику произведения и актуализует присутствующую в нем жанровую традицию поэтического видения.

В шулук-чугаа Э. Мижита «Үзүктелиишкин» («Пауза») раскрывается онтологический смысл категории поэтического: воссоздается переживание, напоминающее момент просветления — сатори (из дзэн-буддизма), во время которого лирический герой перестает ощущать себя как обособленное существо, растворяется в окружающем мире, составляя с ним единое целое:

¹ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктуң кыйгызы ... С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

Амдыгаа дээр сактырымга, шак ол карак чивеш аразында мен — мен деп аңгы мага-боттуг, миннишкинниг амытан чырык черге турбаан ышкаш... Улуг чылыг чалгыгга ис чок эстип, ол бүгү ыяштар, агаар, дээр, кыдыг-кызыгаар-даа, тоомча-даа чок октаргай апарган ышкаш мен¹.

«Мне до сих пор кажется, что меня в тот миг вообще не существовало, — я растворился в той волне и составлял одно целое со всеми этими деревьями, воздухом, небом, с этим беспредельным и бесстрастным космосом.

Запечатленная в произведении поэтическая картина мира оказывается тем семантическим центром, который снимает и примеряет противоречия бытия, аккумулируя в себе все его ценностные характеристики: жизнь и смерть, время и вечность, тишину и шум, покой и движение.

Диалог поэзии и прозы в цикле Ш. Анака формируют две формы репрезентации авторского сознания — частное «я», сообщающее об отдельных фактах биографии героев стихотворений, делающее прозаические комментарии к ним и сближающее искусство с жизнью, видящее мир не только в бытийном, но и бытовом измерении, и высшее «Я», размышляющее о трагических коллизиях в жизни поэта и выстраивающего философию его пути и судьбы.

В стихотворениях в прозе Э. Мижита доминирует категория поэтического, которая приобретает субстанционально-мировоззренческий характер, направленный на утверждение изначальной целостности мира, «я» и «не-я». Эстетической основой поэтического способа художественного моделирования действительности становятся особенности изображения авторского сознания, позволяющие рассматривать в качестве его второго «я» лирического героя — носителя индивидуально-личного сознания и, одновременно, сознания человека, открывающего в жизни грандиозное метафизическое содержание.

Отличительные черты исследуемых миниатюр — лаконичность, автобиографичность и исповедальность, влияние на изображаемый мир *поэтических структур, восходящих к мифопоэтическим пластам художественного текста.*

Символизация изображаемого

Поэтическое преобразование материала в прозаических миниатюрах татарских и тувинских писателей осуществляется и на путях символизации изображаемого.

Через все четыре элегии-нэсер Ш. Анака проходит тема грусти-тоски («моң-сагыш»). Это эмоционально-психологическое состояние объединяет лирического субъекта и героев стихотворений в общем переживании трагизма участи поэта в мире. Ценностно-смысловым центром первой и четвертой элегий, посвященных А. С. Пушкину и Н. Хикмету, является образ сердца, «открытого» и «раненого» в одном случае, «большого» и «разорвавшегося» — в другом. Обнажая неразрешимые противоречия бытия, он очерчивает границы цикла, сводя друг с другом его конец и начало. Вторую и третью элегии-нэсер о С. А. Есенине и М. И. Цветаевой связывает образ реки Оки, символизирующей течение времени, ход истории, поток жизни, направленный на обретение изначальной целостности мира и преодоление присутствующего в сюжете элегий дуализма таких субстанционально-мировоззренческих понятий, как «внутреннее» / «внешнее», «жизнь» / «смерть», «дух» / «материя», «бесконечное» / «конечное», «случайное» / «закономерное».

В балладе «Колодец» Э. Мижита дан древний образ колодца как хранилища знаний, магического зеркала, в котором в полдень можно увидеть отражение ночного неба. Проецируемая на психологический сюжет нравственного и интеллектуального роста героя-рассказчика древняя мифологическая семантика колодца придает его духовному опыту универсальность и тотальную значимость. Вовлекаемый в сферу психологического анализа этот устойчивый структурно-семантический комплекс трансформируется в символ души человека: подобно тому, как в колодце отражается весь мир, душа человека вмещает в себя все мироздание и знание о нем. В миниатюре «Мальчик и ручеек» возникает образ мимолетного влажного следа, который оставляет ручеек и который сохраняется лишь в памяти мальчика и ли-

¹ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктуң кыйгызы ... С. 9.

рического «я», — символа конечности, бренности человеческого существования и одновременно его несомненной жизненной ценности.

В цикле стихотворений в прозе Э. Мижита «Казыргылар» («Вихри») создается один из центральных в творчестве поэта образ вихрей, спиралевидного движения всего: от движения электронов вокруг ядра атома до движения планет вокруг солнца, а солнечной системы — вокруг своей оси в галактике. Подобным образом мысли и чувства лирических субъектов, подчиняясь центростремительной силе, вращаются вокруг основных философских вопросов о смысле жизни и мироздания, о сущности времени как философской категории. Таким образом, вихрь является символом человека с вечно беспокойной мыслью, стремящейся проникнуть в суть мира и жизни¹.

В цикл входят стихотворения в прозе «Ээрем» («Водоворот») и «Өзек» («Стержень»), в которых образ глубины колодца смыкается с образом вихря, точнее, движения вихря. По мысли автора «Водоворота», человек, захваченный жадной познания мира (онтология) и бесстрашно бросающийся в водоворот непознанного, может выйти оттуда обновленным, обретшим новое знание². В «Стервне» человек, попавший в самый центр, стержень вихря, вдруг видит главную истину — истину, где нет никакого волнения, где царит лишь свет и покой. И он понимает, что главную суть жизни составляет Любовь, Любовь Бога к своему Творению, Любовь творения к своему Творцу, Любовь людей друг к другу³.

Структурно-содержательными признаками *нэсер* и его выразительными возможностями обладают произведения Рамзии Габделхаковой (р. 1959) — писательницы, творчество которой признано значительным и ярким явлением современной литературы⁴. Жанр *нэсер* в творчестве Р. Габделхаковой функционирует как лиро-эпическое произведение, внутреннюю меру которого составляет взаимодополнительность нарративности и перформативности (см.: Тюпа, 2013: 115). Им соответствуют прозаическая и поэтическая стратегии повествования. В образовании взаимосвязи двух разнородных начал ведущая роль принадлежит лирической тенденции. Ею обусловлено акцентирование близости автора к субъекту сознания и речи, выступающему в качестве объекта изображения и имеющему статус лирической героини. На первый план выдвигается событие, происходящее в ее внутреннем мире, — духовное преображение, нравственное прозрение, изменение мироощущения и миропонимания. Лирическое начало подчиняет себе эпические структуры и нередко приводит к разрыву эпической ткани повествования. Нарративная составляющая художественного текста является мотивировкой происходящего в *нэсер* ментального события. Это озарение, в котором «обретают свои формы и поэтическое сознание, и мир» (Козлов, 2009: 187), открывает выход к символическим смысловым перспективам, неотделимым от субъективности лирических переживаний и обусловленным заключенной в них обобщающей тенденцией. В прямом и открытом выражении личной взволнованности и личного чувства, высказывании суждений, имеющих итоговый характер, есть некая общеобязательность. Она универсализирует изображаемую ситуацию, освобождая ее от эмпирической конкретности и возводя к общечеловеческим коллизиям бытия.

Например, в *нэсер* Р. Габделхаковой «Якты тэрэзэ» («Светлое окно») в качестве своеобразного «пуанта» лирической рефлексии выступает переход героини из одного эмоционально-психологического состояния в противоположное. Исходное ее настроение — беспричинная тревога, чувство одиночества, ощущение враждебности и предельной неустроенности окружающей жизни и мироздания вообще:

Бүген күккә кара болытлар, а жиргә рэхимсез, үз-сүзле жил хужа. <...> Аһ, эч поша... Бүгенге төн мәңге китмәскә дип киләдер төсле. Кайдадыр Кояш, Яктылык булуына ышануда авыр хәтта⁵.

Сегодня на небе хозяйничают черные тучи, а на земле — безжалостный, упрямый ветер. <...> Ах, грустно... Кажется, сегодняшняя ночь пришла, чтобы не уходить никогда. Трудно даже поверить, что где-то есть Солнце, Свет.

¹ Мижит Э. Б. Казыргылыг кудуктун кыйгызы ... С. 102-112.

² Там же. С. 105–107.

³ Там же. С. 112–116.

⁴ См.: Шарифуллина Р. Ее творческий путь начался в Черемшане [Электронный ресурс] // Наш Черемшан. 2019. 23 ноября. URL: <https://nashcheremshan.ru/news/nashi-zemlyaki/ee-tvorcheskiy-put-nachalsya-v-cheremshane> (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Габделхакова Р. Г. Көмеш тун : хикәяләр, парчалар, нәсерләр ... С. 215–216.

Но вот случайно лирическая героиня видит в светлом окне женщину, которая совершает молитву (намаз), и ее мировосприятие радикально меняется:

<p><i>Югыйсэ искитэрлек бернинди можжиза да булмады, тирэягымда берни дэ үзгэрмэде, барысы да әүвэлгеча үз урынында калды. Әмма шушы күренеш, бала чактан, сабый чагымнан ук үтә таныш, жанга якын булган шушы күренеш, өметсез, борчулы уйларымны юып алгандай булды, әйтерсең лә шушы якты тәрәзәдән күңелемә Кояш нурлары кереп тулды¹.</i></p>	<p>Никакого чуда не произошло, ничего вокруг меня не изменилось, все было по-прежнему. Но эта картина, знакомая с детства и близкая душе, разогнала тревожные мысли, как будто бы из этого светлого окна в мою душу проникли лучи Солнца.</p>
---	---

Понимание того, что в мире есть место не только дисгармонии и отчаянию, но и дорогим воспоминаниям, внеличным ценностям, объединяющим людей и вовлекающим их в сферу универсального и вечного, дает возможность по-иному взглянуть на окружающую действительность, преодолеть тяжелые, безотрадные переживания.

Основным способом раскрытия изменений, происходящих в сознании героини, является организация смысловых антитез: человек — природа, тьма — свет, черные тучи — солнце, прошлое — настоящее, беспорядок — гармония и др. Действием законов лирического рода литературы обусловлена поэтическая абстрактность размышлений героини и заметная ритмизация ее речи.

Между повторяющимися мотивами (тоски, ветра, солнечного света, темных туч, окна) возникают ассоциативные связи, порождающие символические значения. Через все произведение проходит образ света. Вначале упоминается тусклый свет лампочки, которого не хватало, чтобы осветить комнату в общежитии, и который лишь усиливал беспокойство в душе, затем речь идет об одном выделяющемся на темном фоне дома окне, яркий свет которого объясняется отсутствием в комнате мебели и тем, что оно занавешено тонким белым тюлем. Постепенно свет отделяется от своего материального носителя, его источником становится читающая молитву старушка:

<p><i>...шушы якты тәрәзәдән, аклык-сафлык бөркелеп торган, жылы нур белән тулы шушы жыйнак бүлмәдән һәм шул бүлмәне нурлы иткән сөйкемле әбидән карашымны ала алмадым².</i></p>	<p>...но я не могла оторвать взгляда от этого светлого окна, от этой аккуратной чистой комнаты и от милой бабушки, наполнившей эту комнату теплым светом. На душе стало спокойно и хорошо.</p>
---	--

Таким образом, молящийся человек наделяется преображающей мир силой света.

Как и в романе Г. Ибрагимова «Молодые сердца» (1912), повести Ф. Амирхана «Хаят» (1911), хикая Г. Исхаки «Халима туташ» (1907), Ш. Камала «Увядший цветок» (1909) и других произведениях татарской литературы начала XX в., в *нәсер* Р. Габделхаковой топос окна, обладающий семантикой «пограничности», коррелирует с движениями души, бьющейся о «мировые границы». Литературная традиция в форме параллелей и аналогий, актуализируя связь человека с трансцендентным, выявляет метафизический смысл изображаемой ситуации. Но в отличие от предшественников для современного автора значима не столько разделительная, сколько соединительная функция границы — та, которую описал В. Н. Топоров: «Окно пронцаемо для взгляда изнутри и для света извне. Оно соединяет внутреннее и внешнее, земное и небесное, человеческое и божественное, материнское и сыновнее. <...> Окно — символ открытости Я для всего, что не-Я...» (Топоров, 1995: 423; курсив источника. — *Авт.*).

Психологические состояния, обозначенные как «грусть, тоска» и «стало спокойно, хорошо», получают конкретно-образное воплощение, связываясь с темами одиночества, отчаяния и безнадежности,

¹ Габделхакова Р. Г. Көмеш тун : хикәяләр, парчалар, нәсерләр ... С. 216.

² Там же.

с одной стороны, и гармонии, внутренней связи между людьми, цельной, согласованной жизни — с другой. Не отвлекаясь от единичной конкретности своего образного воплощения, эти мотивы приобретают универсально-философский смысл и характеризуется взаимопереходностью единичного и общего, мгновенного и вечного, случайного и непреходящего.

К жанру стихотворения в прозе обращается народный писатель Тувы Александр Даржай (1944–2016). Прозаическая миниатюра «Дазыл» («Корень»), варьирующая сюжет басни И. А. Крылова «Листы и корни», построена на конфликте между корнем дерева и листьями, символизирующими противоположные начала и стихии бытия. Листья, раскачиваясь на ветках, шелестели на ветру и разговаривали между собой, гордясь собой, тем, какие они нарядные и певучие, тем, что они так близки к свету солнца. Противопоставляя свою красоту старому шершавому, почерневшему от близости к почве корню, листья недальновидно и надменно осуждают его:

*Бо хире чараш-каасты бужартадып чыдыр мен деп,
малгаш-доозунда борашкан корзагар, кодур дазыл
бодавас-даа ийин¹.*

А этот корявый, покрытый грязью и коростой корень даже и не думает о том, что он позорит нашу красоту.

Сопоставляя в яркой антитезе красоту листьев и толстый шершавый корень, похожий на «черные заскорузлые вороньи лапы», наслаждающийся теплом, «как дряхлый старик, греющий свои кости на солнце», повествователь не приемлет крайности и настаивает на органическом единстве листьев и корня, молодости и старости. Неслучайно, старый корень не осуждает свою крону, напротив, жалеет и любит ее («это мои дети»), ему грустно и обидно, что жизнь его подошла к концу:

*Эх, ам-даа кенен-тенек-тир силер, кымның ырын
ырлап турарыңарны билбес!²*

Эх, вы все еще глупы, не знаете, чью песню поете!

Это сравнение, взятое в эстетическом плане, проливает свет не только на драматические взаимоотношения «отцов» и «детей». Речь идет о том, что молодое поколение отрывается от своих корней, истории и культуры своего народа, более того, стыдится своего прошлого, своих предков. Но «дети» забывают о вековой мудрости: дерево живо корнями, а народ — памятью, о том, что народ, потерявший уважение к предкам, забывший историю, культуру, духовные основы жизни, перестает быть народом, теряет свою идентичность, самобытность и самоуважение, и в итоге обрекает себя на вымирание.

Размышления старого корня, его убеждения и жизненная позиция оформляют дидактический дискурс с его риторикой императивного, монологизированного слова и разделением участников коммуникативного события на поучающего и поучаемых (Тюпа, 2001: 16). Эта коммуникативная стратегия раскрывается через жанровые элементы притчи. Сознывая, что жизнь его подходит к концу, корень с горечью думает о том, что скоро наступит черный день и для его веток и листьев. В словах содержится недвусмысленное предупреждение о возможной катастрофе, грозящей дереву:

*Бодунуң дазылын кым-даа, чүү-даа уттур болза,
шыпшыктан аңдарлып, молдуруун сый, чынчыра
ушканы ол³.*

Если забудет о своем корне, никто и ничто не устоит, рухнет и разобьется вдребезги.

Эти пророчества сбываются. Финал произведения имеет эсхатологическую семантику: когда налетел ветер и стал бешено трясти дерево, корень старался из последних сил цепляться за землю, но его пальцы и жилы начали рваться:

¹ Даржай А. А. Шагар-оътта шалың ... С. 8.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 9.

Эң сөөлгү дамыры сокту бээрге, дазылдың чүстери казыр-казыр диген соонда, черден ол салдыныпкан. Бяш хамык будук-бүрүзү-биле катай хаара черже чыжырт кылдыр кээп ушкан...¹

Когда порвались последние жилы, страшно закрипели все суставы корня, и он выпустил землю из рук. Дерево со всеми своими ветвями и листьями с ужасающим треском рухнуло на землю...

Художественное целое произведения формирует взаимодополнительность двух модусов художественности: иронического, соответствующего изображению листьев, и героико-трагического, соотнесенного с самоотверженными усилиями корня спасти дерево. Категория поэтического приобретает проективно-мировоззренческий характер, направленный на поиски утраченной целостности мира, преодоление дуализма таких мирозерцательных категорий, как: «жизнь» / «смерть», «молодость» / «старость», «внешнее» / «внутреннее», «верх» / «низ», «высота» / «глубина», «земля» / «небо», «вертикаль» / «горизонталь» и др.

В этой миниатюре активно используются «живописный» и «сценический» коды. Своеобразие «живописного» кода заключается в особом типе письма, раскрывающем трагическое противостояние «внешнего» и «внутреннего» в героях. «Сценический» код выступает как способ их самораскрытия, разоблачения листьев и возвеличивания корня. Эстетическим центром создаваемого в произведении универсума выступает образ дерева, которое отсылает к классическому символу Мирового древа, служащего во всех мифологических системах универсальным сепарантом вертикальных уровней мира. Е. М. Мелетинский рассматривает мировое дерево как центральную фигуру «вертикальной» космической модели, связанную с трихотомным делением на небо, землю и подземный мир (Мелетинский, 2000: 213–214). Дерево — это и символ упорядоченности мироздания (Можейко, 2001: 205). Деревья не только соединяют по вертикали земную и небесную сферы, но и несут память рода, сближают эпохи и поколения, помогая осознать скрытую взаимосвязь всего сущего.

Соположение разных структурно-семантических планов в прозаической миниатюре А. Даржая формирует между ними особые парадигматические отношения, устанавливающие эквивалентность антропологического и природного, мира «горнего» и «дольнего», истории дерева и судьбы нации, и выступает в качестве поэтического субстрата произведения.

Итак, в произведениях татарских и тувинских поэтов и писателей символические образы сопрягает человеческое существование с вечными законами и стихиями бытия, вводят экзистенциальную тему, становясь средством обнаружения экзистенциального смысла запечатленных в тексте переживаний, их универсализации.

Особенности ритмической организации текстов

Прототипами героев элегий-нэсер Ш. Анака стали не просто выдающиеся деятели литературы, но люди, близкие ему духовно. С Назымом Хикметом, героем четвертой элегии, татарского поэта связывали не только творческие, но и личные контакты, поэтому в создании его образа Ш. Анак использовал мемуарно-документальный материал. Развернутая повествовательная фабула, сближающая элегию-нэсер «Н. Хикмету» с эпическими жанрами, представляет историю жизни героя: приезд в Москву в двадцатые годы, тюремное заключение, возвращение в СССР, болезнь — «наследие каменных стен»², счастливые десять лет, которые прошли на Новопесчаной в Москве и заставили забыть о тюрьме, больница, смерть от «разрыва сердца». В эту плотную фактографическую канву вплетаются и упоминания об основных этапах в истории взаимоотношений двух поэтов: знакомство в 1952 г., зарождение дружбы, несостоявшаяся встреча, наконец, посещение Новодевичьего кладбища, где похоронен «турецкий Пушкин».

Стремясь передать индивидуально-неповторимый облик Хикмета, Ш. Анак прибегает к психологизированной портретной характеристике:

¹ Даржай А. А. Шагар-оьтта шалың ... С. 11.

² Анак Ш. Анак Ш. Тыйнак табын. Шигырьлэр ... С. 68.

<p><i>...күк шикелле зәңгәр күзләрендә әрнүле сагыш — бәлки, тагын да туган иленнән аерылгангадыр, ә бәлки, йөрәге чәнечкәндәдер — барыбер түгелмени?¹</i></p>	<p>...в голубых, как небо глазах, болезненная тоска — возможно, потому, что расстался с родиной, возможно, от колющей боли в сердце — не все ли равно?</p>
---	--

Повествовательный принцип смены событий, ассимиляция элегией мемуарных нарративов, объективированный, отделенный от авторского «я» герой с конкретной биографией, портретная и предметная описательность создают эффект прозаизации стихотворной речи. Но в тексте произведения действует и противоположно направленная тенденция. Отталкиваясь от нарративного субстрата, Ш. Анак создает поэтический образ человека с «большим сердцем»:

<p><i>...һәм бу зур йөрәк, авыру булса да, сыйдыра алган аның туган Төркиясен һәм безнең олы Росәйне².</i></p>	<p>...и это большое сердце, хотя и больное, сумело вместить в себя родную Турцию и нашу большую Россию.</p>
---	---

Поэтическое мышление автора элегии «Н. Хикмету» выражается в приеме развертывания семантических фигур. Мотив разбившегося / сторевавшего сердца, отсылающий к традиционным представлениям о человеческом сердце в фольклоре и литературе, функционирует в данном случае в прямом и метафорическом значениях:

<p><i>Олы йөрәкле кешеләр, олы шагыйрьләр иртә китә, туган иле өчен яныпмы, дөнья өченме — барыбер түгелмени? Ярыла йөрәкләре, олы дөнья сыйган зур йөрәкләре...³</i></p>	<p>Люди с большим сердцем, великие поэты рано уходят, Сгорают они за свою родину или за весь мир — не все ли равно? Их сердца разбиваются, сердца, вместившие весь мир...</p>
--	---

Мотив-метафора разбившегося сердца становится средством художественного обобщения, выявляя трагическую закономерность в жизни больших поэтов: их героический энтузиазм, всемирно-исторический масштаб исканий оказываются губельными, «разрывают» их изнутри.

В элегиях-нәсер Ш. Анака, написанных свободным стихом, встречаются фрагменты, расположенные с отступом вправо по отношению к основному тексту и являющиеся компонентом вертикальной, строфической организации художественного целого. Видимая прозаичность речевого строя уравновешивается системой повторов, своеобразных «кружений» вокруг главной темы. В четвертной элегии в формировании поэтической структуры текста участвуют редифы: вопрос «Не все ли равно?» создает вероятностную, неопределенно-множественную мотивировку изображаемого, а утверждение «И я верю» воспроизводит коммуникативную модель продолжающегося разговора с собеседником.

В нәсер Р. Габделхаковой ритмообразующую функцию выполняет прием парадигматизации текста, введения в него сети эквивалентностей (сходств и противопоставлений), проявляющихся как в плане содержания, так и в плане выражения. Функционирование категории поэтического в этих миниатюрах подчиняется смене тональностей, типов эмоционально-ценностных ориентаций, художественных модальностей. Так, в нәсер «Әбием намаз укый» («Моя бабушка молится») образ бабушки раскрывается через систему номинаций, присущих лирическому дискурсу: «лебедь», «белый ангел», «вдова», «несчастливая мать», «терпеливая старушка». Перифразы, содержащие емкую характеристику героини, дают представление об эмоционально-ценностной ориентации субъекта речи — «я», создающего возвышенный, опозитизированный образ бабушки и осмысливающего ее судьбу в широком историко-культурном и общеродовом контексте.

¹ Анак Ш. Тыйнак табын. Шигырьләр ... С. 68.

² Там же.

³ Там же.

В молитвенном слове бабушки акцентирована не столько просительная модальность, сколько исповедальная — это разговор с Богом о самом сокровенном. Жестокостям окружающего мира и трагическим событиям в личной судьбе противопоставляются организованные молитвой бытийно-мировоззренческие горизонты национальной духовности: возвышенность духа и гармоничность души, понимание своего бытия как непосредственно данного и предопределенного во всей своей нерасчленимой целостности, терпение, верность своему предназначению:

*Йа Хода! XX гасырның канлы еллари, рэхимсез сугышлары шаһиты булган, мархаматсез ачлык-ялангачлыкны артыгы белән татыган, мул-рэхәт тормышны бары хыялында, төшләрендә генә күргән әбием Сиңа ялвара!*¹

О Боже! К тебе обращается с молитвой моя бабушка, которая была свидетельницей кровавых событий и жестоких войн XX века, сполна испытала голод и нищету, только в мечтах и снах видела благополучную жизнь!

Субъектную архитектуру и эмоциональный тон *нэсер* «Моя бабушка молится» определяет обращение к Богу не только бабушки, но и лирической героини. Для нее Бог — «Ты», сверхсубъект особого типа, занимающий позицию «внеаходимости» и «внежизненной активности» по отношению к бабушке, но не к миру «я». Напряженный диалог «я» с этой надкругозорной точкой зрения выполняет структурообразующую функцию, раскрывая процесс духовно-творческого самоопределения лирического субъекта. В соответствии с законами лирических жанров «я» претерпевает изменение строя своей субъективности: рассказ о молитве бабушки, признание своей неспособности присоединиться к ее разговору с Богом переходят в молитву самой лирической героини, стремящейся воздействовать на творящие силы мира: «Догаларыгыз кабул булсын!»² («Пусть ваши молитвы будут исполнены!»).

Лирическая риторика облекается в формы, близкие к стиховым. Ритмизация речи, образно-метафорический характер лексики, подчеркнуто экспрессивное строение фраз, напряжение антитез, самостоятельное, авторсемантическое употребление местоименных форм, обращения, повышение интонации за счет цепи восклицательных предложений, с одной стороны, передают напряженно торжественный, трагедийный эмоциональный настрой, фиксируя внимание на духовном преображении лирической героини, с другой — служат средством создания особых принципов типизации, определяет масштаб обобщений.

Образ бабушки лишен индивидуальной и социально-психологической конкретности, ее молитва становится отражением обобщенно-личного религиозно-нравственного сознания всего предшествующего поколения, к которому обращается в финале лирическая героиня:

Ачык йөзле, ак яулыклы тыйнак татар әбиләре! Күктән иңдерелгән изге фәрешталәр алла соң сез үзегезме?!³

Скромные и приветливые старушки-татарки в белых платках! Не ангелы ли вы, спустившиеся с небес?!

Способом создания поэтического контекста и средством художественного обобщения становится и интертекстуальная связь с образом Акэби из повести А. Еники «Невысказанное завещание» (1965). В обоих произведениях значима семантика белого цвета, символа нравственной чистоты и высокой духовности, как одного из приемов возвышения и сакрализации образов героинь.

Иные способы ритмической организации прозаического текста используют тувинские поэты. Поэма в прозе Э. Мижита «Белая мистерия», написанная на русском языке, по форме представляет собой ритмизованную прозу. Ритмический рисунок произведения в отличие от конвенционального стихотворения не подчиняется однообразному ритму от начала и до конца, а прихотливо меняется, создавая тем самым эффект крайне взволнованной и возвышенной речи. Например:

¹ Габделхакова Р. Г. Көмөш тун : хикәяләр, парчалар, нәсерләр ... С. 214.

² Там же. С. 215.

³ Там же.

О, совершенство, только оно придает безмятежность всему. О, безмятежность всего совершенного, только она создает такую звонкую тишину. Верную подругу покоя и смерти, чей зов сильнее всего.

В белизне таится вся гамма цветов.

В тишине таятся все звуки.

В покое же взрывы, быть может, таятся.

А в смерти...

А о смерти потом, о смерти потом...¹

Автор, неизменно следуя своему творческому методу, не делает конкретных выводов и не дает окончательных ответов на вопросы. Финальные строчки произведения, приводимые ниже, по сути, не являются окончательным выводом, а всего лишь одним из возможных вариантов ответа, подчиняющегося основному образу:

А когда допоем до самой высокой, самой чистой ноты — нас пронзит, как стрела, постижение смысла — и замрут на мгновение сердца. Ибо сердцем и только сердцем мы способны постичь эту тайну — тайну жизни и смерти.

Смерти, которая есть путь и ступень к святилищу Бога.

И должно пройти ее молча и молча вступить в Его Храм².

Во второй части поэмы автор создает образ, который можно интерпретировать по-разному. Это образ зимы с чистым белым снегом, поющими вьюгами, с их чистыми нотами, тишиной, сверкающими всеми красками снежинками, следами-письменами животных на снегу и т. д. Но тут же автор дает понять, что речь идет не только и не просто о зиме:

Что такое зима? Пригляди́мся к арабескам взлохмаченных вихрей. О, сколько в их танце безумном безмерной свободы! Да и мы, как и вихри, свободны видеть и строить в душе какой нам угодно мир или символ³.

Зима, в качестве основного образа для выражения своей идеи, на наш взгляд, выбрана автором неслучайно. Весна у нас ассоциируется с пробуждением и цветением природы, разноголосым пением птиц, весенними трудами и заботами. Лето и осень с их полевыми трудами также трудно ассоциируются с тихим спокойным размышлением. А зима для нас — это чистота, белизна, бодрящий мороз, спокойствие и ясность ума:

Да, белизна — это в белых одеждах посланник Бога. Каждый год прилетает он к нам, словно птица из сказки к своим птенцам, к которым подполз огромный Вселенский Змей.

И все письма на белом покрове — и рисунки, и зыбкие тени взметнувшейся снежной пыли, и те мягкие четкие линии — все это знаки, символы и письма Бога.

Да, зима — это святилище года. Огляди́мся — мы в храме, отряхнем же с себя суету, споем те священные гимны, что поют нам метели и вьюги⁴.

Многозначные взаимопроникающие образы создают вероятностно-множественную модель мира. Так звуки здесь парадоксальным образом превращаются в свет:

О, спокойствие этих заснеженных звуков, о, потоки прозрачной бездонности смыслов! И хотя не дано нам достичь тех глубин, где на самых немислимых высотах те же звуки, наверно, становятся светом — светом, бьющим нам прямо в глаза, пробуждаются там от лучей этих звуков, открывают глаза наши души, там становится внятными нашим взорам тот зов, видим чуткому слуху зов ветров и снегов⁵.

Выстраивая такие необычные образы, отсылающие к мистике (духовно-религиозному обряду, таинству), литургии, святилищу, священным гимнам, Э. Мижит направляет читательскую мысль к своей основной идее — идее о духовном совершенствовании, высоких и священных вещах, духовных небесах и Боге.

¹ Мижит Э. Стихотворения в прозе // Улуг-Хем. 1995. № 4. С. 17.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 20.

«Белая мистерия» — это прозиметрический текст, для которого актуальной оказывается строфическая композиция: членение текста на абзацы-строфы: короткие фрагменты, состоящие из примерно равного количества переложений.

Синтезирующая тенденция

Наряду с созданием произведений, сохраняющих формально-содержательные особенности жанра и его название, в литературном процессе отчетливо заявляет о себе и другая тенденция — «смешения» жанров, их тематизации, превращения в открытый и незавершенный текст (дискурс). В *нэсер* и *шулук-чугаа* отразилось тяготение современной литературы к синтезу художественного, документального, публицистического, философского дискурсов, слиянию родов и жанров.

Так, наряду с элегическим кодом в стихотворениях Ш. Анака, посвященных великим поэтам России и Востока, присутствуют базовые признаки таких жанров, как послание и литературный портрет: воссоздание характерных черт личности героя, установка на диалог с адресатом, выступающим в роли «провиденциального» собеседника, открытость прозаическому слову, частной сфере бытия и высокая поэтическая фразеология, выход за пределы эмпирического содержания образов и сюжета в сферу универсального и вечного. Творческий опыт Ш. Анака выявляет одну из значимых тенденций в функционировании *нэсер* — утрачивая закрепленную традицией формальную специфику, *нэсер* продолжает существовать, распространяя свою семантическую энергию на другие жанры.

Расширение синтезирующих возможностей жанра отразилось в творчестве Р. Габделхаковой. В ее прозаических миниатюрах конструктивная жанрообразующая роль принадлежит лирической тенденции. Ценностным центром создаваемой картины мира в *нэсер*, для которой характерны взаимопереходы личного и обобщенного, конкретно-исторического и универсального, является лирический субъект, аккумулирующий в своем внутреннем мире поэтическую рефлексию и ее итог — момент постижения некоей истины. В *нэсер* писательницы проявилась тенденция к индивидуализации лирической героини, которая становится биографически конкретной личностью, а окружающая ее действительность принимает конкретные бытовые и этнографические черты. Предметные детали (окно, гармонь, цветы, деревенский дом), насыщенные эмоциональной субъективностью лирической героини, обладают высокой степенью обобщения и тяготеют к символам.

Специфику жанра в творчестве Р. Габделхаковой создает взаимодействие двух эмоциональных сюжетов, связанных с изображаемым миром и изображающим субъектом. Переживаемое лирической героиней ментальное событие открывает выход к новым смысловым перспективам — обобщенно-символическим, философским. В ряде *нэсер* появляется объективированный в тексте образ адресата (бабушки, отца, матери), выступающего в качестве очень близкого, родного человека — «ты». Но этот другой оказывается не субъектом, а объектом изображения, что сближает *нэсер* с формами и структурными принципами, присущими эпическому роду литературы. Устремленность «я» к миру другого сознания («ты») порождает новый, медитативно-исповедальный дискурс, в котором существенная роль принадлежит воспоминаниям.

Наличие адресованной речи, обращенной к собеседнику, воссоздание характерных особенностей его внешнего и внутреннего облика придают *нэсер* Р. Габделхаковой черты литературного портрета и послания. Доминирующий в *нэсер* «Моя бабушка молится» торжественно-панегирический эмоциональный тон устанавливает связь с жанровой традицией мадхии (оды, панегирика)¹. Пейзажные зарисовки, экскурсии в прошлое, предметная бытовая конкретность описаний, выступающие как средство раскрытия сложного психологического состояния лирической героини, придают ряду произведений Р. Габделхаковой, относимых к жанру *нэсер* («Светлое окно», «Возвращение»), черты вне-родовых литературных форм — очерка, «потока сознания», эссе.

Смелые эксперименты в поисках продуктивного синтеза поэзии и прозы в пределах одного произведения проводят Э. Мижит и А. Даржай. В их стихотворениях в прозе присутствует авторитетная резюмирующая позиция или некое предзаданное знание, образующие прозаический субстрат жанра и сближающие эту художественную форму, с одной стороны, с различными видами дидактической литературы, с другой — с традициями философской прозы. На основе этого критерия в творчестве тувинских писателей условно можно выделить две разновидности жанра.

¹ Татарская энциклопедия : в 6 т. ... Т. 4. С. 16.

В *шулук-чугаа* Э. Мижита «Колодец» и А. Даржая «Корень» присутствуют качества эпичности, которые привносят в их художественную структуру такие жанры, как баллада и притча. Сентенции, вытекающие из рассказанной истории и обнаруживающие сокровенные, глубинные смыслы бытия, звучат как заключительный вывод, назидание. Стихотворения в прозе Э. Мижита «Мальчик и ручеек», «Пауза», «Белая мистерия» близки к жанрам лирико-философской прозы, направленным на осмысление универсальных закономерностей бытия и рассматривающим единичное в свете всеобщего. Они включают в себя «формулы мысли», в которые облекаются результаты поисков истины, смысла жизни, счастья.

Главным признаком произведений первого типа является смысловая и структурная завершенность текста, четкость его границ. В отличие от них лирико-философские миниатюры второго типа характеризуются фрагментарностью и «разомкнутостью». В этих особенностях композиции воплощается идея необъятности и разнообразия мира, стихийности бытия. Явления природы и состояния человеческой души оказываются связанными отношениями «соответствия», рядоположенности и предстают как семантически тождественные синкретические начала жизни. Дидактическая и философская направленность размышлений автора-повествователя (лирического героя, лирического «я») ведет к стиранию границ между разными типами дискурса. Но в силу ярко выраженной лирической составляющей моральные сентенции и афоризмы содержат в себе не только поучительный или познавательный смысл, но и запечатлевают откровенную эмоцию, момент прозрения, постижения истины. Синтез разнородных начал усиливает концентрацию и семантическую плотность текста.

Нэсер и *шулук-чугаа* сохраняют свои конститутивные признаки и в то же время оказываются пластичными художественно-эстетическими формами, активно взаимодействующими с другими жанрами.

Заключение

Итак, *нэсер* и *шулук-чугаа* в татарской и тувинской литературах функционируют в качестве жанров, внутреннюю меру которых определяет взаимодействие поэтического и прозаического начал как типов художественного мышления, онтологических категорий и способов организации речевого материала. Их объединяют сходные конститутивные признаки: во-первых, миниатюрный объем текста; во-вторых, его вертикальная (стиховая), проявившаяся в творчестве Ш. Анака, или парадигматическая (поэтическая), характерная для Р. Габдулхаковой, Э. Мижита, А. Даржая, упорядоченность; в-третьих, способность осуществлять синтез различных видов искусств (музыки и живописи), литературных родов и жанровых «первофеноменов», а также включать в себя внехудожественные элементы — дидактические, философские.

Разные типы диалогических отношений между «искусством слова» и «искусством рассказывания» выражают жанровую «идею» *нэсер* и *шулук-чугаа*. Она заключается в том, что внешняя динамика жизни эстетически уравнивается лирическим напором противостоящего ей сознания, хаотический круговорот мира — гармонизирующей силой ритма, причинно-следственная логика и временная последовательность событий в их процессуальной открытости и незавершенности — вневременной и внепричинной связью мотивов, представляющих мир как состояние и раскрывающих эквивалентность бытия и мышления, сюжетность и повествовательность — поэтическим способом художественного завершения с присущей ему символизирующей тенденцией.

Синтез элементов, происходящих из разных видов искусств, родов и жанров, межродовых и межжанровых форм, разных типов дискурса (философского, дидактического, документального и др.), обеспечивает смысловой и эстетический универсализм прозаических миниатюр в татарской и тувинской литературах. Эти центробежные силы формируют периферию жанра, его типологические разновидности и индивидуально-авторские варианты.

Нэсер существует в истории татарской литературы как определенный тип произведений, имеющий истоки в восточной ритмической прозе и ориентирующийся на традиции жанров как восточной поэзии, так и русской и европейской миниатюристики («стихотворений в прозе»), соотношенный с этноспецифичными концептами татарской культуры («адаб», «моң», «намаз» и др.) и репрезентирующий этнокультурную идентичность татарской литературы.

Всплеск активности *шулук-чугаа* в тувинской литературе приходится на такие периоды в истории словесности, которые характеризуются ускорением темпа жизни и сменой ценностных ориентиров,

поисками новых художественных форм, потребностью преодолеть каноны и передать индивидуальную речь говорящего, его неповторимо-уникальное видение мира и человека. Вместе с тем интерес к этому жанру соответствует конститутивным чертам ментальности народа: источником поэтического становятся моменты мгновенного озарения (сатори), в акте которого постигается мир как целое и достигается единство «я» и «не-я», пластичность субъект-объектных границ, взаимововлеченность и взаимозамещаемость явлений, принадлежащих к разным рядам концептуализации действительности.

Перспективы исследования видятся в описании типов взаимодействия поэзии и прозы в других жанрах татарской и тувинской литератур, а также в обращении к другим периодам их истории. Предложенная методика анализа приемов поэтизации прозы позволит осмыслить внутреннее единство таких категорий теоретической и исторической поэтики, как «род», «жанр», «стиль», особенности их функционирования в разных литературах, связь со стратегиями сюжетопостроения и мифообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. лит. 504 с.
- Гаспаров, М. Л. (2001) Стихотворение в прозе // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак». 1600 стб. Стб. 1039.
- Жирмунский, В. М. (1975) Теория стиха. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние. 664 с.
- Загидуллина, Д. Ф. (2013) Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань : Татар. кн. изд-во. 207 с.
- Квятковский, А. П. (1966) Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М. : Сов. энцикл. 376 с.
- Козлов, В. И. (2009) Здание лирики. Архитектоника мира лирического произведения. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ. 240 с.
- Лотман, Ю. М. (1998) Об искусстве. СПб. : Искусство—СПб. 702 с.
- Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. М. : Вост. лит. 407 с.
- Можейко, М. А. (2001) Дерево // Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом. 1040 с. С. 204–208.
- Орлицкий, Ю. Б. (2002) Стих и проза в русской литературе. М. : РГГУ. 685 с.
- Потебня, А. А. (2003) Теоретическая поэтика. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия». 384 с.
- Смирнов, И. П. (2001) Смысл как таковой. СПб. : Академический проект. 352 с.
- Теория литературы (2004) : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Изд. центр «Академия». Т. 1. 512 с.
- Топоров, В. Н. (1994) Река // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия. Т. 2. 719 с. С. 374–376.
- Топоров, В. Н. (1995) Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М. : Прогресс ; Культура. 624 с.
- Тынянов, Ю. Н. (1993) Теория литературы // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М. : Высш. шк. 319 с. С. 23–157.
- Тюпа, В. И. (2001) Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь : Твер. гос. ун-т. 58 с.
- Тюпа, В. И. (2008) Стихотворение в прозе // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной ; Intrada. 358 с. С. 253.
- Тюпа, В. И. (2013) Дискурс / Жанр. М. : Intrada. 211 с.
- Загидуллина, Д. Ф. (2007) Нэсер [Нэсер] // Эдэбият белеме: Терминнар һәм төшенчэләр сүзлеге [Словарь литературоведческих терминов и понятий] / науч. ред.: Т. Н. Галиуллин, Д. Ф. Загидуллина. Казань : Магариф. 231 с. С. 127–128. (На татар. яз.)
- Мижит, Л. С. (2015) Эдуард Мижиттин алыс шынче чүткүлү [Стремление Эдуарда Мижита к Истине] // Мижит Л. С. Тыва шүлүк чогаалының делегейинде [В мире тувинской поэзии]. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 170 с. С. 71–86. (На тув. яз.)

Монгуш, Ш. А. (2009) Эдуард Мижиттин «Кайда силер?» деп проза-шүлүү [Стихотворение в прозе Эдуарда Мижита «Где вы?»] // Тыва чечен чогаал: сөөлгү үениң шинчилелдери [Тувинская литература: исследования последних лет]. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 217 с. С. 187–206. (На тув. яз.).

Халит, Г. (1975) Кешегә һәм чынлыкка мәхәббәт белән [С любовью к человеку и правде]. Казань : Татар. кн. изд-во. 328 с. (На татар. яз.).

Дата поступления: 28.07.2023 г.

Дата принятия: 30.08.2023 г.

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 504 p. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (2001) *Stikhotvorenie v proze [A poem in prose]*. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]* / ed. by A. N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak. 1600 clmns. Clm. 1039. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1975) *Teoriia stikha [Theory of verse]*. Leningrad, Sovetskii pisatel', Leningrad Branch. 664 p. (In Russ.).
- Zagidullina, D. F. (2013) *Modernizm v tatarskoi literature pervoi treti XX veka [Modernism in the Tatar literature of the first third of the 20th century]*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 207 p. (In Russ.).
- Kviatkovskii, A. P. (1966) *Poeticheskii slovar' [Poetic dictionary]* / ed. by I. Rodnianskaia. Moscow, Sovetskaia entsiklopedia. 376 p. (In Russ.).
- Kozlov, V. I. (2009) *Zdanie liriki. Arkhitektonika mira liricheskogo proizvedeniia [The building of lyrics. Architectonics of the world of a lyrical work]*. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ. 240 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1998) *Ob iskusstve [On the arts]*. St. Petersburg, Iskusstvo—SPB. 702 p. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (2000) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 407 p. (In Russ.).
- Mozheiko, M. A. (2001) *Derevo [Tree]*. In: *Postmodernizm [Postmodernism] : An encyclopedia / comp. and by ed. by A. A. Gritsanov and M. A. Mozheiko*. Minsk, Interpresservis ; Knizhnyi Dom. 1040 p. Pp. 204–208. (In Russ.).
- Orlitskiy, Yu. B. (2002) *Stikh i proza v russkoi literature [Verse and prose in Russian literature]*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 685 p. (In Russ.).
- Potebnja, A. A. (2003) *Teoreticheskaia poetika [Theoretical poetics]*. St. Petersburg, Philological Faculty at St. Petersburg State University ; Moscow, Akademiia. 384 p. (In Russ.).
- Smirnov, I. P. (2001) *Smysl kak takovoi [The sense per se]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 352 p. (In Russ.).
- Teoriia literatury [Theory of literature] (2004) : A study guide : in 2 vols. / ed. by N. D. Tamarchenko*. Moscow, Akademiia. Vol. 1. 512 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1994) *Reka [River]*. In: *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world] : in 2 vols. / ed. by S. A. Tokarev*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. Vol. 2. 719 p. Pp. 374–376. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo : Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image : Research in the field of mythopoetic : Selected works]*. Moscow, Progress; Kul'tura. 624 p. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1993) *Teoriia literatury [Theory of literature]*. In: Tynyanov, Yu. N. *Literaturnyi fakt [Literary fact]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 319 p. Pp. 23–157. (In Russ.).
- Tiupa, V. I. (2001) *Narratologiia kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Arkhieri» A. P. Chekhova) [Narratology as an analytics of narrative discourse («The Bishop» by A. P. Chekhov)]*. Tver, Tver State University. 58 p. (In Russ.).
- Tiupa, V. I. (2008) *Stikhotvorenie v proze [A poem in prose]*. In: *Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i poniatii [Poetics: A dictionary of current terms and concepts]* / ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina's Publ.; Intrada. 358 p. P. 253. (In Russ.).
- Tiupa, V. I. (2013) *Diskurs / Zhanr [Discourse / Genre]*. Moscow, Intrada. 211 p. (In Russ.).
- Zahidullina, D. F. (2007) *Nöser [Neser]*. In: *Ədəbiyat beleme: Terminar һәм төshenchələr syzlege [A dictionary of literary terms and concepts]* / ed. by T. N. Galiullin and D. F. Zagidullina. Kazan, Magarif. 231 p. Pp. 127–128. (In Tatar).
- Mizhit, L. S. (2015) *Eduard Mizhitin alys shynche chytkyly [Eduard Mizhit's longing for Truth]*. In: Mizhit, L. S. *Tuva shylyk chogaalynuy delegeiinde [In the world of Tuvan poetry]*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 170 p. Pp. 71–86. (In Tuv.).

Mongush, Sh. A. (2009) Eduard Mizhittiң «Kaida siler?» dep proza-shylyg [A prose poem “Where Are You?” by Eduard Mizhit]. In: *Tuva chechen chogaal: sөөlgү үениң shinchilelderi [Tuvan literature: Studies of recent years]*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 217 p. Pp. 187–206. (In Tuv.).

Khalit, G. (1975) *Keshegә һәм chynlykka мәхәbbәt belән [With love for man and truth]*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 328 p. (In Tatar).

Submission date: 28.07.2023.

Acceptance date: 30.08.2023.

Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в поговорках)

Ирина Ю. Варламова, Марина Б. Будильцева, Иван А. Пугачев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Елена М. Куулар

Государственное бюджетное научное учреждение Министерства образования Республики Тыва

«Институт развития национальной школы», Российская Федерация

В статье представлен лингвокультурологический и лексико-семантический анализ пословиц и поговорок тувинского и русского языков, в которых раскрывается образ женщины. Актуальность обращения к названной проблематике обусловлена повышением интереса к гендерным исследованиям в разных научных областях, в том числе в сопоставительном языкознании и лингвокультурологии. В лингвистике общепризнана значимость отображения специфики этнического менталитета, характера и культуры в языке в целом и на уровне фразеологии в частности.

В процессе исследования были отобраны наиболее частотные фразеологические единицы, на основе которых проведен лексико-семантический анализ. Он позволил выявить сходства и различия в способах номинации женщины, связанных с определенными социокультурными коннотациями. Основное сходство при номинации женщины в тувинских и русских поговорках проявляется в совпадении ключевых лексем нейтрального характера. Различие же состоит в том, что в русских фразеологизмах преобладают эмоционально окрашенные (чаще негативно) лексические единицы. Определены универсальные и специфические семантические компоненты женской темы, входящие в ядерную и периферийную зоны, и их соотношение в сопоставляемых языках. Проведенный анализ показал несовпадение в наполнении ядерной и периферийных зон тувинских и русских фразеологизмов с фемининной референцией.

Рассмотрены аспекты семантического компонента «материнство», являющегося ключевым для обеих лингвокультур. Наблюдается большая бытовая детализация образа матери в русских поговорках и цельность этого образа, его возвышенность в тувинских фразеологических единицах. Очерчен круг общих и специфических личностных качеств женщины, отраженных во фразеологических единицах. Общими являются отрицательные черты женского характера (болтливость, бесхозяйственность) и отношение к женской красоте (как к не представляющей особой ценности). При этом в тувинских поговорках акцент сделан на качествах, необходимых для выполнения роли в семье (хозяйственность, житейская мудрость), а в русских поговорках чаще содержится критика характерных для женщины недостатков.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; сопоставительная лингвокультурология; тувинская культура; образ женщины; поговорка; семантический компонент; семантическое поле

Для цитирования:

Варламова И. Ю., Будильцева М. Б., Пугачев И. А., Куулар Е. М. Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в поговорках) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 44-60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Варламова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: varlamova-iyu@rudn.ru

Будильцева Марина Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: budiltseva-mb@rudn.ru

Пугачев Иван Алексеевич — доктор педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: pugachev-ia@rudn.ru

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, директор государственного бюджетного научного учреждения Министерства образования Республики Тыва «Института развития национальной школы». Адрес: Россия, 667001, г. Кызыл, ул. Рабочая, д. 2. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in paroemias)

Irina Yu. Varlamova, Marina B. Budiltseva, Ivan A. Pugachev

RUDN University, Russian Federation,

Elena M. Kuular

Institute of National School Development of the Ministry of Education of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article presents a linguocultural and lexical-semantic analysis of proverbs and sayings in the Tuvan and Russian languages, delving into the portrayal of women. The significance of addressing this issue stems from the growing interest in gender studies across diverse scientific domains, including comparative linguistics and linguoculturology. Linguistics acknowledges the importance of capturing the specificity of ethnic mentality, character, and culture within language, particularly within phraseology.

In the course of this research, the most frequently used phraseological units were selected for a lexical-semantic analysis. This approach facilitated the identification of similarities and differences in the ways women are characterized, entwined with specific sociocultural connotations. The primary similarity in characterizing women in Tuvan and Russian proverbs lies in the convergence of key lexemes with a neutral connotation. However, Russian phraseological units tend to be dominated by emotionally charged lexical items, often with negative undertones. Universal and specific semantic components related to the feminine theme within both the core and peripheral zones were defined, along with their interrelation in the compared languages. The analysis revealed discrepancies in the content of the core and peripheral zones of Tuvan and Russian phraseological units concerning their feminine references.

The study also explores the semantic component of "motherhood", pivotal in both linguocultures. Russian proverbs provide a more detailed everyday portrayal of the mother, emphasizing the integrity and sublimity of this image, whereas Tuvan phraseological units tend to emphasize specific qualities. The article outlines a spectrum of common and distinct personal traits attributed to women within these phraseological units. Shared negative characteristics include talkativeness and lack of thrift, as well as a certain attitude towards female beauty, which is often perceived as lacking special value. In Tuvan proverbs, emphasis is placed on qualities essential for fulfilling familial roles, such as thrift and practical wisdom, while Russian sayings frequently criticize typical female flaws.

Keywords: Tuvans; Tuva; comparative linguoculturology; Tuvan culture; portrayal of women; proverb; semantic component; semantic field

For citation:

Varlamova I. Yu., Budiltseva M. B., Pugachev I. A. and Kuular E. M. Obraz zhenshchiny v iazykovoi kartine mira tuvintsev i russkikh (na materiale frazeologii v paremiakh) [The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in paroemias)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 44-60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

VARLAMOVA, Irina Yurievna, Candidate of Philology, Associate professor, Department of Russian Language #4, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St. 117198, Russia, Moscow. Email: varlamova-iyu@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-8855-6972

BUDILTSEVA, Marina Borisovna, Candidate of Philology, Associate professor, Department of Russian Language #4, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St. 117198, Russia, Moscow. Email: budiltseva-mb@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7975-9367

PUGACHEV, Ivan Alexeevich, Doctor of Pedagogy, Head, Department of Russian Language #4, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St. 117198, Russia, Moscow. Email: pugachev-ia@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-0159-8898

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Director, Institute for the Development of National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva. Postal address: 2, Rabochaya St., 667001, Russia, Kyzyl. Email: kuular-e-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4351-6547

Введение

Особенности этнического менталитета и культуры находят отражение в системе языка, его средствах. Фразеологические средства языка, в частности пословицы, кумулятивны, т. е. накапливают и хранят в себе большой объем информации о традициях, обычаях, особенностях мировосприятия носителей того или иного языка, передаваемых в образах и понятиях, и соответственно обладают значительным лингвокультурологическим потенциалом: «...система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996: 215). В связи с этим представляется целесообразным исследование образа женщины в языковой картине мира тувинцев и русских именно на материале произведений народного творчества — паремий, подтверждающих факт многовекового формирования этого образа. Проведенное исследование можно рассматривать как попытку многостороннего описания конкретной культурной универсалии, а именно — образа женщины, в аспекте сопоставительной лингвокультурологии. Во фразеологизмах любого языка, где прямо или косвенно отображается образ женщины, чрезвычайно ярко проявляется специфика этнокультурного языкового мышления. Поэтому представляется весьма интересным и значимым для развития научных знаний поиск параллелей в интерпретации данного образа в разных лингвокультурах.

Актуальность изучения данной проблемы подтверждается возрастающим в последнее время интересом к гендерным вопросам в целом (Кирилина, 1999ab; Егорова, Чочкина, Сарбашева, 2019; Глущенко, Прудникова, 2013; и др.). В частности, можно отметить повышенное внимание к анализу эволюции социального портрета тувинской женщины на разных исторических этапах (Забелина, 2010; Доржу, Очур, 2018; Доржу, Даш, 2017; Натсак, 2021b, 2023), а также к изучению роли женщины в современном тувинском обществе со стороны разных специалистов — историков, социологов, филологов, культурологов, психологов (Анжиганова, Ак-Лама, 2016; Натсак, 2021, 2022ab; Доржу, 2012; Самдан, 2020; и др.).

Цель работы – проанализировать и сопоставить место и роль паремий в лексическом корпусе тувинского и русского языков как источника информации о формировании образа женщины в картине мира тувинцев и русских. Нам представляется правомерным проведение подобного исследования, поскольку «расширение географических и лингвистических границ ... влекут за собой углубление диалога культур» (Воробьев, Полякова, 2012: 13).

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение следующих задач: во-первых, выявить способы номинации женщины с помощью «женских» лексем, связанных с формированием ее образа в тувинских и русских паремиях, в частности, отражающих социальный статус женщины, традиционный бытовой уклад, обусловленный социокультурной спецификой; во-вторых, определить ядерные и периферийные, универсальные и специфические семантические компоненты женской темы в паремиях, присутствующих в культуре обоих народов; в-третьих, показать своеобразие представления образа женщины-матери как ключевого в паремиях каждого из сопоставляемых языков; в-четвертых, провести сравнение представленных в пословицах и поговорках тувинского и русского языков личностных качеств женщины.

Научная новизна заключается в сравнительном изучении образа женщины, отраженного в тувинских и русских паремиях, определении его универсальных и специфических семантических компонентов. В настоящее время известно достаточно большое количество исследований, посвященных образу женщины в русских пословицах и поговорках, в том числе и сопоставительного характера (с английским, немецким, китайским языками) (Глущенко, Прудникова, 2013; Кирилина, 1999a; Сайдашева, Нургалиева, 2016; Хомкова, 2019; Ван Минь, 2018; и др.). В свою очередь тувинские паремии с «женской» темой также являлись объектом сопоставительного изучения (например, с немецким, алтайским языками) (Болат-оол, Пелевина, 2017; Байжанова, 2004).

Методологической основой исследования являются труды по теории фразеологии (Мокиенко, 1989; Шанский, 1996; Телия, 1996) и сопоставительной лингвокультурологии (Воробьев, Полякова, 2012; Стернин, 2007); работы, посвященные описанию лингвокультурологического потенциала паремий (Бредис и др., 2021; Паремииология на перекрестках ..., 2021).

Предметом сопоставительной лингвокультурологии, как пишут В. В. Воробьёв и Г. М. Полякова, «являются сходства и различия двух и более культур, зафиксированных в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, художественных текстах, **фразеологизмах**, метафорах, символах и т. д., нашедших отражение в языковых единицах, выявленных на материале сопоставляемых языков» (там же: 15; выделено жирным шрифтом нами ... — *Авт.*). Мы также исходим из того, что базой любого исследования сопоставительной лингвокультурологии «выступают два и более разносистемных языка, анализируемые в аспекте отражения, накопления и хранения культурной информации в языке» (там же: 16).

Кроме того, мы разделяем мнение И. А. Стернина, который среди причин, вызывающих пристальное внимание к проблемам сопоставительной лингвокультурологии, указывает, в частности, на стремление описать национальную картину мира носителей разных языков; необходимость совершенствования двуязычных словарей, а также интерес к изучению национальной специфики семантики и языкового мышления (Стернин, 2007).

Материалом исследования послужили пословицы, извлечённые методом сплошной выборки из сборников «Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки»¹, «Пословицы и поговорки тувинского народа»², «Пословицы и поговорки русского народа»³, «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок»⁴, «Русские пословицы и поговорки»⁵, а также из монографии Г. А. Забелиной (Забелина, 2010) и работ А. М. Соян (Соян, 2016), А. И. Егоровой, А. П. Кондаковой, М. А. Кужугет (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020). Из фольклорных и этнографических источников были отобраны 80 тувинских и 95 русских паремий, содержащих «женские» лексемы, а также пословиц, в которых имплицитно присутствует «женская» тема.

Способы номинации женщины

Поскольку «основным источником пословиц явились историческая жизнь народа и отстоявшийся в течение веков народный жизненный, трудовой, социально-исторический опыт» (Курбатский, 2001: 343), сформировавшиеся представления о важнейших нравственных ценностях (Соян, 2016), многочисленные тувинские пословицы, в свою очередь, отражают положение и роль женщины в обществе в разные исторические периоды (Забелина, 2010: 18).

Гендерная тематика в паремиях с так называемой фемининной референцией представлена в работах В. Н. Телия (Телия, 1996), А. В. Кирилиной (Кирилина, 1999ab), Е. С. Прудниковой (Прудникова, 2011), Л. Р. Хомковой (Хомкова, 2019), А. И. Егоровой, М. П. Чочкиной, С. Б. Сарбашевой, (Егорова, Чочкина, Сарбашева, 2019), А. И. Егоровой, А. П. Кондаковой, М. А. Кужугет (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020) и др. Следует отметить, что при изучении образа женщины, в частности, в тувинских и русских пословицах, способы номинации женщины не являлись прямым объектом исследований (Болатоол, Пелевина, 2017; Кирилина, 1999a). При этом интересно проследить, как использование лексем для обозначения женщины в тувинских и русских паремиях связано с историческими и социальными изменениями в гендерном вопросе.

Самыми распространенными лексемами, обозначающими лиц женского пола в тувинском языке, являются следующие: *ие* 'мать', *ава* 'мама' (Кара-оол, 2006: 162), *кырган-ава* 'бабушка'⁶, *эне* 'прабабушка, няня'⁷, *шуваганчы* 'старушка'⁸, *кыс* 'девушка, девица', 'молодая женщина', 'невеста', *кыс кижы* 'девуш-

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б.К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2010; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020.

³ Пословицы и поговорки русского народа / авт.-сост. В. И. Даль. М.: АСТ, Астрель, 2005.

⁴ Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок / авт.-сост. И. И. Иллюстров. М.: Русская цивилизация, 2019.

⁵ Русские пословицы и поговорки / авт.-сост. В. П. Аникин. М.: Художественная литература, 1988.

⁶ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 278.

⁷ Там же. С. 614.

⁸ Там же. С. 581.

ка', *эшти киж* 'женщина' (уст.), 'баба' (груб.) (там же: 114), *душтук кыс* 'невеста, возлюбленная' (там же: 214), *эжи* 'жена', 'подруга' (там же: 117), *кыс* 'дочь', *уруг* 'дочка, доченька' (там же: 52-53), *кыс уруг* 'девочка', *кадай* 'баба' (разг.) / *өг ишти* 'жена, супруга', *куруяк* (пренебр.) 'бабка, старуха'¹, *даай-ава* / *даай-ува* 'тётя (старшая или младшая сестра матери)' (там же: 213), *күүй* 'тётя (жена брата матери)², *кат-ие* 'тёща', *кунчуг* 'свекровь (мать мужа)³, *соңгу ие* 'мачеха' (Куулар, 2012: 150), *келин* / *керин* / *кеннижек* 'младшая невестка', *чеңге* / *чаавай* 'невестка (жена старшего брата)⁴, *кыс дуңма* 'младшая сестра', *угба* 'старшая сестра', *кадын* 'царица, ханша, дама' (уст.)⁵, *даңгына* 'царевна, дочь хана' (фольк.)⁶, *херээжен* 'взрослая женщина в отличие от девочки, девушки'⁷, *агай* / *авыгай* / *авагай* (фольк.) 'княгиня, жена нойона'⁸.

В юго-восточном диалекте тувинского языка в речи монголоязычных тувинцев встречаются следующие диалектизмы, заимствованные из монгольского языка: *ээже* (монг. *ээж*) 'бабушка' (вежливое обращение к бабушке) (Куулар, 2012: 147), *хатым-ээч* (монг. хадам аав) 'мать жены или мужа' *када* 'жена дяди по отцу', диал. 'свекровь, мать мужа' (там же: 151).

В тувинских паремиях для обозначения женщины используются лексемы: *ие* 'мать', *ава* 'мама', *кыс* 'девушка, девица', 'молодая женщина', 'невеста', *кыс киж* 'девушка', *эшти киж* 'женщина' (уст.), 'баба' (груб.), *эжи* 'жена', 'подруга', *кыс* 'дочь', *уруг* 'дочка, доченька', *кыс уруг* 'девочка', *кадай* 'жена', 'баба' (разг.), *кат-ие* 'тёща', *келин* 'младшая невестка', *чеңге* 'старшая невестка', *дуңма* 'младшая сестра', *угба* 'старшая сестра'.

Проведенный анализ показал, что наиболее частотными обозначениями являются лексемы *ие* 'мать', *ава* 'мама', *кыс* 'дочь', *уруг* 'девочка, девушка; ребенок, девочка-подросток; дочка, доченька' (Кара-оол, 2006: 52–53). Высокую частотность данных лексем можно объяснить тем, что тувинцев «отличала большая родственная привязанность, во многом сохраняющаяся и до сих пор» (Курбатский, 2001: 217), в «тувинском обществе семья была и остается главной ценностью» (Анжиганова, Ак-Лама, 2016: 110; Куулар, 2020). Роль матери и в целом роль женщины в семье считается особо почитаемой. Эта мысль подтверждается многочисленными примерами.

Пословицы и поговорки, как правило, оформляются в стихотворной форме и состоят из двух парных строк-стихов. В тувинских пословицах встречаются разнообразные семантические отношения параллельных образов, основанных на сходстве или контрасте (Бочина, 2022: 40):

<i>Ава киж</i> <i>төлүм дээр</i> , <i>Ажы-төлү шөлүм дээр</i> ⁹	'Мать о детях заботится, Дети — в степи торопятся' ¹⁰
<i>Ада сөзүн ажырып болбас</i> , <i>Ие сөзүн ижип болбас</i> ¹¹	'Наказ отца запоминай, Слова матери уважай'
<i>Иелиг кыс — шевер</i> , <i>Адалыг оол — томаанныг</i> ¹²	'С матерью дочь — умелая, С отцом сын — послушный'

¹ Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 266.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 503.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ Там же. С. 147.

⁷ Там же. С. 476.

⁸ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. А–Б. С. 45.

⁹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 44.

¹⁰ Здесь и далее переводы приводятся из источников.

¹¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 12.

¹² Там же. С. 28.

<i>Кыс уруг ине-чүсүк дээр, Оол уруг оттук-бижек дээр¹</i>	‘Дочь просит иголку с напёрстком, Сын — нож с огнивом’
<i>Сен дизе — уруу, Чемелезе — кадайы²</i>	‘Только дочь ругает, Да жену укоряет’
<i>Эшти кижги хоойлуга киришпес, Өшкү эьди сүүзүнге киришпес (Забелина, 2010: 24)</i>	‘Как козье мясо на угощение не идёт, Так женщина к закону не причастна’
<i>Чеңнээш чокта, хол соок, Чеңге чокта, чем соок³</i>	‘Без рукавиц — руки холодные, Без невестки — еда холодная’
<i>Эжи хозарның экти кызык, Эди кызарның арны кызыл⁴</i>	‘Жена не любит — плечи сутулые, Обувь жмёт — лицо красное’
<i>Катының эргинин артап, Кат-иезиниң арнын көрүп таныжар⁵</i>	‘Знакомятся, переступив порог тестя, увидев лицо тёщи’
<i>Дуңмалыг кижги — дыш, Угбалыг кижги — ус⁶</i>	‘У младшей сестры понежишься, У старшей сестры научишься’

Анализ русской фразеологии показал, что в русских поговорках наиболее активно используются следующие «женские» лексемы: *женщина, жена, баба, девушка, девица, девка, девочка, дочь, мать, матушка, мачеха, невеста, свекровь, невестка, сноха, бабушка*. Например:

- Достаток — мать, убожество — мачеха;*
- Женщина без разговора — что двор без забора;*
- У лихой свекрови и сзади глаза. Невестке на отместку;*
- Бабе дорога — от печи до порога;*
- Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славе);*
- Дочь — чужая добыча;*
- У невесты женихов сто один, а достанется один;*
- Бабушка, дай попить — больно есть хочется, да и ночевать негде;*
- Девушка зреет: не малина — не опадет; замуж поспеет;*
- Без нашей свахи и девка не заневестится.*

Следует отметить, что в русских поговорках лексема *женщина* встречается крайне редко. Вместо неё часто используется синоним *баба*, в настоящее время воспринимаемый как стилистически сниженный. В современном русском языковом сознании он является проявлением андроцентризма и выражает пренебрежительное отношение к женскому полу. Что касается корня *жен-*, он достаточно часто используется в прилагательном (*женский/женин*):

- Женский обычай — слезами беде помогать;*
- Жениным богатством века не проживешь.*

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 38.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2010. С. 94.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 27.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сборниках тувинских пословиц отсутствуют паремии с лексемой *херээжен* ‘женщина’. Это объясняется тем, что до 1930-х гг. данной лексической единицы не было в тувинском языке. При необходимости в официальных документах «слово “женщины” передавалось нейтральными монгольскими словами *büsegüicüd* ‘молодые женщины, девушки’ и *emegeticüd* ‘женщины’» (Натсак, 2023: 218). В 1930 г. при введении национальной тувинской письменности было принято решение использовать «новое слово для обозначения “новой тувинской женщины” — *херээжен*» (там же: 218) «с этимологическим значением “нужная женщина”, “нужный человек”, что объективно отражало коренное, поистине революционное изменение в социальном положении женщины-тувинки и во взглядах народа на неё» (Курбатский, 2011: 219–220). Однако новое слово *херээжен* использовалось только в текстах новой эпохи: документах, газетах, журналах.

Новое словообразование *херээжен* было противопоставлено тувинскому слову *херээжок* (< *херек* ‘нужный, необходимый’ + *чок* ‘нет’ — отрицательная частица), которое «к этому времени приобрело негативно-уничижительный смысловой оттенок» (Натсак, 2023: 218). Однако ряд специалистов сходятся во мнении, что лексема *херээжок* не имеет отрицательной коннотации (Курбатский, 2001: 219; Забелина, 2010: 18–20). Они предлагают иное объяснение, связывая это понятие с тем, что девочка, будучи не менее любимым ребенком, чем мальчик, оставалась в семье только до замужества. Очевидно, что «слово-понятие “херээжок” в его истинном, первоначальном смысле — “уходящая в чужой род” — не характеризует отношение народа к женщине вообще» (Курбатский, 2001: 219).

Необходимо отметить, что в тувинской и русской фразеологии при отражении места и роли женщины в социуме по-разному расставлены акценты, связанные с позицией мужчины и его отношением к женщине. В тувинских паремиях подчеркивается уважение к женщине-матери, хозяйке, мастерице; дается высокая оценка её трудолюбию и мудрости:

<i>Ада сөзүн ажырып болбас, Ие сөзүн ижип болбас¹</i>	‘Наказ отца запоминай, Слова матери уважай’
<i>Ада чокта — чартык өскүс, Ава чокта — бүдүн өскүс²</i>	‘Нет отца — ещё не сирота, Матери нет — круглый сирота’
<i>Уран кыс удаазынга ораашпас³</i>	‘Искусная швея нитки не запутает’
<i>Адазын дөзээр, Иезин уктаар⁴</i>	‘Отца наследуют, Матери подражают’
<i>Карак шевери — хаая, Хол шевери — ховар⁵</i>	‘Не всякие глаза красоту разглядят, Не всякие руки красоту сотворят’
<i>Боданганы ботка херек⁶</i>	‘Думаешь — себе помогаешь’

В русских паремиях также можно найти выражение положительного отношения к женщине-матери, жене, хозяйке:

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 12.

² Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 47.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 54.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 17.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 92.

Материнская ласка конца не знает.

Муж — голова, жена — душа;

Хозяйкой дом стоит.

Баба прядет — не по две рубахи носит, а мужик не прядет — да не наг ходит.

Однако заметно чаще встречается ирония, осуждение в адрес женщины. Она предстает как существо ленивое, легкомысленное, болтливое, недалекое:

Муж пашет, а жена пляшет;

Шила и мыла, гладила и катала, прjala и лоцила, а всё языком.

Волос долог, да ум короток;

Баба бредит, да кто ж ей верит.

Сравнение рассуждений с бредом свидетельствует о критическом отношении к женской логике.

В отличие от тувинской фразеологии в русских поговорках нередко просматривается выражение крайне негативного и грубого отношения к женщине:

Кобыла не лошадь, баба не человек;

Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт;

Я думал, идут двое, ан мужик с бабой.

Таким образом, при номинации женщины в тувинских поговорках используется, как правило, лексика нейтрального характера, в то время как в русских фразеологизмах преобладают эмоционально окрашенные (чаще негативно) лексические единицы.

Семантические компоненты женской темы в тувинских и русских поговорках

Состав корпуса фразеологизмов в сопоставляемых языках может быть представлен в виде ядерной части и нескольких периферийных зон семантического поля (ср.: Кирилина, 1999ab; Минь Ван, 2018). В семантическое поле образа женщины входит несколько семантических групп. В зависимости от количества единиц, степени их концентрации / разреженности, регулярности функционирования семантическая группа входит в ядерную зону (максимальная концентрация, регулярность функционирования) или периферийную (низкая степень концентрации, меньшая степень регулярности (Проблемы функциональной ... , 2005: 18). Проведенный нами анализ показал, что общими семантическими компонентами «женской» темы в поговорках являются

- «материнство»:

Тувинская поговорка		Русская поговорка
<i>Ада чокта, чартык өскүс, Ава чокта, бүдүн өскүс¹</i>	‘Нет отца — ещё не сирота, Матери нет — круглый сирота’	<i>Мать кормит детей, как земля людей</i>

- «воспитание детей»:

Тувинская поговорка		Русская поговорка
<i>Эге бениң куну семис, Эки иениң төлү эрес (Егорова, Кондакова, 2020: 28)</i>	‘У молодой кобылы жеребенок справный, У хорошей матери ребенок бойкий’	<i>Детушек воспитать — не курочек пересчитать</i>

¹ Мудрость народа. Тувинские поговорки и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 47.

- «замужество»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Даш кагган черинге чыдар, Кыс берген черинге олураp¹</i>	‘Где камень бросил, там и лежит, Куда дочь отдал, там век ей жить’	<i>Замуж идёт — песни поёт, а вышла — слёзы льёт</i>

- «отношения между мужем и женой»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Калбак кезек от чуду, Харам кадай өг чуду²</i>	‘Толстое полено огонь погасит, Жадность хозяйки юрту не украшит’	<i>Муж и жена — одна сатана</i>

- «родственные связи»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Төрел багы — аал чуду, Төл багы — өг чуду³</i>	‘С плохой родней — аалу позор, С плохим дитем — в юрте позор’	<i>Муж любит жену богатую, а тёщу тороватую</i>
<i>Ада көрбээнин оглу көөр, Ие көрбээнин кызы көөр⁴</i>	‘Чего мать не видела — дочь увидит, Чего отец не видел — сын увидит’	<i>Свекровь на печи — что собака на цепи</i>

- «традиционные занятия женщины»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Инези чидигде — шевер, Хачызы чидигде — каас⁵</i>	‘Иголка остра — мастерица востра, Ножницы остры — у ней руки добры’	<i>Жена пряди рубашки, а муж вей гуж</i>

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 25.

² Там же. С. 30.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2010. С. 44.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 28.

- «внешность женщины»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Хойлуг кижы чылыг, Кожаалыг кыс каас¹</i>	‘Овцы в кошаре — юрта тепла, Ленты в косах —девица мила’	<i>Краса до венца, а ум до конца</i>
<i>Арның бодава, Адың бода²</i>	‘Думай не о лице — думай о чести’	<i>Не ищи красоты, ищи доброты</i>

- «недостатки женщины»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Хопчу кадын – сааскан³</i>	‘Ханша болтливая —сорока крикливая’	<i>У бабы семь пятниц на неделе</i>
		<i>Где баба, там рынок; где две, там базар</i>

Однако наполнение ядерной и периферийных зон не совпадает. В тувинских фразеологизмах ядро составляют поговорки о материнстве, воспитании детей; в русских — о матери и материнстве, а также о замужестве, отношениях между мужем и женой. Примыкают к ядерной зоне в русском языке поговорки о любви и привязанности, а также фразеологизмы, содержащие резкую критику характера женщины, её интеллекта. В тувинском же языке названные семантические компоненты представлены незначительно:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Калбак кезек от чуду, Харам кадай өг чуду⁴</i>	‘Толстое полено огонь погасит, Жадность хозяйки юрту не украсит’	<i>Ехал бы прямо, да жена упряма</i>
		<i>Где баба, там не надобен черт</i>

Из немногочисленных совпадений можно отметить тот факт, что и в тувинских, и в русских поговорках нередко звучит тема ограниченности участия женщины в обсуждении вопросов, не связанных с бытом, сугубо женскими обязанностями, а также ее непричастности к серьезным, чисто «мужским делам»:

Тувинская пословица		Русская пословица
<i>Эшти кижы дөр бажынга олуруп, Төре херээ кылыр эвес (Забелина, 2010: 18)</i>	‘Женщина не садится на почётное место и не решает государственные дела’	<i>Бабе там место, где месят тесто</i>

¹ Там же. С. 58.

² Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 74.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 59.

⁴ Там же. С. 57.

<i>Төш бажыңга олуруп, аң адар эвес (там же)</i>	‘Она не садится на таёжный пенёк и не стреляет в зверя’	<i>На что бабе меч, кого ей (или: ей некого) сечь</i>
<i>Эшти кижги хоойлуга киришпес, Өшкү эжди сүүзүңге киришпес (там же: 24)</i>	‘Как козье мясо на угощение не идёт, Так женщина к закону не причастна’	<i>Не бывает плешивому кудрявым, курице — петухом, а бабе — мужиком</i>

Таким образом, при относительной общности семантических компонентов женской темы в тувинских и русских поговорках наполнение ядерной и периферийных зон тувинских и русских фразеологизмов с фемининной референцией не совпадает.

Своеобразие раскрытия компонента «материнство»

Несмотря на то, что компонент «материнство» можно считать ключевым в отражении образа женщины как в русских, так и в тувинских поговорках, именно в его наполнении ярче всего, на наш взгляд, и проявляются различия.

В русских поговорках, связанных с данной темой, можно выделить следующие аспекты:

1) подчеркивание авторитета жены и матери наравне с ролью мужа и отца в семье:

Три друга: отец, да мать, да верная жена;

Нет на свете добрых людей, кроме отцов и матерей;

2) Особая сила материнской любви:

Материнская молитва со дна моря вынимает.

3) Зависимость «качества» воспитания детей от качества матери:

Нечего дивоватать: такова была и мать.

Какова матка, таковы и детки;

4) Противопоставление ролей матери и мачехи:

Сыр калача белее, а мать мачехи милее.

Что касается соответствующей тувинской фразеологии, то здесь просматривается одна «красная линия» в раскрытии образа женщины-матери — возвышенное к ней отношение, признание её авторитета, подчеркивается ценность ее личностных качеств:

<i>Оолдуг кижги оя сөглээр, Кыстыг кижги кыя сөглээр¹</i>	‘Имеет сыновей — всю правду скажет, Имеет дочерей — намеками привяжет’
<i>Ава сургаалы — алдын, Ача сургаалы — эртем (Соян, 2016: 374)</i>	‘Наставление матери — золото, Наставление отца — наука’
<i>Авыралдыг чүве — ава²</i>	‘Самый благодетельный человек — мать’

Многие поговорки этой группы отличаются красотой формы, яркостью используемых выразительных средств: эпитетов, сравнений, синтаксического параллелизма.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2010. С. 35.

² Там же. С. 71.

<i>Улус аразындан ие караа чымчак¹</i>	‘Среди толпы глаза матери добры’
<i>Күжүр ава — хүн караа дег эргим</i> (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020: 27)	‘Милая мама — как солнечный луч, дорога’
<i>Булут аразындан хүн караа чылыг,</i> <i>Улус аразындан ие караа чымчак²</i>	‘Из облаков луч солнца нежно светит, Взор матери милей всего на свете’

Заметим, что о любовном, трепетном отношении к матери говорит и то, что наряду с нейтральной лексемой *ие* ‘мать’ в тувинских пословицах часто употребляется ласковое обозначение *ава* ‘мама, мамочка’.

Сходства и различия в интерпретации основных личностных качеств женщины

В паремиях обоих сопоставляемых языков наблюдается сходство

1) в отношении к женской красоте — красота сама по себе не представляет особой ценности, часто она противопоставлена таким важным качествам, как хозяйственность, житейская мудрость, ум:

<i>Тувинская пословица</i>		<i>Русская пословица</i>
<i>Чаражынга шай хайындырбас,</i> <i>чажынга аът өртевес³</i>	‘На красоте чай не сварись, к кося коня не привяжешь’	<i>С лица не воду пить, умела бы пироги печь</i>
<i>Алгының чымчаа идээзинде,</i> <i>Аъттын чаажы ээзинде⁴</i>	‘Хозяйка душу вложит — и мягкой будет кожа, каков за конем уход — таков у коня и ход’	<i>Не хвали жену телом, а хвали ее делом</i>
		<i>Выбирай жену не по наряду, а по уму</i>
<i>Өөнге олутпай болбас</i> <i>Өөрүңгө өжээти болбас⁵</i>	‘В юрте не сиди сложа руки, на людях не заводи ссоры’	<i>Не наряд девку красит, — домостройство</i>

В русских паремиях красота нередко воспринимается неоднозначно, иногда как внешний сигнал скрытого изъяна или опасности, поэтому появляется слово *черт* и лексика с оценочной коннотацией — *подгадить, трухлявый, смертный, бедный* (Сайдашева, Нурғалиева, 2016; Прудникова, 2011):

Лицом красавица, а нравом только черту нравится;

Личиком скрасила, а нравом подгадила;

Собой красавица, да душой трухлява;

Бедной девке краса — смертная коса.

2) в осуждении женской болтливости:

¹ Там же. С. 45.

² Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 44.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2010. С. 56.

⁴ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 17.

⁵ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2010. С. 38.

Тувинская пословица		Русская пословица
Хопчу кадын — сааскан, Хоптак хаан — каарган ¹	‘Болтливая ханша, как сорока, Жадный хаан, как ворон’	Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей

Из отрицательных черт женщины, называемых в тувинских паремиях, можно указать также на бесхозяйственность, зазнайство и жадность:

Чединместе чевен аттыг, Чеми чокта харам аттыг ²	‘Не из чего шить — плохой хозяйкой прослывешь, Нечем угостить — скупой зазнайкой прослывешь’
--	---

Однако в целом тема женских недостатков в тувинской фразеологии затрагивается не часто.

Напротив, в русских паремиях представлен очень широкий спектр отрицательных женских качеств. Среди них:

- хитрость: *Лукавой бабы и в ступе не истолчешь;*
- глупость: *Волос долог, да ум короток;*
- упрямство: *Бабе хоть кол на голове теши;*
- капризный нрав: *На женские прихоти не напасешься;*
- скандальность: *Лучше раздражить собаку, нежели бабу* и многие другие.

Таким образом, среди личностных женских качеств в тувинских паремиях отражены хозяйственность, житейская мудрость, т. е. то, что необходимо для выполнения роли в семье. В русских пословицах чаще содержится критика женских недостатков.

Заключение

Исторически сложившийся образ женщины ярко проявляется на уровне фразеологии (пословиц и поговорок) сопоставляемых языков и отражает динамику развития образа, специфику этнокультурного менталитета, социально-бытовой и духовной культуры обоих народов.

Способы номинации женщины в паремиях сопоставляемых языков имеют разную степень коннотативной окрашенности: если в русской фразеологии очевидно присутствие сильной эмоциональной составляющей, то номинации женщины в тувинских пословицах характеризуются разнообразием и одновременно эмоциональной сдержанностью.

При изучении корпуса паремий в сопоставляемых языках обнаружены общие семантические компоненты ядерной и периферийной зон, однако распределение конкретных компонентов по этим зонам и их наполнение во многом не совпадают, что обусловлено этнокультурными особенностями общественных отношений, быта и традиций тувинцев и русских.

Семантический компонент «материнство» является центральным в отражении образа женщины в обоих сопоставляемых языках, однако именно в нем проявляются яркие различия с точки зрения используемых языковых средств и выделяемых граней в портрете женщины-матери.

При сравнении паремий, отражающих личностные качества женщины, выявлено, что несмотря на наличие некоторых сходных черт женского характера, все же наблюдаются многочисленные несо-

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 59.

² Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 24.

падения в интерпретации отдельных его сторон: в то время как в русских поговорках подчеркиваются самые разные недостатки женской натуры, критическое к ним отношение, в тувинских пословицах обращает на себя внимание целостность положительного образа женщины.

В заключение следует отметить, что сопоставительное описание фразеологических единиц, связанных с этнокультурной и гендерной спецификой, позволяет, с одной стороны, подтвердить значимость одной из лингвокультурологических универсалий — образа женщины, а с другой — подчеркнуть своеобразие языковой картины мира тувинцев и русских, показать такие грани этнокультурного языкового менталитета, которые остаются в тени при описании каждой культуры в отдельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анжиганова, Л. В., Ак-Лама, С. М. (2016) Мир женщин современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–115.
- Байжанова, Н. Р. (2004) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широкова, А. Р. Тазранова. Вып. 14. Новосибирск : НГУ. 236 с. С. 60–72.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремнологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Ван, Минь (2018) Образ женщины во фразеологизмах русского и китайского языков // Вестник Челябинского государственного университета. № 4 (414). Вып. 112. С. 44–49.
- Воробьёв, В. В., Полякова, Г. М. (2012) Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник РУДН. Серия: Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания. № 2. С. 13–19.
- Глуценко, О. А., Прудникова, Е. С. (2013) Стереотипные образы женщины и мужчины в зеркале русской языковой культуры. Петропавловск-Камчатский : Камчат. гос. ун-т им. Витуса Беринга. 208 с.
- Доржу, З. Ю. (2012) Ценностные ориентации женщин Тувы как фактор политической активности // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 37–39.
- Доржу, З. Ю., Очур, Н. М. (2018) Роль образования в изменении положения женщин в Тувинской Народной Республике // Женщина в российском обществе. № 1 (86). С. 106–114. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.10>
- Доржу, З. Ю., Даш, Л. А. (2017) Женское пространство в традиционной культуре тувинцев: к историографии вопроса // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 42–48.
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Егорова, А. И., Чочкина, М. П., Сарбашева, С. Б. (2019) Психолингвистический анализ гендерных стереотипов в алтайских и якутских пословицах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2. С. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-2-51-63>
- Забелина, Г. А. (2010) Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 118 с.
- Кара-оол, Л. С. (2006) Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл : РИО ТывГУ. 252 с.
- Кирилина, А. В. (1999а) Русские пословицы и поговорки: не только андроцентризм // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 3 (15). С. 41–43.
- Кирилина, А. В. (1999б) Гендер: лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН. 189 с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.
- Куулар, Е. М. (2012) Юго-восточный диалект тувинского языка. Кызыл : Тувинский гос. ун-т. 213 с.
- Куулар, С.-С. В. (2020) Ценностные приоритеты современной тувинской семьи: опыт исследования // Мир науки, культуры, образования. № 6 (85). С. 40–42. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-40-42>

- Мокиенко, В. М. (1989) Славянская фразеология. М. : Высшая школа. 287 с.
- Натсак, О. Д. (2021) Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень КалмНЦ РАН. № 2. С. 120–143. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>
- Натсак, О. Д. (2021b) Особенности политической социализации женщин в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.) // Власть. Т. 29. № 4. С. 231–239. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8410>
- Натсак, О. Д. (2022a) Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. № 2 (38). С. 52–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>
- Натсак, О. Д. (2022b) Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. № 2 (168). С. 28–36. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>
- Натсак, О. Д. (2023) Женщины в публичном дискурсе в период тувинской народной республики (историко-социологический анализ по материалам периодической печати) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 208–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>
- Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры (2005) / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб. : Наука. 480 с.
- Прудникова, Е. С. (2011) Образ женщины в сознании носителей русского языка (на материале паремий) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. № 15. С. 100–107.
- Сайдашева, Э. А., Нургалиева, Л. А. (2016) Сопоставительный анализ передачи гендерного признака фемининности в английских и русских пословицах и поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10–3 (64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 144–149.
- Самдан, З. Б. (2020) Трансформация образа женщины кочевой культуры в тувинской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа) // Новые исследования Тувы, № 3. С. 228–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.16>
- Соян, А. М. (2016) Нравственные ценности в пословицах и поговорках цаган-нурских и усинских тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 6 (61). С. 373–375.
- Стернин, И. А. (2007) Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ ; Восток-Запад. 288 с.
- Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки славянской культуры». 288 с.
- Хомкова, Л. Р. (2019) Национальные особенности реализации гендерных отношений в пословицах и поговорках немецкого и русского языков // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. № 2 (4). С. 66–72.
- Шанский, Н. М. (1996) Фразеология современного русского языка. СПб. : Специальная литература. 192 с.

Дата поступления: 29.06.2023 г.

Дата принятия: 24.07.2023 г.

REFERENCES

- Anzhiganova, L. V. and Ak-Lama, S. M. (2016) Mir zhenshchin sovremennoi Tuvy [Women's world in contemporary Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–115. (In Russ.).
- Baizhanova, N. R. (2004) Metaforicheskie obrazy, kharakterizuiushchie cheloveka, v altaiskikh poslovitsakh (v sopostavlenii s tuvinskimi) [Metaphorical images characterizing a person in Altai proverbs (in comparison with Tuvan ones)]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the indigenous peoples of Siberia]* ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobo-kova and A. R. Tazranova. Issue 14. Novosibirsk, NGU. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).
- Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan Proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A., Ivanov, Eu. Eu., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih poslovits: printsiipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Wang, M. (2018) Obraz zhenshchiny vo frazeologizmakh russkogo i kitaiskogo iazykov [The image of women in the phraseological units of Russian and Chinese languages]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 4 (414), issue 112, pp. 44–49. (In Russ.).

Vorob'ev, V. V. and Poliakova, G. M. (2012) Sopostavitel'naiia lingvokul'turologiia kak novoe nauchnoe napravlenie [Comparative linguaculture as a new scientific trend]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkii iazyk i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, no. 2, pp. 13–19. (In Russ.).

Glushchenko, O. A. and Prudnikova, E. S. (2013) Stereotipnye obrazy zhenshchiny i muzhchiny v zerkale russkoi iazykovoi kul'tury [Stereotypical images of women and men in the mirror of Russian language culture]. Petropavlovsk-Kamchatskii, Kamchat. gos. un-t im. Vitusa Beringa. 208 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2012) Tsennostnye orientatsii zhenshchin Tuvy kak faktor politicheskoi aktivnosti [Value orientations of Tuva women as a factor of political activity]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i humanitarnye nauki*, no. 1, pp. 37–39. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Ochur, N. M. (2018) Rol' obrazovaniia v izmenenii polozheniia zhenshchin v Tuvinskoj Narodnoi Respublike [The role of education in the transformation of the status of women in the Tuvan people's republic]. *Woman in Russian Society*, no. 1 (86), pp. 106–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.10>

Dorzhu, Z. Yu. and Dash, L. A. (2017) Zhenskoe prostranstvo v traditsionnoi kul'ture tuvintsev: k istoriografii voprosa [Women's Space in the Traditional Culture of Tuvinians: towards the Historiography of the Issue]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i humanitarnye nauki*, no. 1, pp. 42–48. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskih poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Egorova, A. I., Chochkina, M. P. and Sarbasheva, S. B. (2019) Psikholingvisticheskii analiz gendernykh stereotipov v altaiskikh i iakutskikh poslovitsakh [Psycholinguistic analysis of gender stereotypes in Altai and Yakut proverbs]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-2-51-63>

Zabelina, G. A. (2010) Zhenshchiny Tuvy v sem'e i obshchestve v pervoi polovine XX veka [Women of Tuva in the family and society in the first half of the twentieth century]. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 118 p. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2006) Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom yazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan State University. 252 p. (In Russ.).

Kirilina, A. V. (1999a) Russkie poslovitsy i pogovorki: ne tol'ko androtsentrizm [Russian proverbs and sayings: not only androcentrism]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (15), pp. 41–43. (In Russ.).

Kirilina, A. V. (1999b) Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 189 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2012) Iugo-vostochnyi dialekt tuvinskogo iazyka [The southeastern dialect of the Tuvan language]. Kyzyl, Tuvinskii gos. un-t. 213 p. (In Russ.).

Kuular, S.-S. V. (2020) Tsennostnye priority sovremennoi tuvinskoj sem'i: opyt issledovaniia [Value priorities of the modern Tuvan family: research experience]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (85), pp. 40–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-40-42>

Mokienko, V. M. (1989) Slavianskaia frazeologiia [Slavic phraseology]. Moscow, Vysshiaia shkola. 287 p. (In Russ.).

Natsak, O. D. (2021) Osobennosti gendernoi asimmetrii v sovremennoi tuvinskoj sem'e [Gender asymmetries of modern tuvan family revisited]. *Biulleten' KalmNTs RAN*, no. 2, pp. 120–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Natsak, O. D. (2021b) Osobennosti politicheskoi sotsializatsii zhenshchin v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1921-1944 gg.) [Features of Political Socialization of Tuvan Women: Historical Comments and Modern Trends (1921-1944)]. *Vlast' (The Authority)*, vol. 29, no. 4, pp. 231–239. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8410>

Natsak, O. D. (2022a) Transformatsiia reproduktivnoi modeli tuvinskoj sem'i: istoricheskaia retrospektiva i sovremennye tendentsii [Transformation of the Reproductive Model of the Tuvan Family: Historical Retrospective and Current Trends]. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*, no. 2 (38), pp. 52–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>

Natsak, O. D. (2022b) Raspredelenie gendernoi vlasti v sovremennoj tuvinskoj sem'e [The distribution of gender-based authority in the modern tuvan family]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 2 (168), pp. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Natsak, O. D. (2023) Zhenshchiny v publichnom diskurse v period Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (istoriko-sotsiologicheskii analiz po materialam periodicheskoi pechati) [Women in the public discourse in the period of the Tuvan People's Republic (A historical and sociological analysis based on materials of the periodical press)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 208–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>

Paremiologija na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / M. A. Bredis et al. ; ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Problemy funkcional'noi grammatiki: polevye struktury [Problems of functional grammar: field structures] (2005) / ed. by A. V. Bondarko and S. A. Shubik. St. Petersburg, Nauka. 480 p. (In Russ.).

Prudnikova, E. S. (2011) Obraz zhenshchiny v soznanii nositelei russkogo iazyka (na materiale paremii) [The image of a woman in the minds of native speakers of the Russian language (based on the material of the paremias)]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroliubova*, no. 15, pp. 100–107. (In Russ.).

Saidasheva, E. A. and Nurgalieva, L. A. (2016) Sopostavitel'nyi analiz peredachi gendernogo priznaka femininnosti v angliiskikh i russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Comparative analysis of the transmission of the gender attribute of femininity in English and Russian proverbs and sayings]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10–3 (64): in 3 p. P. 3, pp. 144–149. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2020) Transformatsiia obraza zhenshchiny kochevoi kul'tury v tuvinskoj literature (na primere tvorchestva A. M. Lamazhaa) [Transformation of the image of a woman of nomadic culture in Tuvan literature: the works by A. M. Lamazhaa]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 228–239. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.16>

Soyan, A. M. (2016) Nravstvennye tsennosti v poslovitsakh i pogovorkakh tsagan-nurskikh i usinskikh tuvintsev [Moral values in proverbs and sayings of the Tuvans in Tsagan-Nur and Usinsk]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 6, pp. 373–375. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2007) *Kontrastivnaja lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniia [Contrastive linguistics. Problems of theory and methodology of research]*. Moscow, AST; Vostok-Zapad. 288 p. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]*. Moscow, Shkola «Yazyki slavianskoj kul'tury». 288 p. (In Russ.).

Khomkova, L. R. (2019) Natsional'nye osobennosti realizatsii gendernykh otnoshenii v poslovitsakh i pogovorkakh nemetskogo i russkogo iazykov [National peculiarities of the implementation of gender relations in proverbs and sayings of the German and Russian languages]. *Na perechenii iazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniia*, no. 2 (4), pp. 66–72. (In Russ.).

Shanskii, N. M. (1996) *Frazeologija sovremennogo russkogo iazyka [Phraseology of the modern Russian language]*. St. Petersburg, Spetsial'naja literatura. 192 p. (In Russ.).

Submission date: 29.06.2023.

Acceptance date: 24.07.2023.

Лингвокультурологический аспект библейского перевода на тюркские языки (на материале башкирского и тувинского)

Владимир В. Воробьев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,
Флюза Г. Фаткуллина, Искандер Р. Саитбатталов
Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

Сакральные тексты мировых религий играют важную роль в формировании и развитии культур исповедующих их народов, задавая контуры национальной концептосферы, формируя систему прецедентных образов, слов и выражений, прямо влияя на стилистические стандарты. Перевод этих текстов на новые языки не только является ярким примером межкультурного диалога, но и способствует активизации лексических, грамматических, словообразовательных и стилистических ресурсов этих языков, формированию новых слоев лексики и фразеологии, расширению их концептосферы.

В силу того, что перевод сакральных текстов происходит сразу в трех плоскостях — собственно языковой (перевод как перекодирование информации), культурной (перевод как средство диалога культур) и религиозной (перевод как средство формирования религиозной картины мира) — его исследование методами лингвокультурологии представляется продуктивным и актуальным. Хотя переводы библейских текстов на башкирский язык осуществляются с конца XIX в., а на тувинский — с 1990-х гг., переводные библейские тексты на этих языках не становились ранее объектами лингвокультурологического анализа. Редко проводится и их контрастивный анализ. Все это придает подобному исследованию новаторский характер.

Лингвокультурологическое исследование библейских текстов строится на выделении в них трех слоев культурно-значимой информации: культурно-специфичных языковых единиц, обозначающих реалии региона и эпохи описываемых событий, культурно-специфичных языковых единиц, свойственных тому языку, с которого осуществляется перевод (в XIX — начале XX в. перевод на башкирский осуществлялся с русского синодального текста), культурно-специфичных единиц собственно языка перевода. Отбор таких единиц, способы их интерпретации на переводном языке, подход к заимствованиям из оригинального языка и языка-посредника также культурно обусловлены, так как зависят от мировоззренческой и теологической позиции переводчика, неизбежно являющегося носителем определенной культуры. Лингвокультурологический анализ переводных библейских текстов демонстрирует также культурную динамику и ее отражение в языке — древние тексты не просто перекодируются средствами нового языка, но и всякий раз адаптируются к требованиям времени.

Ключевые слова: башкирский язык; тувинский язык; тюркские языки; перевод; лингвокультурология; сакральный текст; Библия

Статья подготовлена в рамках проекта «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет — 2030»).

Для цитирования:

Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Саитбатталов И. Р. Лингвокультурологический аспект библейского перевода на тюркские языки (на материале башкирского и тувинского) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 61-69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.4>

Воробьев Владимир Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3, каб. 326. Эл. адреса: vorobyev-vv@rudn.ru; ryss_yur_rudn@mail.ru

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: fluzarus@rambler.ru

Саитбатталов Искандер Расулевич — кандидат филологических наук, ведущий специалист Научно-образовательного центра истории башкирского народа Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: saibatgaloff@yahoo.com

Linguoculturological aspect of biblical translations into Turkic languages (a case study of Bashkir and Tuvan)

Vladimir V. Vorobyev

RUDN University, Russian Federation,

Fluza G. Fatkullina, Iskander R. Saitbattalov

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

Sacred texts of global religions play an important role in the formation and development of the cultures of the peoples who profess them. They set the contours of the national conceptual framework, form a system of precedent images, words and expressions and directly influence stylistic standards. Translations of these texts into new languages are not only vivid examples of intercultural dialogue, but also contribute to the activation of the lexical, grammatical, derivational and stylistic resources of these languages, the formation of new layers of vocabulary and phraseology, and the expansion of their sphere of concepts.

Due to the fact that the translation of sacred texts takes place simultaneously in three dimensions — the properly linguistic (translation as a recoding of information), cultural (translation as a means of intercultural dialogue) and religious (translation as a means of forming a religious worldview) ones — its study by the methods of linguoculturology seems to be productive and relevant. Although translations of biblical texts into the Bashkir language have been carried out since the late 19th century, and into Tuvan since the 1990s, translated biblical texts in these languages have not become objects of a linguoculturological analysis before. Their contrastive analysis is rarely performed. All these make such a research innovative.

The linguoculturological study of biblical texts is based on the identification of three layers of culturally significant information in them: culturally specific linguistic units that denote the realities of the region and the era of the events described, culturally specific linguistic units that are characteristic of the language from which the translation is made (in the 19th — early 20th century, the translation into Bashkir was carried out from the Russian synodal text), culturally specific units of a target language itself. The selection of such units, ways of their interpretation in a target language, an approach to borrowings from an original language and a mediator language are also culturally determined, as they depend on the worldview and theological position of a translator who is inevitably the bearer of a certain culture. The linguistic and cultural analysis of translated biblical texts also demonstrates cultural dynamics and its reflection in a language: ancient texts are not only recoded by means of a new language, but are also adapted to the requirements of the historical period every time.

Keywords: Bashkir language; Tuvan language; Turkic languages; linguoculturology; sacred text; Bible

Financing

The article was prepared within the framework of the project “Linguistic and Cultural Study of the Communicative Reality of Modern Russia” (the RUDN University Strategic Academic Leadership Program “Priority — 2030”).

For citation:

Vorobyev V. V., Fatkullina F. G. and Saitbattalov I. R. Lingvokul'turologicheskii aspekt bibleiskogo perevoda na tiurkskie iazyki (na materiale bashkirskogo i tuvinskogo) [Linguoculturological aspect of biblical translations into Turkic languages (a case study of Bashkir and Tuvan)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 61-69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.4>

VOROBYEV, Vladimir Vasilyevich, Doctor of Philology, Professor; Head, Department of the Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: Office 326, Bldg. 3, 10 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail addresses: vorobyev-vv@rudn.ru; ryss_yur_rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5906-3773

FATKULLINA, Fluza Gabdullinovna, Doctor of Philology; Head, Department of Russian and Comparative Philology, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. E-mail: fluzarus@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8711-2993

SAITBATTALOV, Iskander Rasulevich, Candidate of Philology, Leading Specialist, Research and Education Center for the History of the Bashkir People, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. E-mail: saitbattaloff@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0002-5948-4666

Введение

подавляющее большинство лингвокультурологических исследований рассматривают конкретные языки и культуры как замкнутые системы, не взаимодействующие с другими системами. В этой связи особый интерес для лингвокультурологического исследования представляют собой тексты, созданные в ходе межъязыкового и, соответственно, межкультурного взаимодействия. К ним относятся как произведения двуязычных авторов, так и переводные тексты. В таких текстах могут быть выявлены элементы обоих или нескольких взаимодействующих культур. Характер, количественные и качественные характеристики этих элементов способны пролить свет на то, как именно протекает процесс межкультурного взаимодействия.

В этом отношении особый интерес для лингвокультурологического анализа представляют сакральные тексты мировых религий. Они играют важную роль в формировании и развитии культур исповедующих их народов, участвуя в образовании их картин мира через создание системы прецедентных образов, слов и выражений, проникших из священных писаний в обиходную речь, прямо влияя на стилистические стандарты. Перевод этих текстов на новые языки не только является ярким примером межкультурного диалога, но и способствует активизации лексических, грамматических, словообразовательных и стилистических ресурсов этих языков, формированию новых слоев лексики и фразеологии, расширению их концептосферы. Все это может быть описано и осмыслено в категориях лингвокультурологии (Саитбатталов, Фаткуллина, Саитбатталова, 2017: 781).

Целью настоящей работы является анализ проблемы влияния лингвокультурного контекста на перевод сакральных текстов христианства на тюркские языки. Хотя переводы библейских текстов на башкирский язык осуществляются с конца XIX в., а на тувинский — с 90-х гг. XX в., переводные библейские тексты на этих языках не становились ранее объектами лингвокультурологического анализа. Первым опытом междисциплинарного сопоставительного исследования этих переводов может быть названа статья И. Р. Саитбатталова и его соавторов — в ней же представлена общая библиография исследований этих текстов (Саитбатталов, Лукманова, Саитбатталова, 2022: 144). В тюркском языкознании исследуются разные аспекты перевода Библии на татарский (Кириллова, 2016), турецкий (Кассюто, Порхомовский, 2020), чувашский (Студенцов, 2013), якутский (Леонтьева, 2018) языки. Редко проводится и их контрастивный анализ. Все это предает настоящему исследованию в определенной мере новаторский характер.

Если в упомянутой выше статье авторы сосредоточились на собственно переводоведческом анализе библейских текстов разного времени на башкирском и тувинском языках, то в рамках настоящего исследования рассмотрению с позиций сопоставительной лингвокультурологии будут подвергнуты десять наиболее ярких примеров влияния лингвокультурного контекста на перевод библейских книг на эти языки. Объектами анализа выступают перевод Библии на тувинский язык 2011 года издания¹ и перевод Библии на башкирский язык, презентованный в 2023 г.² Оба издания были подготовлены под эгидой Института перевода Библии и выполнялись с применением одинаковых методов. Над башкирским переводом работал коллектив носителей языка, прошедших специальную подготовку, в том числе по древнееврейскому и греческому койне, — переводчиков (А. Акбутина, Т. Ишкина, Г. Мустафина и др.) и писателей (А. Багуманов, И. Буракаев, Г. Гизатуллина, А. Хаким)³. Тувинский перевод был выполнен группой переводчиков (Н. Куулар, Э. Мижит, М. Кужугет, С. Комбу) и редакторов (В. Войнов, Л. Мижит, Т. Кандаурова, Е. Самба, С. Сычев), среди которых были как носители языка, так и люди, специально его освоившие⁴. Общность подходов и сходство коллективов, осуществивших переводы, делает их сопоставление корректным. В качестве иллюстративного материала привлекаются отдельные фрагменты из перевода Четвероевангелия на башкирский разговорный язык 1902 года

¹Бдыктыг Библия / Священная Библия. М.: Институт перевода Библии, 2011. 1766 с. (На тув. яз.).

²Изге Язма: Тәурат. Зәбүр. Инжил / Священное писание: Тора, Псалмы, Евангелия. М.: Институт перевода Библии; Российское библейское общество, 2023. 1566 с. (На башк. яз.).

³Библия на башкирском языке [Электронный ресурс] // Институт перевода Библии. 2023. 9 июня. URL: <https://ibt.org.ru/ru/news-09062023> (дата обращения: 22.06.2023).

⁴Десницкий А. С. Первая тувинская Библия [Электронный ресурс] // Православие и мир. 2011. 5 июля. URL: <https://pravmir.ru/pervaya-tuvinskaya-bibliya/> (дата обращения: 22.09.2022).

издания¹. В качестве источников для проверки точности и корректности переводов использованы Академический словарь башкирского языка² и Тувинско-русский словарь под редакцией Э. Р. Тенишева³.

Методы лингвокультурологического анализа библейского перевода

В силу того, что перевод сакральных текстов происходит сразу в трех плоскостях — собственно языковой (перевод как перекодирование информации), культурной (перевод как средство диалога культур) и религиозной (перевод как средство формирования религиозной картины мира) — его исследование методами лингвокультурологии представляется продуктивным.

Как междисциплинарное научное направление лингвокультурология использует ряд собственных методов и широкий круг методов смежных наук. Ключевым из них считается метод «паритетного описания языка и культуры», при котором факты культуры рассматриваются через их отражение в языке, а языковые факты анализируются через экстралингвистический контекст (Воробьев, 2008: 27). При лингвокультурологическом исследовании текстов применяются герменевтический анализ, анализ концептов с разделением их на ядро и периферию, анализ культурно-значимых языковых единиц с особым вниманием к их этимологии, коннотативным и ассоциативным значениям.

Лингвокультурологическое исследование переводов библейских текстов на тюркские языки строится на выделении в них трех слоев культурно-значимой информации: культурно-специфичных языковых единиц, обозначающих реалии региона и эпохи описываемых событий (Ближний Восток XII в. до н. э. — I в. н. э.), культурно-специфичных языковых единиц, свойственных тому языку, с которого осуществляется перевод (в XIX — начале XX в. перевод на башкирский осуществлялся с русского синодального текста⁴), культурно-специфичных единиц собственно переводного языка.

Отбор таких единиц, способы их интерпретации на переводном языке, подход к заимствованиям из оригинального языка и языка посредника также культурно-обусловлены, так как зависят от мировоззренческой и теологической позиции переводчика, неизбежно являющегося носителем определенной культуры.

Библейские тексты (под этим словосочетанием понимается комплекс текстов, как канонических с точки зрения иудаизма и разных христианских конфессий, так и второканонических, составляющих вместе Ветхий и Новый Завет) создавались на разных языках (книги Ветхого завета — на иврите, книги Нового — на греческом койне), в разные исторические эпохи и в разных культурно-языковых условиях, поэтому эти тексты сами по себе представляют собой сложную систему, далеко не всегда поддающуюся однозначной научной интерпретации.

Любой библейский перевод, особенно выполненный с религиозными целями — для обеспечения миссионерской деятельности или использования в богослужении, — отчасти сглаживает внутренние грамматические, лексические и стилистические различия, свойственные разным книгам. Как любой другой перевод, библейский также интерпретирует или адаптирует представленные в сакральных текстах природные, социальные, политические, бытовые и другие реалии в соответствии с конкретными задачами, стоящими перед переводчиком. В разные исторические эпохи, в рамках деятельности различных религиозных и научных учреждений эти задачи могли широко варьироваться, поэтому историко-культурный и прагматический контексты, в которых был выполнен тот или иной перевод, должны учитываться при лингвокультурологическом анализе.

На конкретные языковые характеристики переводов Библии на тюркские языки, помимо сложного характера самих книг священного писания и историко-культурного, идеологического и прагматического контекста переводческой работы, влияет также наличие у того или иного народа опыта

¹ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1902.

² Академический словарь башкирского языка : в 10 т. : научное издание / Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: Китап, 2011–2018. Т. I–X.

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

⁴ Библия: синодальный перевод [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 12.05.2023).

взаимодействия с религиями, принадлежащими к авраамической традиции. Библейский перевод может как опираться на нее, так и полемизировать (Сайтбатталов, Лукманова, Сайтбатталова, 2022: 144).

Лингвокультурологический аспект передачи теологических концептов в башкирском и тувинском переводах Библии

Различия в переводческих решениях между изданиями на башкирском и тувинском языках прослеживаются уже на уровне названия. Русскоязычному сочетанию ‘священное писание’ на башкирском соответствует точный перевод *изге язма*, а на тувинском конструкция — *ыдыктыг Библия*. Концепт святости и соотносимое с ним представление о сакральности выражается в обоих языках исконным словом, восходящим к древнетюркскому *ıdıq* с тем же значением, а конкретное наименование священной книги мотивируется в случае с башкирским желанием избежать заимствования из русского языка, а в случае с тувинским — уже наличествующим узусом. Показательно, что стремясь отгородиться как от мусульманского, так и от традиционно народного наименования святости, дореволюционные переводчики Четвероевангелия на башкирский не использовали слова *изге*, всюду заменяя его заимствованием *святой*.

Схожим образом проинтерпретирован в переводах Нового Завета термин *Евангелие* (греч. *εὐαγγέλιον* ‘благая весть’). Прямому заимствованию из греческого через русский, а также использованию коранического термина *инжил* переводчики на башкирский язык предпочли передачу каждого из элементов исходного слова общеупотребительными лексемами — *Һөйөнөслө хәбәр* ‘радостная весть’. Второй компонент словосочетания имеет арабское происхождение, но не обладает религиозными коннотациями, что позволило избежать сближений с мусульманским дискурсом. На тувинском языке слово *Евангелие* передано как *Буянный Медээ*, буквально ‘добрая весть’. В обоих случаях активизация собственных ресурсов переводных языков позволила достаточно четко и доходчиво передать семантику названий библейских книг.

Идея Бога как единственного Творца мира выражена в башкирском переводе арабизмом *Алла*, а в тувинском — исконным словом *Бурган*, рядом специалистов по этимологии тюркских языков относимым к числу монгольских заимствований. Характерно, что в башкирском переводе Библии используется написание *Алла*, точно соответствующее произношению, в то время как в переводе Корана — *Аллаһ*, более точно передающее арабское написание¹.

Сложная теологическая идея господства Бога над всем сотворенным, выражающаяся на русском сочетании ‘Господь Бог’, выражена на башкирском сочетанием из двух арабизмов *Раббы Алла*. Такое сочетание не общеупотребительно и дистанцирует библейское представление о Боге от коранического: в мусульманском башкирском дискурсе арабизм *Раббы* ‘Господь’ функционирует с показателем принадлежности: *Раббыбыз Аллаһ* ‘Господь наш Аллаһ’ и др. Переводчиками на тувинский был создан сложный неологизм, призванный выразить эту идею точно и при этом без коннотаций, связанных с традиционным народным мировоззрением тувинцев, — *Дээрги-Бурган-Чаяакчы*, буквально ‘Небесный Бог-Творец’.

Одним из сложных религиозных концептов является *дух*, представленный уже во втором стихе первой главы Книги Бытия. Семитский корень *p-x* передает значения, связанные с дуновением ветра, движением воздуха, дыханием, и в этом отношении близок к русскому *дух*. В башкирском переводе используется арабское заимствование *рух*, широко представленное в активном словарном запасе носителей языка. В тувинском использовано слово *сүлде*, которое «в тувинском традиционном мировоззрении... употребляется для обозначения возвышенных явлений...» (Мижит, 2016: 147).

Ключевой концепт Нового Завета — любовь (гр. *αγάπη*). Яркое и образное описание христианского понимания любви представлено в 13 главе 1-го Послания к коринфянам. В переводе послания на башкирский язык использовано общеупотребительное слово арабского происхождения *мөхәббәт*, которым принято обозначать любовь как романтическую (*тәүге мөхәббәт* ‘первая любовь’), так и

¹ Көрһән Кәрим (Сауд Ғәрәбстанында нәшер ителгән Көрһәндең фотокусермәһе, ғәрәп тексының хәзере башкорт язмаһы менән бирелгән транскрипцияһы, башкортсаға тәржемәһе) / Священный Коран (Фотокопия Корана, изданного в Саудовской Аравии, транскрипция арабского текста современным башкирским письмом, перевод на башкирский язык). Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1992. (На башк. яз.).

возвышенную, обращенную к чему-то большему (*ватан мөхәббәте* ‘любовь к родине’). В мусульманском дискурсе арабское слово *мухабба*, к которому восходит башкирское *мөхәббәт*, обладает мистической коннотацией, обозначая особое состояние мистика, устремленного к Богу. В тувинском переводе использовано исконное слово *ынакшыл*, обладающее значительным числом эмоциональных и философских коннотаций (Ламажаа, 2012: 44; Донгак, 2020: 471–472).

Передача реалий в переводах Библии на башкирский и тувинский языки

В книгах Ветхого Завета представлен обширный пласт слов и выражений, обозначающих реалии кочевого быта, который вели еврейские племена до переселения в Египет и прихода в Ханаан. Сам процесс перекочевки скотоводов с места на место в русском синодальном переводе обозначен глаголом *ходить*, а традиционное переносное жилище обозначено как *шатры*: «И у Лота, который ходил с Авраамом, также был мелкий и крупный скот и шатры» (Быт. 13:5).

В переводе на башкирский перемещения в пространстве обозначены исконным глаголом *күсенү* ‘кочевать’, которым в недалеком прошлом обозначались традиционные сезонные перемещения башкир вместе со скотом, а жилища библейских патриархов названы лишенным конкретного этнографического содержания словом *сатыр* ‘шатер’: *Ибрам менән бергә күсенеп йөрөгән Луттың да мал-мөлкәте, сатырлары бар ине*.

Аналогичная тактика использована переводчиками на тувинский: кочевание обозначено глаголом *көжөр* ‘кочевать’ с той же тюркской этимологией, что в башкирском, а шатры названы словом *майгын* ‘палатка’: *Аврам-биле кады көжүп чораан Лоттуң бодунга хамааржыр шээр болгаи бода малы, майгынарны база бар турган*.

Выбор способов обозначения представленных в библейских книгах общественных отношений, имевших место в кочевых обществах и отчасти сохраняющихся у башкир и тувинцев до настоящего времени, но неизвестных славянским народам, в частности, русским, сделал соответствующие фрагменты башкирского и тувинского переводов более прозрачными для читателей. Так в синодальном переводе стих 1 главы 12 Книги Бытия звучит следующим образом: «И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12:1). Понятия *земля*, *родство*, *дом отца* соотносятся для современного русскоязычного читателя с более конкретными и узкими понятиями, чем «родина», «соплеменники» и «семья».

В башкирском переводе использованы несущую большую коннотативную нагрузку понятия *ерһуу* ‘родина’, буквально ‘земля и вода’, *туған-ырыу* ‘родственники и соплеменники’, *ата йорто* ‘отчий дом’. Первое понятие соотносится с родиной как поэтической категорией, а восходит к одноименному божеству земли, упоминаемому еще в орхонской эпиграфике (Fatkulina et al., 2022: 886). В традиционном башкирском обществе статус человека — права на землю, налоговые обязательства, отношение к военной службе — определялся принадлежностью к конкретному *ырыу*. Коннотативное значение сочетания *ата йорто* — самое дорогое место, в котором сосредоточены самые добрые воспоминания.

В тувинском переводе использованы слова *чурт* ‘страна, край’, *аймак* ‘племя’, *чоок төрелдер* ‘близкие родственники’, также обладающие глубокими эмоциональными коннотациями (см.: Ламажаа, 2021; Майны, 2023; Сувандии, 2023). Обращение к поговоркам с этими лексемами демонстрирует, что «тувинцы, как и другие народы, культивировали любовь и преданность своей родной земле, воспитывали своих детей в этом духе...» (Хомушку, 2018: 28). Концепт *төрөл* входит в число понятий, которые для тувинцев составляют «ядро их социальной и культурной жизни» (Кужугет и др., 2019: 149). Таким образом, в переводе на оба рассматриваемых тюркских языка повеление Бога патриарху оказывается более эмоционально насыщенным и предметным, чем в синодальном переводе на русский.

Наименования передвижного храма, в котором находились священные предметы, в том числе скрижали с начертанными на них заповедями, в синодальном переводе на русский язык переданы заимствованиями из греческого *скиния* (греч. *σκηνή* ‘шатер, палатка’) и церковнославянизмом *ковчег*. В переводе на башкирский первый объект назван *изге сатыр* ‘священный шатер’, а второй — *килешуу һандығы*, буквально ‘сундук завета’. Оба сочетания стилистически более нейтральны, чем в русском переводе, так как состоят из общеупотребительных лексем. В переводе на тувинский язык использована аналогичная тактика, однако лексический состав сочетаний несколько отличается. *Скинии* соответствует *ужуражылга майгыны*, буквально ‘палатка встречи’, а ковчегу — *ыдыктыг аптара*, буквально

‘священный сундук’. Как и в переводе на башкирский, оба сочетания стилистически нейтральны. Сакральный характер обеих реалий передается за счет контекста и особого характера лексической сочетаемости.

Особая категория библейских персонажей — судьи (ивр. *шофет*), управлявшие еврейским народом в период между смертью Иисуса Навина и воцарением Саула. Семитский корень, к которому восходит данное слово, прямо переводится как ‘судья’, однако общественные функции этих людей были значительно шире, поэтому в переводе на башкирский судьи обозначены термином *хакимдар* ‘правители, мудрецы’, имеющим арабское происхождение. Следует отметить, что семантика арабского корня *х-к-м* включает в себя значения, связанные с мудростью (ар. *хикма*), повелениями (ар. *хукм*), судом (ар. *махкама*). Таким образом, использование общеупотребительного заимствования из арабского языка позволило передать на башкирском языке сложную и многогранную общественную роль библейских судей. Эта множественность общественных функций нашла отражение и в переводе на тувинский, в котором используется лексема *баштыңчы* ‘вождь, глава’. Предпочтение этого варианта словарным эквивалентам слова «судья» — заимствованию из русского *судья* и исконному *шииткекчи* — продиктовано, по-видимому, именно стремлением передать более широкое, чем просто разбор споров и других дел, значение слова на иврите.

Заключение

Лингвокультурологический анализ переводных библейских текстов демонстрирует культурную динамику и ее отражение в языке — древние тексты не просто перекодируются средствами нового языка, но и, как показывает сопоставление элементов дореволюционного и современного переводов библейских книг на башкирский язык, адаптируются к требованиям времени.

Сакральная концептосфера самих библейских книг сложна и многогранна, что объясняется как длительной историей формирования библейского свода, так и тем фактом, что он сам составлялся на разных языках — иврите и греческом койне — в разных культурно-языковых условиях. Переводческая интерпретация библейской лексики неизбежно требует герменевтических усилий и опирается на теологические представления авраамических религий, т. е. переводчик библейского текста волеиневолей выступает и в качестве богослова-экзегета.

Ключевой операцией при современном библейском переводе на тюркские языки является активизация их собственных лексико-семантических, словообразовательных и морфологических ресурсов. В первом случае имеющиеся в языке слова и выражения приобретают новые сакральные значения, прямо соотносящиеся с понятийным аппаратом Библии. Во втором и третьем образуются неологизмы, призванные наиболее точно обозначить библейские теологические понятия и реалии.

Особенности традиционных культур тюркских народов (наличие клановой структуры общества, сезонные перекочевки со скотом) позволили переводчикам более точно и образно передать ряд реалий общественного строя и кочевого быта ветхозаветных персонажей. Лексико-семантические ресурсы башкирского и тувинского языков позволили создать из общеупотребительных стилистически нейтральных слов ряд новых устойчивых сочетаний, точно соответствующих библейским понятиям и, в силу новизны, приобретающих сакральные коннотации.

Наличие у башкирского народа собственной авраамической религиозной традиции одновременно обеспечило переводчиков рядом готовых решений: заимствованными из арабского обозначениями монотеистического Единого Бога, понятийным аппаратом монотеистической теологии, — и поставило перед непростой задачей отделить библейскую лексику от коранических ассоциаций и коннотаций.

Переводчики на тувинский язык были свободны от влияния авраамической традиции, поэтому смогли опереться как на русскоязычную экзегетическую традицию, так и — в определенной мере — на дискурс традиционной народной религии тувинцев.

Сопоставление переводов библейских текстов на два родственных тюркских языка с опорой на лингвокультурологический подход демонстрирует, что сходство переводческих решений объяснимо генетической и типологической близостью языков: неологизмы и новые устойчивые сочетания создаются по общим словообразовательным, морфологическим и синтаксическим моделям. В ряде случаев сходство социокультурного опыта двух народов также обуславливает общность переводческих решений. Различия в переводах имеют культурологическое объяснение: наличие у башкир

мусульманской религиозной традиции детерминирует как опору на ее язык, так и стремление выработать особые, независимые от нее понятия. Сравнительно позднее знакомство тувинцев с христианством и отсутствие у них более ранней авраамической традиции позволило реализовать при библейском переводе более новаторский подход.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воробьев, В. В. (2008) Лингвокультурология. М. : Российский университет дружбы народов. 336 с.
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 17, № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Кассюто, Ф. А., Порхомовский, М. В. (2020) Имена Бога в турецких версиях Ветхого Завета // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. № 2. С. 177–186. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080009064-7>
- Кириллова, З. Н. (2016) Перевод Библии на татарский язык как межкультурный и межрелигиозный диалог между народами // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 5. С. 679–683.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. № 1. С. 25–46.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Леонтьева, С. А. (2018) Библия на якутском языке // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. № 5. С. 134–135.
- Майны, Ш. Б. (2023) Представления о чер 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>
- Мижит, Л. С. (2016) Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык: лингвистический журнал. № 1 (4). С. 141–155.
- Сайтбатталов, И. Р., Лукманова, Р. Х., Сайтбатталова, Ю. А. (2022) Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки // Новые исследования Тувы. № 4. С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>
- Сайтбатталов, И. Р., Фаткуллина, Ф. Г., Сайтбатталова, Ю. А. (2017) Перевод в контексте межкультурного диалога // Вестник Башкирского университета. Т. 22, № 3. С. 778–784.
- Студенцов, О. Р. (2013) Имена существительные, образованные аффиксом *-çă(-çĕ)*, в чувашских православных текстах конца XIX — начала XX в. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 1–2 (77). С. 164–167.
- Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Хомушку, А. В. (2018) Концепт «Родина» в тувинских пословицах и поговорках // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : мат. V Международной науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Кызыл, 26–29 июня 2018 г.) / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 235 с. С. 27–29.
- Fatkullina, F. G., Vorobiev, V. V., Saitbattalov, I. R., Peshkova, N. P., Suleymanova, A. K. (2022) Toponyms as units of cultural and linguistic transfer: A linguistic and cultural aspect // Journal of Language and Linguistic Studies. Vol. 18, special issue 2. P. 884–890. URL: <https://jlls.org/index.php/jlls/article/view/3983> (дата обращения: 10.07.2023).

Дата поступления: 17.07.2023 г.

Дата принятия: 02.09.2023 г.

REFERENCES

- Vorobyev, V. V. (2008) *Lingvokul'turologiia [Linguoculturology]*. Moscow, RUDN University. 336 p. (In Russ.).
- Dongak, U. A. (2020) Novatorstvo pisatel'ia-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaia poeziia) [New poetic methods in the literary imagination of the bilingual writer Eduard Mizhit (Tuvan poetry)]. *Polylinguality & Transcultural Practices*, vol. 17, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Cassuto, P. A. and Porkhomovskiy, M. V. (2020) Imena Boga v turetskikh versiiakh Vetkhogo Zaveta [Names of God in Turkish versions of the Old Testament]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 2, pp. 177–186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080009064-7>
- Kirillova, Z. N. (2016) Perevod Biblii na tatarskii iazyk kak mezhkul'turnyi i mezhreligiozniy dialog mezhdu narodami [Translation of the Bible into Tatar language as cross-cultural and interreligious dialogue between the peoples]. *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, no. 5, pp. 679–683. (In Russ.).
- Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept terel 'rodstvennik' v iazykovi kartine mira tuvintsev [The concept of terel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod k analizu tuvinskoii kul'tury [Thesaurus approach to analysis of the Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 25–46. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologiia i podderzhanie rodstva [The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Leontieva, S. A. (2018) Bibliia na iakutskom iazyke [The Bible in the Yakut language]. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, no. 5, pp. 134–135. (In Russ.).
- Mainy, Sh. B. (2023) Predstavleniia o cher 'zemle' sovremennykh tuvintsev [Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>
- Mizhit, L. S. (2016) Perevod Biblii na tuvinskii iazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo iazyka [The Tuvan Bible translation and the lexical enrichment of the Tuvan literary language]. *Rodnoy yazyk: lingvisticheskii zhurnal*, no. 1 (4), pp. 141–155. (In Russ.).
- Saitbattalov, I. R., Lukmanova, R. Kh. and Saitbattalova, Yu. A. (2022) Teonimicheskaia leksika v perevodakh Evangelii na bashkirskii i tuvinskii iazyki [Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 137–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>
- Saitbattalov, I. R., Fatkullina, F. G. and Saitbattalova, Yu. A. (2017) Perevod v kontekste mezhkul'turnogo dialoga [Translation in the context of dialogue of cultures]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 22, no. 3, pp. 778–784. (In Russ.).
- Studentsov, O. R. (2013) Imena sushchestvitel'nye, obrazovannye affiksom -çă(-çë), v chuvashskikh pravoslavnykh tekstakh kontsa XIX — nachala XX v. [Nouns formed by -çă(-çë) affix in Chuvash Orthodox texts of the end of XIX — the beginning of XX centuries]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ia. Iakovleva*, no. 1–2 (77), pp. 164–167. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Khomushku, A. V. (2018) Kontsept «Rodina» v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [The concept of Motherland in Tuvan proverbs and sayings]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altaiia [Current issues of research into ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of the Sayan-Altai region]* : Proceedings of the 5th International research-to-practice conference of young researchers, postgraduates and students (Kyzyl, June 26–29, 2018) / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 235 p. Pp. 27–29. (In Russ.).
- Fatkullina, F. G., Vorobiev, V. V., Saitbattalov, I. R., Peshkova, N. P. and Suleymanova, A. K. (2022) Toponyms as units of cultural and linguistic transfer: A linguistic and cultural aspect. *Journal of Language and Linguistic Studies*, vol. 18, special issue 2, pp. 884–890. [online] Available at: <https://jlls.org/index.php/jlls/article/view/3983> (accessed 10.07.2023).

Submission date: 17.07.2023.

Acceptance date: 02.09.2023.

Речевой жанр приветствия как маркер ментальности (на примере обрядов приветствия у русских и тувинцев)

Татьяна Т. Черкашина

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Российская Федерация,

Наталья С. Новикова, Иван А. Пугачев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируется обряд приветствия как модель ментально обусловленного речевого поведения, которая обладает глубоким лингвокультурологическим, философским содержанием и включает конкретную этнически маркированную систему, отражающую номинативно-семиотическую функцию речевого жанра приветствия с демонстрацией коммуникативной роли говорящих. Речевой жанр приветствия как часть речевого этикета является составной частью в неписанный свод правил, сложившийся в ходе становления, развития предпочтений этнических традиций, детерминируя выбор форм выражения в типичных ситуациях общения. Поэтому особенно интересным и важным представляется изучение моделей взаимодействия людей в исторической ретроспективе, что позволяет рассмотреть специфику использования народом конкретных языковых и неязыковых единиц, относящихся к этнически-специфическим маркерам этничности, эмоциональности, ментальности.

Именно это и определило задачи исследования — проведение синхронно-диахронического анализа обрядов приветствия в славянской и тувинской культурах как специфического речевого жанра, определение его места и роли в системе этнокультурных предпочтений носителей обеих этнических культур, а также сопоставление вариативности форм приветствия, в основе которых лежит специфический духовно-нравственный стиль общения, мышления, поведения. Особый акцент в статье делается на внимание к исследованиям тувинского этикета, который впитал в себя единство духовного и материального, возвышающее и одухотворяющее начало в диалоге человека с миром природы, что выступает своеобразным вектором человеческих отношений, одним из способов формирования их нравственно-культурных ориентиров, регулирующих ценностный выбор народа.

Результаты исследования выявили историческую общность многих форм приветствия в русской и тувинской культурах, показали, что ритуал приветствия претерпевает изменения лексической наполняемости речевых актов, составляющих этикетные формы приветствия, в сторону менее официальных лексических единиц. При этом в статье анализируются как вербальные, так и невербальные формы приветствий, призванных гармонизировать межличностную коммуникацию. В заключении делается вывод о том, что несмотря на глобальные изменения, переживаемые современным миром — активные аксиологические трансформации, новые социокультурные реалии — речевые акты приветствия и сегодня сохраняют наиболее яркие культурные предпочтения и этнические традиции использования языковых единиц.

Ключевые слова: тувинская культура; русская культура; коммуникация; речевой жанр; приветствие; обряд; речевой этикет; этнические традиции

Для цитирования:

Черкашина Т. Т., Новикова Н. С., Пугачев И. А. Речевой жанр приветствия как маркер ментальности (на примере обрядов приветствия у русских и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 70-87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.5>

Черкашина Татьяна Тихоновна — доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Адрес: 119071, Россия, г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1. Эл. адрес: ttch2004@yandex.ru

Новикова Наталья Степановна — кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117923, Россия, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3. Эл. адрес: novikova-ns@rudn.ru

Пугачев Иван Алексеевич — доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117923, Россия, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3. Эл. адрес: pugachev-ia@rudn.ru

Speech genre of greeting as a marker of mentality (the case of greeting rituals among Russians and Tuvans)

Tatiana T. Cherkashina

Kosygin Russian State University, Russian Federation,

Natalia S. Novikova, Ivan A. Pugachev

RUDN University, Russian Federation

The article presents an analysis of the greeting ceremony as a model of mentally conditioned speech behavior which has a deep linguoculturological, philosophical content and includes a specific ethnically-marked system that reflects the nominative and semiotic function of the speech genre of greeting with a demonstration of the communicative role of speakers. The speech genre of greeting as a part of speech etiquette is an integral part of the unwritten set of rules that developed during the formation of preferences of ethnic traditions. It determines the choice of forms of expression in typical communication situations. Therefore, it is particularly interesting and important to study the models of human interaction in historical retrospect. This allows us to consider the features of people's use of specific linguistic and non-linguistic units related to ethnically specific markers of ethicality, emotionality and mentality.

This is what determined the objectives of the research: conducting a synchronous and diachronic analysis of greeting rituals in Slavic and Tuvan cultures as a specific speech genre, determining its place and role in the system of ethnocultural preferences of members of both ethnic cultures, as well as comparing the variability of greeting forms which are based on a specific spiritual and moral style of communication, thinking and behavior. A special emphasis in the article is provided on attention to the studies of Tuvan etiquette that has absorbed the unity of the spiritual and the material, the uplifting and spiritualizing principle in the dialogue of man with the natural world. This acts as a kind of vector of human relations, one of the ways for the development of their moral and cultural guidelines that regulate the value choice of people.

The results of the study have revealed the historical commonality of many forms of greeting in Russian and Tuvan cultures and have shown that the greeting ritual undergoes changes in the lexical content of speech acts, which make up the etiquette forms of greeting, towards less formal lexical units. At the same time, the article analyzes both verbal and non-verbal forms of greetings that serve to harmonize interpersonal communication. In the conclusion, it is pointed out that despite the global changes experienced by the modern world — active axiological transformations, new sociocultural realities — speech acts of greeting still retain the most vivid cultural preferences and ethnic traditions of using linguistic units.

Keywords: Tuvan culture; Russian culture; communication; speech genre; greeting; ritual; speech etiquette; ethnic traditions

For citation:

Cherkashina T. T., Novikova N. S. and Pugachev I. A. Rechevoi zhanr privetstviia kak marker mental'nosti (na primere obriadov privetstviia u russkikh i tuvintsev) [Speech genre of greeting as a marker of mentality (the case of greeting rituals among Russians and Tuvans)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 70-87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.5>

Novikova, Natalia Stepanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Associate Professor, Department No. 4, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 3 Ordzhonikidze St., 117923 Moscow, Russian Federation. E-mail: novikova-ns@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-3364-1413

PUGACHEV, Ivan Alekseevich, Doctor of Pedagogy, Professor; Head, Department No. 4, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 3 Ordzhonikidze St., 117923 Moscow, Russian Federation. E-mail: pugachev-ia@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-2397-1814

ORCID ID: 0000-0002-0159-8898

Введение

Изучение проблем формальной и содержательной сторон коммуникации, в частности специфики вербального и невербального поведения представителей различных лингвокультурных общностей, оказывается в настоящее время в зоне интереса пограничных наук, в центре внимания которых находится человек. Обряд приветствия как модель ментально зависимого речевого поведения коррелирует с национально-маркированной парадигмой, принятой социумом и отражающей при этом коммуникативные роли говорящих в соответствии с номинативно-семиотической функцией речевого жанра приветствия, что, бесспорно, имеет глубокие лингвокультурологические традиции и философское содержание, которое помогает человеку лучше понять мир, определить свою позицию в мире и ценность как человека. Учитывая глубоко сакральный смысл обрядовых традиций обеих культур, следует отметить, что философский взгляд на проблему расширяет предмет нашего исследования.

Уточняя сложившиеся в науке точки зрения на речевой жанр (РЖ) как относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания, отметим, что согласно М. М. Бахтину (Бахтин, 1997), РЖ — это первичная форма существования языка, возникающая в определенной ситуации общения. К. Ф. Седов предлагает понимать РЖ как «вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» (Седов, 2001: 108).

Разворот антропологической парадигмы современного знания и всех его сфер — лингвистики, социологии, психологии, этнографии и культурологии — в сторону «человека в языке» (Лутовинова, 2017) коррелирует с предметом нашего исследования. Обряд приветствия рассматривается нами как специфический речевой жанр в системе этнокультурных предпочтений носителей той или иной этнической культуры. При этом в эпоху постмодерна чрезвычайно важно сохранить и изучить модели взаимодействия людей в историческом контексте, а также исследовать оригинальные способы употребления народом специальных языковых и неязыковых единиц, квалифицирующихся в качестве этноспецифических знаков этичности, эмоциональности, ментальности.

Стандартизованность и конвенциональность речевых жанров приветствия актуализирует функционирование и управляемость речевого поведения представителей всех этнических культур, в том числе русской и тувинской, и их соответствие принятым данными языковыми коллективами этическим нормам, закрепленным в языковом сознании носителей языка.

Речевой жанр приветствия относится не только к важнейшей этической, но и к регулятивной форме контакта, обеспечивающей ролевую, а также межличностную речевую коммуникацию. По М. В. Колтуновой, базовые нормы и правила отражаются «в рутинных моделях жанровых сценариев, в статусно-ролевых моделях речевого взаимодействия. Сама способность выполнять социальное взаимодействие посредством языка обусловлена владением этими нормами и правилами» (Колтунова, 2005: 44).

Актуализация функционирования этикетных формул приветствия характеризуется большим количеством релевантных признаков, является многоаспектной и требует подробного и многостороннего изучения как в теоретическом плане, так и в лингвометодическом, что отмечается всеми исследователями речевого этикета (Байбурин, 1988; Байбурин, Топорков, 1990; Бгажноков, 1978, 1983; Гольдин, 1983; Даржа, 2015; Жуковская, 1988; Карасик, 2002; Касьянова, 2003; Кенин-Лопсан, 2006; Колтунова, 2005; Костина, 2009; Кочетков, 2001; Красных, 2002; Кужугет, 1988, 1998, 2006; Кузьменкова, 2008; Ламажаа, 2013, 2018; Ларина, 2003; Левкович, 1976; Лехтонен, Поталуй, 2002; Монгуш, 2014; Мышлявцев, 2005; Прохоров, Стернин, 2007; Решетов, 1988; Стернин, 2002; Трофименко, Волгин, 1991; Утебаев, 2019; Формановская, 1989, 2007; Brown, Levinson, 1987; и др.¹).

Известно, что приветствие как речевой жанр или речевой акт, существующий с незапамятных времен в любой этнокультуре, представляет собой устное или письменное обращение к партнеру по общению с целью выразить дружелюбие, доброжелательность, заинтересованность в установлении и поддержании контакта. Именно форма приветствия задает тон всему диалогу. Однако несмотря на то, что изучением жанра приветствия интересуются ученые многих пограничных наук, до сих

¹ См. также: Монгуш М. Овладевайте искусством жизни [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2014, 30 января. URL: <https://tuva.asia/news/tuva/6883-mongush-shagaa.html> (дата обращения: 22.07.2023).

пор нет единообразного научного определения данного термина. По словам Н. С. Гребенщиковой, в этом жанре отмечается отсутствие единообразия в интерпретации: «Одни формулы именуется приветствиями: *С легким паром!*— “приветствие тому, кто только что вымылся в бане”... другие — пожеланиями: *Покойной ночи!* — “пожелание на ночь”... третьи приводятся без комментариев: *Мир кому (чему)!..*» (Гребенщикова, 2004: 5; курсив источника. — *Авт.*). В Словаре русского языка С. И. Ожегова приветствие определяется как «обращение к кому-н. с приветом; речь с выражением добрых пожеланий, расположения»¹. В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой приветствие — это «принятое обращение (слова, жест, движение) при встрече»². С позиций этноэтикета (термин Б. Х. Бгажнокова (см.: Бгажноков, 1978)), приветствие — это «вход в этикетную ситуацию» (Байбурин, 1988: 20), от которого во многом зависит успешность коммуникации. Формы приветствия в традиционной культуре детально разработаны и регламентированы: по словам А. К. Байбурина, «вход и выход из общения столь важны, что для этого требуется и определенный автоматизм, облегчающий эти операции, и специализированный характер (особенно приветствий, различающихся по времени встречи, полу, возрасту, типу ситуации и т. п.)» (там же: 29).

В своем исследовании мы будем опираться на следующую дефиницию, предложенную Н. С. Гребенщиковой: «В обыденном смысле *приветствие* — это доброжелательные слова, обычно произносимые при встрече или начинающие бытовое (или полуофициальное) письмо» (Гребенщикова, 2004: 3; курсив источника. — *Авт.*). В данном определении подчеркивается слово «доброжелательные», что кажется нам совершенно верным. По словам Н. С. Гребенщиковой, «основная цель приветствия — манифестация расположения к адресату. Выразить хорошее отношение можно различными способами: демонстрацией интереса к состоянию собеседника, демонстрацией более высокого статуса собеседника по отношению к инициатору приветствия, демонстративным приближением (словесным или физическим) к собеседнику, допуском его на свою территорию или физическим контактом (поцелуй, пожатие руки), пожеланием благ адресату приветствия» (там же: 25).

Именно в актах приветствия наиболее ярко проявляются культурные предпочтения, национальные и этнические традиции использования языковых единиц установления контакта, поэтому приветственные формулы — обязательный раздел двуязычных разговорников, которые издаются для тех, кто отправляется в чужие страны. В лингводидактике изучение лексико-грамматических моделей начинается со знакомства с формулами приветствия. Так, еще в 1696 г. Запад познакомился с языком Московской Руси. Именно в это время в Оксфорде была опубликована краткая грамматика русского языка, автором которой являлся Генрих Вильгельм Лудольф, побывавший в России и представивший в своей книге диалог с принятыми в Московской Руси приветствиями, которые дифференцировались по времени их использования: утренние, дневные, вечерние и «когда змеркнет», т. е. перед сном, что свидетельствует о том, что этот обряд отражает необходимость и потребность человека не раз в день приветствовать друг друга. Собственно, с приветствия начинается любой разговор, поэтому оно относится к одному из наиважнейших контактоустанавливающих средств, при помощи которого инициатор диалога заявляет о себе, своих намерениях с учетом адресата обращения. Слова приветствия часто сопровождаются соответствующими случаю действиями — рукопожатием, поклоном, поцелуем руки женщины, снятием шляпы и т. п., которые разительно отличаются в разных социумах. Не случайно ежегодно 21 ноября отмечается Всемирный день приветствий. Некоторые его формы настолько необычны, что вызывают удивление, недоумение и улыбку у представителей других культур.

Целью нашего исследования явилось рассмотрение речевого жанра приветствия как этикетного маркера ментальности на материале языковых единиц приветствий, сложившихся в процессе исторического развития культурных традиций русских и тувинцев, что позволило авторам выявить их общие и специфические черты. Причиной выбора для сравнения столь разных, казалось бы, языков послужило то, что сопоставление этикетных форм разных этносов, находящихся на пересечении двух культурных потоков, расширяет поле лингвокультурологических исследований, что приводит к взаимопроникновению в иную культуру. Анализируя формы приветствия в русском и тувинском языках, мы руководствовались принципами сопоставительной лингвокультурологии (Воробьев,

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка (около 57 000 слов) / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 13-е, испр. М.: Русский язык, 1981. С. 521.

² Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. III. С. 395.

Полякова, 2012), в которой исследуются «сходства и различия двух и более культур, зафиксированных в мифах, легендах, ритуалах, обрядах... и т. д., нашедших отражение в языковых единицах, выявленных на материале сопоставляемых языков» (там же: 15). При этом, как подчеркивают В. В. Воробьев и Г. М. Полякова, когда объектами анализа становятся разносистемные языки, это позволяет раздвинуть границы межкультурного диалога, проанализировав огромный пласт культурной информации, зафиксированной языком и представленной в нашем случае в речевом жанре приветствия.

Подтверждением вышесказанному служит существование множества работ, где в сопоставительном аспекте описываются и сравниваются коммуникативные стандарты, в том числе формы приветствия, в разных языках — см., например, следующие работы: Байбурин, 1988; Бгажноков, 1978, 1983; Бичелдей, 2012; Гребенщикова, 2004; Жуковская, 1988; Калзан, 1961; Колмогорова, 2021; Кенин-Лопсан, 2006; Конгу, 2015; Кужугет, 1988, 1998, 2006, 2009; Ламажаа, 2013, 2018; Мышлявцев, 2005; Перкова, Блажевич, 2012; Рабаданова, Гаджихмедов, 2015; Гаджихмедов, Мусаева, Самедов, 2012; Серээдар, 2018; Утебаев, 2019; и др.

Новизна нашего исследования заключается в том, что сопоставлялся именно речевой жанр приветствия: нами был проведен сопоставительный диахронический анализ данных функционирования РЖ этикетных форм у тувинцев и русских, который показал, что в духовно-нравственных традициях обоих этносов много общего.

Задачами исследования явилось выявление и описание компонентов паспорта РЖ-приветствие в русском и тувинском языках с опорой на классификацию Т. В. Шмелевой (Шмелева, 1997). Учитывая, что в системе этикетных речевых жанров приветствию принадлежит ведущая роль, выделим наиболее значимые жанрообразующие признаки, входящие в понятие «паспорт» РЖ-приветствия:

1. коммуникативная цель приветствия;
2. адресант и адресат приветствия;
3. симметрия/ асимметрия по социальному положению и статусу;
4. симметрия/ асимметрия по возрасту;
5. время приветствия.

Именно описание и анализ данных жанрообразующих признаков в сопоставительном аспекте для русского и тувинского языков и стали задачами нашего исследования.

Источниковую базу исследования можно разбить на следующие группы: работы, посвященные описанию и анализу речевых жанров (Шмелева, 1997; Бахтин, 1997; Колтунова, 2005; Ларина, 2003; Седов, 2001; и др.); работы, посвященные анализу различных аспектов речевого этикета, в том числе в плане сопоставления языков (Байбурин, 1988; Бгажноков, 1978; Перкова, Блажевич, 2012; Решетов, 1988; Кужугет, 1988; Левкович, 1976; Утебаев, 2019; Формановская, 1989; Brown, Levinson, 1987; и др.); работы, в которых анализируется собственно жанр приветствия — как только в одном языке, так и в сопоставительном аспекте с другими языками (Гребенщикова, 2004; Конгу, 2015; Мышлявцев, 2005; Перкова, Блажевич, 2012; Рабаданова, Гаджихмедов, 2015; Утебаев, 2019; и др.); работы, раскрывающие этнопсихологические особенности русских (Гребенщикова, 2004; Красных, 2002; Прохоров, Стернин, 2007; Касьянова, 2003; Лехтонен, Поталуй, 2002; и др.); работы, раскрывающие этнопсихологические особенности тувинцев (Вайнштейн, 2009; Даржа, 2015; Кенин-Лопсан, 2006; Костина, 2009; Конгу, 2015; Кужугет, 1988, 1998, 2006; Ламажаа, 2018; Хомушку, 2005; Резников, Товуу, 2002; и др.).

Переходя от Введения к описанию основной части нашего исследования, остановимся подробнее на каждой из перечисленных ранее задач.

Коммуникативная цель приветствия: описание и анализ

В зависимости от цели формула приветствия может выражать: а) пожелание здоровья; б) пожелание мира; в) пожелание успеха в деятельности.

А) Приветствие — пожелание здоровья

Поскольку формат приветствия подразумевает обращение к лицам, уточним, что в русском и тувинском языках есть формы обращения «ты» и «вы» (что далеко не всегда бывает в разных языках). В русский язык *ВЫ*-форма пришла из западноевропейских языков в XVII–XVIII вв. Впоследствии язык выработал сложный механизм разграничения *ТЫ*- и *ВЫ*-форм в зависимости от степени знакомства

говорящих. Однако *ВЫ*-форма не всегда показатель вежливости и уважительного отношения. Так, переход на *ВЫ* при сложившихся дружеских отношениях выступает сигналом ссоры и намерения подчеркнуть официальность ролевых позиций. До XIX в. в России было принято обращение к родителям на *ВЫ* в знак почтительности и уважения. Современная речевая практика демонстрирует интимизацию и доверительность семейных ролевых позиций посредством *ТЫ*-контакта, хотя *ВЫ*-модель все еще релевантна в сельской местности и в южных районах страны.

В тувинском языке также используются местоимения *ТЫ* (*сен*) и *ВЫ* (*силер*). Выбор той или иной формы местоимений, как и в русском языке, зависит от возраста, социального положения собеседников, а также официальной или неофициальной обстановки. Обращение на *ТЫ* (*сен*) характерно для бытовой разговорной речи, поскольку оно имеет оттенок фамильярности, просторечия. Обращаться на *ТЫ* (*сен*) не принято при встрече с незнакомыми людьми, со старшими по возрасту и должности, а также во время официальных мероприятий.

Местоимение *ВЫ* (*силер*) может употребляться в качестве вежливого обращения к одному лицу в официальной обстановке, незнакомцу, не очень близкому человеку, а также к старшему по возрасту или занимающему более высокое положение.

Одной из особенностей употребления форм вежливости в тувинском языке является то, что в более раннее время при обращении к одному должностному лицу (знатному, почитаемому) использовался аффикс 2-го лица множественного лица *-ыңар*: *Амыргын-на тур бе ыңар!* 'Благополучны ли Вы?' *Экии, экибе ыңар!* 'Здравствуйте, благополучны ли Вы / все ли хорошо у Вас?' В таких формах заметна подчеркнутая почтительность, уважение. В настоящее время такая форма ни в письменной, ни в устной речи не употребляется, поэтому ее можно считать в тувинском языке архаичной.

Пожеланием здоровья в русской культуре было и остается самое популярное и универсальное приветствие *здравствуй / здравствуйте*, эксплицитно содержащее *ТЫ*- / *ВЫ*-форму установления контакта.

Заложенная в этих формах подчеркнутая вежливость, даже «холодность», некая обезличенность, что, в принципе, отличает русскую грамматику, была впервые обнаружена исследователями в летописи, датированной 1057 годом, где автор написал: «Здравствуйте же многие лета». Данное приветствие используется без ситуативных ограничений: и при контакте знакомых людей, и при контакте незнакомых.

С точки зрения этимологии слово *здравствуй* не сводится к простому слову *здравие*, означаемому сегодня пожелание здоровья. Корни *здрав* и *здоров* замечены и в древнеиндийском, и в греческом, и в авестийском языках. В праславянском языке слово *здравствуйте* состояло из двух частей: «*\$ъ-» и «*dorvo-», где первая означала *хороший*, а вторая имела отношение к понятию *дерево*, что вполне объяснимо: славяне-язычники поклонялись деревьям — дерево для них было символом крепости и благополучия. Поэтому, включив в славословие языческое восприятие мира, славяне желали другому крепости, выносливости, каким обладало дерево. Причем для самого приветствующего дерево ассоциировалось с крепким, сильным родом.

В дохристианские времена на Руси было распространено¹ приветствие «Гой еси, добрый молодец!», в котором есть древнейший корень *гой*, встречающийся во многих языках. Согласно словарю В. И. Даля, *гойтѣ* = *говеть, жить, здравствовать*. Приветствие могло быть обращено к одной общине, роду, племени и имело значение: *Ты есть наш, наших кровей*. На современный русский язык это приветствие переводится так: *Ты сейчас есть и будь живым еще!* Отметим, что до сих пор в отдельных русских деревнях на «Здравствуйте!» отвечают «Спасибо!», а в ответ на приветствие «Добрый день!» также желают хорошей погоды, ведра.

Со временем приветствия, конечно, менялись. Так, такое высокочастотное слово сегодня, как *привет*, с точки зрения этимологии состоит из двух частей: «*при*» + «*вет*». Этимологически корень *вет*- ментально демонстрирует собеседнику расположение к нему: *привечать* — значит подчеркнуть теплое отношение. А приставка *при* — отражала значение сокращения дистанции контакта, его интимизацию — ср. слова *приласкать, прислонить*, где приставка *при*- используется для обозначения

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] : подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. М. : АСТ и др., 1998. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=5825> (дата обращения: 22.07.2023).

близости, приближения к чему-то или кому-то. На это указывал В. Г. Костомаров, который считал, что «*вит* было слово, означавшее вообще достоинство природы человеческой: отсюда *витязь*, *витяжество* (= победа), *вития* (= красноречивый, мудрый); там и корень слов *ответ*, *привет*, *вещий*» (Костомаров, 2022: 10). Таким образом, говоря кому-то быстрое «*привет*», мы подчеркиваем близость отношений, благорасположение к собеседнику и стремимся передать другому добрую весть.

Обращаясь к истории, вспомним также, что, читая в былинах такие выражения, как «Ай ты гой еси, Илья Муромец!» или «Исполать тебе, добрый молодец!», мы понимаем, что «гой», «исполать» — это старинные приветствия, но сами давно уже их не употребляем. Приведем еще один интересный пример: если в XVIII в. формулы «Здравия тебе желаю!», «Желаю здравия!» мог произносить любой человек, входя в дом или встречая знакомого, то постепенно они прочно закрепились в военной среде, сделались уставной формой. Пожелание «Здравствуй!» говорили не только при встрече, но также если кто-нибудь чихал. Сейчас в подобной ситуации русские говорят: «Будь здоров!» или «Будьте здоровы!».

Для аналогичного универсального приветствия — пожелания здоровья в тувинском языке существует аналогичное приветствие *экии*, которое переводится на русский язык, как 1) *хороший / хорошо*; 2) *здравствуйте*¹ и, по мнению У. А. Даржа, является «наиболее употребительной и доминантной формулой приветствия» (Даржа, 2015: 117). Как отмечает исследователь, даже для русскоязычного населения Тувы форма *экии* оказывается весьма частотной. При этом сфера использования данной формы также не лимитирована: она «широко применяется и по отношению к малознакомым людям, и в официальной обстановке общения по отношению к хорошо знакомому человеку, а также при подчеркнуто вежливой, отчужденной и “холодной” тональности общения» (там же). Заметим, что для официального приветствия используются также формула *Менди* и вопрос *Амыр менди бе?* ‘Здоровы ли вы? Благополучны ли вы?’, который, по сути, не является вопросом: отвечая на него, тувинцы не говорят «Спасибо, все хорошо» (как, например, при ответе на русскую этикетную формулу «Как дела?»). В ответ обычно повторяется первая или вторая часть формулы: *амыр-амыр* или *мендээ мендээ* (букв. ‘все хорошо’) (там же: 118).

Между членами семьи, соседями принята церемония *амырлажыр*, *мендилежир*, которая совершается раз в день. В ходе *амырлажыр* тувинцы говорят: *Амыр тур силер бе ыңар?* ‘Все ли хорошо, ладно у вас?’. Ответом служит фраза *Амыр тур бис / Эки тур бис* ‘Все хорошо’ (Кенин-Лопсан, 2006: 190).

Б) Приветствие — пожелание мира

В качестве приветствия-пожелания мира в современном русском языке специальной формы нет, хотя так было не всегда. Так, в дохристианский период очень распространенным было приветствие «Мир вашему дому!», в котором звучит пожелание здравия всем близким и дальним родственникам, а также домовому и богу этого рода. С принятием христианства появилась новая модель приветствия — «Христос посреди нас!», на которое следовал ответ: «Есть и будет!». Постепенно данные формулы из русского языка исчезли.

Тувинская этническая культура оказалась более устойчивой к «бегу времени», более стойкой с точки зрения сохранения своей самобытности и уникальности. Так, путник, войдя в юрту, отвешивает легкий поклон в сторону хозяев и садится на одно колено — *сөгедей олулар*. При этом он говорит слова приветствия *Амыр-ла, амыр!* ‘Мир вам!’ И хотя современное население Тувы давно уже не живет в юртах, приветствие *Амыр! Амыр-ла!* используется и в наши дни. Нельзя не отметить, что, к сожалению, советский период истории разрушительным образом сказался на культуре тувинцев, что привело к потере в течение XX в. многих исторически сложившихся этнических традиций. И только в конце прошлого столетия речь зашла о возрождении, реконструкции, желании возродить прошлое. Поэтому в применении к сегодняшней ситуации можно говорить о тенденции приверженности к традициям — прерванным, но снова восстановленным.

Особенно это видно на примере традиций, связанных с празднованием Шагаа — тувинского Нового года, являющегося одним из самых значимых праздников тувинцев. Как отмечает А. А. Конгу, «время наступления Нового года — особое, сакральное время, когда происходит разрыв между прошлым и будущим, сопровождающийся борьбой между добром и злом в их космическом значении. В то же время это — праздник, утверждающий великую “связь времен” жизни, человечества и Вселенной»

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Сов. энциклопедия, 1968. С. 609.

(Конгу, 2015: 120). В рамках празднования Шагаа совершался обряд *чолукишуур* — особое приветствие, обращенное к старшим по возрасту людям. При совершении *чолукишуур* использовалась речевая формула *Амыр менди!* ‘Мира вам!’, ответом на которую было *Сол менди!* ‘Мира и вам тоже!’

Заметим, что раньше Шагаа праздновался по большей части как семейный или общинно-территориальный праздник. В современной Туве форм празднования Шагаа стало больше: появился масштаб и общественных праздников (содержащих в основе формат празднования советских культурно-массовых мероприятий, сплетенных с русской Масленицей). Поэтому форма приветствия *чолукишуур* стала специально культивироваться (артистами, работниками культуры) во время этого праздника, чтобы напомнить населению, как это было принято раньше. Но за пределы праздника это приветствие явно не перешагнуло, употребляется только в дни Шагаа.

В) Приветствие — пожелание успеха в деятельности

Изначально у многих народов, включая и русских, и тувинцев, выбор приветствия зависел от рода занятия человека непосредственно в момент общения. Поэтому по-разному здоровались с пастухом или кузнецом, с охотником или рыбаком, с гостем или попутчиком, с тем, кто занят работой, и с тем, кто отдыхает. Человек должен был использовать соответствующую конкретной ситуации общения этикетную формулу.

Анализируя лингвокультурологический аспект тувинской и русской культур в исторической ретроспективе, мы обнаружили калейдоскоп речевых моделей приветствий как упорядоченных норм поведения и пришли к выводу: образ жизни этноса в каждую историческую эпоху формировал свои доминанты приветствий, что помогало решать конкретные проблемы жизнедеятельности. Устойчивые речевые модели приветствий помогали человеку ориентироваться в своем культурном пространстве, устанавливая достаточно жесткие границы, выход за которые воспринимался как недопустимый, ибо каждый этнос является носителем определенных представлений о мире и месте человека в нем, принимая устоявшиеся в данной культуре стереотипы речевого поведения.

Так, в сборнике пословиц и поговорок русского народа В. И. Даль зафиксировал немало приветственных формул, связанных с деятельностью человека, которые были приняты в России в прошлом¹. Мы свели некоторые из них в *таблицу 1*.

Таблица 1. Модели приветствия в зависимости от выполняемой работы в русской культуре
 Table 1. Greeting models depending on the work performed in Russian culture

<i>Жнецам</i>	С двумя полями сжатыми, с третьим засеянным!
<i>Молотильщикам</i>	По сту на день, по тысяче на неделю!
<i>Девушке, черпающей воду</i>	Свеженько тебе!
<i>Сидящим за трапезой</i>	Хлеб да соль! Чай да сахар!
<i>Доярке</i>	Море под коровой!
<i>Рыболову</i>	Улов на рыбу!
<i>Охотнику</i>	Ни пуха ни пера!
<i>Женщине, замешивающей квашню</i>	Спорынья (удача) в квашню!

Существовало и обобщенное приветствие-пожелание успеха в деятельности, которое в русском языке звучало так: «Бог в помощь!» В ответ принято было говорить: «Во славу Божию!» или «Слава Богу!».

В тувинской традиции выбор приветствия также зависел от рода деятельности человека. Так, например, проезжий, видя людей, занятых какой-либо работой, не мог просто молча проехать мимо:

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа : в 3-х т. СПб.: Вита Нова, 2011. Т. 1; Даль В. И. Пословицы русского народа: в 3-х т. СПб.: Вита Нова, 2011. Т. 2; Даль В. И. Пословицы русского народа: в 3-х т. СПб.: Вита Нова, 2011. Т. 3.

он должен был сказать: *Үүле бүтсүн!* 'Пусть будет удача в деле!', на что те отвечали *Чорууңар чогузун!* 'Пусть дорога ваша будет белой!' или 'Счастливого пути!' (Кенин-Лопсан, 2006: 196).

Мы обобщили некоторые принятые тувинцами модели приветствия в зависимости от выполняемой работы, опираясь на исследования тувинских ученых (там же; Калзан, 1961)¹, в *таблице 2*.

Таблица 2. Модели приветствия в зависимости от выполняемой работы в тувинской культуре
Table 2. Greeting models depending on the work performed in Tuvan culture

<i>Землепашцу</i>	<p>— <i>Үүле бүтсүн! Андазыныңар чидиг болзун, арбай-тараа арбын болур болзун!</i> 'Пусть успех сопутствует в вашей работе! Пусть ваш плуг будет острым, пусть урожай ячменя будет богатым!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, чорууңар-ла чогузун!</i> 'Пусть так и будет, пусть удача сопутствует вам!'</p>
<i>Занятому боронованием</i>	<p>— <i>Үүле бүтсүн, ажыл-хожул шуудап турзун!</i> 'Пусть успех сопутствует в работе, пусть работа ладится!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, чорууңар-ла чогузун!</i> 'Пусть так и будет, пусть удача сопутствует вам!'</p>
<i>Поливальщикам</i>	<p>— <i>Үүле бүтсүн, суг-сугадыңар элбек болзун!</i> 'Пусть успех сопутствует в работе, пусть полив хлебов будет щедрый!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, ажыл-херээңер чогузун!</i> 'Пусть будет так, удачи вам в делах!'</p>
<i>Жнецу или косарю</i>	<p>— <i>Үүле бүтсүн, тараа-быдаа элбек болзун!</i> 'Пусть успех сопутствует в работе, пусть урожай хлеба будет богатый!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, чорууңар-ла чогузун!</i> 'Пусть так и будет, пусть удача сопутствует вам!'</p>
<i>Ставлящим юрту при перекочевке</i>	<p>— <i>Чиик-чаагай көжүп келдиңер бе? Өөңер тиктингир-ле болзунам!</i> 'Переезд, надеюсь, был легким? Пусть ваша юрта будет поставлена легко!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, күзээниңер боттаныр-ла болзун!</i> 'Пусть так и будет, пусть сбудутся все ваши замыслы'</p>
<i>Аратам, строящим загон для скота</i>	<p>— <i>Балдыңар чидиг болзун, хол-будуңар туттунгур-ла болзун!</i> 'Пусть ваш топор будет острым, пусть будут сильны ваши руки и ноги!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, чорууңар-ла чогузун!</i> 'Пусть так и будет, пусть удача сопутствует вам!'</p>
<i>Шерстобитам за работой</i>	<p>— <i>Үүле бүтсүн, хачыңар чидиг-ле болзунам!</i> 'Пусть успех сопутствует в работе, пусть ножницы будут острыми!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, чорууңар-ла чогузун!</i> 'Пусть так и будет, пусть удача сопутствует вам!'</p>
<i>Каталям войлока</i>	<p>— <i>Үүле бүтсүн, дүк салдыңыр болзун!</i> 'Пусть успех сопутствует в работе, пусть шерсть ложится ровно и гладко!'</p> <p>— <i>Ындыг-ла болзун, чорууңар-ла чогузун!</i> 'Пусть так и будет, пусть удача сопутствует вам!'</p>
<i>Двое охотников при встрече в тайге приветствуют друг друга</i>	<p>— <i>Ужа!</i> 'Курдюк!'</p> <p>— <i>Төш!</i> 'Грудинка!'</p>

¹ См. также: Натпит-оол С. Методические основы изучения тувинского фольклора // Башкы : журнал. 1993. № 5. С. 64–66.

Адресант и адресат приветствия: описание и анализ

Безусловной жанрообразующей силой обладает образ инициатора приветствия в диалоге, что особенно важно для ритуальных РЖ, к которым относится жанр приветствия. Обращаясь с приветствием, адресант должен быть как минимум знаком и не испытывать вражды к адресату или же на удачу вторгнуться в коммуникативное поле адресата.

Обратившись к адресату приветствия, заметим, что и в русской, и в тувинской культурах адресатом приветствия мог быть не только человек, но и природа, что детерминировано особенностями этнокультурной языковой картины мира русских и тувинцев. Понимая культуру как замкнутую в себе систему маркеров коммуникативного поведения человека в условиях конкретного социума, русские и тувинцы в РЖ-приветствия заложили совокупность ментальных смыслов. Будучи изначально язычниками, русские воспринимали природу как живой организм, поэтому с приветствием можно было обратиться не только к человеку, но и к природе. С давних времен русские здоровались с лесом, рекой, родной землей после долгого в ней отсутствия — ср., например, приветствие в памятнике древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (пер. Н. А. Заболоцкого): «О Русская земля! Ты уже за холмом!»¹

Официальная религия Тувы — буддизм, который является привнесенной религией. В тувинском сознании он прекрасно сочетается с исконным для этих мест шаманизмом, образуя так называемый религиозный синкретизм (Хомушка, 2005). Как отмечает Ч. К. Ламажаа, «шаманизм связывает людей с природой, не дает забыть о том, что они — ее дети, что пастбища, озера, степи, курганы являются “живыми”, населены духами и их хозяевами. Тувинцы пасли скот на “ступнях” гор, взбирались на горные “головы”, переваливали через их “плечи” и для того, чтобы иметь право это делать, умилялись хозяев местностей. Люди на этой земле издревле были частью одной экосистемы, которая обеспечивала сама себя, для которой малейшее изменение, привнесение чего-то со стороны может обернуться разрушением» (Ламажаа, 2018: 90). Так, например, тувинцы считали, что «у Земли есть глаза и рот, и любой мусор, выброшенный на нее, это как плевок в лицо матери»². Именно этим во многом объясняется особенно бережное и уважительное отношение человека к природе, характерное для тувинцев. Так, в тувинской культуре, попав в тайгу, человек поэтически здоровался с ней: *Мөңгө харлыг тайгаларлыг, шулурашкан кара сулуг, көшкеленген хаяларлыг, бажы бедик Мөңгүн-Тайгам! Амыр-менди!* ‘Высокая моя Монгун-Тайга! Тайга вершин и белых ледников, журчащих и бурлящих родников, и скал крутых и оползней. Амыр!’, а возвращаясь в родные места после долгого отсутствия, преклонял колени с молитвенным призывом — *Өршээ!* и приветствовал свой народ и родную землю, желая им мира и благополучия: *Эртинелиг мээң таңдым! Бай-байлак төрээн черим, төрөл чонум! Амыр-менди!* ‘Танды мой драгоценный! Земля моя богатая, народ мой! Амыр!’

Симметрия / асимметрия по социальному положению и статусу: описание и анализ

Переходя от приветствий, обращенных к природе, к приветствиям, обращенным к человеку, рассмотрим выбор формулы приветствия с точки зрения симметрии/ асимметрии по социальному положению и статусу или, по Н. И. Формановской, равенства / неравенства статусно-ролевых позиций партнеров (Формановская, 2007: 243). Мы будем опираться на точку зрения Э. Бенвениста, который утверждал: «...лицо свойственно только позиции “я” и “ты”. <...> ...первым определяющим признаком лиц “я” и “ты” служит только присущая уникальность: “я”, которое производит высказывание, “ты”, к которому “я” обращается, каждый раз уникальны» (Бенвенист, 1974: 264; курсив источника. — Авт.). Так, издревле используемая в русском языке формула приветствия *здравствуй* в современном русском языке является универсальной, поэтому ее использование никак не коррелирует с социальным статусом собеседников. Но так было не всегда. В древней Руси не все имели право произносить слово *здравствуй*. Это могли делать только свободные люди крепкого, сильного рода, равные по социальному положению. У холопов формой приветствия по отношению к вышестоящим стала фраза

¹ Слово о полку Игореве : сб. / сост., ст. и коммент. Л. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1987. С. 59.

² Тувинский этикет — это практично [Электронный ресурс] // Tuva.Asia. 2011, 17 февраля. URL: <https://tuva.asia/news/tuva/3010-etiket.html> (дата обращения: 23.07.2023).

«Бью челом». Различались и невербальные формы приветствия: человека, находящегося на более высокой социальной ступени, приветствовали, кланяясь низким, до земли поклоном, иногда даже целуя ее. Это был так называемый «большой обычай» (в противовес «малому обычаю» — поясному поклону при приветствии друзей и родственников). При любом поклоне рука прижималась к сердцу, что символизировало чистоту намерений. Любой поклон показывал смирение, ибо при поклоне человек беззащитен: он не видит стоящего перед ним человека, подставляя ему свою незащищенную шею. А вот незнакомцев приветствовали без поклона, просто прикладывая руку к сердцу, а потом опуская ее. Кстати, жест «от сердца к земле» был исконно славянским жестом.

Другим примером асимметрии при приветствии является поцелуй. Так, гостей, входящих в дом, было принято приветствовать троекратным поцелуем (как известно, у христиан три — это сакральное число, напоминающее о Троице и выступающее оберегом). Но в ситуации «правитель — приближенный», например, приближенный обычно целовал или руку царя, или его ногу. Человек с более низким социальным статусом мог поцеловать более высоко стоящего на социальной лестнице в плечо, а тот его в голову. Кстати, при приеме у русских царей только послы христианских государств могли целовать руку царя, послам нехристианских стран это было запрещено.

В современной русской культуре, естественно, такие нюансы приветствия исчезают, равно, как и в тувинской, где также существовала асимметрия с точки зрения социального статуса: так, встречая богатых, сыто покачивающихся в своих седлах, хозяев, тувинцы-бедняки падали ниц по краям дороги в клубах пыли, демонстрируя определенные жесты, позу¹. Также очень характерным для тувинцев всегда являлось подчеркнутое уважение: гостя к хозяину (именно гость первый приветствовал хозяина, отвешивая легкий поклон, опускаясь на одно колено и говоря *Амыр-ла, амыр!*), всадника — к пешему (всадник спешил и первым приветствовал пешего) и т. п.

Также, если гость входил в юрту, где было много людей, то хозяев он приветствовал формулой *Амыр!*, а остальных — формулой *Менди!* Значения обоих слов одинаково, различия в тонких оттенках уважения. Сегодня же тувинская молодежь, например, не использует такие формулы официального приветствия, как *менди*, считая их устаревшими (Даржа, 2015: 118). Как и в России, молодые тувинцы активно используют русское слово *Привет*, для которого нет аналога в тувинском языке. В наше время глобализации и интернационализации вообще и средств коммуникации в частности и русские, и тувинцы часто используют эту форму, наряду с английским *Hello*, ибо «с данным приветствием могут обратиться друг к другу коллеги, занимающие равное социальное положение, друзья-приятели, соседи...» (там же).

Симметрия / асимметрия по возрасту: описание и анализ

Практически во всех культурах особое место занимает уважение к старшим. Так, в русской традиции первым слова приветствия говорит младший старшему. А вот руку для рукопожатия первым должен протянуть старший: так он показывает свое расположение духа по отношению к младшему, демонстрируя дружелюбие и готовность считать младшего достойным уважения (не случайно, в современном русском языке возникло новое модное слово «нерукопожатный», в значении «неуважаемый, недостойный»). Кстати рукопожатие, или касание рук, является одним из самых древних жестов невербального информирования. Сила и длительность рукопожатий отражала теплоту отношений (близкие друзья или люди, давно не видевшие друг друга и радующиеся встрече, могли совершать горячее рукопожатие не одной рукой, а обеими). Рука обязательно должна быть обнажена: это правило осталось неизменным до сих пор, ибо открытая рука — гарант доверия, открытости.

У древних славян-воинов был распространен еще один вариант приветствия — касание не ладонями, а кистями. Так славяне, во-первых, убеждали друга в том, что они безоружны; а во-вторых, имели возможность, почувствовав биоритм, пульс другого человека, распознать его истинные намерения. С появлением правил этикета рукопожатие стало возможным только среди близких знакомых. Дальних

¹ См.: Тока С. Проза чогаалдары. Шии (Проза. пьеса). Кызыл : Институт развития национальной школы, 2019. 832 с.; Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М. Ганиной. М. : Сов. Россия, 1977. 288 с.; Даргын-оол Ч. Резкая континентальность тувинцев. Зарисовки об особом внутрисаянском мире [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004, 13 августа. № 32. URL: <http://centerasia.ru/issue/2004/32/1166-rezkaja-kontinentalnost-tuvincev.html> (дата обращения: 23.07.2023).

следовало приветствовать приподниманием шапки, откуда, кстати, берет начало русское выражение «шапочное знакомство». Шапочное знакомство — значит поверхностное знакомство.

Для тувинцев испокон веков характерно подчеркнуто-уважительное и бережное отношение к старшим по возрасту — это особая черта национального менталитета, ибо в тувинской традиции пожилой возраст человека означает, что он обладает огромной житейской мудростью, накопленной за всю жизнь (*буян-кежик*). Такое отношение к старшим отражается и в обрядах приветствия. Особенно ярко это прослеживается во время Шагаа в обряде *чолукушуур* — приветствии старших по возрасту людей, особенно пожилых и старых. Как отмечает А. А. Конгу,

«сам термин исходит от корня *чол*, *чол-кежик* — “дар, благо, счастье”. Во время такого действия младший протягивает в почтительном поклоне старшему обе руки с раскрытыми ладонями вверх и старается дотронуться до его локтей. Старший же возлагает на них свои руки ладонями вниз, т. е. сверху. В этом жесте сокрыт глубоко сакральный смысл. <...> Дотрагиваясь к локтям старого человека, люди меньшего возраста получают сакральный доступ к их возрасту, заслугам, что в другое время у тувинцев не практиковалось. Это приветствие происходило один раз в году, однако “имело силу” в течение двух-трех недель, и люди, встретившиеся первый раз в новом году, непременно его использовали» (Конгу, 2015: 125–126; курсив источника. — *Авт.*).

Если же здоровались люди одного возраста, то, как отмечает А. К. Кужугет, между ними происходило нечто вроде соревнования: каждый старался протянуть руки (ладонями вверх) быстрее другого, чтобы показать свое уважение. При этом партнер «старался опустить свои руки ниже первого, однако тоже ладонями вверх, это могло продолжаться до тех пор, пока кто-то из них касался земли или “сдавался” раньше. Этот обычай обозначал обещание младшего старшему поддержки в будущем, когда это будет необходимо» (Кужугет, 1998: 46). Хотим отметить, что обряд *чолукушуур* направлен именно на старших по возрасту людей — пожилых и старых, это выражение почтения и уважения к их возрасту.

Время приветствия: описание и анализ

У многих народов выбор приветствия зависел и зависит не только от возраста и статуса человека, но и от времени суток, в котором происходило общение: в русском языке это *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!* (пришедшие в русский язык из европейского этикета, но не вытеснившие наше древнерусское *Здравствуйте!*).

Такое явление есть и в тувинском языке. В тувинском обществе в последнее время появилась тенденция: в театре и на других официальных мероприятиях организаторы приветствуют собравшихся, используя такие формы, как *Эртенгиниң мандизи-биле!* ‘Доброе утро!’, *Хүндүскүнүң мандизи-биле / Экихүннүң мандизи-биле!* ‘Добрый день!’, *Кежээкиниң мандизи-биле!* ‘Добрый вечер!’

Кроме того, у тувинцев форма приветствия зависела и от времени года. В разные времена года тувинцы обменивались различными видами приветствий, что было связано с кочевым образом жизни народа, с сезонными перекочевками.

Мы обобщили принятые тувинцами модели приветствия в зависимости от времени года, опираясь на исследования уже упомянутых выше тувинских ученых (Кенин-Лопсан, 2006; Калзан, 1961)¹ в таблице 3.

Таблица 3. Модели приветствия по-тувински в зависимости от времени года
Table 3. Models of greeting in Tuvan depending on the time of year

Время года	Пример
Кыш ‘Зима’	— <i>Хур кыштап тур силер бе? Ханаа-думаадан өршээлдиг-ле бе?</i> ‘Благополучно ли проходите зимовку? / В сохранности ли у вас скот? Не беспокоит ли вас болезнь? / Нет ли болезней? / Невредим ли дом, скот?’ — <i>Хар-чам улуг болду бе!</i> ‘Много ли снегу?’ <i>Мал-маганонча-менди бе?</i> ‘В сохранности ли у вас скот?’

¹ См. также: Натпит-оол С. Методические основы изучения тувинского фольклора // Башкы : журнал. 1993. № 5. С. 64–66.

Час 'Весна'	— Чут-хураңгай, ыт-куш өршээлдиг бе? 'Цел ли ваш скот от падежа, от хищников? / Без потерь ли скота перезимовали?' — Деңгилге чаагай болду бе? 'Упитан ли ваш скот?'
Чай 'Лето'	— Сүт-саан элбек болду бе? 'Много ли молока в этом году?' — Одар-белчириңер кандыг-дыр? 'Хватит ли пастбищ вашему скоту?' — Үер-чайык өршээлдиг-ле бе? 'Невредимы ли вы от наводнений/ наливных дождей?'
Күс 'Осень'	— Сиген-ширбишл кандыг-дыр? 'Как у вас идет сенокос?' — Кат, тоорук силерде кайы хире үнгенил? 'Богаты ли в этом году дарами тайги?' Тараа-быдаа дүжүдүңер кайы хирел? 'Каков урожай хлеба?'

Заклучение

Безусловно, многие из рассмотренных форм приветствия в наши дни уже не актуальны. В настоящее время и в русском, и в тувинском языках многие традиционные формы приветствий из обращения исчезли.

В русском языке из богатого наследия прошлого сохранились лишь наиболее устойчивые специальные модели приветствия, соответствующие времени суток: *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!*, преимущество которых, на наш взгляд, связано с возможностью подчеркнуть нейтральный стиль приветствий без опоры на статусно-ролевые взаимоотношения между говорящими, где *ВЫ- / ТЫ-*формы представлены имплицитно. Продолжает употребляться и универсальная форма *Здравствуйте!*, и фамильярная *Привет!* Наряду с данными формами молодежь, как уже было отмечено выше, активно использует и английское *Hello!*, и переделанное на русский манер слово *Hi!* (*хаюшки*). Мужская часть общества часто пользуется традиционным мужским приветствием *Здорово!*, часто сопровождаемым рукопожатием, а женская — уменьшительными формами типа *Приветик!*, *Доброе утречко!* и т. п.

Современный тувинский этикет приветствий чаще всего включает в себя а) рукопожатие и б) слово *экии* 'здравствуйте', семантически близкое к «хорошо», что имплицитно отражает стремление пожелать жить хорошо. Этот вид приветствия тувинцы позаимствовали у старообрядцев, русских переселенцев, с их речевой моделью *здорово живет*. Но тем не менее народные традиции бережно хранят сакральное почитание земли, тайги, всего того, что составляет пространство тувинской этнической культуры.

В современной многонациональной Республике Тыва коренные жители приветствуют друг друга как русскими формулами *Здравствуйте! Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! Привет!*, так и английским *Hello!*, монгольским *Сайн! Сайнбайну!* (Даржа, 2015), а также формулами из других языков.

Итак, речевое поведение во многом символично. Каждая этнокультура создает свои системы «смыслов» пребывания в культурном пространстве. Эти «смыслы», по сути, представляют собой систему координат, ориентирующих человека, и он артикулирует свой выбор РЖ-приветствия, который отвечает требованиям языкового идеала народа, являющегося, по меткому выражению А. М. Пешковского, единственным из всех идеалов, лежащим позади, отвечающим ментально запрограммированным потребностям и установкам социума. РЖ-приветствие, являясь маркером ментальности, демонстрирует внутреннюю природу этнокультурного сознания в языке и посредством лексико-грамматических моделей родного языка отражает как рациональные, прагматические, так и эмоционально заряженные процессы в этнокультурной картине мира. Меняется мир, но аксиоматичным представляется постулат: человек входит в мир как представитель определенной культуры, мы буквально вращаемся в родную культуру, осваивая и присваивая ее, на первый взгляд, произвольно. Совокупность специфических форм приветствия подтверждает тот факт, что динамика языковых процессов современности не обошла стороной традиционные этикетные формы, что логично привело к унификации форм РЖ-приветствий. Но неизменным остается его главное назначение — установить контакт, наладить взаимопонимание между людьми, создать обстановку, располагающую к комфортному общению, положительно воздействовать на адресата с целью улучшения общего

эмоционального состояния партнеров. Между тем универсальность и этноспецифичность вербально-невербальной этикетной коммуникации отражает ценностные предпочтения носителей языка в конкретную эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин, А. К. (1988) Об этнографическом изучении этикета // *Этикет у народов Передней Азии: сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурин, А. М. Решетов. М. : Наука. 264 с. С. 12–37.*
- Байбурин, А. К., Топорков, А. Л. (1990) *У истоков этикета: этнографические очерки. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 165, [1]с.*
- Бахтин, М. М. (1997) Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари. Т. 5. 731 с. С. 159–206.*
- Бгажноков, Б. Х. (1978) *Адыгский этикет. Нальчик : Эльбрус. 160 с.*
- Бгажноков, Б. Х. (1983) *Очерки этнографии общения у адыгов. Нальчик : Эльбрус. 232 с.*
- Бенвенист, Э. (1974) *Общая лингвистика. М. : Прогресс. 448 с.*
- Бичелдей, К. А. (2012) *Поговорим по-тувински (Тывалап чугаалажылыңар). Кызыл : Изд. ТРОО «Мир тувинцев» ; Тувинское книжное изд-во. 85 с.*
- Вайнштейн, С. И. (2009) *Загадочная Тува. М. : ООО «Домашняя газета». 415, XXXII с.*
- Воробьев, В. В., Полякова, Г. М. (2012) Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 2. С. 13–18.*
- Гаджихмедов, Н. Э., Мусаева, Т. М., Самедов, Д. С. (2012) К вопросу о приветствиях в разных коммуникативных культурах // *Вестник Дагестанского государственного университета. № 3. С. 66–69.*
- Гольдин, В. Е. (1983) *Речь и этикет. М. : Просвещение. 109 с.*
- Гребенщикова, Н. С. (2004) *История русского приветствия (на восточнославянском фоне). Гродно : ГрГУ. 306 с.*
- Даржа, У. А. (2015) О вербальной и невербальной коммуникации в тувинском языке // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4 (27). С. 115–122.*
- Жуковская, Н. Л. (1988) *Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука. 196 с.*
- Калзан, А. К. (1961) О послереволюционном тувинском фольклоре // *Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. IX / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 288 с. С. 253–259.*
- Карасик, В. И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.*
- Касьянова, К. (2003) *О русском национальном характере. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга. 558, [1] с.*
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) *Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 230 с.*
- Колмогорова, А. В. (2021) Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингов: опыт экспериментального исследования // *Новые исследования Тувы. № 2. С. 197–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>*
- Колтунова, М. В. (2005) *Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М. : Академия гуманитарных исследований. 227 с.*
- Конгу, А. А. (2015) Ритуально-обрядовые действия во время Шагаа // *Новые исследования Тувы. № 1. С. 120–129.*
- Костина, А. В. (2009) *Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе. М. : УРСС. 216 с.*
- Костомаров, В. Г. (2022) *Славянская мифология. М. : Изд-во ARCHIVE PUBLICA. 115 с.*
- Кочетков, В. В. (2001) *Психология межкультурных различий. М. : ПЕР СЭ. 416 с.*
- Красных, В. В. (2002) *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М. : ИТДГК «Гнозис». 284 с.*
- Кужугет, А. К. (1988) *Традиционные нормы поведения и общения тувинцев в быту // Культура тувинцев: традиция и современность / под ред. К. Л. Монгуш. Кызыл : ТНИИЯЛИ. 151, [1]с. С. 65–73.*
- Кужугет, А. К. (1998) *Шагаа // Круг знания: научно-информационный сборник. Вып. 1. Кызыл. С. 44–51.*

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев. Структура и трансформации. Кемерово : Изд-во КемГУКИ. 320 с.

Кужугет, А. К. (2009) Культура звучащего слова (музыка и искусство сказителей в традиционной культуре тувинцев)// Мир науки, культуры, образования. № 3 (15). С. 100–102.

Кузьменкова, Ю. Б. (2008) От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М. : МАКС Пресс. 316 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ларина, Т. В. (2003) Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур). М. : РУДН. 315 с.

Левкович, В. П. (1976) Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М. : Наука. 368 с. С. 212–236.

Лехтонен, М., Поталуй, В. (2002) Коммуникативное поведение русских в представлениях финнов и американцев (на материале справочников по коммуникативному поведению) // Русское и финское коммуникативное поведение: сб. ст. / под ред. В. Г. Кашкина, И. П. Лысаковой, Н. Турунена и др. Вып. 3. Воронеж : Истоки. 181 с. С. 92–97.

Лутовинова, О. В. (2017) Становление понятия «языковая личность»: от «языка в человеке» до «человека в языке» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 1 (114). С. 82–89.

Мышлявцев, Б. А. (2005) Русские и тувинцы: «Образ другого». Проблема взаимодействия культур // Проблемы истории, филологии, культуры. № 15. С. 438–449.

Перкова, А. А., Блажевич, Ю. С. (2012) Фигуры речевого этикета на примере приветствия (на материале немецкого и русского языков) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 24 (143). С. 96–103.

Прохоров, Ю. Е., Стернин, И. А. (2007) Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта; Наука. 328 с.

Рабаданова, Н.М., Гаджихамедов, Н. Э.(2015) Коммуникативно-прагматические особенности приветствия в разных лингвокультурах (на материалах лакского и немецкого языков) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: сетевой журнал. № 2 (часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20885> (дата обращения: 23.07.2023).

Резников, Е. Н., Товуу, Н. О. (2002) Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М. : ПЕР СЭ. 223 с.

Решетов, А. М. (1988) Народы Передней Азии и их этикет // Этикет у народов Передней Азии: сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурун, А. М. Решетов. М. : Наука. 264 с. С. 3–11.

Седов, К. Ф. (2001) Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь: монография / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др. / под. ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 320 с. С. 107–117.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Стернин, И. А. (2002) Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение: сб. ст. / под ред. В. Г. Кашкина, И. П. Лысаковой, Н. Турунена и др. Вып. 3. Воронеж : Истоки. 181 с. С. 5–13.

Трофименко, В. П., Волгин, А. Н. (1991) Поговорим об этикете. М. : Московская правда. 96 с.

Утебаев, М. Б. (2019) Повседневный и церемониальный этикет приветствия каракалпаков // Вестник антропологии. № 1 (45). С. 88–104.

Формановская, Н. И. (1989) Речевой этикет и культура общения. М. : Высшая школа. 159 с.

Формановская, Н. И. (2007) Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР. 480 с.

Хомушку, О. М. (2005) Традиционные религиозные верования народов Саяно-Алтая и проблемы религиозного синкретизма // Религиоведение : научно-теоретический журнал. № 1. С. 14–22.

Шмелева, Т. В. (1997) Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Колледж. 212 с. С. 88–98.

Brown, P., Levinson, S. (1987) *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge : Cambridge University Press. xiv, 345 p.

Дата поступления: 30.05.2023 г.

Дата принятия: 06.08.2023 г.

REFERENCES

Baiburin, A. K. (1988) Ob etnograficheskom izuchenii etiketa [On the ethnographic study of etiquette]. In: *Etiket u narodov Perednei Azii [Etiquette among the peoples of the Near East]* : A collection of articles / ed. by A. K. Baiburin and A. M. Reshetov. Moscow, Nauka. 264 p. Pp. 12–37. (In Russ.).

Baiburin, A. K. and Toporkov, A. L. (1990) *U istokov etiketa: etnograficheskie ocherki [At the origins of etiquette: Ethnographic essays]*. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch. 165, [1] p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1997) Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 7 vols. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5. 731 p. Pp. 159–206. (In Russ.).

Bgazhnikov, B. Kh. (1978) *Adygskii etiket [Adyghe etiquette]*. Nalchik, Elbrus. 160 p. (In Russ.).

Bgazhnikov, B. Kh. (1983) *Ocherki etnografii obshcheniia u adygov [Essays on the ethnography of communication among the Adygs]*. Nalchik, Elbrus. 232 p. (In Russ.).

Benveniste, É. (1974) *Obshchaia lingvistika [Problems in general linguistics]*. Moscow, Progress. 448 p. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2012) *Pogovorim po-tuvinski (Tyvalap chugaalazhylyuŋar) [Let's talk Tuvan]*. Kyzyl, Mir tuvintsev; Tuvan Book Publishing House. 85 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta. 415, XXXII p. (In Russ.).

Vorobiev, V. V. and Polyakova, G. M. (2012) Sopostavitel'naia lingvokul'turologiia kak novoe nauchnoe napravlenie [Comparative linguoculture as a new scientific trend]. *Vestnik RUDN. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, no. 2, pp. 13–18. (In Russ.).

Gadzhikhmedov, N. E., Musaeva, T. M. and Samedov, D. S. (2012) K voprosu o privetstviakh v raznykh kommunikativnykh kul'turakh [The issue of greetings in different communicative cultures]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 66–69. (In Russ.).

Gol'din, V. E. (1983) *Rech' i etiket [Speech and etiquette]*. Moscow, Prosveshchenie. 109 p. (In Russ.).

Grebenshchikova, N. S. (2004) *Istoriia russkogo privetstviia (na vostochnoslavianskom fone) [The history of the Russian greeting (compared with East Slavic)]*. Grodno, Grodno State University. 306 p. (In Russ.).

Darzha, U. A. (2015) O verbal'noi i neverbal'noi kommunikatsii v tuvinskom iazyke [About verbal and non-verbal communication in the Tuvan language]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauka*, no. 4 (27), pp. 115–122. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (1988) *Kategorii i simvolika traditsionnoi kul'tury mongolov [The categories and symbols of traditional culture of the Mongols]*. Moscow, Nauka. 196 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1961) O poslerevoliutsionnom tuvinskom fol'klore [About post-revolutionary Tuvan folklore]. In: *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii [Scientific notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]*. Issue IX / ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 288 p. Pp. 253–259. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002) *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ.).

Kasianova, K. (2003) *O russkom natsional'nom kharaktere [On the Russian national character]*. Moscow, Akademicheskii Proekt ; Ekaterinburg, Delovaia kniga. 558, [1] p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 230 p. (In Russ.).

Kolmogorova, A. V. (2021) Psikholingvisticheskie parametry russkikh slov i ikh vizual'nykh korreliatov v iazykovom soznanii tuvinsko-russkikh bilingvov: opyt eksperimental'nogo issledovaniia [Psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in the linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals: An experiment-based study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 197–210. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>

Koltunova, M. V. (2005) *Konventsii kak pragmaticheskii faktor delovogo dialogicheskogo obshcheniia [Conventions as a pragmatic factor of business dialogical communication]*. Moscow, Academy of Humanities Research. 227 p. (In Russ.).

Kongu, A. A. (2015) Ritual'no-obriadovye deistva vo vremia Shagaa [Ritual and ceremonial spectacles of Shagaa]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 120–129. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009) *Natsional'naia kul'tura — etnicheskaia kul'tura — massovaia kul'tura: «balans interesov» v so-vremennom obshchestve* [National culture — ethnic culture — mass culture: the “balance of interests” in modern society]. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).

Kostomarov, V. G. (2022) *Slavianskaia mifologiiia* [Slavic mythology]. Moscow, ARCHIVE PUBLICA Publ. 115 p. (In Russ.).

Kochetkov, V. V. (2001) *Psikhologiiia mezhkul'turnykh razlichii* [Psychology of intercultural differences]. Moscow, PER SE. 416 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiiia* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, Gnozis. 284 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (1988) Traditsionnye normy povedeniia i obshcheniia tuvintsev v bytu [Traditional norms of behavior and communication of the Tuvans in everyday life]. In: *Kul'tura tuvintsev: traditsiia i sovremennost'* [Tuvan culture: Tradition and modernity] / ed. by K. L. Mongush. Kyzyl, Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. 151, [1] p. Pp. 65–73. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (1998) Shagaa [Shagaa]. In: *Krug znaniia* [Circle of knowledge] : A research and information collection. Issue 1. Kyzyl. Pp. 44–51. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsii* [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 320 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2009) Kul'tura zvuchashchego slova (muzyka i iskusstvo skazitelei v traditsionnoi kul'ture tuvintsev) [The culture of the sound of a word (the music and art of narrators in the Tuvan traditional culture)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (15), pp. 100–102. (In Russ.).

Kuz'menkova, Yu. B. (2008) *Ot traditsii kul'tury k normam rechevogo povedeniia britantsev, amerikantsev i rossiian* [From cultural traditions to the norms of speech behavior of the British, Americans and Russians]. Moscow, MAKSS Press. 316 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen* [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]. Moscow, Librokom. 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Larina, T. V. (2003) *Kategoriia vezhливosti v aspekte mezhkul'turnoi kommunikatsii (na materiale angliiskoi i russkoi kommunikativnykh kul'tur)* [The category of politeness in the aspect of intercultural communication (based on the material of English and Russian communicative cultures)]. Moscow, RUDN. 315 p. (In Russ.).

Levkovich, V. P. (1976) Obychai i ritual kak sposoby sotsial'noi reguliatsii povedeniia [Custom and ritual as ways of social regulation of behavior]. In: *Psikhologicheskie problemy sotsial'noi reguliatsii povedeniia* [Psychological problems of social regulation of behavior] : A collection of articles / ed. by E. V. Shorokhova and M. I. Bobneva. Moscow, Nauka. 368 p. Pp. 212–236. (In Russ.).

Lehtonen, M. and Potalui, V. (2002) Kommunikativnoe povedenie russkikh v predstavleniakh finnov i amerikantsev (na materiale spravochnikov po kommunikativnomu povedeniiu) [Communicative behavior of the Russians in views of the Finns and Americans (a case study of reference books on communicative behavior)]. In: *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior] : A collection of articles / ed. by V. G. Kashkin, I. P. Lysakova, N. Turunen et al. Issue 3. Voronezh, Istoki. 181 p. Pp. 92–97. (In Russ.).

Lutovinova, O. V. (2017) Stanovlenie poniatii «iazykovaia lichnost'»: ot «iazyka v cheloveke» do «cheloveka v iazyke» [Development of the notion “language personality”: From “language in a person” to “a person in language”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1 (114), pp. 82–89. (In Russ.).

Myshlyavtsev, B. A. (2005) Russkie i tuvintsy: «Obraz drugogo». Problema vzaimodeistviia kul'tur [The Russians and the Tuvans: Image of the “alien”. The problem of culture interaction]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 15, pp. 438–449. (In Russ.).

Perkova, A. A. and Blazhevitch, Yu. S. (2012) Figury rechevogo etiketa na primere privetstviia (na materiale nemetskogo i russkogo iazykov) [Greeting speech etiquette formulas (based on German and Russian languages examples)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauka*, no. 24 (143), pp. 96–103. (In Russ.).

Prokhorov, Yu. E. and Sternin, I. A. (2007) *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [The Russians: Communicative behavior]. Moscow, Flinta; Nauka. 328 p. (In Russ.).

Rabadanova, N. M. and Gadzhiakhmedov, N. E. (2015) Kommunikativno-pragmatische osobennosti privetstviia v raznykh lingvokul'turakh (na materialakh lakskogo i nemetskogo iazykov) [Communicative and pragmatic features of greeting in different linguocultures (in the Lak and German languages)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia : setevoi zhurnal*, no. 2 (part 1). [online] Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20885> (accessed 23.07.2023). (In Russ.).

Reznikov, E. N., and Tovuu, N. O. (2002) *Etnopsikhologicheskie kharakteristiki naroda tyva: teoriia i praktika* [Ethnopsychological characteristics of the Tuvan people: Theory and practice]. Moscow, PER SE. 223 p. (In Russ.).

Reshetov, A. M. (1988) Narody Perednei Azii i ikh etiket [The peoples of the Near East and their etiquette]. In: *Etiket u narodov Perednei Azii* [Etiquette among the peoples of the Near East] : A collection of articles / ed. by A. K. Baiburin and A. M. Reshetov. Moscow, Nauka. 264 p. Pp. 3–11. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2001) Zhanr i kommunikativnaia kompetentsiia [Genre and communicative competence]. In: *Khoroshaia rech'* [Good speech] : A monograph / O. B. Sirotinina, N. I. Kuznetsova, E. V. Dziakovich et al. / ed. by O. B. Sirotinina and M. A. Kormilitsyna. Saratov, Saratov University Publ. 320 p. Pp. 107–117. (In Russ.).

Sreedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *The New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Sternin, I. A. (2002) Russkoe kommunikativnoe soznanie [Russian communicative consciousness]. In: *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior] : A collection of articles / ed. by V. G. Kashkin, I. P. Lysakova, N. Turunen et al. Issue 3. Voronezh, Istoki. 181 p. Pp. 5–13. (In Russ.).

Trofimenko, V. P. and Volgin, A. N. (1991) *Pogovorim ob etikete* [Let's talk about etiquette]. Moscow, Moskovskaia pravda. 96 p. (In Russ.).

Utebayev, M. B. (2019) Povsednevnyi i tseremonial'nyi etiket privetstviia karakalpakov [Everyday and ceremonial greeting etiquette of the Karakalpak]. *Vestnik antropologii*, no. 1 (45), pp. 88–104. (In Russ.).

Formanovskaia, N. I. (1989) *Rechevoi etiket i kul'tura obshcheniia* [Speech etiquette and culture of communication]. Moscow, Vysshaia shkola. 159 p. (In Russ.).

Formanovskaia, N. I. (2007) *Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsiia i pragmatika* [Speech interaction: Communication and pragmatics]. Moscow, IKAR. 480 p. (In Russ.).

Chomushku, O. M. (2005) Traditsionnye religioznye verovaniia narodov Saiano-Altai i problemy religioznogo sinkretizma [Traditional religious beliefs of Sayano-Altai peoples and problems of religious syncretism]. *Religiovedenie : nauchno-teoreticheskii zhurnal*, no. 1, pp. 14–22. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (1997) Model' rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech] : A collection of articles / ed. by V. E. Gol'din. Saratov, Kolledzh. 212 p. Pp. 88–98. (In Russ.).

Brown, P. and Levinson, S. (1987) *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press. xiv, 345 p.

Submission date: 30.05.2023.

Acceptance date: 06.08.2023.

Репрезентация лексем «голова» / «баш», «сердце» / «чурек» и «язык» / «дыл» в русских и тувинских фразеологизмах

Анастасия В. Денисенко, Юлия М. Калинина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье представлен лингвокультурологический анализ значимых для русского и тувинского языков лексем «голова» / «баш», «сердце» / «чурек», «язык» / «дыл». В настоящее время существует ряд исследований, в которых рассматриваются по отдельности указанные лексемы, однако отсутствует сопоставительный анализ их реализации в русском и тувинском языках. Следовательно, целью статьи является обобщение имеющихся вариантов репрезентации данных лексем, описание их роли во фразеологизмах в качестве выразителей этнического менталитета и сопоставительный анализ функционирования указанных единиц языка в русском и тувинском языках. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявить из лексикографических работ русские и тувинские фразеологические единицы с компонентами «голова» / «баш», «сердце» / «чурек», «язык» / «дыл», определить черты этнической ментальности, выражаемые данными лексемами, а также сходства и различия их репрезентации в сопоставляемых языках по принципу деления на: фразеологические единицы, полностью совпадающие по значению с русскими фразеологизмами; фразеологические единицы, частично коррелирующие с русскими фразеологизмами; фразеологические единицы, не имеющие аналогов в русском языке.

Изученный и описанный в статье языковой материал позволяет сделать следующие выводы: сопоставительное исследование фразеологизмов с лексемами «голова» / «баш», «сердце» / «чурек», «язык» / «дыл» показывает, что в русском и тувинском языках есть совпадающие по значению фразеологические единицы, которые могут различаться по структуре; в русском языке, по сравнению с тувинским, чаще встречаются фразеологизмы с положительной или отрицательной коннотацией; лексемы «голова» / «баш», «сердце» / «чурек», «язык» / «дыл» являются ключевыми для сопоставляемых языков, так как входят в состав большого числа фразеологических единиц и позволяют описать основные черты этнической ментальности.

Перспективы исследования авторы статьи видят в расширении круга лексем, входящих в семантическое поле «человек» и описывающих черты этноментальности через репрезентацию во фразеологизмах.

Ключевые слова: голова; сердце; язык; фразеологизм; лингвокультурологический анализ; тувинский язык; русский язык

Статья подготовлена в рамках проекта «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России», выполняемого на базе Института русского языка (ИРЯ) Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Для цитирования:

Денисенко А. В., Калинина Ю. М. Репрезентация лексем «голова» / «баш», «сердце» / «чурек» и «язык» / «дыл» в русских и тувинских фразеологизмах // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 88-98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.6>

Денисенко Анастасия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: Denisenko-av@rudn.ru

Калинина Юлия Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: Kalinina-yum@rudn.ru

Representation of lexemes ‘head’ / ‘bash’, ‘heart’ / ‘churek’ and ‘tongue’ / ‘dyl’ in Russian and Tuvan phraseological units

Anastasia V. Denisenko, Yulia M. Kalinina

RUDN University, Russian Federation

The article presents a linguoculturological analysis of lexemes ‘head’ / ‘bash’, ‘heart’ / ‘churek’, ‘tongue’ / ‘dyl’ which are significant for the Russian and Tuvan languages. Currently, there are a number of studies that consider these lexemes separately, but there is no comparative analysis of their occurrences in Russian and Tuvan. Therefore, the purpose of the article is generalizing the present variants of the representation of these lexemes, describing their role in phraseological units as exponents of ethnic mentality and conducting a comparative analysis of the functioning of these units in the Russian and Tuvan languages. The achievement of this purpose implies solving the following tasks: to identify Russian and Tuvan phraseological units with the components ‘head’ / ‘bash’, ‘heart’ / ‘churek’, ‘tongue’ / ‘dyl’ in lexicographic works, to determine the features of ethnic mentality expressed by these lexemes, as well as the similarities and differences of their representation in the languages compared according to the principle of division into: phraseological units that completely coincide in meaning with Russian phraseological locutions; phraseological units that partially correlate with Russian fixed phrases; phraseological units that have no analogues in the Russian language.

The linguistic material studied and described in the article allows us to draw the following conclusions: a comparative study of phraseological units with lexemes ‘head’ / ‘bash’, ‘heart’ / ‘churek’, ‘tongue’ / ‘dyl’ shows that in the Russian and Tuvan languages there are phraseological units that coincide in meaning and may differ in structure; in Russian, compared with Tuvan, phraseological units with positive or negative connotations are more common; lexemes ‘head’ / ‘bash’, ‘heart’ / ‘churek’, ‘tongue’ / ‘dyl’ are the key ones in the compared languages as they are part of a large number of phraseological units and allow describing the main features of ethnic mentality.

The authors of the article see the prospects for research in expanding the range of lexemes that are part of semantic field ‘person’ and describe the features of ethn mentality through representation in phraseological units.

Keywords: head; heart; language; phraseological unit; linguoculturological analysis; Tuvan language; Russian language

Financing

This article was written within the framework of the project “Linguoculturological Study of the Communicative Reality of Modern Russia” that is carried out at the Institute of the Russian Language of Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

For citation:

Denisenko A. V. and Kalinina Yu. M. Reprzentatsiia leksem «golova» / «bash», «serdtse» / «churek» i «iazzyk» / «dyl» v russkikh i tuvinskikh frazeologizmakh [Representation of lexemes ‘head’ / ‘bash’, ‘heart’ / ‘churek’ and ‘tongue’ / ‘dyl’ in Russian and Tuvan phraseological units]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 88-98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.6>

DENISENKO, Anastasia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language No. 4, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: Denisenko-av@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-0222-5460

KALININA, Yulia Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language No. 4, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: Kalinina-yum@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-7185-9360

Введение

Принцип антропоцентризма остается одним из ведущих в современной лингвистической научной парадигме, поскольку язык изучался и изучается в тесной взаимосвязи с человеком: его природой, деятельностью и культурой. Известно, что «человек в истории философско-религиозных учений традиционно понимался как единство телесного и духовного...» (Сухорукова, 2017: 168). Авторы статьи предлагают рассматривать человека с позиции триединства — в совокупности телесного, духовного и коммуникативного, так как практически все, что совершает человек, включает в себя или подразумевает вербальное и невербальное общение с другими индивидуумами.

Как известно, Российская Федерация — многонациональное государство, на территории которого проживают представители более 190 этносов, в том числе тувинцы, проживающие преимущественно в Республике Тыва. История отношений между тувинцами и русскими достаточно длительная (История Тувы, 2007), и взаимодействие это привело к межнациональной интеграции и сотрудничеству, демографическим и миграционным процессам (Доржу, 2019), при этом это не помешало тувинскому народу сохранить свою самобытность, оригинальный язык и культуру. Именно поэтому авторам статьи представляется особенно интересным сопоставить некоторые элементы разных языков с целью определения отдельных черт этнического менталитета русских и тувинцев в культурно-языковом аспекте, что даст возможность более глубокого изучения культуры и мировоззрения народов, живущих рядом.

Важное место в любом языке отводится фразеологическим единицам, пословицам и поговоркам, потому что, по мнению В. Н. Телия и других лингвистов, «фразеологический состав языка представляет собой “наиболее самобытное его явление”...», поскольку «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996: 214–215). Исходя из этого, авторы статьи исследуют элементы языковых картин мира русских и тувинцев, связанные с концептуализацией таких органов человека, как *голова / баш, сердце / чурек и язык / дыл*, символически представляющих телесную (рациональную), духовную и коммуникативную составляющие. Особенный интерес в этом смысле представляет анализ данных лексем именно в тувинском языке, относящимся к тюркской группе, так как «в тюркских языках соматизмы... представляют устойчивый фрагмент общетюркского лексического фонда и характеризуются большой частотностью употребления, способностью к метафоризации, богатым фразообразовательным потенциалом и разветвленной семантической структурой» (Чертыкова, 2018: 511).

В настоящее время существует ряд исследований, в которых рассматриваются и сопоставляются по отдельности указанные лексемы с составе фразеологизмов в тувинском и других языках тюркской группы (см., например: Ондар, 2007; Тарыма, 2018; Гаджихамедов, Асельдерова, 2020), однако нет материалов, описывающих данные языковые единицы как ключевые средства выражения этнического менталитета, и очень мало работ, посвященных сопоставительному анализу реализации лексем *голова / баш, сердце / чурек* (см., например: Рахимжанов, Акишева, Темиргазина, 2020), *язык / дыл* в русском и тувинском языках. По мнению авторов статьи, актуальность данного исследования обусловлена отсутствием научных работ, в которых был бы представлен анализ русских и тувинских фразеологизмов с данными лексемами и была бы сопоставлена и определена их роль в менталитете представителей указанных этносов.

Целью статьи является обобщение имеющихся вариантов репрезентации лексем *голова, сердце, язык*, описание их роли во фразеологизмах в качестве выразителей этнического менталитета и сопоставительный анализ функционирования указанных единиц языка в русском и тувинском языках.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявить из лексикографических работ русские и тувинские фразеологические единицы с компонентами *голова, сердце, язык*, определить черты этнической ментальности, выражаемые данными лексемами, и определить сходства и различия их репрезентации в сопоставляемых языках.

В процессе исследования авторы статьи использовали такие общенаучные методы, как прием сплошной выборки, а также метод компонентного анализа, контекстуальный и контрастивный методы. Источниками исследования послужили русские и тувинские фразеологизмы с компонентами *голова / баш, сердце / чурек, язык / дыл*, взятые из «Тувинско-русского фразеологического словаря»

под редакцией Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева¹, «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова² и «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телия³. В указанных словарях авторы статьи находили фразеологизмы, содержащие лексемы *голова / баш, сердце / чурек, язык / дыл*, выясняли значения данных фразеологизмов, сравнивали их реализацию в русском и тувинском языках, классифицировали фразеологические единицы и делали выводы относительно некоторых черт этнической ментальности русских и тувинцев. В соответствии с этим авторы предлагают следующую схему анализа интересующих фразеологизмов, которые условно можно разделить на три группы:

- 1) фразеологические единицы, полностью совпадающие по значению с русскими фразеологизмами;
- 2) фразеологические единицы, частично коррелирующие с русскими фразеологизмами;
- 3) фразеологические единицы, не имеющие аналогов в русском языке.

Новизна представленной работы заключается в том, что впервые описываются лексемы *голова / баш, сердце / чурек, язык / дыл* как структурные компоненты единого этноментального поля разнотипных, разнотипных и генетически неродственных языков. Проводится анализ фразеологизмов с данными лексемами в двух языках: *голова, сердце, язык* исследуются с позиций сопоставительной лингвистики и в свете этнокультурных ценностей разных социумов, с учетом их лингвокультурологического своеобразия.

Голова / баш

Если проводить количественный анализ фразеологизмов, представленных в указанных источниках, с лексемами *голова / баш* в двух языках, то можно констатировать, что в «Тувинско-русском фразеологическом словаре» представлено не более 20 фразеологизмов с интересующими авторов лексемами, в то время как в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова содержится более 90 таких единиц.

Обращаясь к представленной выше схеме анализа-сопоставления фразеологических единиц, можно разделить фразеологизмы с компонентом *баш* указанным ниже образом.

В первую группу входят следующие фразеологизмы:

баш салыр 'букв. положить голову' (ТРФС: 64); аналог в русском языке *класть голову / жизнь / живот, положить / сложить голову / жизнь / живот* — «погибать, умирать; жертвовать собой» (ФСРЯ: 198);

башка кирер (башка чык дээр) 'прийти в голову' (ТРФС: 65); в русском языке *приходить / прийти в голову* — «возникать, появляться в сознании кого-либо; думать, представляться, доходить до сознания кого-либо; хотеть, желать, намереваться и т. п.» (ФСРЯ: 359);

башка унер 'ударить в голову (о спиртных напитках)', 'букв. подниматься в голову' (ТРФС: 65); в русском языке *ударить в голову* — «оказывать опьяняющее действие. О водке, вине и т. п.» (ФСРЯ: 490); кроме того, в литературе можно встретить устаревший фразеологизм *бросаться / броситься в голову* — «действовать на кого-либо, раздражая, возбуждая и т. п.» (там же: 50);

баштан унер 'быть совсем забытым, вылететь из головы', 'букв. выйти из головы' (ТРФС: 66); русский фразеологизм *вылетать / выскакивать / улетучиваться из головы* — «совершенно, совсем забываться» (ФСРЯ: 94).

Ко второй группе можно отнести следующие тувинские фразеологизмы:

баш көдүрбес 'букв. не поднимать голову', 'не покладая рук' (ТРФС: 64); русский фразеологизм *не покладая рук* — «усердно, без устали, не переставая (делать что-либо)» (ФСРЯ: 336); отметим, что при одинаковом значении лексически фразеологизмы репрезентированы по-разному: в тувинском языке внимание акцентировано на голове, а в русском — на руках, причем русский фразеологизм использует-

¹ Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (ТРФС) и номер страницы при цитировании из издания: Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша, Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975.

² Здесь и далее в круглых скобках указывается аббревиатура названия (ФСРЯ) и номер страницы при цитировании из издания: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1978.

³ Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

ся, когда речь идет о физическом труде; предположим, что аналогичный смысл заключается и в тувинском фразеологизме: *работать, не поднимая головы*, — значит, усердно трудиться, ни на что не отвлекаться; для описания усердного умственного труда в русской разговорной речи встречается устойчивое словосочетание, не зафиксированное пока во фразеологических словарях, — «не поднимая головы».

баш куйгазы адыяр ‘испытывать сильный страх, волосы становятся дыбом’, ‘букв. сморщится кожа головы’ (ТРФС: 64); *волосы становятся / встают / поднимаются дыбом* — «кого-либо охватывает ужас» (ФСРЯ: 77);

баш сугар чер тыппас ‘букв. не находить места, чтобы спрятать свою голову’; ‘быть в состоянии крайнего смущения, сгорать со стыда’; ‘не находить себе места (от страха)’ (ТРФС: 64); в русском языке есть несколько фразеологизмов: *не находить / найти (себе) места* — «быть в состоянии крайнего беспокойства, волнения, тревоги» (ФСРЯ: 270), *сгорать / сгореть от / со стыда* — «испытывать чувство сильного стыда, стыдиться» (там же: 416);

баш / бажы ыжар ‘букв. голова его распухнет’; ‘очень долго искать’; ‘ломать голову над чем-л.’ (ТРФС: 52); в русском языке фразеологизм *ломать / поломать голову* — «усиленно думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное» (ФСРЯ: 232); в то же время есть похожий по структуре русский фразеологизм *голова пухнет / распухла* со значением «кто-либо утрачивает способность что-либо соображать от чрезмерной работы, забот, шума и т. п.» (ФСРЯ: 112).

Третью группу составляют такие фразеологические единицы:

баш ажар ‘голову перевалить’ (ТРФС: 63);

баш билиндирбес ‘не позволять делать что-л. самостоятельно, без разрешения’ (там же);

баш билинмес ‘бесправный’, ‘букв. не знать свою голову’ (ТРФС: 64);

баш миннир — ‘быть хозяином себе’, ‘букв. знать свою голову’ (там же);

баш мунгаиш — ‘рискованный; тупик, безвыходное положение’ (там же);

баш силгиир — ‘букв. встряхивать голову’ (там же);

баш / бажын сукпас — ‘не появляться, не бывать’, ‘букв. не совать свою голову’ (ТРФС: 57);

баш эмиээр — ‘опохмеляться’, ‘букв. лечить голову’ (ТРФС: 65);

баш / бажы эттенир — ‘быть разнузданным, обнаглеть, самовольничать, самодурствовать, распоясываться’, ‘букв. голова его обрастет мясом’ (ТРФС: 52);

башка / бажынга халдаар — ‘загубить себя, убивать’, ‘букв. нападет на голову’ (ТРФС: 66).

Как видно из указанных значений фразеологизмов, тувинские фразеологические единицы этой группы не имеют аналогов в русском языке и наоборот, на основании чего можно сделать вывод о наличии в каждом из языков безаналоговых фразеологизмов с лексемами *голова / баш*, что связано в первую очередь с мировоззренческими особенностями этнических культур. Приведем некоторые русские фразеологизмы, не имеющие аналогов в тувинском языке: *буйная голова* — «удалой, бесшабашный человек» (ФСРЯ: 111), *ветренная голова / головушка* — «легкомысленный, несерьезный, непостоянный человек» (там же), *голова еловая* — «глупый, бестолковый человек» (там же), *голова варит* — «кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив» (там же), *голова идет / ходит / пошла кругом* — «кто-либо испытывает головокружение (от усталости, переутомления и т. п.); кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний и т. п.» (там же: 111–112), *о двух головах* — «неосмотрительно смелый, рискующий жизнью, не боящийся смерти, наказания, жестокой расправы» (там же: 113); *хоть головой об стену бейся* — «выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения» (там же: 34), *давать / дать голову на отсечение* — «с полной убежденностью ручаться за что-либо» (там же: 123), *как / будто / словно / точно снег на голову* — «совершенно неожиданно, внезапно (появляться, прибывать, сваливаться, являться и т. п.; совершенно неожиданный, внезапный» (там же: 141), *валить / свалить с больной головы на здоровую* — «перекладывать вину с виноватого на невиновного» (там же: 54); и др.

Причину появления значительного количества безэквивалентных фразеологизмов с лексемой *голова* в русском языке авторы частично объясняют тем, что «в языковом сознании представителей славянской культуры слово *голова* является не только выразителем семантики “верхняя часть тела”, но и вербальным символом центра разума, интеллекта, высшей ценности. Компонент *голова* во

фразеологизмах, используемых для квалификации человека как дурака, имеет символическое значение — «центр интеллекта, разума»¹. Эта же мысль подтверждается словами М. Л. Ковшовой о том, что «компонент фразеол[огизма] “царь” (имеется в виду фразеологическая единица *без царя в голове* в значении “глуповат, без соображения”. — Прим. наше. — Авт.) соотносится с социально-иерархическим кодом культуры, компонент “голова” — с соматическим, т. е. телесным, кодом, а в сочетании с предлогом “в” — с пространственным кодом культуры; при этом “голова” символизирует внутреннее пространство человека, в котором осуществляется мыслительная деятельность» (Большой фразеологический словарь ... , 2009: 35).

Кроме того, культурная семантика фразеологизмов с лексемой *голова* «строится на магическом и мифологическом осмыслении таких признаков обозначаемой словом части тела, как “расположение вверху, в области небес, противоположно низу, области перерождения”... Признак “расположение вверху”, мифологически переосмысливается при описании ситуаций, названных идиомами *голова горит, голова идет кругом, ходить на голове*. В этих идиомах восстанавливается связь с символикой микрокосма славян, в которой все, что относится к верхней части тела, связывается с небом и его главными объектами — солнцем, луной и звездами. Другой важный признак — “руководство действиями, поступками” позволяет связывать слово *голова* с целым рядом контекстов традиционной обрядности, верований и ритуалов, следы которых сохранились в идиоме *посыпать голову пеплом* и др.» (Маслова, 2001: 71; курсив источника. — Авт.).

Несмотря на то, что в тувинском языке, согласно представленному в «Тувинско-русском фразеологическом словаре» массиву, меньше фразеологизмов с компонентом *баш*, это ни в коей мере не умаляет значимости данной лексемы для тувинского языка в целом. Лексема *баш* является важным элементом в языковом сознании народа Тувы и ассоциируется с интеллектом и мудростью, что так же справедливо и для значения лексемы *голова* в русском языке. Доказательством распространенности слова *баш* могут служить, например, многочисленные топонимы, содержащие данный компонент (см.: Николаев, 2018). Следовательно, можно утверждать, что в языковом сознании тувинцев содержится идея важности *головы / баш*, не связанная с количеством фразеологизмов, имеющих в своей структуре данный компонент.

Таким образом, рассмотренные выше русские и тувинские фразеологизмы с компонентами *голова / баш*, свидетельствуют о том, что в языковом сознании русских и тувинцев голова является важной частью тела, связанной с рациональным мышлением, творческой и физической работой, жизнью в целом. Это и верхняя точка тела человека, и центр, в котором сосредотачивается мыслительная деятельность человека и зарождаются его эмоции. В то время как различия в толковании фразеологических единиц с компонентами *голова / баш* в первую очередь связаны с этноментальностью народов и продиктованы культурными особенностями традиций и обрядов, уходящими корнями вглубь веков.

Сердце / чурек

В русском языке, согласно представленному в «Фразеологическом словаре русского языка» массиву, есть более 50 фразеологических единиц, в которых присутствует лексема *сердце*, в то время как в тувинском языке подобных фразеологизмов в два раза меньше — около 30. Следуя описанной выше классификации, систематизируем русские и тувинские фразеологизмы с лексемами *сердце / чурек*.

Так, к числу фразеологических единиц, полностью совпадающих по значению, можно отнести следующие обороты:

два тувинских фразеологизма с похожим значением *чүрээ аксынга кээр* — ‘букв. сердце его в рот придет; сильно перепугаться’ (ТРФС: 191), *чүрээ уштуна бер чазар* — ‘букв. сердце его готово выпасть; перепугаться до смерти, душа в пятки ушла’ (ТРФС: 192) и русский вариант — *душа / сердце в пятки ушла / ушло* (разг. шутол.) со значением «очень испугался» (ФСРЯ: 150);

¹ Пяташова Е. М. Метафорическое поле концептов “the head” в английском языке и «голова» в русском языке // Сборник работ 67 научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (Минск, 17–20 мая 2010 г.) : в 3 ч. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. Ч. 3. С. 237.

чүрэн бээр — ‘букв. сердце свое отдавать; крепко любить, по уши любить, отдать свое сердце кому-либо’ (ТРФС: 193) — аналогично русскому отдавать / отдать сердце — «любить кого-нибудь» (ФСРЯ: 302);

чүрэн тудар — ‘букв. держать сердце; пленить, покорить чье-либо сердце’ (ТРФС: 193) и русский вариант *покорять / покорить сердце* — «внушать любовь к себе, заставлять полюбить себя» (ФСРЯ: 336).

Как видно из представленной информации, часть фразеологических единиц со словом *сердце / чүрек* в обоих языках совпадает по значению. По нашему мнению, это объясняется тем, что сердце как внутренний орган человека относится к древнейшему пласту лексического универсума всех языков мира, а совпадение значений отдельных фразеологизмов в русском и тувинском языках свидетельствует об универсальности взглядов, существующих в разных культурах, на внутренний мир человека — в обоих языках понятие *сердце / чүрек* представляется средоточием чувств, эмоций и желаний.

В анализируемых языках встречаются также фразеологизмы, частично совпадающие по строению или значению. К ним относятся:

чүрек өлүр — ‘букв. сердце отмирает’, что означает ‘получил урок, проучен, наказан; стал пугливым’ (ТРФС: 551), в то время как в русском языке используется несколько фразеологизмов с похожим значением: например, *с замиранием сердца* — «испытывая сильное волнение, тревогу» (ФСРЯ: 167); *сердце падает / упало / отрывается / оторвалось / обрывается / оборвалось* — «кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние» (ФСРЯ: 421); *сердце (душа) разрывается* — «кто-либо испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-либо» (там же: 150); сравните с тувинским *чүрээ чарлы бер чазар* — ‘букв. сердце его чуть не разрывается’ со значением ‘сильно испугаться’ (ТРФС: 193).

Очевидно, что при структурном сходстве наблюдается расширение или сужение лексического значения фразеологизма, что подчеркивает уникальность каждого из анализируемых языков.

В полной мере оригинальность русского и тувинского языков отражается во фразеологических единицах, не имеющих аналогов, например, тувинские фразеологизмы:

чүрээ багай — ‘сердце его плохое’, ‘трусливый, слабоумный, сумасшедший’ (ТРФС: 192);

чүрээ соолаш дээр — ‘сердце щемит’ (там же);

чүрээ хейлинг — ‘букв. в его сердце есть воздух; ненормальный, дурковатый, легкомысленный’ (там же: 193);

чүрээ хөөрээр — ‘букв. сердце его бурлит; буйствовать, резвиться (о лошади)’ (там же);

чүрээ чок — ‘без сердца’ (о ленивом человеке) (там же: 193);

чүрэн туттурар — ‘букв. сердце свое позволит держать кому-либо, горячо любить кого-либо’ (там же).

К числу безэквивалентных русских фразеологизмов с компонентом *сердце* можно отнести такие:

большого сердца — «отзывчивый, добрый, душевно щедрый» (ФСРЯ: 420);

в глубине сердца / души — «внутренне, втайне; подсознательно» (там же: 108);

сердце кровью обливается / облилось — «кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т. п.» (там же: 421);

сердце / душа не на месте — «кто-либо встревожен, чувствует себя очень беспокойно» (там же: 150);

сердце обросло мохом — «кто-либо стал бездушным, бесчувственным, черствым» (там же: 421);

с легким сердцем — «без всякой тревоги, без каких-либо опасений» (там же) и антонимичный вариант *с тяжелым сердцем* — «в подавленном состоянии, в беспокойстве, предчувствуя недоброе» (там же);

принимать / принять близко к сердцу — «воспринимать что-либо с повышенной чувствительностью, придавая слишком большое значение чему-либо; сильно переживать что-либо; относиться к чему-либо с большой заинтересованностью» (там же: 356–357); и др.

Приведенные нами русские и тувинские фразеологизмы доказывают справедливость слов Б. К. Ондар, утверждавшей, что «сердце — это скрытый центр, скрытая глубина, не доступная взору, это центр не только физической, но и душевной, ментальной, эмоциональной жизни человека. В таких словах, как “сердце”, “душа”, “дух” отражена сфера эмоций, чувств, переживаний и настроений» (Ондар, 2010: 126). Действительно, большая часть фразеологических единиц с лексемами *сердце / чүрек* в обоих языках эквивалентны, что подтверждает единство взглядов на внутренний мир человека, отражая

тесную связь между жизненно важным для человека органом и эмоциональной сферой. В то же время в русском и тувинском языках имеются фразеологические обороты с вышеназванными лексемами, существенно отличающиеся по семантике, что отражает уникальность мировидения, определяемого этнической культурой и самосознанием.

Язык / дыл

Среди представленных в «Тувинско-русском фразеологическом словаре» довольно много единиц, значение и структура которых совпадают с фразеологическими единицами русского языка. К числу таких фразеологизмов относятся:

дылы бош — ‘букв. язык его слабый; длинный язык, болтливый’ (ТРФС: 84); в русском языке фразеологизм *длинный язык* совпадает по значению и определяется как «болтливость, неумение сдерживаться в разговоре... говорит много лишнего» (ФСРЯ: 539);

дылы долгай / дылы долгаяр — ‘букв. язык его кривой; косноязычный (о заике или пьяном)’ (ТРФС: 84); в русском эквивалент — *язык заплетается* употребляется в значении «кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо» (ФСРЯ: 540);

дылы сынар — ‘букв. язык переломится; утихомириться’ (ТРФС: 84); в русском языке фразеологизм *прикусить / закусить язык* — «замолчать; воздержаться от высказывания» (ФСРЯ: 355);

дылы узун — ‘букв. язык его длинный; болтливый’ (ТРФС: 84); в русском *длинный язык* — «болтливость, неумение сдерживаться в разговоре. Кто-то очень болтлив, говорит много лишнего» (ФСРЯ: 539);

дылым одурлур / дылым тос одурлур / дылым устур — ‘букв. отделится мой язык; честное слово’ (ТРФС: 85); в русском языке просторечие *отсохни у меня язык* определяется как «клятвенное заверение о том, что сказанное мною — правда или что я поступлю, сделаю и т. п. так, как говорю» (ФСРЯ: 306);

дылын тыртар / аксы-дылын тыртар — ‘держат язык за зубами, придерживать язык’ (ТРФС: 85); в русском языке *держат язык за зубами* — «молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях» (ФСРЯ: 138);

дылын узе дайнаар чыгы — ‘очень вкусный, язык проглотишь’ (ТРФС: 85); *дылын ызырар* — ‘букв. язык укусишь; очень вкусный’ (там же); в русском языке есть аналогичный вариант: *язык проглотишь* — «очень вкусный» (ФСРЯ: 362);

дылын ызырып алыр — ‘прикусить язык’ (ТРФС: 85) соответствует русскому фразеологизму *прикусить / закусить язык* — «замолчать; воздержаться от высказывания» (ФСРЯ: 355).

К группе фразеологизмов с частично коррелирующимися значениями можно отнести следующие тувинские фразеологизмы:

дыл ажырыпкы дег / дыл одура ызырып каа дег — ‘букв. можно откусить себе язык; язык проглотишь’ (ТРФС: 83); в русском языке фразеологизм *язык проглотишь* может выступать как в эквивалентном значении «очень вкусный» (ФСРЯ: 362), так и в значении «замолчать, перестать говорить, болтать и т. п.» (ФСРЯ: 361);

дылы чештинер — ‘букв. язык его развяжется; сделаться болтливым, язык развязывается’ (ТРФС: 84); в русском эквиваленте *развязывать язык* выделяется несколько близких значений: «Побуждать, заставлять кого-либо или давать возможность кому-либо разговориться, заговорить свободно, без стеснения, непринужденно. <...> начинать говорить после молчания, давая какие-либо показания, выдавая какую-либо тайну и т. п. <...> становится болтливым» (ФСРЯ: 379);

дылы чидиг — ‘букв. язык его острый; бестактный, неделикатный, грубый’ (ТРФС: 85); данный фразеологизм имеет негативную коннотацию, в то время как в русском языке эквивалент *острый язык* употребляется, когда «кто-либо остроумен, язвительен в разговоре» (ФСРЯ: 540);

дылын уштуптар — ‘букв. язык свой высунуть; устать, выбиться из сил (от дел, движения)’ (ТРФС: 85); в русском языке есть похожий фразеологизм *высунув язык*, однако его значения совпадают с тувинским лишь частично: «поспешно, очень быстро (бегать, убежать, улепетывать и т. п.); в хлопотах до изнеможения» (ФСРЯ: 97).

Фразеологизмами, не имеющими аналога в русском языке, являются тувинские:

дыл бажынга баар — ‘букв. оказаться на кончике языка; не хватать (об еде)’ (ТРФС: 83);

дылы божуур — ‘букв. язык его ослабеваает’ (там же); фразеологизм встречается в основном в контексте, связанном с употреблением алкогольных напитков;

дылы сынык — ‘букв. язык его сломанный; говорящий неуверенно, говорить неуверенно’ (ТРФС: 84);

дылы унер — ‘букв. язык его вырастет; начинать говорить (о ребенке)’ (там же).

Во «Фразеологическом словаре русского языка» насчитывается больше 50 фразеологических единиц, компонентом которых является лексема *язык*. К числу фразеологизмов, не имеющих аналогов в тувинском языке, можно отнести:

как корова языком слизала / слизнула — «быстро и бесследно исчез, будто совсем не было» (ФСРЯ: 208);

чесать / трепать / мозолить язык — «заниматься пустой болтовней, пустословить» (ФСРЯ: 525);

типун тебе на язык — «недоброе пожелание тому, кто говорит не то, что следует» (ФСРЯ: 475);

черт дернул за язык — «неизвестно зачем понадобилось... сказать что-либо. Выражение крайнего сожаления, досады по поводу сказанного не вовремя, не к месту, не по существу» (ФСРЯ: 521);

язык на плече / плечо — «кто-либо очень устал, утомился» (ФСРЯ: 540); и др.

Обобщая значения тувинских и русских фразеологизмов, можно сказать, что большая часть из них связана со сферой коммуникации — излишней болтливостью или рекомендацией быть сдержаннее, что, на наш взгляд, является абсолютно естественным, поскольку язык — это средство общения, и коммуникативная функция языка нашла свое отражение в значениях фразеологизмов.

Кроме того, язык — это орган, участвующий в процессе распознавания вкусов, отсюда и некоторое число фразеологизмов, характеризующих вкус еды.

Однако есть и некоторые различия в значениях фразеологизмов. Например, традиционно русские люди занимались сельским хозяйством, животноводством, охотой, т. е. имели возможность наблюдать за повадками животных и не могли не заметить закономерности: когда многие животные устают или испытывают жажду, они высовывают языки. По нашему мнению, возникшая ассоциативная связь, своего рода зооморфизм стали основой появления в языке фразеологизмов *высунуть язык*, *язык на плечо* и подобных им.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значения многих русских и тувинских фразеологизмов с компонентами *язык / дыл* похожи, если речь идет о характеристике человека или о вкусе пищи, однако наблюдаются различия в значениях фразеологизмов, которые касаются возраста или физического состояния человека, а также излишней болтливости.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в русском и тувинском языках есть фразеологизмы с лексемами *голова / баш*, *сердце / чурек*, *язык / дыл*, структура и значение которых совпадает полностью или частично, а есть такие уникальные фразеологические единицы, не имеющие аналогов в другом языке. Судя по достаточно большому количеству фразеологизмов с указанными лексемами в анализируемых языках, можно сделать вывод о том, что слова *голова / баш*, *сердце / чурек*, *язык / дыл* и содержащие данные лексемы в своей структуре русские и тувинские фразеологизмы относятся к числу выразителей этнического менталитета, так как относятся к физической, ментальной, духовной и коммуникативной составляющим жизни человека. Существование фразеологических эквивалентов с данными компонентами обусловлено существованием общих черт в образном мышлении народов, отражающем объективную действительность. В то же время для русских людей понятие *голова*, встречающееся в большом количестве безэквивалентных фразеологических единиц, является очень важным, поскольку символизирует разум, интеллект, находчивость, своеобразный «центр», из которого осуществляется управление всеми действиями человека, без которого невозможна физическая жизнь и который участвовал в многочисленных обрядах наших предков. В тувинском языке *баш* — это тоже центр разума и жизненно важный орган, а также визуально выделяющийся объект (вершина) или начало чего-либо, однако, также как и в русском, является частью выражения этнической ментальности и особого культурного кода, заложенного в первую очередь в стереотипности мышления. Рассматриваемые лексемы *сердце / чурек* в анализируемых языках представляются местом средоточия желаний, эмоций и чувств, демонстрируя широкий спектр

эмоциональных переживаний и одновременно свидетельствуя о различии и общности стереотипов человеческих отношений, мироощущении и представлениях об окружающем мире неродственных этносов. Справедливо это утверждение и в отношении фразеологических единиц с лексемами *язык / дыл* — словами, называющими самый важный орган, который позволяет осуществлять коммуникацию и распознавать вкус, но в силу особенностей этнокультурного менталитета наделен дополнительными средствами выражения в языке.

Дальнейшее исследование темы оценивается авторами как перспективное благодаря возможному расширению перечня лексем, входящих в семантическое поле «человек» и характеризующих черты этноментальности через их репрезентацию во фразеологизмах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большой фразеологический словарь русского языка (2009) / [авт.-сост.: И. С. Брилева и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-Пресс. 782 с.

Гаджихмедов, Н. Э., Асельдерова, Б. Д. (2020) Система значений полисеманта баш «голова» в тюркских языках (на материале кумыкского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 06-2. С. 117–121. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.06-2.08>

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

Маслова, В. А. (2001) Лингвокультурология. М. : Издательский центр «Академия». 208 с.

Николаев, Е. Р. (2018) Топонимы с основой *баш/бас* в тувинском и якутском языках: лингвокультурологическая интерпретация // Новые исследования Тувы. № 3. С. 205–214. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.13>

Ондар, Б. К. (2007) О некоторых фразеологических оборотах с эмоционально-оценочной окрашенностью в русском и тувинском языках // Русский язык в Туве : сб. ст. Кызыл. С. 64–70.

Ондар, Б. К. (2010) Слово «сердце» («чүрек») в составе фразеологических и нефразеологических оборотов русского и тувинского языков // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 124–132.

Рахимжанов, К. Х., Акошева, М. К., Темиргазина, З. К. (2020) Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. № 4. С. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Сухорукова, Ю. С. (2017) К вопросу о наивной анатомии сердца во французской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (69). Ч. 3. С. 168–170.

Тарыма, А. В. (2018) Фразеологические параллели в русском и тувинском языках // Мир науки, культуры, образования. № 2 (69). С. 567–568.

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры». 288 с.

Чертыкова, М. Д. (2018) Соматические фразеологизмы как сфера соприкосновения тюркского мировидения: компонент «сердце» // Мир науки, культуры, образования. № 3 (70). С. 511–513.

Дата поступления: 30.06.2023 г.

Дата принятия: 30.08.2023 г.

REFERENCES

Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka [Large phraseological dictionary of the Russian language] (2009) / I. S. Brileva et al. ; ed. by V. N. Teliia. Moscow, AST-Press. 782 p. (In Russ.).

Gadzhikhmedov, N. E. and Aselderova, B. D. (2020) Sistema znachenii polisemanta bash «golova» v tiurkskikh iazykakh (na materiale kumykskogo iazyka) [The system of meanings of the polysemant of bash (“head”) in the Turkic languages (based on the material of the Kumyk language)]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriiia: Gumanitarnye nauka*, no. 06-2, pp. 117–121. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2020.06-2.08>

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie russkikh i tuvintsev v sovetskoj i postsovetskoj Tuve (na primere natsional'no-smeshannykh semej) [Interethnic interaction of Russian and Tuvans in Soviet and Post-Soviet Tuva: The case of ethnically mixed families]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Istoriia Tuvy [History of Tuva] (2007) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2001) *Lingvokul'turologiia [Linguoculturology]*. Moscow, Akademia. 208 p. (In Russ.).

Nikolaev, E. R. (2018) Toponimy s osnovoi bash/bas v tuvinskom i iakutskom iazykakh: lingvokul'turologicheskaia interpretatsiia [Toponyms with the stem баш/бас in Tuvan and Yakut languages: A linguoculturological interpretation]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 205–214. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.13>

Ondar, B. K. (2007) O nekotorykh frazeologicheskikh oborotakh s emotsional'no-otsenочноi okrashennost'iu v russkom i tuvinskom iazykakh [On some phraseological units with emotional and evaluative coloring in the Russian and Tuvan languages]. In: *Russkii iazyk v Tuve [The Russian language in Tuva]* : A collection of articles. Kyzyl. Pp. 64–70. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2010) Slovo «serdtse» («churek») v sostave frazeologicheskikh i nefrazeologicheskikh oborotov russkogo i tuvinskogo yazykov [The word “heart” (“churek”) as part of the phraseological and non-phraseological units of the Russian and Tuvan languages]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki*, no. 1, pp. 124–132. (In Russ.).

Rakhimzhanov, K. Kh., Akosheva, M. K. and Temirgazina, Z. K. (2020) Metaforicheskoye-metonimicheskoye interpretatsiia serdtsa v kazakhskom i tuvinskom iazykakh: vzaimodeistvie iazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: An interaction of language, anatomy and culture]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 261–271. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Sukhorukova, Yu. S. (2017) K voprosu o naivnoy anatomii serdtsa vo frantsuzskoy frazeologii [On naive anatomy of heart in the French phraseology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (69), pt. 3, pp. 168–170. (In Russ.).

Taryma, A. V. (2018) Frazeologicheskie paralleli v russkom i tuvinskom iazykakh [Phraseological parallels in the Russian and Tuvan languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 2 (69), pp. 567–568. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow, Shkola “Iazyki russkoi kul'tury”. 288 p. (In Russ.).

Chertykova, M. D. (2018) Somaticheskie frazeologizmy kak sfera soprikosnoveniia tiurkskogo mirovideniia: komponent «serdtse» [Somatic phraseological units as a sphere of contact of the Turkic worldview: The component denoting heart]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (70), pp. 511–513. (In Russ.).

Submission date: 30.06.2023.

Acceptance date: 30.08.2023.

Космо-психо-логос Тувы в языке героических сказаний

Зухра А. Кучукова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Лиана Б. Берберова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Представлено и проанализировано содержание монографии М. В. Ондар «Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте)», изданной в 2022 г. в г. Абакане. Актуальность работы определяется обращением к проблеме ревитализации архетипических лексико-семантических пластов миноритарных языков, географически относящихся к Сибирскому ареалу РФ. Дана высокая оценка методике компаративного анализа эпических текстов с применением современных цифровых технологий (программа AntConc). Монография представляет собой инновационный и результативный исследовательский труд, отличающийся композиционной стройностью, оригинальной научной концепцией, строгим академическим стилем изложения материала, осведомленностью автора в категориях смежных наук (история, география, этнология, культурология). В ретроспективной части работы освещен целый комплекс вопросов, связанных с историей сбора материалов и публикаций, введением в научный оборот тувинских героических сказаний, унификацией фольклористической терминологии. Тезис о плодотворности компаративных исследований доказан и подкреплен практикой многоуровневого анализа тувинских и южносибирско-тюркских героических сказаний на предмет определения этнолингвокультурных соответствий и расхождений. Выявленные с помощью программы-конкордансера высокочастотные антропонимические, топонимические и военные лексические единицы тщательно проинтерпретированы и использованы в аргументациях о наличии сходных моделей языковой категоризации мира, исторически сложившихся у тувинцев, алтайцев, шорцев, хакасов и монголов. Аналогичный алгоритм работы был использован для объективизации таких структурных единиц как «клише-пространство», «клише-время», «клише — портретная характеристика», «зачин», «концовка», подкрепленной яркими иллюстративными примерами из соответствующих эпических текстов. Монография снабжена серией таблиц, наглядно отражающих результаты компаративных исследований автора. По своему содержанию работа М. В. Ондар близка философской концепции Г. Д. Гачева о «Космо-Психо-Логосе» и стимулирует дальнейшие научные разработки в этом направлении с обращением к фольклорно-языковым системам других народов России и мира.

Ключевые слова: рецензия; тувинский героический эпос; тувинский язык; цифровое исследование; компаративистика; антропоним; топоним

Для цитирования:

Кучукова З. А., Берберова Л. Б. Космо-психо-логос Тувы в языке героических сказаний // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 99-108. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.7>

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173. Эл. адрес: kuchuk60@list.ru

Берберова Лиана Бурхановна — кандидат педагогических наук, доцент Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49. Эл. адрес: berberova.liana@yandex.ru

KUCHUKOVA, Zuhra Akhmetovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004 Nalchik, Russian Federation. E-mail: kuchuk60@list.ru

BERBEROVA, Liana Burkhanovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of the English Language and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation. Postal address: 49 Leningradsky Prospekt, 125167 Moscow, Russian Federation. E-mail: berberova.liana@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7907-0404

ORCID ID: 0000-0002-3729-0238

Cosmo-psycho-logos of Tuva in the language of heroic epics

Zukhra A. Kuchukova

Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation,

Liana B. Berberova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

The article presents and analyzes the content of the monograph “Features of the Language of Tuvan Heroic Epics (In the Comparative Aspect)” by Mengi V. Ondar, published in 2022 in Abakan. The relevance of the work is determined by addressing the problem of revitalization of the archetypal lexical and semantic layers of minority languages geographically related to the Siberian area of the Russian Federation. The method of comparative analysis of epic texts using modern digital technologies (AntConc program) was highly appraised. The monograph is an innovative and productive research work. It is characterized by its compositional harmony, original research conception, strict academic style of presentation of the materials and the author’s awareness in the categories of related sciences (history, geography, ethnology, cultural studies). The retrospective part of the work covers a whole range of issues related to the history of the collection of materials and publications, the introduction of Tuvan heroic tales into scholarly discourse, as well as the unification of folklore terminology. The thesis about the fruitfulness of comparative studies has been proven and supported by the practice of multilevel analysis of Tuvan and South-Siberian Turkic heroic epics in order to determine ethnolinguistic and cultural similarities and differences. The high-frequency anthroponymic, toponymic and military lexical units identified with the help of the concordance program are carefully interpreted and used in arguments about the existence of similar models of linguistic categorization of the world that historically developed among the Tuvans, Altaians, Shors, Khakas and Mongols. A similar working algorithm was used for the objectification of such structural units as ‘cliché-space’, ‘cliché-time’, ‘cliché — iconic characteristic’, ‘beginning’, ‘ending’. It was supported by vivid illustrative examples from the corresponding epic texts. The monograph contains a series of tables that clearly reflect the results of the author’s comparative studies. In terms of its content, the work of Mengi V. Ondar is close to the philosophical conception proposed by Georgi D. Gachev about the “Cosmo-Psycho-Logos” and stimulates further research in this direction taking into account the folklore and language systems of other peoples of Russia and the world.

Keywords: review; Tuvan heroic epics; Tuvan language; digital research; comparative studies; anthroponym; toponym

For citation:

Kuchukova Z. A. and Berberova L. B. Kosmo-psycho-logos Tuvy v iazyke geroicheskikh skazanii [Cosmo-psycho-logos of Tuva in the language of heroic epics]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 99-108. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.7>

Генеральной ассамблеей ООН период с 2022 по 2032 гг. провозглашен Десятилетием языков коренных народов мира с целью обратить внимание на ситуацию критической потери коренных языков и необходимость принятия срочных мер по сохранению, возрождению и благоприятствованию коренным языкам на национальном и всемирном уровнях. В силу важности логических акцентов этого актуального, всемирно значимого объявления приведем и его английский первоисточник: “The General Assembly... [p]roclaims the period 2022–2032 as the International Decade of Indigenous Languages, to draw attention to the critical loss of indigenous languages and the urgent need to preserve, revitalize and promote indigenous languages and to take urgent steps at the national and international...”¹

В подтексте инструктивного документа читается призыв к усилению внимания в том числе и к языку фольклорных памятников, сохранению древнейших языковых пластов, в которых сокрыты культурные коды этнической самобытности.

¹ Rights of indigenous people : report of the third committee / General Assembly, 74 session. Resolution A/74/396 [Электронный ресурс] // Official Documents System of the United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N19/348/69/PDF/N1934869.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).

Нередки случаи, когда архаизм, исключенный из живой речи, образует в фольклорном произведении семантическую дыру, которая впоследствии разрастается и пожирает текстовое полотно целиком. Имеется в виду, что устаревшие слова не всегда в одиночку покидают язык, они имеют обыкновение «утаскивать» с собой определенные грамматические формы или целые микротексты устного народного творчества. В особенности это касается малых фольклорных жанров (загадки, пословицы, поговорки). Авторы данной рецензии при изучении карачаево-балкарских загадок сталкивались с подобными безотрадными явлениями, когда определенного реликтового слова не оказывалось в толковом словаре, аксакалов-информаторов с достаточным уровнем знаний тоже уже не существует, в результате чего оставалось лишь смириться с тем, что загадка канула в Лету. То же самое относится к наименованиям на родном языке календарных дней недели, месяцев, частей человеческого тела, народных ремесел, которые стремительно стираются из коллективной памяти.

Карачаево-балкарский лингвист А. И. Темирболатова в своей монографии «Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе» отмечает, что в регионе на смену носителям языка пришли «полуносители»¹, на пятки которым уже наступает поколение совсем не владеющих родными языками. При этом автор приводит пять основных причин кризисного состояния практически всех северокавказских языков: тотальные депортации народов в середине XX в.; геополитическое положение (Кавказ — сплав нескольких цивилизаций); процессы, связанные с глобализацией, миграцией, урбанизацией; религиозный фактор (национальные языки почти не используются в качестве языков богослужения); особенности менталитета малочисленных народов, считающих свой язык социально непрестижным по сравнению с русским или английским языками (Темирболатова, 2012: 21–23).

Как один из возможных ответов на такие вызовы исторического времени У. М. Бахтикиреева настоятельно рекомендует ученым-инсайдерам в срочном порядке организовать проекты по паспортизации древнейших слов-метакодов (названия астрономических объектов, национально маркированных предметов материально-духовной культуры) (Бахтикиреева, 2020: 18). В данном контексте под «инсайдером» подразумевается ученый, который «владеет тем же тезаурусом» и «строит научное исследование, понимая себя находящимся в центре этого познавательного процесса, понимая, как это исследование важно для него самого и для его земляков, соплеменников, людей его культуры» (Тувинцы. Родные люди, 2022: 5). Конечно, инсайдер — инсайдеру рознь. В вопросах этнической культуры ставка всегда делалась не на инертных, а на инициативных, деятельных инсайдеров, которые на любительских или профессиональных началах занимались сбором фольклорных произведений, развитием устного народного творчества, обучением детей родному языку, посильным изданием толковых, этимологических словарей.

Один из примеров: старейшая преподавательница родного языка в Кабардино-Балкарском государственном университете А. З. Толгурова последние годы своей жизни собирала слова, «вышедшие из активного речевого оборота буквально за последние 20–30 лет»². В 2014 г. ее сын Т. З. Толгуров в знак памяти о матери издал уникальный «Гаппаксальный словарь карачаево-балкарского языка»³. Здесь же поясним значение ключевого слова «гаппаксальный», образованного от греч. *hapax* — ‘единожды’; имеются в виду слова, которые в силу своей древности или окказиональных употреблений в речи оказались забытыми и вызывают затруднения в этимологизации⁴.

Жизнь развивается по синусоиде и в обозримом будущем не исключен ренессанс родных языков, который может затребовать у нового общества сохраненные «элитные семена» родной словесности. Британский историк А. Дж. Тойнби с «космическим чувством истории» пишет: «Вызов, остающийся без Ответа, повторяется вновь и вновь. Неспособность того или иного общества в силу утраты творческих сил, энергии ответить на Вызов лишает его жизнеспособности и в конце концов предопределяет его исчезновение с исторической арены» (Тойнби, 2002: 14).

¹ Индивид, понимающий родной язык, но говорящий на нем только в узкой коммуникативно-бытовой сфере с использованием множества слов из неродного языка, ставшего для него основным.

² Толгурова А. З., Толгуров Т. З. Гаппаксальный словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»). С. 3.

³ Там же.

⁴ Словарь античности / пер. с нем. ; редкол.: В. И. Кузищин (отв. ред.) и др. М.: Прогресс, 1989. С. 121.

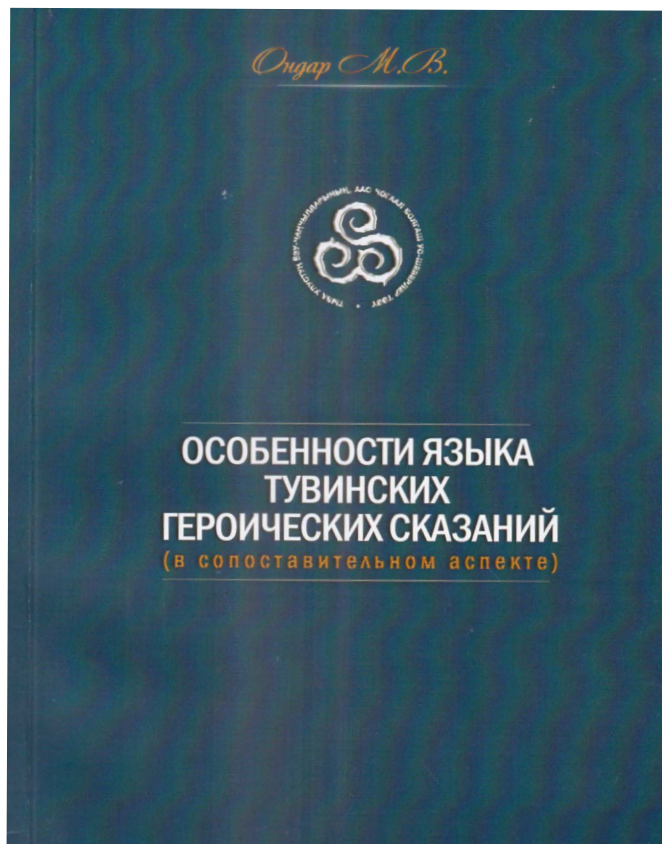

Фото 1. Обложка издания М. В. Ондар «Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте)» (Абакан, 2022).
Photo 1. The cover of the publication M. V. Ondar "Features of the language of Tuvan heroic epics (in the comparative aspect)" (Abakan, 2022).

В этой связи следует отметить несомненную актуальность монографии Ондар Менги Васильевны «Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте)» (Ондар, 2022) (фото 1) в силу обращения автора-этнофора к фольклорным пластам тувинского языка. Сразу следует подчеркнуть высокую степень целесообразности применяемой автором трехмерной методики исследования. В-первых, объектом анализа избираются языковые особенности тувинских героических сказаний, в которых отпечатались звуки местной природы, характерные грамматические конструкции, склад метафорического мышления народа. Здесь требуется концентрация внимания на исходном (родном) тексте с допущением его абсолютной художественной ценности. На данном этапе задача исследователя — всесторонне оценить эту «вещь-в-себе».

Во-вторых, для рельефной объективизации особенностей тувинского эпического искусства привлекаются эвристические, гносеологические возможности фольклорной компаративистики — «одного из наиболее перспективных, но при этом институционально сложных направлений современной отечественной гуманитаристики» (Арзамазов, 2022: 6). Дело в том, что фольклорные системы тувинцев и «объединенных» южносибирских тюркских народов характеризуются прохождением

сходных исторических стадий, совпадением многих моделей эпического самовыражения. При этом исследовательнице «повезло» — под рукой всегда есть еще и «контрольный» монгольский текст, обращение к которому зачастую проясняет многие дискуссионные моменты, особенно связанные с языковыми реалиями буддийской религии. Поясним: в рамках контактной лингвистики искомую этимологическую информацию, отсутствующую в родном языке, зачастую можно обнаружить в языке соседей. В данном случае контрольным мы как раз называем текст на монгольском языке.

В-третьих, автору удастся достичь максимального уровня научной объективности в работе благодаря использованию высокоэффективных цифровых методов при исследовании тувинских героических сказаний, их языкового среза. Для статистического анализа искомых явлений автором применяется программа-конкордансер AntConc, позволяющая выявлять коллокации (идиомы, устойчивые выражения, клише), типизировать и распределять их по частности и далее отслеживать их конкретные формы реализации внутри текста. Автор информирует, что уже созданы электронные корпуса на языках малочисленных народов Сибири, где, в числе других материалов, размещены и тексты героических эпосов, существенно облегчающие труд современных исследователей (Ондар, 2022: 28). Кстати, в работе приводятся и электронные адреса сайтов: *тувинский* (tuvancorpus.ru) и *шорский* (corpora.iea.ras.ru).

В теоретических предпосылках к исследованию (первая глава) автор последовательно и обстоятельно с обращением к трудам зарубежных и отечественных специалистов (А. Ф. Гильфердинг, И. А. Оссоветский, А. Т. Хроленко) определяется с базовыми понятиями «лингвофольклористика», «фольклорная картина мира», «языковая картина мира», «концепт», «семема», «архисема», «информема», а также вкратце рассматривает деятельность трех лингвистических школ: курской, воронежской и

петрозаводской. Важно, что автор не просто одобрительно цитирует труды своих предшественников, но, осмысливая разные точки зрения, суммируя востребованную информацию, приходит к справедливому выводу о том, что на сегодняшний день одним из продуктивных векторов исследования устного народного творчества по праву может быть кросскультурная лингвофольклористика — сложный междисциплинарный «механизм», где все части в перекрестном порядке проясняют друг друга.

Доказывая на практике закон научной преемственности, М. В. Ондар прежде, чем приступить к собственным уровням инновационного анализа, тщательно, как архивист, исследует весь тот немалый суммарный задел, который на сегодняшний день оказался накоплен Тувинским НИИ языка и литературы, Горно-Алтайским НИИ, Хакасским НИИ, а также Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в частности, Центром восточных рукописей и ксилографов (Ондар, 2022: 34).

Согласно задачам исследования, в проблемно-тематическое поле рецензируемой работы вовлечены фольклорные системы пяти близкородственных народов (тувинцы, алтайцы, хакасы, шорцы, монголы), но автор периферийным взглядом успевает отслеживать типологически сходные явления и в других регионах РФ. Так, с выраженным чувством удовлетворения авторы данной рецензии (представители северокавказской культуры) могут отметить наличие в библиографическом списке имени карачаево-балкарского лингвиста Ж. М. Гузеева и его труда «Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков» (там же: 270). Данный факт свидетельствует о широте интертекстуального пространства тувинской монографии и многогранности содержащихся в ней сравнительно-сопоставительных работ.

В свое время отечественный философ и культуролог Г. Д. Гачев выдвинул концепцию «ускоренного развития литературы», согласно которой «многие народы... задержавшиеся в силу тех или иных причин в своем развитии, в определенный момент... пробуждаются к новой исторической жизни... и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то и перегоняя другие страны, народы и культуры» (Гачев, 1989: 4). Сказанное Гачевым имеет прямое отношение не только к литературе, но и к региональной фольклористике, судя по описанным М. В. Ондар историям о невиданных темпах сбора, атрибуции, систематизации и публикации образцов героических сказаний Тувы после присоединения к СССР. При этом, как справедливо отмечают специалисты, относительная сохранность тувинской культуры «была обеспечена и изолированным географическим положением, и особенностями истории региона, самой последней территории, вошедшей в состав России в 1944 г.» (Ламажаа, Сувандии, 2019: 219). Выстраивая диахронию исследований, автор четко фиксирует, кто из названных четырех субъектов (Тыва, Горный Алтай, Горная Шория, Хакасия) в научном осмыслении героических сказаний дошел до цифровизации, а кто, образно выражаясь, «остался в XX веке» на уровне бумажных папок и печатных машинок.

На основе большой доказательной базы автор показывает лидирующие позиции в этом вопросе якутского олонхо — древнейшего эпического памятника якутов, включенного в 2009 г. по решению ЮНЕСКО в «золотой список» духовно-эстетического наследия человечества. Знаковым событием для якутской культуры стало создание в начале 2023 г. специализированного сайта, целиком посвященного олонхо: olonkho.nlrs.ru. Формы приспособления эпического наследия якутов к условиям цифровой эпохи исследуются в статье О. В. Васильевой с примечательным названием «Олонхо и культурная память саха в диджитализированной среде» (Васильева, 2019).

Судя по приведенным фактам, срединное положение между лидером и аутсайдерами занимают тувинские эпосоведы, в арсенале которых имеется внушительное количество научных работ о творческой истории эпических текстов, поэтике, сюжетике, системе персонажей, монголизмах, влиянии буддизма на фольклорное сознание и явлениях языковой интерференции на пограничных территориях (Бурькин, 2020; Гребнев, 1960; Кыргыз, 1997; Орус-оол, 2001; Татаринцев, 1976). Тем не менее, остается много исследовательских лакун, одна из которых (языковая) избрана автором монографии для системной, междисциплинарной разработки.

Интересны и важны страницы, посвященные терминологическим нюансам, связанным с номинацией «героического эпоса» в разных этнокультурах в их подлинной, аутентичной формулировке: «богатырская сказка» (хакасы), «героическое сказание» (шорцы); в отдельный разряд выделяется лироэпика в горловом исполнении — «сказка, повествуемая каем». Тувинский вариант узун *тоол*, в буквальном переводе означающий «длинный сказ», сразу вызывает ассоциации с англ. *tale* 'сказка',

напрашивающиеся на новый уровень исследования восточно-западных лексических схождений в мировом фольклоре. Будучи сторонниками существования единого протоязыка, смеем предположить, что обе номинативные единицы вполне могут оказаться результатом незначительной внешней эволюции единого индоевропейского слова с сохранением базового смыслового значения.

Вторая обширная глава монографии состоит из трех логически взаимосвязанных разделов, где последовательно рассматриваются статус и функциональная роль антропонимов, топонимов и военного лексикона в тувинских героических сказаниях. По принципу «все познается в сравнении» в трех дополнительных подразделах М. В. Ондар результаты своего исследования сверяет с типологически сходными явлениями в героических сказаниях южносибирских тюркских народов.

Рецензентов данной монографии, как представителей гачевской этнокультурной школы, не может не удивлять тот факт, что тувинская исследовательница, подкрепившая аналитический инструментарий работы конкордансером AntConc и своими этнолингвофольклорными штудиями, попутно или даже невольно подтверждает результативность теории Г. Д. Гачева о «Космо-Психо-Логосе», согласно которой «всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос)» (Гачев, 2008: 34). Сказанное в наибольшей степени проявляется в разделах, посвященных поликомпонентным антропонимам.

Суть в том, что иппологический¹ компонент настолько важен, что в иерархически выстроенной структурной модели «богатырского» антропонима имя (кличка) коня занимает первую позицию, за ней следует его атрибутивная характеристика (как правило, в превосходной степени), и лишь затем упоминается имя владельца «царственного» животного. Автор отмечает, что «кличка коня всегда образуется с помощью субстантивированных прилагательных и имеет сложную структуру» (Ондар, 2022: 78). В качестве примера приведем один из ярких образцов: «С лунно-каурым конем с блестящей шерстью девятилетний Кан Мерген» (там же: 64). Думается, особенности подобной титулатуры (с культом коня) в целом находят отражение в мифопоэтическом сознании всех скотоводческих народов, где «конь держит первенство. Все остальные — только служат человеку, перед конем же человек не считает за унижение согнуться и быть ему слугой» (Гачев, 2008: 260).

Здесь считаем уместным порекомендовать автору рецензируемой монографии пристальное изучение книги Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008) «Ментальности народов мира» как ценного источника этнокультурных знаний по широкому спектру вопросов. Ученый до тувинцев, к сожалению, «не дошел», но он успел исследовать тему «мировоззрение кочевника» на основе произведений Ч. Айтматова, которая с успехом может быть спроецирована на образный, мифопоэтический мир тувинского фольклора. Особое внимание Менги Васильевне следует обратить на три специализированные языковедческие главы указанной гачевской монографии с примечательными заголовками «Проблема языка описания национальных миров», «Национальные языки — как голоса местной природы» и «Грамматика языка и национальный Логос» (Гачев, 2008: 47–61). С методологических позиций названные источники могут способствовать расширению мировоззрения молодого ученого в плане междисциплинарности, увеличения интертекстуального объема трактуемых фольклорных мотивов, повышения интереса к микропоэтическим образам.

В разделах, посвященных топонимам (Ондар, 2022: 78–93; 116–125), автором проделана большая серьезная работа, связанная с идентификацией реальных, мифических и вымышленных топонимов, их многоуровневой интерпретацией, а также корректировкой их этимологического содержания с обращением к монгольским и тюркским толковым словарям. Установлению научной истины во многом способствует тонкое языковое чутье исследовательницы, знание внутренних законов словообразования в привлекаемых языках, грамотное использование метода компонентного анализа в вопросах соотношения топоформанта с его производными, «дочерними» образцами.

Возвращаясь к гачевской концепции Космо-Психо-Логоса, следует снова отметить детерминированность географических номинаций ландшафтными особенностями «природины» (Гачев, 2008: 34), складом мышления древних обитателей этих мест, их темпераментом, основными видами трудовой деятельности. Свидетельством тому является отмеченный тувинским ученым большой массив многокомпонентных топонимов, содержащих в своей основе такие орографически (от слова

¹ Прилагательное образовано от греч. *hippos* 'лошадь'. См.: Словарь иностранных слов / [вед. ред. Л. Н. Комарова]. М. : Русский язык, 1988. С. 202.

«орография» — наука о горах) маркированные лексемы как *тей* 'холм, сопка', *даг* 'гора', *танды* 'горная гряда'.

Переходя от теории к практике, автор на примере тувинских фольклорных текстов показывает генеративный потенциал топоформанта *тайга*: *Ала Тайга* — 'Пегая Тайга', *Бора Тайга* — 'Серая Тайга', *Харлыг-Ала* — *Тайга* — 'Пегая Тайга со Снегом'; топоформанта *танды* 'высокие горы, высокогорье': *Хаан-Уула Танды* — 'Высокогорье Хаан Уула'; топоформанта *даг* 'гора': *Шиль-Даг* — 'Стеклопанная гора', *Шилен-Даг* — 'Цапля Гора' (Ондар, 2022: 89–90). Топонимы с зооморфными или с опосредованно-зооморфными элементами — тоже не редкость в языке героических сказаний. В качестве примера приводится словосочетание *Сут-Хол* 'Молочное озеро', часто встречающееся в эпических сказаниях тюркоязычных народов Саяно-Алтая.

Исследовательницей представлен богатый материал по анализу и «водного комплекса», нашедшего отражение в лингвокультурном дискурсе героических сказаний. Выявлено, что в тувинских текстах гидронимы представлены преимущественно словосочетаниями с компонентом *хем* 'река': к примеру, *Сайлыг-Хем* — 'Река с гальками', а также моделями «цветообозначение + река», к примеру, *Ак-Хем* — 'Белая река', *Кара-Хем* — 'Черная река', *Сарыг-Хем* — 'Желтая река'.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа автором идентифицированы особенности семиотизации водной субстанции в алтайских, хакасских и шорских текстах, где в отличие от тувинских версий используются лексемы *талай* 'море' и *суг* в значении 'вода', 'река'. И вновь, как тюркоязычные этнофоры Северного Кавказа, берем на заметку слово *талай* (тувинский вариант — *далай*), которое в языке карачаево-балкарцев в результате семантического смещения в сторону метафоризации стало обозначать понятия 'много', 'множество', к примеру, *талай адам* — 'множество людей', 'море людей'.

Путем статистической обработки материала Менги Васильевне удалось выявить, что по количественному составу наименования видов оружия и военной атрибутики занимают одно из приоритетных мест в тувинском героическом эпосе. С методологической опорой на труд М. В. Горелика «Оружие древнего Востока» (Горелик, 2003) исследовательница расклассифицировала все собранные термины по видам и многочисленным подвидам, создав своего рода нисходящую древовидную схему. К примеру, в разделе «Наступательное оружие» выделены «Мечи», которые в свою очередь подразделяются на такие этномаркированные разновидности, как *хылыш*, *улду*, *мези*. В той же мере филигранно по методу компонентного анализа проработаны и такие протолексемы как «Дубина», «Лук», «Стрелы», «Панцирь», «Колчан». При этом автор, не ограничиваясь простой регистрацией терминов, дает исчерпывающую информацию относительно их этимологических версий, фольклорных и словарных источников, семантических совпадений и расхождений в эпических произведениях тувинцев, монголов и южносибирских тюрков.

В третьей главе, которая называется «Особенности структуры текста тувинских героических сказаний», автор крупным планом исследует такие структурно-лексические единицы, как пространственные, временные и портретные клише, а также своеобразие моделей зачина и концовки, взятые в параллели «тувинские и южносибирско-тюркские версии». В самом начале главы автор со ссылками на труды отечественных лингвистов (Д. А. Розенталь, М. А. Теленкова, В. М. Бурунский) определяется с научным понятием «клише», являющимся «промежуточным образованием между свободными словосочетаниями и фразеологизмом» (Ондар, 2022: 155).

Алгоритм своей дальнейшей работы автор строит на определении ядра концепта и его интерпретационного поля с широким обращением к перечню тематически востребованных клише, извлеченных посредством автоматизированных процедур AntConc из фольклорных текстов. Так, при раскрытии сущностных особенностей «условно-реального пространства Среднего мира в тувинских героических сказаниях» (там же: 157), автор выделяет следующие концептуальные признаки — «родина», «жилище», «сторона света», «природные объекты», «движение», художественная аутентичность которых здесь же подкрепляется богатым иллюстративно-клишевым материалом из героического эпоса. По такому же алгоритму выстроены все последующие разделы третьей главы, посвященные хронотопу, портретизации ключевых героев и структурно-семантическим особенностям зачинов и концовок. И вновь автором весьма удачно применяется метод компаративного сопоставления исследуемых объектов для того, чтобы определить многомерность «универсального и локального, родного и вселенского, взятых в их органической целостности» (Султанов, 2007: 5).

Напоследок, вновь возвращаясь к космо-психо-логическим воззрениям Г. Д. Гачева, отметим уникальные клише с зооморфным компонентом, которые встречаются в концовках тувинских героических сказаний. Любая концовка в произведениях эпического жанра — это артикуляция сверхценного в духовной и практической жизни этноса. Навершием народной аксиологии в данном контексте звучит клише *Додем черге малын чалап* 'На возвышенное место скот свой пригласив' (Ондар, 2022: 247). В этом же логическом ряду находится устойчивое выражение *энчил бир капка* 'конь с тремя ушами' (там же: 249), подчеркивающий значимость аудиального контакта слушателей с сакрализованым текстом из уст сказителя. Все эти стилистические приемы свидетельствуют о высокой экологической культуре и поэтичности тувинского языка.

Серьезных недочетов в работе не обнаружено, но отдельные замечания рекомендательного характера хотелось бы отметить:

1. Видно, что автор, как профессиональный лингвист, хорошо владеет своим родным языком, но при переводе микротекстов на русский язык не всегда учитывает интересы инокультурного читателя, ограничиваясь буквальным, дословным переводом без пояснений каких-то религиозных, мифологических, культовых реалий. К примеру, что означает компонент «Чечен» в клише «Чечен-Кара» (там же: 164)? «Черная пещера с обратным входом» (там же: 167) — не хватает пояснений. На другой странице автор пишет о том, что «формы губ сравниваются с графемами из алфавита старописьменного монгольского языка (“У” и “А”» (там же: 195). Без авторских развернутых пояснений сложно себе эти аналогии представить, визуализировать. В разделе «Зачины и концовки» (там же: 231) приводятся образцы тувинских зачинов-междометий: *шыяан* и *шията*. В работе указывается, что смысловое содержание данных лексем утеряно. Но наверняка у автора имеются какие-то свои, пусть даже приблизительные этимологические версии, которые желательно было бы привести.

2. При издании в книгу следовало бы включить фотоснимки сказителей, поскольку лица этнофоров — тоже часть этнической культуры.

На основании изложенного материала можно сделать итоговый вывод о том, что впервые так детально и всесторонне исследованы языковые особенности тувинских героических сказаний, представляющих собой уникальный, сохранившийся до наших дней комплекс письменных памятников. Использованный М. В. Ондар кластерный тип сравнительно-сопоставительного анализа позволил вынести на дискурсивную арену сразу несколько этнолингвофольклорных систем (тувинская, хакасская, алтайская, шорская, монгольская), каждая из которых попала под объектив качественной научной рефлексии. Результаты исследования могут быть с успехом применены в учебном процессе вузов, лексикографической практике, а также в области цифрового исследования фольклорных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арзамазов, А. А. (2022) Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения : монография. Казань : Изд-во АН РТ. 316 с.

Бахтикиреева, У. М. (2020) Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы — осознанная необходимость // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири : мат. IV Всероссийской науч.-практ. конф. (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 230 с. С. 14–22.

Бурыкин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

Васильева, О. В. (2019) Олонхо и культурная память саха в диджитализированной среде // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 34. С. 171–182. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/34/17>

Гачев, Г. Д. (1989) Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М. : Художественная литература. 431 с.

Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Эксмо ; Алгоритм. 544 с.

Горелик, М. В. (2003) Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). 2-е изд., доп. СПб. : ТПП «Атлант». 320 с.

Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М. : Восточная литература. 145 с.

Кыргыс, З. К. (1997) О тувинских эпических напевах // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск : Наука. 584 с. С. 39–52. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего востока, т. 12).

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д. (2019) Проект урянхайско-тувинской энциклопедии // Новые исследования Тувы. № 2. С. 218–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.19>

Ондар, М. В. (2022) Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте). Абакан : ООО «Кооператив “Журналист”». 320 с.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль). М. : МАКС Пресс. 422 с.

Султанов, К. К. (2007) От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М. : Наука. 302 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 130 с.

Темирболатова, А. И. (2012) Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК — «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С. М. Кирова» (1926–1937)) / под ред. К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. Ставрополь : СГУ. 314 с.

Тойнби, А. Дж. (2002) Постижение истории : избранное / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : АЙРИС-пресс. 640 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Дата поступления: 01.08.2023 г.

Дата принятия: 04.09.2023 г.

REFERENCES

Arzamazov, A. A. (2022) *Mariisko-udmurtskie poeticheskie paralleli i kontrasty. Opyt komparativnogo prochteniia [Mari and Udmurt poetic parallels and contrasts. An experience of comparative reading]* : A monograph. Kazan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 316 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2020) *Izuchenie i opisanie natsional'nykh obrazov korennykh narodov RF posredstvom nositelei' iazyka, fol'klora i literatury — osoznannaia neobkhodimost'* [Studying and describing national images of the indigenous peoples of the Russian Federation through the eyes of native speakers of language, folklore and literature: A conscious need]. In: *Sokhranenie i razvitie iazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri [Preserving and developing languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia]* : Proceedings of the 4th All-Russian research-to-practice conference (Abakan, October 1–2, 2020) / ed. by T. G. Borgoiakova. Abakan, Katanov State University of Khakassia Publ. 230 p. Pp. 14–22. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2020) *Buddiiskie motivy v fol'klоре (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buriatskikh epicheskikh proizvedenii i bogatyrskikh skazok)* [Buddhist motifs in folklore: The case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

Vasilieva, O. V. (2019) *Olonkho i kul'turnaia pamiat' sakha v didzhitalizirovannoi srede [Olonkho and the cultural memory of Sakha in a digitalized environment]*. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, no. 34, pp. 171–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/34/17>

Gachev, G. D. (1989) *Neminuemoe. Uskorennoe razvitie literatury [Inevitable. Accelerated development of literature]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 431 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2008) *Mental'nosti narodov mira [Mentalities of the peoples of the world]*. Moscow, Eksmo; Algoritm. 544 p. (In Russ.).

Gorelik, M. V. (2003) *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysiacheletie — IV v. do n. e.) [Weapons of the Ancient East (4th millennium — 4th century BC)]*. 2nd ed., enlarged. St. Petersburg, Atlant. 320 p. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epос: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza [Tuvan heroic epос: An experience of historical and ethnographic analysis]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 145 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (1997) *O tuvinskikh epicheskikh napevakh [About Tuvan epic tunes]*. In: *Tuvinskii geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic epics]* / comp. by S. M. Oрус-оол. Novosibirsk, Nauka. 584 p. Pp. 39–52. (Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 12). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (2019) Proekt uriankhaisko-tuvinskoi entsiklopedii [A project of Uriankhai-Tuva encyclopedia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 218–224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.19>

Ondar, M. V. (2022) *Osobennosti iazyka tuvinskikh geroicheskikh skazanii (v sopostavitel'nom aspekte)* [Features of the language of Tuvan heroic epics (in the comparative aspect)]. Abakan, Zhurnalist. 320 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (Tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic legends (Textual criticism, poetics and style)]. Moscow, MAKS Press. 422 p. (In Russ.).

Sultanov, K. K. (2007) *Ot Doma k Miru: etnonatsional'naia identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to the World: Ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]. Moscow, Nauka. 302 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongol'skoe iazykovoe vliianie na tuvinskuiu leksiku* [Mongolian language influence on the Tuvan lexicon]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 130 p. (In Russ.).

Temirbolatova, A. I. (2012) *Problemy iazykovoi politiki i iazykovogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze (na materiale rukopisei arkhivnogo fonda R-1260 GASK — «Severo-Kavkazskii gorskii istoriko-lingvisticheskii nauchno-issledovatel'skii institut imeni S. M. Kirova» (1926–1937))* [Problems of language policy and language construction in the North Caucasus (based on the manuscripts of the archival fonds R-1260 of the State Archives of the Stavropol Krai — “S. M. Kirov North Caucasian Mountain Historical and Linguistic Research Institute” (1926–1937))] / ed. by K. E. Shtain and D. I. Petrenko. Stavropol, Stavropol State University. 314 p. (In Russ.).

Toynbee, A. J. (2002) *Postizhenie istorii [A study of history]* : Selected works / transl. from English by E. D. Zharkov. Moscow, AIRIS-press. 640 p. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Submission date: 01.08.2023.

Acceptance date: 04.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.8

Статья

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом *рука* как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков)

Гульжан Т. Мамбетова, Марина Ю. Шингарева, Наталья В. Дмитриук, Ольга А. Стычева

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Казахстан

В статье рассматриваются потенциальные возможности формирования лингвокультурной компетенции при изучении фразеологии. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (ФЕ) с соматическим компонентом 'рука' в тувинском, казахском, русском и английском языках представлен как способ реализации интегративного принципа обучения. Авторы исходят из того, что во фразеологии любого языка ярко отражаются архетипическое сознание этноса и своеобразие метафоризации объектов окружающего мира. Это обуславливает познавательный этнокультурный интерес обучаемых, инициирует их полилингвальную подготовку и делает актуальным освоение фразеологии в лингвокультурном, в том числе сопоставительном аспекте.

Материалом исследования послужили ФЕ с соматическим компонентом хол/кол/рука/hand, полученные в ходе сплошной выборки из соответствующих фразеологических словарей сопоставляемых языков. Цель исследования — разработка интегративных технологий формирования лингвокультурной компетенции у обучаемых на основе знаний об этнокультурной маркированности соматической фразеологии, отражающей специфические способы осмысления окружающей действительности.

Описываются исследовательские и дидактические методы (сопоставительный, объяснительно-иллюстративный, лингвосемантический, поисковый и др.) и приемы (работа со словарями, анализ коммуникативно-речевых актов, построение диаграмм Венна и др.).

В результате исследования обнаружено, что при ожидаемом универсальном характере когнитивного осмысления анатомии человека в разных культурах восприятие топологически идентичного культурного предмета — человеческого тела — происходит, тем не менее, неодинаково: в ходе сопоставления ФЕ с соматизмом 'рука' выявляются как общие (кросскультурные), так и этноспецифические модели восприятия, которые определяют закономерности образной интерпретации реалий мира и специфику концептуализации представлений о соматиконе человека в разных культурах.

Ключевые слова: фразеологизм; лингвокультурологическая компетенция; методика преподавания; этнокультурология; лингводидактика; архетип языкового сознания; казахский язык; тувинский язык; русский язык; английский язык

Для цитирования:

Мамбетова Г. Т., Шингарева М. Ю., Дмитриук Н. В., Стычева О. А. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом *рука* как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 109-123. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Мамбетова Гульжан Токмуратовна — докторант кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. Адрес: Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: gulzhan.tokmuratovna@mail.ru

Шингарева Марина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. Адрес: Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: logrus1976@mail.ru

Дмитриук Наталья Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. Адрес: Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: nvdmitr@yandex.ru

Стычева Ольга Андреевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета. Адрес: Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: sto0906@mail.ru

Comparative analysis of phraseological units with somatism hand as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages)

**Gulzhan T. Mambetova, Marina Yu. Shingareva, Natalya V. Dmitryuk,
Olga A. Stycheva**

South Kazakhstan State Pedagogical University, Kazakhstan

The article delves into the potential avenues for cultivating linguistic and cultural competence through the study of phraseology. A comparative analysis of phraseological units incorporating the somatic component 'hand' in Tuvan, Kazakh, Russian, and English languages is presented as a method to implement the integrative teaching principle. The authors posit that phraseology in any language vividly mirrors the archetypal consciousness of the ethnic group and the distinctive metaphorical representation of objects in the surrounding world. This stimulates the ethnolinguistic curiosity of learners, initiates their multilingual training, and underscores the significance of mastering phraseology from a linguistic and cultural perspective, including the comparative aspect.

The research material comprises phraseological units featuring the somatic component 'hand', systematically selected from the respective phraseological dictionaries of the languages under examination. The study aims to develop integrative methodologies for fostering linguistic and cultural competence among learners, grounded in an understanding of the ethnocultural connotations of somatic phraseology, which reflect specific ways of conceptualizing the surrounding reality.

The study outlines various research and pedagogical methods (comparative, explanatory-illustrative, linguistic-semantic, exploratory, etc.) and techniques (consulting dictionaries, analyzing communicative speech acts, constructing Venn diagrams, etc.). The research findings reveal that despite the anticipated universal cognitive understanding of human anatomy across cultures, the perception of a culturally identical object — the human body — varies significantly. When comparing phraseological units incorporating the somatic element 'hand', both shared (cross-cultural) and culture-specific models of perception emerge. These models elucidate the patterns of figurative interpretation of worldly phenomena and specify the conceptualization of ideas concerning the human somatic domain in diverse cultural contexts.

Keywords: phraseology; linguocultural competence; teaching methodology; ethnocultural studies; language didactics; archetypes of linguistic consciousness; Kazakh language; Tuvan language; Russian language; English language

For citation:

Mambetova G. T., Shingareva M. Yu., Dmitryuk N. V. and Stycheva O. A. Sopostavitel'nyi analiz frazeologicheskikh edinit s somatizmom *ruka* kak sposob formirovaniia lingvokul'turnoi kompetentsii (na materiale russkogo, kazakhskogo, tuvinskogo i angliiskogo iazykov) [Comparative analysis of phraseological units with somatism *hand* as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 109-123. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

MAMBETOVA, Gulzhan Tokmuratovna, Doctoral Student, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University. Postal address: 13, Bajtursynov Str, Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: gulzhan.tokmuratovna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6366-5681

SHINGAREVA, Marina Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English language, South Kazakhstan State Pedagogical University. Postal address: 13, Bajtursynov Str., 160012, Shymkent, Republic of Kazakhstan. E-mail: logrus1976@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1866-035X

Dmitryuk, Natalya Vasilyevna, Doctor of Philology, Full Professor at the Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University. Postal address: 13, Bajtursynov Str, Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: nvdmitr@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8527-0338

Stycheva, Olga Andreevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University. Postal address: 13, Bajtursynov Str, Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: sto0906@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4438-4929

Введение

Выполняя функцию этнокультурного кода, любой язык не только передает определенную информацию об окружающем мире (создавая разнообразные языковые картины мира), но и отражает этноментальную самобытность структурирования этого мира. Сигнализируя о своеобразии архетипов языкового сознания этноса, язык формирует его (сознание) и воздействует на него всем спектром эстетических средств языка и заложенных в нем модальных оценок. Сегодня становятся особенно актуальными этнолингвокультурологические и психолингвистические исследования, идет процесс применения их результатов в современных технологиях обучения родным и неродным языкам посредством полилингвальных методик.

В рамках данной статьи ориентир сделан на рассмотрение таких дидактических подходов и средств, которые могли бы экстраполировать освоение языков в лингвокультурный формат. В качестве гипотезы выдвинуто утверждение, что один из наиболее эффективных способов формирования языкового развития личности связан с использованием технологии интегративного обучения. Его дидактически грамотная организация при условии опоры на механизмы творческой деятельности (анализ через синтез, ассоциативный и эвристический подходы, связь эмоционального и рационального) позволит организовать полилингвальный формат овладения коммуникативной компетентностью. Для доказательства в предлагаемой статье авторы обращаются к одной из ее составляющих — лингвокультурной компетенции, которая представляет особый интерес в первую очередь для студентов и магистрантов филологических специальностей.

Исходя из того, что фразеология любого языка, представляя собой наиболее специфический этнокультурологический код народа, играет значительную роль в репрезентации языковой картины мира, авторы ставят своей целью обратиться к исследованию способов ее изучения магистрантами, осваивающими образовательные программы педагогической направленности. Ведущая идея статьи сводится к представлению фразеологии как специфического способа формирования языковой картины мира (ЯКМ), адекватная передача которой на другой (изучаемый) язык развивает языковые способности преподавателя-филолога, формирует у него культурную и речевую компетенции на достаточном профессиональном уровне. *Объектом* исследования является топологически одинаковый в природе культурный предмет «рука», зафиксированный в корпусе фразеологического фонда разных языков, а *предметом* — дидактические условия освоения фразеологической единицы (ФЕ) с указанным соматическим компонентом в русском, казахском, тувинском и английском языках на послевузовском этапе подготовки филологов.

Объективируя мысль о значимости лингвокультурной компетенции, авторы статьи описывают дидактические условия ее формирования, предлагая технологии, основанные на интегративных подходах.

В своем единстве культурная (Byram, 1997), языковая (Chomsky, 1965) и коммуникативная компетенции (Nunes, 1972) составляют межкультурную компетенцию, без которой не мыслится адекватный диалог представителей разных лингвокультурных сообществ в целом и процесс освоения родного и неродного языков, в частности. По словам С. С. Кунанбаевой, «необходимо отметить многозначность единого термина “межкультурная компетенция”, который в значении “межкультурно-коммуникативная компетенция” понимается как объект формирования в области обучения иностранным языкам» (Кунанбаева, 2010: 106), когда целью обучения становится предоставление обучающимся набора инструментов для извлечения культурной информации из аутентичных материалов по неродному языку и соотносением данной культурной составляющей с родным языком.

Интерпретации культурных текстов посвящена статья И. Алексеевой и группы соавторов (Alyekseyeva et al., 2022), где рассмотрены некоторые способы работы с культурно-маркированными учебными текстами: например, методика веб-квестов, апробированная Аль Асади (Al Asadi, 2020), и лексических задач¹ на выявление отсутствия/наличия межкультурной компетентности. Однако эти способы обучения направлены не на усвоение межкультурной информации, а на проверку уровня сформированности знаний об иной культуре.

¹ Chaouche M. Incorporating Intercultural Communicative Competence in EFL Classes. ASELS Annual Conference Proceedings. 2016. P. 32–42. [Электронный ресурс] // Mohammed V University of Rabat, Morocco. URL: <https://awej.org/images/conferences/Aselesproceedingsmorocco2016/aselesproceedings2016.pdf> (дата обращения: 06.06.2023).

Тем не менее, прикладные вопросы формирования лингвокультурной компетентности по-прежнему освещены недостаточно полно. При этом, ключевым вопросом при изучении механизма овладения неродным языком является роль родного языка в процессе освоения другого (неродного языка). Принцип осознанного подхода с учетом и опорой на родной язык является ведущим в российской теории и методике обучения неродному языку (Залевская, 2010; Гальскова, Гез 2004; и др.) и также находит свое отражение в зарубежной методике преподавания (Lennon, 1998; Cooper, 1998; и др.). Отказ от механического переноса вербально-семантических знаний родного языка в неродной в контексте моделирования вторичной языковой личности (с целью минимизации интерферирующего влияния родного языка) обосновывается необходимостью взаимосвязанного формирования языкового и когнитивного сознания, что отчетливо проявляется при сопоставительном изучении фразеологии (Беляевская, Маляр, 2011).

Представляется интересным исследовать элементы этнокультурной специфики в восприятии образа человека: тактику чтения «соматической карты человека» и «меру сфокусированности внимания» (Сорокин, 1998: 40) к разным частям тела у представителей родственных языков (тувинцев и казахов — тюркская семья) и неродственных (русских и англичан — индоевропейская семья), отраженных в их языковом сознании.

Методом сплошной выборки из фразеологических словарей сопоставляемых языков были составлены списки фразеологических единиц (ФЕ) с соматическим компонентом *хол /кол /рука /hand*, которых оказалось по нашим подсчетам в казахском фразеологическом словаре И. Кенесбаева¹ более 160 единиц, в русском корпусе словаря под редакцией А. И. Молоткова² более 90 ФЕ, в тувинском фразеологическом словаре Я. Ш. Хертека³ — 41 и в английском⁴ — 64 фразеологических единицы.

Теоретико-методологическая база исследования

Фразеологические единицы с соматическим компонентом не раз попадали в поле зрения лингвистов. Из современных исследований наибольший интерес, по нашему мнению, представляют публикации С. В. Кечил-оол, О. М. Саая, посвященные анализу фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском и русском языках (Кечил-оол, Саая, 2016), с соматизмом «сердце» в тувинском и русском языках (Кечил-оол, Саая, 2021), с компонентами «рука» (Кечил-оол, Саая, 2017) и «язык» (Саая, Дамбыра, Кечил-оол 2020) и др. Сравнительно-сопоставительные исследования фразеологизмов с соматическим компонентом в казахском и русском языках проводились Н. В. Дмитриук (Дмитриук, 2000, 2009 и др.), в казахском и тувинском языках: К. Х. Рахимжановым, М. К. Акишевой, З. К. Темиргазиной (Рахимжанов, Акишева, Темиргазина, 2020), в тюркских языках — М. Д. Чертыковой (Чертыкова, 2018).

В нашем исследовании на основе изучения содержания и направлений сопоставительного анализа указанных трудов были определены подходы к исследованию соматизма *рука* с целью дальнейшей экстраполяции отобранного и систематизированного материала в дидактическую плоскость. Для дальнейшего исследования был сделан отбор дисциплин из образовательных программ бакалавриата и магистратуры Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (в частности, «Современные проблемы лингводидактики в языковом образовании», «Проблемные методы обучения иностранному языку» и др.), которые читаются студентам/магистрантам перед выходом на педагогическую практику. Данные предметы связаны с изучением современных проблем лингводидактики; в качестве базового определен русский язык, что обусловлено образовательной программой, осваиваемой первым автором — Г. Т. Мамбетовой (8Д 01702 — Подготовка педагога по русскому языку и литературе), основное направление исследований которой связано с созданием интегративных моделей формирования лингвистической компетенции. Такие модели в процессе выполнения исследования были разработаны с учетом теоретических сведений из русского (консультант О. А. Стычева), казахского (консультант А. П. Мынбаева) и английского (консультант М. Ю. Шингарева) языков применительно к изучению разделов «Грамматика» и «Стилистика» и апробированы на занятиях со студентами. Г. Т. Мамбетова успешно использовала интегрированные

¹ Кенесбаев И. Фразеологический словарь. Алматы: Изд-во «Арыс», 2007.

² Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.

³ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975.

⁴ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.

подходы к освоению материала, создавая условия для познавательной творческой деятельности студентов, включающих в самостоятельно составленные модели примеры из родного языка, что определяло научные подходы к формированию лингвокультурологической компетенции на основе дидактически грамотных комментариев культурно-маркированных языковых единиц (консультант Н. В. Дмитрюк), отобранных из словарей.

Лингвокультурологическое направление исследования осуществлялось Г. Т. Мамбетовой с опорой на принцип интеграции на основе сравнительно-сопоставительного анализа, представленного в работе и как метод исследования, и как один из эффективных дидактических приемов. Выбор тувинского языка для сравнительно-сопоставительного анализа представлен как пример, использование которого объективируется его генетическим родством с казахским языком, информативностью трудов тувинских лингвистов и дидактической ценностью ФЕ, отобранных в ходе работы над статьей. В целом наша работа ориентирована на поиск и показ эффективных способов интегративного представления учебного материала в полилингвальной языковой среде, где помимо казахов и русских обучаются узбеки, таджики, турки, чеченцы, курды, татары, для которых ни русский, ни казахский родным языком не является, а опора на родной язык и культуру учащихся нужна для объяснения значения культурно-маркированных языковых единиц (ФЕ).

Фразеологические единицы с соматическим компонентом «рука»

Выполняя функцию этнокультурного кода, любой язык не только передает определенную информацию об окружающем мире (создавая разнообразные языковые картины мира), но и отражает этноментальную самобытность структурирования этого мира. Основное назначение элемента кода — пояснять другую действительность, служить отражением иного объекта. Элемент кода несет информацию о представлениях носителя языка относительно номинируемой им действительности.

Языковая картина мира, как древнейший пласт языкового универсума опирается на базовую лексику и образует множество устойчивых фразеологических единиц и паремий, метафорически и ассоциативно осмысливающих анатомические понятия с помощью универсального когнитивного механизма аналогии. Исследование механизма аналогии — *метафоризации* и *метонимизации* — позволяет выявить общность и различие в наивной трактовке частей тела человека представителями разных этносов. В основе процесса метафоризации (уровень логики, понятия) и метафоры (уровень лексического значения), по Аристотелю¹, лежат две сущности: первая из них сообщает о реальности, а свойства второй используются для иносказания об этой реальности. Всякое представление о свойствах объекта в его инобытии базируется на таком иносказании. Метафора, таким образом, соотносит *действительное с невозможным*, т. е. объединяет в себе два отображения действительности — реальное и гипотетическое. Соматические метафоры в нашем сопоставительном исследовании иллюстрируют уникальность этого отображения как при внутриязыковом и межъязыковом анализе, так и в процессе учебного освоения фразеологических единиц.

Большинство фразеологических единиц с соматическим компонентом *рука* в сопоставляемых языках связано с деятельностью человека — его личностными характеристиками, состоянием, описанием действий, отношением к другим людям и т. п. Классификация ФЕ с соматизмом *рука* в тувинском языке уже была предложена С. В. Кечил-оол и О. М. Саая. Личностные качества человека, характеризующиеся при помощи ФЕ с соматизмом *рука*, выделены в две общие группы, которые далее поделены на более мелкие подгруппы, согласно семантике: 1) ФЕ, характеризующие внутренние качества человека, и 2) ФЕ, обозначающие различного рода поведенческие акции, действия и поступки, включая речевые, волевые, интеллектуальные действия и др. (Кечил-оол, Саая, 2017: 92).

Вслед за С. В. Кечил-оол и О. М. Саая мы в своем исследовании тоже разделили их на две тематические группы: **качественные** характеристики человека, связанные с установлением тех или иных свойств, определений, феноменов, и **деятельностные** характеристики, обозначающие поступки, действия, реакции и т. д.

В первой группе при проведении анализа были выделены личностные характеристики человека как положительные, так и отрицательные. К положительным в тувинском языке относится тема щедрости:

¹ Аристотель. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 3. Поэтика.

холлу бош, холу чадагай, чадагай холдуг, букв.: обозначающие ‘руку слабую, открытую, счастливую’; в казахском языке щедрый человек также имеет «открытую» руку — қолы ашық. Необходимо отметить, что ФЕ холу чадагай имеет также значение ‘нерасчетливый, неэкономный’ где явно прослеживается отрицательная характеристика человека не щедрого, но транжиры¹. Из перечисленных положительных характеристик в английском и русском языках образ открытой руки оказывается также представленным в описании щедрости: англ. *with open hand* ‘щедро’, что коррелирует с русским фразеологизмом ‘щедрой/-ою рукой’ и соотносительными выражениями ‘с открытой душой’ и ‘с открытым сердцем’ (таб.1).

Таблица 1. Тема щедрости во ФЕ с соматизмом рука

Table 1. The theme of generosity in phraseological units with somatism ‘hand’

Тувинский язык	Казахский язык	Русский язык	Английский язык
холлу бош ‘рука слабая’ холу чадагай ‘рука открытая’ чадагай холдуг ‘рука счастливая’	қолы ашық ‘открытая рука’	щедрой/-ою рукой с открытой душой с открытым сердцем	<i>with open hand</i> ‘щедро’

Тема скупости в тувинском языке представлена ФЕ холу быжыг: варианты — холу кадыг, кадыг холдуг, холу тыртым, холу кызыы, букв.: ‘рука его крепкая, тянущая, узкая’ (таб. 2). «Узкая рука» нашла свое отражение и среди ФЕ казахского языка: қолы тар ‘скупой человек’, букв.: ‘узкая рука’.

Ни одна из характеристик скупости в тувинском языке не совпадает с устойчивыми выражениями русского и английского языков, хотя стоит отметить близкое к скупости значение жадности в русском фразеологизме *руки загребущие* и в английском фразеологизме *to have an itching palm* ‘корыстолюбивый, жадный человек’, где общее понятие *hand* ‘рука’ заменено уточняющим *palm* ‘ладонь’. В свою очередь, понятия *крепкой руки* у русских и *steady hand* ‘твердая рука’ в английском языке связаны со значением власти, управления, командования.

Такие различия в смысловом наполнении сопоставляемых фразеологизмов, а, следовательно, и в соматической картине мира, безусловно, будут вызывать затруднения у обучающихся в процессе усвоения языков.

Таблица 2. Тема скупости во ФЕ с соматизмом рука

Table 2. The topic of avarice in phraseological units with somatism ‘hand’

Тувинский язык	Казахский язык	Русский язык	Английский язык
холу быжыг ‘рука крепкая’ холу кадыг, кадыг холдуг ‘рука твердая’ холу тыртым ‘рука тянущая’ холу кызыы ‘рука узкая’	қолы тар ‘узкая рука’	загребущие руки	<i>to have an itching palm</i> ‘корыстолюбивый, жадный человек’

Продолжая анализ качеств человека в тувинской соматической фразеологии, отмечаем следующие ФЕ: холлу кара — недоброжелательный, букв.: ‘рука его черная’. И хотя ахроматизм *кара/кара/черный/black* в тувинском, казахском, русском и английском сознании имеет устойчиво отрицательное значение, но только в тувинском языке определение «недоброжелательного человека» связано с соматизмом хол ‘рука’.

Тема умелого человека, мастера своего дела, так или иначе отражена во всех исследуемых языках и связана с руками: в казахском языке это устойчивое сочетание *он қолынан* — букв.: ‘десять рук’; в

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 507.

русском — *золотые руки, мастер на все руки*; в английском — *a crack hand* ‘искусный в чем-либо, мастер’; и только в тувинском языковом сознании существует указание на определенный вид деятельности: *холу чемзиг* — умеющий готовить очень вкусную пищу, букв.: ‘рука его вкусная’.

Представляется, что это связано с особым значением этнокультурной кухни в системе ценностей тувинского народа. В исследовании, проведенном С. А. Москвичевой, О. И. Александровой, Ю. Н. Эбзеевой (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022), культура «национальные блюда» вошла в состав культурного поля тувинского народа. В этом же ключе Ч. К. Ламажаа и ее коллеги рассматривают концепт *мал ‘скот’* как один из ключевых концептов тувинской культуры, связанный с традицией *изиг-ханнар* — забоя скота и совместного с родственниками ритуального поедания (сразу после забоя) горячей кровяной колбасы у тувинцев (Ламажаа, 2023: 19; Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022).

Еще одна группа ФЕ в категории «личностные качества человека» не имеет совпадений в изучаемых языках и является уникальным метонимическим отождествлением соматизма *рука* с качествами человека. В тувинском языке это фразеологизм *холлу курттуг* — так говорят о человеке, любящем трогать чужие вещи, букв.: ‘его рука червивая’. Значение этого фразеологизма в тувинском языке определяется традиционным воспитанием, сдержанностью и скромностью в поведении, присущим тувинцам: уподобление руки червю, характеристика червивости у тувинцев связывались с тем, что человек переступал через правила традиционного воспитания. В казахском языке аналогичное значение имеют ФЕ *қолынын жымысқысы бар* (букв.: ‘руки, способные на скрытные действия’) — аналог русскому ‘*нечист на руку*’; *ала қол* (букв.: ‘пестрая рука’) — нечестный, относящийся не ко всем одинаково, предпочитающий одного, унижающий другого; *суық қол* (букв.: ‘холодная рука’) — вор, расхититель.

Во всех приведенных примерах прослеживается дуальная природа восприятия руки — как кормящая, так и отнимающая — теплая дружелюбная и холодная враждебная. В английском языке, в отличие от тувинского и казахского, рука связана еще и с такими качествами, как неуклюжесть, неловкость, медлительность: *a numb hand* — неуклюжий, неловкий, человек (русский аналог ‘руки-крюки’), *have a hand like a foot* — быть неловким, неуклюжим (букв.: ‘иметь ноги вместо рук’), *heavy in hand* — тяжелый на подъем, медлительный, неподатливый. Все они имеют сравнительную характеристику рук и ног человека.

Вторая группа деятельностных характеристик человека связана, прежде всего, с процессом и качеством работы (таб. 3).

Любая стадия работы у тувинцев ассоциируется с руками. *Хол куруг олулар* — не делать ничего, бездельничать (букв.: ‘сидеть с пустыми руками’) соответствует русскому фразеологизму *сидеть сложа руки*. Назовем несколько тувинских фразеологизмов, обозначающих отношение к ручному труду: нежелание начать какую-то работу — *хол дегбес* (букв.: ‘рука не коснется’); взялся за работу — *холл дээр* (букв.: ‘рука коснется’); закончил работу — *холдан үнер* (букв.: ‘выйти из рук’); потерял интерес к работе — *холлу салдынар* (букв.: ‘его рука опускается’).

В казахском языке стадии работы также выражены через соматизм *рука*: *қол қусырып отыр* — сидеть сложа руки, т. е. «безделье у представителя казахского этноса ассоциируется со сложенными на *груди* руками, а у представителя русского этноса — с человеком, сидящим со сложенными на *коленях* руками»¹. В английском языке безделье тоже может выражаться через руки: *fold one's hands* — сложить руки, бездействовать, но манера будет другая: англичанин сидит, соединив ладони вместе «лицом» друг к другу, сцепив пальцы в замок или подложив руки под себя — *to sit on one's hand*.

Этапы разных видов деятельности в казахском языке тоже связаны с руками — *қол қойды*, *қол сайды* ‘начать работу’, *қол қуатты болсын* ‘пусть рука будет сильной’ (пожелание во время тяжелой работы), потерять интерес к работе *қол қусырды* — букв.: ‘опустить руки’.

Качество работы в тувинском языке выражено такими устойчивыми сочетаниями, как *хол арты-биле кылыр* — делать что-то плохо, недоброкачественно (букв.: ‘делать что-то тыльной стороной руки’), *хол бажы-биле кылыр*, *хол баштаар* — делать плохо (букв.: ‘делать концами рук’), что соотносится с ‘английским *to work with the left hand* ‘делать что-то левой рукой’. Приобретенный за время работы опыт также выражается в сопоставляемых языках через руки: русский фразеологизм *набить руку*

¹ Ахметжанова Г. А. Соматическая фразеология как отражение национально-культурной специфики языкового сознания : автореф. ...канд. филол. наук. Алматы, 2007. С. 21.

соответствует тувинскому *хол эдиктирер* (букв.: ‘дать руке привыкнуть’), казахскому *қолы түсінді* (букв.: ‘руки привыкли’) и в английском *to get one’s hand in* (букв.: ‘получить руку в чем-то’).

Таблица 3. Тема работы во ФЕ с соматизмом рука

Table 3. Topic of work in phraseological units with somatism ‘hand’

Характеристика работы, этапы	Тувинский язык	Казахский язык	Русский язык	Английский язык
Не работать	<i>Хол куруг олулар</i> ‘сидеть с пустыми руками’	<i>қол қусырып отыр</i> ‘сидеть сложа руки’	<i>сидеть сложа руки</i>	<i>fold one’s hands</i> ‘сложить руки’
Начало работы	<i>холл дээр</i> ‘рука коснется’	<i>қол қойды, қол сайды</i> ‘начать работу’	-	-
Конец работы	<i>холдан үнер</i> ‘выйти из рук’	-	-	-
Потерять интерес к работе	<i>холлу салдынар</i> ‘его рука опускается’	<i>қол қусырды</i> ‘опустить руки’	<i>опустить руки</i>	-
Делать что-то плохо	<i>хол арты-биле кылыр</i> ‘делать что-то тыльной стороной руки’, <i>хол бажы-биле кылыр,</i> <i>хол баштаар</i> ‘делать концами рук’	-	<i>из рук вон плохо</i>	<i>to work with the left hand</i> ‘делать что-то левой рукой’
Приобрести опыт в работе	<i>хол эдиктирер</i> ‘дать руке привыкнуть’	<i>қолы түсінді</i> ‘руки привыкли’	<i>набить руку</i>	<i>to get one’s hand in</i> ‘получить руку в чем-то’

Особый интерес для сопоставления представляют устойчивые сочетания с соматическим компонентом *рука*, связанные со сферой человеческих взаимоотношений, среди которых выделяются чувства любви, дружбы, власти, взаимопомощи и др.

Тема любви прослеживается в тувинских ФЕ *холга алыр* — расположить к себе кого-то (букв.: ‘брать в руки’), *холга чалаар* — обожать кого-то’ (букв.: ‘в руки приглашать’) и перекликается с русским фразеологизмом *на руках носить*. Английский фразеологизм *give somebody one’s hand* ‘отдать кому-либо руку’ хотя и относится к теме любви, но носит определенный матримониальный характер и означает определенное намерение — выйти замуж или жениться. В казахском языке тоже есть фразеологизм, связанный со свадьбой и содержащий соматический элемент *рука* — *қол ұстату* (букв.: ‘держаться за руки’), который отражает традицию проявления знаков внимания, уважения жениха к невесте после помолвки. Несмотря на различия во фразеологизмах, связанных с любовными отношениями в четырех исследуемых языках, мы считаем, что все они содержат одну общую семантическую составляющую — сокращение дистанции между субъектами общения и переход к тактильным отношениям.

Тема власти, влияния в тувинском языке выражена во фразеологизмах *холл көдүрер* — поднять руку на кого-то, причинять боль (букв.: ‘поднять руку’) соответствует русскому *поднять руку на кого-либо* и *холга киирер* (букв.: ‘заставить попасть в руки’) ‘брать в плен’, ‘подчинять’, ‘овладевать’ соответствует русскому выражению *попасть в руки*. И в казахском, и в английском языках в составе соматической фразеологии находим выражение силы и власти через руки: в казахском *қол салды* — причинить боль (букв.: ‘протянуть руку’), *қол көтерді* — сдаться, подчиниться, смириться (букв.: ‘поднять руки’); в английском *to fall into somebody’s hand* — попасть в чьи-либо лапы; *gain the upper hand* — одержать победу, взять верх; *lay violet hands on* — захватить силой. Такое совпадение, видимо, может объясняться традиционными видами кулачного боя, народных видов борьбы, существующих и практикующихся в исследуемых культурах.

Тема помощи также отражена во всех четырех исследуемых языках: в тувинском *холл аралаар* — помогать (букв.: ‘чередовать руки’), то есть помогать двумя руками по очереди; в сравнении с русским *протянуть руку помощи* (одну). В казахском языке степень помощи может различаться, например: *қол қайыр* в казахском языке означает ‘посильная помощь’ — для казахов оказать помощь родичам, соседям в деле, которое им одним не по силам, считалось обязательным, само собой разумеющимся. Еще один фразеологизм *қол жалғады* буквально означает длину руки и тоже используется в значении оказать помощь, поскольку ‘длинные руки’ *қолы ұзын* в казахском языке обозначают богатство и достаток, поэтому, чем длиннее руки, тем основательнее помощь. Напротив, в русском языке выражение *длинные руки* используется с оттенком угрозы: тот, у кого длинные руки, везде достанет и покарает. Вариант помощи находим и в английском языке: *to bear a hand* — помогать, принимать участие в работе (букв.: ‘нести руку’).

Еще одной характерной чертой фразеологизмов с компонентом *рука* является метонимическое обозначение меры — измерение длины, веса, размера. В связи с тем, что человек познает окружающий мир «от себя», большая часть народно-бытовых мер длины получила свои словесные обозначения по названию предмета, использованного в качестве измерителя, поэтому к языковым универсалиям следует отнести ФЕ с соматическими компонентами, являющимися пространственными и временными маркерами. Среди них в особую группу выделяются названия мер длины, веса, размера, связанные с антропометрическими измерителями: размах рук, ширина ладони или кулака, толщина пальца и ногтя, ступня ноги, шаг др. В казахском языке, например, это такие устойчивые сочетания, как *қол басындай* — размером с кулак, *қол созым (ұсыным) жер* — рукой подать, *қол тоқпақтай* — маленький, размером с ладонь; в тувинском языке *хол-бут бажында* — щепотка, совсем немного (букв.: ‘на кончиках пальцев’) или в пословице «*Далай дүвүнге хол четпес, таңды бажынга аргамчы четпес*» — букв.: ‘Рукой и дна моря не достанешь, вершину горы не заарканишь’¹. В английском языке мера длины выражена фразеологизмом *at hand* — близко (букв.: ‘под рукой’), а в русском подобные антропометрические измерения представлены устойчивыми сочетаниями *рукой подать*, *быть под рукой* или, наоборот, *рукой не достать*.

Как видим, даже такой фрагментарный межъязыковой анализ фразеологических единиц сопоставляемых языков дает представление о своеобразии этого специфического пласта лексики, который требует особого внимания, понимания происхождения тех или иных устойчивых выражений и способов их семантизации, перевода на другой язык в процессе любых межкультурных контактов, что становится актуальной лингводидактической задачей при обучении языкам. К возможностям решения этой задачи обратимся в методической части нашей статьи.

Стратегии формирования лингвокультурологических компетенций (на материале фразеологических единиц)

Рассмотренный нами выше лингвосемантический сопоставительный анализ ФЕ с соматическим компонентом *рука* составил основание для последующего отбора педагогических технологий, с применением которых было организовано опытное обучение магистрантов первого курса на занятиях по дисциплине «Современные проблемы лингводидактики в языковом образовании» в Южно-Казахстанском государственном педагогическом университете (Шымкент, Казахстан).

Из апробированных современных дидактических подходов им предлагалась технология лингвистических задач, призванная обеспечить познавательную активность и сформировать учебные стратегии для изучения языка и культуры. Магистрантам предстояло усвоить, что лингвистические задачи характеризуются наличием реальной предметной ситуации, познавательной проблемы, поисковых стратегий, актуальностью полученного результата для познавательной деятельности и «проживанием» определенной предметной ситуации (возможностью связать учебный опыт с реальной жизнью). В несплошной текст оформлялась классификация Н. Ф. Коряковцевой², в которой к стратегиям, связанным с языком и культурой, относятся семантические, когнитивно-концептные

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 24.

² Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии : учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. С. 67.

(лингвокультуроведческие) и лингвосистематизирующие стратегии. При этом применение проблемных лингвистических задач может варьироваться от стадии презентации языкового материала до стадии рефлексивной самооценки.

Применительно к освоению ФЕ с соматическим компонентом были разработаны и апробированы в процессе проведения занятий следующие приемы реализации семантических, лингвосистематизирующих и лингвокультуроведческих задач. Рассмотрим примеры некоторых из них.

1. Семантические задачи могут включать в себя:

— лингвосмысловой анализ ФЕ в соотношении с контекстом. Например, известный русский фразеологизм *умывать руки* в значении 'снять с себя ответственность' восходит к библейскому сюжету о Понтии Пилате, который, 'умыв руки', публично снял с себя вину за казнь Христа. Важно было обратить внимание магистрантов на тот факт, что подобный фразеологический коррелят представлен и в других рассматриваемых нами языках: в тувинском это *хол чунар* (букв.: 'мыть руку'), в английском *to wash one's hands* (букв.: 'мыть руки'), но данный фразеологизм может употребляться в тексте и как простая фраза в прямом значении 'мыть руки', и в этом случае необходим анализ всего контекста, в котором данное выражение используется;

— толкование значений ФЕ с точки зрения коммуникативной задачи говорящего, замысла автора, культурного контекста и т. д. Аналитическая работа позволила магистрантам прийти к выводу о том, что фразеологизмы и пословицы с одинаковым значением могут иметь различную эмоциональную окраску и не соответствовать ситуации общения. Например, тувинская пословица *Иитти-кошту холум билир, ижер-чирир хырным билир* ('Работу знают мои руки, еду знает мой живот') соответствует русскому *Кто не работает, тот не ест*, но если тувинская пословица звучит нейтрально, то русскому выражению форма императива придает иную, более жесткую коннотацию;

— характеристику фразеологических единиц родного и изучаемого языка по семантическим признакам и определенной коммуникативной задаче. Работа со словарями и различные способы группировки ФЕ ориентированы на развитие творческих способностей и навыков критического мышления магистрантов. ФЕ родного и изучаемого языка анализировались в процессе опытного обучения с учетом тематических групп «семья», «дружба», «любовь», по лексико-семантическим группам: «части тела», «животные», «растения», по семантическим полям, например, «движение» и проч. Поскольку ФЕ усиливают экспрессивность вербального общения как коммуникативной задачи, в отдельных заданиях магистрантам предлагалось в группировке ФЕ родного и изучаемого языков учитывать положительную и негативную оценку объектов или процессов;

— подбор эквивалентных ФЕ для решения определенной коммуникативной задачи или способы возможной интерпретации уникальных ФЕ в целях интерпретации или реконструкции текста, ситуации общения и т. д. Существующий в русском языке фразеологизм *руки чешутся* имеет аналоги и в тувинском (*холу кижиир*), и в казахском (*қолы қышыды*), но отсутствует в английском языке. В этом случае магистрантам предлагалось придумать историю, иллюстрирующую данный фразеологизм в родном языке и составить синонимичный ряд языковыми средствами английского языка: *spoiling (itching) for a fight* 'искать драки', *dying to lay hands on somebody* 'умирать от желания поднять руку на кого-либо';

— лингвистические викторины, построенные на полном или частичном смысловом совпадении ФЕ, ложных друзьях переводчика, уникальных (лакунизированных) ФЕ и др.

2. Лингвосистематизирующие задачи могут быть представлены в виде:

— группировки ФЕ по различным признакам (лексико-семантические, словарные семьи, синонимы, противоположные по значению, тематические ряды, коммуникативные задачи);

— инфографики (построение и заполнение схем, таблиц, граф, семантических карт и прочие способы визуальной семантизации на основе сплошных текстов).

Оптимальным вариантом визуальной систематизации для ФЕ является построение диаграмм Венна, или колец Венна. Этот прием, описанный Дж. Венном (Venn, 1880) и позволяющий выявить общее в двух или нескольких явлениях, был предложен для изучения фразеологизмов исследователем Р. Феррара (Ferrara 2018).

Диаграммы Венна представляют собой кольца, пересечение которых может являться совпадением в значении при сравнении нескольких языков или языковых единиц, в нашем случае, например,

синонимичные ФЕ одного языка. Например, магистрантам было предложено сделать выборку характеристик ФЕ с соматизмом *рука* на двух языках (русском и казахском, казахском и английском) и на их основании построить диаграммы Венна. В качестве образца анализировался пример характеристики соматизма «рука» в английском и тувинском языках (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Характеристики соматизма *рука* в составе ФЕ в английском и тувинском языках.

Diagram 1. Characteristics of 'hand' somatism in the composition of phraseological units in English and Tuvan languages.

Так, в данной диаграмме 1 магистранты могли наглядно проследить две совпавшие пары характеристик *кадыг* // *heavy* (твердый) в значении 'властный, решительный', хотя существует дополнительное значение 'скупой', не представленное в английском языке, и определение *чадагай* // *open* (открытый) в значении 'щедрый'. Остальные характеристики в рассматриваемых языках не пересекаются и, следовательно, требуют внимания как со стороны преподавателя, так и со стороны обучающихся.

В диаграмму Венна можно включить большее количество языков, получив убедительную мозаику, где общие черты и элементы чередуются с уникальными. Так, в русском языке к характеристике *руки* относятся определения: *большая, легкая, правая, сильная, твердая, тяжелая, руки — голые, хорошие, надежные, третьи, длинные, дырявые, золотые, загребущие*; в казахском языке *руки* *күс* 'рабочие', *қысқа* 'короткие', *қанды* 'кровавые', *арзан* 'дешевые', *жасанған* 'выкованные', *бос* 'свободные', *суық* 'холодные', *ұзын* 'длинные', *тарлық* 'узкие', *ашық* 'открытые', *жүйрік* 'быстрые'.

С учетом четырех рассматриваемых языков диаграмма Венна, представленная магистрантам в качестве образца, выглядела так (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2. Характеристики соматизма *рука* в составе ФЕ в русском, английском, тувинском и казахском языках.

Diagram 2. Characteristics of the hand somatism in the composition of the phraseological units in Russian, English, Tuvan and Kazakh languages.

В процессе построения диаграммы магистрантам предлагалось выделить семантические отличия во всех ФЕ исследуемых языков при наличии у них лексико-семантических совпадений. Так, *длинные руки / long hands* в русском и английском языках используются в значении обширных связей, влияния, отчасти угрозы, но те же длинные руки *ұзын қолы* в казахском языке свидетельствуют о богатстве.

Механизм построения диаграмм Венна осваивался магистрантами и в дальнейшей работе — в ходе поиска и создания номинативного поля концептов и концептосфер.

3. *Лингвокультуроведческие задачи*, решаемые магистрантами, включали:

- описательное, пояснительное чтение/толкование ФЕ в контексте;
- перифраз, токование смысла ФЕ другими языковыми средствами;
- составление «коллекции» любимых ФЕ, наиболее трудных для усвоения, культурнообусловленных, этноспецифических и т. п.;
- подстановка адекватных ФЕ в соответствующий контекст, в речевую ситуацию на основе лингвокультурных значений;
- конструирование речевой ситуации или речевого поведения на основе полученных знаний изучаемых фразеологизмов.

Помимо технологии лингвистических задач, направленной на формирование отдельных навыков и умений, эффективным было использование *проектных технологий*, что позволяло магистрантам собрать единую «картину мира» из разрозненных знаний о языке и культуре. Проектная технология призвана актуализировать учебно-познавательную деятельность и раскрыть личностный потенциал магистрантов. С точки зрения формирования лингвокультурологической компетенции проектная технология обеспечивает консолидацию языковых и лингвокультурных знаний в целях решения исследовательских и творческих задач. Так, проекты, связанные с изучением ФЕ, могут быть *конструктивными* (придумать игру, викторину, ведение блога или дневника), *ролевыми* (например, постановка пьесы «История одного фразеологизма»), *исследовательскими* (изучение обычаев и связанных с ними ФЕ и пословиц), а также проекты по типу *социологических* исследований (например, «Любимые пословицы и фразеологизмы моей семьи и их функционирование в изучаемом языке»), *издательские* (стенгазеты, комиксы, информационные флаеры), *ситуационный анализ* (*case-study*) и другие. Все проекты выполнялись магистрантами в рамках изучаемой культуры и языка, отдельные проекты носили межкультурный характер.

Заключение

Овладение неродным (иностраным) языком как средством реального общения в сферах общественной и профессиональной деятельности в условиях межкультурной коммуникации предполагает глубокие фоновые знания, тщательное изучение картины мира носителей изучаемого языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. д. В этом плане ФЕ являются микрофрагментами культуры, отраженными в языке. Знание и понимание фразеологизмов позволяет сложить «мозаику», увидеть архетипическую картину мира другого народа, т. е. посмотреть на мир другими глазами.

Своеобразие тувинских, казахских, русских и английских ФЕ с соматическим компонентом, являясь маркерами архетипов языкового сознания каждого этноса, во многом определяется специфическими особенностями его образа жизни — природными, географическими, климатическими, экономическими условиями, основными средствами производства, обеспечивающими его жизнедеятельность. Так, своеобразие многовекового скотоводческого уклада жизни казахского и тувинского этносов отразилось в большом количестве (по сравнению с русским и английским языками) соматических фразеологизмов: сказывается фактор широкого распространения анатомических знаний казахов и тувинцев о строении тела животных, обусловленного скотоводческим образом хозяйствования, что, на наш взгляд, отличается от обилия растительных метафор в русской фразеологии и указывает на иной уклад жизни русского этноса, ведущего в основном земледельческое хозяйство.

Вместе с тем общность строения тела человека любой расы в определенной мере объединяет представления о соматиконе (и, отчасти, о психосоматике) в архетипах сознания разных этносов, отразившихся в соматической фразеологии конкретных языков. Каждая часть тела человека (голова, рука, глаза и проч.), как и его внутренние органы (сердце, печень) является «местом обитания»

каких-либо эмоций, переживаний, ассоциируется с качественными характеристиками человека, с особенностями ментальных установок или других характерных, свойственных данному этносу явлений. Связь, устанавливаемая между внутренним органом и ментальными процессами, носит идиоэтнический характер и отражает культурно-специфические взгляды народа на тот или иной предмет/явление; при этом метафора и метонимия являются неотъемлемым средством создания образности, инструментом в языковом представлении этой взаимосвязи. Именно эти свойства следует знать и учитывать при обучении языкам: от умения идентифицировать, анализировать и уместно использовать в речи фразеологические единицы зависит знание и понимание социальных и культурных традиций представителей данного общества. Описанные методы и приемы обучения языкам и направлены на то, чтобы вырабатывать у обучаемых точное и уместное употребление фразеологических сочетаний, умение их выбирать в соответствии с контекстом ситуации общения.

Предложенная в статье дидактическая система прошла апробацию в период профессиональной практики докторанта Г. Т. Мамбетовой в Южно-Казахстанском государственном педагогическом университете, на кафедре русского языка и литературы в 2021–2022 учебном году. На заключительном этапе опытного обучения была организована система контрольных работ, составлены тестовые задания. В настоящее время обобщаются и анализируются результаты наблюдений, бесед и анкетирования, проводимых выпускниками магистратуры в условиях школы. Предварительные результаты свидетельствуют об эффективности предлагаемых подходов, поскольку использованные технологии развивают лексические навыки родного и изучаемого языков, формируют лингвокультурологическую компетенцию в области изучаемого и родного языка, вырабатывают микростратегии профессионального межкультурного взаимодействия. Сбор информации, анализ, синтез, выработка алгоритмов взаимодействия (в зависимости от дидактических целей и ситуации учебного общения) ведут к результативному обучению и, в итоге, к успешному диалогу культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская, Е. Г., Маляр, Т. Н. (2011) Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М. : ИПК МГЛУ «Рема». 180 с.
- Гальскова, Н. Д., Гез, Н. И. (2004) Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М. : Академия. 256 с.
- Дмитрюк, Н. В. (2009) Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. № 10. С. 30–34.
- Дмитрюк, Н. В. (2012) Языковое сознание: лингвокультурологические исследования. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. Germany. 238 с.
- Залевская, А. А. (2010) Вопросы теории и практики исследования двуязычия // Языковое бытие человека и этноса: Когнитивные и психолингвистические аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. М. : ИНИОН РАН ; АСОУ. Вып. 16. VI Березенские чтения. 276 с. С. 63–69.
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 107–109.
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Вопросы теории и практики. № 6 (72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 92–95.
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2021) Фразеологизмы с компонентом чурек «сердце» в тувинском и в русском языках // Мир науки, культуры, образования. № 5 (90). С. 344–346. DOI: [www.doi.org/10.24412/1991-5497-2021-590-344-346](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-590-344-346)
- Кунанбаева, С. С. (2010) Теория и практика современного иноязычного образования. Алматы : ДП Эдельвейс ; Казахский университет международных отношений и мировых языков. 344 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) Хой эьди для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Рахимжанов, К. Х., Акошева, М. К., Темиргазина, З. К. (2020) Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. № 4. С. 261–271. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.18

Саая, М., Дамбыра, И. Д., Кечил-оол, С. В. (2020) Особенности фразеологических единиц с компонентом «язык» в русском и тувинском языках в сопоставительном аспекте // Мир науки, культуры, образования. № 6 (85). С. 596-599. DOI: www.doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-596-599

Сорокин, Ю. А. (1998) Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 4, М. : Филология. 128 с. С. 34–44.

Чертыкова, М. Д. (2018) Соматические фразеологизмы как сфера соприкосновения тюркского мировидения: компонент «сердце» // Мир науки, культуры, образования. № 3 (70). С. 344–346.

Al Asadi, S. S. (2020) Intercultural Awareness and Writing through the Use of WebQuest: Iraqi Students at AlAwasat Technical University as a Case Study // Arab World English Journal (AWEJ) Special Issue on CALL. № 6. P. 379–393. DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/call6.25>

Alyeksyeyeva, I., Chaiuk, T., Kovalchuk, I., Galitska, E. (2022) Making Sense of Texts: EFL Students' Intercultural Competence and Interpretation Depth // Arab World English Journal. № 13 (1). P. 104–116. DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol13no1.7>

Byram, M. (1997) Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon, UK : Multilingual Matters. 124 p.

Chomsky, N. (1965) Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA : MIT Press. 251 p.

Cooper, Th. C. (1998) Teaching idioms // Foreign Language Annals. Vol. 31, Issue 2. P. 255–266. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1944-9720.1998.tb00572.x>

Hymes, D. H. (1972) On Communicative Competence // Pride J. B., Holmes J. (eds) Sociolinguistics: Selected Readings, Harmondsworth: Penguin. 381 p. P. 269–293.

Lennon, P. (1998) Approaches to the teaching of idiomatic language // IRAL. Vol. 36. P. 11–30.

Ferrara, R. (2018) Teaching vocabulary Focus Education. Ltd Publishing. 94 p.

Venn, J. M. A. (1880) I. On the diagrammatic and mechanical representation of propositions and reasonings // Philosophical Magazine Series. Series 5. Vol. 10. Issue 59. P. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14786448008626877>

Дата поступления: 16.07.2023 г.

Дата принятия: 22.08.2023 г.

REFERENCES

Beliaevskaia, E. G. and Maliar, T. N. (2011) *Printsipy minimizatsii interferentsii rodnogo iazyka pri obuchenii inostrannomu iazyku (kontseptual'nye struktury prostranstva i vremeni v angliiskom i russkom iazykakh) [Principles of minimizing interference of the native language in teaching a foreign language (conceptual structures of space and time in English and Russian)]*. Moscow, IPK MGLU «Rema». 180 p. (In Russ.).

Gal'skova, N. D. and Gez, N. I. (2004) *Teoriia obucheniia inostrannym iazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology]*. Moscow, Akademiia. 256 p. (In Russ.).

Dmitriuk, N. V. (2009) Frazеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса [Phraseological Somatikon as a reflection of the archetypes of the linguistic consciousness of an ethnic group]. *Voprosy psikhologicheskoi, no. 10, pp. 30–34. (In Russ.)*.

Dmitriuk, N. V. (2012) *Yazykovoe soznanie: lingvokul'turologicheskie issledovaniia [Linguistic consciousness: linguistic and cultural studies]*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. Germany. 238 p. (In Russ.).

Zalevskaia, A. A. (2010) Voprosy teorii i praktiki issledovaniia dviiazychiia [Questions of theory and practice of bilingualism research]. In: *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: Kognitivnye i psikhologicheskieskie aspekty [Linguistic existence of a person and an ethnic group: Cognitive and psycholinguistic aspects]* / ed. by V. A. Pishchal'nikova. Moscow, INION RAN; ASOU. Issue 16. VI Berezenskie chteniia. 276 p. Pp. 63–69. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Phraseological units with the component “Ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Philology. Theory & Practice, no. 9–2(63), pp. 107–109. (In Russ.)*.

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “Hand” in the Tuvan and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V., Saaia, O. M. (2021) Frazeologizmy s komponentom churek «serdtse» v tuvinskom i v russkom iazykakh [Phraseological units with churek ‘heart’ in Tuvan and Russian]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (90), pp. 344–346. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.24412/1991-5497-2021-590-344-346](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-590-344-346)

Kunanbaeva, S. S. (2010) *Teoriia i praktika sovremennogo inoazychnogo obrazovaniia [Theory and practice of modern foreign language education]*. Almaty, DP Edel'veis; Kazakhskii universitet mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovykh iazykov. 344 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, idea, social regulation [Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi e”di dlia tuvintsev. Identichnost', udobstvo, otvetstvennost' [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Moskvitheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Rakhimzhanov, K. Kh., Akosheva, M. K. and Temirgazina, Z. K. (2020) Metaforicheskoe-metonimicheskaiia interpretatsiia serdtsa v kazakhskom i tuvinskom iazykakh: vzaimodeistvie iazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: an interaction of language, anatomy and culture]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 261–271. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Saaia, M., Dambyra, I. D., Kechil-ool, S. V. (2020) Osobennosti frazeologicheskikh edinit s komponentom «iazыk» v russkom i tuvinskom iazykakh v sopostavitel'nom aspekte [Features of phraseological units with the component “language” in the Russian and Tuvan languages in a comparative aspect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (85), pp. 596–599. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-596-599>

Sorokin, Yu. A. (1998) Antropotsentriizm vs antropofiliia: dovody v pol'zu vtorogo poniatiiia [Anthropocentrism vs anthropophilia: arguments in favor of the second concept]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]* / ed. by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov. Issue 4. Moscow, Filologiiia. 128 p. Pp. 34–44. (In Russ.).

Chertykova, M. D. (2018) Somaticheskie frazeologizmy kak sfera soprikosnoveniia tiurksskogo mirovideniia: komponent «serdtse» [Somatic phraseological units as a sphere of contact of the Turkic worldview: the “heart” component]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (70), pp. 344–346. (In Russ.).

Al Asadi, S. S. (2020) Intercultural Awareness and Writing through the Use of WebQuest: Iraqi Students at AlAwasat Technical University as a Case Study. *Arab World English Journal (AWEJ) Special Issue on CALL*, no. 6, pp. 379–393. (In Russ.). DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/call6.25>

Alyeksyeyeva, I., Chaiuk, T., Kovalchuk, I. and Galitska, E. (2022) Making Sense of Texts: EFL Students' Intercultural Competence and Interpretation Depth. *Arab World English Journal*, no. 13 (1), pp. 104–116. (In Russ.). DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol13no1.7>

Byram, M. (1997) *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, UK., Multilingual Matters. 124 p.

Chomsky, N. (1965) *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA., MIT Press. 251 p.

Cooper, Th. C. (1998) Teaching idioms. *Foreign Language Annals*, vol. 31, issue 2, pp. 255–266. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1944-9720.1998.tb00572.x>

Hymes, D. H. (1972) On Communicative Competence. In: Pride J. B., Holmes J. (eds) *Sociolinguistics: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin. 381 p. Pp. 269–293.

Lennon, P. (1998) Approaches to the teaching of idiomatic language. *IRAL*, vol. 36, pp. 11–30.

Ferrara, R. (2018) *Teaching vocabulary Focus Education*. Ltd Publishing. 94 p.

Venn, J. M. A. (1880) I. On the diagrammatic and mechanical representation of propositions and reasonings. *Philosophical Magazine Series*, series 5, vol. 10, issue 59, pp. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14786448008626877>

Submission date: 16.07.2023.

Acceptance date: 22.08.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.9

Статья

Наименования женщин по брачному статусу: компонентный анализ (на материале тувинского и казахского языков)

Зифа К. Темиргазина

Павлодарский педагогический университет им. Алькея Маргулана, Республика Казахстан,

Сергей В. Николаенко

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь,

Айгерим П. Шахарман

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Республика Казахстан,

Софья Х. Апаева

Киргизский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Кыргызстан

В статье представлен компонентный анализ по лексико-семантическим группам наименований женщин на основании их брачного статуса в тувинском и казахском языках. К наиболее значимым дифференциальным семам относится хронологическое положение женщины по отношению к браку, который является точкой отсчета.

Вычленены четыре основных брачных статуса женщины, релевантных для их именования: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный статус. Они различаются с аксиологической точки зрения, которая отражает одобрение или неодобрение социума того или иного статуса женщины.

Наименования женщин в названных брачных статусах отличаются общими чертами и различиями, обусловленными общетюркскими корнями, религиозными, ритуально-обрядовыми и другими культурно-специфическими факторами. В казахском языке функционируют лексемы бэйбіше “старшая жена”, тоқал “младшая жена”, возникновение которых обусловлено исламом с его традициями многоженства. Эти лексемы являются безэквивалентными единицами в тувинском языке.

Ключевые слова: наименование женщины; брачный статус; тувинский язык; казахский язык; компонентный анализ

Для цитирования:

Темиргазина З. К., Николаенко С. В., Шахарман А. П., Апаева С. Х. Наименования женщин по брачному статусу: компонентный анализ (на материале тувинского и казахского языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 124-138. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.9>

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета имени Алькея Маргулана. Адрес: 140005, Казахстан, г. Павлодар, ул. Олжабая батыра, д. 60. Эл. адрес: zifakakbaevna@mail.ru

Николаенко Сергей Владимирович — доктор педагогических наук, профессор, декан факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Адрес: 210038, Беларусь, г. Витебск, Московский проспект, д. 33. Эл. адрес: ns-lk@mail.ru

Шахарман Айгерим Пишембайкызы — докто наук (PhD), ассоциированный профессор кафедры казахского языка и журналистики Павлодарского университета имени С. Торайгырова. Адрес: 140008, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, д. 64. Эл. адрес: prsgo@psru.kz

Апаева Софья Хусейновна — доктор наук (PhD), ассоциированный профессор, Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына. Адрес: 720001, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Манаса, 64. Эл. адрес: apayeva.sofya@mail.ru

Names of women by marital status: component analysis (based on the Tuvan and Kazakh languages)

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,

Siarhei V. Nikalayenka

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Republic of Belarus,

Aigerim P. Shakharman

S. Toraighyrov Pavlodar University, Republic of Kazakhstan,

Sofia Kh. Apaeva

Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Kyrgyzstan

The article presents a component analysis of lexico-semantic groups of women's names based on their marital status in the Tuvan and Kazakh languages. One of the most significant differential semes is the chronological position of a woman in relation to marriage, which serves as a reference point.

Four primary marital statuses of women, relevant to their naming, are identified: pre-marital, marital, post-marital, and extra-marital statuses. These statuses vary from an axiological perspective, reflecting society's approval or disapproval of a woman's particular status.

The names of women in these marital statuses share common features and differences, influenced by Turkic roots, religious, ritualistic, and other culturally specific factors. In the Kazakh language, there are lexemes such as "bäybışe" (elder wife) and "toqal" (junior wife), whose emergence is related to Islam and its traditions of polygamy. These lexemes do not have equivalent units in the Tuvan language.

Keywords: women's name; marital status; Tuvan language; Kazakh language; component analysis

For citation:

Temirgazina Z. K., Nikalayenka S. V., Shakharman A. P. and Apaeva S. Kh. Naimenovaniia zhenshchin po brachnomu statusu: komponentnyi analiz (na materiale tuvinskogo i kazakhskogo iazykov) [Names of women by marital status: component analysis (based on the Tuvan and Kazakh languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 124-138. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.9>

TEMIRGAZINA, Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor, Higher School of Humanities of Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University. Postal address: 60 Olzhabaya Batyr St., 140005, Pavlodar, Kazakhstan. Email: zifakakbaevna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3399-7364

NIKALAYENKA, Siarhei Vladimirovich, Doctor of Pedagogy, Professor, Dean, Faculty of Humanities and Language Communications, Vitebsk State University named after P. M. Masherov. Postal address: 33 Moskovsky prospect, 210038, Vitebsk, Belarus. Email: ns-lk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7749-6671

SHAKHARMAN, Aigerim Pshembaykyzy, PhD, Associate Professor, Department of Kazakh Language and Journalism, Toraighyrov University. Postal address: 64 Lomov St., 140008, Pavlodar, Kazakhstan. Email: nrsgo@pspu.kz

ORCID ID: 0000-0002-3649-2735

APAeva, Sofia Khuseinovna, PhD, Associate Professor, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University. Postal address: 720001, Kyrgyzstan, Bishkek, st. Manasa, 64. Email: apaeva.sofya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8145-8579

Введение

Брак относится к наиболее устойчивым законно оформленным супружеским отношениям традиционной культуры любого народа, обеспечивающим жизненный цикл и воспроизводство этноса. В нем сохраняются реликты древних обычаев и ритуалов, которые находят отражение в их языковом окружении. Поэтому важной лингвистической задачей является исследование лексико-семантических групп (ЛСГ), связанных с представлениями о браке, поскольку это позволяет более полно реконструировать ранние формы семейно-общественного быта, социально-этических норм, паттернов поведения женщин и мужчин, их статуса относительно института брака. Понятие статус определяется как «устойчивое положение внутри социальной системы, связанное с определенными ожиданиями, правами и обязанностями» (Джери Д., Джери Дж., 1999: 294). Человек может иметь несколько социальных статусов по разным параметрам, из которых брачный статус представляется одним из определяющих и важнейших для него.

Цель статьи — осуществить сопоставительный анализ групп наименований женщин на основании их брачного статуса в тувинском и казахском языках с применением метода компонентного анализа лексического значения указанных наименований. Тувинский и казахский языки — родственные, тюркские; они имеют одинаковую морфологическую структуру — агглютинативную.

Несмотря на общее тюркское родство, разность культур и религий отражается в семантике рассматриваемых нами лексических единиц. Анализ позволяет установить специфические черты номинации женщин по отношению к такому важному социокультурному явлению, как брак, выявить безэквивалентные наименования и уникальные семы в лексическом значении. В лексико-семантическую группу входят имена существительные, субстантивированные прилагательные и причастия, а также описательные и устойчивые словосочетания с семантикой брачного статуса женщины.

В кочевой тюркской культуре брак не просто означал союз двух людей — мужчины и женщины, это был долговременный союз двух родов, к которым принадлежали семьи невесты и жениха. Иными словами, важным фактором оказывались социально-родовые, религиозные параметры семей, заключающих брачный союз (см.: Арғынбаев, 1973; Ламажаа, Майны, 2020; Юша, 2020).

Брачные и семейные традиции тувинцев изучались преимущественно с этнографической, исторической и социологической точек зрения в работах Д. Каррутерса (Каррутерс, 2002), Н. П. Дыренковой (Дыренкова, 1926), Л. П. Потапова (Потапова, 1969), С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1980), И. С. Тарбастаевой (Тарбастаева, 2010), С. С. Субботина (Субботин, 2016), Е. В. Айыжы (Айыжы, 2017), Ж. М. Юши (Юша, 2020), З. Ю. Доржу, Л. А. Даш (2020) и др.

Основной вклад в историко-этнографическое исследование казахской семьи и брака внес Х. А. Арғынбаев (Арғынбаев, 1973, 1974). Описание традиционных форм брака казахов, а также изменения, произошедшие с браком и семьей у казахов в советскую эпоху, представлены детально ученым Х. А. Арғынбаевым в работе «Традиционные формы брака у казахов» (Арғынбаев, 1989). Кроме этого, развитие семейно-брачных отношений в Казахстане были исследованы А. Жакиповой (Жакипова, 1971), М. М. Усеновой (Усенова, 1986), И. В. Стасевич (Стасевич, 2009, 2011 и др.¹). Формы семьи у казахских кочевников и полукочевников рассмотрены В. П. Курылевым (Курылев, 1995); условия вступления в брак в обычном праве казахов анализировала В. В. Фоминых².

Лингвистическое изучение брачных традиций осуществлялось гораздо реже. Так, например, Л. К. Хертек изучил устойчивые формулы и терминологию тувинской свадебной обрядности (Хертек, 2008); Л. С. Кара-оол анализировала лексику традиционных досвадебных, свадебных, послесвадебных обрядов в тувинском языке (Кара-оол, 2007, 2015, 2020); З. Темиргазина, К. Рахимжанов и др. рассмотрели лингвосомиотические особенности семьи и брака на материале казахских свадебных тостов (Temirgazina et al., 2022); К. Б. Жумашева детально изучила лексикографическую репрезентацию понятия *айел* 'женщина' в оппозиции *айел* 'женщина' — *еркек* 'мужчина' (Жумашева, 2022).

¹ Стасевич И. В. Статус вдовы в культуре казахов и киргизов: на основе материалов XIX — начала XX века: дисс. ... канд. ист. н. Санкт-Петербург. 2005.

² Фоминых В. В. Условия вступления в брак в обычном праве казахов [Электронный ресурс] // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. 2016. Вып. 4: Правовые проблемы образования и общества. С. 43–49. URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/05/Вестник-4-2016.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

Специальных работ, посвященных сравнительному анализу в каком-либо аспекте тувинских или казахских названий женщин в зависимости от брачного статуса, мы не обнаружили.

Источники материала для исследования носят лексикографический характер. Названия женщин по их отношению к браку отобраны из тувинско-русского словаря Э. Р. Тенишева¹, казахских словарей К. Бектаева и др.² В ЛСГ наименований женщин по брачному статусу входят 33 наименования: 16 — тувинских, 17 — казахских.

Основной метод, применяемый в исследовании, — компонентный анализ лексического значения слов и их сопоставительный анализ.

Компонентный анализ основан на ранжировании сем — минимальных семантических элементов лексического значения слова. Рассмотрим их применительно к указанной ЛСГ. При компонентном анализе лексического значения слов выделяются интегральные семы (ИС), имеющие объединяющий группу наименований характер; дифференциальные семы (ДС), позволяющие отличать подгруппы слов друг от друга, и уникальные семы (УС), которые отличают слова друг от друга (Алефиренко, 2005: 282–283). К интегральным семам, объединяющим названные наименования, относится сема женского пола. К дифференциальным семам, важным для компонентного анализа, относятся семы, характеризующие хронологическое положение женщины по отношению к браку, определяющее ее статус, и возраст женщины.

Наименования женщин добрачного периода

Интегральная сема «женский пол» присутствует в лексическом значении всех слов, входящих в ЛСГ (Temirgazina, Albekova, Kurmanova, 2021). Важной дифференциальной семой является компонент, обозначающий хронологию положения женщины по отношению к браку. Мы считаем необходимым вычленив следующие хронологические этапы: добрачный, брачный, послебрачный и внебрачный. Детализируем их.

Добрачный период — это время, когда девушка вообще готовится к браку как таковому: находится на выданье либо уже находится в шаге от заключения брака, просватана или помолвлена, т. е. имеет жениха. Брачный период — это время, когда женщина находится в браке, имеет мужа. К послебрачному этапу мы отнесли статус женщины, находящейся в разводе, и вдовы. Их объединяют семы «после брака» и «отсутствие мужа».

Мы также сочли необходимым вычленив статус «вне брака», который имеют женщины, перешагнувшие брачный возраст, но никогда не состоявшие в браке.

Еще одной релевантной для нашего анализа выступает сема «возраст», которая характеризует готовность женщины к брачным отношениям, и поэтому он особенно значим для добрачного статуса. В добрачном состоянии возраст определяется не только физиологической готовностью женщины к вступлению в брак (Temirgazina, Khamitova, Orazalinova, 2016), но и культурным фактором — существующими в обществе социокультурными брачными стереотипами и паттернами.

Распределение 32-х наименований женщин по языкам в соответствии с брачными периодами следующим образом:

Названия женщин брачного периода

Таблица 1 демонстрирует, как наименования женщин брачного периода представлены в тувинском и казахском языках в количественно-качественном соотношении.

¹ Тувинско–русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968.

² т. Жалпы ред. басқарған А. Ысқақов. Құраст. Ғ. Қалиев және т.б. Алматы, 2011; Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 9 т. Жалпы ред. басқарған А. Ысқақов. Құраст. Ә. Ыбырайым және т.б. Алматы, 2011; Электронды қазақша-орысша түсіндірме сөздік [Электронный ресурс] // Электронды қазақша-орысша түсіндірме сөздік. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/> (дата обращения: 02.03.2023); Бектаев Қ. Сөздік. Алматы: Алтын Қазына, 2007.

Таблица 1. Распределение по количеству наименований в связи с брачным периодом

Table 1. Distribution by the number of names in connection with the mating period

Язык / Брачное положение	Добрачное положение	Брачное положение	Послебрачное положение	Внебрачное положение
Тувинский язык	4	2	6	4
Казахский язык	5	7	3	2
Всего по группам	9	9	9	6
Всего в ЛСГ 33				

Далее результаты исследования будут представлены в соответствии с выделенными нами выше хронологическими этапами брачного состояния женщины. В таблице 2 показаны наименования женщин, имеющих добрачный статус, и представлен их компонентный анализ.

Таблица 2. Компонентный анализ наименований женщин до брака

Table 2. Component analysis of the names of women before marriage

№	Тувинский язык	Казахский язык
1	кыс 'девушка' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) ДС — «в брачном возрасте» 4) УС — «готовая к браку, на выданье»	кыз 'девушка' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) ДС — «в брачном возрасте» 4) УС — «готовая к браку, на выданье»
2	уруг 'девушка' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) ДС — «в брачном возрасте» 4) УС — «готовая к браку, на выданье»	
3	разг. назы четкен кыс / уруг 'достигшая совершеннолетия, готовая к замужеству, на выданье' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) УС — «достигшая брачного возраста» 4) УС — «готовая к браку, на выданье»	бойжеткен 'достигшая брачного возраста, готовая к замужеству, девица на выданье' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) УС — «достигшая брачного возраста» 4) УС — «готовая к браку, на выданье»
4		оң жақтағы кыз 'достигшая брачного возраста' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) УС — «достигшая брачного возраста»
5	душтук 'невеста' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) ДС — «в брачном возрасте» 4) УС — «имеющая жениха»	қалыңдық 'невеста' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) ДС — «в брачном возрасте» 4) УС — «имеющая жениха»
6		қаралы кыз 'невеста, у которой умер жених, успев посетить ее' 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «до брака» 3) ДС — «в брачном возрасте» 4) УС — «жених умер» 5) УС — «успел посетить ее»

Сема возраста имеет особое значение именно для данной подгруппы, поскольку устанавливает возраст, когда женщина может выйти замуж.

В исторических документах содержится следующая информация о брачном возрасте мужчины и женщины в обычном казахском праве:

«Брачный возраст для мужчин наступал с достижением совершеннолетия, т. е. 15 лет. Так, эпический персонаж Козы Корпеш отправился разыскивать нареченную, достигнув пятнадцатилетнего возраста. При хане Тауке был определен и брачный возраст для женщин — 16 лет. Стремление установить более поздний брачный возраст для женщин вызывалось спецификой хозяйственно-бытовых отношений: от женщины требовалась «большая степень умственной и физической зрелости», ибо на нее падали «все заботы по хозяйству и тяжесть домашних работ»¹.

Е. В. Айыжы писала о том, что брачный возраст тувинцев в более ранние периоды и в XIX веке отличался от современных представлений: «Девушек выдавали замуж в возрасте 16–18 лет, иногда 14–15 лет. [...] По бытовым меркам готовые для брака “жених” и “невеста” должны были быть физически крепкими, работающими, почтительными к старшим людям» (Айыжы, 2017: 62).

Несомненно, что сегодня брачный возраст молодых казахов и тувинцев изменился и начинается в соответствии с законом с 18 лет (см.: Кодекс Республики Казахстан, разд. 2, гл. 3, ст. 10, пункт 1²; Семейный кодекс Российской Федерации, разд. 2, гл. 3, ст. 13, пункт 1³).

В тувинском языке используются два общеупотребительных наименования для обозначения девушки, достигшей брачного возраста: *кыс* и *уруг*. Лексема *кыс* общетюркского происхождения, ср. с казахским: *кыз*. Она содержит, кроме лексико-семантического варианта (ЛСВ) «девушка, девица» и ЛСВ «дочь», также ЛСВ, обозначающий особь женского пола у животного, самку и женские цветки у растения. См.: «*кыс* 1) девушка, девица; молодая женщина // девичий; женский; *кыс уруг* девочка; 2) дочь // дочерний; *мээң кызым* моя дочь; ср. *уруг*; 3) особь женского пола, самка; *кыс анай* козленок-самка, козочка; *кыс хой* овца, овцематка; *үңүштерниң кыс чечектери* женские цветки у растений»⁴.

Кыс, в отличие от слова *уруг*, имеет более четкую гендерную ориентированность — женскую. *Уруг* обозначает ребенка вообще без указания пола, указание на пол осуществляется добавлением слов *кыс* 'девочка' или *оол* 'мальчик' (о детях в социокультурной жизни тувинцев см. подробнее в: Ламажаа, 2021: 65–67). Тем не менее многозначное имя существительное *уруг* имеет ЛСВ со значением 'девушка'. См.: «*уруг* 1) ребенок; *кыс уруг* девочка; *оол уруг* мальчик; *уруглар* детвора, дети, ребята // детский, ребячий; *уруглар яслизи* детские ясли; *уруглар сады* детский сад; 2) девочка; 3) девушка// девичий, девический; 4) дочь // дочерний; *бистиң улуг уруувус* наша старшая дочь; ср. *кыс*»⁵.

Еще одна группа тувинских и казахских выражений указывает на такой важный параметр, как достижение девушкой брачного возраста: в тув. *назы четкен кыс / уруг* — дословно 'достигшая возраста', в каз. *бойжеткен* — дословно 'достигшая роста'. Как мы видим, в казахском выражении речь идет о росте (*бойы*) девушки: визуальный признак роста девушки метафорически ассоциируется с ее брачным возрастом.

Специфическое казахское идиоматическое выражение *оң жақтағы қыз*⁶, называющее совершеннолетнюю девушку, дословно переводится 'девушка на правой стороне'. Выражение основано на ритуально-символическом значении понятия *оң* ('правый') в казахской культуре. Для мусульман понятие «правый» является символом ритуальной чистоты, поэтому именно правой рукой можно приветствовать человека, брать еду, касаться «чистых» частей тела⁷. Казахское выражение *қаралы*

¹ Материалы по казахскому обычному праву / под общ. ред. С. З. Зиманова. Алматы: Жеті жарғы, 1998. С. 323.

² Кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518> (дата обращения: 17.07.2023).

³ Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 17.07.2023).

⁴ Тувинско–русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 202.

⁵ Там же. С. 296.

⁶ Электронды қазақша-орысша түсіндірме сөздік [Электронный ресурс] // URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/оң%20жақтағы%20қыз/> (дата обращения: 02.03.2023)

⁷ Хмиляр О. Ф. Язык руки как символический код общения: историко-психологический аспект [Электронный ресурс] // Психология в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, Реноме. 2013. С. 18 // Молодой ученый. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/109/4469/> (дата обращения: 12.03.2023).

қыз со словарной пометой этн. имеет значение «невеста, у которой умер жених, успев посетить ее (по старому обычаю она надевала траур, распускала косы)»¹. Она соблюдала траур в течение года как полноправная жена. *Қаралы қыз* дословно переводится как ‘черная невеста, невеста в трауре’. Это выражение восходит к специфическим свадебно-обрядовым традициям казахов, на которых основаны паттерны поведения девушки.

Тувинское существительное *душтук* называет девушку, которая собирается выйти замуж — *өгленир деп турар кыс*. В словаре лексема гендерно не маркирована и может обозначать в зависимости от контекста невесту или жениха: «1) жених; ухажёр; 2) невеста»². Казахская лексема *қалыңдық* гендерно маркирована и имеет значение: «невеста; просватанная девушка»³.

В таблице 3 представлен компонентный анализ слов и выражений, называющих женщин в браке:

Таблица 3. Компонентный анализ наименований женщин в браке
Table 3. Component analysis of the names of women in marriage

№	Тувинский язык	Казахский язык
1	ж. <i>кадай</i> ‘жена’ 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «в браке» 3) ДС — «в брачном возрасте и старше» 4) УС — «имеющая мужа»	<i>әйел</i> ‘жена’ 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «в браке» 3) ДС — «в брачном возрасте и старше» 4) УС — «имеющая мужа»
2		<i>зайып</i> ‘супруга; жена’; 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «в браке» 3) ДС — «возраст после 13–20 лет и старше» 4) УС — «имеющая мужа»
3		<i>қатын</i> ‘жена, баба’ 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «в браке» 3) ДС — «в брачном возрасте и старше» 4) ДС — «имеющая мужа» 5) УС — «пренебрежительное отношение»
4		<i>жұбай</i> ‘супруга’ 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «в браке» 3) ДС — «в брачном возрасте и старше» 4) ДС — «имеющая мужа»
5	<i>ашактыг</i> ‘замужняя’ 1) ИС — «пол женский» 2) ДС — «в браке» 3) ДС — «в брачном возрасте и старше» 4) УС — «имеющая мужа»	

¹ Электронды қазақша-орысша түсіндірме сөздік [Электронный ресурс] // URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/қаралы%20қыз/> (дата обращения: 02.03.2023).

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 128.

³ Бектаев Қ. Сөздік. Алматы, Алтын Қазына. 2007. С. 271.

6		<p><i>келіншек</i> ‘молодая жена’, ‘недавно вышедшая замуж’</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «в браке»</p> <p>3) ДС — «в брачном возрасте»</p> <p>4) УС — «недавно вышедшая замуж»</p>
7		<p><i>бэйбіше</i> ‘старшая/ первая жена’</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «в браке»</p> <p>3) ДС — «от 13–20 лет и старше»</p> <p>4) УС — «первая жена»</p>
8		<p><i>тоқал</i> ‘младшая жена’</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «в браке»</p> <p>3) ДС — «в брачном возрасте»</p> <p>4) УС — «младшая жена»</p>

У тувинского слова *кадай* в словаре имеется несколько значений: «1) жена, супруга; 2) старуха, старая (пожилая) женщина; 3) разг. баба; *Калбак кезек от чуду, харам кадай өг чуду* посл. ‘Толстое полено огонь гасит, скупая хозяйка дом срамит’; *кадай кылып алыр* ‘взять в жёны’»¹.

Казахское наименование *эйел* обозначает жену, а также обобщенное понятие «женщина»². И. В. Стасевич говорит об изменениях в брачном статусе казахских женщин и достижении ими почетного статуса *эйел*:

«Девушки сохраняют свой статус *кыз* до замужества и только после брака приобретают статус *келіншек* — замужней женщины. К 25 годам женщина должна показать родне мужа, на что она способна в домашнем хозяйстве, как воспитывает детей и уважает стариков. И если она соответствует традиционным нормам, то приобретает статус *эйел*» (Стасевич, 2011: 122).

Брачный статус жены, супруги обозначается также специализированным моносемантическим словом *зайып*³. Эта лексема в современном казахском языке малоупотребительна. *Жұбай* — гендерно не маркированное название: «один из супружеской пары; супруг; супруга»⁴. Гендерная маркировка наименования устанавливается в контексте. Стилистически сниженная разговорно-просторечная лексема *қатын* ‘жена’ содержит негативно-оценочную пренебрежительную коннотацию⁵, аналогичную русскому слову *баба*. Заметим, что эта коннотация присутствует и в тувинском слове *кадай* в его 3-м ЛСВ, который помечено в словаре как разг. (см. выше).

В тувинском языке функционируют субстантивированные прилагательные *ашактыг* (букв. ‘имеющая мужа’), *өглүг* (букв. ‘имеющая юрту’) со значением ‘замужняя’⁶. В казахском языке недавно вышедшую замуж молодую женщину называют *келіншек*, в этом слове актуализируются семы ‘недавно’ и ‘молодая’. Необходимо отметить наличие в казахском языке слов *бэйбіше* ‘старшая жена’, *тоқал* ‘младшая жена’, являющихся безэквивалентными в тувинском языке. Появление этих слов обусловлено религиозными традициями казахов. Как известно, ислам допускает многоженство, соответ-

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 153.

² Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық, 2 т. Жалпы ред. басқарған А. Ысқақов. Құраст. Ғ. Қалиев және т.б. Алматы, 2011. С. 393.

³ Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық, 9 т. Жалпы ред. басқарған А. Ысқақов. Құраст. Ә. Ыбырайым және т.б. Алматы, 2011. С. 393.

⁴ Бектаев Қ. Сөздік. Алматы, Алтын Қазына, 2007. С. 207.

⁵ Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық, 9 т. Жалпы ред. басқарған А. Ысқақов. Құраст. Ә. Ыбырайым және т.б. Алматы, 2011. С. 473.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 43, 240.

ственно, в языке возникают наименования жен, в значении которых выражается их супружеский статус в зависимости от очередности, старшинства. У тувинцев, исповедующих шаманизм, а с середины XVIII века — и буддизм, института многоженства не было.

Слова, обозначающие женщин в послебрачном периоде

Далее в таблице 4 показаны результаты анализа названий женщин в послебрачном периоде.

Таблица 4. Компонентный анализ наименований женщин в послебрачный период

Table 4. Component analysis of the names of women in the post-marital period

№	Тувинский язык	Казахский язык
1	<p><i>башкаланган</i> 'разведенная'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате развода»</p>	<p><i>ажырасқан</i> 'разведенная'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате развода»</p>
2	<p><i>чандырган / чандыржырган</i> 'разведенная'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате развода»</p> <p>6) УС — «пренебрежительное отношение»</p>	<p><i>айырылысып кеткен</i> 'разведенная'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате развода»</p>
3	<p><i>ж. дулгуяк</i> 'вдова'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате его смерти»</p>	<p><i>жесір</i> 'вдова'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате его смерти»</p>
4	<p><i>ж. ашаа өлген кижги</i> 'вдова'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «после брака»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) ДС — «лишившаяся мужа»</p> <p>5) УС — «в результате его смерти»</p>	
5	<p><i>ж. ашаа түр чораан кижги</i> 'жена, живущая без мужа' («соломенная вдова»)</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «в браке»</p> <p>3) ДС — «от брачного возраста и старше»</p> <p>4) УС — «с временно отсутствующим мужем»</p>	

Сочетание *ажырасқан* (*эйел*) словообразовательно связано с глаголами *ажырасу*, *ажырау*, которые в казахском языке имеет первичное значение 'раздвинуть, разъединить, раздробить на составные части, разлепить'¹ (см. также: Рахимжанов, Акошева, Темиргазина, 2020). Именно на этом прямом значе-

¹ Бектаев Қ. Сөздік. Алматы, Алтын Қазына. 2007. С. 28.

нии глаголов с идеей разъединения, раздробления основано переносное значение «разводиться». Также обстоит дело с выражением *айырылыстып кеткен (эйел)*, которое связано с глаголами *айыру, айырылысу*, имеющими в казахском языке первичное значение ‘разделить, разделиться’¹.

В тувинском языке значение «разведенная» у субстантивированного причастия *башкаланган* также является метафорическим и связано с прямым значением глаголов «отделяться, размежевываться», см. в словаре: *башкаланыр / башкалан** / возвр.-страд. от *башкала** (см. *башкалаар*) 1) *отделяться, обособляться, изолироваться, размежевываться*; 2) *разводиться (о супругах)*². Однако еще одно тувинское название разведенной женщины *чандырган* связано не с идеей разъединения, размежевания, а с семантикой возврата, т. е. возвращения жены обратно к отцу как непригодного объекта вещи и бросанием ее. См. в словаре значения глагола: *чандырар /чандыр*/* понуд. от *чан** (см. *чанар*) 1) *отправлять домой*; 2) *возвращать (взятое взаймы)*; *артыын чандырар давать сдачу (остаток)*; *кадай чандырар развестись с женой, бросить жену* (букв. *возвратить жену обратно домой*)³. Соответственно, в этой номинации разведенной женщины присутствует коннотативная сема пренебрежительного отношения к женщине, которая основана на денотативной семантике исходного глагола возврата вещи.

Вдова обозначается в тувинском и казахском языке однословными единицами: *дулгуяк* и *жесір*. Принадлежность к женскому полу может подчеркиваться в казахском языке добавлением слова с семантикой «женщина» — *жесір әйел*, в тувинском языке — употреблением в слове пометы *ж.* к слову *дулгуяк*. Лексема *дулгуяк* гендерно не маркируется, словообразовательно и семантически она связана со словом *дулгу* «цельный, неразрезанный (напр., о снятой шкуре); *дулгу ыжык опухоль*»⁴. В тувинской культуре муж и жена воспринимались как единое целое, поэтому они, например, во время прихода нового года (Шагаа) не дарили друг другу подарки, чтобы не допустить раздора в семье (Субботин, 2016: 162). Вдовство (женщины или мужчины), соответственно, рассматривалось как разрушение целого, разрезанного на части.

В тувинском языке также функционирует описательное словосочетание *ашаа өлген киж* со значением «вдова», дословно ‘женщина, у которой умер муж’. Слово *киж* ‘человек’ в тувинском языке гендерно не маркировано, значение пола контекстно обусловлено либо обозначается пометами в словаре. Оно употребляется как лексически опустошенное: «в сочетании с существительными, обозначающими национальность, возраст, профессию и т. п., а также в составе сказуемого не переводится: *тыва киж* — *тувинец, тувинка*»⁵. В тувинском языке функционирует идиома *ашаа түр чораан киж* (‘жена, живущая без мужа’), которая используется для шуточного обозначения женщины, у которой временно отсутствует муж⁶. В казахском языке идиома не имеет эквивалента.

Наименования женщин, находящиеся вне брака

Результаты анализа последней подгруппы ЛСГ «наименования женщин, находящихся вне брака» показаны в таблице 5.

В тувинских наименованиях незамужних женщин *бот, бот киж, бот херээжен*⁷ употребляется местоимение *бот* ‘сам / сама’, в котором акцентируется единоличность индивидуума и в некоторой степени его оторванность от социума. Это связано с традиционными стереотипами и паттернами тувинского общества, в котором незамужняя женщина *дулгуяк-кадай* вызывает осуждение: «Статус *дулгуяк-кадай* в семье был крайне низким, поэтому девушки старались обязательно выйти замуж. Считалось позором, если уже взрослая, но незамужняя дочь оставалась жить в родительском доме» (Доржу, Даш, 2020: 60). Далее исследователи пишут о том, что «существовало мнение, что женщина осталась без мужа, без семьи не столько из-за своей внешности, сколько из-за сварливого характера и неуживчивости» (там же).

¹ Там же. С. 35.

² Тувинско–русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 57.

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Аналогично русской идиоме *соломенная вдова* «женщина, не живущая с мужем или находящаяся во временной разлуке с ним (перевод с немецкого *Strohwitwe*)». См.: Тихонов А. Н., Ломов А. Г., Ломова Л. А. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык — Медиа, 2007. С. 267.

⁷ Тувинско–русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 74.

Таблица 5. Компонентный анализ наименований женщин, находящихся вне брака
Table 5. Component analysis of the names of women who are out of wedlock

№	Тувинский язык	Казахский язык
1	<p><i>бот</i> 'незамужняя'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «не имеющая мужа»</p>	<p><i>бойдақ</i> 'незамужняя'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «не имеющая мужа»</p>
2	<p><i>бот херээжен</i> 'незамужняя, одинокая женщина'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «не имеющая мужа»</p>	
3	<p><i>ж. ашак чок</i> 'незамужняя'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «не имеющая мужа»</p>	
4	<p><i>дулгуюк-кадай</i> 'старая дева'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «намного превышающий»</p>	<p><i>кәрі қыз</i> 'старая дева'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «намного превышающий»</p>
5	<p><i>оонге кырып калган уруг</i> 'старая дева'</p> <p>1) ИС — «пол женский»</p> <p>2) ДС — «вне брака»</p> <p>3) ДС — «возраст, превышающий общепринятый брачный возраст»</p> <p>4) УС — «намного превышающий»</p>	

В казахской идиоме *кәрі қыз* 'старая дева' акцентируется возрастной признак женщины, причем на самом деле ее реальный возраст может быть достаточно молодым. Речь идет прежде всего о превышении брачного возраста, и довольно существенном — начиная от нескольких лет до десяти-двадцати лет. Как мы полагаем, эта идиома является калькой с русского фразеологизма *старая дева*¹.

Несомненно, что у всех тюркских народов этические нормы закрепляли паттерны, поддерживающие демографическое поведение мужчин и женщин, способствующие выживанию и сохранению этноса. Соответственно, безбрачие рассматривалось как нарушение этих норм и паттернов. Женщина, не состоящая в браке, несмотря на наступление и превышение брачного возраста, воспринимается как ущербная. У казахов «традиционно статус незамужних женщин («старых дев») в обществе достаточно низок. Их жалеют, так как у них нет своих семей и детей, редко приглашают в гости и на семейные торжества» (Стасевич, 2011: 125). Более того, у тувинцев с ними связаны некоторые предубеждения и опасения: «Старую деву называли *оонге кырып калган уруг* ('в юрте состарившаяся женщина'), или *эр-даа албас, эрлик-даа албас* ('даже парень не берет, даже черт не берет'). Во время рождения ребенка или при проведении свадебного обряда таких людей и ныне стараются не приглашать или же не сажать на почетное место в юрте» (Айыжы, 2017: 63).

¹ Тихонов А. Н., Ломов А. Г., Ломова Л. А. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык — Медиа, 2007. С. 62.

Заключение

Проведенный анализ наименований брачного статуса казахских и тувинских женщин показал, что самым значимым дифференциальным семантическим признаком в ЛСГ выступает положение женщины, обусловленное временем по отношению к браку: до брака, во время брака, после брака и вне брака. Точкой отсчета является брак как естественное, социально одобряемое событие у тюркских народов, имеющих кочевое прошлое, в котором женщине отводились важные хозяйственно-экономические, культурные и генетические функции. В соответствии с этим статус женщины по отношению к браку обладает различным аксиологическим весом в социокультурном пространстве тюркских народов.

Большой позитивной ценностью характеризуется добрачный статус, когда девушка готовится к полноценной роли хозяйки, жены и матери. Семья оберегает ее, готовит к новой социальной роли. Для наименований добрачного статуса женщин существенным параметром является понятие «брачный возраст», который зависит от физиологических и социокультурных факторов. Эта подгруппа ЛСГ в тувинском и казахском языке характеризуется положительной коннотацией.

Брачный статус женщины относится к социально ожидаемым и одобряемым явлениям, для названий женщин в браке типична позитивная коннотация. Подгруппа слов, называющих женщин в послебрачный период, с аксиологической точки зрения разделена на две части: слова, называющие вдову, имеют эмоционально-положительную коннотацию; слова, именующие разведенную женщину, обладают в большей степени негативной коннотацией.

Резко отрицательной коннотацией, в которой проявляется осуждение обществом, обладают наименования женщин вне брачного статуса. В казахском и тувинском обществе существуют предубеждения против безбрачия как нарушения социальных ожиданий семьи. Женщинам, не вступившим в брак, приписываются негативные мистические свойства, их могут связывать с демоническими силами (Субботин, 2016: 162).

Необходимо отметить, что в современном тувинском и казахском обществе меняется отношение к брачному статусу женщины, в том числе к женщинам вне брака, изменилось понятие «брачный возраст», особенно у самой молодежи. Тем не менее традиционные семейные и брачные ценности все еще значимы. Исследователь пишет об этом: «Как показала статистика опросов, для казахской женщины приоритетными остаются семейные ценности» (Стасевич, 2011: 180). Этот тезис, как мы полагаем, является актуальным и для тувинских женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айыжы, Е. В. (2017) Тувинцы России, Монголии и Китая: формы семьи и брака // Вестник Калмыцкого гуманитарного института РАН. Т. 29. Вып. 1. С. 58–66. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66>
- Алефиренко, Н. Ф. (2005) Спорные проблемы семантики. М. : Гнозис. 326 с.
- Арғынбаев, Х. А. (1973) Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу) [Семья и брак у казахского народа (историко-этнографический обзор)]. Алматы : Ғылым. 328 б. (Н каз. яз.).
- Арғынбаев, Х. А. (1974) Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // Советская этнография. № 6. С. 69–78.
- Арғынбаев, Х. А. (1989) Традиционные формы брака у казахов // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. В. Н. Басилов, Р. Г. Кузеев. Нукус : Каракалпакстан. 272 с. С. 244–259.
- Вайнштейн, С. И. (1980) Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / ред. И. С. Гурвич. М. : Наука. 240 с. С. 26–30.
- Джерри, Д., Джерри, Дж. (1999) Большой толковый социологический словарь : в 2 т. М. : «Вече»-АСТ. Т. 2. 544 с.
- Доржу, З. Ю., Даш, Л. А. (2020) Положение «дулгуюк-кадай» в традиционной культуре тувинцев (вторая половина XIX — начало XXI в.) // Oriental Studies. Т. 13. № 1. С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-55-63>
- Дыренкова, Н. П. (1926) Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / под ред. В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберга. Ленинград : Изд. Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий. Вып. 1. 266 с. С. 247–259.
- Жакипова, А. (1971) Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан. 180 с.

Жумашева, К. Б. (2022) Қазақ тіліндегі «еркек — әйел» бинарлы оппозициясының лексикографиялық репрезентациясы [Лексикографическая репрезентация бинарной оппозиции «мужчина — женщина» в казахском языке] // Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ Хабаршысы. “Филология ғылымдары” сериясы. № 1 (64). С. 43–57. (На каз. яз.) DOI: <https://doi.org/10.48371/PHLS.2022.64.1.004>

Кара-оол, Л. С. (2007) Лексика традиционного свадебного обряда в тувинском языке // Казань и алтайская цивилизация. 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция г. Казань, 1–6 июля 2007 г.: Труды и материалы / под общ. ред. З. Г. Нигматова. Казань : Идел-пресс. 264 с. С. 99–101.

Кара-оол, Л. С. (2015) Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке // Урал-алтайские исследования. № 4 (19). С. 17–31.

Кара-оол, Л. С. (2020) Лексика традиционных послесвадебных обрядов в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.12>

Каррутерс, Д. (2002) Неведомая Монголия // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 103–109.

Курылев, В. П. (1995) О формах семьи у казахских кочевников и полукочевников и у некоторых других тюрко-монгольских народов (конец XIX – начало XX в.) // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана / отв. ред. В. П. Курылев. СПб. : МАЭ РАН. 252 с. С. 140–170.

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. № 13(2). С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.

Рахимжанов, К., Аकोшева, М., Темиргазина, З. (2020) Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. № 4. С. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Стасевич, И. В. (2009) Брак и семья у казахов в конце XIX — начале XXI в.: время и традиция // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Вып. II / отв. ред. Р. Р. Рахманов, М. Е. Резван. СПб. : МАЭ РАН. 396 с. С. 93–111.

Стасевич, И. В. (2011) Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. : Наука. 202 с.

Субботин, С. С. (2016) Тувинская семья и ее функции. Традиции и инновации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных наук Российской Академии наук. Т. 28. Вып. 6. С. 159–171. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>

Тарбастаева, И. С. (2010) Тувинская семья: традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 2. С. 259–267.

Усенова, М. М. (1986) Семья и религия. Алма-Ата : Мектеп. 254 с.

Хертек, Л. К. (2008) Устойчивые формулы и терминология свадебной обрядности тувинцев // Эртем бижиктери [Учёные записки] / отв. ред. М. В. Бавуу-Сюрюн. Кызыл : ТывГУ. Вып. II. 174 с. С. 80–91.

Юша, Ж. М. (2020) Виды традиционного брака у тувинцев Китая в начале XXI в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. № 10. С. 149–152. DOI: <https://doi.org/10.37386/2687-0592-2020-10-149-152>

Temirgazina, Z., Khamitova, G., Orazalinova, K. (2016) Didactic Features of a Learner’s English-Russian Dictionary of Biology // Development Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. № 7(2). P. 317–326.

Temirgazina, Z., Albekova, A., Kurmanova, Z. (2021) One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in Comparison with Russian and English // Przegląd Wschodnioeuropejski. Vol. XII. № 2. P. 459–475. DOI: <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

Temirgazina, Z., Rakhimzhanov, K., Akosheva, M., Luczyk M., Kulumzhanov, N., Shakhman, A., Zuldubaeva, R. (2022) Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication // Metaphor and the Social World. Vol. 12. № 1. P. 270–291. DOI: <https://doi.org/10.1075/msw.19019.tem>

Дата поступления: 14.06.2023 г.

Дата принятия: 17.07.2023 г.

REFERENCES

- Aiyzhy, E. V. (2017) Tuvans of Russia, Mongolia and China: Forms of Family and Marriage. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, vol. 29, issue 1, pp. 58–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66>
- Alefrenko, N. F. (2005) *Spornyye problemy semantiki [Controversial problems of semantics]*. Moscow, Gnosis. 326 p. (In Russ.).
- Argynbaev, Kh. A. (1973) *Kazak khalkyndağy sem'ya men neke (tarikhi-etnografiyalyk sholu) [Family and marriage of the Kazakh people (historical and ethnographic review)]*. Almaty, Gylym. 328 p. (In Kaz.).
- Argynbaev, Kh. A. (1974) Svad'ba i svadebnyye obryady u kazakhov v proshlom i nastoyashchem [Wedding and wedding ceremonies among the Kazakhs in the past and present]. *Sovetskaya ethnographya*, no. 6, pp. 69–78. (In Russ.).
- Argynbaev, Kh. A. (1989) Traditsionnyye formy braka u kazakhov [Traditional forms of marriage among the Kazakhs]. In: *Ethnic history and traditional culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Ed. by V. N. Basilov and R. G. Kuzeev. Nukus, Karakalpakstan. 272 p. Pp. 244–259. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1980) Tuvinty [Tuvans]. In: *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniia) [Family rituals of the peoples of Siberia (comparative study experience)]* / ed. by I. S. Gurchich. Moscow, Nauka. 240 p. Pp. 26–30. (In Russ.).
- Jerry, D. and Jerry, J. (1999) *Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar' [Big explanatory sociological dictionary]* : in 2 vols. Moscow, Veche, AST. Vol. 2. 544 p. (In Russ.).
- Dorzhu, Z. Yu. and Dash, L. A. (2020) [Status of Dulguayak-Qadai in Tuvan Traditional Culture: Mid-19th to Early 21st Centuries.] *Oriental Studies*, no. 13(1), pp. 55–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-55-63>
- Dyrenkova, N. P. (1926) Rod, Klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnyye normy u altaitsev i teleut. [Genus, classification system of kinship and marriage norms among Altaians and Teleuts]. In: *Materialy po svad'be i semeinorodovomu stroyu narodov SSSR*. Ed. by V. G. Bogoraz and L. Ya. Shternberg. Leningrad, Izd. Komissii po ustroistvu studencheskikh ehtnograficheskikh ehkskursii. Issue 1. 266 p. Pp. 247–259. (In Russ.).
- Zhakipova, A. (1971) *Razvitiye semeyno-brachnykh otnosheniy v Kazakhstane [Development of family and marriage relations in Kazakhstan]*. Alma-Ata, Kazakhstan. 180 p. (In Russ.).
- Zhumasheva, K. B. (2022) Kazak tilindegi “erkek — ayel” binarly oppositsiasynyn leksikografiyalyk representatsiasy [Lexicographic Representation of the Binary Opposition “Man and Woman” in the Kazakh Language]. *Abylaykhan atyndagy KazKhK zhane ATU Khabarshysy. “Philology of Gylymdary” series*, no. 1(64), pp. 43–57. (In Kaz.). DOI: <https://doi.org/10.48371/PHILS.2022.64.1.004>
- Kara-ool, L. S. (2007) Leksika traditsionnykh svadebnykh obriadov v tuvinskom iazyke [Vocabulary of the traditional wedding ceremony in the Tuvan language]. In: *Kazan' i altaiskaia tsivilizatsiia. 50-ia ezhegodnaia mezhdunarodnaia nauchnaia altaicheskaia konferentsiia g. Kazan', 1–6 iulia 2007 g. [Kazan and Altai civilization. 50th annual international scientific altaic conference Kazan, July 1–6, 2007]: Proceedings and materials*. Ed. by Z. G. Nigmatova. Kazan, Idel-press. 264 p. Pp. 99–101. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2015) Leksika traditsionnykh predsvadebnykh obriadov v tuvinskom iazyke [Vocabulary of pre-wedding ceremonies in the Tuvan language]. *Ural-Altai studies*, no. 4 (19), pp. 17–31. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2020) Leksika traditsionnykh poslesvadebnykh obriadov v tuvinskom iazyke [Traditional post-wedding ceremonial vocabulary in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.12>
- Karruters, D. (2002) Nevedomaya Mongoliya [Unknown Mongolia]. In : *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka)*. Comp. by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 224 p. Pp. 103–109. (In Russ.).
- Lamazhaa. C. K. and Mainy. S. B. (2020) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii [Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation]. *Oriental Studies*, no. 13(2), pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Lamazhaa Ch. K. (2021) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' Views on Children: Changes of the Attitudes in Socio-cultural Transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>
- Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the folk life of Tuvans]*. Moscow, Nauka. 401 p. (In Russ.).

Rakhimzhanov, K., Akosheva, M., and Temirgazina, Z. (2020) Metaforicheskoye-metonimicheskaya interpretatsiya serdtsa v kazakhskom i tuvinskom yazykakh: vzaimodeystviye yazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and metonymic interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: interaction of language, anatomy and culture]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 261–271. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Stasevich, I. V. (2009) Brak i sem'ia u kazakhov v kontse XIX — nachale XXI v.: vremia i traditsiia [Marriage and family among Kazakhs in the late XIX — early XXI century: time and tradition]. In: *Tsentral'naia Aziia: Traditsiia v usloviakh peremen [Central Asia: Tradition in the Face of Change]*. Issue II / ed. by R. R. Rakhmanov and M. E. Rezvan. St. Petersburg, MAE RAN. 396 p. Pp. 93–111. (In Russ.).

Stasevich, I. V. (2011) *Sotsial'nyy status zhenshchiny u kazakhov: traditsii i sovremennost'* [The social status of a woman among the Kazakhs: traditions and modernity]. St. Petersburg, Nauka. 202 p. (In Russ.).

Subbotin, S. S. (2016) Tuvinskaya semya i yeye funktsii. Traditsii i Innovatsii [The Tuvan Family and its Functions. Traditions and Innovations]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, vol. 28, issue 6, pp. 159–171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>

Tarbastaeva, I.S. (2010) Tuvinskaya sem'ya: traditsii i sovremennost' [Tuvan family: traditions and modernity]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 259–267. (In Russ.).

Usenova, M.M. (1986). *Sem'ya i religiya [Family and religion]*. Alma-Ata, Mektep. 254 p. (In Russ.).

Khertek, L.K. (2008) Ustoychivyye formuly i terminologiya svadebnoy obryadnosti tuvintsev [Stable formulas and terminology of wedding rituals of Tuvans]. In: *Ertem bizhikteri (Scientific notes)*. Ed. by M.V. Bavuu-Surun. Kyzyl, TuvSU. Issue II. 174 p. pp. 80–91. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2020) Vidy traditsionnogo braka u tuvintsev Kitaya v nachale XXI v. [Types of Traditional Marriage among the Tuvans of China at the Beginning of the 21st Century]. *Ethnography of Altai and adjacent territories*, no. 10, pp. 149–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37386/2687-0592-2020-10-149-152>

Temirgazina, Z., Khamitova, G., and Orazalinova, K. (2016) Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology. *Development Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, no. 7(2), pp. 317–326.

Temirgazina, Z., Albekova, A., and Kurmanova, Z. (2021) One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in Comparison with Russian and English. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, vol. XII, no. 2, pp. 459–475. DOI: <https://doi.org/10.31648/pw.6876>

Temirgazina, Z., Rakhimzhanov, K., Akosheva, M., Luczyk M., Kulumzhanov, N., Shakharman, A., and Zuldubaeva, R. (2022) Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication. *Metaphor and the Social World*, vol. 12, no. 1, pp. 270–291. DOI: <https://doi.org/10.1075/msw.19019.tem>

Submission date: 14.06.2023.

Acceptance date: 17.07.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.10

Статья

Категория памяти по данным русского и тувинского языков

Ирина А. Арсеньева, Наталья В. Поморцева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Елена М. Куулар

Государственное бюджетное научное учреждение Министерства образования Республики Тыва

«Институт развития национальной школы», Российская Федерация,

Ольга В. Шеверина

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,

Республика Беларусь

Статья посвящена описанию наиболее продуктивных метафорических моделей категории память и языковых средств её выражения в русском и тувинском языках. Исследование проведено в рамках теории концептуальной метафоры. Цель исследования заключается в установлении метафорических моделей категории память и описании языковых средств её выражения в тувинском и русском языках. Объектом исследования являются слова и словосочетания, используемые для выражения категории память. В виду того, что в тувинском языке слово память отсутствует, а близкими по значению выступают слова «баш», «угаан», «угаан-бодал», «медел» (рус. 'голова', 'ум', 'рассудок', 'сознание'), в данной работе принят термин «категория», позволяющий сравнить ментальную лексику памяти исследуемых языков. Являясь генетически неродственными и типологически разнотипными языками, они демонстрируют этноспецифические особенности концептуализации ментальной лексики памяти носителями указанных языков наиболее ярко. Материалом для исследования послужили лексикографические источники.

В настоящей работе описаны различные метафорические модели памяти и проведён сравнительный анализ лексических средств выражения описанных моделей в русском и тувинском языках, например: память – вместилище (рус. «держать в памяти» и тув. «сактып алыр» / разг. «башка тудар» 'помнить' – букв. хранить / держать в голове); рус. «рыться в памяти» и тув. «баш иштин касканнаар» 'копаться в голове') и т. д. В завершении исследования сделаны выводы об этноспецифических друг по отношению к другу особенностях представления категории память, например: память – вертикальное вместилище («осело в памяти» 'запомнилось', «всплыло в памяти» 'вспомнилось') и др. в русской языковой картине мира; «баш дыдык таар дег болган» / «баш үттүг-таар болган» 'память испортилась' (букв. 'голова стала дырявой как мешок из холста, который употребляется для процеживания кислого молока при изготовлении творога') и др. в тувинской языковой картине мира.

Ключевые слова: категория памяти; языковая картина мира; метафора; русский язык; тувинский язык

Работа выполнена в рамках темы № 202802–2–000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).

Для цитирования:

Арсеньева И. А., Поморцева Н. В., Куулар Е. М., Шеверина О. В. Категория памяти по данным русского и тувинского языков // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.10>

Арсеньева Ирина Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 3 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 3. Эл. адрес: arsenyeva-ia@rudn.ru

Поморцева Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка №3 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 3. Эл. адрес: pomortseva-nv@rudn.ru

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, директор Института развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва. Адрес: Россия, 667001, г. Кызыл, ул. Рабочая, д. 2. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

Шеверина Ольга Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций, заведующий кафедрой германской филологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Адрес: Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, пр-т Московский, 33. Эл. адрес: olsheverinova@yandex.ru

Memory category according to the Russian and Tuvan languages

Irina A. Arsenyeva, Natalia V. Pomortseva

RUDN University, Russian Federation,

Elena M. Kuular

Institute for the Development of the National School
of the Ministry of Education of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Olga V. Sheverinova

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Republic of Belarus

The article is dedicated to delineating the most productive metaphorical models within the memory category and the linguistic modalities employed for its articulation in both Russian and Tuvan languages. The study is conducted within the theoretical framework of conceptual metaphor. The objective of the research is to ascertain the metaphorical models intrinsic to the memory category and to elucidate the linguistic mechanisms underpinning their expression in the Tuvan and Russian linguistic contexts. The focus of the investigation is directed towards lexical items, encompassing both individual words and phrases, that are utilized in the articulation of the memory category. Due to the absence of a dedicated term for “memory” in the Tuvan language, with semantically proximate substitutes such as “bash”, “ugaan”, “ugaan-bodal”, and “medel” (Russian equivalents: head, mind, intellect, consciousness), the nomenclature “category” is adopted herein to facilitate a comparative analysis of the mental lexicon pertaining to memory across the two languages. Despite their genetic dissimilarity and typological structural variance, these languages manifest ethnically specific characteristics in the conceptualization of the mental lexicon associated with memory among their respective speakers. The primary source material for this inquiry consists of lexicographic references.

The narrative delineates diverse metaphorical models of memory and undertakes a comparative scrutiny of lexical expressions encapsulating these models in both Russian and Tuvan languages. Illustrative instances include the conceptualization of memory as a receptacle, as evidenced in Russian idioms like “derzhat’ v pamiati” and their Tuvan equivalents, such as “saktyp alyr” or colloquially “bashka tudar” signifying ‘to remember’ – literally translating to ‘to hold in the head’. Analogously, comparisons are drawn between Russian expressions like “ryt’sia v pamiati” and Tuvan phrases like “bash ishtin kaskannaar” conveying ‘to dig in the head’, among others. The concluding segment of the study synthesizes observations regarding ethnospecific idiosyncrasies inherent in the representation of the memory category. Instances include the conceptualization of memory as a vertical repository, elucidated through Russian linguistic constructs like “oselo v pamiati” (‘imprinted in memory’) and “vsplylo v pamiati” (‘surfaced in memory’). A parallel is drawn with Tuvan linguistic expressions such as “bash dydyk taar deg bolgan” or “bash üttüg-taar bolgan” signifying ‘memory has become damaged’ – literally denoting ‘head has become perforated like a canvas bag used for straining sour milk in making cottage cheese’.

Keywords: memory category; linguistic conceptualization; metaphor; Russian language; Tuvan language

The work was carried out within the framework of the topic № 202802-2-000 “Linguocultological study of the communicative reality of modern Russia” (the Program of strategic academic leadership of the RUDN “Priority-2030”).

For citation:

Arsenyeva I. A., Pomortseva N. V., Kuular E. M. and Sheverinova O. V. Kategoriia pamiati po dannym russkogo i tuvinskogo iazykov [Memory category according to the Russian and Tuvan languages]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 139-152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.10>

ARSENIEVA, Irina Albertovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language No. 3, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 3, 117198, Moscow, Russia. Email: arsenyeva-ia@rudn.ru ORCID ID: 0000-0002-3990-781X

POMORTSEVA, Natalia Vladimirovna, Doctor of Pedagogy, Head, Department of Russian Language No. 3, Institute of the Russian Language, Peoples’ Friendship University of Russia. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 3, 117198, Moscow, Russia. Email: pomortseva-nv@rudn.ru ORCID ID: 0000-0003-4224-8138

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Director, Institute for the Development of the National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva. Postal address: 2 Rabochaya St., 667001, Russia, Kyzyl. Email: kuular-e-m@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-4351-6547

SHEVERINOVA, Olga Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of Humanities and Language Communications, Head, Department of Germanic Philology, Vitebsk State University named after P. M. Masherov. Postal address: 33 Moskovsky Ave., 210038, Vitebsk, Republic of Belarus. Email: olsheverinova@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-0699-2368

Введение

Исследования семантики категории памяти в русском языке проводились многими учёными (Кубрякова, 1991; Туровский, 1991; Апресян, 1995; Ревзина, 2006; Брагина, 2007; Бондарева, 2009; Йомдин, 2010; Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012; и др.). Данное исследование наиболее продуктивных метафорических моделей категории памяти и языковых средств её выражения в русском и тувинском языках проведено в рамках метода концептуального анализа, а именно в рамках теории концептуальной метафоры. Концептуальная метафора определяется как ментальный инструмент для структурирования действительности (Лакофф, Джонсон, 1990: 387), как понимание абстрактной области опыта в терминах конкретной области, как систематический набор соответствий между двумя областями опыта (Kövecses, 2017: 13–27).

Цель исследования заключается в установлении метафорических моделей категории памяти и описании языковых средств её выражения в русском и тувинском языках. Объектом исследования является лексика русского и тувинского языков, а именно слова и словосочетания, используемые для выражения, в том числе метафорического, категории памяти. В виду того, что в тувинском языке слово «память» отсутствует, а близкими по значению выступают слова *баиш*, *угаан*, *угаан-бодал*, *медел* (соотв. 'голова', 'ум', 'рассудок', 'сознание'), в данной работе исследуется категория памяти, выражающая способность хранить и воспроизводить информацию, в русском и тувинском языках.

Являясь генетически неродственными и типологически разнотипными языками, анализируемые языки ярко демонстрируют этноспецифические особенности концептуализации ментальной лексики памяти носителями русского и тувинского языков и «отражают фоновые знания, качественное содержание которых зависит от совокупности природно-географических, исторических, социально-экономических, политических, культурных и иных условий жизни языкового коллектива» (Киселева и др., 2022: 245). Принципиальная особенность в том, что в тувинском языке нет наименования, обозначающего способность хранить информацию, в противоположность русскому языку, содержащему такое слово (память). В тувинской лингвокультуре способность хранить информацию описывается таким наименованием, как *баиш* 'голова', обозначающий орган тела, в котором локализируются умственные возможности человека, а также разум, умственные, когнитивные способности: *угаан* 'рассудок', *угаан-бодал* 'ум', *медел* 'сознание'. Этот факт представляет несомненный интерес для лингвистов (и не только для них). И именно поэтому, в данной работе принят термин «категория» (памяти), позволяющий сравнить ментальную лексику памяти исследуемых языков.

Под термином «языковая картина мира» понимается продукт сознания мыслительно-языковой деятельности, возникающий в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. При этом метафора рассматривается как один из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира (Телия, 1988).

Для достижения поставленной цели было решено ряд задач:

- в рамках теории концептуальной метафоры представлена система ментальной лексики памяти по данным русского и тувинского языков и описаны различные метафорические модели памяти;
- проведён сравнительный анализ лексических средств выражения описанных метафорических моделей памяти в русском и тувинском языках.

В процессе данного исследования авторы использовали такие лексикографические источники, как: толковые и фразеологические словари русского и тувинского языков¹, а также произведения русской и тувинской художественной литературы². Также информантом являлся Хертек Эрес Михайлович,

¹ По русскому языку: Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов; 1935–1940; по тувинскому языку: Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1969.

² Тока С. Араттың сөзү. Проза чогаалдары, шии. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019; Донгак Э. Л. Роман, повесть. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019; Суван Ш. М. Киж-Бүрүс: тоожу. Кызыл: Тываполиграф, 2010; Серен-оол В. «Хээлиг истер». Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1989; Куулар Ш. Баглааш. Кызыл, 2002. Т. I.

1958 г.р., чабан, житель Монгун-Тайгинского района Республики Тыва (работа с ним велась с 15 по 18 марта 2023 г., в с. Мугур-Аксы).

Система ментальной лексики памяти

«Среди слов, характеризующих духовную жизнь человека, слово *память*, несомненно, занимает особое место» (Кубрякова, 1991: 86; курсивом выделено в источнике. — Авт.). Память рассматривается в качестве одной из основных систем, «из которых складывается человек», наряду с другими системами, такими как желания, эмоции, речь и др. (Апресян, 1995: 42).

Согласно теории концептуальной метафоры, при метафоризации абстрактные существительные представляются в виде конкретных, что является следствием свойства человеческого мозга находить соответствия между конкретными и абстрактными объектами, между материальными и духовными сущностями (Арсеньева, 2022: 31–41). Так, по данным русского языка *память* представляется как *вместилище* (*хранить в памяти, рыться в памяти, извлекать из памяти* и т. п.) (Апресян, 2001: 14), т. е. как место для хранения, накопления, удаления доступа, поиска, извлечения и восстановления информации. *Вместилище* — ‘место, вмещающее в себя что-л., помещение, предназначенное для содержания в нём чего-л.’¹. «Обороты *память чувств / сердца / слова* и т. п. начинают цепь представлений о ней как об определённом *вместилище, хранилище, кладовой* и даже *складе*, и, пожалуй, именно концепт ЛОС становится главным для конструкций в обыденной речи» (Кубрякова, 1991: 87; курсивом выделено в источнике. — Авт.). Метафора «память — вместилище» конкретизирует метафору более высокого общего уровня *ментальные состояния — вместилища*, которая отражается, например, в таких русских выражениях, как: *быть в твёрдой памяти, быть в своём уме, быть в полном недоумении* и т. п.

Исследования семантики слова *память* позволяют представить память не просто как вместилище, а более конкретно, как, например, большой чемодан, или чулан, в котором хранятся «отпечатки» личного опыта (Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012); как словарь, библиотека, каталожные карточки, мусорный бак или сундук с барахлом (Голикова, 2011), как «ящик в голове» (Ревзина, 2006: 22), расположенный «в задней части головы, в темени», и этот факт отличает *память* от *мысли*, локализующейся в передней части головы, во лбу, и от *желаний*, локализующихся в сердце: «Память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце» (там же: 23); как библиотеку: «Действия, связанные с памятью, описываются такими предикатами, как *хранить в памяти — извлекать из неё, присутствовать в памяти — отсутствовать в ней, удерживать в памяти — не удерживать* [...]. Именно это осмысление служит мотивом для сравнения памяти с библиотекой, и Аристотелю принадлежит мысль о том, что обращение к памяти равносильно поиску нужного тома книги» (Кубрякова, 1991: 87). «Подсистема *памяти* (ср. *зрительная (слуховая) память, образная память, цепкая (фотографическая) память, короткая (девичья) память, память сдаёт* и т. п.) обслуживается органом, который тоже называется памятью (ср. *врезаться в память, хранить в памяти, восстановить в памяти, извлечь из памяти* и т. п.)» (Апресян, 1995: 48).

Метафорическая модель *память — вместилище, позволяющее хранить информацию*. Метафору *память — вместилище* можно представить более детально, а именно как *память — вместилище для хранения (хранить в памяти)*: память представляется как некая «кладовая-хранилище информации» (Кубрякова, 1991: 87); как некий резервуар, наполненный объектами из пережитого опыта, из прожитой жизни; как вместилище для хранения мыслей и впечатлений; как «большой чемодан или чулан, в котором хранятся «отпечатки» личного опыта» (Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012: 506): *хранить в памяти (в сердце, в душе* и т. п.) — ‘никогда не забывать’².

Такие характеристики памяти, как хранение, фиксация, потеря, уничтожение, поиск, извлечение и восстановление информации описывают глаголы памяти. Их семантическая аналогия основана на метафорической сфере обладания: *помнить — иметь, забыть — потерять, вспомнить — найти, вспоминать — искать, находить* (см.: Туровский, 1991). Например, семантика глагола **помнить** метафорически связана со сферой обладания: когда человек *помнит* что-либо, он как бы «обладает» этим объектом (Кюсева, Киммельман, 2019: 120–134): метафорически *помнить — обладать информацией*.

¹ Вместилище [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/в/вместилище> (дата обращения: 05.09.2023).

² Хранить [Электронный ресурс] // Энциклопедиум. URL: https://enc.biblioclub.ru/Termin/1205608_HRANIT (дата обращения: 05.09.2023).

Помнить — ‘удерживать в памяти, не забывать’¹. В ситуации, обозначаемой глаголом *помнить*, её участник не иницирует и не контролирует своё состояние, тем самым выступая в роли экспериенцера (Храковский, 2016: 11). Толкование лексики *помнить* может быть следующим: «X помнит Y» = «X обладает информацией Y в своей памяти»².

Метафорическая модель *память — вместительница, позволяющее фиксировать информацию* (человек выступает в роли агенса, активного участника ситуации³). Данное представление о памяти связано с семантикой глаголов *запоминать / запомнить*. Ситуация, описываемая глаголом *запоминать*, представляет собой энергозатратный процесс, полностью контролируемый человеком-агентом и требующий от него определённых усилий по закреплению и фиксации в памяти какой-л. информации. Рабочее толкование глагола *запоминать* может быть следующим: «X запоминает Y» = «X старается закрепить, зафиксировать информацию Y в своей памяти». Ситуация, описываемая глаголом *запомнить*, представляет собой результат энергозатратного процесса по закреплению и фиксации в памяти какой-л. информации, полностью контролируемого человеком-агентом. *Запомнить* — ‘сохранить, удержать в памяти’⁴. Рабочее толкование глагола *запомнить* возможно следующее: «X запомнил Y» = «X закрепил, зафиксировал информацию Y в своей памяти». Приставка *за-* в глаголе *запомнить* имеет не начинательное значение, а значение «фиксировать» (Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012: 490). Словообразовательная модель глагола *запомнить* состоит из приставки *за* и глагола *помнить* и имеет значение ‘действием закрепить’.

Метафорическая модель *память — вместительница, позволяющее фиксировать информацию* (человек выступает в роли экспериенцера). Данное представление о памяти связано с семантикой глагола *запомниться*. Глагол *запомниться* описывает результат процесса по закреплению и фиксации в памяти какой-л. информации без участия воли человека-экспериенцера. *Запомниться* — ‘сохраниться, удержаться в памяти кого-л.’⁵ Толкование глагола *запомниться* может быть следующим: «Y запомнился X-у» = «Информация Y закрепились, зафиксировались в памяти X-а».

Метафорическая модель *память — вместительница, допускающее потерю доступа к информации* (при забывании). Потеря (уничтожение) доступа к информации при забывании может происходить разными путями: путём *заслонения, сокрытия* от глаз, путём *стирания, сглаживания* рельефа или путём *вычёркивания* из памяти написанного, напечатанного.

Представление о потере (уничтожении) доступа к информации при забывании путём *заслонения, сокрытия* от глаз связано непосредственно с семантикой и словообразовательной моделью глаголов *забывать / забыть*. «Отпечатки» личного опыта, хранящиеся в памяти, лежат одни *под* другими: с самого верха, в максимальной доступности, находятся те их них, которыми человек пользуется ежедневно. Чуть поглубже, т. е. *заслонённая, покрытая* другими, более новыми отпечатками *бытия*, лежит какая-то несколько менее тривиальная информация. И уж совсем в глубине — вещи, которыми мы почти никогда и даже вовсе никогда не пользуемся, т. е. те, о которых мы *забыли*. «Другими словами, то, что человек *помнит*, и то, что человек *забыл*, находится в одном и том же *вместительнице*» (Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012: 489). «Внутренняя форма глагола *забыть* соотносит его с той же словообразовательной моделью, которая реализована, например, в глаголах: *засыпать* <яму песком>, *заштопать* <дырку>, *замолить* <грех>, *запить* <горе вином> и т. п. [...] Иными словами, русский глагол *забыть* означает: ‘бытием (т. е. процессом жизни) уничтожить [образ в сознании]’» (там же: 489). Глагол *забыть* имеет значение ‘перестать помнить, утратить воспоминания о ком-, чём-л.’⁶. Каждый прожитый

¹ Помнить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/п/помнить> (дата обращения: 05.09.2023).

² Данные условные обозначения приводятся в рамках лингвистической теории семантических примитивов — естественного семантического метаязыка. Здесь: X — человек, Y — информация. Далее в подобных формулах эти буквы означают то же.

³ Агенса — участник ситуации, иницирующий осуществление действия с другим участником ситуации, в соответствии с собственным желанием, волевой и целевой установкой.

⁴ Запомнить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/з/запомнить> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Запомниться [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/з/запомниться> (дата обращения: 05.09.2023).

⁶ Забыть [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/з/забыть> (дата обращения: 05.09.2023).

день, каждое пережитое событие заслоняет собой прошлую жизнь, закрывает собой прошедшее бытие; с течением времени всё переживаемое, прожитое, то, что бывает и то, что было, человек постепенно забывает. Когда человек забывает информацию, он теряет доступ к ней; и снова обретает доступ к ней, когда вспоминает. Информация, раз оставшаяся в памяти, никуда не девается; при забывании человек теряет не информацию, а «путь» к ней (Туровский, 1991). Таким образом, толкование слова **забыть** может выглядеть следующим образом: «X забыл Y» = «X потерял доступ к информации Y в своей памяти».

Представление о потере (уничтожении) доступа к информации при забывании без участия воли человека-экспериментатора путём **стирания, сглаживания** рельефа описывается словосочетанием *стереться из памяти: стереться — перен. ‘исчезнуть, изгладиться’*¹. Представление о потере (уничтожении) доступа к информации при забывании путём **вычёркивания** из памяти написанного, напечатанного, при котором человек выступает в роли агенса, описывается фразеологизмом *вычеркнуть из памяти* — ‘забыть, перестать думать о ком-, чем-л.’ (ср. *вычеркнуть из своей жизни* — ‘считать для себя несуществующим’)².

Метафорическая модель **плохая, слабая память — вместилище с отверстиями, провалами**. Память имеет способность портиться, приходить в негодность, становиться плохой. Плохую память характеризует нарушение ясности восприятия. Плохая и слабая память у человека метафорически представляется как вместилище с отверстиями, дырами или провалами: дыра — ‘щель, пролом, пустота в чем-л.; отверстие’³. Подобные проблемы с памятью в русском языке обозначаются также словосочетанием *провалы в памяти: провалить* — ‘обрушить внутрь’⁴.

Метафорическая модель **память — вместилище, позволяющее искать и находить информацию** (человек выступает в роли агенса). Представление о памяти как о вместилище, внутри которого существует возможность искать, находить и восстанавливать информацию, связано с семантикой глаголов **вспоминать / вспомнить**, обозначающих процесс и результат поиска нужного объекта среди множества других: *вспомнить* — ‘восстановить, возобновить в памяти’⁵. *Вспоминая*, человек возвращается мыслью к прошлому и тем самым снова *обретает* информацию. Таким образом, доступ к информации, потерянный при забывании, может быть восстановлен усилиями самого человека при вспоминании (Туровский, 1991: 94). Ситуация, описывающая процесс поиска информации в памяти с человеком в роли агенса, описывается также словосочетаниями *рыться в памяти, копаться в памяти, перебирать в памяти, перебирать воспоминания, искать в памяти*. В данном контексте *память* представляется как хранилище с чем-то рыхлым или сыпучим, наваленным в одном месте, ср. «память как сундук с барахлом, кошелёк, мусорный бак» (Бондарева, 2009: 70–78). *Рыться* — ‘разрывать, раскапывать что-л. рыхлое, сыпучее; копаться’⁶. *Перебрать* — ‘разбирая одно за другим, поочередно, пересмотреть всё, многое’⁷. *Разобрать* — ‘приводя в порядок, рассортировать, отделить одно от другого’⁸. Метафорически ситуация, когда человек вспоминает что-либо, представляется так, как если бы он разрывал, раскапывал что-л. рыхлое, сыпучее; разбирал это одно за другим, поочередно, не спеша; приводил в порядок, сортировал. Толкование слова **вспоминать** может быть следующим: «X вспоминает Y» = «X ищет в памяти информацию Y».

¹ Стереться [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/c/стереться> (дата обращения: 05.09.2023).

² Вычеркнуть [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/v/вычеркнуть> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Дыра [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/d/дыра> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴ Провалить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/p/провалить> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Вспомнить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/v/вспомнить> (дата обращения: 05.09.2023).

⁶ Рыться [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/p/рыться> (дата обращения: 05.09.2023).

⁷ Перебрать [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/p/перебрать> (дата обращения: 05.09.2023).

⁸ Разобрать [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/p/разобрать> (дата обращения: 05.09.2023).

Процесс и результат восстановления доступа к информации, происходящие независимо от воли человека-экспериментатора, описываются с помощью глаголов **вспоминаться** / **вспомниться** и словосочетаний *всплывать* / *всплыть в памяти*. *Вспомниться* — ‘прийти на память, восстановиться в памяти’¹. Толкование глагола **вспоминаться** может быть следующим: «Информация Y вспоминается X-у» = «Информация Y восстанавливается в памяти X-а».

Словосочетания *всплывать* / *всплыть в памяти* позволяют метафорически представить процесс и результат восстановления доступа к информации в памяти, происходящие независимо от воли человека, непроизвольно, как направленное движение снизу вверх: *всплыть* — 2. *перен.* (обычно в сочетании со словами: в памяти, в сознании, в голове и т. д.) ‘вспомниться, возникнуть’². Выражения *всплывать* / *всплыть в памяти* подтверждают существование такой метафорической модели памяти, как вертикальность (*память — вертикальное вместилище*). Процесс и результат самопроизвольного восстановления доступа к информации метафорически выглядит как движение вверх: *всплыть* — ‘подняться из глубины воды на поверхность’³. Иными словами, то, что вспомнилось, возникло в памяти, метафорически как бы поднялось из глубины на поверхность: «вертикальная» метафора памяти, согласно которой забытое находится «в глубине», а то, что мы помним, «на поверхности», подкрепляется, в том числе, таким выражением как <нечто> *всплыло в памяти* (Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2012: 488). Выражения *из глубины памяти*, *в глубине памяти* свидетельствуют о метафорической модели памяти как о вместилище, обладающем характеристикой глубины (*память — глубокое вместилище*).

Метафорическая модель **память — вместилище, позволяющее восстанавливать доступ к информации воздействием внешнего фактора**. Если в ситуации, связанной с глаголами *помнить*, *запомнить*, *вспомнить* выступает один участник, то в ситуации с глаголами **напоминать**, **напомнить** участников как минимум два: внешний фактор (одушевлённый или неодушевлённый) воздействует на человека-экспериментатора, восстанавливая в его памяти доступ к информации. «Доступ к информации может быть обретен благодаря какому-либо внешнему воздействию, что обозначается в языке глаголом *напомнить*» (Туровский, 1991: 94). Глагол *напомнить* имеет значение ‘привести на память что-л., заставить вспомнить о ком-, чем-л.’⁴.

В обыденной речи слово *память* становится синонимом слова **воспоминания** (Кубрякова, 1991: 88). *Воспоминания* представляют собой дискретные формы — «частицы памяти» (там же) и имеют количественный признак: *множество воспоминаний, много воспоминаний, масса воспоминаний, многочисленные воспоминания*.

Метафорическая модель **возникновение многочисленных воспоминаний, сменяющих друг друга, — это быстрое движение жидкости потоком, струей**, описывается словосочетаниями *воспоминания нахлынули, воспоминания захлестнули, поток воспоминаний*.

Метафорическая модель **актуализация, вызывание в памяти множества неприятных или грустных воспоминаний — разгребание, поворачивание сена, соломы**. Ситуация, при которой человек-агент актуализирует, вызывает в памяти множество неприятных или грустных воспоминаний, метафорически представляется как разгребание, поворачивание сена, соломы и описывается словосочетаниями *ворошить воспоминания, ворошить в памяти: ворошить* — 1. ‘передвигать, поворачивать, разгребая, гребя (сено, солому и т. д.)’; 2. *перен.* ‘вызывать в памяти что-л., обращаться мысленно к чему-л., что причиняет огорчение, неприятность’⁵.

Метафорическая модель **уход в воспоминания — опускание во что-л. жидкое, сыпучее**. Желая пережить ещё раз то или иное событие из прошлого, человек способен всецело погружаться, уходить в воспоминания, отдаваться воспоминаниям, *предаваться воспоминаниям*. Уход в состояние глубокой

¹ Вспомниться [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/в/вспомниться> (дата обращения: 05.09.2023).

² Всплыть [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/в/всплыть> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Там же.

⁴ Напомнить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/н/напомнить> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Ворошить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/в/ворошить> (дата обращения: 05.09.2023).

задумчивости, при котором у человека возникает большое количество воспоминаний, метафорически представляется как опускание во что-л. жидкое, сыпучее: *погрузиться в воспоминания, углубиться в воспоминания: погрузиться* — ‘опуститься во что-л. жидкое, сыпучее и т. п.’¹

Сравнение с тувинским языком

Метафорическая модель *память* в русской лингвокультуре и *баш* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище, позволяющее хранить информацию*. Ситуация, при которой человек помнит что-л., метафорически представляемая как обладание информацией и описывается в русском языке глаголом *помнить* и словосочетаниями *хранить в памяти, держать в памяти*; в тувинском языке — словосочетаниями *башка тудар* ‘помнить’ (букв. ‘хранить / держать в голове’):

— *Медээлерни башка тудары база мээниң сайзыралынга эки болур* ‘Мозг будет работать лучше, когда **держишь в голове** много информации’;

— *Чугаалап кааным ол, ону бажыңга тудуп алгаиш чоруур сен* ‘Я своё слово сказал, а ты **держи его в своей голове**, т. е. запомни’.

Метафорическим вместилищем и хранилищем информации в русском языке является *память*, а в тувинском — *баш* ‘голова’.

Метафорическая модель *память* в русской лингвокультуре и *баш* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище, позволяющее фиксировать информацию* (человек выступает в роли агенса). Энергозатратный процесс по закреплению и фиксации в памяти какой-л. информации описывается в русском языке глаголом *запоминать* и фразеологизмами *брать на заметку, мотать на ус*; в тувинском языке — словосочетанием *сактып алыр* ‘запоминать’. Результат такого энергозатратного процесса по закреплению и фиксации в памяти какой-л. информации, полностью контролируемый человеком-агеном, описывается в русском языке глаголом *запомнить* и фразеологизмами *зарубить на носу* (или *на лбу*), *зарубить в памяти*; в тувинском языке — фразеологизмами *думчуунга керттип алыр* ‘запомнить накрепко’²; *хаайга керттип алыр* ‘иметь в виду, усвоить, запомнить крепко, зарубить на носу’³:

— *Думчууңарга керттип алыңар* ‘Зарубите себе на носу’;

— *Ынчап болбас деп хаайыңга керттип ал* ‘Заруби себе на носу: нельзя так поступать’.

Метафорическая модель *память* в русской лингвокультуре и *баш* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище, позволяющее фиксировать информацию* (человек выступает в роли экспериенцера⁴). Результат процесса по закреплению и фиксации в памяти какой-л. информации без участия воли человека-экспериенцера в русском языке описывается глаголом *запомниться* и словосочетаниями *запечатлеться в памяти, остаться в памяти, запастись в память, осесть в памяти*, а также фразеологизмом *врезаться в память* (ср. *втемяшиться в голову*); в тувинском языке — выражениями *угаан-сагышка өрүмнелип кирер* ‘въелось в голову’ (букв. как сверло), *бажымда таңмаланып артып калган* ‘запечатлеться, отпечататься в голове’; *угаан-сарыылда таңмаланып арткан* ‘отпечататься (сохраниться) в голове, уме’: *Ол коргунчуг чылдар мээң бажымда таңмаланып артып калган*⁵ ‘Эти страшные годы отпечатались (сохранились) в моей голове (запомнились)’.

Сочетание *осело в памяти* даёт основание говорить о такой этноспецифической метафорической модели *памяти*, как вертикальность (*память* — *вертикальное вместилище*). Метафорически результат самопроизвольного процесса запоминания выглядит как движение вниз: *осесть* — ‘уйти глубже (*в землю, воду*), сместиться вниз’⁶. Иными словами, то, что сохранилось в памяти и запомнилось надолго, метафорически как бы ушло глубже, сместилось вниз (*осело в памяти*).

¹ Погрузиться [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/п/погрузиться> (дата обращения: 05.09.2023).

² Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 79.

³ Там же. С. 168.

⁴ Экспериенцер — участник ситуации, находящийся в не контролируемом им состоянии в силу не зависящих от него обстоятельств.

⁵ Тока С. Араттың сөзү. Проза чогаалдары, шии. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019. С. 110.

⁶ Осесть [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/o/осесть> (дата обращения: 05.09.2023).

Метафорическая модель *память* в русской лингвокультуре и *баиш* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище, допускающее потерю доступа к информации* (при забывании). Уничтожение, потеря доступа к информации при забывании как результат *заслонения* и *сокрытия* от глаз в русском языке описывается глаголами *забывать / забыть*; в тувинском языке это значение выражается такими лексическими средствами, как: *уттуптары / көңүс уткан / шуут уттупкан / көңүс уттундурган* ‘забыть, забылось’; *чүве сагынмас апаар* ‘ничего не помнить, забыть’; *шупту чүвени уттупкан* ‘ничего не помнить, всё забыть’; *сагыш-бодалдан (баштан) үнмес* ‘не выходит из головы (не забывается)’:

— *Ол баар черин шуут уттупкан* ‘Он совсем **забыл**, куда должен был идти’;

— *Ол айтырыг сагыш-бодалдан үнместээн* ‘Этот вопрос (эта проблема) **не выходит из головы** (не забывается)’¹.

Метафорическая модель *забыть – потерять (уничтожить) доступ к информации путём стирания, сглаживания рельефа*. Ситуация потери (уничтожения) доступа к информации (забывание), происходящая путём *стирания, сглаживания* рельефа, без участия воли человека-экспериментатора в русском языке описывается словосочетанием *стереться из памяти*; в тувинском языке подобная метафорическая модель не представлена. Ситуация, описывающая потерю доступа к информации без участия воли человека-экспериментатора, в тувинском языке описывается такими лексическими средствами, как: *баштан үнер / уштунар*² ‘быть совсем забытым, вылететь из головы’ (букв. выйти из головы)³; *башка чүве-даа ызырынмастаан* ‘в голове ничего не удерживается, всё забывается’; *бажынга чүве доктаавас* ‘в голове ничего не останавливается, всё забывается’.

Метафорическая модель *забыть – потерять (уничтожить) доступ к информации путём вычёркивания из памяти написанного, напечатанного* (человек выступает в роли агенса). Ситуация потери (уничтожения) доступа к информации при забывании, происходящая путём *вычёркивания* из памяти написанного, напечатанного, в русском языке описывается словосочетаниями *вычеркнуть из памяти* (ср. *вычеркнуть из (своей) жизни*) и является этноспецифической; в тувинском языке подобный метафорический образ не представлен. Однако существует близкое по смыслу выражение *баштан уштуп октаар* ‘выкинуть/выбросить из головы, забыть’ (ср. рус. *выкинуть/выбросить из головы* (или *из сердца, из памяти*) – ‘забыть, оставить мысль о чем-л.’)⁴; *угаан-бодалдан (баштан) үнмес* ‘не выходит из головы’:

— *Муңгаргай бодалдарны баштан уштуп октаар* ‘Печальные мысли надо **выкинуть из головы** (забыть)’;

— *Бажымдан шупту чүве ушта халый берген* ‘Всё **выпрыгнуло из головы**’;

— *Ол айтырыг угаан-бодалдан үнместээн* ‘Этот вопрос (эта проблема) **не выходит у меня из головы**’⁵.

Метафорическая модель *терять память – переставать обладать вместилищем* (человек выступает в роли экспериментатора). Ситуация, при которой человек перестаёт обладать памятью, в русском языке описывается словосочетаниями *память пропала, потерять память, лишиться памяти, утратить память, отшибить память* и др. *Терять* — 2. ‘оставаться без кого-, чего-л., переставать обладать кем-, чем-л.; лишаться, утрачивать’⁶. В тувинском языке данная ситуация описывается словосочетаниями *башта чүү-даа чок* ‘в голове ничего не осталось’; *угаан алдаар* ‘сойти с ума’ (букв. ум перепутать)⁷; *угаанын оскунар / угаанын чидириптер* ‘потерять рассудок, ум’; *чүве сагынмас апаар* ‘ничего не помнить, забыть’; *шупту чүвени уттупкан* ‘ничего не помнить, всё забыть’; *башта чүү-даа чок, шупту чүве*

¹ Донгак Э. Л. Роман, повесть. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019. С. 236.

² Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 66.

³ Там же. С. 161.

⁴ Выбросить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/v/выбросить> (дата обращения: 05.09.2023).

⁵ Донгак Э. Л. Роман, повесть. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019. С. 358.

⁶ Терять [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/t/терять> (дата обращения: 05.09.2023).

⁷ Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 160.

уттундурган ‘в голове ничего не осталось, всё забыл’; *башта чүве артпаан* ‘в голове ничего не осталось, в голове ничего не сохранилось’:

— *Ол чөнүй берген, угааны алдаан* ‘Он сильно постарел, с ума сошёл (ничего не знает / ничего не помнит)’;

— *Ооң бажынга чүве-даа доктаавас апарган* ‘В его голове ничего не останавливается (он стал всё забывать)’¹.

В тувинском языке существуют выражения, описывающие потерю способности хорошо помнить что-л.: *угааны чанар* ‘потерять способность здраво рассуждать (от старости), выжить из ума’², ср. русские выражения *выжить из памяти, выжить из ума* ‘стать забывчивым от старости’; *угаанын ышкынар / угаанын оскунар* ‘выронить рассудок; потерять рассудок’:

— *Кырааш угааным чана берген* ‘Когда я состарился, мой ум ушёл домой’;

— *Кай, мени угааны чана берген, уттуучал кадай деп турарың ол бе?*³ ‘Что, ты хочешь сказать, что мой ум ушёл домой и я стала рассеянной / забывчивой женщиной?’;

— *Ону көрүп кааш, угаан-кудуң ышкындың халак!* ‘Смотри, увидев его (Йети), не вырони рассудок!’⁴

Этноспецифической особенностью тувинской картины мира является метафорический образ собаки, съевшей ум, присутствующий во фразеологических выражениях о потере памяти: *угаанын ыт чипкен* ‘потерял память’ (букв. ум его собака съела)⁵:

— *Чүнү-даа сагынмас-тыр мен, угаанымны ыт чипкен* ‘Ничего не помню: мой ум собака съела’;

— *Угаанымны ыт чипкен эвес... моон уштунуп үнер кандыг-бир арганы черле тып алып мен* ‘Ум мой собака не съела же (я же не безнадёжный / не глупый), обязательно найду какой-нибудь способ / выход из этой ситуации’⁶.

Метафорическая модель *плохая, слабая память* в русской лингвокультуре и *баш* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище с отверстиями, провалами* описывается в русском языке сочетаниями *дырявая память, дырявая голова, голова как решето*; в тувинском языке — *үттүг таар* ‘изрешечённый’. Так говорят о забывчивом человеке, легко и быстро забывающем информацию. Для выражения значения ‘плохая память’ в тувинском языке существует этноспецифический метафорический образ дырявого мешка из холста, употребляемого для процеживания кислого молока при изготовлении творога: *баш дыдык таар дег болган / баш үттүг-таар болган* ‘голова стала дырявой как мешок из холста’⁷.

В тувинском языке также существуют выражения о человеке с плохой памятью, который ничего не помнит, всё забывает: *уттуучал апарган* ‘стал забывчивым’ (букв.); *хос баштыг* ‘пустоголовый’ (букв.); *бажы хос* ‘пустая голова’:

— *Ковид соонда дыка уттуучал апарган мен* ‘После ковида стал (очень) забывчивым’;

— *Назы-хары улгаткан тудум, уттуучал апарган* ‘С возрастом (букв. с прибавлением лет) стал забывчивым’;

— *Чүве сактыр эвес, хос баштыг кижы ышкажыл* ‘Да у него голова пустая, ничего не помнит (не знает)’.

Этноспецифическим в тувинском языке является также образ сдохшей собаки, входящий во фразеологизмы о человеке, имеющем проблемы с памятью: *угаанында ыт өлген* (букв. в его уме собака сдохла)⁸ — о забывчивом, рассеянном человеке:

¹ Суван Ш. Кижы-Бүрүс: тоожу. Кызыл: Тываполиграф, 2010. С. 34.

² Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 161.

³ Суван Ш. Кижы-Бүрүс: тоожу. Кызыл: Тываполиграф, 2010. С. 45.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 161.

⁶ Серен-оол В. Хээлиг истер. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1989. С. 78.

⁷ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 401.

⁸ Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 162.

— Чүнү билирил ол, ооң угаанында ыт өлген ‘Да что он может знать (помнить), в его уме собака сдохла’;

— Чаа, ооң угаанында ыт өлген, чүнү билирил ол. ‘Да что он может помнить / знать, ведь в его уме собака сдохла’.

Данный фразеологизм употребляется в речи отдельных носителей старшего поколения некоторых говоров западного диалекта тувинского языка.

Метафорическая модель *память* в русской лингвокультуре и *баши* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище, позволяющее искать и находить информацию* (человек выступает в роли агенса) описывается в русском языке словосочетаниями *рыться в памяти, копаться в памяти, перебирать в памяти, перебирать воспоминания, искать в памяти*, а в тувинском языке процесс и результат поиска доступа к информации, происходящие, когда человек выступает в роли агенса, выражены такими лексическими средствами, как: *кызып сактыр / хандыр сактып боданыр* ‘стараться вспомнить’; *баш иштинден уштур, дилээр, чиндиир* ‘копаться в голове’; *башты касканнаар* ‘покопаться в голове’; *башты эки ажылдадыр* ‘заставить голову хорошо работать’ (букв. хорошенько подумать):

— *Ол теманы өөрөнгөн бис, бажыңар иштинден дилеңер.* ‘Мы проходили эту тему, **покопайтесь в голове** (букв. думайте хорошенько)’;

— *Сактып чадап калдым, ам-даа бо борбак башты касканнаар болза эки*¹ ‘Никак не могу вспомнить, надо ещё хорошенько **покопаться в голове**’.

Процесс и результат восстановления доступа к информации в памяти, происходящие независимо от воли человека, метафорически представляемые как направленное движение снизу вверх, описываются в русском языке словосочетаниями *всплывать-всплыть в памяти*; в тувинском языке — *Сактыышкыннар башка удаа-дараа кирип туруп берген.* ‘Воспоминания **всплывали** одно за другим’. В тувинском языке процесс и результат поиска доступа к информации, происходящие, когда человек выступает в роли экспериенцера, выражены такими лексическими средствами, как *башка хенертен кире дүжөр / башка кирер* ‘прийти в голову’²; *башка чык дээр / башка үнер* ‘неожиданно прийти в голову’³:

Айтырыгның харыызы бажымга хенертен кире дүштү ‘Ответ на заданный вопрос **неожиданно пришёл в голову** (вдруг вспомнил)’;

Ол кижини каяа көргөним ам-на бажымга чык дээн ‘**Неожиданно грянула, прогрехотала** мысль (наконец-то вспомнил), где его раньше видел’.

Метафорическая модель *память* в русской лингвокультуре и *баши* ‘голова’ в тувинской лингвокультуре — *вместилище, позволяющее восстанавливать доступ к информации воздействием внешнего фактора*, описывается в русском языке глаголом *напомнить*; в тувинском языке близкими по смыслу выражениями могут выступать такие лексические средства, как *угаан кирир* ‘образумить, сделать разумным’ (букв. ум заставить войти); *угаан кирер* ‘образумиться, стать благоразумным’⁴:

— *Угаан кирир сургаар болза эки* ‘Надо его **образумить**’⁵;

— *Шору өзүп, угаан кирип келдим* ‘Я повзрослел, стал более **благоразумным**’.

Воспоминания, являющиеся синонимом слова *память* в обыденной речи, представляют собой отдельные друг от друга, дискретные формы и хранятся в памяти в огромном количестве. В русском языке данный факт описывается словосочетаниями *множество воспоминаний, много воспоминаний, масса воспоминаний, многочисленные воспоминания*; в тувинском языке — *бажын ажыг сактыышкыннар* ‘воспоминания, переполняющие голову’; *башка сыңмас (бодалдар)* ‘в голове не помещается’ (букв.): *Башка сыңмас бодалдар ужун удуп чадап калдым* ‘Из-за мыслей, не вмещающихся в голову, не смог уснуть’. *Бодал* — 1. дума; мысль; идея; *Бажымга оон айтырар деп бодал кире хонуп келди* ‘мне в [голову] пришла мысль спросить его об этом; мнение; *мээң бодалым мындыг* ‘таково моё мнение’⁶.

¹ Куулар Ш. Баглааш. Т. I. Кызыл, 2002. С. 59.

² Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 65.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Там же.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 107.

Метафорическая модель *возникновение многочисленных воспоминаний, сменяющих друг друга, — быстрое движение жидкости потоком, струёй* описывается в русском языке словосочетаниями *воспоминания нахлынули, воспоминания захлестнули, поток воспоминаний* (ср. *по волнам памяти*); в тувинском языке — *сактыышкыннар диргелип келген* ‘нахлынули воспоминания’; *сактыышкыннар башка удаар-дараа кирер* ‘воспоминания приходили в голову один за другим’ (букв.):

— *Бажын ажыг сактыышкыннар дээш удуп чадаан* ‘Из-за воспоминаний, переполнивших голову, не смог уснуть’;

— *Ол дайын-чааны бодаптарга, сактыышкыннар диргелип келген* ‘Когда он вспомнил про войну, нахлынули (печальные, нелёгкие) воспоминания’.

Метафорическая модель *актуализация, вызывание в памяти множества неприятных или грустных воспоминаний — разгребание, поворачивание сена, соломы* описывается в русском языке словосочетаниями *ворошить воспоминания, ворошить в памяти*; в тувинском языке — *эрткен-барган чүве коптарар, улай-улай сактыр* ‘ворошить прошлое, вспоминать’.

Метафорическая модель *уход в воспоминания — опускание во что-л. жидкое, сыпучее* описывается в русском языке словосочетаниями *погрузиться в воспоминания, углубиться в воспоминания*; в тувинском языке *уход в воспоминания, состояние глубокой задумчивости* находит лексическое выражение в словосочетаниях *сактыышкыннарже дүлдүнүп кирер* ‘погрузиться в воспоминания’ (от *дүлер* букв. опускать в котёл (мясо, например); *сактыышкынга алзыр* ‘предаться воспоминаниям’. *Ол сактыышкыннарга алзыпкан ыт-дааш чок олурган*. ‘Он замолчал и предался воспоминаниям’¹.

Заключение

Таким образом, в работе в рамках теории концептуальной метафоры были описаны различные метафорические модели категории памяти в русском и тувинском языках. Принципиальное отличие рассмотренных языков в данном ракурсе состоит в том, что в тувинском языке отсутствует слово *память* и словом, описывающим способность сохранять и воспроизводить в сознании информацию, выступает прежде всего слово *баш* ‘голова’. Было продемонстрировано, что *память* в русском языке и *баш* ‘голова’ в тувинском языке представляется как вместилище, а более конкретно — как вместилище, позволяющее хранить, фиксировать, искать, находить информацию; как вместилище, допускающее потерю доступа к информации путём заслонения, сокрытия от глаз, путём стирания, сглаживания рельефа или путём вычёркивания из памяти написанного, напечатанного; как вместилище, позволяющее восстанавливать доступ к информации усилиями самого человека или воздействием внешних факторов. В работе также было показано, что плохая, слабая *память* в русском языке и *баш* ‘голова’ в тувинском языке представляется как вместилище с отверстиями, провалами. Кроме того, было показано, что возникновение многочисленных воспоминаний, сменяющих друг друга, представляется как быстрое движение жидкости потоком, струёй; что актуализация, вызывание в памяти множества неприятных или грустных воспоминаний представляется как разгребание, поворачивание сена, соломы; что *уход в воспоминания* представляется как опускание во что-л. жидкое, сыпучее. Продемонстрированные представления были соотнесены с ситуациями, в которых человек выступает в роли агенса либо в роли экспертиенцера.

Сравнительный анализ лексических средств выражения описанных метафорических моделей категории памяти по данным русского и тувинского языков позволяет сделать вывод, что большинство метафорических моделей находит лексическое выражение в обоих языках. В то же время рассмотренные языки ярко демонстрируют этноспецифические друг по отношению к другу особенности концептуализации ментальной лексики памяти. С одной стороны, в русской языковой картине мира присутствуют, а в тувинской — отсутствуют такие метафорические модели, как: *память — вертикальное вместилище; память — глубокое вместилище; намеренное, целенаправленное уничтожение доступа к информации (как один из способов забывания) — вычёркивание написанного, напечатанного из памяти; уничтожение доступа к информации (как один из способов забывания) — стирание, сглаживание рельефа*. С другой стороны, в тувинской языковой картине мира присутствуют,

¹ Куулар Ш. Баглааш. Кызыл, 2002. Т. I. С. 107.

а в русской — отсутствуют такие этноспецифические метафорические модели, как: кто-либо потерял память — собака съела его ум; плохая, слабая память — дырявый мешок; о забывчивом, рассеянном человеке — в уме собака сдохла; предаться воспоминаниям — опустить в котёл и перемешивать разные ингредиенты.

Благодарности

Выражаем сердечную благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания, которые очень помогли в работе над текстом статьи и наметили путь к дальнейшим исследованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян, Ю. Д. (1995) Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1. С. 37–67.
- Апресян, Ю. Д. (2001) Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1. С. 5–26.
- Арсеньева, И. А. (2022) Реконструкция метафорической концептуализации существительных с абстрактной семантикой // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Выпуск 6 (ноябрь) С. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-22.031>
- Бондарева, Л. М. (2009) К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 70–78.
- Брагина, Н. Г. (2007) Память в языке и культуре. М. : Языки славянских культур. 520 с.
- Голикова, Т. А. (2011) «Память» или «воспоминание»: русско-тюркские лингвокультурологические соответствия // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / отв. ред. В. А. Пищальникова. Вып. 18. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН. 262 с. С. 30–37.
- Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелёв, А. Д. (2012) Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур. 696 с.
- Иомдин, Б. Л. (2010) Ментальная лексика: память и её функционирование // Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур. 784 с. С. 465–495.
- Киселева, Л. А., Тодосиенко, З. В., Лукманова, Р. Р., Куулар, Е. М. (2022) Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 243–256. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>
- Кубрякова, Е. С. (1991) Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Наука. 212 с. С. 85–91.
- Кюсева, М. В., Киммельман, В. И. (2019) Метафоры в жестовых языках: глаголы эмоций и ментальной сферы в русском жестовом языке // Вопросы языкознания, № 5. С. 120–134. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0006288-5>
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (1990) Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М. : Прогресс. 511 с. С. 387–416.
- Ревзина, О. Г. (2006) Память и язык // Критика и семиотика / гл. ред. И. В. Силантьев. Вып. 10. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т. 191 с. С. 10–24.
- Телия, В. Н. (1988) Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука. 176 с. С. 26–51.
- Туровский, В. В. (1991) Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Наука. 204 с. С. 91–95.
- Храковский, В. С. (2016) Глаголы памяти: семантика, прагматика, синтаксис // Русский язык в научном освещении. № 2 (32). С. 9–31.
- Kövecses, Z. (2017) Conceptual metaphor theory // The Routledge handbook of Metaphor / Semino, E., Demjén, Zs. (eds.). Oxford: Routledge. URL: https://www.researchgate.net/publication/311403391_Conceptual_metaphor_theory (дата обращения: 05.09.2023).

Дата поступления: 15.07.2023 г.

Дата принятия: 22.09.2023 г.

REFERENCES

- Apresian, Yu. D. (1995) Obraz cheloveka po dannym iazyka: popytka sistemnogo opisaniia [The image of a person according to language data: an attempt at a system description]. *Voprosy iazykoznanii*, no. 1, pp. 37–67. (In Russ.).
- Apresian, Yu. D. (2001) Sistemoobrazuiushchie smysly «znat'» i «schitat'» v russkom iazyke [The system-forming meanings of “know” and “count” in Russian]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1, pp. 5–26. (In Russ.).
- Arsen'eva, I. A. (2022) Rekonstruktsiia metaforicheskoi kontseptualizatsii sushchestvitel'nykh s abstraktnoi semantikoi [Reconstruction of metaphorical conceptualization of nouns with abstract semantics]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, issue 6, pp. 31–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-22.031>
- Bondareva, L. M. (2009) K metaforike pamiati (statischei i dinamicheskie aspekty) [To the metaphor of memory (static and dynamic aspects)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 70–78. (In Russ.).
- Bragina, N. G. (2007) *Pamiat' v iazyke i kul'ture [Memory in language and culture]*. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur. 520 p. (In Russ.).
- Golikova, T. A. (2011) «Pamiat'» ili «vospominanie»: russko-tiurkskie lingvokul'turologicheskie sootvetstviia [“Memory” or “remembrance”: Russian-Turkic linguistic and cultural correspondences]. In: *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty [Linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects]* / ed. by V. A. Pishchal'nikova. Issue 18. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN. 262 p. Pp. 30–37. (In Russ.).
- Zalizniak, A. A., Levontina, I. B. and Shmelev, A. D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira [Constants and variables of the Russian language picture of the world]*. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur. 696 p. (In Russ.).
- Iomdin, B. L. (2010) Mental'naia leksika: pamiat' i ee funktsionirovanie [Mental vocabulary: memory and its functioning]. In: *Prospekt aktivnogo slovaria russkogo iazyka [The prospectus of the active dictionary of the Russian language]* / ed. by Yu. D. Apresian. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur. 784 p. Pp. 465–495. (In Russ.).
- Kiseleva, L. A., Todosienko, Z. V., Lukmanova, R. R. and Kuular, E. M. (2022) Metafora kak sredstvo vizualizatsii ob'ekta naimenovaniia v mediatekstakh (na materiale russkogo, angliiskogo, tatarskogo i tuvinskogo iazykov) [Metaphor as a means of visualizing an object of naming in media texts (a case study of the Russian, English, Tatar and Tuvan languages)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 243–256 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>
- Kubriakova, E. S. (1991) Ob odnom fragmente kontseptual'nogo analiza slova pamiat' [About one fragment of the conceptual analysis of the word memory]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of the language. Cultural concepts]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 212 p. Pp. 85–91. (In Russ.).
- Kiuseva, M. V., Kimmel'man, V. I. (2019) Metafori v zhestovykh iazykakh: glagoly emotsii i mental'noi sfery v russkom zhestovom iazyke [Sign Language Metaphors: Verbs of Cognition and Emotions in Russian Sign Language]. *Voprosy iazykoznanii*, no. 5, pp. 120–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0006288-5>
- Lakoff, Dzh. and Dzhonson, M. (1990) Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors that we live by]. In: *Teoriia metafory [Metaphor theory]* / ed. by N. D. Arutiunova and M. A. Zhurinskaya. Moscow, Progress. 511 p. Pp. 387–416. (In Russ.).
- Revzina, O. G. (2006) Pamiat' i iazyk [Memory and language]. In: *Kritika i semiotika [Criticism and semiotics]* / ed. by I. V. Silant'ev. Issue 10. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. 191 p. Pp. 10–24. (In Russ.).
- Teliia, V. N. (1988) Metafora kak model' smysloproduktivnosti i ee ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [Metaphor as a model of meaning production and its expressive and evaluative function]. In: *Metafora v iazyke i tekste [Metaphor in language and text]* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Nauka. 176 p. Pp. 26–51. (In Russ.).
- Turovskii, V. V. (1991) Pamiat' v naivnoi kartine mira: zabyt', vspomnit', pomnit' [Memory in a naive picture of the world: forget, remember, remember]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of the language. Cultural concepts]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 204 p. Pp. 91–95. (In Russ.).
- Khrakovskii, V. S. (2016) Glagoly pamiati: semantika, pragmatika, sintaksis [Memory verbs: semantics, pragmatics, syntax]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (32), pp. 9–31. (In Russ.).
- Kövecses, Z. (2017) Conceptual metaphor theory. In: *The Routledge handbook of Metaphor* / Semino, E., Demjén, Zs. (eds.). Oxford, Routledge [online] Available: https://www.researchgate.net/publication/311403391_Conceptual_metaphor_theory (access date: 05.09.2023).

Submission date: 15.07.2023.

Acceptance date: 22.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.11

Статья

Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков)

Владимир В. Воробьев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Флюза Г. Фаткуллина

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация,

Шенне Ю. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье на материале фразеологических и паремиологических единиц описывается фрагмент языковой картины мира русского и тувинского народов, связанный с представлениями о пространстве; выявляются особенности мировидения и мировосприятия данных этносов на основе анализа указанных единиц как знаков «языка» культуры. Определяются культурно-значимые смыслы в семантике исследуемых единиц с учетом их образного содержания.

Лингвокультурологическое описание исследуемого кода строится на выделении следующей культурно-значимой информации: соотношении пространственного кода с кодом культуры, выявлении механизмов, сходств и различий формирования и функционирования данного кода культуры.

Особое внимание уделено семантическим оппозициям (моделям) свой/чужой, верх/низ, близко/далеко, которые являются универсалиями в обоих языках и имеют различный потенциал при лингвокультурном и образном представлении пространственных отношений.

Ключевые слова: лингвокультурология; пространственный код культуры; русский язык; тувинский язык; фразеологическая единица; паремия

Статья подготовлена в рамках проекта «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).

Для цитирования:

Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Кужугет Ш. Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 153-170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>

Воробьев Владимир Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: Россия, 117513, г. Москва, Миклухо-Маклая, 10. Эл. адрес: vorobyev-vv@rudn.ru; ryss_yur_rudn@mail.ru

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: fluzarus@rambler.ru

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

Linguoculturological description of the spatial code of culture (based on the material of the Russian and Tuvan languages)

Vladimir V. Vorobyev

RUDN University, Russian Federation,

Fluza G. Fatkullina

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation,

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

The article delves into a specific segment of the linguistic worldview shared by the Russian and Tuvan ethnic groups. This exploration centers on the analysis of phraseological and paremiological units that are intricately linked to the concept of space. The study meticulously discerns the distinct mental frameworks and perceptual paradigms prevalent in these ethnic groups. This discernment is facilitated through a meticulous examination of these linguistic units, viewed as symbolic representations embedded within the cultural language. The research endeavor is focused on unearthing culturally significant meanings inherent in the semantics of the scrutinized units, while taking into account their nuanced figurative connotations.

The linguocultural analysis of the examined linguistic code is constructed upon the identification of culturally significant information. This involves establishing correlations between the spatial code and the broader cultural code. The study meticulously dissects the mechanisms, resemblances, and disparities underpinning the formation and operation of this specific cultural code.

Emphasis is placed on exploring semantic oppositions, or models, such as own/foreign, up/down, and near/far. These oppositions, which prove to be universal across both languages, harbor diverse potentials in the linguocultural and figurative representation of spatial relationships.

Keywords: linguoculturology; spatial code of culture; Russian language; Tuvan language; phraseological unit; proverb

Financing:

The article was prepared within the framework of the project "Linguistic and cultural study of the communicative reality of modern Russia" (Program of Strategic Academic Leadership of RUDN University "Priority-2030").

For citation:

Vorobyev V. V., Fatkullina F. G. and Kuzhuget Sh. Yu. Lingvokul'turologicheskoe opisanie prostranstvennogo koda kul'tury (na materiale russkogo i tuvinskogo iazykov) [Linguoculturological description of the spatial code of culture (based on the material of the Russian and Tuvan languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 153-170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>

VOROBYEV, Vladimir Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of the Russian Language and Cultural Linguistics, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10, Miclukho-Maklay, Moscow, Russia, 117513. Email: vorobyev-vv@rudn.ru; ryss_yur_rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5906-3773

FATKULLINA, Fluza Gabdullinovna, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Comparative Philology, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: Russia, 450076, Ufa, Zaki Validi st., 32. Email: fluzarus@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8711-2993

KUZHUGET, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3507-3053

Введение

На современном уровне развития языкознания проблема репрезентации культуры, рассматриваемая в семиотическом и культурологическом аспектах, остается одной из самых значимых. При этом особую актуальность приобретает исследование понятия «код культуры». Под кодом культуры в отечественном языкознании понимается совокупность представлений о картине мира того или иного этноса, определенный способ отражения, описания действительности, а также соотношение семиотической (вторичной) системы с системой естественного языка, элементы (знаки) которой заключают в себе некую символику (Телия, 1999: 20; Красных, 2003: 297; Изотова, 2020: 125; Сибирцева, 2016: 157–158). Следовательно, *культурный код* содержит закодированную в какой-либо форме уникальную культурную информацию и, в отличие от *концепта*, ментального образования, отражающего процесс познания мира и результат человеческой деятельности, а также *категории*, набора языковых единиц, наделенных общим признаком или свойством, является своеобразным ключом к пониманию этноспецифических особенностей, менталитета, ценностных ориентаций этноса, передающихся от поколения к поколению, или, по словам Г. Д. Гачева, «космо-психо-логоса» (Гачев, 1995). Таким образом, кодом является совокупность знаков и правил, согласно которым информация хранится и передается.

А исследуемый в данной статье пространственный код, как вторичная семиотическая система, структурирует (членит) пространство, отражая объективную действительность и является универсальным понятием в любой лингвокультуре, а, как справедливо замечает Ч. К. Ламажаа, «знания каждой культуры безусловно имеют много универсальных категорий и смыслов, которые и позволяют говорить об общности и родстве культур» (Ламажаа, 2023: 13).

Согласно В. Г. Красных, «к глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры. К числу таких оппозиций, соотносимых с архетипами, следует относить оппозиции “верх — низ”, “далеко — близко”, “хорошо — плохо”, “свой — чужой”, “много — мало”, “право — лево»» (Красных, 2003: 297).

Вопросы восприятия и постижения окружающей действительности тесно связаны с проблемами взаимодействия и взаимосвязи языка и культуры, которые лежат в основе лингвокультурологии и были заложены еще в работах В. фон Гумбольдта и его последователей: А. А. Потемни, Й. Л. Вайсгербера, Н. И. Толстого (Гумбольдт, 1984; Потемня, 1999; Вайсгербер, 2004; Толстой, 1995) и др. Предпосылки возникновения этого раздела языкознания также некоторые ученые находят в знаменитой гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира — Б. Л. Уорфа (Сепир, 2003; Whorf, 1941), предполагающей, что структура языка определяет образ человеческого мышления и влияет на восприятие и постижение окружающей реальности, то есть «характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект»¹.

Отметим, что исследованию категории пространства, его пониманию и отражению в различных науках, а также проблемам культурно-исторической изменчивости знаний о пространстве посвящены монографии, учебные пособия и множество научных статей. Поскольку пространственный код культуры относится к базовым (Красных, 2003), то исследования его основных характеристик направлены на актуализацию следующих проблем: общая характеристика пространственного кода в системе кодов культуры, а также дефиниции термина в научной литературе (Красных, 2003; Пименова, 2006; Ковшова, 2013; Царева, 2017; Sakaeva, Yahin, et al., 2017); пространственный код в языковой художественной картине мира²; метафорическая репрезентация пространства как кода культуры (Самигуллина, 2007; Поречная, 2021).

В тувинском языкознании исследуемая проблема достаточно широко обсуждается в самых различных аспектах: к примеру, проблемам отражения и специфического восприятия пространства и времени посвящено исследование В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2009); пространственный образ Тувы детально рассмотрен Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым (Попков, Тюгашев, 2019); сеть как онлайн-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 597.

² Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира : на материале художественной прозы И. С. Тургенева : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа. 2012. 49 с.

пространство для функционирования социальной культуры этноса на примере тувинцев исследована в работе Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2021a).

Отметим также, что отдельные исследователи тувинской культуры при рассмотрении особенностей восприятия и отражения пространства *чер* 'землю' (и его вариант *төрээн чер* 'родная земля') называют его важнейшим концептом культуры. Так, его значения и аспекты анализируются по текстам пословиц и поговорок из разных сборников Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2023); в тувинской художественной литературе — Ш. Ю. Кужугет (Кужугет, 2023); в музыкально-песенной культуре тувинцев — Ч. Х. Санчай (Санчай, 2023); в представлениях современных тувинцев — Ш. Б. Майны (Майны, 2023). Отметим также работу, посвященную анализу именных лексем с пространственной семантикой в тексте героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», где особое место занимают такие элементы ландшафта, как *горы, реки, степи, тайга* (Ондар, 2016).

Рассмотрение данной проблематики приобретает ещё бóльшую актуальность в том случае, когда он проводится на материале разных генетически и типологически далеких языков. Подобные исследования позволяют выявить как общие (кросскультурные), так и этноспецифические особенности восприятия и образной интерпретации данного кода носителями разных языков. Сравнительное исследование одной из фундаментальных категорий бытия — пространства, как одного из компонентов культурного кода, обуславливает необходимость всестороннего изучения пространственного кода как лингвистического и культурного феномена, который ранее не становился объектом лингвокультурологического анализа на материале разноструктурных — русского и тувинского — языков, что обуславливает новизну и значимость данной работы.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ пространственного кода в русской и тувинской лингвокультурах; выявление сходств и различий в мировидении и мировосприятии данных этносов на основе анализа лексико-фразеологических единиц как кодов культуры, функционирование и интерпретация которых напрямую зависят от опыта и культурной адаптивности языкового сознания представителей исследуемых лингвокультур.

Материалом для данной работы служат фразеологические единицы, пословицы и поговорки русского и тувинского языков. Отбор языкового материала осуществлялся с использованием фундаментальных и современных печатных и электронных толковых, этимологических, фразеологических словарей, а также словарей пословиц и поговорок¹.

В предлагаемом исследовании использован лингвокультурологический метод при выявлении этнокультурной специфики изучаемых единиц и особенностей восприятия пространства представителями изучаемых лингвокультур; методы контрастивной и когнитивной лингвистики; репрезентация кодов культуры рассматривалась в семиотическом и культурологическом аспектах, а метод семантического анализа применялся при рассмотрении фразеологических единиц.

Репрезентация пространственного кода в русской и тувинской лингвокультурах

Исследуемый пространственный код универсален по своей природе, однако его проявления и «удельный вес» (Красных, 2003: 5) в русской и тувинской лингвокультурах, с также метафоры, в которых они воплощаются, этнокультурно детерминированы.

В русском языковом сознании пространство представлено как нечто бескрайнее, раздольное, беспредельное, не имеющее четких границ, т. е. основным свойством русского пространства можно

¹ Источники по русскому языку: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1987; Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля / авт.-сост. Даль В. И. М.: Рус. яз. Медиа, 2004; источники по тувинскому языку: Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966; Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976; Толковый словарь тувинского языка. Т. I: А–Й / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.

назвать его неохватность, широту, открытость¹, что, безусловно, связано с географическим положением России, ее необъятными просторами (Никагосян, Фаткуллина, 2022; Khayrullina et al., 2017). В русской культуре именно пространство, как отмечают исследователи, сформировало представление о родине и наложило отпечаток на психологический портрет русских, что подтверждается прежде всего эмоциональным, зрительным восприятием ими пространства: («Ширь русской земли и ширь русской души...» (Н. А. Бердяев), «Широка страна моя родная» (В. И. Лебедев-Кумач), «О Русь, малиновое поле» (С. Есенин) и др.) Не случайно, в русском языке активно функционирует множество языковых единиц с семантикой пространства: *простор, ширь, раздолье, приволье, воля; бескрайний, безбрежный (простор); разгуляться, разойтись (о душе), вырваться на волю* и т. п.). Следовательно, пространство для русского человека — одна из основных ценностей, а слова *пространство* и *простор* являются лингвоспецифичными и формируют русскую языковую картину мира.

«В пространственных метафорах отражаются в русском языке важнейшие фрагменты картины мира: *жизнь, смерть, судьба, общество* с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики» (Ермакова, 2000: 289). К примеру, в русском языке частотны метафоры *река жизни, житейское море*, где жизнь человека сравнивается с течением, плаванием, рекой или морем.

Простор в русской культуре — это не только бескрайняя даль, ширь, приволье и раздолье, это, по Н. А. Бердяеву, место, где «легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно» (Бердяев, 2007: 339). Особенности русской ментальности запечатлены в таких лингвоспецифичных словах, как *широта* (широта русской души), *тоска, воля и удаль*, которые «как бы несут на себе печать «русских пространств» (Логический анализ... 2000: 359).

Слово *пространство* — старославянское, «образовано с помощью суффикса -ьство (-ство) от *пространьи* “широкий, просторный”»². Берет начало «от глагола *простереть* — ‘разостлать, протянуть’ и индоевропейского корня *ster (stor)* — ‘расширять, распространять’»³.

Во фразеологии и паремиологии русского языка отражено, прежде всего, физическое (географическое) пространство и отношение человека к нему: *Родной край — сердцу рай*⁴; *Где кто родится, там и пригодится*⁵ и др.

В тюрко-монгольском культурном мире, частью которого является тувинская культура, пространство воспринимается носителями языка как замкнутая сфера или окружность, в центре которого находится *дом, семья, родные, близкие*. Творение мира у тюрков Южной Сибири понимается как начало времени и пространства, и время вообще трактовалось как бесконечная череда начал (Традиционное мировоззрение... , 1988: 17).

Представления тувинцев о пространстве обусловлены как физическими условиями их проживания, так и мифологическим мировоззрением. Для представителей данной лингвокультуры пространство — это, прежде всего, земля (*чер*) и родная земля (*төрээн чер*), которая в языковом сознании этноса понимается как «свои земли, которых у людей бывает несколько. Это связано с жизненным циклом: место рождения, место проживания, место упокоения... “Свое” пространство, своя родная земля осмысливается как место, где обитают родные, близкие, к этому родному месту тувинец (сельчанин или горожанин) испытывает устойчивые положительные чувства, сильную привязанность» (Майны, 2023: 38). Отметим, также, что у тувинцев распространены традиционные эмоциональные представления о сакральности, святости родной земли, об особом отношении к ней и соблюдении заповеди предков.

Пространство в тувинской культуре изначально связано с местом внутри самой юрты и вокруг юрты. Как отмечает знаток тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, «юрта сравнима с Чеди-Хааном — Большой медведицей, потому что юрта не стоит на одном месте в течение четырех времен года, а кочует с одной стоянки на другую. Форма земли, на которой стоит юрта — круглая и соответствует

¹ Словарь русского языка / под. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1985. С. 540.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. Панцирь – Ящур. С. 370.

³ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Учпедгиз, 1961. С. 206.

⁴ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. С. 474.

⁵ Там же. С. 400.

двенадцати годам или строению часов» (Кенин-Лопсан, 2006: 34). Пространство вокруг юрты «в виде гор, сопков, урочищ, степей, рек, озёр было символом родной земли — *төрээн чер* (малой родины), её сакральным центром, местом поклонения и почитания» (Чистик, 2010: 151).

Пространство — это также и расстояние, мир вокруг человека, при котором он может созерцать предметы, людей, и т. п. Не случайно, в тувинском языке распространен фразеологизм *карак четпес чер* (букв. 'место, куда не достиг взгляд (глаз)' в значении бескрайнего и недоступного пространства (Ооржак, Хертек, 2016: 276).

А главная характеристика тувинского пространственного кода — наличие исходного центра, который располагается в месте проживания семьи — в юрте, и затем имеет определенную круглую форму вплоть до представления о местах, недоступных взгляду. Например: *Төрел багы аал чуду, Төл багы өз чуду* 'Недружно родня живет — аалу всему позор, Ребенок дурным вырастет — тебе да семье позор'¹, *Ады арт ажа бээр, Сураа суг кеже бээр* 'Слава его перевал перейдет, Слух о нем реку переплывет'², *Куш оглу каяа-даа ужар, Кижги төлү каяа-даа чоруур* 'Оперится орленок — всюду полетает, Подрстет ребенок — всюду побывает'³.

Понимание пространства и места человека в нем нашло отражение и в языковой системе, особенно во фразеологии. В пословицах и поговорках тувинского языка отражено понимание пространства с представлениями о семье, с самым близким и родным кругом людей и поэтому юрта (*өг*) в тувинской лингвокультуре имеет значение не просто дома, но дома, где живет семья. Это нечто соединяющее их с жизнью предков, старших родственников, родной культурой и родными местами (Өвүс. Возвращение ... , 2022: 5). Например: *Будуктуг ыяшка куш чыгыр, буянныг өгге чон чыгыр* 'На ветвистом дереве птицы гнездятся, в доброй юрте народ собирается'⁴.

Отметим также, что пространство и пространственные значения могут в русском и тувинском языках быть описаны при помощи разных языковых средств:

— лексем — *мир, простор, поле, даль / чамбы-дип* 'мир, вселенная', *чер-дээр* 'земля-небо', *каптагай* 'вселенная';

— метафор — *край света / чер дуву* 'глушь, край света', букв. 'дно земли';

— фразеологизмов — *Лежать на сердце / Чүрээ аарыыр*⁵ 'поступать крайне легкомысленно', букв. 'болеть' (о сердце);

— пословиц и поговорок — *В поле за ветром не уgonишься / Хорадааш хову кежер эвес, ажынгаи арт ажар эвес*⁶ 'Вспыльчивый степь не пройдет, сердитый перевал не осилит' и под.

В русском языке для описания пространства нередко употребляются предлоги *в, к, на, над, между* и др., а в тувинском языке выделяется особая система пространственных падежей: местный падеж выражает значение места (*арга-да турар* 'стоит в лесу'), исходный падеж — исходный пункт, начальную точку движения и перемещения (*бажың-дан үнген* 'вышел из дома'), дательный — конечную точку движения и перемещения (*садыг-га чедер* 'дойти до магазина'), направительный падеж — направление движения и перемещения (*суг-же баар* 'пойти к реке') (Ооржак, Хертек, 2016: 277).

Таким образом, главной характеристикой русского пространственного кода являются пространство и его неохватность, необъятность, приволье, понятие родины, места, где вольно дышится, что нашло отражение в специфике восприятия и образного представления изучаемого кода культуры в картине мира носителей русского языка. Для тувинской лингвокультуры, так же, как и для русской, характерен прежде всего эмоциональный характер отношения к пространству.

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 50.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 43.

⁴ Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. С. 42.

⁵ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 191.

⁶ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 38.

Семантическая оппозиция свой/чужой

Как справедливо указывает Ю. М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (свое) пространство и внешнее (их)» (Лотман, 1996: 175–176).

Для образного представления пространственного кода в обоих языках активно используются фразеологизмы, которые мы рассматриваем в системе семантических оппозиций (моделей).

В первую очередь рассмотрим, как представлена семантическая оппозиция (пространственная модель) *свой/чужой* в русской и тувинской языковых картинах мира, поскольку она является наиболее частотной и соотносится с древнейшими архетипами сознания исследуемых этносов. Данный архетип свойственен всей русской культуре и является основным, базовым свойством национального мироощущения и мировосприятия. «Свое» — это “мы”, “мой народ” (Степанов, 1997: 472–487), это пространство, отграниченное от остального мира, где живут «свои», «близкие». В русской культуре пространство четко делилось на «свое» и «чужое, чужеземное», которое и сформировало представление о «родине» и отразилось в менталитете представителя русского этноса. Н. Бердяев отмечает, что: «Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. <...> И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека» (Бердяев, 2007: 340).

Следовательно, для русской лингвокультуры пространственная модель мира — это система представлений о мире, имеющая определенные границы, разделяющие (чужое пространство) и объединяющие (обжитое, свое, освоенное пространство).

Как известно, человеку свойственно переносить опыт восприятия пространства на «абстракции ментального мира, что способствует образованию новых субъективно ориентированных смыслов за счет подключения механизма метафоризации, свойственного человеческому мышлению в целом» (Самигуллина, 2007: 87). Поэтому не случайно, пространство воспринимается как некий объем, контейнер с различными объектами, в котором происходят какие-либо жизненные события, процессы и явления. В данном случае для репрезентации пространственного кода в сравниваемых языках по большей части используются антропоморфные метафоры, которые свидетельствуют о членении пространства.

При рассмотрении исследуемой оппозиции мы опираемся на классификацию В. В. Красных, которая структурируется следующим образом: 1) «внутренний мир человека (телесные границы); 2) личное пространство человека; 3) внешний мир, находящийся за пределами личной зоны, но свой, родной; 4) внешний, чужой, враждебный мир» (Красных, 2003: 300). Этническая картина мира в данном случае определяется как осмысление окружающей действительности человеком, места и статуса человека в этом мире.

Наиболее частотными при описании внутреннего мира являются фразеологизмы с соматизмами *сердце* и *душа* (локус чувств и эмоций) и *голова* как локус мыслей (там же: 300).

Примеры реализации семантической оппозиции свой/чужой в анализируемых языках (таб. 1–4).

Таблица 1. Внутренний мир человека

Table 1. The inner world of man

Русский язык	Тувинский язык	Значение
Открывать сердце	Чүрээн бээр ¹ ‘крепко любить, по уши любить’, букв. ‘отдать свое сердце кому-либо’	довериться, крепко любить

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. 204 с.

<i>Брать за сердце</i>	<i>Чүрээн тудар</i> ¹ ‘пленить, овладеть чьим-либо сердцем’, букв. ‘ <i>брат за сердце</i> ’; <i>чүрээ аарыыр</i> ² ‘поступать крайне легкомысленно’, букв. ‘болеть’ (о сердце)	волновать, производить сильное впечатление
<i>Душа нараспашку</i>	<i>Арны чазык</i> ³ ‘радушный’, букв. ‘лицо открытое’	быть добрым, отзывчивым
<i>Душа в пятки ушла</i>	<i>Чүрээ уштуна бер чазар</i> ⁴ ‘перепугаться до смерти’, букв. ‘сердце чуть не выскакивает’, <i>Аксында чүректиг</i> ⁵ ‘трусливый как заяц’, букв. ‘с сердцем во рту’, <i>Баш куйгазы адыр</i> ⁶ ‘сильно испугаться’, букв. ‘волосы становятся дыбом’	струсить
<i>Вылететь из головы</i>	<i>Баштан үнер</i> ⁷ ‘быть совсем забытым’, букв. ‘вылететь из головы’	забыть
<i>Висеть над головой</i>	<i>Бажы-биле харыылаар</i> ⁸ букв. ‘отвечать головой’	нуждаться в неотложном выполнении

Таблица 2. Личное пространство

Table 2. Personal space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Наложить лапу</i>	<i>Кадыг холга кирер</i> ⁹ ‘быть присвоенным кем-либо’, букв. ‘попасть в тяжелые руки’	присвоить
<i>Держать в кулаке</i>	<i>Бажын билдирер</i> ¹⁰ ‘беспрекословно подчиняться кому-либо’, букв. ‘дать управлять своей головой’	полностью подчиняться (кому-л.)
<i>Прижать к ногтю</i>	<i>Кудуруунга куу тос баглаар</i> ¹¹ ‘выгонять, исключить’, букв. ‘привязывать к его хвосту серую бересту’	ограничивать свободу

Личное пространство представлено фразеологизмами со значением ‘наличие/отсутствие свободы’.

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. 204 с.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й. С. 408.

⁷ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 66.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 114.

Таблица 3. Внешний мир
Table 3. The outside world

Русский язык	Тувинский язык	Значение
Кость от кости	—	Родной, свой
На короткой ноге	Төрел-дөргүл тыртар ¹ 'исходить из родственных отношений', букв. 'тянуть родственников'	дружить
Плоть и кровь	Аразындан суг акпас ² 'очень близкие', букв. 'между ними и вода не протечет'	родной
Родимое гнездо	—	отчий дом

Внешний мир за пределами личной зоны представлен единицами со значением *близкий, родной, дружественный*.

Таблица 4. Внешний, чуждый, враждебный мир
Table 4. External, alien, hostile world

Русский язык	Тувинский язык	Значение
На чужом горбу в рай въехать	Бажын дуурайлаар ³ 'обмануть кого-либо', букв. 'голову его дурачить'	достичь цели, используя кого-либо в своих интересах
Отправиться на тот свет	Амы-тынын бээр ⁴ 'свою жизнь отдать', Бажын оскунар ⁵ букв. 'ронять свою голову', Сөөгүн салыр ⁶ 'умирать', букв. 'положить кость', Кижин холундан баар ⁷ 'быть убитым кем-либо', букв. 'уйти с руки человека'	умереть

Фрагмент *внешнего, чуждого, враждебного* мира репрезентирован фразеологическими единицами негативной коннотации. Как показывает материал, в русской культуре пространственные отношения в пределах семантической оппозиции *свой/чужой* переносятся на описание внутреннего мира человека, его образа жизни, характеристики его деятельности (таб. 1-4), что связано со стереотипными представлениями о «русском человеке как о широкой, масштабной, бесшабашной натуре, для “реализации” внутреннего пространства которой необходима широта пространства внешнего» (Захаренко, 2013: 20). Фразеологизмы в представленной оппозиции выступают в функции образца передвижения человека в пространстве под воздействием безрассудного порыва собственных эмоций и желаний.

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 157.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д.А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. II: К–С. С. 125.

В русской лингвокультуре для выражения понятия *свое*, *родное* используется слово *родина*, которое человек слышит с пеленок, и которое является тоже своеобразным кодом культуры. *Родина* — это и *род*, и *семья*, и *дом*, и *страна*, не случайно слова *род*, *народ*, *родители* имеют один корень: *Родная сторона* — *мать*, *чужая* — *мачеха*; *На родной стороне даже дым сладок*; *Одна мать родна и Родина одна*¹.

В тувинской лингвокультуре «свое» пространство осмысливается как место, как мы уже указывали, где живут его родные, к этому месту человек испытывает сильную привязанность (Кужугет, 2023: 67). К примеру, в «Русско-тувинском словаре» дается следующий перевод слова *төрээн* ‘родной’: 1. [*Кады*] *төрээн*; *төрээн иези* ‘родная мать’; родной брат *кады төрээн акызы*; родная страна *төрээн чурт*, 2. в знач. сущ. мн. *төрелдер*; у него много родных *ооң төрелдери хөй*, 3. (свой) бодунуң, *төрээн*; родная земля *бодунуң чери*; родной язык *төрээн дыл*, 4. (дорогой, милый — в обращении) *эргимим, сарыым*².

Исследуемый архетип нашел отражение во множестве пословиц и поговорок тувинского языка, посвященных семье и родственным связям:

— *Аң түрээнде турлаам дээр, кижги түрээнде төрелим дээр* ‘Зверь в беде в тайге мчится, человек к беде к родне тянется’³;

— *Өскен чери — төрээн ие, өскелерниң — соңгу ие* ‘Родная земля — мать, Чужая земля — мачеха’⁴.

Как показал материал, многие фразеологические единицы, соотносимые с пространственным кодом культуры, имеют в языках сравнения эквиваленты, совпадающие по значению, эмоциональной окраске, стилистической принадлежности, что свидетельствует о том, что архетипическая модель *свой/чужой* тесно связана с древнейшими формами осознания и восприятия мира в обоих лингвокультурах.

Семантическая оппозиция *близко / далеко*

Как мы уже указывали, универсальные культурные коды основываются на ряде семантических оппозиций. Одной из универсальных оппозиций пространственного кода для русский и тувинской лингвокультур является также оппозиция *далеко/близко*, на основе которой моделируются несколько типов пространств, которые представлены в *таблицах 5-8*.

Таблица 5. Ближайшее пространство

Table 5. Nearest space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Жить под одной крышей</i>	<i>Думчук кырында</i> ⁵ ‘очень близко, на носу’, букв. ‘наверху носа’	близость в пространстве
<i>Под носом</i>	<i>Думчуунуң аксын көөр</i> ⁶ ‘думать только о себе’, букв. ‘смотреть на кончик носа’	
<i>Рукой подать</i>		
<i>Нос к носу</i>		
<i>Глаза в глаза</i>		
<i>Ухо в ухо</i>		
<i>Ноздря в ноздрю</i>		
<i>Плечом к плечу</i>		

¹ 112 самых патриотичных пословиц о родине [Электронный ресурс] // Академия «Мульти Мама». URL: <https://multi-mama.ru/poslovicy-o-rodine> (дата обращения: 05.06.2023).

² Русско-тувинский словарь / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа и др. / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 1980. С. 511.

³ Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. С. 44.

⁴ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-составитель Б. К. Кыргыз. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 45.

⁵ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 78.

⁶ Там же. С. 79.

<i>Черт знает где</i>	<i>Чоокка чованчыг, Бракка ыянчыг</i> ¹ ‘дальним слышно, ближним стыдно’	удаленность, очень далеко, неизвестно где
<i>У черта на куличках/рогах</i>		
<i>За тридевять земель</i>	<i>Чер дүвү</i> ² ‘даль, край света’, <i>Чер чери</i> ³ ‘очень отдаленное место, захолустье, даль’	
<i>Не ступала нога человека</i>	<i>Кижиги буду баспаан</i> ⁴ ‘с нетронутой природой’, букв. ‘не ступала нога человека’	

Ближайшее пространство репрезентируется семами близости и неудаленности.

Таблица 6. Временное пространство

Table 6. Time space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Когда рак на горе свистнет</i>	<i>Даартагы чагдан Бөгүнгү өкпе дээр</i> ⁵ ‘лучше нынче осердия пожевать, чем до завтра отборного мяса ждать’, букв. ‘лучше завтрашнего жира — сегодняшние легкие’	неопределенность
<i>Время летит</i>	<i>Үе кээрге, адыр чок, Үер кээрге, чай чок</i> ⁶ ‘время движется — зря пресловишь, воду полюю не остановишь’, букв. ‘когда время придет, не отстанет, когда разлив придет — времени нет’	о быстротечности и нехватке времени
<i>Идти в ногу со временем</i>	—	придерживаться современных взглядов

Временное пространство может быть эксплицировано линейно или циклически.

Таблица 7. Пространство родственных связей

Table 7. The space of kinship relationships

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Кровь от крови</i>	<i>Баарының өдү болган</i> ⁷ ‘любимый’, букв. ‘ставший желчью его печени’	родной ребенок
<i>Под одной крышей</i>	—	семья

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 41.

² Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 185.

³ Там же. С. 186.

⁴ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука. 2003. Т. I: А–Й. С. 321.

⁵ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 67.

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь... С. 50.

<i>Десятая вода на киселе</i>	<i>Аас-биле төрелдер</i> ‘только на словах родственники’	отдаленный (номинальный) родственник
<i>Отрезанный ломоть</i>	—	отделение от семьи

Пространство родственных связей в большинстве случаев представлено фразеологизмами со значением кровного родства.

Таблица 8. Социальное пространство
Table 8. Social space

Русский язык	Тувинский язык	Значение
<i>Возвысить до небес, подняться до небес</i>	<i>Дээрже үндүрер</i> ¹ ‘сильно, чрезмерно расхваливать’, букв. ‘поднимать в небеса’	Непомерно расхваливать, восхвалять; добиться значительного (большого) успеха
<i>Далеко пойти (высоко подняться); пойти в гору</i>	—	добиться успеха (чаще иронически); сделать карьеру
<i>Быть в хвосте</i>	<i>Кудуруун мунар</i> ² ‘струсить’, букв. ‘оседлать свой хвост’	быть в числе неудачников

К данной семантической оппозиции можно также отнести фразеологизмы со значением «успех» и «неудача, поражение» хотя для русской лингвокультуры она является не столь актуальной, тем не менее активно используемой в речи.

Как показывает материал, некоторые фразеологизмы в сравниваемых языках в социальном и этническом значениях приобретают семантику оппозиции «свой — чужой»: *близкий человек, близкая родня, дальняя родня / Аас-биле төрелдер* (таб. 5-8) и др.

В обоих языках большинство фразеологизмов со значением ‘ближайшее пространство’ соизмеряется с частями тела человека (*нос, плечо, глаза, ухо / думчук (нос), бут (нога)*), т. е. соматический код в данном случае накладывается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека об удаленности.

В тувинском языке словосочетание *төрөл бөлүк* (родственные группы) выражает общее название тувинцев, которые в трактовке Ч. К. Ламажаа должно определяться как название родственных групп (не родоплеменных) (см.: Ламажаа, 2021b). Есть также разные варианты: *төрөл-аймак* ‘родственники по одному роду’, *ха-төрөл* ‘родня по старшему брату’, *чурт-төрөл* ‘родственники по одной родине’, *сөөк төрөл* ‘букв. родственники по кости’, *хан төрөл* ‘родственники по крови’, *чоок төрөл* ‘близкий родственник’, *ырак төрөл* ‘дальний родственник’ и т. д. (Кужугет и др., 2019: 151).

В целом, в обоих лингвокультурах единицы, представленные в оппозиции *близко/ далеко* выражают отношения близости-удаленности (*нос к носу, черт знает где / Думчук кырында*), характеризуют перемещение на далекие расстояния (*на край света*), обозначают кровное родство (*кровь от крови / Баарының өдү болган*), взаимоотношения в социуме (*возвыситься дог небес / Дээрже үндүрер*) и под.

В русской лингвокультуре встречаются единицы, которые содержат в своей семантике несколько значений. Например, в русском языке фразеологизм *За семь верст киселя хлебать* помимо значения удаленности содержит также сему ‘попусту’, а во фразеологизме *Сто вёрст до небес и всё лесом* явно прослеживается значение ‘долгий, трудный путь’.

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 86.

² Там же. С. 114.

Отметим также, что в русском языке наибольшее количество метафор для выражения данной семантической оппозиции образовано с помощью наречия *далеко*: *далеко пойти, далеко хватил, далеко пойдет, далеко ходить не надо* и под., что не характерно для тувинского языка.

Таким образом, семантическая оппозиция *далеко / близко* является также одной из определяющей в иерархической структуре пространства, т. к. выступает реализацией понятия *простирается*, отражающего наивное чувственно-осозаемое представление, связанное с языковой памятью, выраженной в образной структуре фразеологизмов.

Семантическая оппозиция *верх/низ*

Структура и основные признаки данной семантической оппозиции были детально рассмотрены Дж. Лакоффом на материале ориентационных метафор (Лакофф, Джонсон, 2004). В основе модели лежит противопоставление: хорошо-плохо, здоровье-смерть, власть-подчинение и под.

В наивном мировосприятии пространственные отношения выражались через противопоставления возвышенного (верх) и приземленного (низ), поэтому для данной семантической модели актуально представление и осмысление пространства «внизу» со смертью, отсутствием здоровья, лишением жизни, неудачей и т. п., а расположение «вверху» с успехом, карьерным ростом, удачей, здоровьем, выздоровлением.

Примеры реализации семантической оппозиции *верх/низ* в анализируемых языках (см. таб. 9).

Таблица 9. Метафорическая бинарная оппозиция *верх / низ*

Table 9. Metaphorical binary opposition *top/bottom*

Русский язык	Тувинский язык	Значение
Витать в облаках	<i>Бажының мээзи сарыг суглаар</i> ¹ ‘глупеть, терять разум’, букв. ‘в его мозгу образуется сыворотка’, <i>Бажы курттуг</i> ² ‘несообразительный, рассеянный’, букв. ‘с червивой головой’	быть невнимательным, глупеть
Подняться до небес	<i>Мойну чооннаар</i> ³ ‘стать высокомерным, зазнавшимся’, букв. ‘шея удлинилась’	возвыситься
Свести в могилу	<i>Бажы ыжар</i> ⁴ букв. ‘голова его распухнет’ <i>Думчукка тулар</i> ⁵ ‘попасть в безвыходное положение’, букв. ‘в носу застревать’	довести до отчаяния
Идти на дно	<i>Бажын халайтыр</i> ⁶ ‘грустить, вешать голову’, <i>Сагыжы караи дээр</i> ⁷ ‘рухнуть’ (о надеждах), букв. ‘мечта рухнула, почернела’	терпеть неудачи, разориться
Валиться с ног	<i>Ишти тынныг</i> ⁸ ‘еле живой’, <i>Хол-бут бажында</i> ⁹ ‘в крайне тяжелом состоянии (находиться), на волоске от смерти’, букв. ‘в конце рук и ног’	болеть
Пустить на дно	<i>Бажынга суг кудар</i> ¹⁰ ‘навлекать беду’, букв. ‘лить воду на свою голову’	разорить

¹ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д.А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 57.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 173.

¹⁰ Там же. С. 59.

Данная оппозиция представлена фразеологизмами с оценочными компонентами «верх — хорошо / низ — плохо».

Принято считать, что традиционное восприятие пространства в русской культуре связано с понятиями горизонтали, где находится мир людей, и двух направлений вертикали — верх — 'небесный мир' (царствие небесное) и низ — 'подземный мир'.

Для тувинской лингвокультуры понятие пространства «основано на представлениях о множественности миров. В традиционном мировоззрении тувинцев Вселенная (*Октаргай*, *Оран-делегей*) состоит из трех миров: Верхнего (*Устуу оран*), Среднего (*Ортаа оран*) и Нижнего (*Алдыы оран*) или Небесного (*Курбусту ораны* или *Кудай*, Земного (*Чер*) Подземного (*Эрлик ораны*).

Для представителей тувинской лингвокультуры характерно восприятие «верха» (неба) как мира, где живут небожители (*азарлар* — мифол. 'железные небесные сыновья'). А «внизу» (в подземном мире) обитает *Эрлик* 'бог смерти'. Отметим также, что тувинцы «с Небом связывают мужское начало, с Землей — женское (*«Дээр — адам, Чер — ием» («Небо — отец мой, Земля — мать моя»)* (Самдан, 2018: 502).

Как показал материал, понятие «верха» в данной семиотической оппозиции наделено символическими признаками «хороший», «благополучный», «жизненный», а «низ» — признаками «плохой», «неблагополучный», «смертельный». Расположение «вверху» на фразеологическом уровне для обеих лингвокультур метафорически ассоциировано с такими понятиями как: «подниматься вверх» — *подняться вверх* (по служебной лестнице), *идти в гору*; «находиться в положении выше обычного» — *витать в облаках, на верху блаженства / Мойну чооннаар*. Восприятие «низа», эксплицирующее образные воплощения указанной семиотической оппозиции, представлены следующими типами: «опускаться вниз» — *идти на дно, опускать руки / Бажын халайтыр, Сагыжы караи дээр*; «заболеть, умереть» — *валиться с ног, на краю могилы (находиться) / Хол-бут бажында*.

Таким образом, проанализированный материал продемонстрировал, как интерпретируются ассоциативно-образные основания фразеологизмов и метафор в пространственном культурном коде. Выявлено, что образное основание фразеологизмов, построенное на оппозиции **верх / низ**, является семиотически значимым и коррелирует с оценочными компонентами «верх — хорошо / низ — плохо».

Заключение

Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры как самостоятельного лингвокультурного явления, а также выявление способов его репрезентации в русском и тувинском языках демонстрируют культурную динамику и её отражение в языке — дефиниция культурного пространственного кода объединяет не просто «классическое определение кода культуры (В. В. Красных, М. В. Пименова, Д. В. Гудков), но и, как показывает сопоставление семиотических оппозиций *близко/далеко, свой/чужой, верх/низ*, также метафоризацию как один из значимых когнитивных механизмов.

Сопоставительный лингвокультурологический и когнитивный анализ фразеологизмов и пространственных метафор показал, что семантические модели (оппозиции) являются инструментом вербальной визуализации пространства и пространственных отношений, в основе которых лежит метафорический перенос, т. е. образное представление человека о пространстве через призму знаний о мироустройстве, соотносимое с архетипами сознания.

Основной операцией при репрезентации пространственного культурного кода является метафоризация, а пространственная метафора — приоритетной метафорической моделью для носителей различных языков. Особенности традиционных культур позволили выявить представления о членении пространства, его свойствах, характеристиках, а также об отношении человека к пространственным параметрам, которые аккумулируются в обобщенно-переносном значении языковых единиц.

Сравнение семиотических оппозиций с опорой на лингвокультурологический подход демонстрирует, что сходства и различия в мировидении и мировосприятии, а также способы выражения пространства в русской и тувинской лингвокультурах объяснимы физическими условиями проживания, мифологическим мировоззрением и особенностями образного представления пространства представителями исследуемых лингвокультур. Большая часть метафорических образов с пространственной семантикой в сравниваемых лингвокультурах образуют оппозиции *близко/далеко, свой/чужой, верх/низ*, в которых пространственные отношения напрямую переносятся на различные

сферы жизни человека: межличностные отношения, проблемы внутреннего мира, отношения с родственниками и т. п., связанное с тем, что в процессе освоения, 'окультуривания' окружающего мира, человек «примеряет» эти знания к самому себе, поэтому мы наблюдаем «наложение» кодов культуры друг на друга. *Свое* пространство в обеих лингвокультурах неразрывно связано с родиной, родными, местом проживания; понятие «верха» в семиотической оппозиции *вер/низ* надделено символическими признаками «хороший», «жизненный», а «низа» — признаками «плохой», «смертельный».

Лингвокультурные различия обусловлены также особенностями мировосприятия и осмысления пространства: для представителей русской лингвокультуры характерно восприятие пространства как бескрайних просторов, раздолья, не имеющего четких границ. А главная характеристика тувинского пространственного кода — сакральное, обжитое место, центр которого традиционно ассоциируется с родным стойбищем, юртой, родиной, родной землей. Именно такое восприятие пространства сформировало представление о «родине» и наложило отпечаток на психологический портрет россиян и тувинцев. Русский человек воспринимает и осмысливает пространство прежде всего зрительно, эмоционально, чувственно-осязуемо, т. е. для русского человека на первом месте стоит любовь к пространству, раздолью, а для тувинцев главным является любовь к людям, близким, родным, а потом к местам, где они живут.

Следовательно, пространственный код культуры является универсальным по своей природе, но по-разному реализуется в каждой из сравниваемых лингвокультур. А языковые единицы (лексемы, фразеологизмы, пословицы, поговорки и под.) являются, по словам В. В. Красных, «национально детерминированными» (Красных, 2003: 298) конкретной культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (2007) Судьба России. М. : ЭКСМО. 251 с.
- Вайсгербер, Й. Л. (2004) Родной язык и формирование духа. М. : УРСС. 229 с.
- Гумбольдт, В. фон. (1984) Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 451 с.
- Ермакова, О. П. (2000) Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры. 448 с. С. 289–299.
- Захаренко, И. В. (2013) Архетипическая оппозиция «свой — чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / редкол. М. Л. Ковшова и др. М. : МАКС Пресс. 144 с. С. 15–31.
- Изотова, Н. Н. (2020) Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. Т. 10. № 1. С. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.016>
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Красных, В. В. (2003) «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис». 375 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Кужугет, Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живём. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Логический анализ языка. Языки пространств (2000) / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М. : Языки русской культуры. 448 с.
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Майны, Ш. Б. (2023) Представления о *чөр* 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Никогосян, А. А., Фаткуллина, Ф. Г. (2022) Теоретические проблемы изучения и классификации культурных кодов в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. Т. 27. № 3. С. 661–664.

Ондар, В. С. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2–2 (56). С. 129–134.

Ооржак, Б. Ч., Хертек, А. Б. (2016) Выражение категорий пространства и времени в тувинском языке // Мир науки, культуры и образования. № 1(65). С. 276–279.

Өвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019) Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Поречная, В. И. (2021) Пространственный код культуры как лингвокультурное понятие // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 10. № 4(37). С. 317–321.

Потебня, А. А. (1999) Мысль и язык. М. : Лабиринт. 300 с.

Самдан, З. Б. (2018) Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир культуры, науки и образования. № 6 (73). С. 501–504.

Самигуллина, А. С. (2007) Пространственный код культуры и его смысловые проекции // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. № 1. С. 82–87.

Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Сепир Э. (1993) Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс. 656 с.

Симбирцева, Н. А. (2016) «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 157–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2009. №№ 1–2. С. 250–267.

Телия, В. Н. (1999) Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры. 336 с. С. 13–24.

Толстой, Н. И. (1995) Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М. : Издательство «Индрик». 512 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Чистик, Ж. К. (2010) Экологическая культура тувинского этноса / отв. ред. С. С. Курбатская. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 176 с.

Khayrullina, R., Saghitova, A., Fatkullina, F., Morozkina, E., Suleimanova, A., Vorobev, V.V. (2017) Language Personality in the Bilingual Context of the National Linguistic World Pictures // Man in India. Vol. 97 (14). P. 17–26.

Sakaeva, L., Yahin, M., Bagautdinova, G., Fatkullina, F., Kenzhetayeva, G. (2017) The history of studying of phraseological units in English, Russian and Kumyk // Revista QUID. Special Issue. P. 680–684.

Whorf, D. L. (1941) The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language. Sapir Memorial Publication Fund Menasha, Wisconsin, USA. 92 p.

Дата поступления: 07.07.2023 г.

Дата принятия: 25.09.2023 г.

REFERENCES

- Berdiaev, N. A. (2007) *Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]*. Moscow, EKSMO. 251 p. (In Russ.).
- Vaisgerber, I. L. (2004) *Rodnoi iazyk i formirovanie dukkha [Native language and the formation of the spirit]*. Moscow, URSS. 229 p. (In Russ.).
- Gumbol'dt, V. fon. (1984) *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected works on linguistics]*. Moscow, Progress. 451 p. (In Russ.).

Ermakova, O. P. (2000) Prostranstvennye metafory v russkom iazyke [Spatial metaphors in Russian]. In: *Logicheskii analiz iazyka: Iazyki prostranstv [Logical analysis of language: Languages of spaces]* / ed. by N. D. Arutiunova and I. B. Levontina. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 448 p. Pp. 289–299. (In Russ.).

Zakharenko, I. V. (2013) Arkhetipicheskaia oppozitsiia «svoi — chuzhoi» v prostranstvennom kode kul'tury [Arche-typal opposition of “friend and foe” in the spatial code of culture]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]*: collection of articles / editorial board: M. L. Kovshova et al. Moscow, MAKS Press. 144 p. Pp. 15–31. (In Russ.).

Izotova, N. N. (2020) Kul'turnyi kod: semioticheskii aspekt [Cultural code: semiotic aspect]. In: *Culture and Civilization*, vol. 10, no. 1, pp. 122–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.47.1.016>

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2003) «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“One's own” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow, ITDGG «Gnozis». 375 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Iu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V., Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovoii kartine mira tuvintsev [The concept of törel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Otnoshenie tuvintsev k zemle v tuvinskoi literature XX–XXI vv. [Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Lakoff, G. and Johnsen, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]*. Moscow, Editorial URSS. 256 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social Culture of Tuvans and Online Space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologii i podderzhanie rodstva [The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, idea, social regulation [Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv [Logical analysis of the language. Languages of spaces] (2000) / ed. by N. D. Arutiunova and I. B. Levontina. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 448 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysl'ishchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2023) Predstavleniia o cher 'zemle' sovremennykh tuvintsev [Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Nikogosian, A. A. and Fatkullina, F. G. (2022) Teoreticheskie problemy izucheniia i klassifikatsii kul'turnykh kodov v sovremennom iazykoznanii [Theoretical problems of studying and classification of cultural codes in modern language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 27, no. 3, pp. 661–664. (In Russ.).

Ondar, V. S. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei») [Reflection of the category of space in the Tuvan language: the case of the “Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei” heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56) : in 2 parts. Part 2, pp. 129–134. (In Russ.).

Oorzhak, B. Ch. and Khertek, A. B. (2016) Vyrashchenie kategorii prostranstva i vremeni v tuvinskom iazyke [Expression of the categories of space and time in the Tuvan language]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 1(65), pp. 276–279. (In Russ.).

Öövüs. *Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Oovus. Return of the Tuvan yurt]* (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2019) Prostranstvennyi obraz Tuvy v ob'ektive sotsiokul'turnoi fenomenologii [The spatial image of Tuva in the focus of sociocultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

- Porechnaia, V. I. (2021) Prostranstvennyi kod kul'tury kak lingvokul'turnoe poniatie [Spatial culture code as a linguocultural concept]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 10, no. 4(37), pp. 317–321. (In Russ.).
- Potebnia, A. A. (1999) *Mysl' i iazyk [Thought and language]*. Moscow, Labirint. 300 p. (In Russ.).
- Samdan, Z. B. (2018) Simvolika vremeni i prostranstva v tuvinskoj mifologii [Symbolism of time and space in tuvan mythology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (73), pp. 501–504. (In Russ.).
- Samigullina, A. S. (2007) Prostranstvennyi kod kul'tury i ego smyslovye proektsii [The spatial code of culture and its semantic projections]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie*, no. 1, pp. 82–87. (In Russ.).
- Sanchay, Ch. Kh. (2023) Obrazy rodnoi zemli v muzykal'no-pesennoi kul'ture tuvintsev [Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>
- Sepir E. (1993) *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]*: transl. from Engl., ed. by A. E. Kibrik. Moscow, Izdatel'skaia gruppa «Progress»; Univers. 656 p. (In Russ.).
- Simbirtseva, N. A. (2016) «Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaia kategoriiia ['Culture code' as a category of culturology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 157–167. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Suzukei, V. Yu. (2009) Prostranstvo i vremia v traditsionnoi kul'ture tuvintsev [Space and time in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250–267. (In Russ.).
- Teliia, V. N. (1999) Pervoocerednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniia frazeologicheskogo sostava iazyka v kontekste kul'tury [Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture]. In: *Frazeologiya v kontekste kul'tury [Phraseology in the context of culture]* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 336 p. Pp. 13–24. (In Russ.).
- Tolstoi, N. I. (1995) *Yazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike [Language and Folk Culture: Essays on Slavic mythology and Ethnolinguistics]*. 2nd ed. Moscow, Indrik. 512 p. (In Russ.).
- Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world]* (1988) / ed. by L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M. and Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka. 226 p. (In Russ.).
- Chistik, Zh. K. (2010) *Ekologicheskaiia kul'tura tuvinskogo etnosa [Ecological culture of the Tuvan ethnic group]* / ed. by S. S. Kurbatskaia. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 176 p. (In Russ.).
- Khayrullina, R., Saghitova, A., Fatkullina, F., Morozkina, E., Suleimanova, A., Vorobev, V. V. (2017) Language Personality in the Bilingual Context of the National Linguistic World Pictures // *Man in India*. Vol. 97 (14). P. 17–26.
- Sakaeva, L., Yahin, M., Bagautdinova, G., Fatkullina, F. and Kenzhetayeva, G. (2017) The history of studying of phraseological units in English, Russian and Kumyk. *Revista QUID*. Special Issue, pp. 680–684.
- Whorf, D. L. (1941) *The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language*. Sapir Memorial Publication Fund Menasha, Wisconsin, USA. 92 p.

Submission date: 07.07.2023.

Acceptance date: 25.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.12

Статья

Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита

Ольга А. Валикова, Владимир П. Синячкин, Шекер А. Кулиева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются стихотворения тувинского поэта Э. Мижита (1961–2023), созданные на русском языке. Анализ производится с применением онтопоэтического подхода, когда объектом исследования выступает транслингвальный художественный текст (созданный автором не на родном языке), предметом — онтические элементы, позволяющие реконструировать отдельные фрагменты родной языковой картины мира автора, в данном случае — тувинской.

В художественном корпусе текстов выявлены онтические элементы «колыбельная», «Земля», «Небо», «юрта». Они рассматриваются как корреляты языковой картины мира тувинского этноса, в соответствии с которыми русскоязычный читатель получает возможность приобщиться не только к иному мировоззрению, но и к новому для себя мироощущению, основанному на иных ценностях, представлениях, предписаниях и культурных сценариях. Погружение в культуру тувинского этноса через поэтический текст — это опыт моделирования альтернативных читательских установок, выход за пределы «горизонта ожидания», диктуемого монолингвальной парадигмой.

Ключевые слова: транслингвизм; русскоязычное творчество; тувинская литература; тувинская поэзия; Эдуард Баирович Мижит; онтопоэтика; онтический элемент

Для цитирования:

Валикова О. А., Синячкин В. П., Кулиева Ш. А. Онтические элементы как маркеры транслингвальности в стихотворениях Э. Мижита // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 171–184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Валикова Ольга Александровна — доктор наук (PhD), доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Эл. адрес: leka.valikova@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой и профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: word@list.ru

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10. Эл. адрес: shekkul@mail.ru

VALIKOVA, Olga Alexandrovna, PhD, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: leka.valikova@mail.ru

SINYACHKIN, Vladimir Pavlovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: word@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-2098-6298

KULIYEVA, Sheker Avdievna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: shekkul@mail.ru

Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems

Olga A. Valikova, Vladimir P. Sinyachkin, Sheker A. Kulieva
RUDN University, Russian Federation

The article undertakes an analysis of the poems by the Tuvan poet E. Mizhit (1961-2023), composed in the Russian language. The analysis employs an onto-poetic approach, wherein the object of inquiry is a translanguaging artistic text (crafted by the author in a non-native language), and the focus is on ontic elements facilitating the reconstruction of discrete facets within the author's indigenous linguistic worldview, specifically that of the Tuvan.

Within the artistic corpus of texts, discernible ontic elements encompass "lullaby", "Earth", "Sky", and "yurt". These elements are construed as corollaries to the linguistic worldview of the Tuvan ethnic milieu, affording the Russian-speaking reader an avenue to acquaint themselves not merely with an alternative perceptual schema but also with a novel attitude grounded in distinct values, conceptions, mandates, and cultural paradigms. Immersion in the culture of the Tuvan ethnic group via poetic text constitutes an experiential emulation of alternative reader dispositions, transcending the "horizon of expectation" as dictated by the monolingual paradigm.

Keywords: translanguaging; Russian-language artistic production; Tuvan literature; Tuvan poetry; Eduard Bairovich Mizhit; onto-poetics; ontic element

For citation:

Valikova O. A., Sinyachkin V. P. and Kulieva Sh. A. Onticheskie elementy kak markery translingval'nosti v stikhotvoreniakh E. Mizhita [Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 171-184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Введение

В зоне нашего исследовательского интереса — поэтические тексты билингвального тувинского поэта Э. Б. Мижита (1961-2023¹), написанные им на русском языке. Такие тексты мы дефинируем как транслингвальные. Художественный транслингвизм — это практика создания литературного текста на языке, который не является для автора этнически первичным (в общепринятой терминологической традиции это L2, язык усвоенный). Репрезентацией транслингвальной модели на постсоветском пространстве является литература, создаваемая этнически нерусскими авторами на русском языке — русскоязычная, или русофонная. Такую литературу формирует обширный корпус текстов, создаваемых представителями огромного многообразия культур в «оболочке русского слова».

Тувинская поэзия на русском языке — это самобытный художественный космос, демиургами которого становятся поэты, чей эстетический дискурс формируется в пространстве взаимодействия родной культуры и языка не только с русским языком, но и с теми семиосферами, к которым он открывает доступ: русской и мировой литературой, историей, философией. Интенсивное развитие тувинской поэзии происходит в конце 1980-х годов, когда молодые авторы, стремящиеся создать новую эстетику, свободную от соцреалистического диктата, осуществляют первые эксперименты над формой и содержанием поэтического текста. Роман Лудуп, Эдуард Мижит, Борис Куулар, Артур Хертек, Урана Куулар, Сайлыкмаа Комбу — поэты, творчество которых сосредоточено на жизни «человека внутреннего» с его мироощущением, своеобразным восприятием действительности и попыткой осмыслить перемены «излома эпох». Одной из наиболее значимых фигур новой тувинской литературы стал Эдуард Мижит — «поэт мысли», чья лирика выходит за пределы «модуса созерцательности»

¹ Когда номер верстался, стало известно о кончине Э. Б. Мижита 29 ноября 2023 г. — ред.

к глубокому и всестороннему проникновению в «тут-бытие» (М. Хайдеггер) мыслящего субъекта (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020; Мижит, 2022; Донгак, 2020; Дампилова, 2015 и др.). В отдельных статьях лирика Э. Мижита исследуется как транслингвальная: так, Л. П. Дианова анализирует функции заимствованной лексики в русскоязычных стихотворениях поэта (Дианова, 2021).

Будучи билингом, Э. Мижит творит как на родном тувинском, так и на русском языках. Нас интересуют произведения автора на русском языке (не являющиеся при этом автопереводами) с весьма конкретной исследовательской позиции: попытки установить корреляцию между «оболочкой русского слова» и этноспецифическим культурным содержанием, к которому это слово адресует нас в процессе интерпретации. Представляя собой усложненное знаковое поле, элементы которого соотносятся с двумя языковыми системами, транслингвальный художественный текст требует от исследователя адекватных подходов к анализу. Одним из таких подходов можно назвать онтопоэтический.

В русле онтологической поэтики — междисциплинарной области литературоведения, которая изучает онтические единицы — из образного тезауруса произведения отбираются те элементы, которые формируют «бытийную» его основу: «...онтологически ориентированный подход имеет достаточно ограничений для своего применения. Он нацелен на вполне определенный и весьма специфичный слой или уровень повествования, который скорее восстанавливается, реконструируется, нежели реально присутствует в материи текста. Условно говоря, это то, что присутствует, отсутствуя, то, что организует, не выдавая в себе воли организатора, то, что оставляет следы, скрывая облик того, кто эти следы оставил» (Карасев, 2005: 91).

Действительно, онтические элементы разного уровня как бы «просвечивают» сквозь транслингвальный текст, а их совокупность способна воссоздать художественную модель этнической действительности с ее этиологией, аксиологическими ориентирами, этнопоэтическими константами, телеологией, эталонными представлениями и базовыми для коллектива предписаниями.

Онтическим элементом выступает такая единица художественного текста, которая дает исследователю импульс к осмыслению мировоззренческого «склада» культуры. На уровне языковой системы это лексемы, которые участвуют в реконструкции языковой картины мира этноса не столько как номинации специфической атрибутики вещественного мира, сколько как «конденсаторы культурной памяти» (Лотман, 1992: 201) напрямую связанные с осмыслением этого мира бытийствующим субъектом, который и сам «произрастает» из родной культуры. Транслингвальный автор находится, соответственно, в «транспозиции»: прибегая в своем творчестве к словам другого языка, он привносит в них дополнительную семантику, коррелирующую с содержательным пространством образов родной культуры. Базовая для нас установка состоит в следующем: онтические элементы маркируют бытийственно значимые для этноса уровни и формы существования; они сообщают тексту дополнительное измерение, становятся «пунктирной линией» воспроизведения значимого культурного сюжета, лежащего в основе этого текста. В транслингвальном произведении онтические элементы могут быть выражены как в изофонной («звучащей», как элемент данной языковой системы), так и в экзофонной (вопреки графическому воспроизведению на языке-посреднике сохраняющей «звучание» другого языка) лексике. Мы попытаемся показать, как в транслингвальной поэзии Э. Мижита знаки русской языковой системы (при сохранении сигнификативного уровня) обретают амплифицированное¹ денотативное пространство.

Целью настоящего исследования является анализ отдельных онтических элементов в транслингвальных поэтических текстах Э. Мижита. Творческая фигура Э. Мижита — писателя, чьи произведения заложили основу эстетики новейшей тувинской литературы — активно исследуется современными литературоведами: М. А. Хадаханэ², Л. С. Дампиловой (Дампилова, 2015), Л. С. Мижит (Мижит, 2022), У. А. Донгак (Донгак, 2020), Л. П. Диановой (Дианова, 2021). Как считают исследователи, поэзия Э. Мижита, сосредоточенная на проблеме осмысления человеком себя и своего места в мире, содержательно многослойна, ассоциативна, интертекстуальна — и в то же время лаконична, синтаксически неизбыточна. Несмотря на различия в подходах к анализу поэтики Э. Мижита (так, Л. С. Мижит исследует лирику автора с герменевтической позиции; У. А. Донгак осмысляет ее в

¹ Амплификация — приращение смысла; в данном случае речь идет о генерации дополнительного денотативного измерения за счет того, что текст создан транслингвальным автором.

² Хадаханэ М. А. Странный поэт Мижит // Тувинская правда. 1994. 6 января. С. 4.

русле исторического и литературного процесса; Л. П. Дампилова изучает субъектную организацию произведений и их мотивную структуру; М. А. Хаданхэ интересуется сама феноменология творческой личности Э. Мижита; Л. П. Дианова рассматривает отдельные языковые элементы, участвующие в формировании транслингвальной картины мира), литературоведы отмечают новаторство поэта как в идейно-тематическом, так и в формальном воплощении текста. Впервые в тувинской поэзии рождается не просто «текст мысли», но полноценный метатекст художественного самоосмысления, непрерывной интроспекции, интеллектуального и экзистенциального поиска личности — поиска себя в пространстве себя же, самого человеческого предназначения, Бога. Тематическая сосредоточенность на внутренней жизни человека обусловлена и особенностями личности самого поэта, который с детства отличался немногословностью, замкнутостью и наблюдательностью. Лейтмотив его лирики — драматическое столкновение личности с самой собой. По мнению Э. Мижита, в мире существует лишь три великие тайны: Время, Бог и душа человека¹. «Попытка отгадки» (примечательно, что так называется и одно из стихотворений Э. Мижита) реализована в художественных текстах как на тувинском, так и на русском языке.

Тексты, созданные поэтом на русском языке, которые мы квалифицируем как транслингвальные, обладают определенными свойствами, отличительными для «транслингвального воображаемого» в целом. Анализируя избранные стихотворения Э. Мижита, мы установили, что вербализация концептов с этноспецифическим содержанием зачастую происходит в языке-трансляторе (в частности, русском) по законам знаковой асимметрии: в данном случае «нейтральный» с точки зрения языка-посредника сигнификат апеллирует более чем к одному денотативному уровню, что обусловлено «промежуточным» положением транслингвального автора между двумя семиотическими пространствами.

Материалом анализа послужили отдельные транслингвальные стихотворения тувинского поэта Э. Мижита из цикла «Время моей земли»².

Методологические основания

Мир сложнее, чем мы о нем думаем; попытки его таксономического распределения, фиксации и однозначной квалификации по конкретному качественному признаку непродуктивны. Не это ли предьявляет нам практика транслингвизма?

Когда билингвальный тувинский писатель Э. Мижит «мигрирует» между языками своего творческого овеществления, он не замыкается на одной из ипостасей своего культурно-лингвистического бытия, становясь «или тем, или другим». Транслингвальный писатель всегда «и то, и другое» — и в этом также проявлена ризоматичность его мышления и мировосприятия. Ризоматичность — это творческая (в частности) способность к расширению эстетического и концептуального репертуара моделирования мира, природа которой обусловлена органичным сосуществованием в нескольких языковых системах. И транслингвальный писатель в этом смысле «номад»: перемещения по априори открытому пространству (в частности, семиотическому) чередуются с циклическими «возвращениями» к лично- и этнически значимому, сакральному, которое всегда «с собой», как у кочевников с собой мобильное жилище — юрта, «дом бытия».

Транслингвальная литература, как полагают исследователи (Weininger, 2016; De Donno, 2021; Rahimi, 2019; Dorfman, 2021; Kellman, 2019), преодолевает само понятие «родины», порождая новый тип идентичности — внеэтнической и надтерриториальной. Смыслообразующий потенциал транслингвальной литературы неисчерпаем: ресурсная «гибридность», используемая авторами в процессе творческого письма, расширяет экспрессивное поле усвоенного языка и обогащает мировую литературу (Pu, Li, 2019: 257). Действительно, через язык-посредник транслируются элементы иной этноязыковой картины мира, которая органически «вписывается» в материю этого языка.

Осмысляя феномен транслингвизма, М. Сорвари прибегает к метафоре «on both sides», подчеркивая, что транслингвальная практика — это особый литературный стиль по обе культурные стороны

¹ Из личной беседы О. А. Валиковой с поэтом 14.04.2021 г.

² Мижит Э. Время моей земли [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения: 02.05.2023).

(Sorvari, 2018: 158). Карибский исследователь Л. Альворадо полагает, что «природная идентичность» — культурная идентичность автора — преодолевает догмат языка-посредника: исходные язык, религия, культура разыгрываются даже в произведениях космополитического «звучания» (Alvarado, 2010: 50).

Обзор исследовательской литературы, посвященной транслингвизму, позволяет дифференцировать несколько подходов к дефиниции этого феномена: он рассматривается как творческое кросскультурное письмо (Pu, Li, 2019); функциональный выбор языка из би- или полилингвального репертуара автора (Kellman, 2019); литературный стиль, связывающий смысловые поля двух культур (Sorvari, 2018); способ ретрансляции культурных смыслов через усвоенный язык (Alvarado, 2010) (подробнее о подходах к определению термина «транслингвизм» см.: Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021). Несмотря на отсутствие единого подхода к определению транслингвизма, исследователи сходятся в том, что преодоление замкнутости монолингвального мышления приводит к созданию эстетической действительности культурного и языкового многообразия.

Итак, художественный транслингвизм представляет собой интеллектуальное функционирование языковой личности, являющейся генетическим носителем одного языка, на другом языке — усвоенном. Как пишет в своих исследованиях профессор С. Келлман, «I define literary translanguaging as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one. The multinational, multicultural, multilingual Russian Federation is a natural incubator for translanguaging literature» («Я определяю художественный транслингвизм как феномен писателей, создающих тексты более, чем на одном языке или на языке, который не является для них первичным. Многонациональная, многокультурная и многоязычная Российская Федерация — естественный инкубатор транслингвальной литературы») (Kellman, 2019: 342; перевод наш. — *Авт.*).

В силу ряда экстралингвистических факторов русскоязычие стало доминирующей овнешняющей реальностью бытования литератур большей части постсоветского пространства. Зона трансляции культурных смыслов в этом случае расширяется, что позволяет творческой языковой личности в большей степени задействовать силу культурной индукции на коллективного адресата.

Мы должны учитывать, что термин «транслингвизм» в определенной степени гиперонимичен; русскоязычие целесообразно рассматривать как гипоним в сложившейся родовидовой классификации. Однако к термину «русскоязычие» современные исследователи (в частности, У. М. Бахтикиреева, И. С. Хугаев, Э. Ф. Шафранская и другие) относятся критически, ведь «русские писатели, классики и современники, как и создающие свои произведения на русском этнически нерусские авторы, владеющие этническим (материнским / “родным”) языком, вполне могут быть классифицированы как русскоязычные» (Бахтикиреева, 2021: 12). Учеными подчеркивается и нелогичность термина «русскоязычный писатель»: «Картина мира таких “русскоязычных” авторов была сформирована вне зоны русской культуры, с детства они говорили на своих родных языках, не на русском. Однако социокультурный бэкграунд подвиг их к освоению русского языка, который стал языком их литературного творчества» (Шафранская, 2023: 58).

Еще более значимым в рамках нашего подхода становится вывод:

«В конце существования советской империи многие писатели поспешили отмежеваться от русской литературы, “встроив” себя в нишу какой-либо национальной литературы. Но языком их творчества по-прежнему является русский. Это больше говорит не о писателях, а о русском языке: он вне границ; никакое государство не вправе считать его своей собственностью, язык безграничен, он в моральном и этическом плане выше политики, деяний и чаяний чиновников; язык — некая субъектность, находящаяся на высшей ступени условной гуманистической шкалы» (Шафранская, 2023: 58).

Он созвучен базовой установке У. М. Бахтикиреевой, в соответствии с которой русский язык выполняет культурно-цивилизационную функцию:

«Мы не воспринимаем русский (как и любой другой “имперский”) язык как “культурную бомбу”, потому что он дает нам возможность окунуться в мир невероятного культурного многообразия: приобщиться к жизненному космосу абхазов и грузин, украинцев и белорусов, молдавцев, чукчей, манси, нивхи и многих, многих других. Через произведения этнически нерусских авторов мы познаем универсум других народов, их самобытные культуры, их способы вживания в природную действительность и “вещный” мир» (Бахтикиреева, Валикова, Токарева, 2021).

В качестве альтернативного определения У. М. Бахтикиреева предлагает термин «русофония», «русофонная литература» (Бахтикиреева, 2021). Подразумевается, что в оболочке русского слова (в буквальном смысле — «звучащего, как русское») в художественном тексте репрезентированы образы

мира, апеллирующие к национальной культуре того или иного писателя. Обе языковые картины мира — исходная, этническая, и русская — контаминируются¹ (подчеркнем особо, что в данном случае речь идет о *внутритекстовой*, а не когнитивной контаминации), в результате чего рождаются новые образы мира, эстетически усложненные и аутентичные. Эти образы мира, запечатленные в лексемах языка-посредника, мы называем онтическими элементами текста.

Транслингвальная практика русскоязычных писателей постсоветского пространства — это наглядное преодоление тезиса о том, что индивид способен осознавать лишь один слой культуры, в то время как заимствование элементов из одной лингвосистемы в другую приводит к появлению ущербных в своей вторичности образов. Между семиотическими полями разных культур функционирует механизм *трансфера*² — комплексного переноса определенного концепта во всей его когнитивной, эмоциональной и культурной сложности из одного культурного тезауруса в другой. В другую культуру (и стоящий за ней текст) транспортируется уникальное (зачастую сенсibiliческое) понятие, маркирующее аутентичное этническое миропостижение. Зачастую такие понятия являются семантически не коррелятивными для другой культуры. Отсутствие понятия в усвоенном языке предполагает и отсутствие его номинации: транслингвальный автор переносит в создаваемый текст целостный концепт, который выступает единицей иной этнокультурной и языковой картины мира. Происходит вербализация «национальных образов мира» (Гачев, 1988), которую не следует, на наш взгляд, приравнивать к заимствованию. И если моноязычный читатель «видит» в подобных единицах ксенонимы, с точки зрения авторской интенции они таковыми не являются. Однако трансфертирование может происходить и имплицитно. Слово, «узнаваемое» читателем как «русское», вбирает в собственный семантический комплекс альтернативные культурные значения и смыслы. Если переноса внешнего уровня лексемы в знаковую реальность произведения не происходит, то внутренний уровень (денотативный) трансфертируется, и изофонные лексемы уже внутри своей семантической структуры атрибутируются дополнительным ярусом: к триаде «архисема — дифференциальные семы — потенциальные семы» привносится уровень «конвенциональные семы», то есть те компоненты содержания, которые не только условны, но и обязательны в процессе интерпретации текста.

Таким образом, онтические элементы транслингвального художественного текста могут быть представлены как изофонной, так и экзифонной лексикой.

Онтические элементы в транслингвальных стихотворениях Э. Мижита

Рассмотрим отдельные онтические элементы в стихотворениях Э. Мижита на русском языке. Сосредоточимся на изофонных лексемах (то есть словах, «звучащих, как русские», но коррелирующие с инокультурным уровнем содержания), которые участвуют в воссоздании этноспецифических образов мира и сообщают художественному тексту культурную и бытийственную многомерность. Как исследователи особого художественного дискурса, мы должны видеть за любым элементом транслингвального текста его потенциальную «неравность» самому себе и «подключенность» сигнификата к более чем одному денотативному уровню. Учитывая тот факт, что поэтический текст представляет собой «сгусток смыслов», селекция художественных элементов которого всегда тщательно продумана, сами эти элементы обретают, как правило, онтическую нагрузку. Онтическая нагрузка — наличие бытийно-значимого пласта художественного элемента, который, как и любой эстетический феномен палимпсестной природы, восходит к генетическому праобразу культуры. В транслингвальном тексте онтический элемент — своего рода ключ к «инобытию» — однако, и в этом заключается определенное методологическое затруднение, зачастую он лишен проявленной этноспецифической маркированности.

Э. Мижит вошел в литературу (причем литературу не только тувинскую, но и российскую) как носитель уникального поэтического голоса, причем голоса «на языке двуостром» (М. Цветаева). Когда на русском языке творят такие писатели, как Э. Мижит, они не стремятся к аттракции читателя

¹ Под контаминацией мы подразумеваем взаимоналожение семантических «сеток» двух языковых систем, элементы которых не смешиваются.

² Бахтириеева У. М. Трансфер [Электронный ресурс] // Дружба народов. № 12. 2009. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/12/transfer-transfer.html> (дата обращения: 18.05.2023).

намеренным воссозданием «экзотического колорита» инобытия, привлекательной для аудитории сюжетно-лингвистической упаковки текста. Читатель — это равноправный со-участник творчества, которому предоставлена (доверена!) возможность посмотреть на мир с помощью более совершенной оптики. На это, в частности, указывает в своих исследованиях творчества Э. Мижита Л. С. Мижит (Мижит, 2022).

Сам Эдуард Баирович Мижит в ходе нашего интервью рассказал о своем двуязычии следующее:

«Я с самого детства говорю на двух языках. Отец, учитель русского языка, все время разговаривал со мной по-русски, в первый класс я пошел учиться в школу-интернат, где были классы для детей чабанов и классы для сирот. Я был в классе для сирот, где учились и тувинцы, и русские, а преподавание велось на русском языке. Таким образом, я вначале не понимал, что, говоря по-русски, я говорю не на родном языке. Понимание пришло позже, но оно не коснулось внутреннего ощущения. Видимо, из-за этого для меня не особенно остро стоял вопрос о выборе языка <...> Я вырос без ощущения, что русский язык для меня не «материнский», так что и аккумуляция, и трансляция моей культурной самости одинаково получается на обоих языках, и оба языка гармонично соединяются в моем жизненном пространстве. Это просто так получилось по жизненным обстоятельствам, независимо от моих желаний и предпочтений. А поскольку я сын своего народа, этнокультурный слой, безусловно, и в моих русскоязычных текстах всегда где-нибудь, да и проявляется, и так должно быть, и это хорошо. Но я считаю, что замыкаться только в рамках своей этнокультурной идентичности губительно для всякого писателя. Говоря об эмоциональной составляющей в произведениях на разных языках, должен отметить, что и в тувиноязычной, и в русскоязычной лирике для меня главное — мысль, мысль, порождающая соответственные эмоции. Я считаю, что мысль и чувство в поэзии должны быть сплавлены воедино, как разные слои металла в дамасской стали» (Валикова, 2021: 220).

Рассуждая о новаторстве Э. Мижита в поэзии, У. А. Донгак отмечает, что владение двумя языками позволяет писателю обращаться к читателю напрямую, без авторского перевода:

«Новаторство поэта Э. Мижита проявилось прежде всего в том, что он стал первым поэтом, заговорившем на русском языке — языке, открывающем тувинское поэтическое слово для других народов. В тувинской литературе 1970-е были отмечены опытом использования русского языка как языка поэтического творчества (Сергей Пюрбю, Игорь Иргит). Но такой феномен двуязычного творчества, когда писатель при создании произведения каждый раз выбирает язык художественного самовыражения и уровень владения обоими языками (родным тувинским и русским) очень высок, в тувинской литературе связан с именем Эдуарда Мижита» (Донгак, 2020: 469).

В транслингвальном поэтическом дискурсе Э. Мижита встречаются безэквивалентные для русской ЯКМ лексемы, такие, как *каргыраа*¹. Тем не менее, в процессе анализа художественных текстов тувинского поэта мы оспариваем тезис, выдвинутый Л. С. Дампиловой: в поэзии [Мижита] «иначе кодируется весь мир носителя “азиатского” сознания и естественной становится потеря национальных художественных образов» (Дампилова, 2015: 196). Действительно, вербальные репрезентанты инобытия (слова, которые попали бы под квалификацию «экзотизмов» для русского читателя), в транслингвальной лирике Э. Мижита нечастотны. Например, в стихотворении «Место, где Бог»² читаем:

Говорят, что ты — колыбель народов,
но для меня ты —
моя колыбель,
и колыбельная песня мамы моей,
отзвук которой так ясно слышен
в смехе моей дочурки.

Говорят, что ты
проста, как загадка,
но для меня ты —
таинственный звук каргыраа,
звук, в котором Небо с Землей
ищут друг друга, тоскуя,

¹ Вид тувинского горлового пения *хөөмей*, позволяющий извлекать нижние звуки.

² Мижит Э. Время моей земли [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

и встречаются здесь —
 в душе человека.
 Говорят, что ты
 настолько древняя,
 что не помнишь уже о прошлом,
 но для меня ты —
 сундук моих предков,
 полный тревожных и сладких
 запахов снов и мечтаний
 о далеком прошлом
 и...

Основной массив лексики в тексте имеет статус нейтральной (изофонной) для русского языка (ауру иноязычия в диахроническом масштабе утратили и тюркизмы, ставшие «невидимыми» (Синякин, 2011)). Однако, мы не можем не задаться вопросом: каким будет денотативный уровень русского в своем овеществлении сигнификата? Учитывая этническую принадлежность автора к исходной культуре, мы должны признавать и тот факт, что корреляция между формой и содержанием языкового знака будет происходить по несколько иным законам, чем те, что функционируют в монолингвальном дискурсе. Возникающая в процессе семиозиса ассиметрия языкового знака выражается, вероятно, и в том, что сигнификат в транслингвальном тексте получает альтернативное денотативное наполнение.

Онтический элемент «колыбельная»

Когда Э. Мижит пишет в своем стихотворении «Место, где Бог» о том, что Тува для него «колыбельная песня мамы моей», о какой колыбельной идет речь? Русская лексема «колыбельная» в данном случае адресует нас (вопреки закону изоморфизма!) к этноспецифическому — тувинскому — денотативному уровню. Об этом свидетельствуют не только факты языковой биографии поэта, зафиксированные нами в интервью (с русским языком Э. Мижита познакомил отец), но и уровень внутритекстовой корреляции «Колыбельная = Тува». Колыбельная, таким образом, становится не только номинацией архетипического (следовательно, универсального для человечества) жанра, но и репрезентацией глубоко сакрального этноспецифического уровня смысла.

По данным Е. Л. Тирон, родовым жанровым определением колыбельных песен для тувинцев является *өпей ыры* (Тирон, 2022: Электр. ресурс), который нельзя в строгом смысле перевести как «колыбельная» (по-тувински колыбель — *кавай*; тем не менее, в жанровой номинации внутренняя форма данного слова не проявлена). Автор приходит к выводу, что адекватным переводом имени жанра может служить «баюкальная песня» (там же). При этом различные глагольные формы, происходящие от основы *өпей*, наделены семантикой «баюкать» и «вздыхать, вырастать», что объясняется пожелательным значением такой песни: вырасти. Заклинательный характер баюкальной песни, интенсифицированный многократными повторами, сходен со скотоводческими заговорами приучения самки к детенышу. Кроме того, тувинским баюкальным песням, как пишет Е. Л. Тирон, свойственна особая тембровая подача — горловое пение *өпей хөөмей* (в мужской традиции) и «болтанье языком» (*дылын булгап өпейлээр*) (там же).

Импровизационная природа жанра объясняет отсутствие четкой строфики и равновесного силлабизма. Более развитым поэтическим текстом отличаются колыбельные песенного типа. Наряду с позитивными обращениями к ребенку активно применяются вокативы с негативной семантикой (например, *багай уруум* 'плохая / плохонькая дочка'), несущей охранительную функцию.

«Иногда в текстах колыбельных песен появляется обеспокоенность за обеспеченность будущей жизни ребенка: *Аът чокка, оой, чүнү мунар, оой!* 'Коня нет, ой, как же будет ездить, ой!'; *Идик чокка, оой, чүнү кедер, оой!* 'Обуви нет, ой, что же будет носить, ой!'» (Тирон, 2022).

По мнению Н. М. Кондратьевой и Г. Б. Сыченко, знакомство ребенка с интонационным миром этнической культуры происходит именно посредством колыбельной (Кондратьева, Сыченко, 1997: 282).

Мы привели данные рассуждения не случайно. Несмотря на то, что колыбельная представляет собой архетипический жанр, имеющий универсальные черты, его этноспецифическая репрезентация вариативна и в каждой культуре обретает собственные аутентичные параметры, обусловленные самим жизненным положением народа, его представлениями о мире, способами вживания в действительность и взаимодействия с природой. Природа же для тувинского народа является неизменно одухотворенной даже в контексте новейшего «прогрессивного» времени. Таким образом, в «колыбельной» как онтическом элементе реализуется весь комплекс значений, важных для Э. Мижита как для сына своего народа. Это песня памяти; песня, созвучная самому ритму культуры, рожденная в ее импровизационном, стихийном «порыве»; песня, призванная не только ввести человека в интонационный мир этноса, но и познакомить его с принципами жизни, выработанными столетиями, уберечь, направить, научить.

Онтические элементы «Земля» и «Небо»

В цикле стихотворений «Время моей земли» онтическими элементами, как мы упоминали выше, зачастую выступают «нейтральные» с точки зрения русского языка элементы. В стихотворении «Место, где Бог»¹ (2006), видим:

Говорят, что ты
проста, как загадка,
но для меня ты —
таинственный звук каргыраа,
звук, в котором Небо с Землей
ищут друг друга, тоскуя,
и встречаются здесь —
в душе человека.

Обратимся сейчас к словам «Небо» и «Земля». Их написание с заглавной буквы — уже графический признак особой акцентуации смысла (о роли графики как одного из маркеров транскультурного текста см.: Шафранская, 2023). Это прием не-называния божественного *прямо* путем апелляции к универсальной номинации. Тем не менее, мы понимаем, что становимся свидетелями извечной космогонии, разворачивающейся в душе носителя особого типа мировосприятия. Э. Мижит не только прекрасно владеет мифологическим материалом и умеет его анализировать; он активно преобразует его в своем творчестве. В процессе своей исследовательской деятельности Э. Мижит приходит к концептуально значимым для себя (и как для ученого, и как для поэта) выводам:

— древние тувинцы полагали, что мир был создан Богом-творцом (Денгером, тюрк. *Тенгри*), который породил все сущее, в том числе небожителей и людей;

— Вселенная трехслойна; триединство Верхнего, Среднего и Нижнего миров лежат в основе сакральной символики чисел и жанров тувинского народа (например, *ожук дажы*, «камни очага»);

— в представлениях тувинских шаманов, мир был создан живым: мыслящими и чувствующими существами являются все элементы бытия, от человека (*кижи*), носителя *души-сунесин*, до деревьев, камней и воды, имеющих своих духов-хозяев. Отсюда — преклонение тувинцев перед природой и наличие в традиционной шаманской культуре тувинцев обрядов освещения источников, перевалов и т. д.

— весь мир есть единый живой организм, внутри которого все взаимосвязано (Мижит, 2011: 198-203).

Онтические элементы «Небо» и «Земля» апеллируют в данном случае к тенгрианским воззрениям тувинского народа, которые по сей день остаются для него бытийственно значимыми.

¹ Мижит Э. Место, где Бог. [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

Онтический элемент «сундук»

Еще один изофонный онтический элемент в цикле Э. Мижита представлен лексемой «сундук»:

Говорят, что ты
настолько древняя,
что не помнишь уже о прошлом,
но для меня ты —
сундук моих предков,
полный тревожных и сладких
запахов снов и мечтаний
о далеком прошлом
и будущем¹.

Называя Туву «сундуком моих предков», поэт «подталкивает» читателя к размышлению о том, почему именно сундук становится метафорой памяти о прошлом и мысли о будущем. По сведениям сотрудников Национального музея Республики Тыва Ч. Оржежик и У. Нурзат, тувинский сундук — не одиночный элемент интерьера; сундуки всегда были парными. Располагаясь в самом почетном месте юрты — *дөр* (напротив входа), они служили не только украшением интерьера, но и хранилищем самого ценного для человека: его одежды, предметов, наделенных сакральной символикой, документов. Как правило, сундуки *аптара* и *шургуулда* изготавливались из особого типа древесины и украшались зоо- и фитоморфным орнаментом. Сундук — не только метафора памяти; именно в сундуках бережно хранились важные для человека предметы (одежду, украшения, документы)².

Онтический элемент «юрта»

Особый пространственно-темпоральный код проявлен в стихотворении «Весна — снова — здесь»:

Вот и снова,
в который уж раз,
я чувствую всем существом,
что любое мгновение на этой земле
является нотой,
без которой бессмысленна
и дисгармонична
бесконечная песня
веков,
и только лишь надо
склониться пред нею с почтеньем,
войти в ее **юрту**,
попить с ней горячего чая
и вникнуть в ее простые слова,
чтобы она
открыла тебе свою душу
чистейшим и неповторимым
звучаньем³.

¹ Мижит Э. Место, где Бог [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

² Оржежик Ч., Нурзат У. Тувинская коллекция. Секреты сундуков [Электронный ресурс] // МК.РУ. 2018, 31 января. URL: <https://www.mk-tuva.ru/articles/2018/01/31/tuvinskaya-kollekciya-sekrety-sundukov-aptaranyn-chazhyttary.html> (дата обращения: 06.05.2023).

³ Мижит Э. Весна — снова — здесь [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

«Юрта» — слово, усвоенное системой русского языка и восходящее к общетюркскому *jurt* («народ», «пастбище») в тувинском языке имеет собственную номинацию *өг*, которая входит в состав слова *өг буле* («семейный») (Тувинцы. Родные ..., 2022: 118–137; Өвүс. Возвращение ..., 222).

Для всего цикла «Время моей земли» (как и для цикла «Бусинки столетий») характерно использование дейктических элементов «здесь», «тут», «это место». «Здесь» — это Тува; «здесь — это “весна”». Тува — пространство бесконечного жизненного обновления (неслучайно весну приветствует «первой жизни ягненок»).

В то же время элементы «тут», «здесь» могут быть рассмотрены и как маркеры «тут-бытия» как особого философского модуса. По М. Хайдеггеру, «тут-бытие» (*Dasein*) есть осмысленное присутствие человека в мире, предполагающее его включенность во время, пространство и сосуществование с другими индивидуальными сознаниями (Heidegger, 1996).

У Э. Мижита это переживание жизни «здесь и сейчас», неслучайно мотивно связано с важнейшим для тувинской культуры концептом *өг* «юрта» как архетипической репрезентацией Дома. Символика юрты в стихотворении Э. Мижита уникальна. В чью юрту нужно войти с почтением, чтобы приобщиться к сокровенному знанию? В «юрту песни»:

... и дисгармонична
бесконечная **песня**
веков,
и только лишь надо
склониться пред нею с почтеньем,
войти в ее **юрту**,
попить с ней горячего чая
и вникнуть в ее простые слова...¹

Синтаксическое оформление стихотворения, установление семантических связей между элементами целого показывает, что это юрта «песни веков», иначе не стоило бы «вникать» в ее слова.

Это песня, которая в космологии Э. Мижита рождается и *живет* в единственном месте — в сердце человека *творящего*. Сердце, таким образом, становится имплицитной метафорой юрты: юрта — не просто репрезентация макрокосма, но и само сердце жизни.

Выстраивается семантический ряд соответствий: «Весна» = «Тува» = «юрта». Юрта выступает у Мижита метафорой Тувы, и это закономерно: именно юрта, созданная кочевником как особый микрокосмос (Байыр-оол, 2013), архитектурно и идейно воплощает мировоззренческие представления тувинцев о мире.

Заключение

Таким образом, как мы попытались показать в настоящем исследовании, онтическими элементами транслингвального художественного текста могут выступать и нейтральные (изотипичные) лексемы, которые продолжают активно транслировать вовне этноспецифические смыслы. Следовательно, говорить об утрате культурного содержания в русском (на уровне языкового воплощения) художественном тексте нецелесообразно. Транслингвальный текст — это, в первую очередь, *текст культуры*, и в этом его ценность для всего *диалогического пространства* его функционирования.

Э. Мижит, новаторство которого в тувинской литературе проявлено, в частности, и в творческой реализации на двух языках (тувинском и русском), создает «прозрачные» на первый взгляд произведения, палимпсестная природа которых не эксплицируется напрямую через сигнификаторы транслингвальности. В рассмотренных нами текстах практически не представлено экзотических элементов, которые выступали бы «диагностирующими» маркерами транскультурной эстетики. Тем не менее, мы видим, что этноспецифическим содержанием наполняются и «нейтральные» (изофонные) в русском языке слова: будучи проявленными в русской языковой оболочке, они, тем не менее, апел-

¹Мижит Э. Весна — снова — здесь [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2006. № 4. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vremya-moeu-zemli> (дата обращения 02.05.2023).

лируют к альтернативному (то есть не предзаданному семантической системой русского языка и культуры) содержанию, сообщаемому с пространством культуры этнической (тувинской).

Маркером транслингвального художественного текста выступают не только экзофонные слова, но и общеупотребительные в языке-посреднике лексемы, концептуальное содержание которых раскрывается при условии, что исследователь руководствуется установкой: транслингвальный автор априори подключен к нескольким семиотическим «полям», архетипически «первичным» из которых неизменно выступает поле родной культуры. Игнорировать этот факт — значит, допустить герменевтическую ошибку в истолковании транслингвального эстетического феномена.

Мы попытались проиллюстрировать наши наблюдения на примере отдельных онтических элементов в избранных стихотворениях современного тувинского поэта Э. Мижита, рассмотрев слова «колыбельная», «Земля», «Небо», «сундук», «юрта» как онтические элементы. Несмотря на то, что вербализация в русском языке сообщает им «статус» нейтральных (изофонных, звучащих, как уз-альные слова русского языка), денотативный уровень каждого из выбранных знаков соотносится с тувинским мировосприятием, тувинской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. № 2. С. 67–79.
- Бахтикиреева, У. М. (2021) Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 18. Вып. 1. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17>
- Бахтикиреева, У. М., Валикова, О. А., Токарева, Н. А. (2021) На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 264–273. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
- Валикова, О. А. (2021) Cōgitō, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 216–223. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>
- Валикова, О. А., Шагимгиреева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М.: Советский писатель. 450 с.
- Дампилова, Л. С. (2015) Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 196–202.
- Дианова, Л. П. (2021) Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 194–206. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206>
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Карасев, Л. В. (2009) Флейта Гамлета. Очерк онтологической поэтики. М.: Знак. 208 с.
- Кондратьева, Н. М., Сыченко Г. Б. (1997) Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: в 3 т. / гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск: Сибирский тракт. Т. 1. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. 347 с. С. 209–283.
- Өөвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / составители: Ч. К. Ламажаа [и др.]; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл: б. и. 85 с.
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра. 479 с.
- Мижит, Л. С. (2022) Философская лирика Эдуарда Мижита // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 3. С. 521–532. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>
- Мижит, Э. Б. (2011) Древняя тувинская космология и Тенгрианство // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы III Международной научно-практической конференции / гл. ред. Л. С. Мижит. Абакан: Хакасское книжное издательство. 339 с. С. 197–207.
- Синячкин, В. П. (2011) Историко-культурный слой тюркизов в русском обыденном сознании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 4. С. 85–95.
- Тувинцы. Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История. 344 с.

Тиرون, Е. Л. (2022) Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1. Вып. 43. С. 22–31. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2022-1-22-31>

Шафранская, Э. Ф. (2023) Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 20. № 1. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65>

Alvorado, L. Y. (2010) Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" And Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles" // *Centro Journal*. № 22 (2). P. 50–73.

De Donno, F. (2021) Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada // *Journal of World Literature*. № 6 (1). P. 103–122.

Dorfman, D. (2021) The Weight of National Identity. Nation And Tradition of Translingual Writers // *Linguistica Y Literatura*. № 80. P. 69–81.

Heidegger, M. (1996) *Being and Time*; translated by Joan Stambaugh. State University of NY Press. 487 p.

Kellman, S. G. (2019) Translingual Writers: Introductory Notes // *Polylinguality and Transcultural Practices*. № 16 (1). P. 9–12. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>

Pu, R. Q., Li, H. F. (2019) The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings // *Interdisciplinary Studies of Literature*. № 3 (2). P. 257–271.

Rahimi, A. (2019) Writing Exile // *Journal for Cultural Research*. №. 23 (2). P. 215–219.

Sorvari, M. (2018) Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden's fiction // *Translation Studies*. № 11 (2). P. 158–171.

Weininger, M. (2016) Language Politics: The Boundaries of Homeland and Translingual Israeli Literature // *Studies in The Novel*. № 48 (4). P. 477–493.

Дата поступления: 22.07.2023 г.

Дата принятия: 06.09.2023 г.

REFERENCES

Baiyr-ool, M. S. (2013) Iurta v tuvinskoj traditsionnoj kul'ture [The yurt in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 67–79. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2021) Rusofon – rusofonnyj – rusofoniia – rusofonnaia literatura – slova global'nye ili lokal'nye? [Russophone – Russophonous – Russophone – Russophonous literature – are the words global or local?]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, vol. 18, issue 1, pp. 11–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17>

Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. and Tokareva, N. A. (2021) Na «Agora» segodnia: podkhody k izucheniiu translingval'noi literatury [At "Agora" agenda today: approaches to the study of translingual literature]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 264–273. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>

Valikova, O. A. (2021) Cōgitō, ergo sum: interv'iu s Eduardom Mizhitom [Cōgitō, ergo sum: Interview with Eduard Mizhit]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 2, pp. 216–223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>

Valikova, O. A., Shagimgereeva, B. E. and Kulieva, Sh. A. (2020) Kosmos v logose: translingval'naia poeziia Eduarda Mizhita i Bakhyta Kairbekova [Cosmos in Logos: Translingual Poetry by Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>

Gachev, G. D. (1988) *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 450 p. (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2015) Fenomen bilingvizma v sovremennoj poezii narodov Sibiri [The phenomenon of bilingualism in the modern poetry of the peoples of Siberia]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 196–202. (In Russ.).

Dianova, L. P. (2021) Funktsii zaimstvovannoi leksiki v tekstakh bilingval'nogo avtora [Functions of Borrowed Vocabulary in Literary Texts by a Bilingual Author]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 2, pp. 194–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-194-206>

Dongak, U. A. (2020) Novatorstvo pisatel'ia-bilingva Eduarda Mizhita (tuvinskaia poeziia) [New Poetic Methods in the Literary Imagination of the Bilingual Writer Eduard Mizhit (Tuvan Poetry)]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Karasev, L. V. (2009) *Fleita Gamleta. Ocherk ontologicheskoi poetiki* [Hamlet's flute. An essay on ontological poetics]. Moscow, Znack. 208 s. (In Russ.).

Kondrat'eva, N. M. and Sychenko G. B. (1997) Altaitsy: altai-kizhi, telengity, telesy, teauty, tubalary, chalkantsy, kumandintsy [Altaians: Altai-Kizhi, Telengites, Teles, Teleutes, Tubalars, Chelkans, Kumandins]. In: *Muzykal'naiia kul'tura Sibiri* [Musical culture of Siberia]: in 3 vol. / editor-in-chief B. A. Shindin. Novosibirsk, Sibirskii trakt. Vol. 1. Book 1:

Traditsionnaia kul'tura korennykh narodov Sibiri [Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia]. 347 p. Pp. 209-283. (In Russ.).

Öövüs. *Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Öövüs. Return of the Tuvan yurt]* (2022) / comp. by Ch. K. Lamazhaa et al.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992) *Izbrannye stat'i. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Selected articles. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture]*. Tallinn, Aleksandra. 479 p. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2022) Filosofskaia lirika Eduarda Mizhita [The Philosophical Lyrics of Eduard Mizhit]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 3, pp. 521–532. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532>

Mizhit, E. B. (2011) Drevniaia tuvinskaia kosmologiia i Tengrianstvo [Ancient Tuvan Cosmology and Tengrianism]. In: *Tengrianstvo i epicheskoe nasledie narodov Evrazii: istoki i sovremennost' [Tengrianism and the Epic Heritage of the peoples of Eurasia: Origins and Modernity]*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference / editor-in-chief L. S. Mizhit. Abakan, Khakass Book Publishing House. 339 p. Pp. 197–207. (In Russ.).

Siniachkin, V. P. (2011) Istoriko-kul'turnyi sloi tiurkizmov v russkom obydennom soznanii [The historical and cultural layer of Turkisms in the Russian everyday consciousness]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, no. 4, pp. 85–95. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Peresburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Tiron, E. L. (2022) Kolybel'nye tuvintsev: po ekspeditsionnym materialam Novosibirskoi konservatorii i Instituta filologii SO RAN [Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 1, issue 43, pp. 22–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2022-1-22-31>

Shafranskaia, E. F. (2023) Bukvy, pamiat', iazyk: o russkoi transkul'turnoi literature [Letters, Memory, Language: about Russian Transcultural Literature]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 1, pp. 55–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-55-65>

Alvorado, L. Y. (2010) Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" And Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles". *Centro Journal*, no. 22 (2), pp. 50–73.

De Donno, F. (2021) Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada. *Journal of World Literature*, no. 6 (1), pp. 103–122.

Dorfman, D. (2021) The Weight of National Identity. Nation And Tradition of Translingual Writers. *Linguistica y Literatura*, no. 80, pp. 69–81.

Heidegger, M. (1996) *Being and Time*; translated by J. Stambaugh. State University of NY Press. 487 p.

Kellman, S. G. (2019) Translingual Writers: Introductory Notes. *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 16 (1), pp. 9–12. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>

Pu, R. Q. and Li, H. F. (2019) The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings. *Interdisciplinary Studies of Literature*, no. 3 (2), pp. 257–271.

Rahimi, A. (2019) Writing Exile. *Journal for Cultural Research*, no. 23 (2), pp. 215–219.

Sorvari, M. (2018) Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden's fiction. *Translation Studies*, no. 11 (2), pp. 158–171.

Weininger, M. (2016) Language Politics: The Boundaries of Homeland and Translingual Israeli Literature. *Studies in The Novel*, no. 48 (4), pp. 477–493.

Submission date: 22.07.2023.

Acceptance date: 06.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.13

Статья

Образ пространства Тувы в Рунете

Марина А. Брагина, Вера Н. Левина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Каждый отдельный регион как России, так и мира в целом – это прежде всего, территория, пространство, образ которого формируется по различным информационным и коммуникационным каналам. В статье представлен анализ креолизованных текстов русскоязычного сегмента интернета о путешествиях в Республику Тува за 2020–2023 гг. Цель настоящего исследования заключается в описании вербальных и невербальных средств формирования образа Республики Тува как уникального региона России в разножанровых поликодовых русскоязычных интернет-текстах о путешествиях (блоги, посты, сайты и др.). Авторами этих текстов являются люди, которые делятся своими впечатлениями и эмоциями о путешествиях в этот регион.

Основу исследования составили функционально-семантический и структурно-семантический подходы, что позволило провести комплексный анализ эмпирического материала и определить средства репрезентации образа Тувы, ключевые единицы и их семантику.

В ходе исследования в русскоязычном сегменте интернета были выявлены различные по структуре и семантическому наполнению креолизованные тексты о путешествиях в Республику Тува: отзыв-комментарий о путешествии в Туву, текст-интервью блогера, текст профессионального тревел-журналиста, стихотворный текст-впечатление, видеоочерк, в которых формируется виртуальный образ Тувы как уникального природного пространства при помощи лексических единиц с пейзажной семантикой, сжатых грамматически синтаксических конструкций, создании ассоциативных рядов и др. вербальных и невербальных средств (аудио- и видеоряд, фотоиллюстрации).

Ключевые слова: Республика Тыва; Тува, пространство; интернет-текст; функционально-семантический подход; пейзажная семантика

Для цитирования:

Брагина М. А., Левина В. Н. Образ пространства Тувы в Рунете // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 185–199. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.13>

Брагина Марина Александровна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка № 1 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка № 1 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: levina_vn@mail.ru

BRAGINA, Marina Alexandrovna, Candidate of Philology, Head, Department of the Russian Language No. 1, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia. Email: bragina-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7589-2726

LEVINA, Vera Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language No. 1, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia. Email: levina_vn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3732-6990

The image of Tuva's space in Runet

Marina A. Bragina, Vera N. Levina

RUDN University, Russian Federation

Each distinct region, both within Russia and globally, is primarily conceived as a territory — a space whose representation is crafted through diverse informational and communicative channels. The present article undertakes an analysis of creolized texts within the Russian-language segment of the internet pertaining to travel experiences in the Republic of Tuva from 2020 to 2023. The primary objective of this research is to delineate the verbal and non-verbal mechanisms employed in shaping the image of the Republic of Tuva as a distinctive region within Russia, within the context of polycode Russian-language internet texts on travel, encompassing genres such as blogs, posts, and websites. These texts are authored by individuals who share their impressions and emotions regarding their journeys to this particular region.

The research methodology is grounded in functional-semantic and structural-semantic approaches, facilitating a comprehensive analysis of empirical material and the identification of means employed in representing the image of Tuva, key linguistic units, and their associated semantics.

Throughout the course of the study, diverse creolized texts on travels to the Republic of Tuva were discerned within the Russian-language internet segment. These texts exhibit structural and semantic variances, encompassing travel reviews, blogger interviews, writings by professional travel journalists, impressionistic poetic compositions, and video sketches. In these works, the virtual representation of Tuva as a unique natural expanse is constructed through the utilization of lexical units imbued with landscape semantics, succinct grammatical-syntactic constructions, the establishment of associative series, and other verbal and non-verbal modalities (comprising audio and video elements, as well as photographic illustrations).

Keywords: Republic of Tuva; Tuva, space; internet text; functional-semantic approach; landscape semantics

For citation:

Bragina M. A. and Levina V. N. Obraz prostranstva Tuvy v Runete [The image of Tuva's space in Runet]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 185-199. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.13>

Введение

Сохранение культурного наследия России является в настоящее время одной из важных задач политики нашей страны, о чем свидетельствуют меры государственной поддержки, принятые в 2022 г., который был объявлен Годом культурного наследия народов России и проводился «в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации»¹. Каждый отдельный регион как России, так и мира в целом — это прежде всего, территория, пространство, образ которого формируется по различным информационным и коммуникационным каналам. В условиях глобального развития интернета в современном социуме приоритетной становится виртуальная коммуникация как опосредованная, так и непосредственная. Вместе с тем, получает широкое распространение «зрительная информация, воздействующая на индивида по схеме “от увиденного к усвоенному”» (Сонин, 2005: 115), что влечет за собой появление

¹ Год культурного наследия народов России. Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/s/god-kulturnogo-naslediya/o-gode/> (дата обращения: 25.06.2023).

нового типа текста, и как следствие, вносит изменения и в парадигму лингвистических изысканий, открывая перспективы как для разработки новых теорий, так и проведения экспериментов.

Цель настоящего исследования — описание вербальных и невербальных средств формирования образа Республики Тува как уникального региона России в разножанровых виртуальных креолизованных (поликодовых)¹ русскоязычных интернет-текстах о путешествиях (блоги, посты, сайты и др.). Следует отметить, что в настоящем исследовании интернет-текст рассматривается в широком смысле как виртуальный креолизованный текст, размещенный в интернет-пространстве, а видеочерки о путешествиях рассматриваются нами как особый тип такого текста, на первый план в котором выходит визуальный ряд.

Для выявления основных тенденций формирования русскоязычного образа региона, которые прослеживаются в современных тревел-текстах о Туве, хронологические рамки исследования определяются периодом 2020–2023 гг.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих исследовательских задач: проанализировать структуру, содержание поликодовых текстов Рунета о путешествиях в Туву, выявить их стилистические особенности; проанализировать структуру и содержание видеотекстов о путешествии в Туву профессионального тревел-журналиста; определить вербальные и невербальные средства формирования русскоязычного образа Тувы как уникального, самобытного российского региона в интернет-пространстве.

Новизна предлагаемого исследования определяется выбранными теоретико-методологическим подходами и современным эмпирическим материалом для анализа (поликодовые разножанровые тексты Рунета). Особенность выбранных источников на русском языке заключается в том, что их авторами являются не жители Тувы, а путешественники, которые передают свои впечатления о посещении республики, формируя тем самым у обширной аудитории Рунета образ своеобразного региона.

Исследование основывается на функционально-семантическом (изучение языковых единиц с учетом их семантики, грамматики и функциональной значимости в тексте) и структурно-семантическом подходах (изучение взаимодействия структуры и семантики текста), что позволило провести комплексный анализ эмпирического материала и определить средства репрезентации образа Тувы, ключевые единицы и их семантику, взаимосвязь между структурой текста и его содержанием (Арутюнова, 2003; Болотнова, 1992; Вольф, 2006; Диброва, 1999; Казарин, 1999; Ключина, 2020; Мирзаева, 2007; Николина, 2009; Пискунова, 2002; и др.). Ранее с использованием данных подходов на основе анализа вербального текста была разработана концепция пейзажной картины мира в системе русской языковой культуры (Левина, 2012).

Следует отметить, что данная проблематика только несколько в ином ракурсе представлена в исследовании Ч. К. Ламажаа «Национальный характер тувинцев» в главе 2. Тувинцы глазами путешественников XIX – начала XX в., где, в частности, отмечается, что «лишь со второй половины XIX в., когда Тува стала пограничной территорией между Россией и Китаем, она стала более доступна для путешественников, дипломатов, ученых не только России, но и других стран» (Ламажаа, 2018: 41). Исследователь отмечает, что «каждый автор преследовал свои интересы и порой дневники, полевые заметки, впечатления полны субъективизма, эмоций, художественности» (там же). Так, Д. Каррутес обращал внимание на специфику природного пространства и место человека в нем: «В Азии, где все необычайно, где леса покрывают целые государства, где реки прокладывают себе дорогу зачастую на протяжении целых стран, человек чувствует всё свое ничтожество, подавляемый постоянным сознанием, что *местная природа чересчур мощна и что он лишь ничтожная песчинка по сравнению с ней*» (Каррутес, 2007: 42; выделено курсивом нами. — Авт.). Все это актуально и для современной Тувы.

Основные источники исследования — это поликодовые разножанровые интернет-тексты на русском языке о путешествиях в Республику Тува (блоги, подкасты и др.). Также для сравнения будет

---

¹ В современном языкознании существуют различные термины, которыми обозначаются вербальные тексты, в структуре которых присутствуют элементы иных семиотических систем: поликодовый, креолизованный, мультимодальный. См. подробнее: (Сонин, 2005; Максименко, 2012; Кобозева, 2017; Креолизованный текст., 2020 и др.). В настоящем исследовании термины поликодовый и креолизованный используются как синонимичные понятия.

проанализирована серия видеочерков о Туве в популярной телепередаче Первого канала «Непутевые заметки» профессионального тревел-журналиста Д. Крылова¹.

Пространство как ключевая категория образа региона

Категория *пространство* носит междисциплинарный характер. Так, например, в экономике используется понятия «пространственное развитие», «пространственная экономика» применительно к экономической системе (Головков, 2011). В культурологии, социологии, политологии широко исследуется культура пространства и пространство культуры (Малькова, Тишков, 2009; Шестопал, Смутькина, Сорозикова, 2019) и др. Так, обращает на себя внимание исследование В. К. Мальковой, и В. А. Тишкова, которые, говоря о культуре пространства, рассматривают, прежде всего, географическое пространство: «Географические образы имеют прямое отношение к выработке как национальной, так и региональной идентичности <...> Региональная идентичность призвана обнаружить тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, процедуры самоидентификации, в которых образ региона может предстать как образы населяющих эту территорию людей» (Малькова, Тишков, 2009: 21). По мнению исследователей, этнический фактор в данном случае является не главным, хотя он может выходить на первый план при определенных обстоятельствах (там же: 18).

Особое значение категория *пространства*, элементами которой выступают геокультурные образы, имеет в философских исследованиях, в частности, в ходе рассмотрения геокультурных образов буддийского мира у тувинцев (Ламажаа, 2019: 29), в ходе «анализа Тувы с точки зрения ее пространственного статуса», как «индивидуально определенное единство территории, народонаселения и ее социокультурного облика» (Попков, Тюгашев, 2019: 4). Известна концепция моделирования географических образов, основывающаяся на исследовании процессов взаимодействия культуры и пространства (Замятин, 2006).

Категория *пространство* представляет собой «динамически сложное явление философского, лингвистического, социологического культурологического характера», которое рассматривалось нами ранее на материале художественного текста (Левина, 2012: 96). В функциональном аспекте категория *пространство* представляет собой сложную семантическую организацию. Она способствует раскрытию целого спектра смыслов в тексте. Пространство определяется географическим положением территории, оно связано с представлениями человека о свободе, широте русской души, но в то же время природное пространство — это место для философских размышлений человека на вечные темы, единения человека с природой (см. подробнее: там же: 103).

На материале фольклорных, художественных, публицистических текстов, начиная с древнерусской литературы до произведений современных авторов в ходе предшествующих исследований пейзажной картины мира нами было выявлено четыре группы лексем с пейзажной семантикой, репрезентирующих категорию, *пространство*:

«1) слова с прямым лексическим значением, составляющие оппозицию по семантическому признаку (близко-далеко) (*горизонт, поле, долина, небо, луг, степь и т. п.*);

2) слова с указанием направления (наречные слова *вверх, вниз, дальше, ближе, высоко, низко, север, восток, юг, запад и т. п.*);

3) слова, ассоциативно связанные с понятием *пространство*, которые моделируют перспективу картины природы (*путь, дорога, река и т. п.*);

4) слова, обозначающие элементы пространства, аналоги пространства (*звезды, солнце, луна, лес, роща, сад, поляна, постройки, улицы, парк (городской пейзаж) и т. п.*)» (там же: 100).

На наш взгляд, отдельные элементы данной типологии могут быть актуальны и для русскоязычных интернет-текстов о путешествиях в Туву.

Сходные по проблематике исследования ранее проводила И. Абдулова, которая на материале бурятского и иркутского сегментов Рунета описала виртуальный образ Монголии на политематическом эмпирическом материале (туризм, новости, культура и наука, бизнес/экономика и др.) (Абдулова,

¹ Крылов Д. Республика Тува [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 09.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/neputevye-zametki-vypusk-ot-09-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

2004). Феномен визуального образа Тувы в переходный исторический период, предшествовавший ее официальному вхождению в Советский Союз изучен И. А. Головневым на материале документальных фильмов 1936 г. Б. Небылицкого «За Саянским хребтом» и «Праздник Тувы», где рассматриваются две Тувы: «Тува традиционная» (как образ темного прошлого) и «Тува революционная» (как прообраз светлого будущего) (Головнев, 2021: 119). Другие исследователи описали образы традиционной и современной Тувы на основе подробного анализа этнографического документального фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва» как кинотекста (Анисимов, Борисова, Калининкова, 2022). Наряду с этим, был также рассмотрено ценностное представление Тувы на основе анализа текстовой модальности в публицистическом дискурсе СМИ Германии (Комуцци, Карпунина, 2021).

В настоящем исследовании ключевой категорией русскоязычного образа Тувы является *пространство*. Она будет рассмотрена на материале русскоязычных интернет-текстов авторов-путешественников, а также текстов профессиональных журналистов. Обращает на себя внимание тот факт, что в интернет-коммуникации происходит смешение (креолизация) жанров и функциональных стилей за счет активной реализации креативной функции языка. «Обновление традиционных норм общения в интернет-коммуникации происходит, с одной стороны, под влиянием экстралингвистических факторов (прежде всего цифровой трансформации), с другой — из-за установки пользователей Интернета (как адресанта, так и адресата) на креативное использование языка» (Иванова, Клушина, 2021: 52).

Подтверждением этому могут служить креолизованные тексты блогов, «особенностью которых выступает их дискурсивность, выраженная смешением устной и письменной форм общения, наличием эмоциональной нагрузки, опосредованной такими экстралингвистическими факторами как аудио, видео, эмоджиконами, а также ситуативной составляющей» (Шляхова, 2017: 941). Также в текстах блогов как одного из наиболее популярных интернет-жанров наблюдается частотность имплицитного выражения авторской позиции (Шумилина, Левина, 2021). Безусловно, реализацией креативной функции языка является метафоризация, например, в текстах массмедиа (Киселева и др., 2022), а также использование прецедентных текстов, эпитетов, сравнений, индивидуально-авторских единиц.

Образ Тувы в русскоязычных интернет-текстах о путешествиях

В первую очередь, в ходе анализа языкового материала, внимание было обращено на стилистические особенности заголовочных компонентов поликодовых интернет-текстов, которые, с одной стороны, привлекают внимание читателя, а с другой стороны, передают впечатления автора о путешествии и имеют различное вербальное выражение, например:

— сложная синтаксическая конструкция с элементами разговорного стиля: «Блогер рассказала, ради чего стоит ехать в Туву»¹, «Как впихнуть не впихиваемое или путешествие по Тыве за три дня»³, «Республика Тыва, город Кызыл или Монголия по-русски»⁴;

— метафорические сочетания: «Жемчужины Тувы»⁵, «Озёра Тувы: радужное ожерелье в сердце Азии»⁶, «Дорогой Чингисхана. 10 точек притяжения колоритной Тувы»⁷, «Тропой кочевника. Ч. 3. Неожиданная Тыва»⁸.

¹ Блогер рассказала, ради чего стоит поехать в Туву [Электронный ресурс] // Сайт «Экология России». 26.11.2020. URL: <https://ecologyofrussia.ru/turizm-tuva/> (дата обращения: 25.06.2023).

² Использовано ошибочное склонение, правильно «по Республике Тыва» или «Тыве». — прим. ред.

³ Как впихнуть не впихиваемое или путешествие по Тыве за три дня [Электронный ресурс] // Сайт Pikabu. 2021. URL: https://pikabu.ru/story/kak_vpikhnut_ne_vpikhivayemoe_ili_puteshestvie_po_tyive_za_tri_dnya_8375663?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Республика Тыва, город Кызыл или Монголия по-русски. Ефименко А. [Электронный ресурс] // Туристер. Январь 2023. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_39954 (дата обращения: 19.06.2023).

⁵ Тур «Саянское кольцо». Часть 2 — республика Тува (Тыва) [Электронный ресурс] // Туристер. 16.05.2023. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_37342 (дата обращения: 08.06.2023).

⁶ Горбатовский В. Озёра Тувы: радужное ожерелье в сердце Азии [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Официальный сайт. 03.03.2023. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/ozyora-tuvy-raduzhnoe-ozherele-v-serdce-azii> (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ Гопис Ю. Дорогой Чингисхана. 10 точек притяжения колоритной Тувы [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Официальный сайт. 28.10.2021. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/dorogoy-chingishana-10-tochek-prityazheniya-koloritnoy-tuvy> (дата обращения: 17.06.2023).

⁸ Тропой кочевника. Ч. 3. Неожиданная Тыва [Электронный ресурс] // Туристер. 11.10.2022. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_38393? (дата обращения: 19.06.2023).

Особенности образа Тувы как пространства находят отражение, например, в следующих заголовках программы этнографического тура «Жемчужины Тувы»: «День 3. Дорога древних кочевников»; «День 4. Погружение в жизнь тувинских кочевников»¹.

Особую группу лексем составляют красочные эпитеты, с помощью которых в интернет-пространстве создается многогранный образ Тувы. Лексические единицы образуют такие синонимические ряды, как, например:

- 1) *противоречивая, контрастная;*
- 2) *непредсказуемая, неожиданная;*
- 3) *мистическая, загадочная, неизведанная таинственная;*
- 4) *самобытная, первозданная, полудикая;*
- 5) *труднодоступная, высокогорная.*

В ходе анализа было выявлена наиболее часто встречающаяся синтаксическая конструкция определения Тувы с преобладающей ключевой семантикой уникального пространства, в которой используются стилистически маркированные лексические единицы, например: **великая культура, реально то место** (см. таб.).

Таблица. Определения Тувы в разножанровых текстах Рунета о путешествиях
Table. Definitions of Tuva in the various genre texts of the Runet about travel

Определения
Тува — это абсолютно непривычный, но заслуживающий внимания отдых . // — это про великую культуру . // — один из живописнейших регионов России ² .
Тува — это реально то место, куда стоит поехать ³ .
Тува — это не пара дней, недель или даже месяцев. Это вообще не о времени . Это многокилометровые бескрайние степи , это дух кочевников , древние традиции и таинственные шаманские обряды , которые проводятся и по сей день ⁴ .
Тува — это какой-то другой мир . Понятно даже по пейзажам по дороге, когда тайга плавно сменяется горами , похожими на гигантские верблюжьи горбы. Ради одних этих видов стоило ехать ⁵ .
Тува — « терра инкогнита » (неизвестная земля) для российского туриста, но это только до поры до времени ⁶ .

На основе приведенных определений был смоделирован следующий ассоциативный ряд лексических единиц со словом-стимулом: **Тува** — *отдых; культура; регион; место, куда стоит поехать; не время; степи; дух кочевников; тайга; горы; неизвестная земля*.

Этот ряд включает как слова, имеющие семантику пространства (*тайга, горы, земля, степи*), так и выражающие ее имплицитно в контексте (*культура, отдых, дух кочевников*).

Образ Тувы также раскрывается, визуализируется как *другой мир, другое пространство* посредством текстовых пейзажных единиц (*природа, воздух, Тува*), эмотивной лексики (*красиво, переполняет*

¹ Программа этнографического тура «Жемчужины Тувы» [Электронный ресурс] // Туроператор по Сибири «Саянское кольцо». URL: <https://http://www.sayanring.ru/tour/view/15/> (дата обращения: 15.09.2023).

² Все о Республике Тыва: путеводитель [Электронный ресурс] // Блог компании «211». URL: https://211company.ru/blog/tyva_putevoditel/ (дата обращения: 18.06.2023). Здесь и далее выделено жирным курсивом авторами статьи. — Авт.

³ Блогер рассказала, ради чего стоит поехать в Туву [Электронный ресурс] // Сайт «Экология России». 26.11.2020. URL: <https://ecologyofrussia.ru/turizm-tuva/> (дата обращения: 25.06.2023).

⁴ Программа этнографического тура «Жемчужины Тувы» [Электронный ресурс] // Туроператор по Сибири «Саянское кольцо». URL: <http://www.sayanring.ru/tour/view/15/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Чаа! [Электронный ресурс] // Туристер. Июль 2022. URL: <https://drzaius.tourister.ru/photoalbum/50077> (дата обращения: 10.09.2023).

⁶ Тур «Саянское кольцо». Часть 2 – республика Тува (Тыва) [Электронный ресурс] // Туристер. 16.05.2023. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_37342 (дата обращения: 10.09.2023).

от эмоций и др.), эпитетов (*девственная природа*), метафор (*фантастические краски*), например, в следующем тексте:

В Туве таинственно **красиво**. **Красиво**, когда не знаешь, что ожидает тебя буквально через мгновение. А через мгновение — **другой мир**, когда каждую секунду **тебя переполняет от эмоций**, когда каждую секунду — новое: девственная природа, чистый воздух, **фантастические краски**, другие люди и их удивительная многовековая культура, музыка, шаманские обряды. Тува — это другое. И тут другое абсолютно все («Жемчужины Тувы»)¹.

Отдельную группу креолизованных текстов представляют отзывы-комментарии о путешествии в Туву. Они не сопровождаются фотоиллюстрациями, но включают невербальные интернет-символы. В этих текстах преобладает эмотивная лексика (*природа шикарная, удивительная, замечательная, изумительная; расставаться с горами не хотелось, безумно красивые виды; впечатлили*)² и текстовые пейзажные единицы со значением пространства, различные по грамматической выраженности от отдельных лексем (*Саяны и бескрайние степные просторы, горы, перевалы, озера*)³, до целой картины природы, например:

Из окна автобуса наблюдаешь за сменой степи на горы, *видишь* смену растений и ландшафта. Даже пребываешь в разных климатических зонах. С дождем и холодным ветром в горах и солнечным днём в степи⁴.

Частотным является использование восклицательного знака в конце предложения для усиления эмоционального эффекта: *Природа невероятно красивая! Эмоции зашкаливают! Какие же виды! Ароматы тайги!*⁵

На ресурсе «Туристер»⁶, который является одной из крупнейших в СНГ интернет-площадок, где опытные путешественники делятся своими впечатлениями о посещении различных городов и стран, был выявлен цикл рассказов-постов под общим названием «Тропой кочевника». Он включает следующие две части, посвященные Туве: «Часть 3. Неожиданная Тува»; «Часть 4. Неожиданная Тува. Окончание».

Некоторые тексты-посты из этого цикла отдаленно напоминают описания природы, которые встречаются у писателей-классиков А. П. Чехова, И. С. Тургенева и др.:

Нежный в салативо-охристой гамме пейзаж с редкими вкраплениями единичных деревьев и кустарников, перемежающихся с каменистыми прожилками, действовал умиротворяюще. <...> Загадочная Тыва изобилует легендами практически по любому случаю. Личное предпочтение отдала невесомым панорамам двух других озёр, растворившихся в знойной дымке, обозначенных едва различимыми мазками. **И всё же первую скрипку играло выразительное небо, солируя пышными облаками, подчеркивающими озёрный абрис**⁷.

В отдельную группу нами был выделен креолизованный текст-интервью «Блогер рассказала, ради чего стоит поехать в Туву», который дублируется в видеointервью с блогером для сайта «Экология России»⁸.

Блогер, автор проекта «Золото Тувы» Анастасия Нелень искренне восхищается красотой Тувы, используя как эмотивные слова, так и лексику с природной семантикой (*Разнообразие, четыре разные культуры в одном месте — все это поражает. По моему мнению, там самые **крутые закаты** на этой планете*)⁹). Также она говорит о цели своих проектов: «Своими проектами я хочу показать **истинную красоту природы** этого региона, а негатив есть везде»¹⁰.

¹ Программа этнографического тура «Жемчужины Тувы» [Электронный ресурс] // Туроператор по Сибири «Саянское кольцо». URL: [https:// http://www.sayanring.ru/tour/view/15/](https://http://www.sayanring.ru/tour/view/15/) (дата обращения: 10.09.2023).

² Отзывы туристов об отдыхе в Туве [Электронный ресурс] // Большая страна. Сайт. 06.09.2023. URL: <https://bolshayastrana.com/otzyvy/tyva> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Туристер. Сайт [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tourister.ru> (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ Тропой кочевника. Ч. 3. Неожиданная Тува [Электронный ресурс] // Туристер. 11.10.2022. URL: https://www.tourister.ru/responses/id_38393 (дата обращения: 19.06.2023).

⁸ Блогер рассказала, ради чего стоит поехать в Туву [Электронный ресурс] // Сайт «Экология России». 26.11.2020. URL: <https://ecologyofrussia.ru/turizm-tuva/> (дата обращения: 25.06.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Также на одном из ресурсов о путешествиях была обнаружен интересный по структуре и грамматической выразительности (глагольные лексемы) фрагмент текста, в котором наиболее ярко реализуются функция воздействия на читателя, побуждение к действию, к путешествию:

ЗАЧЕМ ЕХАТЬ (Хакасия, Тува):

- *Побывать* в сердце Сибири,
- *Понять*, что же такое «Запах тайги», за которым так хотели ехать в 60-х,
- *Потоптать* Ергаки, (тув. Эргек-Даргак-Тайга)
- *Помочь* ножки в верховьях Енисея, (тув. Эне-Сай)
- *Поискать* летающие тарелки в полудикой Туве,
- *Освоить* технику горлового пения,
- *Пройти* ритуал в буддистском храме в Туве,
- *Поймать* своего первого хариуса на мушку¹.

В самостоятельную группу мы выделили тексты профессиональных авторов, статьи которых размещены на сайте Русского географического общества. В них используется в качестве ключевой пейзажная лексика (*природная зона, степные и пустынные ландшафты под раскалённым небом, украшенные многоцветьем чудесных озёр; панорамы Восточных Саян, горные озёра и реки, лето, зима и др.*), например:

*Тува — один из самых интересных в природном отношении регионов России. Расположенная в центре Азии, республика удивительным образом вмещает практически все природные зоны нашей огромной страны. Вспоминая свою поездку в республику, я не раз ловил себя на мысли, что **будто побывал на другой планете** — настолько необычны были для меня, жителя средней полосы России, **степные и пустынные ландшафты под раскалённым небом, украшенные многоцветьем чудесных озёр**. Вот о них и пойдёт речь (В. Горбатовский «Озёра Тувы: радужное ожерелье в сердце Азии»)².*

Подобные тексты сопровождаются также соответствующими фотоиллюстрациями³, которые создают визуальный образ Тувы как уникального пространства, демонстрируют живописные степные и горные пейзажи.

Отдельно следует обозначить стихотворные тексты об отдельно взятом регионе, которые встречаются в Рунете. Так, например, своими «поэтическими» впечатлениями о посещении Тувы делится современный поэт, секретарь Правления Союза писателей России Н. В. Переяслов, который приезжал в республику на Международный фестиваль молодых писателей в июне 2023 г. Он написал стихотворение «Хочу в Туву!», где уже название транслирует читателю эмоции автора от знакомства с этим уникальным регионом. Для усиления эмоционального эффекта автор повторяет фразу, вынесенную в название стихотворения в каждой строфе: *Хочу в Туву!*

В заключительной строфе стихотворения поэт называет Туву *распахнутым музеем* и использует императивные формы глаголов для усиления позитивного эффекта от эмоций, полученных от знакомства с республикой:

*... ходи, любуйся, наслаждайся,
тувинским духом насыщайся,
вкушай народную молву⁴.*

Поэт, описывая Туву, использует слова высокого стиля, называет ее краем:

¹ Хакасия и Тува: Саяны, степь и тайга [Электронный ресурс] // Сайт «Неизведанный мир». URL: <https://wildrussia.travel/hakasiya-i-tuva-sayany-step-i-taiga> (дата обращения: 25.06.2023).

² Горбатовский В. Озёра Тувы: радужное ожерелье в сердце Азии [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Официальный сайт. 03.03.2023. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/ozyora-tuvy-raduzhnoe-ozherele-v-serdce-azii> (дата обращения: 17.06.2023).

³ Там же.

⁴ Николай Переяслов: Хочу в Туву! [Электронный ресурс] // Тувамедиагрупп. 2023, 30 июня. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/nikolaj-pereyaslov-hochu-v-tuvu/> (дата обращения: 11.09.2023).

... где мир похож на **дивный** рай,
 где ширь степей **пленяет** взор
 И **маня**т небо степи гор,
 <...>
 а где Дургенский водопад
 к себе притягивает взгляд —
воздать, ликуя божеству!
 Хочу в Туву!¹

Свое восхищение Тувой поэт передает также при помощи восклицательных конструкций: *О, как здесь чист и вкусен воздух! // А как сияют в небе звезды!*² Образ Тувы как пространства репрезентируется такими лексическими единицами с пейзажной семантикой, как: *ширь, степь, солнце, небо, степи гор, синева* и др.; индивидуально-авторскими единицами: *Центр Азии нацелен в небо*³ и др. Стихотворная форма, безусловно, оказывает влияние на восприятие информации, которую автор стремится донести до читателя.

Следует отметить, что изучение стихотворных текстов о Туве на русском языке, как размещенных в Рунете, так и изданных в поэтических сборниках, в т. ч. в советский период, является перспективным аспектом научных изысканий специалистов различных областей гуманитарного знания (лингвистов, литературоведов, историков, философов, культурологов и др.).

Репрезентация образа Тувы в видеоочерках о путешествиях

В отдельную группу нами была выделена и проанализирована серия видеоочерков о Туве тележурналиста, автора и ведущего телепередачи «Непутевые заметки» Д. Крылова (выпуски от 9, 16 и 30 октября 2022 г.), каждый из которых по времени занимает не более 15 мин. В максимально сжатых по формату видеоочерках автору, как мы считаем, удалось показать и рассказать главное о Туве, рассказать об её исторических корнях, традициях и культуре, показать быт современных тувинцев. В таких поликодовых текстах особенно важен подбор видео- и аудиоматериалов.

В первом выпуске телепередачи «Непутевые заметки» от 9 октября 2022 г.⁴ знакомство зрителей с Тувой начинается сразу с визуального ряда, демонстрирующего необъятное природное пространство региона: дорога в степи, по которой едет машина с местными жителями (*фото 1*).

Дорога сменяется плывущей по озеру лодкой и далее панорамным видом водной глади (*фото 2*).

Затем демонстрируется бескрайняя тайга на фоне горных хребтов, скрытых за туманной дымкой (*фото 3*).

Представленный видеоряд удачно совмещается с аудиоматериалом — песней «Республика Тува» в исполнении автора Ю. Визбора. Он использует условную метафорическую конструкцию, чтобы передать свои впечатления от знакомства с неизведанным регионом, который не оставляет равнодушным ни одного путешественника:

*Впереди лежит тот край, который,
 Если взял, то больше не отдашь.*⁵

И далее в строках припева обращается внимание на уединенность этого края:

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Крылов Д. Республика Тува. [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 09.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/neputevye-zametki-vypusk-ot-09-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Визбор Ю. Республика Тува [Электронный ресурс] // Юрий Визбор. Официальный сайт. URL: <https://vizbor.ru/?chrzdel=2&chmenu=7&tr=songs&is=1&idsong=298> (дата обращения: 12.09.2023); Крылов Д. Республика Тува [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 09.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/neputevye-zametki-vypusk-ot-09-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

Фото 1. Дорога в степи. Д. Крылов. Телепередача «Непутевые заметки. Республика Тува» от 9 октября 2022 г.
Photo 1. The road to the steppe. D. Krylov. TV show «Wayward notes. Republic of Tuva» dated October 9, 2022.

Фото 2. Лодка, плывущая по озеру. Д. Крылов. Телепередача «Непутевые заметки. Республика Тува» от 9 октября 2022 г.
Photo 2. A boat floating on the lake. D. Krylov. TV show «Wayward notes. Republic of Tuva» dated October 9, 2022.

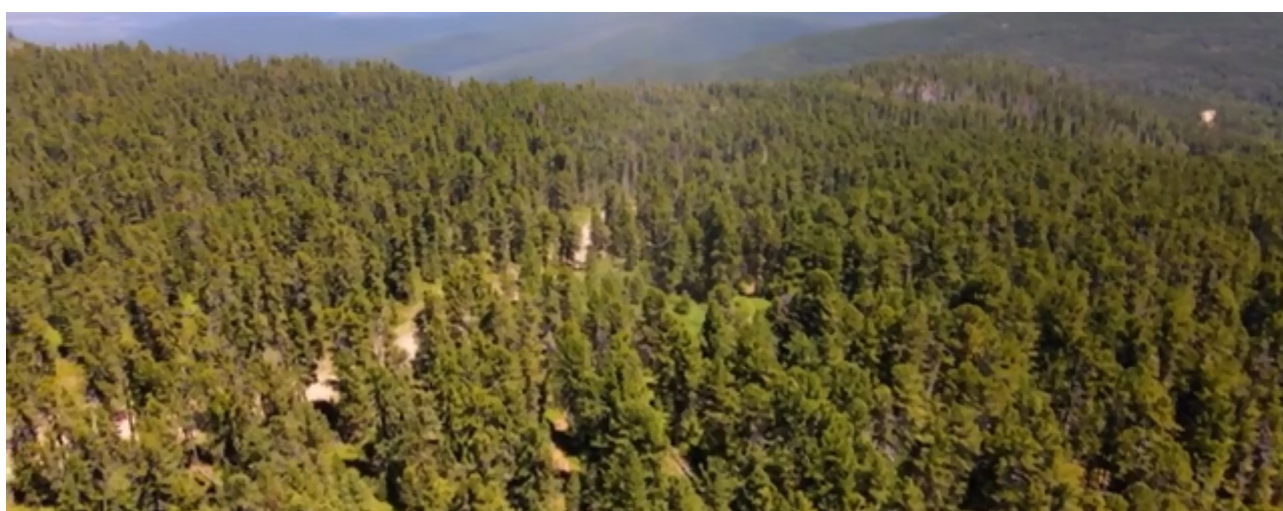

Фото 3. Тайга на фоне горных хребтов. Д. Крылов. Телепередача «Непутевые заметки. Республика Тува» от 9 октября 2022 г.
Photo 3. Taiga on the background of mountain ranges. D. Krylov. TV show «Wayward notes. Republic of Tuva» dated October 9, 2022.

Фото 4. Город Кызыл. Д. Крылов. Телепередача «Непутевые заметки. Республика Тува» от 9 октября 2022 г.
Photo 4. The city of Kyzyl. D. Krylov. TV show «Wayward notes. Republic of Tuva» dated October 9, 2022.

А республика Тува живет без публики,

По лесам-то, по лесам-то, тишина...¹

Затем Д. Крылов информирует телезрителя о том, что «сегодняшний очерк посвящен этому необычному краю нашего Отечества»². На фоне живописного видеоряда тувинских пейзажей журналист приводит краткую справку об истории Тувы. Комментарий журналиста о возникновении города Кызыла, столицы республики, звучит уже на фоне панорамы города и локальных городских пейзажей (фото 4).

Далее следует рассказ журналиста о религиозных традициях тувинцев, который сопровождается аудиорядом (этнической музыкой) и видеорядом с демонстрацией традиционной борьбы хуреш.

В следующем видеоочерке «Продолжение знакомства с Республикой Тува. Часть 1. Непутевые заметки. Выпуск от 16.10.2022»³ Д. Крылов продолжает рассказ о Туве с места, на которое ведут всех гостей в городе Кызыл — Центр Азии, рассказывает о некоторых свадебных традициях, связанных с этим местом, особенностях архитектуры в столице Тувы, горловом пении, быте тувинцев-скотоводов. Рассказ сопровождается видео- и аудиорядом, что позволяет телезрителю прочувствовать всю уникальность, самобытность, непохожесть Тувы на другие регионы России.

В заключительном видеоочерке «Продолжение знакомства с Республикой Тува. Часть 2. Непутевые заметки. Выпуск от 30.10.2022»⁴ Д. Крылов продолжает знакомить телезрителей с достопримечательностями Тувы. Он рассказывает о месторождении на горе Сарыг-Хая уникального камня агальматолита, из которого местные жители делают различные сувениры. Также ведущий рассказал о своих впечатлениях о посещении музея-заповедника «Белдир-Кежи», где можно увидеть уникальные памятники. Рассказ сопровождается необыкновенными картинками уникального природного

¹ Визбор Ю. Республика Тува [Электронный ресурс] // Юрий Визбор. Официальный сайт. URL: <https://vizbor.ru/?chrazdel=2&chmenu=7&r=songs&is=1&idsong=298> (дата обращения: 12.09.2023); Крылов Д. Республика Тува [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 09.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/neputevye-zametki-vypusk-ot-09-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

² Крылов Д. Республика Тува [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 09.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/neputevye-zametki-vypusk-ot-09-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

³ Крылов Д. Продолжение знакомства с Республикой Тува. Часть 1 [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 16.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/prodolzhenie-znakomstva-s-respublikoy-tuva-neputevye-zametki-vypusk-ot-16-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Крылов Д. Продолжение знакомства с Республикой Тува. Часть 2 [Электронный ресурс] // Непутевые заметки. Выпуск от 30.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski/neputevye-zametki-vypusk-ot-30-10-2022> (дата обращения: 15.06.2023).

пространства Тувы. Визуализация информации, сопровождение ее аудиорядом, звучащей речью, которая обладает дополнительными характеристиками (темп, тембр, интонация) позволяет автору ярче передать свои впечатления от увиденного, воздействовать на зрителя, вызвать желание самостоятельно посетить места, о которых так интересно и захватывающе рассказывает тележурналист.

Таким образом, в видеоочерке о Туве профессионального тревел-журналиста на первый план выходят невербальные средства формирования образа пространства Тувы: видеоряды и аудиоряды, содержание комментариев журналиста, его интонация, тембр голоса, темп речи и др.

Заключение

В ходе исследования выявлены основные тенденции формирования образа Тувы в Рунете, основные вербальные и невербальные средства формирования образа Тувы в интернет-пространстве в разножанровых интернет-текстах о путешествиях на русском языке. Ключевой в русскоязычном образе региона является семантика уникальности.

В ходе исследования были выявлены следующие различные по структуре и семантическому наполнению креолизованные тексты о путешествиях в Республику Тува: отзыв-комментарий о путешествии в Туву, текст-интервью блогера, текст профессионального тревел-журналиста, стихотворный текст-впечатление, видеоочерк, в которых формируется виртуальный образ Тувы как уникального природного пространства при помощи лексических единиц с пейзажной семантикой, сжатых грамматически синтаксических конструкций, создании ассоциативных рядов и др. вербальных и невербальных средств (аудио- и видеоряд, фотоиллюстрации).

Подобного рода тексты имеют важное социальное значение для развития туристического потенциала региона и формирования его положительного образа в Рунете. В СМИ встречаются отдельные негативные отзывы о регионе, однако они не могут служить ориентиром для создания у человека собственного впечатления о Республике Тува, так как они являются субъективным мнением отдельно взятого человека, обусловленное конкретными условиями.

Безусловно, перспективным видится дальнейшее исследование текстов о Туве в Рунете по различной тематике, жанрам и различным аспектам, вербальному и невербальному наполнению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулова, И. (2004) Виртуальная Монголия: Интернет-образ пространства в иркутском и бурятском сегментах Сети // Вестник Евразии. № 3. С. 9–25.
- Анисимов, В. Е., Борисова, А. С., Калининкова, Е. Д. (2022) Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва») // Новые исследования Тувы. № 1. С. 183–197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.12>
- Арутюнова, Н. Д. (2003) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Едиториал УРСС. 383 с.
- Болотнова, Н. С. (1992) Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 309 с.
- Вольф, Е. М. (2006) Функциональная семантика оценки. М. : КомКнига. 280 с.
- Головков, А. Н. (2011) Пространственное развитие как экономическая категория // Управление экономическими системами. № 2 (26). С. 14–20.
- Головнев, И. А. (2021) Образы Тувы в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере творчества Бориса Небылицкого) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>
- Диброва, Е. И. (1999) Пространство текста в композитивном членении // Структура и семантика художественного текста: доклады VII Международной конференции / отв. ред. Е. А. Диброва. М. : Изд-во «СпортАкадемПресс». 479 с. С. 91–138.
- Замятин, Д. Н. (2006) Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. : Знак. 488 с.
- Иванова, М. В., Клушина, Н. И. (2021) Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62>
- Казарин, Ю. В. (1999) Поэтический текст как система. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 260 с.

Клюшина, А. М. (2020) Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13. Вып. 10. С. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.21>

Каррутерс, Д. (2007) Неведомая Монголия. Т. 1: Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер: антология: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово. Т. 4: Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX в.). 2007. 549 с. С. 10–261.

Киселева, Л. А., Тодосиенко, З. В., Лукманова, Р. Р., Куулар, Е. М. (2022) Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 243–256. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>

Максименко, О. И. (2012) Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2. С. 93–101.

Кобзева, Е. В. (2017) Поликодовый текст как объект филологического анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. №10 (123). С. 58–62.

Комуцци, Л. В., Карпунина, И. В. (2021) Текстовая модальность как способ ценностного представления Тувы в немецкой публицистике // Новые исследования Тувы. № 4. С. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.7>

Креолизованный текст: Смысловое восприятие (2020) / отв. ред. И.В. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН. 206 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М.; СПб.: Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2019) Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

Левина, В. Н. (2012) Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество». 260 с.

Малькова, В. К., Тишков, В. А. (2009) Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. М.: ИЭА РАН. 147 с.

Мирзаева, Т. В. (2007) Полисемантический потенциал слова вода в поэзии Вячеслава Иванова // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 119–126.

Николина, Н. А. (2009) Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: ИТДГК «Гнозис». 336 с.

Пискунова, С. В. (2002) Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 408 с.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019) Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Сонин, А. Г. (2005) Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. № 6. С. 115–123.

Шестопад, Е. Б., Смутькина Н. В., Сорозикова, И. В. (2019) Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика и геополитика. Т. 10. № 3. С. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>

Шляхова, Д. А. (2017) Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 8. № 4. С. 939–948. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>

Шумилина, С. А., Левина, В. Н. (2021) Имплицитные способы выражения авторской позиции в публицистическом дискурсе блогосферы Рунета // Русистика. Т. 19. № 4. С. 481–495. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-481-495>

Дата поступления: 14.07.2023 г.

Дата принятия: 04.09.2023 г.

REFERENCES

Abdulova, I. (2004) Virtual'naia Mongoliia: Internet-obraz prostranstva v irkutskom i buriatskom segmentakh Seti [Virtual Mongolia: The Internet image of space in the Irkutsk and Buryat segments of the Network]. *Vestnik Evrazii*, no. 3, pp. 9–25. (In Russ.).

Anisimov, V. E., Borisova, A. S. and Kalinnikova, E. D. (2022) Obrazy traditsionnoi i sovremennoi Tuvy v rossiiskom etnograficheskom kino (na primere fil'ma S. Rodninoi i A. Men'shova «Planeta Tuva») [Images of Traditional and Modern Tuva in Ethnographic Cinema (based on the film of S. Rodnina and A. Menshov "Tuva Planet")]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 183–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Arutiunova, N. D. (2003) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problem [Sentence and its meaning: Logical and semantic problems]*. Moscow, Editorial URSS. 383 p. (In Russ.).

Bolotnova, N. S. (1992) *Khudozhestvennyi tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyi analiz edinits leksicheskogo urovnia [Literary text in the communicative aspect and complex analysis of lexical level units]*. Tomsk, Tomsk University Publ. 309 p. (In Russ.).

Vol'f, E. M. (2006) *Funktional'naiia semantika otsenki [Functional semantics of evaluation]*. Moscow, KomKniga. 280 p. (In Russ.).

Golovkov, A. N. (2011) Prostranstvennoe razvitie kak ekonomicheskaia kategoriiia [Spatial development as an economic category]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, no. 2 (26), pp. 14–20. (In Russ.).

Golovnev, I. A. (2021) Obrazy Tuvy v sovetskom kinematografe 1930-kh gg. (na primere tvorchestva Borisa Nebylitskogo) [Images of Tuva in Soviet Cinema of the 1930s (The Case of Boris Nebylitsky's Creativity)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>

Dibrova, E. I. (1999) Prostranstvo teksta v kompozitivnom chlenenii [Text space in compositive division]. In: *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta [Structure and semantics of a literary text]: reports of the VII International Conference / ed. by E. A. Dibrov*. Moscow, SportAkademPress. 479 p. Pp. 91–138. (In Russ.).

Zamiatin, D. N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov [Culture and space: Modeling of geographical images]*. Moscow, Znak. 488 p. (In Russ.).

Ivanova, M. V. and Klushina, N. I. (2021) Kreativnye vozmozhnosti iazyka v internet-kommunikatsii [Creative possibilities of language in Internet communication]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovani. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 52–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-52-62>

Kazarin, Yu. V. (1999) Poeticheskii tekst kak Sistema [Poetic text as a system]. Ekaterinburg, Ural University Publ. 260 p. (In Russ.).

Kliushina, A. M. (2020) Problema bytovaniia funkcional'no-semanticheskogo podkhoda v lingvistike: sistematičeskii obzor [Functional-Semantic Approach Existence in Linguistics: Systematic Review]. *Philology. Theory & Practice*, vol. 13, issue 10, pp. 113–118. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.21>

Karruters, D. (2007) Nevedomaia Mongoliia. T. 1: Uriankhaiskii kraii [Unknown Mongolia. Vol. 1: Urianhai region]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Urianhai. Tyva Depter]: an anthology: in 7 vol. / comp. by S. K. Shoigu*. Moscow, Slovo. Vol. 4: Uriankhaiskii kraii: perekrestok mnenii (konets XIX — nachalo XX v.). 549 c. S. 10–261. (In Russ.).

Kiseleva, L. A., Todosienko, Z. V., Lukmanova, R. R. and Kuular, E. M. (2022) Metafora kak sredstvo vizualizatsii ob'ekta naimenovaniia v mediatekstakh (na materiale russkogo, angliiskogo, tatarskogo i tuvinskogo iazykov) [Metaphor as a means of visualizing an object of naming in media texts (a case study of the Russian, English, Tatar and Tuvan languages)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 243–256 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>

Maksimenco, O. I. (2012) Polikodovyi vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Polycode vs. creolized text: the problem of terminology]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika, Semantika*, no. 2, pp. 93–101. (In Russ.).

Kobzeva, E. V. (2017) Polikodovyi tekst kak ob'ekt filologicheskogo analiza [Polycode text as an object of philological analysis]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 10 (123), pp. 58–62. (In Russ.).

Komutstsi, L. V. and Karpunina, I. V. (2021) Tekstovaiia modal'nost' kak sposob tsnostnogo predstavleniia Tuvy v nemetskoii publiksistike [Text Modality as a Mode of Value-based Representation of Tuva in German Opinion Journalism]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 89–100. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.7>

Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriiatie [Creolized text: Semantic perception] (2020) / ed. by I. V. Vashunina. Moscow, Institut iazykoznaniiia RAN. 206 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [The national character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2019) Geokul'turnye obrazy buddiiskogo mira tuvintsev: istoricheskii kontekst i sovremennost' [Geocultural images of the Tuvan Buddhist world: historical context and modernity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 27–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

Levina, V. N. (2012) *Peizazhnaia kartina mira v sisteme russkoi iazykovoi kul'tury [Landscape picture of the world in the system of Russian language culture]*. Tambov, TROO «Biznes-Nauka-Obshchestvo». 260 p. (In Russ.).

Mal'kova, V. K. and Tishkov, V. A. (2009) *Kul'tura i prostranstvo. Kniga pervaiia. Obrazy rossiiskikh respublik v Internete [Culture and space. The first book. Images of Russian republics on the Internet]*. Moscow, IEA RAN. 147 p. (In Russ.).

Mirzaeva, T. V. (2007) Polisemanticheskii potentsial slova voda v poezii Viacheslava Ivanova [Polysemantic potential of the word water in the poetry of Vyacheslav Ivanov]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 3, pp. 119–126. (In Russ.).

Nikolina, N. A. (2009) *Aktivnye protsessy v iazyke sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury [Active processes in the language of modern Russian fiction]*. Moscow, ITDGK «Gnozis». 336 s. (In Russ.).

Piskunova, S. V. (2002) *Tainy poeticheskoi rechi (grammaticheskaiia forma i semantika teksta) [Secrets of poetic speech (grammatical form and semantics of the text)]*. Tambov, TGU Publ. 408 p. (In Russ.).

Popkov, Iu. V., Tiugashev, E. A. (2019) Prostranstvennyi obraz Tuvy v ob"ektive sotsiokul'turnoi fenomenologii [The spatial image of Tuva in the focus of sociocultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Sonin, A. G. (2005) Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniia [Experimental study of polycode texts: main directions]. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 6, pp. 115–123. (In Russ.).

Shestopal, E. B., Smul'kina N. V. And Sorozikova, I. V. (2019) Sravnitel'nyi analiz obrazov svoei strany u zhitelei rossiiskikh regionov [Comparative analysis of one's own country images in Russian regions]. *Sravnitel'naia politika i geopolitika*, vol. 10, no. 3, pp. 74–94. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>

Shliakhova, D. A. (2017) Zhanrovyie kharakteristiki blogov kak elektronnykh sredstv massovoi kommunikatsii [Genre features of blogs as electronic means of mass communication]. *Vestnik RUDN. Serii: Teoriiia iazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 8, no. 4, pp. 939–948. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948>

Shumilina, S. A. and Levina, V. N. (2021) Implitsitnye sposoby vyrazheniia avtorskoi pozitsii v publitsisticheskom diskurse blogosfery Runeta [Implicit ways to express the author's opinion in the publicistic discourse of Runet blogosphere]. *Rusistika*, vol. 19, no. 4, pp. 481–495. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-481-495>

Submission date: 14.07.2023.

Acceptance date: 04.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.14

Статья

Тува туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации

Дмитрий С. Скнарев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Мавжида М. Русакова

Южно-Уральский государственный медицинский университет, Российская Федерация,

Наталья Ю. Нелюбова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируется проблема лингвокультурологической специфики маркетинговой интернет-коммуникации на материале сайтов Рунета и видеохостинга YouTube.com, посвященных туризму Республики Тыва, репрезентированных на русском языке. Так, культура региона определяет отбор языковых средств создания привлекательного бренда Тувы для потенциальной аудитории для его продвижения в Интернете.

В репрезентации бренда Тувы участвуют различные языковые средства, среди которых наиболее эффективны эпитеты и фразеологизмы. Тува представляется как туристический бренд, «уникальный край», «страна контрастов», «место силы», «земля живых традиций» и др. Отдельно выделяется образ Кызыла — столицы региона. В его основе местные достопримечательности (храм Цеченлинг, обелиск Центр Азии, Национальный музей имени Алдан-Маадыр и др.) и сфера гостеприимства (гостиницы и отели), а также сувениры, которые можно привезти из Тувы (элементы тувинского костюма, посуда и домашняя утварь, курительные трубки). Примечательно, что в Туве развиваются свои торговые марки. Например, бренд одежды «Девиг», компания «Вавиол» («Травы Тувы»), Brand Dongak и др. Особого внимания заслуживает национальная кухня Тувы. В интернет-коммуникации часто упоминаются гастрономические бренды региона с названиями на тувинском языке: суттуг шай, хымыс, арага, бууза, хуужуур, манчы и др.

Лингвокультурологическая специфика сайтов о туризме Республики Тыва заключается в представлении уникального образа региона, воплощающего информацию о различных видах туризма: духовного, спортивного, оздоровительного, экологического, культурно-познавательного и др. Все это передается с помощью определенных образных языковых средств (тропов и фразеологизмов).

В зависимости от дестинации каждый путешественник может постигнуть природное ландшафтное разнообразие региона и оценить неповторимую самобытность его культуры.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; образ Тувы; туристический бренд; лингвокультурология; тувинская культура; языковое средство

Публикация выполнена в рамках проектов № 202802–2–000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» и D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Скнарев Д. С., Русакова М. М., Нелюбова Н. Ю. Тува туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 200-216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.14>

Скнарев Дмитрий Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: sknarev_ds@pfur.ru

Русакова Мавжида Мунировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Южно-Уральского государственного медицинского университета. Адрес: 454092, Россия, г. Челябинск, ул. Воровского, д. 64. Эл. адрес: mmrusakova@yandex.ru

Нелюбова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: nelubova_nyu@pfur.ru

Tuva tourist: linguistic and cultural features of marketing Internet communication

Dmitry S. Sknarev

RUDN University, Russian Federation,

Mavzhida M. Rusakova

South Ural State Medical University, Russian Federation,

Natalia Yu. Nelyubova

RUDN University, Russian Federation

The article critically examines the issue of linguacultural specificity within the domain of marketing internet communication, focusing on materials sourced from Russian-language websites and the YouTube video hosting platform dedicated to tourism in the Republic of Tuva. The study delineates how the regional culture intricately shapes the selection of linguistic tools for crafting a compelling Tuva brand tailored for potential audiences in online promotional endeavors.

Various linguistic constructs actively contribute to the representation of the Tuva brand, with particular emphasis placed on the efficacy of epithets and phraseological units. Tuva is portrayed as a distinctive tourist brand, characterized as a “unique land”, a “land of contrasts”, a “place of power”, a “land of living traditions”, among other epithets. Special attention is directed towards the portrayal of Kyzyl, the regional capital, which is depicted based on local landmarks (Cechenling Temple, the Center of Asia obelisk, the Aldan-Maadyr National Museum, etc.), hospitality establishments (hotels), and indigenous souvenirs encompassing elements of the Tuvan costume, utensils, home goods, and smoking pipes. Noteworthy is the development of proprietary brands in Tuva, such as the “Devig” clothing brand, the “Vaviol” company (“Herbs of Tuva”), Brand Dongak, and others. The Tuvian national cuisine is also a focal point, with frequent references in online communication to gastronomic brands in the region bearing Tuvan names: *suttug shai*, *khymys*, *araga*, *buuza*, *khuzhur*, *manchyyr*, and others.

The linguacultural specificity of tourism websites in the Republic of Tuva lies in the presentation of a unique regional image that encapsulates information on diverse forms of tourism, including spiritual, sports, health-oriented, ecological, cultural-cognitive, and more. This multifaceted representation is conveyed through specific figurative linguistic means, notably tropes and phraseological units.

Depending on the chosen destination, each traveler has the opportunity to explore the natural landscape diversity of the region and gain an appreciation for the unique authenticity of its culture.

Keywords: Tuvans; Tuva; Tuva image; tourist brand; linguaculturology; Tuvan culture; linguistic construct

Financing:

The publication was carried out within the framework of projects No. 202802-2-000 “Linguoculturological study of the communicative reality of modern Russia” and D.2-F/S2022 of the Grant Support System for scientific projects of the RUDN.

For citation:

Sknarev D. S., Rusakova M. M. and Nelyubova N. Yu. Tuva turisticheskaia: lingvokul'turologicheskie osobennosti marketingovoi internet-kommunikatsii [Tuva tourist: linguistic and cultural features of marketing Internet communication]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 200-216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.14>

SKNAREV, Dmitry Sergeevich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Department of Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: sknarev_ds@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0002-9404-8421

RUSAKOVA, Mavzhida Munirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Latin course, South Ural State Medical University. Postal address: 64 Vorovsky St., 454092, Chelyabinsk, Russia. Email: mmrusakova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0335-6884

NELYUBOVA, Natalia Yuryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: neliubova_nyu@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0002-6538-8267

Введение

Позиционирование региона в виде определенного бренда — важнейший инструмент развития бизнеса и эффективное средство привлечения внимания потенциальных потребителей. Республика Тыва обладает огромным потенциалом и не до конца используемыми возможностями, среди которых наиболее значимы культура, туризм, наука и образование, спорт, экономика, горнодобывающая и пищевая промышленность. Особенно актуально, по нашему мнению, изучение туристического бренда Тувы, являющегося довольно перспективным направлением для потенциальных туристов, которые в данном случае выступают вторичным звеном, поскольку это потребители, для которых соответствующие специалисты (копирайтеры, неймеры, блогеры и др.) создают цепляющие, запоминающиеся рекламные образы, а также привлекательные условия туризма. Прежде всего обращение к данному бренду будет важно для научного знания, управленческой среды, практиков и туристической отрасли.

Туристическая отрасль Республики Тыва в современных условиях интенсивно развивается и обновляется. Так, например, в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в 2022 г. регионом получена грантовая поддержка из федерального бюджета в размере 43 миллионов 200 тысяч рублей, что, безусловно, позволит полноценно сформировать местные бренды, определить ключевые туристические продукты, акцентировав внимание на привлекательности Тувы для путешественников. Республика, в свою очередь, выделит 430 тысяч рублей, что составляет всего 1% от общего объема финансирования¹. Полученные средства направлены на благоустройство пляжных территорий на озерах Чагытай и Дус-Холь, а также в Национальном парке культуры и отдыха Республики Тыва. Главой Тувы Владиславом Ховалыгом в 2022 г. создано отдельное ведомство — Агентство по туризму², которое уже занимается вопросами развития туристической отрасли региона.

На сайте «Система обмена туристской информацией» (<https://nbcrcs.org/>)³ указана следующая маркетинговая информация о регионе:

«Тыва – уникальный край, расположенный в самом центре Азии. В Тыве удивительным образом соединились природные зоны: высокие горы граничат с бескрайними степями, непролазная тайга с песчаными пустынями. На территории Тувы множество озер, больших и малых рек. Здесь берет начало одна из величайших рек мира — Енисей. И здесь же находится высочайшая вершина Восточной Сибири — гора Монгун-Тайга»⁴.

На наш взгляд, данные сведения весьма привлекательны для восприятия целевой аудиторией. Пользователи, безусловно, обратят на них внимание, поскольку в данном фрагменте текста создается «цепляющий» экспрессивный образ туристического бренда Республики Тыва благодаря удачному использованию ярких эпитетов «уникальный», «удивительным», «бескрайними», «непролазная», «величайших», «высочайшая».

Очевидно, что исследования в области маркетинговых коммуникаций с языковой точки зрения достигли того уровня, когда можно говорить о появлении и формировании самостоятельного на-

¹ С 2023 года Тыва будет участвовать в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» [Электронный ресурс] // ИА «ТываМедиаГрупп». 2022, 30 декабря. URL: <https://tmgnews.ru/turizm/s-2023-goda-tuva-budet-uchastvovat-v-nacjonalnom-proekte-turizm-i-industriya-gostepriimstva/> (дата обращения: 11.04.2023).

² Развитием туристической отрасли в Тыве займётся отдельное ведомство [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2022, 22 сентября. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/tourism/49514/ (дата обращения: 11.04.2023).

³ Агентство по туризму Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Республики Тыва. URL: <https://tourism-tyva.ru/> (дата обращения: 11.04.2023).

⁴ Сайт «Система обмена туристской информацией» представляет собой набор сервисов и информационных систем, предназначенных для продвижения туристских возможностей территорий. Его разработка началась в 2000 г., что позволило создать первые в России туристические сервисы, объединяющие информацию о туристических ресурсах региона. Также были созданы Система бронирования отелей, имеющая интеграцию с GDS для вывода информации и осуществления бронирований, а также общий календарь туристских событий, позднее ставший Национальным календарем событий. Примечательно, что в 2016 г. был реализован проект Унифицированного туристского паспорта, который объединил информацию о туристических ресурсах региона. Важным событием стал запуск в 2019 году проекта RussiaTravel.club, а в 2023 г., созданного на его базе проекта продвижения региональных туристских возможностей и создания региональных бонусных программ.

учного направления, для обозначения которого исследователи предлагают следующие термины: *маркетинговое языкознание*¹, *языковой маркетинг* (Мухарьямова, 2003; Baker, Jones, 1998: 155), *маркетинговая лингвистика* (Борисова, 2020) и др.

Один из соавторов данной статьи (Д. С. Скарнев) предложил термин «лингвомаркетинг»². Его введение в научный оборот связано с потребностями современного общества, на которые в первую очередь откликается языковая система. По сравнению со всеми остальными предложенными терминами (маркетинговое языкознание, языковой маркетинг, маркетинговая лингвистика) данное понятие кажется нам емким и наиболее подходящим для обозначения новой области знаний, активно формирующейся в современной лингвистике.

Лингвомаркетинг можно определить как развивающееся научное направление, исследующее лингвистическое сопровождение маркетинговых коммуникаций, ориентированных на формирование и продвижение эффективного полноценного вербального рекламного образа, создаваемого с помощью различных языковых средств и приемов, а также текстовых единиц маркетинговых коммуникаций (коммерческого наименования, слогана, заголовка, лид-абзаца и др.), функционирующего в текстах маркетинговых коммуникаций (рекламных, брендинговых, PR-текстах и др.) и вызывающего соответствующие маркетинговые ассоциации в сознании адресата (потребителя, целевой аудитории) в отношении определенного бренда³.

Данное исследование носит междисциплинарный характер и выполнено на стыке лингвистики и маркетинга.

Его цель — выявление лингвокультурологических особенностей маркетинговых интернет-коммуникаций в Рунете (на примере сайтов о туризме Республики Тыва).

Интернет — современный цифровой инструмент коммуникации, охватывающий и привлекающий большую аудиторию, представляющий разнообразную информацию культурно-познавательного направления. Новые технологии и сервисы, возможности социальных сетей делают возможным сохранение и популяризацию национального, культурного и природного наследия, создание туристической привлекательности регионов и стран для путешественников. Интернет-коммуникацию можно отнести к числу относительно новых и бурно развивающихся речевых формаций, не имеющую себе равных по степени влияния на другие сферы общения. Т. Н. Колокольцева определяет данное явление как полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность, гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность (Колокольцева, 2018: 5).

Участниками коммуникационного процесса анализируемой интернет-коммуникации выступают активный коммуникатор (автор интернет-текста) и пассивный читатель (интернет-пользователь, воспринимающий созданную для него информацию). Ведь основной целевой аудиторией сайтов о туризме Тувы являются русскоговорящие туристы из различных регионов России.

В ходе исследования решаются следующие задачи: 1) рассмотреть отражение культуры Тувы в различных исследованиях; 2) выявить специфику представления туристического бренда Тувы в интернете (на материале видеохостинга *YouTube.com*); 3) выделить продуктивные языковые средства, создающие туристический бренд Республики Тыва, в маркетинговой интернет-коммуникации (на материале сайтов с текстовым содержанием); 4) определить лингвокультурологическую составляющую в характере языковых средств создания бренда Республики Тыва, функционирующих на сайтах, посвященных туризму региона.

Теоретико-методологический подход основывается на аналитико-теоретическом и лингвокультурологическом методах, а также методе сплошной выборки языковых средств создания туристического образа Тувы из текстов интернет-коммуникации на русском языке, размещенных на сайтах о туризме региона.

¹ Халина Н. Маркетинговое языкознание как новый формат лингвистики цифрового сообщества [Электронный ресурс] // *Speech and Context*. 2011. № 2 (III). URL: https://usarb.md/limbaj_context/volumes/v6/art/halina.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

² Скарнев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: дис. ... д. филол. н. Челябинск, 2015. С. 91–100.

³ Там же. С. 92.

Объект данного исследования — туристический бренд Республики Тыва.

Предмет исследования — лингвокультурологические особенности интернет-коммуникаций Рунета, посвященных туризму Тувы.

Материалом исследования стали языковые средства, функционирующие в Рунете, создающие представление о туристическом бренде Тувы в сознании интернет-пользователей — российских туристов, которые являются основной целевой аудиторией данной коммуникации. Авторами исследуются материалы, подготовленные телеканалами на видеохостинге *YouTube.com*. Скорости передачи информации возросли, соответственно, *YouTube* стал удобным инструментом для получения информации и общения. Через его каналы, находясь за тысячи километров от Тувы, путешествующий получает культурно-исторический экскурс, ответы на вопросы, отзывы об индивидуальных и групповых путешествиях в Республику Тыва. Также были рассмотрены более 30 сайтов и страниц в социальной сети «ВКонтакте». Среди них сайты разных организаций, предлагающие пользователю материалы о республике: СОТИ Система обмена туристской информацией¹: страницы «Общие сведения о регионе»², «Маркетинговая информация о регионе»³, «Географическое положение»⁴ и др.; TripAdvisor: «Откройте для себя направление Республика Тыва»⁵; официальный портал Республики Тыва⁶; сетевое информационное агентство «Тува-онлайн»⁷; сайт органов местного самоуправления города Кызыла⁸; Агентство по туризму Республики Тыва⁹; «TMG news»¹⁰; «MKRU Тыва»¹¹; компания «211»¹²; Тувинское республиканское отделение Русского географического общества¹³; блоги от S7 Airlines: «Хакасия и Тува от WildRussia»¹⁴ и «Небесное зеркало Путешествие по Тыве: культура, кухня и аржааны»¹⁵; российская онлайн-площадка для организации путешествий Ютревелми¹⁶; блоги сайта Спорт-Марафон: «Тува.

¹ Система обмена туристской информацией. Главная страница [Электронный ресурс] // СОТИ Система обмена туристской информацией. URL: <https://nbcrcs.org/> (дата обращения: 14.05.2023).

² Общие сведения о регионе Республика Тыва [Электронный ресурс] // СОТИ Система обмена туристской информацией. URL: <https://nbcrcs.org/regions/respublika-tyva/obshchie-svedeniya-o-regione> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Маркетинговая информация о регионе Республика Тыва [Электронный ресурс] // СОТИ Система обмена туристской информацией. URL: <https://nbcrcs.org/regions/respublika-tyva/marketingovaya-informatsiya-o-regione> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ Географическое положение Республика Тыва [Электронный ресурс] // СОТИ Система обмена туристской информацией. URL: <https://nbcrcs.org/regions/respublika-tyva/geograficheskoe-polozhenie> (дата обращения: 14.05.2023).

⁵ Откройте для себя направление Республика Тыва [Электронный ресурс] // TripAdvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/Tourism-g2524016-Tuva_Republic_Siberian_District-Vacations.html (дата обращения: 18.05.2023).

⁶ О республике [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/> (дата обращения: 24.05.2023).

⁷ ИА «Тува-онлайн». Главная страница [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». URL: <https://www.tuvaonline.ru/> (дата обращения: 18.05.2023).

⁸ Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. Главная страница [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. URL: <https://mkyzyl.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).

⁹ Агентство по туризму Республика Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Республика Тыва. URL: <https://tourism-tyva.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).

¹⁰ Туризм (рубрика) [Электронный ресурс] // TMG news «ТуваМедиаГрупп». URL: <https://tmgnews.ru/turizm/> (дата обращения: 24.05.2023).

¹¹ MKRU Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // MKRU Тыва. URL: <https://www.mk-tuva.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).

¹² Все о Республике Тыва: путеводитель [Электронный ресурс] // 211. URL: https://211company.ru/blog/tyva_putevoditel/ (дата обращения: 24.05.2023).

¹³ Аржааны — один из ключевых брендов Тувы [Электронный ресурс] // Тувинское республиканское отделение Русского географического общества. 2023, 30 июля. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/arzhaany-odin-iz-klyuchevykh-brendov-tuvy> (дата обращения: 24.05.2023).

¹⁴ Хакасия и Тува от WildRussia [Электронный ресурс] // Gate7. URL: <https://media.s7.ru/ru/compass/hakasiya-i-tuva-sayany-ster-i-taiga/> (дата обращения: 24.05.2023).

¹⁵ Небесное зеркало Путешествие по Тыве: культура, кухня и аржааны [Электронный ресурс] // Gate7. URL: <https://media.s7.ru/ru/blog/tyva-travel/> (дата обращения: 24.05.2023).

¹⁶ Туры в Тыву (Туву) [Электронный ресурс] // YouTravel.me. URL: https://youtravel.me/tours/region/respublika_tyva (дата обращения: 28.05.2023).

Восхождение на гору Монгун-Тайга¹, «Всё об автономных веломаршрутах в Туве»²; блог онлайн-издания Spltnk «Путешествие в Туву»³; Телеканал Тува 24 на YouTube: «Тревел-блогеры, покорители Тувы»⁴, и др.; а также страницы и группы в социальной сети «ВКонтакте»: «Агентство по туризму Республики Тыва»⁵, «ТоджаТур»⁶, «Отдых. Туризм. Тыва»⁷, «Тыва»⁸, «Туры по Туве»⁹, «Тува — земля живых традиций»¹⁰ и др. Согласимся с мнением М. А. Комарова, что социальные сети определяют повседневную жизнь потребителя и «создают атмосферу, которая обычно полезна для бренда и повышает интерес к нему» (Комаров, 2020: 2013).

Отдельно хотелось бы выделить блоги участников турпроекта «Покоряя Туву»¹¹, среди которых Сайдаш Монгуш, Юлия Борбак-оол, Буян Салчак и др.

Для анализа языкового материала выбирались сайты, страницы в социальных сетях и видеофильмы, посвященные туристической тематике на русском языке. Рассматривались интернет-тексты, опубликованные в период с января 2022 г по июнь 2023 г.

Новизна исследования определяется обращением к сайтам, репрезентирующим туристический бренд Тувы, а также рассмотрением лингвокультурологических особенностей интернет-коммуникации Рунета, посвященной туризму в данном регионе.

Культура Тувы в различных исследованиях

Безусловно, прежде всего следует обратиться к работам исследователей культуры Тувы, поскольку в их трудах нашло отражение специфики данного региона, его уникальности.

Источниковой базой работы послужили труды о специфике туризма в Туве (Малышева, 2020; Биче-оол, Донгак, 2021; Аракчаа, 2019; Вайнштейн, 2009; Пээмот, 2012; и др.), о тувиноведении (Ламажаа, 2018; и др.), о взаимодействии тувинского языка и культуры (Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022; и др.).

Ч. К. Ламажаа в монографии «Национальный характер тувинцев» (Ламажаа, 2018) отмечает, что тувинцы — представители кочевого народа. Для них особенно важен вопрос самоидентификации. Исследователь обращается к проблеме национального характера с точки зрения философского воззрения и приходит к выводу о том, что тувинская культура содержит в себе значительный потенциал для успешной модернизации общества с сохранением культурной идентичности.

Также интересна другая работа Ч. К. Ламажаа и В. Ю. Сузукей, в которой они размышляют о проблемах сохранения тувинского горлового пения — хоомея, который рассматривается как нематериальное культурное наследие Тувы (Ламажаа, Сузукей, 2019).

¹ Тува. Восхождение на гору Монгун-Тайга [Электронный ресурс] // Спорт-Марафон URL: <https://sport-marafon.ru/article/tuva-voskhozhdenie-na-goru-mongun-tayga/> (дата обращения: 28.05.2023).

² Всё об автономных веломаршрутах в Туве [Электронный ресурс] // Спорт-Марафон. 2021, 21 мая. URL: <https://sport-marafon.ru/article/vsye-ob-avtonomnykh-velomarshrutakh-v-tuve/> (дата обращения: 28.05.2023).

³ Путешествие в Туву [Электронный ресурс] // Spltnk. 2013, 27 сентября. URL: <https://spletnik.ru/81537-puteshestvie-v-tuvu-186415> (дата обращения: 28.05.2023)

⁴ Тревел-блогеры, покорители Тувы [Электронный ресурс] // Телеканал Тува 24. Канал на YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Wo_tvFSDhQg (дата обращения: 28.05.2023).

⁵ Агентство по туризму Республики Тыва [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Республики Тыва. Страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tourizmtuva> (дата обращения: 03.05.2023).

⁶ ТоджаТур [Электронный ресурс] // ТоджаТур. Страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/todjaturtyva> (дата обращения: 03.05.2023).

⁷ Отдых | Туризм | Тыва [Электронный ресурс] // Отдых | Туризм | Тыва. Страница ВКонтакте URL: <https://vk.com/vktuva> (дата обращения: 03.05.2023).

⁸ Тыва [Электронный ресурс] // Тыва. Страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tyvam> (дата обращения: 03.05.2023).

⁹ Туры по Туве / Tuvantrip [Электронный ресурс] // Туры по Туве / Tuvantrip. Страница ВКонтакте URL: <https://vk.com/tyvam> (дата обращения: 03.05.2023).

¹⁰ Тува — земля живых традиций [Электронный ресурс] // Тува — земля живых традиций. Страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tuvatradition> (дата обращения: 03.05.2023).

¹¹ #ПОКОРЯЯТУВУ | Официальный паблик [Электронный ресурс] // ПокоряяТуву. Страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/tuva.travel?ysclid=lol9huuyh673185132> (дата обращения: 03.05.2023).

Особый интерес представляют труды, в которых анализируется тувинский язык как значимый компонент культуры. В этом плане актуальна работа Н. Ч. Серээдар (Серээдар, 2018). Исследователь определяет основные проблемы тувинского языка, отмечая тот факт, что «тувинский язык функционирует как средство повседневного общения среди тувинского населения» (там же : 12). В ходе проведенного исследования было выяснено, что тувинцы владеют своим родным тувинским языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят.

Ч. С. Цыбенова, изучая специфику функционирования тувинского языка в различных коммуникативных сферах, отмечает высокую степень его функциональной мощности как важный показатель жизнеспособности языка (Цыбенова, 2018: 84).

Примечательны работы Н. Ю. Нелюбовой (Нелюбова, 2022), О. В. Ломакиной (Ломакина, 2022) и Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной, Н. Ю. Нелюбовой (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), в которых рассматривается специфика тувинской паремиологии.

Отдельного внимания заслуживают работы исследователей, посвященные представленности культуры Тувы в интернете. Так, А. К. Кужугет презентует проект по созданию тувинского раздела свободной универсальной Интернет-энциклопедии «Википедии», поясняет свою цель и перспективы проекта (Кужугет, 2012). Игорь Принцев рассказывает об открытии в мае 2011 г. для читателей России детского литературного сайта «Радуга Тувы» на русском языке. Здесь представлены тувинские народные сказки, пословицы и поговорки, лучшие повести, рассказы и стихи для детей, в разное время созданные тувинскими писателями и переведённые на русский язык, произведения молодых писателей республики (Принцев, 2011).

Таким образом, можно сделать вывод о несомненном интересе к тувинской культуре со стороны различных исследователей и ее перспективности в плане изучения. Безусловно, на наш взгляд, в данной области много проблем, не охваченных вниманием и не освещенных в научных трудах. Думается, что это будет полезно для различной аудитории (в том числе и туристической) и востребовано ею. Данный обзор убедил авторов в том, что культура Тувы многогранна и уникальна, что ее можно и нужно изучать, и что работ, рассматривающих специфику интернет-коммуникации, продвигающих туристический бренд Тувы, до этого момента не было.

Туристический бренд Тувы на видеохостинге YouTube

В Распоряжении Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. указано, что требуется создание условий для продвижения туристского продукта посредством информирования туристов с использованием современных технологий¹. Создание и использование цифровых платформ, качественного информационно-познавательного туристского видеоконтента — важные современные тренды, которые определяют выбор туристами мест для путешествий.

Специалист в сфере изучения и сохранения культурного наследия Ю. А. Веденин также утверждает, что значимыми характеристиками «исторического города является его изученность как историко-культурного и природного феномена, наличие необходимого количества публикаций, видеоматериалов, представленность в Интернете, ...» (Веденин, 2018: 161–162). Добавим, что все эти характеристики важны для изучения не только города, но и республики или страны.

Изучая вышеназванные интернет-ресурсы, авторы выявили, что органами федеральной власти проводится активная работа по развитию и продвижению проектов, посвященных истории, культуре, туризму Республики Тыва.

Так, в сентябре 2022 г. специалистами Национального архива Республики Тыва и автономной некоммерческой организации «Хранители историко-культурного наследия» при содействии Министерства культуры Республики Тыва и поддержке гранта Главы Республики Тыва был создан Интернет-портал «Культурное наследие Тувы»², широко освещающий новости о культурной жизни,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 11.04.2023).

² Культурное наследие Тувы. Главная страница [Электронный ресурс] // Портал «Культурное наследие Тувы». URL: <https://kntuva.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).

анонсирующий мероприятия различных учреждений культуры Республики Тыва. Авторы отмечают, что портал адаптирован для разных пользователей и выполняет свои задачи повышения мотивации аудитории и её вовлечения в поиск информации о культурно-познавательных, туристских мероприятиях посредством функционального, структурированного контента («Новости», «Библиотека статей», «Календарь» и др.) и привлекательного и запоминающегося дизайна сайта с этнокультурным тувинским колоритом (фотографии тувинских музыкальных инструментов, тувинцев в национальной одежде и др.), с эффективной навигацией для удобного и быстрого перехода со страницы на страницу по сайту. При изучении контента авторы выявили в разделе «Библиотека статей» использование текста на тувинском языке, что, по нашему мнению, способствует увеличению охвата аудитории, развитию и сохранению языка тувинского народа, а также созданию условий для получения информации на родном языке.

На популярном видеохостинге *YouTube* многие каналы позволяют совершать «предварительные» путешествия, просматривать любительский и официальный контент туристических направлений.

Официальные каналы организаций на *YouTube* делятся с другими пользователями видеозаписями, посвященными республике.

Так, канал Русского географического общества¹ помогает «прикоснуться к удивительному и неповторимому миру» Тувы в видео-лекции «Путешествие в Туву»² Игоря Шидловского — журналиста, путешественника и гида. Лектор называет республику «загадкой и тайной», «загадочный очень непохожий мир на другие территории России», «Тыва — уникальный регион России», «Таинственная, загадочная, первозданная Тыва»).

Телеканал «Тыва 24» на *YouTube*³ освещает новостные события республики и различные тематические программы. Например, зрителям представлен видеосюжет «Тыва открыта для туристов весь год» (2023 г.), в котором раскрываются причины, почему туристы едут в этот регион с разных концов страны и мира: «Республика привлекает гостей красотой и экологической чистотой природы, а также большим количеством уникальных памятников истории и культуры. Иностранцы едут сюда за самобытностью, национальной кухней и экзотикой»⁴. Что привлекает путешественников — это многообразие природных ландшафтов, суровые горы, бескрайние степи, таёжные леса, стремительные реки, чистейшие горные озёра.

Канал музея-заповедника «Шушенское» на *YouTube*⁵ осветил проведение выставки «Тыва — колыбель скифской культуры» (2023 г.), на которой звучит утверждение, что фондовые предметы национального музея республики Тыва — это «свидетели и немые рассказчики богатой истории и самобытной культуры тувинского народа, уходящих в глубь веков»⁶.

Канал «Arctide Descendants»⁷ в рамках просветительской программы молодежного движения «Здравствуйте, соседи!» представил обширную лекцию-концерт «Моя богатая Тыва: о тувинцах и их культуре с ансамблем “Тыва Кызы”» (2023 г.), в которой зритель знакомится с историей, образом жизни тувинского народа, письменностью, диалектами, бытом, национальной кухней, народными музыкальными инструментами и уникальным явлением тувинского народа — владением техникой горлового пения хоомей⁸.

¹ Русское географическое общество [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Канал на YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/@rgo_films (дата обращения: 15.04.2023).

² Таинственная, загадочная, первозданная Тыва [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Канал на YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4P4rG9e_eDE&t=140s (дата обращения: 15.04.2023).

³ Телеканал Тыва 24 [Электронный ресурс] // Телеканал Тыва 24. Канал на YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/@user-on4on2ov7u> (дата обращения: 15.04.2023).

⁴ Тыва открыта для туристов весь год [Электронный ресурс] // Телеканал Тыва 24. Канал на YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XgdhGDjkauM> (дата обращения: 15.04.2023).

⁵ Музей-заповедник Шушенское [Электронный ресурс] // Музей-заповедник Шушенское. Канал на YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/@MuseumShushenskoye> (дата обращения: 15.04.2023).

⁶ Выставка «Тыва — колыбель скифской культуры» [Электронный ресурс] // Музей-заповедник Шушенское. Канал на YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PoULtX3ZfKg> (дата обращения: 15.05.2023).

⁷ Arctide Descendants [Электронный ресурс] // Arctide Descendants. Канал на YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/@ArctideDescendants> (дата обращения: 15.05.2023).

⁸ Лекция-концерт «Моя богатая Тыва» [Электронный ресурс] // Arctide Descendants. Канал на YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pH_Z7xGHeN0&t=2074s (дата обращения: 15.05.2023).

Таким образом, канал на *YouTube* — это инструмент кратчайшего и эффективного пути к путешественнику. Онлайн-платформа вносит свой вклад в развитие сферы туризма в Туве, делает узнаваемыми места истории республики и достопримечательности, привлекает поток туристов. Подписи к видеоматериалам имеют точный адрес и направлены на определенную целевую аудиторию, вызывая в ней интерес к представленному материалу. Их цель — привлечь внимание к достопримечательностям Тувы, повлиять на то, чтобы у туристов возникло желание побывать в этих краях и увидеть картинки, демонстрируемые в видео, своими глазами.

В социальной сети «ВКонтакте»¹, в мессенджере *Telegram*² и на *YouTube*³ тувинская продакшн-компания «OVAА MEDIA» транслирует видеоконтент про республику «Из Тувы и о Туве. Тува неизведанная». Команда использует лозунг «Пусть мир видит Туву такой, какой ее видим мы — местные жители!»⁴

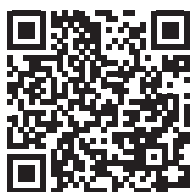

Рис. 1. QR-код для просмотра фильма на официальном канале Ova Media на YouTube.com.
Fig. 1 QR-code for watching the film at Ova Media's official channel on YouTube.com.

В фильме этой компании «Watchtower of Kyzyl. Кызыл — это Я. Тува Неизведанная» (2017) на *YouTube* перед авторами предстала Республика Тыва в образе женщины с ее сакральностью Души, силой, мудростью, богатством Духа, охранительницей жизни тувинского народа (рис. 1).

Женский закадровый голос от имени Тувы (фото 1) говорит со зрителем о богатейшей истории региона, накопленном веками наследии. Она ощущает себя «наследницей великих цивилизаций», наследницей скифской культуры с уникальными золотыми артефактами и говорит, что «всё, что у меня есть — это история», то есть она предстаёт в образе хранительницы истории, культуры и ценностей народа.

Фото 1. Кадр из фильма «Watchtower of Kyzyl. Кызыл — это Я. Тува Неизведанная» тувинской продакшн-компании Ova Media (2017): Золото скифов.
Photo 1. A frame from the film «Watchtower of Kyzyl. It's me — Kyzyl. Tuva Unknown» by Ova Media (2017): Scythian gold.

Образ женщины тесно переплетается с природными стихиями. Ее речь метафорична. В ней раскрывается «магия жизни», проявляющаяся в чудодейственных свойствах природы, сверхъестественных силах человека, древних национальных практиках и ритуалах шаманизма (фото 2), и передаче опыта старших молодому поколению, где «молодость и старость живут рука об руку».

¹ ОВАА МЕДИА [Электронный ресурс] // ОВАА МЕДИА. Страница ВКонтакте. URL: <https://www.vk.com/ovaamedia> (дата обращения: 20.05.2023).

² Ova TV [Электронный ресурс] // Ova TV. Канал в Telegram. URL: <https://www.t.me/ovaatv> (дата обращения: 20.05.2023).

³ OVAА MEDIA [Электронный ресурс] // OVAА MEDIA. Канал на YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/@OVAAMEDIA> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ Тувинская компания «OVAА MEDIA» заняла II место в конкурсе «Лучший видеоролик региона России» МИТТ-2021 [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2021, 24 марта. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/03/24/tuvinskaya-kompaniya-ovaa-media-zanyala-ii-mesto-v-konkurse-luchshiy-videorolik-regiona-rossii-mitt-2021.html> (дата обращения: 15.05.2023).

*Фото 2. Кадр из фильма «Watchtower of Kyzyl. Кызыл — это Я. Тува Неизвестная» тувинской продакшн-компании Ovaa Media (2017): Ритуал шаманизма.
Photo 2. A frame from the film «Watchtower of Kyzyl. It's me — Kyzyl. Tuva Unknown» by Ovaa Media (2017): Shamanic ritual.*

Еще один метафоричный космоцентричный образ, предстающий в видеосюжете перед исследователями, — это образ звезды. «Здесь зажигаются звезды. И все дороги ведут в место силы. Место силы — это Я». Звезда как судьба человека, как символ далёкого, высокого, символ удачи, который освещает путь человека. Звезда ведёт его к цели «в место силы». Присутствие аллюзии «все дороги ведут в...» — намек на крылатое латинское выражение *Omnes viae Romam ducunt* («Все дороги ведут в Рим») — приводит к переосмыслению этого выражения. Республика Тува предстает как место силы (фото 3), куда открыты все пути для путешественников: «Место силы — это Я». И дороги уже ведут не в Рим, а в Кызыл, в столицу Тувы: «В мире тысячи городов, в Кызыле — весь мир».

*Фото 3. Кадр из фильма «Watchtower of Kyzyl. Кызыл — это Я. Тува Неизвестная» тувинской продакшн-компании Ovaa Media (2017): Кызыл — место силы.
Photo 3. A frame from the film «Watchtower of Kyzyl. It's me — Kyzyl. Tuva Unknown» by Ovaa Media (2017): Kyzyl is the place of power.*

*Фото 4. Кадр из фильма «Watchtower of Kyzyl. Кызыл — это Я. Тува Неизвестная» тувинской продакшн-компании Ova Media (2017): Река Енисей.
Photo 4. A frame from the film «Watchtower of Kyzyl. It's me – Kyzyl. Tuva Unknown» by Ova Media (2017): The Yenisei River.*

Величественным для республики символом потока жизни, течения времени является Енисей (фото 4). Она говорит: «Воды Енисея текут по моим жилам. И на подступе к сердцу сливаются в едином порыве». Река — архетипичный образ мироздания. Воды реки сравниваются с кровью в человеческом теле. Кровь — символ бесконечного движения, циркуляции, источник поступления необходимых питательных веществ. Так и река — динамичная транспортная водная система, обеспечивает связь между сушей и океаном в глобальном круговороте воды, служит основным источником пресной воды для человека. Это артерии, это сосуды живого организма, несущие силу, мощь в «сердце республики» — в столицу, в Кызыл, народу Тувы. Согласимся, что «река творит особый склад и характер народа, способствует формированию национальной ментальности на уровне подсознания» (Кусмидинова, 2015: 205).

Этот видеофильм представляет персонификацию Республики Тыва, наделяя ее образом самобытной героини, человеческими чертами, в которых есть сила притяжения, скрытые тайны, свои особенности национального характера, среда обитания, духовности, гостеприимства, которые хочется познать, раскрыть и понять. Здесь показаны уникальные бренды республики, а именно курганы «Аржаан-1» и «Аржаан-2» — памятники скифской культуры, из которых была извлечена коллекция скифского золота. Отдельное внимание уделяется обелиску «Центр Азии», расположенному в городе Кызыле на берегу Енисея, который в свою очередь также является брендом.

Изучая материалы исследования, приходим к пониманию, что территориальный бренд Тувы — это позитивно интерпретируемый, индивидуальный и уникальный имидж республики, сформированный символами, традициями и их смыслами, историческими названиями мест, национальным продуктом через создание комплекса вербальных и невербальных конструкторов и закреплённый в сознании потребителя через коммуникационное сообщение и визуальное оформление.

Языковые средства, репрезентирующие бренд Тувы в интернет-коммуникации

Территориальный бренд представляет собой совокупность физических товаров (зданий с их архитектурой, парков, улиц, памятников, достопримечательностей и др.), сервисов и идей, которые в комбинации предлагают посетителю определенный спектр выгод (Кириянова, 2022: 16). Безусловно, территории не могут выводиться на рынок как традиционные товары (автомобиль, зоотовары, косметика и пр.). Они одновременно и товар, и производитель, поскольку предлагают потребителю определенные продукты и услуги, созданные в отдельном регионе.

Обратимся к языковым средствам, репрезентирующим Туву на сайтах, посвященных туризму.

Тува активно представляется в Рунете как туристический перспективный регион, «уникальный край», «страна контрастов», «место силы», «земля живых традиций» и др. Отдельно выделяется образ Кызыла — столицы региона. В его основе местные достопримечательности (храм Цеченлинг, обелиск Центр Азии, Национальный музей имени Алдан-Маадыр и др.) и сфера гостеприимства (гостиницы и отели), а также сувениры, которые можно привезти из Тувы (элементы тувинского костюма, посуда и домашняя утварь, курительные трубки). Примечательно, что в Туве развиваются свои торговые марки. Например, бренд одежды «Девиг», компания «Вавиол» («Травы Тувы»), *Brand Dongak* и др. Особого внимания заслуживает национальная кухня Тувы. Так, в интернет-коммуникации Рунета часто упоминаются гастрономические продукты Тувы.

В данной части исследования рассматривались преимущественно нетувинские сайты с текстовым содержанием.

Согласно наблюдениям Д. С. Скнарера, в передаче маркетинговой информации в СМИ традиционно выделяются каналы с эмоционально-экспрессивно-оценочным материалом, рационально-нейтральным и смешанным¹. В соответствии с данной классификацией, маркетинговая информация в интернет-коммуникации Рунета, повествующая о достопримечательностях Тувы, носит смешанный характер.

Например, «Обелиск “Центр Азии” символизирует географический центр азиатского континента. В оформлении обелиска автор использовал мотивы искусства древних культур: пьедестал окантован рельефными рисунками, самым главным в которых является свиток, где на трех языках написаны слова: “Центр Азии”»². Рассуждая о рационально-нейтральном характере рассматриваемой маркетинговой информации, заметим, что в представлении туристического бренда Тувы в данном случае на первом плане оказывается констатация фактов, перечисление значимых аргументов, статистика, терминология. Очевидно, что языковые средства создания образности (метафоры, фразеологизмы и др.) в этом случае не требуются, поскольку они не вписываются в выбранную стилистику изложения материала. Думается, задача копирайтеров здесь заключается не в том, чтобы приукрасить тувинскую действительность и культуру, а в том, чтобы сообщить достоверные сведения, создав в сознании интернет-пользователей рациональный образ туристического бренда Тувы, вызвав доверие к представленной информации.

В других случаях маркетинговая информация носит эмоционально-экспрессивно-оценочный характер. Так, среди языковых средств создания образности наиболее частотны, по нашим данным, в интернет-коммуникации Рунета в представлении туристического бренда Тувы для русскоязычной целевой аудитории эпитеты:

- *первозданная* природа, большое количество природных и археологических памятников, *обширные охотничьи угодья*³;
- С нами вы отправитесь в *незабываемое* путешествие по Туве⁴;
- край *заповедных озер, загадочных курганов и легендарного* и практически нетронутого рукой цивилизации заповедника «Убсунурская котловина»; Кызыл — один из самых *удивительных* городов на территории нашей *поистине необъятной* родины⁵;
- *Чистые воды и прекрасная нетронутая* природа края; *Сухие продуваемые берега, удобные для стоянок живописные острова, горы и водопады*⁶;

¹ Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: дис. ... д.филол.н. Челябинск, 2015. С. 151–153.

² Основные «бренды» территории Республика Тыва [Электронный ресурс] // СОТИ Система обмена туристской информацией URL: <https://nbcrcs.org/regions/respublika-tyva/brendy-territorii> (дата обращения: 21.05.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Республика Тыва [Электронный ресурс] // Тонкости туризма. URL: https://www.tonkosti.ru/Республика_Тыва (дата обращения: 25.04.2023).

⁶ Охота и рыбалка в Тыве [Электронный ресурс] // Тонкости туризма. URL: https://www.tonkosti.ru/Охота_и_рыбалка_в_Тыве (дата обращения: 28.04.2023). Правильно склонять «в Туве». — ред.

- Река Бий-Хем считается одной из *больших и полноводных* рек в Сибири с *нетронутой* цивилизацией природой, порогами, с *грохочущим* Бий-Хемским водопадом. Бий-Хем во все времена славился богатством рыбного улова, и сегодня это одна из *заманчивых* причин посетить его берега¹;
- *Нетронутой цивилизацией* река Хамсара считается одной из самых *чистых* рек на земле, с *незабываемыми* пейзажами, порогами, водопадами и рыбалкой²;
- Вас ждут *великолепные* пейзажи, *свежий* воздух, а также *полная* свобода от городской суеты³;
- *Искусные* исполнители горлового пения, как и сказители, являлись хранителями сокровищ народной музыки⁴;
- *очень задорная, живая* джазовая программа⁵ и др.

Эпитеты подчеркивают индивидуальность бренда Тувы, называют его отличительные качества и уникальные свойства, представляют образные характеристики и создают привлекательную атмосферу туристской дестинации, а также акцентируют внимание пользователей на значимой информации, направленной на формирование ценностей и представление достопримечательностей как уникальных явлений жизни россиян. По сути, они выступают в роли своеобразного навигатора (указателя) для тех, кто выбирает место для отдыха, чтобы полюбоваться красотой природы.

Во многих случаях употребления отмечается актуализированная оценочность и образность фразеологизмов, функционирующих в интернет-текстах туристической направленности. Данные единицы репрезентируют особенности этнокультурного менталитета и тувинской культуры, популяризируют ценности. В. Н. Телия считает фразеологизмы «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия, 1996: 223). Именно фразеологические единицы ненавязчиво предоставляют в интернет-коммуникации особое видение мира, ситуации, а их различные группы по-разному отражают культуру.

Итак, фразеологизмы весьма актуальны в представлении Тувы:

— Республика Тыва — это место, где можно *отдохнуть от городской суеты и насладиться красотой и первозданностью природы*; здесь всегда можно найти занятие *по душе*, в зависимости от того, чем вы любите заниматься⁶;

— Дус-Холь *по праву* называют тувинским «мертвым морем»; Наша республика может *составить конкуренцию* популярным курортам; Стараемся открывшиеся возможности для внутреннего туризма *использовать по максимуму*⁷;

— Неизгладимый отпечаток в истории симфонического оркестра оставили братья-музыканты, дирижер Виктор Тока и гениальный композитор, и талантливый пианист Владимир Тока⁸;

— коллектив⁹ *имеет свое творческое лицо с национальным колоритом*, инновационностью в исполнении оригинальных сочинений, написанных для этого оркестра, *большие перспективы* в развитии национальной культуры Республики Тыва и России в целом; Но *сердца* зрителей духовой

¹ Рыболовный тур в Тыве №1 [Электронный ресурс] // Fantasyway. URL: <https://www.fantasyway.ru/tury/25531-rybolovnyj-tur-v-tyve-no1> (дата обращения: 28.04.2023). Правильно склонять «в Тыве». — ред.

² Рыболовный тур в Тыве №4 [Электронный ресурс] // Fantasyway. URL: <https://www.fantasyway.ru/tury/25531-rybolovnyj-tur-v-tyve-no4> (дата обращения: 28.04.2023). Правильно склонять «в Тыве». — ред.

³ ТоджаТур Тыва, путешествия, отдых и туризм [Электронный ресурс] // ТоджаТур Тыва, путешествия, отдых и туризм. Страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/aptodjatour> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Тувинское горловое пение «Хоомей» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/culture/1319/> (дата обращения: 28.04.2023).

⁵ Духовой оркестр при Правительстве Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/culture/1325/> (дата обращения: 28.04.2023).

⁶ Добро пожаловать в Республику Тыва! [Электронный ресурс] // Агентство по туризму. Республика Тыва. URL: <https://tourism-tyva.ru/> (дата обращения: 28.04.2023).

⁷ Как мы искупались в памятнике природы. Тувинское «Мертвое море» — озеро Дус-Холь [Электронный ресурс] // Твой информ. URL: <https://dzen.ru/a/YsPIFNTp2DljOZKh> (дата обращения: 28.04.2023).

⁸ Симфонический оркестр Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/culture/1321/> (дата обращения: 28.05.2023).

⁹ Духовой оркестр при Правительстве Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/region/culture/1325/> (дата обращения: 28.04.2023) (В представленных примерах речь идет о духовом оркестре при Правительстве Республики Тыва).

оркестр *покоряет* не только конными дефиле; Данный проект, *объединяющий лучшие традиции* духовых оркестров времен Петра Великого и Кавалерийского эскадрона (легиона) Тувинской Аратской Республики на сегодняшний день *не имеет аналогов* на территории Российской Федерации;

Формировалась танцевальная культура тувинского народа, оттачивалась, усложнялась, совершенствовалась и *передавалась из поколения в поколение* лексика, композиционные рисунки, сюжеты и образы¹ и др.).

Таким образом, анализ языковых средств, репрезентирующих представление о Туве в маркетинговой интернет-коммуникации (на материале сайтов), подчеркивает их смешанный характер (поскольку сочетаются цифры, факты и аргументы с образной подачей материала), а обращение к эпитетам и фразеологизмам как образным средствам актуализирует достопримечательности региона, его туристический потенциал. Думается, что это свидетельствует о слабой изученности туризма Тувы, ее возможностях и перспективах. На сегодняшний день практически нет подробных путеводителей по Республике Тыва. Лишь в интернете есть отдельные блоги, которые, к сожалению, не дают исчерпывающей информации о регионе. В данном случае только официальные сайты о туризме Тувы, рассмотренные в нашем исследовании, заслуживают внимания.

Лингвокультурологическая составляющая в характере языковых средств создания туристического бренда Тувы

Как известно, язык служит не только средством общения людей, он обязательно вписан в человеческую культуру, немислим вне ее, и сам становится эталоном культуры.

По утверждению Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко, 2020), базовым кодом любой национальной культуры служит этнический язык, который во многом определяет ценностно-смысловые отношения, сложившиеся в той или иной культуре (там же: 118). Культура же предполагает именование всему, что входит в этнокультурное пространство, кодируя содержание маркетинговых интернет-коммуникаций, посвященных туризму в Туве.

Как правило, лингвокультурологическая специфика сайтов о туризме Республики Тыва в Рунете заключается в представлении уникального образа региона, воплощающего информацию о различных видах туризма (духовного, спортивного, оздоровительного, экологического, культурно-познавательного и др.), передаваемой с помощью определенных образных языковых средств (тропов и фразеологизмов).

Так, по данным исследования, в репрезентации туристического бренда Тувы в Рунете наиболее актуальны процессуальные фразеологизмы («передавалась из поколения в поколение», «покоряет сердца», «составить конкуренцию» и др.). Думается, это связано с воздействующей функцией, цель которой — привлечь внимание, заинтересовать, подтолкнуть к определенному действию.

Приведем в связи с этим наиболее актуальное утверждение В. Н. Телия: «Система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996: 215).

Важным компонентом языковых средств создания образности выступает культурная коннотация, которая определяется ценностями тувинской культуры.

Туристический бренд Тувы как лингвокультурологическое явление создается разными способами в интернет-коммуникации.

Во-первых, материалы на видеохостинге *YouTube* репрезентируют туристический бренд Тувы как позитивно интерпретируемый, индивидуальный и уникальный, сформированный символами, традициями и их смыслами, историческими названиями мест, национальным продуктом. Это передается через создание комплекса вербальных и невербальных конструкторов и закреплённом в сознании потребителя через коммуникационное сообщение и визуальное оформление.

¹ Танцевальная культура тувинцев [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtuva.ru/region/culture/1329/> (дата обращения: 28.05.2023).

Во-вторых, если же обратиться к анализу текстов, функционирующих на рассмотренных сайтах, то распространенными способами представления культуры в языке выступают эпитеты и фразеологизмы. Данные языковые средства создания образности раскрывают многие интересные и характерные стороны тувинской культуры и быта, подчас неожиданные и малоизвестные черты тувинцев.

Следовательно, в маркетинговой интернет-коммуникации Тува предстает перспективным направлением отдыха для аудитории Рунета, имеющим все возможности для того, чтобы привлечь наибольшее число туристов. Лингвокультурологическая составляющая туристического бренда Тувы в интернет-коммуникации заключается в использовании различных подходов. Материалы на видеохостинге YouTube представляют его, прибегая к вербально-невербальному комплексу конструкторов, а на сайтах Рунета функционируют такие образные средства, как эпитеты и фразеологизмы.

Заключение

Воспринимаемая потребителем информация о территории транслируется вполне определенным языком, узнаваемым по оборотам речи, дополнительной коннотативной лексике, наполненной эмоционально-экспрессивными смыслами, а также дополняющими метафорическими ассоциациями.

Авторы рассмотрели культуру Тувы в интернете и различных исследованиях, проанализировали туристический бренд Тувы на видеохостинге Ютуб, обратились к языковым средствам, репрезентирующим туристический бренд Тувы в интернет-коммуникации, выявили лингвокультурологическую составляющую в характере языковых средств, представляющих маркетинговую информацию о туризме региона.

Было выяснено, что в создании туристического бренда Тувы участвуют разнообразные языковые средства: эпитеты, метафоры, фразеологизмы, репрезентирующие культурные ценности, подчеркивающие уникальность региона как явления тувинской культуры. Экспрессивность, выразительность и образность данных единиц способствует возникновению интереса со стороны пользователей по отношению к информации, предлагаемой на туристическом сайте. Используемые в ходе интернет-коммуникации языковые средства создания туристического бренда Тувы влияют на определение человека в его окончательном выборе и выступают своеобразным путеводителем, подсказкой. В зависимости от дестинации каждый путешественник может постигнуть природное ландшафтное разнообразие региона и оценить неповторимую самобытность его культуры.

Все это позволило выйти на цель исследования — выявить лингвокультурологические особенности маркетинговых интернет-коммуникаций в Рунете, которые заключаются в различных способах представления информации для потенциальной целевой аудитории. На видеохостинге *YouTube* используется образная подача материала, а на сайтах текстового содержания в целом присутствует смешанный характер представления информации, в котором присутствуют факты и языковые средства создания образности (эпитеты и фразеологизмы).

Перспективой исследования станет более глубокое изучение специфики тувинской культуры, обращение к языковым средствам, репрезентирующим достопримечательности Тувы в СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко, Н. Ф. (2020) Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М. : ФЛИНТА. 288 с.
- Аракчаа, Л. К. (2019) Священная Тува. Кызыл : ТувГУ. 190 с.
- Биче-оол, Т. Н., Донгак, К. Х. (2021) Туризм Республики Тыва: развитие, территориальный потенциал // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. № 4 (85). С. 48–55.
- Борисова, Е. Г. (2020) Что дает маркетинговая лингвистика маркетингу и лингвистике? (вместо предисловия) // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста / под ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. М. : ФЛИНТА. 164 с. С. 4–11.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Домашняя газета. 415 с.
- Веденин, Ю. А. (2018) География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М. : Новый Хронограф. 472 с.

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Кириянова, Л. Г. (2022) Маркетинг и брендинг туристских дестинаций. М. : Изд-во Юрайт, 264 с.

Колокольцева, Т. Н. (2018) Предисловие // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА ; Наука. 328 с. С. 5–9.

Комаров, М. А. (2020) Маркетинговые коммуникации в продвижении территориального бренда // Региональная экономика: теория и практика. Т. 18. № 10 (481). С. 2001–2018.

Кужугет, А. А. (2012) Перспективы тувинской «Википедии» // Новые исследования Тувы. № 2. С. 142–145.

Кусмидинова, М. Х. (2015) Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги // Теория и практика общественного развития. № 21. С. 205–208.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мальшева, Е. О. (2020) Этнокультурный туризм в туристской дестинации (на примере Республики Тыва) // Сервис+. № 3. С. 31–37.

Мухарьямова, Л. М. (2003) Языковой маркетинг: направления стратегии планирования // Государственная служба. № 6. С. 64–73.

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Принцев, И. (2011) Радуга Тувы // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 305–307.

Пээмот, В. В. (2012) Тувинский проект финского Номад-центра // Новые исследования Тувы. № 4 (16). С. 207–209.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки славянской культуры. 288 с.

Цыбенова, Ч. С. (2018) Функционирование тувинского языка в различных коммуникативных сферах // Tehlikedeki Diller Dergisi / Journal of Endangered Languages. № 13. С. 83–90.

Baker, C., Jones, S. P. (1998) Language Marketing // Baker C., Jones S. P. Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Johannesburg. 758 p. Pp. 221–228.

Дата поступления: 16.07.2023 г.

Дата принятия: 20.09.2023 г.

REFERENCES

Alefirenko, N. F. (2010) *Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka [Linguoculturology: Value-semantic space of language] : A study guide*. Moscow, Flinta; Nauka. 224 p. (In Russ.).

Arakchaa, L. K. (2019) *Sviashchennaia Tuva [Sacred Tuva]*. Kyzyl, TuvGU. 190 p. (In Russ.).

Biche-ool, T. N. and Dongak, K. Kh. (2021) Turizm Respubliki Tyva: razvitie, territorial'nyi potentsial [Tourism of the Republic of Tyva: development, territorial potential]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennye i sel'skokhoziaistvennye nauki*, no. 4 (85), pp. 48–55. (In Russ.).

Borisova, E. G. (2020) Chto daet marketingovaia lingvistika marketingu i lingvistike? (vmesto predisloviia) [What does marketing linguistics give to marketing and linguistics? (instead of a preface)]. In: *Marketingovaia lingvistika. Zakonomernosti prodvigaiushchego teksta [Marketing linguistics. Patterns of the promoting text]* / ed. by E. G. Borisova and L. G. Vikulovoi. Moscow, FLINTA. 164 p. Pp. 4–11. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2016) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta Publ. 416 p. (In Russ.).

Vedenin, Yu. A. (2018) *Geografiia nasledii. Territorial'nye podkhody k izucheniiu i sokhraneniui nasledii* [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage]. Moscow, Novyi Khronograf. 472 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiia (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Kir'ianova, L. G. (2022) *Marketing i brending turistskikh destinatsii* [Marketing and branding of tourist destinations]. Moscow, Yurait. 264 p. (In Russ.).

Kolokol'tseva, T. N. (2018) Predislovie [Introduction]. In: *Internet-kommunikatsiia kak novaia rechevaia formatsiia* [Internet communication as a new speech formation] / ed. by T. N. Kolokol'tseva and O. V. Lutovinova. Moscow, FLINTA, Nauka. 328 p. Pp. 5–9. (In Russ.).

Komarov, M. A. (2020) Marketingovyie kommunikatsii v prodvizhenii territorial'nogo brenda [Marketing communications in the promotion of a territorial brand]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika*, vol. 18, no. 10 (481), pp. 2001–2018. (In Russ.).

Kuzhuget, A. A. (2012) Perspektivy tuvinskoi «Vikipedii» [Prospects of the Tuvan Wikipedia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 142–145. (In Russ.).

Kusmidinova, M. Kh. (2015) Formirovanie kontsepta reki v russkoi kul'ture na primere Volgi [Formation of the river concept in Russian culture on the example of the Volga]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 21, pp. 205–208. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Iu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Malysheva, E. O. (2020) Etnokul'turnyi turizm v turistskoi destinatsii (na primere Respubliki Tyva) [Ethno-cultural tourism in a tourist destination (on the example of the Republic of Tyva)]. *Servis+*, no. 3, pp. 31–37. (In Russ.).

Mukhar'iamova, L. M. (2003) Iazykovoï marketing: napravleniia strategii planirovaniia [Language marketing: directions of the planning strategy]. *Gosudarstvennaia sluzhba*, no. 6, pp. 64–73. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Printsev, I. (2011) Raduga Tuvy [Rainbow of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 305–307. (In Russ.).

Peemot, V. V. (2012) Tuvinskii proekt finskogo Nomad-tsentra [Tuva project of the Finnish Nomad Center]. *New Research of Tuva*, no. 4 (16), pp. 207–209. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 288 s. (In Russ.).

Tsybenova, Ch. S. (2018) Funktsionirovanie tuvinskogo iazyka v razlichnykh kommunikativnykh sferakh [Functioning of the Tuvan language in various communicative spheres]. *Tehlikedeki Diller Dergisi / Journal of Endangered Languages*, no. 13, pp. 83–90. (In Russ.).

Baker, C. and Jones, S. P. (1998) Language Marketing. In: Baker, C., Jones, S. P. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education*. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Johannesburg. 758 p. Pp. 221–228.

Submission date: 16.07.2023.

Acceptance date: 20.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.15

Рецензия

Источник народной педагогики и потенциал языкового образования

Анжела В. Должикова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье, написанной в жанре рецензии, анализируется педагогический потенциал и значение научно-популярного издания «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке» (Кызыл, 2021) коллектива авторов во главе с Ч. К. Ламажаа. Адресованная, прежде всего, своим землякам, соплеменникам — тувинцам с целью поделиться полезной информацией, способной обогатить их ритуалы дагылга заимствованиями и уточнениями — книга издана на русском и тувинском языках.

Автор приходит к выводу о научной значимости проведенных исследований не только для тувиноведения, этнографии, истории народов РФ и других отраслей знания. Рецензент фокусирует внимание на научной и особенно прикладной ценности исследования для нужд этно-педагогики и лингвистического (билингвального) образования. Полученные тувинскими учеными результаты представляют интерес для организаторов учебного процесса, практиков-педагогов, лингвистов-исследователей. Двухязычный текст, специальный словарь терминов, фотографии с места совершения дагылга разными тувинскими родами, ссылки, QR-коды на видеоматериалы — все это свидетельствует о комплексном и новаторском

подходе к объекту и предмету исследования. Это имеет важное значение для работы с учащимися, рожденными в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: рецензия; тувиноведение; дагылга; Тува; тувинцы; народная педагогика; религиозное возрождение

Для цитирования:

Должикова А. В. Источник народной педагогики и потенциал языкового образования // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 217-225. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.15>

Должикова Анжела Викторовна — кандидат химических наук, директор Института русского языка Российского университета дружбы народов; член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, ведущий эксперт фонда «Русский мир». Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корпус 3. Эл. адрес: dolzhikova_av@pfur.ru

DOLZHIKOVA, Anzhela Viktorovna, Candidate of Chemical Sciences, Director, Russian Language Institute, RUDN University; member, Russian Language Council under the President of the Russian Federation, vice-president, Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, leading expert, Russkiy Mir Foundation. Postal address: 3/10, Miklukho-Maklay St., 117198, Moscow, Russia. Email: dolzhikova_av@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0002-6248-2928

The source of folk pedagogy and the potential of language education

Angela V. Dolzhikova

RUDN University, Russian Federation

The present article, framed within the genre of a review, critically examines the pedagogical potential and significance encapsulated in the popular science publication titled “Dagylga: Tuvan Rituals of Consecration in the 21st Century” (Kyzyl, 2021), authored by a team led by Ch. K. Lamazhaa. Primarily intended for their fellow countrymen and compatriots, the Tuvans, the publication aims to disseminate invaluable insights capable of enriching their Dagylga ritual practices through borrowings and clarifications. Noteworthy is the fact that the book is available in both Russian and Tuvan languages, underscoring its accessibility and relevance to the indigenous audience.

The author of the review emphasizes the scholarly significance of the conducted research, extending beyond the realms of Tuvan studies, ethnography, and the historical narrative of the diverse peoples within the Russian Federation. The reviewer particularly accentuates the research’s scientific and pragmatic value in the context of ethno-pedagogy and linguistic (bilingual) education. The outcomes derived from the endeavors of Tuvan scholars pique the interest of educational facilitators, practical educators, and linguistic researchers alike. The incorporation of a bilingual text, a specialized glossary elucidating technical terminology, accompanying photographs capturing the diverse Tuvan clans performing Dagylga rituals, meticulous citations, and QR codes providing direct access to pertinent video materials, collectively underscore the comprehensive and innovative approach adopted towards the subject and object of the research.

This multifaceted methodology proves instrumental, especially concerning the pedagogical engagement with students born in the digital age. As society traverses the era of digital technologies, these meticulous scholarly efforts become indispensable in fostering a nuanced understanding of Tuvan cultural practices and heritage.

Keywords: review; Tuvan studies; Dagylga; Tuva; Tuvans; folk pedagogy; religious revival

For citation:

Dolzhikova A. V. Istochnik narodnoi pedagogiki i potentsial iazykovogo obrazovaniia [The source of folk pedagogy and the potential of language education]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 217-225. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.15>

Введение

В 2021 г. в г. Кызыле, в столице Тувы, была опубликована книга «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке» на русском и тувинском языках (Дагылга: тувинские ... , 2021) (фото 1). Её авторы — тувинские исследователи: Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны и др. представили результаты своих полевых исследований, объектом которых является один из значимых социокультурных феноменов тувинского этноса — дагылга — обряд освящения природных объектов. Предмет исследования — отдельные практики проведения дагылга тувинскими семьями и родственными группами в 2019–2021 гг., проживающими в разных районах Тувы.

Коллектив авторов определил свой исследовательский проект как научно-популярное издание (там же: 6), предназначенное для специалистов, а также для всех читателей, интересующихся тувинской культурой и современной обрядностью тувинцев. Знакомство с последующими работами: научно-популярным изданием «Өөвүс. Возвращение тувинской юрты» (Өөвүс. Возвращение ... , 2022), коллективной монографией «Тувинцы. Родные люди» (Тувинцы. Родные ... , 2022), любезно предоставленными авторами в библиотеку Института русского языка РУДН, в частности — лабораторию по изучению состояния языков народов РФ, показывает, что книга «Дагылга: тувин-

ДАГЫЛГА: тувинские обряды освящения в XXI веке

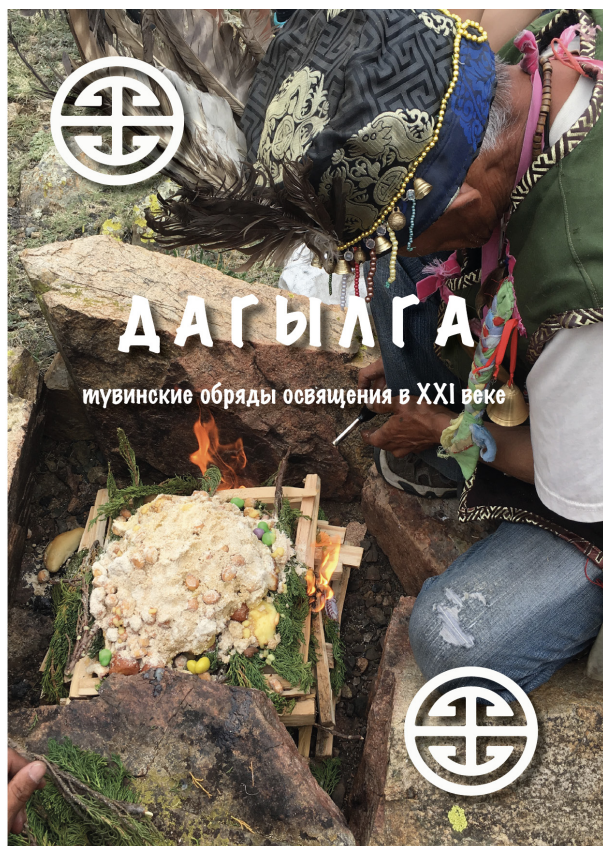

Фото 1. Обложка издания «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке» (Кызыл, 2021).

Photo 1. Cover of the publication "Dagylga: Tuvan Rituals of Consecration in the 21st Century" (Kyzyl, 2021).

кового / билингвального образования. Содержание книги в целом, включая фотографии и видео-иллюстративный ряд, расценивается нами как аутентичный материал, который можно использовать непосредственно на практических занятиях. Таким образом, наша работа посвящена осмыслению лингво-педагогических параметров измерения значимости проведенного исследования.

«Дагылга» — народная педагогика в действии

Судя по известным нам работам по тувиноведению, необходимость обращения «за поддержкой духов» (Ламажаа, 2021) существует в тувинской культуре издавна. И даже в период официального запрета, по всей видимости, обряды «с ночными молитвами» скрытно проводились (Дагылга: тувинские ..., 2021: 7), то есть этот обряд, как объединяющий символ, был неотъемлемой составляющей социокультурной жизни тувинского народа. С началом 1990-х годов традиция освящения природных объектов становится эксплицитным явлением в Туве, а массово частные родовые практики начали проводиться с нулевых годов. На протяжении практически двадцати лет разные семьи и родственные группы (там же: 5) осуществляют практики освящения объектов окружающей их природы, которые всегда были сакральными как для отдельных людей, так и их семей и родственных групп, от взрослых до юных, родившихся в эпоху цифровых технологий. Таким образом, дагылга «возродился и живет уже новой жизнью в XXI веке со всеми атрибутами, присущими современности: с мобильными телефонами, с мессенджерами, с автотранспортом, с видео-камерами, квадрокоптерами и другими техническими, импортными приспособлениями» (там же: 8).

Зафиксированные в ходе полевых исследований 2019–2021 гг. материалы позволяют глубже понять духовную и практическую потребность современных тувинцев, для которых акт совершения дагылга,

ские ... » является органичной частью общей серии работ коллектива тувинских ученых и молодых исследователей. Вкупе все эти три работы, выполненные на основе методов индигенных исследований, позволяют глубже понять суть научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)», который выполняется коллективом по грант № 21–18–00246 при поддержке Российского научного фонда.

Безусловно, содержание «Дагылга: тувинские ... » находится в фокусе внимания ученых не только нашего подразделения. В научном журнале «Вестник Российского университета дружбы народов» серия «История России» известным философом, новосибирским ученым Ю. В. Попковым уже опубликована рецензия на эту книгу (Попков, 2022), в которой отмечены основные параметры измерения значимости проведенного исследования.

Разделяя точку зрения рецензента на актуальность вклада тувинских коллег «в современную историю народов России и, в частности, Тувы, современное тувиноведение и «новую этнографию» (там же: 304), мы — практики и организаторы учебного процесса и одновременно языковеды — исследователи считаем необходимым отметить прикладную значимость проведенного исследования для этнопедагогического и язы-

как и для их предшественников, остается определенным залогом, «гарантией благополучия» как их самих, так и родных (там же: 7). Все одиннадцать кейсов являются тому основательным доказательством и подтверждают факт далеко не случайного отнесения *дагылга* к объектам нематериального культурного наследия тувинцев.

Каждый из описанных случаев освящения уникален, «у каждой родственной группы тувинцев *дагылга* проводится по-своему — по воспоминаниям своих старших родственников, по тому порядку, который устанавливают, подсказывают шаманы или ламы» (там же: 8). В совокупности их можно рассматривать как документальный многосерийный фильм, посвященный одному из потенциалов тувинской народной педагогики. Знакомство с одним из кейсов вызывает любопытство, и читатель не может воздержаться от того, чтобы не посмотреть следующую «серию» с новыми героями, в том числе, семьи с маленьким ребенком (Ламажаа, 2015: 79). Как подчеркивают авторы, детей «специально привозят <...> в воспитательных целях: чтобы учились общаться с многочисленными родными: двоюродными, троюродными братьями, сестрами, тетями, дядями¹. Этого общения они лишены, живя далеко друг от друга» (Дагылга: тувинские ... , 2022: 8). И не только ради знакомства и общения с родственниками взрослое поколение привлекает младшее к освящению сакральных для каждого рода объектов. Это важно и пожилым, и молодым. «Помимо простого желания общаться и осознавать себя членами родов, есть и прагматические причины: тувинцы снова поверили в причинно-следственную связь, когда неуважение предков, забвение духов родовых мест приносят неприятности, грозят бедами, болезнями и потерями близких» (там же: 7).

Мы полагаем, что в этом совместном священнодействии старших и младших поколений отдельных родственных групп в разные периоды их исторического развития воплощается идея солидарной заботы о будущем. Она объединяет их в случае ощущения угрозы распада и потери упорядоченной картины бытия народа, поскольку направлена на продление существования особого уклада жизни тувинского этноса, как в самой Туве, так и диаспоральных образований тувинцев за пределами России: Монголии, Китае. Идея солидарной заботы о будущем тувинского этноса, заключенная в *дагылга*, несомненно, выходит за рамки обыденной предусмотрительности отдельно взятого тувинца, рода или семьи. Она более значима, поскольку во всех своих вариациях направлена на предотвращение общих бед, глобальных в целом для всех — разрушение родственных связей и природного ландшафта, в который живался и в котором выживал тувинский этнос.

Как и судьбы немалого число народов с кочевым способом хозяйствования, «Жизнь тувинских родов в XX веке претерпела значительные изменения: седентаризация, переезды, изменение личных данных людей в связи с паспортизацией 1940-х гг., потери родственников» (Ойдуп, 2021: 46). Отсюда становится более понятным «нынешнее стремление тувинцев к восстановлению родословных» (там же), что хорошо показано на всех одиннадцати практиках. Например — на восстановлении родословной старейшиной потомков родственной группы *Мумбалдай* из племени *чооду* рода *кезек тожу* Тес-Хемского района Тувы с целью помочь родственникам «найти свои корни» (Дагылга: тувинские ... , 2022: 10–11), на создании с помощью компьютерной программы А. С. Папына «четырёхметрового распечатанного рулона» родословной потомков *монгушей*, предки которых кочевали вблизи реки Большой Аянгаты (правый приток реки Хемчик), в Барун-Хемчикском районе (там же: 17) и др.

Знакомство с каждой из вариаций *дагылга* вызывало у нас разные ассоциации². Не быть и в будущем не стать манкуртами, не помнящими своего родства, прошлого, забывшим имена матери и отца и предков — такова общая направленность всех проводимых вариаций *дагылга*. В этом состоит стержневая суть народной педагогики, заключенной в этом обряде, она актуальна и для детей, и для взрослых. Будь то освящение окрестностей родовой горы, возглавляемый старейшиной рода или «обряд освящения начала источника», реализованного с помощью шамана; освящение родового места «Хам Дыт»³, от

¹ Невольно напрашивается параллель с западноевропейским опытом, которым зачастую хватает одного определения для всех «-юродных» — «кузин» и «кузина».

² Напоминает реальную драматическую историю в фильме С. Колосова «Помни имя своё» (1974) и легенду о манкурте из «Буранного полустанка (И дольше века длится день)» (1980) Чингиза Айтматова: « — Твое имя Жоламан. Ты слышишь? Ты — Жоламан. А отца твоего звали Доненбай. Разве ты не помнишь отца? Ведь он тебя с детства учил стрелять из лука. А я твоя мать. А ты мой сын. Ты из племени найманов, понял? Ты найман...». См.: И дольше века длится день. Чингиз Айтматов [Электронный ресурс] // Данинград. URL: <https://danningrad.ru/i-dolshe-veka-dlitsya-den-chingiz-aytmatov/6> (дата обращения: 12.06.2023).

³ *Дыт* (тув.) — лиственница.

которого «питаются энергией»; или особый вид обряда — освящение истока реки в месте образования Улуг-Хема (Енисей), проведенного буддийским ламой, и др. Все они объединены общей идеей — идеей солидарной заботы о будущем конкретной семьи и рода. Таким образом, слагается история народа, из частных практик, из бытования отдельных ячеек (семьи, рода); этническая коллективная память складывается из отдельных пазлов, в качестве которых выступают реальные истории, превращающиеся с течением времени в мифологию. Это и легенда о прославленном скакуне Бадакай-Бора, череп которого как сакральный объект находится в местечке Чараш-Даш, Сайлыг-Хем (там же: 27); и «Легенда о борце Чалааты-Хоолу — Кара-Начыне, сыне Чалаа» (там же: 44); и любопытная практика «жертвенных драгоценностей», будь то обряд «хранения пяти драгоценностей», изготовленных «из золота, серебра, стали, бронзы и меди», приобретенных в том числе «в кызылском магазине ‘Өлчей’» (там же: 16) или обряд «поднесения духам воды» сережки, «не имеющей пары» (там же: 64).

Резюмируя, можно уверенно говорить о том, что на самом деле потенциал народной педагогики, заложенный в разных практиках *дагылга* способен «стать примером для подражания в реальной жизни» (Попков, 2022: 304). Эта мысль прослеживается в ряде известных нам работ тувинских исследователей о народной педагогике, которая, по определению Л. И. Холиной, давшей рецензию на монографию Г. Д. Сундуй, «ведет детей в стихию родной культуры, при этом уважая традиции и обычаи других народов» (Холина, 2010: 258; см. также Майны, 2021). Таким образом, книга «Дагылга: тувинские ...» является актуальным, новаторским вкладом в кладовую и народной педагогики тувинского народа, который «накопил колоссальное культурно-педагогическое наследие <...> — все то, что исторически сохранилось в памяти народа и стало этнопедагогическим сокровищем» (Ооржак, 2010: 253–254).

«Дагылга» двуязычная — книга-билингва

Наличие у каждого народа богатейших образовательных ресурсов, таящихся в кладовой народной педагогики, с одной стороны, а с другой — противоречие между динамикой ценностных ориентиров современных учащихся, рожденных в эпоху цифровых технологий, и недостаточно результативными попытками педагогов-практиков реализовать имеющийся потенциал в учебном процессе, — актуальная научная проблема.

Становится все более очевидным, что в нынешнее время не обойтись без «сохранения и совершенствования этнокультурно-национальной системы образования», которая является «важным звеном социокультурной преемственности»¹. Педагоги — исследователи, отмечая необходимость включения потенциалов народной педагогики в современный образовательный процесс, не случайно подчеркивают отсутствие «научно обоснованной технологии реализации педагогического потенциала» конкретной народной культуры «как основы развития творческих способностей» учащихся².

Думается, что в этом контексте и содержания предыдущего раздела настоящей работы очевидность заложенных в этом двуязычном издании ресурсов едва ли можно оспорить. Их следует применять в практике билингвального образования, поскольку книга издана в полноцветном формате сразу на двух языках (русском и тувинском), что чрезвычайно важно в условиях языковой ситуации в Туве (Биткеева, Цыбенова, 2022) и, прежде всего — для конструирования сбалансированного обучения двух языков (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021: 269). Уточним, что не только широкая читательская аудитория в Туве, но именно «гаджет-поколение» — учащиеся средних школ, колледжей и вузов, включая студентов-тувинцев, обучающихся в вузах за пределами республики, получили продуктивный инструмент для пополнения своего лингвистического багажа. А перед педагогами-практиками стоит задача реализации педагогического и лингвистического потенциала посредством разработок учебных материалов на языковых занятиях.

Как известно, мотивация учащихся из разных стран мира в изучении и совершенствовании своего языкового репертуара обуславливает их обращение к *bilingual books* (двуязычным книгам)³, «книгам-

¹ Гаврилова А. О. Педагогический потенциал русской народной культуры как основа развития творческих способностей подростка.: дисс. ... канд. пед. н. Воронеж, 2018. С. 11–12.

² Там же.

³ Ernst-Slavit G., Mulhern M. Bilingual Books: Promoting Literacy and Biliteracy in the Second-Language and Mainstream Classroom [Электронный ресурс] // ResearchGate.net. 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/279976909_Bilingual_books_Promoting_literacy_and_biliteracy_in_the_second-language_and_mainstream_classroom (дата обращения: 05.05.2023).

билингвам», «билингвальным (билингвистическим) изданиям» (Янович, 2013, 2014b). В основе всех этих рабочих терминов — книга на двух языках. Такие издания довольно популярны особенно среди учащейся молодежи, изучающей иностранные языки. Этот тип лингво-образовательных ресурсов не является современным изобретением, он известен с давних времен. Ярким доказательством тому служит, к примеру, известная рукопись V века «Кодекс Безе» из Нового Завета, написанная на греческом и латинском языках (Мецгер, 2004: 245). Из российского опыта двуязычного книгопечатания в российской практике, активизировавшегося в петровские времена, хорошо известны: «Евангелие, напечатанное повелением царского величества на российском и голландском языках», «Книга на голландском и российском языках. Деяния и послания св. апостолов» и др. (Янович, 2014а: 188). Таким образом, совершенствовалось переводоведческое дело (там же).

Как отмечает К. Я. Янич, двуязычные издания (учебные и литературно-художественные на русском и европейских языках, методики билингвального обучения), начиная с 1990-х годов, выпускаются российскими издательствами: «Эксмо» («Эксмо-пресс»), «Радуга», «Текст», «Детская литература» и др. в серии «Билингва» (Янович, 2014b). Актуальность, востребованность, практическая целесообразность двуязычных книг подтверждается проведением различных мероприятий. Предполагаем, что и на Международном форуме детской и юношеской книги стран СНГ и Грузии «На языке детской литературы: сотрудничество в сфере детской литературы и чтения» (Москва, 30 августа — 1 сентября 2023)¹ его участники не обойдут эту тему.

Однако, если книги-билингвы крупных отечественных издательств в основной своей массе предназначены для изучения иностранных, в частности — европейских языков, то двуязычная «Дагылга: тувинские ...» — одновременно и средство описания обряда тувинской культуры языковой системой, «обслуживающей» эту культуру, и русским — популярным языком науки. Осознание тувинскими коллегами этой двойной необходимости обусловлено объективной реальностью многонационального, полиязычного общества. Не только самим тувинцам, включая «некоторых сельских жителей», для которых «проблемой является знание русского языка», предоставлена возможность «узнать, какие еще варианты *дагылга* проводятся в других районах» и «обогатить свои ритуалы заимствованиями, уточнениями» (Дагылга: тувинские ... , 2021: 6). Полагаем, что разновозрастной русскоязычной читательской аудитории независимо от этнической принадлежности: научным работникам и преподавателям-практикам, молодым исследователям и просто любознательному книголюбу, воспитателю дошкольного образования, учителю начальной и средней школы, родителям и более старшему поколению — всем будет интересно это издание.

У нас не вызывает сомнения, что новаторство авторов будет замечено учеными смежных отраслей науки: этнологами и культурологами, отмечавшим некоторое угасание традиции освящения природных объектов, о чем говорится во вступительной части книги:

«Тувиноведы самой республики современные формы обрядности тувинцев до недавнего практически не считали интересными объектами для изучения. Основные силы они бросили на восстановление традиционных форм, которые в том числе видели в культуре зарубежных тувинцев Монголии и Китая, и считают более сохранными. В итоге интереснейший социокультурный процесс в самой республике, связанный и с архаизацией, и с неотрадиционализмом, в котором также принимали участие и они сами — как члены определенных семейных групп, практически разворачивался не изученным» (там же: 4).

Как организаторы учебного процесса, мы видим её практическое использование непосредственно на практических занятиях по целому ряду дисциплин: сравнительно-сопоставительное языкознание (в т. ч. сравнительная лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика), тюркология, теория и практика языковых контактов и билингвизма, в том числе и научный стиль речи, включая возможность сравнительного анализа научного стиля тувинской речи и его потенциала. Билингвальность издания чрезвычайно ценна для обогащения частной теории русско-тувинского двуязычия (билингвизма) и частной теории и практики перевода с тувинского — языка агглютинативного типа

¹ См.: РГДБ проведет Международный форум детской и юношеской книги стран СНГ и Грузии [Электронный ресурс] // Российская государственная детская библиотека. URL: <https://rgdb.ru/home/news/15213-rgdb-provedet-mezhdunarodnyj-forum-detskoj-i-yunosheskoj-knigi-stran-sng-i-gruzii?ysclid=lltpu1gh9c989740799> (дата обращения: 05.05.2023).

на русский — флективного типа. То есть, у нас в наличии билингвальный источник, который может послужить материалом для исследований будущих диссертационных работ, посвященных изучению ряда вопросов, остающихся в транслатологии неизменно актуальными (адекватность, эквивалентность перевода, способы преодоления лингвоэтнических барьеров, языковых и культурологических лагун и др.). Исследования могут быть направлены как на изучение двуязычной личности переводчика, так и его переводческого продукта, ведь, «помехи», как заметили специалисты, допускаются даже ими: «естественный билингвизм не всегда позволяет его носителям в полной мере репрезентировать ценности одной культуры языковыми средствами другой» (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021: 416). Также анализ этой билингвальной монографии может послужить надежным материалом для подтверждения или опровержения вывода одного из основоположников системной лингвистики Г. П. Мельникова о возможности «передавать единое мыслительное содержание разными средствами, выработанными в разных типах языков под влиянием условий общения» (Бахтикиреева, Валентинова, 2022: 241).

Учитывая наличие «Словаря тувинских терминов» с пояснениями (там же: 72–75), приложению «Библиографию основных научных трудов о дагылга» (там же: 183–184), можно говорить о дополнительных возможностях для языковедов, специализирующихся как в области терминологии, так и дальнейшее изучение обряда дагылга с междисциплинарных позиций. Полагаем, что материалы исследования будут использованы не только для написания лекционных курсов, но и для разработки учебных и учебно-методических пособий по ряду направлений и аспектов, отмеченных нами выше.

Популярность книги, «народность» её изложения не ограничивается билингвальным текстовым содержанием, словарем, который можно назвать «толковым», и списком научных работ по этому обряду. Её перспективы прирастают наличием фотографий, и видео-иллюстративным рядом. Данная возможность позволит «засаянским» (за пределами Тувы) читателям визуально приобщиться к представленным практикам родственных групп, совершать виртуальные мини-путешествия в разные места тувинской земли, где находятся, образно говоря, частички пуповины каждого тувинца, его семьи и рода. Это сторона издания особенно важна в цифровую эпоху. Как и самим акторам священнодействий (а как иначе назвать поклонение Природе окружающей?), так и читателям интересно увидеть запечатленные фрагменты *дагылга* и в опции фотографий, и в виде материалов, залитых в YouTube, стоит лишь на отдельных страницах нажать на ссылки, QR-коды.

Заключение

Подытоживая свое видение значимости зафиксированных авторами и введенных в научный оборот полевых материалов, мы подчеркиваем их научную и прикладную ценность. Вне всяких сомнений, новаторство исследовательского проекта заключается в том, что «оригинальные материалы современной обрядности тувинцев, характеризующие яркие проявления феномена этнокультурного неотрадиционализма», его осуществление в контексте «новой виртуальной реальности» — «в русле этого глобального тренда» (Попков, 2022: 301) позволяют ученым обсуждать комплекс вопросов, начиная с самого главного: *дагылга* не только был, но и остается важнейшим элементом тувинской этнической культуры, объектом нематериального культурного наследия тувинцев. Практический лингво-педагогический потенциал, его билингвальный ресурс ждет своей непосредственной реализации в учебных аудиториях.

Единственное пожелание, которое хотелось бы выразить тувинским коллегам — последующие билингвальные книги составлять с «зеркально», то есть, левая страница на русском языке, правая на тувинском. Такое расположение билингвального текста позволило бы экономить время и расходный материал, затрачиваемый на создание ксерокопий для сравнительно-сопоставительного анализа.

Также не можем воздержаться и от пожелания всем читателям и прежде всего — россиянам. Практики освящения тувинцами природных объектов, объединяющих семьи и роды, а по большому счету — тувинский народ России — достойный пример для достойного бытования человека, бережно относящегося к своей земле. Негласные законы о том, что на территории сакрального места «нельзя мусорить, распивать степные напитки», как это принято у всех тувинских родственных групп, в частности — *туматов* (Дагылга: тувинские ..., 2021: 36); «не плевать в воду, не сбрасывать в нее мусор, не мочиться, не стирать, не мыться в водоемах, тем более, используя бытовую химию <...> нельзя рубить деревья, лес на берегах рек, озер, и на *аржаанах* — целебных водных источниках» (там же: 54) — норма

жизни для человека, заботящегося о природе его окружающей. Даже один, но весьма показательный факт уборки территории, где проводится обряд, обязательный сбор и вывоз мусора (там же: 24, 35, 40, 41, 43, 55, 65, 71), следовало бы сделать непреложным правилом повсеместно. Нам остается признать, что «исследователи-наблюдатели, и сами создатели культуры» продолжают «поддерживать и развивать» (там же: 8), а также популяризировать свою этническую культуру. А мы будем внимательно изучать новые исследования тувинских коллег.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Бахтикиреева, У. М., Валентинова, О. И. (2022) Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. Т. 26. № 1. С. 224–244. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвальность и транс-культурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ламажаа Ч. К. (2015) Ребенок в тувинской культуре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 79–89.

Майны, Ш. Б. (2021) Семейный обряд хылбык дой городских тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Мецгер, М. Б. (2004) Ранние переводы Нового Завета: их источники, передача, ограничения. 2-е изд. М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея. 445 с.

Ойдуп, Ч. К. (2021) Родословная Кыргызов из Эйлиг-Хема (Тува) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.4>

Ооржак, Х. Д.-Н. (2010) Этнопедагогика тувинского народа // Новые исследования Тувы. № 1. С. 252–255.

Өөвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / сост.: Ч. К. Ламажаа [и др.] ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл. 85 с.

Попков Ю. В. (2022) Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 21. No 2. С. 300–304. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Холина, Л. И. (2010) Мир детства кочевой Азии // Новые исследования Тувы, № 1. С. 256–258.

Янович, К. Я. (2013) Билингвистические издания в пространстве культуры // Вестник МГУКИ. № 3 (53). С. 84–87.

Янович, К. Я. (2014а) Роль переводческой и образовательной деятельности в издании билингвальных книг в России в XVIII–XIX веках // Вестник МГУКИ. № 1 (57). С. 187–192.

Янович, К. Я. (2014б) Современные билингвальные издания в российских издательствах // Вестник МГУКИ. № 3 (59). С. 155–160.

Дата поступления: 15.08.2023 г.

Дата принятия 31.08.2023 г.

REFERENCES

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo iazykovogo obrazovaniia Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Bakhtikireeva, U. M. and Valentinova, O. I. (2022) Osobennosti «iazykovogo myshleniia» s pozitsii sistemnoi lingvistiki [“Language thinking” from the perspective of systemic linguistics]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 224–244. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problemy perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskikh kontseptov kul'tury [The Problems Of Translating Cultural Concepts into Another Language: On The Example Of Tuvan Cultural Concepts]. *Polylinguality & transcultural practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoii kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok v tuvinskoii kul'ture [A child in the Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 79–89. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2021) Semeinyi obriad khylybyk doi gorodskikh tuvintsev [Family Rite of khylybyk doy of Urban Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Metsger, M. B. (2004) Rannie perevody Novogo Zaveta: ikh istochniki, peredacha, ogranicheniia [Early translations of the New Testament: their sources, transmission, limitations.]. 2nd ed. Moscow, Bibleïsko-bogoslovskii in-t sv. apostola Andreia. 445 p. (In Russ.).

Oydup, Ch. K. (2021) Rodoslovnaia Kyrgysov iz Eilig-Khema (Tuva) [The Genealogy of the Kyrgys from Eilig-Khem (Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 46–56. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.4>

Oorzhak, Kh. D.-N. (2010) Etnopedagogika tuvinskogo naroda [Tuvan people's ethnopedagogics]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 252–255. (In Russ.).

Oovus. Vozvrashchenie tuvinskoii iurty [Oovus. Return of the Tuvan yurt] (2022) / comp. by Ch. K. Lamazhaa et al., ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p.

Popkov, Yu. V. (2022) Retsenziia na knigu: Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke / pod red. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, 2021. 188 s. [Review of Lamazhaa, Ch.K., and Suvandii, N.D., eds. Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]. Kyzyl, 2021. 188 p.]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 300–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Kholina, L. I. (2010) Mir detstva kochevoii Azii [The world of the childhood of nomadic Asia]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 256–258. (In Russ.).

Yanovich, K. Ia. (2013) Bilingvisticheskie izdaniia v prostranstve kul'tury [Bilingual publications in the cultural space]. *Vestnik MGUKI*, no. 3 (53), pp. 84–87. (In Russ.).

Yanovich, K. Ia. (2014a) Rol' perevodcheskoï i obrazovatel'noï deiatel'nosti v izdanii bilingval'nykh knig v Rossii v XVIII–XIX vekakh [The role of translation and educational activities in the publication of bilingual books in Russia in the XVIII–XIX centuries]. *Vestnik MGUKI*, no. 1 (57), pp. 187–192.

Yanovich, K. Ia. (2014b) Sovremennye bilingval'nye izdaniia v rossiïskikh izdatel'stvakh [Modern bilingual publications in Russian publishing houses]. *Vestnik MGUKI*, no. 3 (59), pp. 155–160.

Submission date: 15.08.2023.

Acceptance date: 31.08.2023.

Познание самих себя через познание культуры своего этноса

Улданай М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Бакытгуль Е. Шагимгереева

Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, Республика Казахстан,

Марал Б. Амалбекова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

В статье представлена рецензия на монографию «Тувинцы : Родные люди» (СПб.: Нестор-История, 2022). Её авторы — этнические тувинки: Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандиш, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны посвятили свой труд осмыслению и описанию культуры, с которой они тесно связаны правом рождения, способом речевой (языковой) коммуникации и неразрывным с ней со-бытием.

Авторы данной работы — этнические казахи — рефлексиируют над монографическим исследованием, облаченным в русскую языковую «оболочку» этническими тувинками, в частности — над их настоящей авторской субъектностью. Какова природа подобного позиционирования авторов монографии? Чем отличается выработанный ими подход от видений коллег — соплеменников тувинского происхождения?

Подчеркнутая субъектность авторов обусловила выработку их собственной концепции — тезаурусного подхода, который номинируется ими как российская версия *Indigenous Methodology*. С этой настойчиво акцентированной эпистемологической позиции ученые выстраивают аналитику предшествующих исследовательских подходов аутсайдеров и инсайдеров к изучению тувинской культуры и её генезиса; раскрывают содержание ключевых концептов, входящих в «ядро» сокровищницы тувинской культуры: өг, куда, уруг-дарыг, мал, сводящиеся под один зонтичный, родовый концепт — төрөл. На основании своего видения тувинские коллеги делают один из важных выводов, который становится актуальным для исследователей — представителей ряда коренных народов РФ и центральноазиатского региона: тувинская культура прежде всего зиждется на культуре родственных связей.

В ходе изучения монографии тувинских ученых выкристаллизовалась сверхзадача для каждого учебного-инсайдера — познать самих себя. Обратиться от предмета изучения на самих себя как на субъектов, не желающих пребывать в позиции «жертвы» по отношению к «метрополи», удобной позиции, освобождающей от ответственности за состояние культуры своего народа и науки о ней.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; рецензия; тувиноведение; концептуализация этнокультуры; концепт культуры; тезаурусный подход; индигенная методология

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М., Шагимгереева Б. Е., Амалбекова М. Б. Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 226-236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Шагимгереева Бакытгуль Ерсайновна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. Адрес: 090000, Республика Казахстан, г. Уральск, пр. Н. Назарбаева, д. 162. Эл. адрес: t_2004@mail.ru

Амалбекова Марал Бимендиевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Адрес: 010010, Республика Казахстан, Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2. Эл. адрес: maraluspen@mail.ru

Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Russian Federation,

Bakytgul E. Shagimgereyeva

M. Utemisov West Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan,

Maral B. Amalbekova

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

The article provides a review of the monograph «Tuvans: Native People» (St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022). Its authors, ethnic Tuvan women (Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy), have dedicated their work to comprehending and delineating the culture intimately linked to them through birthright, linguistic communication, and inseparable cohabitation.

The authors of this review, ethnic Kazakh women, contemplate the monographic exploration encapsulated within the linguistic confines of the Russian language by ethnic Tuvan women, particularly focusing on their compelling authorial subjectivity. What characterizes the nature of such authorial positioning within the monograph? How does their methodology differ from the perspectives of their colleagues who share Tuvan origins?

The accentuated subjectivity of the authors has led to the formulation of their unique concept – the thesaurus approach, which they label as the Russian iteration of Indigenous Methodology. From this emphatically articulated epistemological stance, the scholars scrutinize antecedent outsider and insider research methodologies concerning the study of Tuvan culture and its genesis. They delve into the essence of pivotal concepts constituting the “nucleus” of the Tuvan cultural repository: *ög, kuda, urug-daryg, mal*, all subsumed under a unified, clan-based concept – *törel*. Drawing from their perspective, Tuvan colleagues draw a crucial inference, one pertinent to researchers from diverse indigenous communities within the Russian Federation and the Central Asian region: Tuvan culture fundamentally rests upon the framework of kinship ties.

In the process of dissecting the monograph authored by Tuvan scholars, an overarching objective crystallizes for each insider scholar – to introspectively comprehend themselves. To shift the focus from the object of study to themselves as subjects, unwilling to perpetuate the role of “victims” in relation to the “metropolis”, a convenient posture that absolves them from accountability for the state of their people’s culture and the academic discipline devoted to it.

Keywords: Tuvans; Tuva; critical review; Tuvan studies; conceptualization of ethnoculture; culture concept; thesaurus approach; Indigenous Methodology

For citation:

Bakhtikireeva U. M., Shagimgereyeva B. E. and Amalbekova M. B. Poznanie samikh sebia cherez poznanie kul'tury svoego etnosa [Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 226-236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198, Moscow, Russia. Email: uldanai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5088-7568

SHAGIMGEREYEVA, Bakytgul Ersainovna, Ph.D. in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, M. Utemisov West Kazakhstan University. Postal address: 162, N. Nazarbayev St., 090000, Uralsk, Republic of Kazakhstan. Email: t_2004@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4391-0613

AMALBEKOVA, Maral Bimendievna, Doctor of of Philology, Associate Professor, Department of theory and practice of translation, L. N. Gumilyov Eurasian National University. Postal address: 2, K. Satpayev St., 010010, Astana, Republic of Kazakhstan. Email: maraluspen@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4003-3080

Введение

В Санкт-Петербургском издательстве «Нестор-История» в конце 2022 г. вышла в свет коллективная монография «Тувинцы. Родные люди» (Тувинцы. Родные ... , 2022) (фото 1). Её авторы — этнические тувинки, научные сотрудники лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета: Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны. Ученые осуществили критический анализ теоретико-методологических подходов к изучению тувинской культуры, осветили проблематику генезиса культуры и сложности её описания с лингвокультурологических и переводоведческих позиций, подвергли анализу актуальные для соплеменников концепты тувинского тезауруса: *өг* 'юрта, вид жилища и родной дом'; *куда* 'свадьба, создание семьи, новые родственные связи'; *уруг-дарыг* 'дети'; *мал* 'скот / мясо, питание' и как способ хозяйствования этноса в конкретных географических и климатических условиях. Эти концепты, включающиеся под общий зонт родового, концептуального понятия *төрөл* 'родня, родственники, круги родства' — суть отражения повседневного бытования современных тувинцев.

Особое звучание получает в монографии тезаурусный подход, примененный к анализу культуры, и инсайдерская позиция к изучению и описанию культуры народа, которому авторы принадлежат и по праву рождения, и по неразрывному со-бытию с ним, и по способу речевой (языковой) коммуникации.

Обозначая цели исследования, ученые подчеркивают свою авторскую субъектность: «мы описываем и анализируем собственную тувинскую культуру — культуру, в которой родились, выросли, и живем; мы говорим на языке нашей культуры» (там же: 4), а также стратегию исследования: «сегодня пришло время взглянуть на тувинскую культуру с иной точки зрения» (там же: 5).

Казалось бы, на подобное подчеркнутое позиционирование могут претендовать практически все билингвальные исследователи, посвящающие свои работы осмыслению и описанию явлений культуры своего народа на ином — не внутреннем языке этой культуры, в том числе этнические тувинцы. Ведь, рождение любой научной работы предполагает формирование новых смыслов и знания. Однако в данном случае заданная авторская модальность четко прослеживается с первых страниц и лейтмотивом пронизывает весь исследовательский проект. На наш взгляд, эта модальность амбивалентна, в ней кроется и зов к пониманию, и интеллектуальный

вызов: да, мы — тувинки, говорим на тувинском, пишем на русском, но о своем, родном. Перед нами билингвальные¹ авторы с однозначной этнической идентичностью и выраженным этническим самосознанием, предлагающие в русской «языковой оболочке» новое знание о культуре и в общем

Фото 1. Обложка монографии «Тувинцы. Родные люди» (СПб., 2022).

Photo 1. Cover of the monograph "Tuvans. Native people" (St. Petersburg, 2022).

¹ Термин «билингвальный» не означает, что человек владеет только двумя языками. В его языковом репертуаре их может быть гораздо больше. Полилингвизм в принципе сводится к совокупности двуязычий. См.: Серебренников Б. А. Общее языкознание [Электронный ресурс] // Samlib.ru. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/serebrennikov.shtml (дата обращения 12.03.2023).

о народе, её создавшем, полученное на основе разработанного ими подхода, который они называют «русской версией Indigenous Methodology» (там же: 67, 70, 75) (англ.: *the Russian version of the indigenous methodology*; тув.: *индигенниг методологияның россияжи хевури*).

Таким образом, русскоязычная монография коллег тувинцев как, собственно, для нас — авторов данной рецензии — казахов, так и целого ряда народов РФ, центральноазиатских и других представляет интерес не только собственно текстовым содержанием — фактуальной, содержательно-фабульной информацией, но и акцентированной билингвальной позицией его создателей. Насколько оправдана подчеркнутая субъектность авторов монографии? Чем отличается взгляд авторов от видения коллег — соплеменников тувинского происхождения? Какова результативность тезаурусного подхода?

Рефлексия над заинтересовавшими нас вопросами — *основная цель* нашей статьи. Во избежание умозрительных рассуждений мы руководствовались *методом аналогии* — одним из научных методов познания. В поисках аналогий обращались к трудам Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992, 2002), М. М. Ауэзова (Ауэзов, 1997), Г. Д. Гачева (Гачев, 1988), О. О. Сулейменова¹, А. А. Кодара (Кодар, 2006), Б. Г. Каирбекова², которые выступают в качестве *теоретико-методологической опоры* нашей работы.

Жанр нашей статьи можно определить как *философскую рефлексию* над прочитанной монографией «Тувинцы. Родные люди» («Тывалар. Төрээн кижилер»), посвященной культуре народа, проживающего в Туве, «неизвестной части» России, российской, но тем не менее, обособленной территории, «в том числе отчасти неизвестной и для самой России» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 26).

От предмета изучения обратиться на самих себя, познать самих себя — это *сверхзадача* нашей работы.

«Кто они?» или Природа подчеркнутой субъектности авторов

Подчеркнутая субъектность авторов — собственно основа их эпистемологической позиции изложена во введении Ч. К. Ламажаа, предваряющем монографию (там же: 4–8). Однако ограничиться анализом результатов исследований не позволяют наши «казахские» рефлексии на тувинский интеллектуальный продукт. И дело здесь не в том, что эти два народа относятся к тюркоязычным, что могло бы послужить отправной точкой для рассуждений о некоей этнической солидарности. Мы на своем примере предполагаем, что многие исследователи, изучающие культуру своего народа, в процессе знакомства с монографией будут испытывать сходные с нашими чувства. И не только потому, что «иноязычие не может перебить голоса крови» (Кодар, 2006: 485), но и по причине отсутствия в научном обороте подобного ракурса, а именно осмысления концептов культуры народа, к которому мы принадлежим по праву рождения, в динамике. «Особым слухом», полагаем, будут отличаться представители коренных народов РФ и коллеги из центральноазиатских стран, которых не прельщает виктимная позиция «жертвы», суть lamentаций которой сводится к пенянию на подчиненное состояние в границах «метрополии» и снятию с себя ответственности за состояние культуры своего народа и науки о ней.

Пример создателей монографии — это пример преодоления себя посредством обращения к себе, через осознание своей ответственности перед собой, наукой, своим народом. В позиционировании субъектности тувинских коллег, прежде всего, усматривается указание на их этническую и языковую, как минимум, билингвальную — тувинско-русскую идентичность. Осознанная необходимость реализовывать свой интеллектуальный потенциал на русском языке никак не освобождает их от бытия внутри этнического языка. В акцентуации авторов на русскоязычном воплощении своего труда, некоторой ноте сожаления в отношении невозможности полностью воплотить лингвистический принцип индигенной методологии, ограничившись тувинским текстом, резюмирующим содержание монографического проекта (Тувинцы. Родные ... , 2022: 7, 220), мы не усматриваем недостатка, неполноты применения принципов Indigenous Methodology.

Иноязычное бытие литературы, например, средневековой литературы тюркских народов на арабском и новоперсидских языках, современной англо-, франко-, испаноязычной литературы и

¹ Сулейменов О. О. Доклад на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1989. С. 54.

² Каирбеков Б. Г. Части целого: Избранное : в 2 т. Алматы, 1998. Т. 2. Стихи, проза, переводы. С. 229–231; Каирбеков Б. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023.

др. (Ауэзов, 1997: 110–111); и не только художественной, но и научной литературы (напр.: ученые персидского происхождения Ал-Хорезми, ал-Бируни, Ибн Сина (Авиценна) и др., создававшие научные трактаты на арабском); современной научной и научно-популярной русскоязычной литературы казахов Бахыта Каирбекова¹, Ауэзхана Кодара (Кодар, 2006 и др.) и многих других о своей культуре служит доказательством неизменности явления «своего» в «ином». Подчинение языку более витальному в конкретном государственном устройстве, в том числе федеративном — исторически обусловленная жизненная необходимость, по крайней мере, до гипотетической возможности обретения «своим» лингвистического императива на уровне мирового языка.

Невозможность реализации исследования на внутреннем языке культуры, как определенная редукция, компенсируется бинокулярным зрением, возможностью оценить все ценное в видении коллег — аутсайдеров, позиция которых отнюдь не всегда предполагает знание языка изучаемой культуры; учесть их недочеты, преломить полученное знание, обогатить его и сформулировать новое. Так работает эвристическая позиция билингвального исследователя, изучающего конкретное явление с позиции «изнутри» и «снаружи». В качестве аналогии обратимся к «Феномену культуры» Ю. М. Лотмана, его построениям о «мыслящем устройстве», структура которого может быть моно- и билингвальной. «Моноязычная структура может объяснять систему коммуникативных связей, процесс циркуляции некоторых уже сформулированных сообщений, но отнюдь не образование новых. Для возникновения той закономерной и целесообразной неправильности, которая и составляет сущность нового сообщения или нового прочтения старого <...>, необходима как минимум двуязычная структура» (Лотман, 1992: 36). Это построение Ю. М. Лотмана коррелирует с размышлениями Г. Д. Гачева о «двуязычном нацмене» (Гачев, 1998: 37). Будучи знакомыми с уникальным стилем гачевского изложения, во избежание некорректного воспроизведения приведем объемную цитату:

«При двуязычии язык и национальное сознание превращаются, по словам литературоведа и философа М. М. Бахтина, из абсолютной догмы, какими они являлись в пределах замкнутости и глухого одноязычия, — в более гибкую и податливую новым понятиям мировоззренческую систему.

Двуязычие — это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны — на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо ‘двуязычник’, живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный ‘одноязычник’, на каком бы великом языке он ни мыслил. Ценностно-акцентные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга. Для художественно творящего двуязычного ‘нацмена’ сам язык и мышление его народа живут все время в двух аспектах: *свой — родной* (в котором вырос) и *свой — чужой* (как он выглядит со стороны и изнутри русского или английского языка, на котором он приобщился к образованию и цивилизации, который стал ему родным языком мышления)» (там же; курсивы источника. — *Авт.*).

Сходные идеи сформулировал М. М. Ауэзов, размышляя о т. н. «маргинальной» (двуязычной, как минимум) личности, особое положение которой «способствует тому, что она воспринимает культуру, к которой принадлежит этнически, как бы извне, со стороны и потому крупномасштабно» (Ауэзов, 1997: 108). Это особое билингвальное положение обуславливает очевидность различия

«таких понятий, как сознание этнической принадлежности и национальное самосознание. В отличие от простого факта своей принадлежности к той или иной национальной общности, национальное самосознание предполагает осмысленное отношение к внутренним и внешним, национальным и интернациональным факторам, которыми определяется историческое бытие этой общности. Если человек, оказавшийся в маргинальной ситуации, является подлинно творческой личностью, деятельность которой немислима без глубокой обоснованной мировоззренческой позиции, он необходимо восходит к уровню национального самосознания, преодолевая в себе двойственную неопределенность маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей»².

¹ Каирбеков Б. Г. Части целого: Избранное : в 2 т. Алматы, 1998. Т. 2. Стихи, проза, переводы. С. 229–231; Каирбеков Б. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023.

² Объемность цитаты обусловлена фактом библиографической редкости монографии М. М. Ауэзова.

Как нам представляется, в этом контексте четче понимается тувинско-русская языковая идентификация авторов монографии, их подчеркнутая субъектность, которая и легитимирует коллективного русскоязычного Homo Loguens, коим являются авторы монографии, и новый термин «русская версия Indigenous Methodology», который вполне возможно будет зафиксирован в соответствующих академических изданиях, словарях, глоссариях.

Неудовлетворенность — стимул к реакции

Неудовлетворенность тувинских ученых сформированным за предыдущие века дискурсом о тувинской культуре (Тувинцы. Родные ... , 2022: 9–28) — это, по сути, и наше состояние по отношению к культуре казахского народа. С высоты истории изучение конкретного этноса с конца XVIII века — это небольшой исследовательский период, но он оказался достаточным для сложения устойчивого представления о своеобразии народа, его культуры и для формирования положительных стереотипов, но и предубеждений, и предрассудков. С другой стороны, без этого накопленного опыта невозможны последующие смыслообразования. Несмотря на появление нежелательных эмоций от знакомства с рядом работ отдельных «внешних» исследователей¹, ориенталистский и, в целом, аутсайдерский подход — неотъемлемая составляющая научного знания, которое как и бытование культуры не статическая структура, но динамичная.

К этому пониманию нас подводит работа «К построению теории взаимодействия культур» Ю. М. Лотмана. «Этнографические описания европейцами ‘экзотических’ культур (куда в определенные моменты истории попадает и русская) или описание Тацитом быта германцев» (Лотман, 2002: 205) — неизбежный и необходимый этап развития культуры, несмотря на утрату «определенных, и часто наиболее ценных как стимуляторы, качеств копируемого внешнего объекта» (там же). Таким образом, внешний взгляд выступает интеллектуальным раздражителем, «провоцирующим» исследовательские перспективы².

В этом контексте взвешенное осмысление предшествующего аутсайдерского опыта изучения тувинской культуры авторами монографии вызывает эмпатию. «Справедливость без суровости» — так можно определить принцип критического анализа, позволяющий коллегам быть свободными от негативного настроения и «постколониальной ярости» к работам, освещавшим явления общественной и культурной жизни в рамках идеологических установок исторических эпох, и «различных “измов”» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 44), в том числе ориенталистских. Выбор не в пользу удобной позиции «жертвы» позволяет им выявить исследовательские «перекося» и удачи в изучении тувинской культуры во «внешнем» и «внутреннем» тувиноведении.

Особенности внешнего (аутсайдерского) тувиноведения

Особенности внешнего (аутсайдерского) тувиноведения тувинские коллеги усматривают, прежде всего, в заметной культурной дистанции «между своей родной культурой и изучаемой — тувинской», которой аутсайдеры придерживаются, «даже если самые энергичные овладевают тувинским языком» (там же: 34). Особенности взгляда «снаружи» на объект и предметы исследования обеспечивает им объективность в описании разноаспектных культурных явлений, пусть нередко и относительную. Однако при всей возможной объективной оптике в такой позиции не избежать аберрации взгляда. Как отмечают, авторы монографии, отдельные оценки и умозаключения «внешних» исследователей отнюдь не всем тувинцам ко двору (там же).

Вместе с тем, коллектив авторов высоко оценивает труды аутсайдеров, прежде всего раскрывающих «табуированные» аспекты культурного бытования тувинцев, которые чаще по субъективным причинам инсайдеры намеренно выводят из фокуса своего внимания (там же: 34–36). В частности, речь идет о монографии греческого антрополога К. Зорбаса (K. Zorbas) «Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives» («Шаманские диалоги с невидимой темнотой в Туве, Сибирь. Проклятые

¹ См. напр.: Смирнов И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики. Опубликовано в журнале «Исторический Вестник» в 1892 г.; Вестник Императорского Русского Географического Общества, 1859 г. Т. XXVII. Записка Волкова об Оренбургской губернии, 1763 (Алекторов, 2013: 117, 286–287).

² См., напр. книгу Э. Фатланда «Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога» (Фатланд, 2018).

жизни») (Zorbas, 2021), опубликованной издательством Cambridge Scholar Publishing. Этот труд мы также оценивали вместе (см.: Ламажаа, Бахтикиреева, 2022).

Зарубежный исследователь, изучая в столице Тувы одну из ритуальных практик шаманов «по снятию проклятий», поднял тему, находящуюся под негласным запретом у самих же тувинских исследователей (Тувинцы. Родные ... , 2022: 34–36). И не только у тувинских, но и балкарских, калмыцких коллег и др. Несмотря на факт отсутствия некоторых нюансов, которые можно отнести в разряд лотмановских «качеств — стимуляторов» (Ламажаа, Бахтикиреева, 2022: 268), вклад К. Зорбаса в тувиноведение безусловен.

Среди наиболее актуальных трудов исследователи выделяют монографию российского ученого В. А. Киселя, посвященной тувинской погребальной обрядности (Кисель, 2009); а также исследования немецкого антрополога А. К. Ольшлегель, поднимающей тему конструирования тувинцами прошлого и настоящего (Oelschlägel, 2013). Полагаем, что труды этих коллег привлекают особое внимание авторского коллектива и в силу коррелирования их собственных исследовательских установок с аутсайдерскими. В целом же, авторы монографии, оценивая вклад «внешних» коллег в тувиноведение, демонстрируют свою открытость всем, кому интересна культура тувинского народа.

Анализ «внутреннего» тувиноведения

Анализ «внутреннего» тувиноведения позволяет авторскому коллективу выявить ряд факторов, с их точки зрения, существенно редуцирующих перспективы тувиноведения (См.: *Особенности инсайдерского тувиноведения*, в: Тувинцы. Родные ... , 2022: 37–41). Вместе с тем невозможно не заметить их бережное отношение к любому знанию и коллекционированию всего ценного для построения своей концепции и, в общем — актуального для современной науки. Так, отмечая вклад крупного тувинского ученого В. Ю. Сузукей в изучение культуры своего народа, они подчеркивают её вывод о необходимости преодоления заданной матрицы в изучении тувинской и центральноазиатских культур (там же: 41–44). Свою аргументацию авторы монографии подкрепляют и позицией якутского ученого У. А. Винокуровой в отношении ученых-инсайдеров из числа коренных народов, выступающих от имени собственного народа (там же: 74), и вынужденных совмещать научную деятельность с решением судьбоносных для автохтонных социумов вопросов.

Кстати заметить, что такова перспектива немалого числа научных и творческих личностей из среды народов, не сумевших самостоятельно отстоять свою независимость, а значит — выражающих свои мировоззренческие взгляды на языке более витальном, понятном всему сообществу, в которое они объединены исторической судьбой. Примеров тому в нашей совместной истории достаточно. Приведем один: «Каждый из нас не принадлежит себе. Мы — это голос народа ...», — отмечал в своем докладе на симпозиуме писателей стран Азии и Африки поэт, лингвист, государственный и общественный деятель О. О. Сулейменов более полувека назад¹.

К числу наиболее значительных недостатков, выявленных учеными, пожалуй, относится отсутствие «гипервключенного наблюдения» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 41), рефлексивности инсайдеров, что в совокупности с другими «тормозящими» факторами явно не способствуют системному осмыслению тувиноведения как отрасли науки (там же: 37–41). В резюмирующей части анализа, авторы монографии приходят к следующему умозаключению: при сложившемся осмыслении

«культура нынешняя — как разнообразный мир вокруг человека сегодняшнего — не воспринимается ими как нечто важное, требующее исследовательского внимания. Факторы глобализации и вестернизации признаются, но только как нечто, влияющее на (главным образом разрушительно) на традиции, т.е. на культуру. В итоге получается, что **внимание гуманитариев обращено к прошлому и к его наследию в нынешнем виде, к тому, что необходимо возвращать, пестовать посреди “неправильного сегодня”, а своя собственная культурная жизнь во всем ее противоречивом многообразии ими практически отвергается как объект изучения**» (там же: 41; выделено нами. — У. Б., Б. Ш., М. А.).

¹ Сулейменов О. О. Доклад на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1989. С. 54.

Это актуальное наблюдение, достигшее уровня фундаментального обобщения, точнее — одно из важных достижений тувинских коллег, которое, несомненно, повлияет на исследования внутренних исследователей культуры в перспективе и отнюдь не только тувинской. Мы расцениваем этот вывод не только как эвристический капитал для тувиноведения, но и как опорную модель для выявления плюсов и минусов нынешнего инсайдерского казаховедения, хакасоевения, балкароведения, эвенковедения и мн. др., для преодоления инерционной заданности в изучении культуры, направленность которой устремлена скорее на изучение ее статики, чем динамики. Таким образом, рассматривать культуру как развертывающееся в пространстве и времени событие, здесь и сейчас — это один из главных текстовых и подтекстовых смыслов монографического исследования тувинских коллег.

Разработка эвристического подхода к изучению культуры

Во избежание «неправильных толкований и злоупотреблений» (там же: 74) по отношению к традиционным знаниям, с пониманием необходимости восполнения потерь, неизбежных как у коллег — соплеменников, отдельно изучающих духовные и материальные ценности родной культуры, так и у внешних, как правило, не владеющих в должной мере языком изучаемой культуры (См.: *Концепты культуры на своем языке*, там же: 46–56), тувинские коллеги разработали собственную концепцию, основываясь на достижениях Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. Выбор в пользу идей этих ученых обусловлен «обращенностью к особенностям субъекта познания — самого ученого, который может смотреть на исследуемый объект культуры или общества с точки зрения его богатства, тезауруса как сокровищницы знаний, а также соотносить с ним свой собственный тезаурус. <...> если ученый сам владеет тем же тезаурусом, если он для него родной, если он инсайдер культуры, то получается, что ученый строит научное исследование, понимая себя находящимся в центре этого познавательного процесса, понимая, как это исследование важно для него самого и для его земляков, соплеменников, людей его культуры» (там же: 5), то есть для тувинцев — родных людей.

Излагая положения тезаурусного подхода (там же: 57–75), авторы подчеркивают: «**наша работа располагается в области эмического изучения культуры, сам подход можно назвать российской версией Indigenous Methodology.** Исследование тувинской культуры исследователями из числа тувинцев, осознающих свою принадлежность к культуре, ориентированных на постижение ценностей своей культуры и понимающих меру своей ответственности за исследование, — это основные наши установки» (там же: 75; выделено нами. — У.Б., Б.Ш., М.А.).

В процессе построения тезауруса (см. там же: *Тезаурус тувинской культуры*, там же: 76–85) исследователи руководствуются тремя важными для реализации их видения составляющими: идеей концепта, идеей тезаурусной саморегуляции, идеей социокультурной субъектности тезауруса. Это важнейшее отличие реконструкции тезауруса тувинской культуры от прочих.

Сосредоточившись на анализе именно трансформации, динамике концептов: *өг, куда, уруг-дарыг, мал*, сводящиеся под один зонт, к родовому понятию *төрел* (там же: 86–218), ученые осуществили попытку преодолеть разрыв между отдельным изучением явлений духовной и материальной культуры тувинского народа. Изучение и анализ конкретных концептов позволили им представить «смысловое “ядро” сокровищницы тувинской этнической культуры» и выкристаллизовать «центральный концепт тувинской культуры», который «практически не входил в сферу внимания исследователей» (там же: 219).

В целом, как показали авторы в Главе 2 «“Свое” в тувинской культуре», *төрел* — ключевой концепт тувинской культуры XX–XXI веков, в котором часть прежнего, традиционного наполнения утратило свою актуальность, уступив место новым качествам и признакам. Вывод авторов о том, что «тувинская культура может быть названа как культура родства или культура родственных связей, поскольку вся жизнь тувинцев пронизана пониманием родства, родственных отношений, деятельностью, связанной с поддержанием этих родственных отношений» (там же: 219) можно принять безоговорочно. И не только в силу приводимой аргументации, но и непосредственным использованием в работе метода автоэтнографии, продуктивность которого доказывается приложением 1 «Истории отдельных тувинских родов, родственных групп» (там же: 251–344), в которых обнаруживаем и собственно роды и группы, представителями которых являются и авторы монографии. Не можем не отметить мудрое отношение¹ представителей родов к некоторым косным явлениям советского периода, например,

¹ «Не соглашаясь, примиряться» — так можно было бы обозначить это отношение.

паспортизации этнически нерусских граждан СССР (там же: 321, 324¹) и др. Иллюстрирование фотографиями родов из восьми историй в приложении 2 (там же: 345–358) увеличивает доказательную базу исследовательского проекта и актуальность автоэтнографического метода и, в целом — предложенного авторским коллективом теоретико-методологического подхода — тезаурусного.

Отдельной брошюрой опубликованное Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Б. Майны, Ш. Ю. Кужугет, Ч. Х. Санчай, А. В. Монгуш исследование «Өөвүс. Возвращение тувинской юрты» видится как самостоятельное исследование и как доказательный ресурс ко всему проекту в целом (Өөвүс. Возвращение ... , 2022). Юрта (өз), «перекочевывающая» и бытующая в разных ипостасях у нынешних потомков номадов, остается неотъемлемой частью их культуры (Ламажаа, 2021: 4). Представленная в разных аспектах повседневной жизни тувинцев: в архитектуре, дизайне интерьеров, в одежде, питании, искусстве, сувенирной продукции, в культуре детства, педагогике и др., юрта, как «модель Вселенной в миниатюре»², превратилась в «дом, который всегда с собой»³.

На наш взгляд, монография «Тувинцы. Родные люди», органично дополненная книгой о юрте, не мыслится без другого издания — «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке» (Дагылга: тувинские ... , 2021). Изданная на русском и тувинском языках книга раскрывает уникальную сторону жизни тувинских семей и родственных групп, проживающих в отдельных районах Тувы — *дагылга* — обряды освящения природных объектов рядом (2019–2021 гг.). (см. рецензию на нее: Попков, 2022). Несмотря на все исторические катаклизмы, сегодня тувинский народ продолжает свой диалог с Природой, осознавая свою зависимость от неё и ответственность перед ней, выражая свое почтение и уважение, и одновременно прося ее защиты и покровительства. Об этом книга. Вводя в научный оборот зафиксированные в ходе полевых исследований материалы, коллектив авторов еще раз продемонстрировал свою исследовательскую состоятельность — изучать культуру как континуумный процесс, который «чреват» новыми ресурсами самообеспечения.

Кода⁴. Вместо заключения

Таким образом, как полагаем, тезаурусный подход предоставляет перспективные возможности для исследователей культуры в силу принципа, который в нем заложен и который мы условно назовем «кинематографическим», то есть принципа, нацеленного на изучение культуры как развертывающегося во времени и пространстве, континуумного события — со-бытия культуры и народа её продуцирующего.

Монография «Тувинцы. Родные люди» — новый паттерн знания, который можно использовать исследователям — представителям самых разных этносов и этнических групп. Оттолкнувшись от предложенной авторами модели изучения культуры в динамике, наполнив онтологией конкретного локала, можно сформулировать новое знание о своем народе и его своеобразной культуре, находящейся в «кинематографическом» состоянии, структурно напоминающей «культурную луковицу» или «модель лука» (*onion model*) Г. Хофстеде (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). Если метафоричную модель нидерландского социолога рассматривать в подаче тувинских авторов, то фокус нашего внимания сосредоточится на новых слоях, непрерывно обертывающих «смысловое ядро» — первичный подземный луковичный побег. Тезаурусному подходу суждена большая биография.

Для нас это исследование вкупе с двумя, отмеченными выше, ценно обращенностью к разуму, духу, душе, мышлению, сознания человека, в том числе человеку волей исторической судьбы являющимся билингвом. Это и наша исследовательская установка звучит в словах тувинских коллег: «Мы постигаем культуру, свою культуру, и мы постигаем ее не только для себя, для науки, но и для самой культуры. Чтобы понять, кто мы, что происходит в культуре» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 220). При всей витальности русского языка в нашем бытовании мы остаемся прежде детьми своего народа, пытающемся помнить кто мы. Мы должны — помнить предков до седьмого и даже, как тувинцы, «до девятого

¹ См.: «История төрөл бөлүк (родственной группы) Кыргыз из Эйлиг-Хема Улуг-Хемского района», где Чойганмаа Кыргызовна Ойдуз, 1949 г.р. отмечает, что «в результате этой компании началась большая путаница, в том числе поломалась представление о родовой последовательности» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 324).

² Каирбеков Б. Г. Части целого: Избранное : в 2 т. Алматы, 1998. Т. 2. Стихи, проза, переводы. С. 229.

³ Каирбеков Б. Кочующие в мирах. М.: РУДН, 2023. С. 203.

⁴ *Кода* (ит.) — отрывок, который завершает произведение (или часть).

колена» (там же: 49). Осознавая тупиковость этнической установки «Мы — такие!», без воинствующего противостояния, доступным большинству языком, погружаться в осмысление «Кто мы?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алекторов, А. Е. (2013) Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах) // Классические исследования / под общ. ред. У. К. Калижанова. Алматы : Эдебиег элeмi. Т. 13. 976 с. С. 117, 286–287.
- Ауэзов, М. М. (1997) Иппокрена. Хожение к колодцу времен. Алматы : ИД «Жибек жолы». 170 с.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Кисель, В. А. (2009) Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб. : Наука. 142 с.
- Кодар, А. (2006) Зов бытия. Алматы : Издательский дом “Таймас”. 528 с.
- Тувинцы. Родные люди (2002) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны : под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История. 360 с.
- Өөвүс. Возвращение тувинской юрты (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 85 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К., Бахтикиреева, У. М. (2022) «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 266–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. 478 с.
- Лотман, Ю. М. (2002) Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб. : Академический проект. 543 с.
- Попков, Ю. В. (2022) Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 21. № 2. С. 300–304. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>
- Фатланд, Э. (2018) Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога. М. : РИПОЛклассик. 528 с.
- Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. (2010) Culture and Organization: Software of the Mind. London : McGraw-Hill. 576 p.
- Oelschlägel, A. C. (2013) Der Taigageist. Berichte und Geschichten von Menschen und Geistern aus Tuwa. Zeitgenössische Sagen und andere Folkloretexte / Дух-хозяин тайги — Современные предания и другие фольклорные материалы из Тувы / Тайга ээзи — Болган таварылгалар болгаш Тывадан чыгдынган аас чогаалының өске-даа материалдары. Marburg : Tectum-Verlag. 220 p.
- Zorbas, K. (2021) Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 14.07.2023 г.

Дата принятия: 31.07.2023 г.

REFERENCES

- Alekторов, A. E. (2013) Ukazatel' knig, zhurnal'nykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (o kazakhakh) [Index of books, magazine and newspaper articles and notes about the Kyrgyz (about the Kazakhs)]. In: *Klassicheskie issledovaniia [Classical studies]* / ed. by U. K. Kalizhanova. Almaty, Эдебиег элeмi. Vol. 13. 976 p. Pp. 117, 286–287. (In Russ.).
- Auevov, M. M. (1997) *Ippokrena. Khozhdenie k kolodtsu vremen [Hippocrene. Walking to the Well of Times]*. Almaty, Zhibek zholy Publ. 170 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988) *Natsional'nye obrazy mira [Ethnic images of the world]* Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p. (In Russ.).
- Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]* (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Kisel', V. A. (2009) *Poezdka za krasnoi sol'iu. Pogrebal'nye obriady Tuvy. XVIII — nachalo XXI v. [A Journey for the red salt. Funeral rites of Tuva. XVIII — early XXI century]*. St. Petersburg, Kunstkamera. 142 p. (In Russ.).

Kodar, A. (2006) *Zov bytiia [The Call of Being]*. Almaty, Taimas Publ. 528 p. (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2002) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Öövüs. Vozvrashchenie tuvinskoi iurty [Öövüs. Return of the Tuvan yurt] (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 85 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2022) «Proklyatye zhizni» i tsennostnyi krizis v tuvinskom obshchestve [“Cursed lives” and the crisis of values in Tuvan society]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 266–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Lotman, Yu. M. (1992) *Izbrannye stat'i [Selected articles]* : in 3 vol. Tallin, Aleksandra. Vol. I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on semiotics and topology of culture.]. 478 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on the semiotics of culture and art]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 543 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2022) Retsenziia na knigu: Darylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke / pod red. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, 2021. 188 s. [Review of Lamazhaa, Ch. K., and Suvandii, N. D., eds. Darylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Darylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]. Kyzyl, 2021. 188 p.]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 300–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Fatland, E. (2018) *Sovetistan. Odisseia po Tsentral'noi Azii: Turkmenistan, Kazakhstan, Tadzhikistan, Kirgizstan i Uzbekistan glazami norvezhskogo antropologa [Sovietistan. Odyssey through Central Asia: Turkmenistan, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan through the eyes of a Norwegian anthropologist]*. Moscow, RIPOLklassik. 528 p. (In Russ.).

Hofstede, G., Hofstede, G. J. and Minkov, M. (2010) *Culture and Organization: Software of the Mind*. London, McGraw-Hill. 576 p.

Oelschlägel, A. C. (2013) *Der Taigageist. Berichte und Geschichten von Menschen und Geistern aus Tuva. Zeitgenössische Sagen und andere Folkloretexpte / Dukh-khoziain taigi — Sovremennye predaniia i drugie fol'klornye materialy iz Tuvy / Taiga eezi — Bolgan tavarylgalar bolgash Tyvadan chygdyngan aas chogaalynyng öske-daa materialdary*. Marburg, Tectum-Verlag. 220 p.

Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 14.07.2023.

Acceptance date: 31.07.2023.

Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве**Лидия С. Эверт**

Институт медицинских проблем Севера ФИЦ КНЦ СО РАН;

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Саяна С. Серен-оол

Российская детская клиническая больница, Российская Федерация,

Диана А. СатНаучно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва,
Российская Федерация

Работа посвящена изучению распространенности различных вариантов пользования интернетом: адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ), патологического (ППИ) и особенностей потребляемого интернет-контента у подростков Тывы разной возрастно-половой и этнической принадлежности. Выводы исследования основаны на анализе результатов офф-лайн тестирования подростков г. Кызыла, ставших эмпирической базой данной статьи. Обследования проводились методом случайной выборки в период с декабря 2020 г. по май 2021 г. и охватили 1659 человек, заполнивших три психометрических инструмента (шкала ИЗ CIAS), опросники для верификации зависимости от социальных сетей и игровой зависимости.

Представлен сравнительный анализ показателей в группах, различающихся по возрасту, полу и этнической принадлежности (тувинцы, русские). Выявлена распространенность интернет-зависимого поведения и особенности структуры потребляемого при интернет-деятельности контента в группах сравнения. АПИ характерно для 34,3% всех обследованных, НПИ — для 51,3% и патологическое (ППИ) или интернет-зависимое — для 14,4% подростков.

Особое внимание уделено вопросу о влиянии этнической принадлежности на онлайн-поведение подростков. Этническими особенностями была большая частота дезадаптивных (НПИ и ППИ) видов онлайн-поведения у тувинских подростков. Различия по полу включали большую встречаемость ППИ у тувинок-девочек, чем тувинцев-мальчиков. НПИ чаще регистрировалось у тувинцев (и мальчиков, и девочек). Что касается анализируемых показателей и их зависимости от возраста, то независимо от этнической принадлежности, для всех видов онлайн-поведения значимых возрастных различий не выявлено, за исключением младших подростков-тувинцев — у них чаще регистрировалось НПИ.

Структура потребляемого интернет-контента включала зависимость от социальных сетей у 13,9% подростков, игровую (5,2%), смешанную (9,2%) и недифференцированную (5,4%) интернет-зависимость (при отсутствии значимых этнических различий). Установлены различия по полу распространенности различных видов интернет-зависимости: игровой (выше у тувинцев-мальчиков), недифференцированной (выше у девочек), зависимости от социальных сетей (выше у девочек — и тувинок, и русских; среди мальчиков — выше у тувинских, чем русских).

Ключевые слова: подросток; Тыва; Кызыл; Интернет; онлайн-поведение; зависимость; потребляемый контент; тувинцы; русские

Для цитирования:

Эверт Л. С., Серен-оол С. С., Сат Д. А. Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 237-254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин Медицинского института Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г; 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

Серен-оол Саяна Санчайевна — врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации и интенсивной терапии Российской детской клинической больницы — филиала Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 117. Эл. адрес: ssayana1977@mail.ru

Сат Диана Алдын-ооловна — врач невролог, кинезитерапевт, заведующая лабораторией оздоровительных технологий и реабилитации Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва Министерства здравоохранения Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 2а. Эл. адрес: diana_1986_07@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space

Lydia S. Evert

*Institute of Medical Problems of the North FITC KNC SB RAS;
N. F. Katanov Khakass State University, Russian Federation,*

Sayana S. Seren-ool

Russian Children's Clinical Hospital, Russian Federation,

Diana A. Sat

*Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva,
Russian Federation*

The study is dedicated to investigating the prevalence of various internet usage patterns, including adaptive (API), non-adaptive (NPI), and pathological (PPI) behaviors, as well as examining the characteristics of internet content consumed by adolescents in Tuva, considering their diverse age, gender, and ethnic backgrounds. The research findings are based on the analysis of offline testing results conducted among adolescents in Kyzyl, serving as the empirical foundation for this article. The surveys were carried out through a random sampling method from December 2020 to May 2021, involving 1659 participants who completed three psychometric instruments (CIAS scale), along with questionnaires for verifying dependence on social networks and gaming addiction.

A comparative analysis of indicators was performed among groups differing in terms of age, gender, and ethnic background (Tuvans, Russians). The study revealed the prevalence of internet-dependent behavior and the specific structure of internet activity content consumed within the comparison groups. Adaptive internet usage (API) was observed in 34.3% of all participants, non-adaptive internet usage (NPI) in 51.3%, and pathological internet usage (PPI) or internet addiction in 14.4% of adolescents.

Particular attention was paid to examining the impact of ethnic background on online behavior among adolescents. The study found a higher frequency of maladaptive (NPI and PPI) online behaviors among Tuvan adolescents. Gender differences were also noted, including a higher incidence of PPI among Tuvan girls compared to Tuvan boys. NPI was more frequently recorded among Tuvan adolescents (both boys and girls). Regarding the analyzed indicators and their correlation with age, significant age-related differences were not identified across all types of online behavior, except for younger Tuvan adolescents, where NPI was more prevalent.

The analysis of consumed internet content revealed dependency on social networks in 13.9% of adolescents, gaming addiction in 5.2%, mixed addiction in 9.2%, and undifferentiated addiction in 5.4% (with no significant ethnic differences observed). Gender differences were identified in the prevalence of various types of internet addiction: gaming addiction was higher among Tuvan boys, undifferentiated addiction was more common among girls, and dependency on social networks was more prevalent among girls, both Tuvan and Russian. Among boys, this dependency was higher among Tuvan boys compared to their Russian counterparts.

Keywords: adolescent; Tuva; Kyzyl; Internet; online behavior; addiction; consumed content; Tuvans; Russians

For citation:

Evert L. S., Seren-ool S. S. and Sat D. A. Podrostki Kyzyla (Respublika Tyva) v onlain-prostranstve [Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 237-254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of General Professional Disciplines, Medical Institute, N. F. Katanov Khakass State University. Postal address: 3g, Partizan Zheleznayak St., 660022, Russia, Krasnoyarsk; 90, Lenin Ave., 655017, Russia, Abakan. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0665-7428

SEREN-OOL, Sayana Sanchayevna, Anesthesiologist—Resuscitator, Intensive Care Unit, Russian Children's Clinical Hospital, a branch of the Russian National Research Medical University named after N. I. Pirogov of the Ministry of Health of the Russian Federation. Postal address: 117 Leninsky Ave., 119571, Moscow, Russia. Email: ssayana1977@mail.ru

SAT, Diana Aldyn-oolovna, Neurologist, Kinesitherapist, Head, Laboratory of Health Technologies and Rehabilitation, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Ministry of Health of the Republic of Tuva. Postal address: 2a, Kecil-oolo St., 667000, Kyzyl, Russia. Email: diana_1986_07@mail.ru

Введение

В последние десятилетия во всем мире чрезвычайно актуальной, достигшей глобальных масштабов, стала проблема интернет-зависимости (ИЗ), особенно в подростковой и молодежной среде (Егоров и др., 2020). Интернет для нынешнего молодого поколения — не только доступный источник приобретения знаний и навыков, но и популярное место для знакомств и общения, где интернет-пользователи создают свои сообщества и участвуют в сетевых играх (Варламова, Гончарова, Соколова, 2015; Лопатин и др., 2017; Рыбакова, 2017; Peterka-Bonetta et al., 2019). Интернет из средства постепенно превращается в цель, что затрудняет нахождение подростков в реальном мире; зависимость от интернета форма поведения становится для них стилем жизни. Проблемное использование интернета характеризуется постоянной и непреодолимой тягой не только к компьютеру, но и к различным электронным гаджетам (планшету, мобильному телефону и др.), пользователь всецело поглощен пребыванием в интернете, что нередко ведет к дистрессу и проблемам со здоровьем (Вайнштейн, 2015: Электр. ресурс).

Концептуальное видение рассматриваемой в статье проблематики основывается на теоретических подходах, включая представления об особенностях поведения подростков и молодежи в сети Интернет, спектре потребляемого ими контента и распространенности феномена патологического пользования интернетом. В настоящее время интернет-зависимость рассматривают как мультифакториальное заболевание, где для каждого отдельно взятого пользователя определяющую роль играет сочетание врожденных особенностей центральной нервной системы (ЦНС), функционирование нейромедиаторов и влияние большого числа внешнесредовых факторов (семейных, социально-экономических, этнокультурных) (Егоров, 2015: Электр. ресурс; Heinze et al., 2016; Kaess et al., 2017; Tereshchenko, Kasparov, 2019; Vaccaro, Potenza, 2019; Doh et al., 2020). Приводимые в научной литературе сведения по вопросу Интернет-зависимости в подростковой среде указывают на масштабы этой проблемы и освещают различные причинные факторы, способствующие, по мнению ряда исследователей (Кибитов и др., 2019, 2020), формированию данного явления.

Чаще всего зависимыми от интернета и компьютерных игр становятся подростки (Karacic, Oreskovic, 2017; Reiner et al., 2017). Подростковый возраст — сложный и фрустрирующий период жизни, проходящий под давлением школы, семьи и друзей, являющийся наиболее чувствительным периодом для развития интернет-зависимости (Егоров и др., 2018; Soh et al., 2018; Miao et al., 2018). Имеющиеся публикации по этой теме как отечественных (Макарова, Резников, 2020), так и зарубежных исследователей (Becirovic, Rajevic, 2020) свидетельствуют о высокой включенности подростков, в том числе и российских, в Интернет-пространство.

Очевидна актуальность исследования ИЗ у современных подростков с учетом возрастного-половых, географических и этнических различий, что особенно значимо для такой многонациональной страны, какой является Россия. В последние годы проведены исследования, направленные на изучение распространенности интернет-зависимого поведения у подростков и студенческой молодежи различных стран (Avila et al., 2020), регионов, возрастного-половых и этнических групп (Griffiths, Pontes, Szabo, 2016; Jaiswal et al., 2020). В то же время, в России исследований такой направленности проведено недостаточно, малочисленны и разрознены сведения о частоте встречаемости генерализованной ИЗ и ее форм среди подростков различных регионов страны, особенно подростковых популяций национальных республик Южной и Восточной Сибири.

Ряд исследований, проведенных в последнее время, посвящены изучению и анализу различных аспектов использования сети Интернет населением Республики Тыва. Так, Ч. К. Ламажаа в своей работе рассматривает, как современные технологии изменили жизнь тувинцев, указывая то, что в настоящее время функционирование норм, поддержание связей происходит не только в определенном социальном окружении, но и в разных пространственных измерениях, формах — не только офлайн, но и онлайн (Ламажаа, 2021). В работе Ч. Г. Ондар, В. С. Донгак и Д. Ш. Монгуш представлен обзор интернет-ресурсов, в которых функционирует тувинский язык, их проблемы и перспективы (Ондар и др., 2023). Представляет интерес исследование З. О. Кекеевой с соавторами, посвященное изучению сетевой идентичности студенческой молодежи двух российских регионов: студентов Калмыкии и Тувы. Сетевая идентичность рассматривается авторами как феномен самосознания личности, связанный с развитием и внедрением в нашу повседневность интернет-пространства (Кекеева и др., 2022).

В нашей ранней публикации 2021 г. уже были представлены результаты изучения распространенности интернет-зависимого поведения и особенностей потребляемого в интернете контента у под-

ростков Кызыла (Республика Тыва), но одним из принципов формирования групп сравнения было разделение обследованных подростков по школам, участвующим в исследовании (см.: Вопросы современной науки ..., 2021: 24–44.). Проанализированы различия показателей у подростков различной этнической принадлежности, но без разделения их по полу. В данном случае нами предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы в изучении данной проблемы и провести исследование, целью которого было изучение особенностей поведения в сети Интернет подростков Кызыла (Республика Тыва) — представителей всех этнических групп, с учетом возраст-половой и этнической принадлежности.

Для реализации этой цели сформулированы следующие задачи: исследовать распространенность различных видов онлайн-поведения: адаптивное пользование интернетом (АПИ), неадаптивное пользование интернетом (НПИ) и патологическое пользование интернетом (ППИ) у подростков Кызыла (Республика Тыва) в зависимости от возраста, пола и этнической принадлежности; оценить особенности структуры потребляемого подростками интернет-контента (игровой, смешанной и недифференцированной зависимости, зависимости от социальных сетей) в группах, различающихся по полу, возрасту и этнической принадлежности; сравнить полученные данные с результатами других авторов и данными собственных, ранее проведенных исследований.

Материал и методы исследования

Представленное исследование выполнено в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 121022600087-7), темы научно-исследовательской работы (НИР) «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков центральной Сибири в условиях широкого распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д.м.н., профессор С. Ю. Терещенко). Результаты исследования являются фрагментами выполненной и указанной выше научной темы. Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, и от администраций школ.

Источником информации для работы послужили результаты обследований, проведенных в г. Кызыле — столице Тувы с декабря 2020 по май 2021 г. *Объектом исследования* были группы подростков 12–18 лет — учащихся семи общеобразовательных школ г. Кызыла и одной школы входящего в кызылскую агломерацию п. Каа-Хем (сформированные случайным образом). Общее число школьников, которым были розданы опросники на русском языке, составило 1700 человек. Численность подростков, корректно заполнивших все опросники и включенных в статистический анализ, составила 1659 чел., из них 775 (46,7%) мальчиков и 884 (53,3%) девочек, медиана (Me) возраста обследованных 13,0 [12,0; 14,0] лет.

Численность подростков для обследования предварительно не рассчитывалась, она зависела от числа лиц, удовлетворяющих критериям включения в исследование, невключения и исключения из него. Данные критерии определяли, учитывая клиничко-anamnestические данные и сведения из форм 026у (медицинская карта учащегося школы). Авторы принимали во внимание и ограничения исследования: учитывая наличие в стране с начала 2020 г. неблагоприятной эпидемической обстановки — пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, периодически возникала необходимость прерывать исследование в силу перевода школьников на обучение в дистанционном формате и невозможности очного общения с учащимися включенных в исследование школ. После отмены дистанционного обучения исследование продолжалось с соблюдением всех санитарных противоэпидемических требований, как со стороны исследователей, так и со стороны учащихся.

Дизайн исследования включал изучение у подростков групп сравнения следующих показателей: особенностей онлайн-поведения (АПИ, НПИ, ППИ) и потребляемого при интернет-деятельности контента: проблемного использования компьютерных игр (игровой зависимости), проблемного использования социальных сетей (зависимости от социальных сетей), смешанной и недиф-

ференцированной форм ППИ). Анализировались показатели в общей группе обследованных, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом пола: 1 гр. — мальчики (n=775; 46,7%), 2 гр. — девочки (n=884; 53,3%), возраста: 1 гр. — 12–14 лет (n=1280; 77,2%), 2 гр. — 15–18 лет (n=379; 22,8%) и этнической принадлежности: 1 гр. — русские (n=328; 19,8%), 2 гр. — тувинцы (n=1331; 80,2%).

В процессе анализа мы применяли термины АПИ, НПИ и ППИ, используемые при проведении международных медико-социальных исследований онлайн-поведения подростковых и молодежных популяций (Durkee et al., 2016). Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым (Малыгин, Феклисов, 2011). Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Для оценки особенностей потребляемого пользователями интернет-контента проводили анализ наличия и частоты встречаемости игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, смешанной ИЗ (сочетание игровой зависимости и зависимости от социальных сетей) и недифференцированной интернет-зависимости (лица с ППИ и суммарным CIAS-баллом по шкале Чена ≥ 65 , не имеющие игровой зависимости, зависимости от социальных сетей, но с преобладанием других видов онлайн-активности). Наличие зависимости от компьютерных игр (или игровой зависимости) определялось с использованием опросника «Game Addiction Scale for Adolescents» («Шкала игровой зависимости для подростков») (Lemmens, Valkenburg, Peter, 2009), включающего 7 вопросов. Наличие зависимости от социальных сетей оценивалось по опроснику «The Social Media Disorder Scale» («Шкала расстройств в социальных сетях») (van den Eijnden, Lemmens, Valkenburg, 2016), состоящего из 9 вопросов.

Анкетирование подростков проводилось в классе, на втором-третьем уроке, в присутствии учителя и исследователя. При этом, исследователь и учитель имели возможность разъяснить смысл формулировок вопросов, включенных в анкету, в случае возникавших у тестируемых затруднений в их понимании.

В качестве источников статистической информации использованы результаты обследования подростков Кызыла и сформированные на их основе электронные базы данных. При *статистической обработке* полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Структура онлайн-поведения подростков

Во всей группе обследованных в Кызыле подростков адаптивный вариант пользования интернетом выявлен у 34,3% (567/1655, ДИ=32,0–36,6%), неадаптивное пользование интернетом (НПИ) — у 51,3% (849/1655, ДИ=48,9–53,7%), а для 14,4% (239/1655, ДИ=12,8–16,2%) обследованных было характерно патологическое (ППИ) или интернет-зависимое пользование интернетом. Число подростков с дезадаптивным (НПИ+ППИ) использованием интернетом составило 65,7% (1088/1655, ДИ=63,4–68,0%).

Этнические различия видов онлайн-поведения у подростков Кызыла иллюстрирует *таблица 1*.

Таблица 1. Онлайн-поведение у тувинских и русских подростков Кызыла

Table 1. Online behavior among Tuvan and Russian teenagers in Kyzyl

Группы обследованных подростков	Онлайн-поведение						Всего	
	адаптивное		неадаптивное		патологическое			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские подростки (м+д)	161	49,1 43,7–54,5	133	40,5 35,4–45,9	34	10,4 7,5–14,1	328	100,0

2 гр. Тувинские подростки (м+д)	406	30,6 28,2–33,1	716	54,0 51,3–56,6	205	15,4 13,6–17,5	1327	100,0
p1-2 (χ^2)	p1-2 <0,0001 $\chi^2=39,92$		p1-2 <0,0001 $\chi^2=18,92$		p1-2=0,0190 $\chi^2=5,50$			

Как следует из указанной выше таблицы, тувинские подростки (мальчики+девочки) отличались значительно большей частотой дезадаптивных видов онлайн-поведения: как неадаптивного (НПИ), так и патологического (ППИ) или интернет-зависимого.

Данные сравнительного анализа частоты встречаемости вариантов онлайн-поведения у подростков Кызыла различного пола представлены в таблице 2.

Таблица 2. Онлайн-поведение у тувинских и русских подростков Кызыла (мальчиков и девочек)

Table 2. Online behavior among Tuvans and Russians Kyzyl teenagers (boys and girls)

Группы обследованных подростков	Онлайн-поведение						Всего	
	адаптивное		неадаптивное		патологическое			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские мальчики	87	54,4 46,6–61,9	61	38,1 31,0–45,8	12	7,5 4,3–12,7	160	100,0
2 гр. Русские девочки	74	44,0 36,8–51,6	72	42,9 35,6–50,4	22	13,1 8,8–19,0	168	100,0
3 гр. Тувинские мальчики	201	32,7 29,1–36,5	335	54,6 50,6–58,5	78	12,7 10,3–15,6	614	100,0
4 гр. Тувинские девочки	205	28,7 25,6–32,2	381	53,4 49,8–57,1	127	17,8 15,2–20,8	713	100,0
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,0615 $\chi^2=3,50$		p1-2=0,3829 $\chi^2=0,76$		p1-2=0,0966 $\chi^2=2,76$			
p3-4 (χ^2)	p3-4=0,1163 $\chi^2=2,47$		p3-4=0,6821 $\chi^2=0,17$		p3-4=0,0103 $\chi^2=6,59$			
p1-3 (χ^2)	p1-3<0,0001 $\chi^2=25,44$		p1-3=0,0002 $\chi^2=13,72$		p1-3=0,0674 $\chi^2=3,34$			
p2-4 (χ^2)	p2-4=0,0001 $\chi^2=14,70$		p2-4=0,0136 $\chi^2=6,09$		p2-4=0,1423 $\chi^2=2,15$			

Значимых различий по полу среди русских подростков для всех видов онлайн-поведения выявлено не было, в группе тувинских подростков половые различия имели место только для ППИ, у девочек патологическое пользование интернетом регистрировалось чаще, чем у мальчиков. В то же время, такой вид сетевого поведения, как НПИ, чаще отмечался у тувинских подростков (как мальчиков, так и девочек) в сравнении с подростками русской этнической принадлежности. Противоположная направленность изменений относительно этнических различий была характерна для АПИ (таб. 2).

Результаты сравнительного анализа видов онлайн-поведения в различных возрастных группах русских и тувинских подростков отражены в таблице 3.

Таблица 3. Онлайн-поведение у подростков Кызыла различных возрастных групп
Table 3. Online behavior among adolescents in Kyzyl different age groups

Группы обследо-ванных подростков	Онлайн-поведение						Всего	
	адаптивное		неадаптивное		патологическое			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские 12–14 лет	99	48,3 41,5–55,1	81	39,5 33,1–46,3	25	12,2 8,4–17,4	205	100,0
2 гр. Русские 15–18 лет	62	50,4 41,7–59,1	52	42,3 33,9–51,1	9	7,3 3,9–13,3	123	100,0
3 гр. Тувинцы 12–14 лет	315	29,4 26,8–32,2	582	54,3 51,3–57,3	174	16,3 14,2–18,6	1071	100,0
4 гр. Тувинцы 15–18 лет	91	35,5 29,9–41,6	134	52,3 46,2–58,4	31	12,1 8,7–16,7	256	100,0
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,557 $\chi^2=3,66$		p1-2=0,5645 $\chi^2=0,33$		p1-2=0,0999 $\chi^2=2,71$			
p3-4 (χ^2)	p3-4 =0,0557 $\chi^2=3,66$		p3-4 =0,5645 $\chi^2=0,33$		p3-4 =0,0999 $\chi^2=2,71$			
p1-3 (χ^2)	p1-3 <0,0001 $\chi^2=27,99$		p1-3=0,0001 $\chi^2=15,16$		p1-3=0,1430 $\chi^2=2,15$			
p2-4 (χ^2)	p2-4=0,0058 $\chi^2=7,62$		p2-4=0,0664 $\chi^2=3,37$		p2-4=0,1551 $\chi^2=2,02$			

Анализ сетевого поведения особенностей пользования интернетом (всех его видов — АПИ, НПИ и ППИ) с позиции возраста продемонстрировал отсутствие статистически значимых различий по возрасту, как среди русских, так и тувинских подростков. Выявлены значимые различия среди младших подростков для показателя НПИ: в младшей возрастной группе тувинцев НПИ встречалось значимо чаще (54,3% против 39,5%, $p=0,0001$). И, наоборот, младшие подростки русской этнической принадлежности отличались большей частотой встречаемости адаптивного пользования интернетом (таб. 3).

Структура потребляемого подростками интернет-контента

Одна из задач нашего исследования включала изучение особенностей потребляемого контента у подростков с интернет-зависимым поведением (зависимости от социальных сетей, игровой, смешанной и недифференцированной интернет-зависимости) с учетом возрастно-половой и этнической принадлежности обследованного контингента. В общей группе обследованных в Кызыле подростков игровая зависимость, верифицированная по строгим критериям, диагностирована у 5,2% (87/1659, ДИ=4,3–6,4%), по мягким критериям — у 17,1% (284/1659, ДИ=15,4–19,0%) и не определялся данный вид интернет-зависимости у большего числа подростков — 77,6% (1288/1659, ДИ=75,6–79,6%). Суммарная доля зависимых от компьютерных игр подростков в общей группе включенных в обследование лиц составила 22,4% (371/1659, ДИ=20,4–24,4%), смешанная ИЗ — 9,2% (24/260, ДИ=6,3–13,4%), недифференцированная — 5,4% (14/260, ДИ=3,2–8,8%) и 13,9% (230/1659, ДИ=12,3–15,6%) из числа всех обследованных были зависимы от социальных сетей. Значимых различий отдельных форм интернет-зависимости между русскими и тувинцами в общей группе обследованных выявлено не было.

Анализ половых различий игровой зависимости у подростков выявил значительное преобладание обеих ее видов (по строгим и мягким критериям) только у тувинцев-мальчиков в сравнении с тувинками-девочками (таб. 4).

Таблица 4. Частота встречаемости игровой интернет-зависимости у подростков Кызыла различного пола
Table 4. The frequency of occurrence of Internet gambling addiction in Kyzyl adolescents of different sexes

Группы обследованных подростков	Игровая интернет-зависимость						Всего	
	Нет		Есть по мягким критериям		Есть по строгим критериям			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские мальчики (n=160)	133	83,1 76,6–88,1	27	16,9 11,9–23,4	8	5,0 2,6–9,6	160	100,0
2гр. Русские девочки (n=168)	148	88,1 82,3–92,2	20	11,9 7,8–17,7	7	4,2 2,0–8,3	168	100,0
3 гр. Тувинские мальчики (n=614)	472	76,9 73,4–80,0	142	23,1 20,0–26,6	46	7,5 5,7–9,8	614	100,0
4 гр. Тувинские девочки (n=715)	620	86,7 84,0–89,0	95	13,3 11,0–16,0	26	3,6 2,5–5,3	715	100,0
p1–2 (χ^2)	p1-2=0,1991 $\chi^2=0,13$		p1-2=0,1991 $\chi^2=1,65$		p1-2=0,7180 $\chi^2=0,13$			
p3–4 (χ^2)	p3-4 <0,0001 $\chi^2=21,83$		p3-4 <0,0001 $\chi^2=21,83$		p3-4=0,0020 $\chi^2=9,57$			
p1–3 (χ^2)	p1-3=0,0882 $\chi^2=2,91$		p1-3=0,5719 $\chi^2=0,32$		p1-3=0,2705 $\chi^2=1,21$			
p2–4 (χ^2)	p2-4=0,6320 $\chi^2=0,23$		p2-4=0,9485 $\chi^2=0,00$		p2-4=0,7444 $\chi^2=0,11$			

Зависимостью от социальных сетей значительно чаще отличались девочки, чем мальчики, это касалось как русских (14,3%, ДИ=9,8–20,4% против 4,4%, ДИ=2,1–8,8%, p=0,0022, $\chi^2=9,40$), так и тувинских (19,8%, ДИ=17,1–22,9% против 9,3%, ДИ=7,2–11,8%, p<0,0001, $\chi^2=29,03$) подростков. Среди мальчиков большей встречаемостью зависимости от социальных сетей характеризовались мальчики-тувинцы (9,3%, ДИ=7,2–11,8%) в сравнении с русскими мальчиками (4,4%, ДИ=2,1–8,8%, p=0,0447, $\chi^2=4,03$). Недифференцированная интернет-зависимость преобладала у девочек.

Результаты сравнительного анализа различных видов интернет-зависимости (игровой, от социальных сетей) в двух возрастных группах русских и тувинских подростков включены в таблицу 5.

Установлено, что игровая интернет-зависимость, верифицированная по строгим критериям, а также интернет-зависимость от социальных сетей, значительно чаще отмечались у подростков русской этнической принадлежности 12–14 лет. Среди тувинцев более частую зависимость от социальных сетей имели подростки старшего возраста (таб. 5).

Таблица 5. Виды интернет-зависимости у подростков Кызыла различных возрастных групп и этнической принадлежности

Table 5. Types of Internet addiction in teenagers of Kyzyl different age groups and ethnicity

Группы обследо-ванных подростков	Вид интернет-зависимости						Всего	
	Игровая зависимость по мягким критериям		Игровая зависимость по строгим критериям		Зависимость от социальных сетей			
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	%
1 гр. Русские 12–14 лет	33	16,1 11,7–21,7	13	6,3 3,7–10,5	26	12,7 8,8–17,9	205	100,0
2 гр. Русские 15–18 лет	14	11,4 6,9–18,2	2	1,6 0,4–5,7	5	4,1 1,7–9,2	123	100,0
3 гр. Тувинцы 12–14 лет	200	18,6 16,4–21,0	60	5,6 4,4–7,1	168	15,6 13,6–17,9	1075	100,0
4 гр. Тувинцы 15–18 лет	37	14,4 10,7–19,3	12	4,7 2,7–8,0	31	12,1 8,7–16,7	256	100,0
p1–2 (χ^2)	p1–2=2380 $\chi^2=1,39$		p1–2= 0,0478 $\chi^2=3,92$		p1–2= 0,0075 $\chi^2=7,15$			
p3–4 (χ^2)	p3–4 =0,1187 $\chi^2=2,43$		p3–4 =0,5699 $\chi^2=0,32$		p3–4 =0,1560 $\chi^2=2,01$			
p1–3 (χ^2)	p1–3 =0,3939 $\chi^2=0,73$		p1–3=0,6672 $\chi^2=0,18$		p1–3=0,2812 $\chi^2=1,16$			
p2–4 (χ^2)	p2–4=0,4121 $\chi^2=0,67$		p2–4=0,1390 $\chi^2=2,19$		p2–4=0,0124 $\chi^2=6,25$			

Обсуждение

В результате проведенного нами исследования были установлены особенности распространенности и структуры онлайн-поведения подростков Кызыла и потребляемого ими интернет-контента. Безусловно, выявленные нами в рамках одного региона возрастно-половые и этнические различия распространенности и структуры онлайн-поведения у подростков Тувы не являются уникальными, в связи с чем мы сопоставили полученные нами данные с результатами других авторов и своими собственными, полученными в ходе обследований подростковых популяций различных регионов Сибири (Красноярский край, Хакасия, Якутия). Для корректного сравнения собственных результатов с данными других авторов, мы в своих исследованиях использовали оригинальные версии международно принятых диагностических опросников, сведения о которых представлены выше.

По результатам проведенного нами впервые в Центральной Сибири скринингового исследования онлайн-поведения подростков, охватившего 2950 школьников г. Красноярска 12–18 лет, проанализированы возрастно-половые особенности сетевого поведения и потребляемого интернет-контента. В ходе данного исследования установлена распространенность в общей группе обследованных: для АПИ — 50,3%, для НПИ — 42,9%, для ППИ — 6,8% (Семенова и др., 2020).

По данным настоящего исследования, в общей группе включенных в обследование подростков Тувы адаптивное пользование интернетом имели 34,3% подростков, неадаптивное — 51,3% и пато-

логическое (интернет-зависимое) — 14,4%. Суммарное число лиц с дезадаптивным (НПИ+ППИ) использованием интернетом составило 65,7% среди всех обследованных. Полученные в ходе настоящего исследования данные мы соотнесли с результатами других исследований и своими, проведенными ранее. Так, частота АПИ, по результатам нашего исследования, составляла всего 34,3%, что ниже результата, полученного в Москве и Подмосковье — 66,5% (Мальгин, Хомерики, Антоненко, 2015: Электр. ресурс), ниже показателя подростков Красноярска — 50,3% (Семенова и др., 2020), а также существенно ниже аналогичных показателей большинства европейских стран, включенных в многоцентровое исследование (Kaess et al., 2014). Относительно сопоставима с нашими данными встречаемость АПИ (34,3%) только среди подростковой популяции на Филиппинах — 49,1% (Mak et al., 2014).

Частота встречаемости патологического (интернет-зависимого) онлайн-поведения среди подростков Кызыла составила 14,4%. Значения данного показателя превышали его величину у подростков Красноярска — 6,8% (Семенова и др., 2020), оказались выше показателей школьников Москвы и Подмосковья — 4,2% (Мальгин, Хомерики, Антоненко, 2015: Электр. ресурс), выше, чем у подростков Германии — 4,8%, Италии — 4,4%, Румынии — 8,7% и Испании — 7,2% и, в целом, были сопоставимы с данными Эстонии — 11,5% (Kaess et al., 2014). Распространенность ППИ у подростков Кызыла превышала также показатели ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Китай — 9,6%, Гонконг — 16,4%, Япония — 6,2%, Южная Корея — 9,7%, была сопоставимой с данными Малайзии — 14,1%, но ниже распространенности ППИ на Филиппинах — 21,1% (Mak et al., 2014).

Обследование 425 подростков в г. Абакане (Республика Хакасия) и 221 подростка в г. Якутске (Республика Якутия/Саха) в возрасте 12–18 лет (мальчиков и девочек), проведенное нами по аналогичному дизайну в 2020–2022 гг. в рамках научно-исследовательского проекта «Психосоматические расстройства в подростковом и юношеском возрасте: распространенность, факторы риска, этногеографические различия, нейрогуморальные ассоциации и психологические аспекты», реализуемого по тематическому плану научных исследований №4 в ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан, Республика Хакасия), выявили распространенность ППИ у 8,2% всех обследованных в Абакане (показатель оказался ниже, чем в Кызыле — 14,4%) и у 23,6% — в Якутске, что значительно превышало данный показатель у подростков Кызыла¹.

В соответствии с результатами настоящего исследования, этническими особенностями изучаемых характеристик была большая частота дезадаптивных видов онлайн-поведения у тувинских подростков в сравнении с русскими: как неадаптивного (54,0% и 40,5%, $p < 0,0001$), так и патологического (15,4% и 10,4%, $p = 0,0190$) пользования интернетом. Аналогичная тенденция отмечена и в общей группе обследованных подростков Якутска. Так, у подростков-якутов встречаемость ППИ была значительно выше (24,3%), чем у их русских сверстников (6,1%), аналогичные показатели у подростков Абакана были сопоставимыми: 8,4% — у подростков-хакасов и 8,2% — у подростков русской этнической принадлежности².

В настоящем исследовании значимых различий *по полу* среди русских подростков для всех видов онлайн-поведения не выявлено, в группе тувинских подростков половые различия имели место только для ППИ: у девочек частота встречаемости этого вида онлайн-поведения была выше (17,8%), чем у мальчиков (12,7%, $p = 0,0103$). В то же время, такой вид сетевого поведения, как НПИ, чаще регистрировался у тувинцев: как мальчиков (54,6%), так и девочек (53,4%) в сравнении с русскими подростками, аналогичные показатели которых были равны 38,1% ($p = 0,0002$) и 42,9% ($p = 0,0136$).

По результатам обследования подростков Красноярска, было установлено, что неадаптивные виды онлайн-поведения чаще отмечались у девочек, а адаптивные — у мальчиков. Так, НПИ регистрировалось у 46,3% девочек и 38,9% мальчиков ($p < 0,001$), а ППИ — у 8,2% девочек и 5,1% мальчиков ($p < 0,001$) (Семенова и др., 2020).

Следует указать, что полученные данные расходятся с результатами большинства исследований, проведенных за рубежом, согласно которым, частота ППИ у лиц мужского пола превышает данный показатель у лиц женского пола. К примеру, общая распространенность ППИ в ряде европейских

¹ Результаты исследований, выполненных в ходе указанного выше проекта, представлены нами впервые в данной статье, но анализироваться будут уже в последующих публикациях.

² Результаты сравнительного анализа этнических различий видов онлайн-поведения у подростков Якутска и Абакана также представлены нами впервые в данной работе.

стран (международное исследование EU NET ADB) составила 1,6% среди юношей и 0,9% среди девушек (Tsitsika et al., 2014); в исследовании SEYLE (Durkee et al., 2012, 2016) значения данного показателя составили 5,2% — у юношей и 3,8% — у девушек.

Аналогичную картину демонстрируют и результаты других зарубежных исследований: встречаемость ППИ среди подростков Норвегии составляет 2,4% у мальчиков и 1,5% у девочек (Johansson, Göttestam, 2004); в подростковой популяции Китая — соответственно 16,5% и 9,5% (Wu et al., 2013); аналогично и у подростков Турции — 20,4% и 9,3% (Sasmaz et al., 2014). В Литве ППИ регистрировалось у 10,6% мальчиков и у меньшего (7,7%) числа — девочек (Ustinavičienė et al., 2016). Однако, данная тенденция выявлена не во всех работах зарубежных авторов: так, при исследовании подростков Германии (Müller et al., 2017; Lindenberg et al., 2018) и Канады (Torres-Rodríguez et al., 2018), значимых половых различий получено не было.

Наличие различий между представителями разных полов, выявленных в настоящем исследовании у подростков-тувинцев (для ППИ — 17,8% и 12,7%, $p=0,0103$), совпадает с результатами обследования подростков Красноярска (для ППИ — 8,2% и 5,1%, $p<0,05$; для НПИ — 46,3% и 38,9%, $p<0,05$) (Семенова и др., 2020), а также с результатами, полученными в Москве и Подмоскovie (Малыгин, Хомерики, Антоненко, 2015: Электр. ресурс), где численность подростков с ППИ составила 3,8% среди мальчиков и 4,8% — среди девочек. Возможным объяснением существования гендерных различий частоты ППИ и НПИ, вероятно, могут быть особенности методологических подходов при проведении опроса, а также наличие социально-экономических и этнокультурных особенностей обследуемого контингента, в то же время нельзя исключить и существование истинных различий между представителями разных полов.

В процессе проверки нашего предположения о росте патологического пользования интернетом в популяции подростков Кызыла с возрастом, было установлено отсутствие значимых возрастных различий как среди русских подростков, так и среди тувинцев. В то же время, для показателя НПИ выявлены значимые различия в группе младших подростков: в младшей возрастной группе тувинцев НПИ встречалось значимо чаще (54,3% против 39,5%, $p=0,0001$) и, наоборот, младшая группа русских подростков отличалась большей встречаемостью АПИ. В сравнительном аспекте анализ онлайн-поведения у подростков Красноярска с позиции возрастных различий выявил увеличение ППИ в старшей возрастной группе (7,8%) против 5,9% — в младшей группе ($p=0,0400$) (Семенова и др., 2020). Тенденция роста ППИ с возрастом нашла свое подтверждение также в исследовании подростков Хакасии, показавшем большую численность лиц с ППИ (9,0%) среди подростков старшего возраста в сравнении с младшими подростками (6,5%), аналогичной была направленность динамики ППИ в связи с возрастом и в популяции подростков Якутии¹.

Один из фрагментов настоящего исследования был посвящен изучению потребляемого подростками Кызыла интернет-контента с учетом возрастно-половой и этнической принадлежности обследованного контингента. Итогом решения данной задачи стали данные о распространенности в общей выборке обследованных игровой (5,2% — по строгим и 17,1% — по мягким критериям), смешанной (9,2%) и недифференцированной (5,4%) интернет-зависимости, а 13,9% из числа всех обследованных были зависимы от социальных сетей. Значимых различий отдельных форм интернет-зависимости между русскими и тувинцами в общей выборке обследованных выявлено не было.

По данным скрининга красноярских подростков, большей частотой встречаемости игровой зависимости, зависимости от социальных сетей и смешанной интернет-зависимости отличалась младшая подростковая группа, тогда как встречаемость недифференцированной ИЗ была сопоставимой в обеих возрастных группах (Эверт и др., 2020). В обследованной в Хакасии популяции младшие подростки также чаще старших отличались более высокой встречаемостью игровой интернет-зависимости и зависимости от социальных сетей, показатели смешанной и недифференцированной интернет-зависимости были сопоставимы в двух возрастных группах. Аналогичной была тенденция относительно данных показателей и среди обследованной популяции подростков Якутии².

¹ Результаты собственных исследований, проведенных в рамках указанного выше гранта РФФИ № 18-29-22032 мк и научной тематики ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова, мы приводим в данной работе впервые, ранее они опубликованы не были и будут представлены в последующих публикациях.

² Результаты собственных исследований, проведенных в рамках указанного выше гранта РФФИ № 18-29-22032 мк и научной тематики ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» 2020–2022 гг., ранее также опубликованы не были и мы приводим эти данные здесь впервые.

Анализ *половых* различий игровой зависимости у тувинских подростков выявил значительное преобладание обоих видов этого онлайн-контента (по строгим и мягким критериям) только у тувинцев-мальчиков в сравнении с тувинками-девочками. Зависимостью от социальных сетей значительно чаще характеризовались девочки, чем мальчики, это касалось как русских (14,3% и 4,4%, $p=0,0022$), так и тувинских (19,8% и 9,3%, $p<0,0001$) подростков. Среди мальчиков большей встречаемостью зависимости от социальных сетей характеризовались мальчики-тувинцы (9,3%) в сравнении с русскими мальчиками (4,4%, $p=0,0447$). Недифференцированная интернет-зависимость преобладала у девочек. Игровая интернет-зависимость, верифицированная по строгим критериям, а также зависимость от социальных сетей, в большей степени характерны для младшей возрастной группы русских подростков. Среди тувинских подростков более частую зависимость от социальных сетей имели подростки старшего возраста.

Важно отметить, что социальные и этнокультурные факторы, оказывающие значимое влияние на формирование неконтролируемого онлайн-поведения подростков и молодежи, имеют различия в разных странах. Результаты изучения распространенности патологического пользования интернетом и особенностей потребляемого контента (проблемного использования компьютерных игр и социальных сетей), полученные исследователями разных стран и регионов, неоднозначны. Для корректной сопоставимости полученных данных необходимо использование единых методологических подходов, диагностического инструментария и оценочных критериев.

Заключение

Современная эпидемиология интернет-зависимости должна базироваться на использовании валидных диагностических методик и применении национально адаптированных версий опросников. Безусловно, важными аспектами является учет региональных, возрастно-половых, этно-социальных факторов, а также особенностей потребляемого онлайн-контента. Результаты проведенного нами в Туве широкомасштабного скринингового исследования, включавшего тестирование 1659 подростков Кызыла 12–18 лет с использованием международно признанного опросника С.-Н. Чена (CIAS), направленного на изучение распространённости различных видов сетевого поведения, выявили достаточно высокую распространенность патологического и неадаптивного пользования интернетом среди подростков Кызыла, что свидетельствует об актуальности проблемы интернет-зависимости для подростковой популяции Республики Тыва.

Впервые получены данные об особенностях структуры потребляемого контента (зависимости от социальных сетей, игровой, смешанной, недифференцированной зависимости), у подростков Кызыла с позиций возрастно-половых и этнических различий.

Высокий уровень распространенности интернет-зависимого поведения у тувинских подростков свидетельствует о необходимости разработки профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику дезадаптивного пользования интернетом, сохранение здоровья детского подросткового населения Тувы, что очень важно в связи с наличием установленных многими исследователями фактами высокой вероятности нарушений соматического и нервно-психического здоровья у интернет-зависимых пользователей интернета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнштейн, А. (2015) Интернет-зависимость: диагностика, коморбидность и лечение [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 33. № 4. С. 3. URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer05.php (дата обращения: 10.07.2023).

Варламова, С. Н., Гончарова, Е. Р., Соколова, И. В. (2015) Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. № 2. С. 165–181. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>

Вопросы современной науки (2021) / под ред. А. А. Еникеева. М. : Изд. Интернаука. Т. 65. 150 с.

Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин, А. Е., Понизовский, П. А., Вантей, В. Б., Громыко, Д. И., Долгих, Н. В., Ерофеева, Н. А., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. А., Магомедова, Е. А., Нечаева, А. И., Пашкевич, Н. В., Семенова, Ю. В., Сидоров, А. А., Ханьков, В. В., Кибитов, А. А., Крупицкий, Е. М., Шмуклер, А. Б., Кибитов, А. О. (2020) Клинико-психопатологические

особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Егоров, А. Ю. (2015) Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 33. № 4. С. 4. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 28.07.2023)

Егоров, А. Ю., Чарная, Д. И., Хуторянская, Ю. В., Павлов, А. В., Гречаный, С. В. (2018) Интернет-зависимое поведение у подростков с психическими расстройствами // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. № 4. С. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Кибитов, А. О., Трусова, А. В., Егоров, А. Ю. (2019) Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты // Вопросы наркологии. Т. 174. № 3. С. 22–47. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_3_22

Кибитов, А. О., Чупрова, Н. А., Гречаный, С. В., Соловьева, М. Г., Бродянский, В. М., Меркулова Т. В., Николишин А. Е., Солдаткин В. А., Яковлев А. Н., Илюк Р. Д., Крупицкий Е. М., Шмуклер А. Б., Егоров А. Ю. (2020) Генетические маркеры риска выраженности симптомов и проявлений интернет-зависимости по шкале CIAS: предварительные результаты // Вопросы наркологии. Т. 184. № 1. С. 60–82. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Лопатин, Д. В., Королева, Н. Л., Анурьева, М. С., Пузанова, Я. М., Остапчук, К. И. (2017) Проблема безопасности школьников в сети Интернет // Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки. Тамбов. Т. 22. Вып. 1. С. 232–236. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-22-1-232-236>

Макарова, И. А., Резников, С. А. (2020) Организация профилактики интернет-зависимости подростков в современной школе // Вопросы педагогики. Т. 6. № 2. С. 143–146.

Малыгин, В. Л., Феклисов, К. А. (2011) Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М. : МГМСУ. 32 с.

Малыгин, В. Л., Хомерики, Н. С., Антоненко, А. А. (2015) Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. Т. 30. № 7. С. 7. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (дата обращения: 28.07.2023).

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Рыбакова, О. С. (2017) Законодательное регулирование обеспечения безопасности ребенка в интернет-пространстве // Правовая информатика. № 4. С. 49–54.

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Avila, G. B., Dos Santos, E. N., Jansen, K., Barros, F. C. (2020) Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: prevalence and associated factors // Trends in Psychiatry and Psychotherapy. Vol. 42. № 4. P. 302–310. DOI: <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2019-0098>

Becirovic, E., Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door // Psychiatr Danub. Vol. 32. № 3. P. 382–385. PMID: 33030458.

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // Journal of Medical Internet Research. Vol. 22. № 7. e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 13. № 3. P. 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J.-P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological Internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors // *Addiction*. Vol. 107. № 12. P. 2210–2222. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Griffiths, M. D., Pontes, M. H., Szabo, A. (2016) The impact of Internet-based specific activities on the perceptions of Internet addiction, quality of life, and excessive usage: A cross-sectional study // *Addictive Behaviors Reports*. № 1. P. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2015.03.002>

Heinze, K., Lin, A., Reniers, R., Wood, S. J. (2016) Longer-term increased cortisol levels in young people with mental health problems // *Psychiatry Research*. Vol. 236. P. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.025>

Jaiswal, A., Manchanda, S., Gautam, V., Goel, A. D., Aneja, J., Raghav, P. R. (2020) Burden of internet addiction, social anxiety and social phobia among University students, India // *Journal of Family Medicine and Primary Care*. Vol. 9. № 7. P. 3607–3612. DOI: https://doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_360_20

Johansson, A., Göttestam, K. G. (2004) Internet addiction: characteristics of a questionnaire and prevalence in Norwegian youth // *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 45. № 3. P. 223–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9450.2004.00398.x>

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J., Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours // *European Child Adolescent Psychiatry*. Vol. 23. № 11. P. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F., Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder // *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 77. P. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

Karacic, S., Oreskovic, S. (2017) Internet addiction through the phase of adolescence: a questionnaire study // *JMIR Mental Health*. Vol. 4. № 2. article e11. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.5537>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M., Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents // *Journal of Media Psychology*. Vol. 12. № 1. P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Lindenberg, K., Halasy, K., Szász-Janócha, C., Wartberg, L. (2018) A Phenotype Classification of Internet Use Disorder in a Large-Scale High-School Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 15. № 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph15040733>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H., Ho, R. C. M. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents // *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 42. № 7. P. 1237–1245. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M., Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 7. P. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giral, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction // *Journal of Clinical Psychiatry*. Vol. 78. № 3. e244–e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M., Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 89. № 2. P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Reiner, I., Tibubos, A. N., Hardt, J., Müller, K., Wölfling, K., Beutel, M. E. (2017) Peer attachment, specific patterns of internet use and problematic internet. 33in male and female adolescents // *European Child and Adolescent Psychiatry*. Vol. 26. № 10. P. 1257–1268. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-017-0984-0>

Sasmaz, T., Oner, S., Kurt, A. Ö., Yapici, G., Yazici, A. E., Bugdayci, R., Sis, M. (2014) Prevalence and risk factors of Internet addiction in high school students // *European Journal of Public Health*. Vol. 24. № 1. P. 15–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/eurpub/ckt051>

Soh, P. C., Chew, K. W., Koay, K. Y., Ang, P. H. (2018) Parents vs peers' influence on teenagers' Internet addiction and risky online activities // *Telematics and Informatics*. Vol. 35. № 1. P. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.11.003>

Tereshchenko, S., Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents // *Behavioral Sciences*. Vol. 6. № 9. P. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs9060062>

Torres-Rodríguez, A., Griffiths, M. D., Carbonell, X., Oberst, U. (2018) Internet gaming disorder in adolescence: Psychological characteristics of a clinical sample // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 7. № 3. P. 707–718. DOI: <http://dx.doi.org/10.1556/2006.7.2018.75>

Tsitsika, A., Janikian, M., Schoenmakers, T. M., Tzavela, E. C., Olafsson, K., Wójcik, S., Macarie, G. F., Tzavara, C., Richardson, C. (2014) Internet addictive behavior in adolescence: a cross-sectional study in seven European countries // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 17. № 8. P. 528–535. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/cyber.2013.0382>

Ustinavičienė, R., Škėmienė, L., Lukšienė, D., Radišauskas, R., Kalinienė, G., Vasilavičius, P. (2016) Problematic computer game use as expression of Internet addiction and its association with self-rated health in the Lithuanian adolescent population // *Medicina (Kaunas)*. Vol. 52. № 3. P. 199–204. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.medici.2016.04.002>

Vaccaro, A. G., Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 10. P. 405–415. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00405>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale // *Computers in Human Behavior*. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wu, X., Chen, X., Han, J., Meng, H., Luo, J., Nydegger, L., Wu, H. (2013) Prevalence and factors of addictive Internet use among adolescents in Wuhan, China: interactions of parental relationship with age and hyperactivity-impulsivity // *PLoS One*. Vol. 8. № 4. e61782. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061782>

Дата поступления: 30.07.2023 г.

Дата принятия: 13.09.2023 г.

REFERENCES

Vainshtein, A. (2015) Internet-zavisimost': diagnostika, komorbidnost' i lechenie [Internet addiction: diagnosis, comorbidity and treatment]. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, vol. 33, no. 4, pp. 3 [online] Available at: http://www.mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer05.php (access: 10.07.2023). (In Russ.).

Varlamova, S. N., Goncharova, E. R. and Sokolova, I. V. (2015) Internet-zavisimost' molodezhi megapolisov: kriterii i tipologiya [Internet addiction of the youth of megacities: criteria and typology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 165–181. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>

Voprosy sovremennoi nauki [Questions of modern science] (2021) / ed. by A. A. Enikeeva. Moscow, Internauka. Vol. 65. 150 p. (In Russ.).

Egorov, A. Yu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Vantei, V. B., Gromyko, D. I., Dolgikh, N. V., Erofeeva, N. A., Pozdnyak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. A., Magomedova, E. A., Nechaeva, A. I., Pashkevich, N. V., Semenova, Iu. V., Sidorov, A. A., Khanykov, V. V., Kibitov, A. A., Krupitskii, E. M., Shmukler, A. B. and Kibitov, A. O. (2020) Kliniko-psihopatologicheskie osobennosti lits s internet-zavisimost'iu: opyt pilotnogo issledovaniia [Clinical and psychological features of people with internet dependence: experience of a pilot study]. *Zhurnal Nevrologii i Psikiatrii imeni S.S. Korsakova*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Egorov, A. Yu. (2015) Sovremennye predstavleniia ob internet-addikttsiiakh i podkhodakh k ikh korrektsii [Modern ideas about Internet addiction and approaches to their correction]. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, vol. 33, no. 4, p. 4 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (access: 28.07.2023). (In Russ.).

Egorov, A. Yu., Charnaia, D. I., Khutorianskaia, Iu. V., Pavlov, A. V. and Grechanyi, S. V. (2018) Internet-zavisimoe povedenie u podrostkov s psikhicheskimi rasstroistvami [Internet-dependent behavior in adolescents with mental disorders]. *V. M. Bekhterev Review Of Psychiatry And Medical Psychology*, no. 4, pp. 35–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-35-45>

Kekeeva Z. O., Uvarova G. N., Darzhinova S. V., Mueva A. V. and Oorzhak A. B. (2022) Issledovanie setevoi identichnosti studencheskoi molodezhi regionov Rossii (na primere Kalmykii i Tuvy) [Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Kibitov, A. O., Trusova, A. V. and Egorov, A. Yu. (2019) Internet-zavisimost': klinicheskie, biologicheskie, geneticheskie i psikhologicheskie aspekty [Internet addiction: clinical, biological, genetic and psychological aspects]. *Voprosy narkologii*, vol. 174, no. 3, pp. 22–47. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2019_3_22

Kibitov, A. O., Chuprova, N. A., Grechanyi, S. V., Solov'eva, M. G., Brodianskii, V. M., Merkulova T. V., Nikolishin A. E., Soldatkin V. A., Iakovlev A. N., Iliuk R. D., Krupitskii E. M., Shmukler A. B. and Egorov A. Yu. (2020) Geneticheskie markery riska vyrazhennosti simptomov i proiavlenii internet-zavisimosti po shkale CIAS: predvaritel'nye rezul'taty [Genetic markers of the risk of the severity of symptoms and manifestations of Internet addiction on the CRIES scale: preliminary results]. *Voprosy narkologii*, vol. 184, no. 1, pp. 60–82. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_1_60

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social Culture of Tuvans and Online Space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lopatin, D. V., Koroleva, N. L., Anur'eva, M. S., Puzanova, Ya. M., Ostapchuk, K. I. (2017) Problema bezopasnosti shkol'nikov v seti Internet [The problem of children's security on the Internet]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, vol. 22, issue 1, pp. 232–236. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2017-22-1-232-236>

Makarova, I. A. and Reznikov, S. A. (2020) Organizatsiia profilaktiki internet-zavisimosti podrostkov v sovremennoi shkole [Organization of prevention of Internet addiction of adolescents in a modern school]. *Voprosy pedagogiki*, vol. 6, no. 2, pp. 143–146. (In Russ.).

Malygin, V. L. and Feklisov, K. A. (2011) *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki [Internet-dependent behavior. Diagnostic criteria and methods]*. Moscow, MGMSU. 32 p. (In Russ.).

Malygin, V. L., Khomeriki, N. S. and Antonenko, A. A. (2015) Individual'no-psikhologicheskie svoistva podrostkov kak faktory riska formirovaniia internet-zavisimogo povedeniia [Individual psychological properties of adolescents as risk factors for the formation of Internet-dependent behavior]. *Meditssinskaia psikhologiya v Rossii*, vol. 30, no. 7, pp. 7 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer01.php (access: 28.07.2023). (In Russ.).

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. S. (2023) Tuvinskii iazyka v Internete: predstavlenost', problemy i perspektivy [The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Rybakova, O. S. (2017) Zakonodatel'noe regulirovanie obespecheniia bezopasnosti rebenka v internet-prostranstve [Legislative regulation of child safety in the Internet space]. *Pravovaia informatika*, no. 4, pp. 49–54. (In Russ.).

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Rasprostranennost' internet-zavisimosti u podrostkov Tsentral'noi Sibiri [Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia]. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B., Shubina, M. V. (2020) Internet-zavisimost' u podrostkov Tsentral'noi Sibiri: analiz rasprostranennosti i struktura potreblaemogo kontenta [Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content]. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Avila, G. B., Dos Santos, E. N., Jansen, K. and Barros, F. C. (2020) Internet addiction in students from an educational institution in Southern Brazil: prevalence and associated factors. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, vol. 42, no. 4, pp. 302–310. DOI: <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2019-0098>

Besirovis, E., Pajevic, I. (2020) Behavioral Addictions in Childhood and Adolescence — Pandemic Knocking Door. *Psychiatr Danub*, vol. 32, no. 3, pp. 382–385. PMID: 33030458

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M. and Apter, A. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, no. 3, p. 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J.-P., Mandelli, L.,

Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W. and Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological Internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors. *Addiction*, vol. 107, no. 12, pp. 2210–2222. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Griffiths, M. D., Pontes, M. H. and Szabo, A. (2016) The impact of Internet-based specific activities on the perceptions of Internet addiction, quality of life, and excessive usage: A cross-sectional study. *Addictive Behaviors Reports*, no. 1, pp. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2015.03.002>

Heinze, K., Lin, A., Reniers, R. and Wood, S. J. (2016) Longer-term increased cortisol levels in young people with mental health problems. *Psychiatry Research*, vol. 236, pp. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2015.12.025>

Jaiswal, A., Manchanda, S., Gautam, V., Goel, A. D., Aneja, J. and Raghav, P. R. (2020) Burden of internet addiction, social anxiety and social phobia among University students, India. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, vol. 9, no. 7, pp. 3607–3612. DOI: https://doi.org/10.4103/jfmpc.jfmpc_360_20

Johansson, A. and Götestam, K. G. (2004) Internet addiction: characteristics of a questionnaire and prevalence in Norwegian youth. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 223–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9450.2004.00398.x>

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J. and Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours. *European Child Adolescent Psychiatry*, vol. 23, no. 11, pp. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F. and Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder. *Psychoneuroendocrinology*, vol. 77, pp. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

Karacic, S. and Oreskovic, S. (2017) Internet addiction through the phase of adolescence: a questionnaire study. *JMIR Mental Health*, vol. 4, no. 2, article e11. DOI: <https://doi.org/10.2196/mental.5537>

Lemmens, J. S., Valkenburg, P. M. and Peter, J. (2009) Development and validation of a Game Addiction Scale for Adolescents. *Journal of Media Psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/15213260802669458>

Lindenberg, K., Halasy, K., Szász-Janocha, C. and Wartberg, L. (2018) A Phenotype Classification of Internet Use Disorder in a Large-Scale High-School Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 15, no. 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph15040733>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H. and Ho, R. C. M. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*, vol. 42, no. 7, pp. 1237–1245. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Miao, X., Jiang, X., Wang, P., Li, H., Wang, M. and Zeng, H. (2018) Online activities, prevalence of internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 7, pp. 14–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giral, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in adolescence: a combined approach to investigate psychopathology and development-specific personality traits associated with Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, no. 3, e244–e51. DOI: <http://dx.doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M. and Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 89, no. 2, pp. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Reiner, I., Tibubos, A. N., Hardt, J., Müller, K., Wölfling, K. and Beutel, M. E. (2017) Peer attachment, specific patterns of internet use and problematic internet. 33in male and female adolescents. *European Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 26, no. 10, pp. 1257–1268. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-017-0984-0>

Sasmaz, T., Oner, S., Kurt, A. Ö., Yapici, G., Yazici, A. E., Bugdayci, R. and Sis, M. (2014) Prevalence and risk factors of Internet addiction in high school students. *European Journal of Public Health*, vol. 24, no. 1, pp. 15–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/eurpub/ckt051>

Soh, P. C., Chew, K. W., Koay, K. Y. and Ang, P. H. (2018) Parents vs peers' influence on teenagers' Internet addiction and risky online activities. *Telematics and Informatics*, vol. 35, no. 1, pp. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.11.003>

Tereshchenko, S. and Kasparov, E. (2019) Neurobiological Risk Factors for the Development of Internet Addiction in Adolescents. *Behavioral Sciences*, vol. 6, no. 9, pp. 62–67. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs9060062>

Torres-Rodríguez, A., Griffiths, M. D., Carbonell, X. and Oberst, U. (2018) Internet gaming disorder in adolescence: Psychological characteristics of a clinical sample. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 3, pp. 707–718. DOI: <http://dx.doi.org/10.1556/2006.7.2018.75>

Tsitsika, A., Janikian, M., Schoenmakers, T. M., Tzavela, E. C., Olafsson, K., Wójcik, S., Macarie, G. F., Tzavara, C. and Richardson, C. (2014) Internet addictive behavior in adolescence: a cross-sectional study in seven European countries. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 17, no. 8, pp. 528–535. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/cyber.2013.0382>

Ustinavičienė, R., Škėmienė, L., Lukšienė, D., Radišauskas, R., Kalinienė, G. and Vasilavičius, P. (2016) Problematic computer game use as expression of Internet addiction and its association with self-rated health in the Lithuanian adolescent population. *Medicina (Kaunas)*, vol. 52, no. 3, pp. 199–204. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.medic.2016.04.002>

Vaccaro, A. G. and Potenza, M. N. (2019) Diagnostic and classification considerations regarding gaming disorder: neurocognitive and neurobiological features. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 10, pp. 405–415. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00405>

van den Eijnden, R. J. J. M., Lemmens, J. S. and Valkenburg, P. M. (2016) The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>

Wu, X., Chen, X., Han, J., Meng, H., Luo, J., Nydegger, L. and Wu, H. (2013) Prevalence and factors of addictive Internet use among adolescents in Wuhan, China: interactions of parental relationship with age and hyperactivity-impulsivity. *PLoS One*, vol. 8, no. 4, e61782. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061782>

Submission date: 30.07.2023.

Acceptance date: 13.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.18

Статья

Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва

Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация

На базе данных организованного автором социологического опроса населения Тувы в июне — июле 2023 г. (опрошены жители городов и кожуунов — 421 человек), определены особенности адаптационных практик, специфика процессов адаптации этнорегиональных групп Республики Тыва: тувинцев и русских. Цель статьи — выявление и классификация особенностей практик адаптации жителей Тувы, определение специфики этнорегиональных моделей встраивания в процессы трансформации в современном обществе. Осуществлена классификация десяти выявленных практик (моделей) адаптации на базе предложенного экспертами перечня адаптационных стратегий, опубликованного ранее. Практики дифференцированы по глубине и скорости встраивания в трансформационные процессы, на активные, мобилизующие и пассивные практики. Исследовано соотношение адаптационных практик населения с уровнем доходов. Выявлено, что существует значительный кредит доверия действиям правительства России и Тувы при наличии проблем в социальном самочувствии населения. Исследование особенностей адаптационных практик позволило выявить характерные черты реагирования этнических групп на специфику трансформационных процессов в Туве: более высокая значимость повышения образования и квалификации, применения социальных новаций у тувинцев; смена места работы и повышенные миграционные настроения у русских. Достаточно высока доля последователей пассивных практик. При этом среди тувинцев удельный вес «выжидających» выше, чем среди русских.

Ключевые слова: адаптация; этническая группа; анкетирование населения; Республика Тыва; адаптационная практика; тувинцы; русские

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда № 23-28-10009 «Социально успешные и неуспешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)», <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>.

Для цитирования:

Балакина Г. Ф. Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 255-273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Research Fellow, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva

Galina F. Balakina

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, RAS, Russian Federation

Based on the data of the sociological survey of the population of Tuva conducted by the author in June and July 2023 (421 dwellers of towns and kozhuuns were interviewed), the article highlights the features of adaptation practices and the specifics of the adaptation processes of the ethnoregional groups in the Republic of Tuva (Tuvans and Russians). The purpose of the article is to identify and classify the peculiarities of adaptation practices of people living in Tuva, as well as to determine the distinctive features of ethnoregional models of integration into the processes of transformation in modern society. The author presents a classification of ten identified adaptation practices (models) on the basis of a list of adaptation strategies proposed by experts and published earlier. The practices are differentiated by the depth and speed of their integration into transformational processes (active, mobilizing and passive ones). The correlation of adaptation practices of the population with their income levels was studied. It has been found out that there is a significant credibility in the actions of the governments of Russia and Tuva although there are problems in the social well-being of the population. The study of the peculiarities of adaptation practices has highlighted the characteristic features of the responses of ethnic groups to the specifics of transformation processes in Tuva: the higher significance of enhancing education and qualifications, the application of social innovations among the Tuvans; job changes and higher levels of migration intentions among the Russians. The number of followers of passive practices is quite high. At the same time, the proportion of the “anticipating people” among the Tuvans is higher than among the Russians.

Keywords: adaptation; ethnic group; population survey; Republic of Tuva; adaptation practice; Tuvans; Russians

---

Financing

The article was prepared as part of the research project of the Russian Science Foundation No. 23-28-10009 “Socially Successful and Unsuccessful Adaptation Practices of Ethno-regional Communities in the Context of Large-scale Innovative Changes (On the Example of the Republic of Tuva)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-10009/>.

For citation:

Balakina G. F. Spetsifika adaptatsionnykh praktik etnicheskikh grupp Respubliki Tyva [Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 255-273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>

Введение

Различия показателей региональных социально-экономических процессов, социально-бытовых условий и менталитета представителей этнических общностей детерминируют дифференциацию возможностей и скорости их приспособления к современным экономическим и социально-политическим трансформациям. К современным трансформационным процессам, определяющим необходимость адаптации населения Тувы, с нашей точки зрения, относятся: изменения в отраслевой структуре производства (рост объемов добычи полезных ископаемых, объемов строительства жилья, совершенствование инфраструктуры), изменения на рынке труда, расширение сферы социальных трансфертов, ускорение компьютеризации, цифровизации экономики и социальной сферы, быта. Под региональной общностью мы понимаем социальные группы, объединяющие различные совокупности людей, для которых характерны лишь некоторые одинаковые, схожие характеристики возраста, территории проживания, этнической принадлежности. Этническая группа есть совокупность

жителей региона, объединенных этнической принадлежностью, схожестью менталитета, особенностей реагирования на изменение условий жизни. Поэтому изучение адаптационных практик в условиях современных трансформаций является актуальным и привлекает исследователей социальных процессов и тенденций развития российского общества. Объектом исследования являются адаптационные процессы, приспособление населения к реалиям социально-экономических процессов. Предмет исследования — практики адаптации, особенности изменения экономического и социального поведения представителей этнических групп Республики Тыва (тувинцев и русских).

Цель статьи — выявление и классификация особенностей практик адаптации этнических групп Республики Тыва на основе опроса их представителей, а также исследование их взаимосвязи с трансформациями в современном обществе, определение специфики этнорегиональных моделей встраивания в инновационные процессы, сравнительный анализ адаптационных практик групп населения республики в зависимости от этнической принадлежности. Соответственно, основными задачами анализа стали:

1. изучение этнорегиональной специфики практик жителей Тувы, особенностей оценки социально-экономической ситуации в регионе этническими группами;
2. выявление взаимосвязи особенностей практик адаптации и уровня доходов представителей этнических групп;
3. определение набора адаптационных практик этнических групп и их характеристик;
4. исследование миграционного потенциала этнических групп.

Под адаптационной практикой этнической группы нами понимается реализация формы активной деятельности объединения людей, в котором ее представители усваивают социальные новации, модифицируют принципы, способы реагирования и нормы поведения как вид приспособления к трансформирующейся реальности, различающиеся по ряду этнокультурных и этносоциальных характеристик. Материалы нашего лонгитюдного исследования отношения жителей Тувы к особенностям динамики социально-экономических процессов (вовлечения в экономический оборот природных ресурсов, реализация программы социальной помощи семьям с детьми, стимулирование рождаемости, кризисные спады в экономике, колебания цен, рост уровня доходов, ситуации на рынке труда, динамика бедности, совершенствование условий занятия предпринимательством и др.) отчетливо показывают существование специфики реагирования, приспособления представителей основных этнических групп в регионе — тувинцев и русских (Балакина, Анайбан, 1995; Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, 2016).

Излагаемый в статье анализ адаптационных практик этнических групп базируется на данных о динамике социально-экономических показателей, представляемых официальной статистикой, и на материалах опроса населения Тувы в июне — июле 2023 г., проведенного под руководством автора статьи с привлечением сотрудников Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Были опрошены 421 человек трудоспособного возраста, жители городов и сельских территорий по репрезентативной выборке по полу, возрасту, уровню занятости и образования. Территориальная выборка включала в себя 5 городских и 9 сельских населенных пунктов: города Кызыл, Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран и кожууны (Кызылский, Пий-Хемский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский, Тандинский, Овюрский и Эрзинский). Среди опрошенных 53,2% женщин и 46,8% мужчин; 28,7% молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, 44,4% лиц в возрасте 31–50 лет; 85,1% тувинцев, 12,3% русских и 2,6% представители других этносов (хакасов, бурят, киргизов, белорусов); 14,6% имеют среднее общее (полное и неполное) образование, 32,7% — среднее специальное и 52,7% — высшее, включая незаконченное образование, что в основном соответствует параметрам Всероссийской переписи населения 2020 г. по Туве. Опрос населения проводился в виде формализованного интервью по разработанной Г. Ф. Балакиной анкете, содержащей ряд вопросов из анкет с 2010 г. для сопоставимости результатов. Данные опросов 2010, 2014 и 2023 гг., проведенных при участии автора, использованы в анализе и приводятся в статье. Анкета 2023 г. состоит из 56 вопросов и содержит блоки вопросов по восприятию социально-политической ситуации, социальному положению, уровню жизни, трудовой деятельности, занятости, этнополитической ситуации, отношению к инновациям, нововведениям в быту и на производстве. В целях выявления групп, различающихся специфическими адаптационными практиками как стилем активности, нами использовался алгоритм двухэтапной выборки, предусмотренный в пакете программ SPSS. Статья

представляет собой продолжение изложения материалов исследования 2023 г., в частности данных опроса экспертов (Балакина, 2023).

Обоснование теоретико-методологической базы исследования

Научное исследование, результаты которого излагаются в данной статье, базируется на методах системного анализа и концепции жизненных шансов, предложенной М. Вебером для выделения основных элементов социальной структуры общества (Weber, 1978ab). Наиболее значимыми из этих шансов ученый считал те, которые связаны с положением индивидов в системе производственных отношений, престижностью их статусных позиций и потреблением ими различных благ, причем как материальных, так и нематериальных. На этом основании Вебер ввел понятия позитивной и негативной привилегированности, которые и стали использоваться впоследствии в качестве критериев формирования групп в социальной иерархии в рамках неовебирианского подхода к анализу социальной структуры в работах зарубежных (Giddens, 1973; Sen, 1992; Beck, 2009; Scott, 2002; и др.) и отечественных (Popova, Pishnyak, 2017; Тихонова, 2018; Аникин, 2018; Мареева, 2018; Лежнина, 2019; и др.) авторов.

В научной литературе можно выделить несколько теоретических подходов, объясняющих выбор индивидами и складывающимися из них общностями тех или иных стратегий адаптации (Allen, Henderson, 2016; Moen, Wethington, 1992). Исследователи выделяют структурный подход, теорию рационального выбора и теорию жизненного пути. Последователи структурного подхода (Bengtson, Allen, 1993; Hareven, 1991; Saraceno, 1989; и др.) утверждают, что общности формируют адаптационные практики по сохранению и повышению своего социального положения в рамках существующих в данный момент времени структурных ограничений: специфика экономических и социальных институтов, особенности неравенств в современном обществе. При этом индивидуальные взгляды людей на стратегии развития их жизненного пути рассматриваются как второстепенные, поскольку изначально предполагается, что общности просто приспосабливаются к окружающей среде (Каравай, 2019: 130).

Ученые, базирующие свои исследования на теории рационального выбора (Berk, 1980; Coleman, 1986; и др.), в противоположность структурному подходу, предполагают, что люди стремятся наращивать свое благосостояние в существующих условиях, оптимизируя эффект от имеющихся у них ресурсов. При этом механизмы, объясняющие, как жители определяют ту «функцию полезности», которую максимизируют, остаются в ней пока дискуссионными. Кроме того, в рамках этого подхода нельзя объяснить множество нерациональных действий, которые совершаются людьми на протяжении их жизни.

В основе третьего подхода, фактически аккумулирующего положения двух предыдущих, используются различные вариации теории жизненного пути (Elder, Caspi, 1990; Narotzky, Besnier, 2014). В его рамках речь идет о том, что на разных этапах жизни выбираются стратегии поведения в различных исторических, культурных и социальных условиях. Специфика развития детерминирует ресурсы и возможности, требования, нормы и ожидания людей, влияющие на поведение социальных групп, и может способствовать его отклонению от норм экономической рациональности. Социально-экономические или культурные сдвиги влекут за собой изменения в требованиях, нормах и обеспеченности ресурсами и активами, в силу чего меняется поведение личностей и социальных общностей, чтобы в новых условиях удовлетворить свои новые потребности. Таким образом, этот подход, разделяемый и нами, подчеркивает зависимость характера стратегий адаптации от существующих условий, принимая во внимание разнообразие факторов их выбора, а также длительность и последовательность их использования (Каравай, 2019: 130).

По результатам масштабных социологических опросов населения страны, проведенных в 2016-2020 гг. российскими социологами, сделаны выводы о тенденциях изменения социально-психологического самочувствия, ожиданий и оценок, описаны основные адаптационные практики, а также определены гендерный аспект и региональная специфика в проявлениях социальных настроений и адаптационных практик россиян (там же: 141-142; Волков и др., 2017: 91-92; Горшков, 2019; Попов, 2020; Тощенко, 2020). При этом ряд исследователей используют теорию жизненного пути в различных вариациях.

Также нами использовались материалы исследований ученых по проблемам определения способов и методов сохранения, совершенствования и использования человеческого потенциала регионов, снижения рисков в его динамике и установления особенностей социально-экономической ситуации в оценках населения (Аксютин, 2022; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022; Ахметова, 2022; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022; Балакина, 2022).

В данной статье автор продолжает изучение адаптационных процессов жителей Тувы, актуализирует данные сравнительного анализа этнорегиональных моделей адаптации, чему ранее посвящен ряд публикаций (Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, 2023; и др.), поскольку данная проблематика мало отражена в научной литературе.

Особенности оценки социально-экономической ситуации в регионе

Для определения специфики социально-экономических процессов на момент исследования в ходе опроса респондентам были заданы вопросы по определению изменения собственного материального положения (табл. 1) как одного из основных индикаторов социального благополучия. Две трети ответивших положительно охарактеризовали эту динамику, назвав ее позитивной или стабилизовавшейся.

Таблица 1. Оценка жителями Тувы своего материального положения, в % от числа опрошенных*
Table 1. Assessment of their financial situation by residents of Tuva, in % of the number of respondents

Ваше материальное положение	Распределение ответов на вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи с 2020 г.?»			Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете перспективы изменения материального положения Вашей семьи в ближайшем будущем?»		
	Все опрошенные	Из них:		Все опрошенные	Из них:	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Улучшилось / Улучшится	7,8	8,7	2,4	34,9	36,6	14,6
Осталось / Останется без изменений	62,7	62,3	63,4	38,5	36,6	61,0
Ухудшилось / Ухудшится	22,7	21,5	31,7	8,3	7,8	9,8
Затрудняюсь ответить	6,8	7,5	2,4	18,3	19,0	14,6

* По материалам опроса 2023 г.

Большинство опрошенных (62,7%) считают, что с 2020 г. произошла стабилизация их материального положения. Такая оценка собственного материального благополучия населением республики в современных условиях выглядит достаточно оптимистично. Оценки перспективных изменений благосостояния своей семьи выглядят еще более позитивно, в особенности у тувинских респондентов. У русских в оценке материального благополучия уровень пессимистичности восприятия действительности выше, также они более сдержаны в позитивных оценках своего будущего, их надежды на лучшее в несколько раз ниже, чем у опрошенных тувинцев. При этом Республика Тыва остается регионом с одним из самых низких уровней доходов жителей.

Наибольшую тревогу у жителей Тувы (табл. 2) вызывают инфляционные процессы, жилищная проблема, асоциальные явления и угроза безработицы, меньшую значимость имеют возможность ухудшения межнациональных отношений и экологии. В этнических группах рейтинг несколько ме-

няется: в первую тройку проблем у тувинцев, кроме инфляции, входят жилищная проблема и наркомания, алкоголизм, у русских — угроза безработицы, наркомания и алкоголизм при существенно более высоком опасении ухудшения межнациональных отношений.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы нашего общества беспокоят Вас более всего?», в % от числа опрошенных*
 Table 2. Distribution of answers to the question “What problems of our society worry you the most?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	Из них	
		тувинцы	русские
1) рост цен, инфляция	69,8	70,7	65,9
2) кризис в экономике, спад производства, кризис неплатежей, несвоевременная выплата зарплаты, пенсии, пособий, стипендий	27,8	26,8	36,6
3) рост преступности	38,8	38,5	36,6
4) угроза безработицы	40,5	39,9	46,3
5) ухудшение межнациональных отношений	9,3	7,8	19,5
6) жилищная проблема	44,9	45,5	36,6
7) ухудшение экологической ситуации	22,2	22,6	22,0
8) наркомания, алкоголизм	44,1	43,4	46,3
9) кризис морали и нравственности	23,2	22,6	24,4

* По материалам опроса 2023 г.

Таким образом, жители республики в большинстве позитивно оценивают сложившееся социально-экономическое положение, с пониманием относятся к возникающим проблемам, в том числе угрозе безработицы, асоциальным проявлениям, ухудшению экологии. Более четверти опрошенных не уверены в позитивном изменении своего материального положения, что повышает риски снижения удовлетворенностью жизнью и перспективами ее улучшения в социуме. Можно констатировать существенный кредит доверия действиям правительства России и Тувы при наличии проблем в социальном самочувствии населения при определенных различиях в оценках представителей этнических групп.

Сохраняется дифференциация и в оценках собственных перспектив в экономике (табл. 3). Хотя в целом превалирование позитивных оценок сохраняется, но их уровень стал ниже по сравнению с 2010 г. Русские респонденты по-прежнему свои перспективы оценивают более сдержанно. Снизилась доля ответивших, которые не верят в собственный экономический прогресс, при росте затруднившихся с ответом. Такому изменению оценок способствовали, по нашему мнению, циклические кризисные колебания рыночной конъюнктуры, пандемия коронавируса и другие слабо предсказуемые явления, значительно осложняющие динамику уровня жизни населения.

Таким образом, материалы исследования показывают, как сохранение дифференциации в оценках социально-экономических процессов представителями этнических групп региона, так и лояльное отношение к способам решения возникающих проблем со стороны правительства страны и региона.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свои перспективы в экономике?», в % от числа опрошенных*
 Table 3. Distribution of answers to the question “How do you assess your prospects in the economy?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	2010 г.			2023 г.		
	Все ответившие	В том числе		Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Не сомневаюсь в успехе и надеюсь на него	43,7	47,8	29,0	43,2	45,0	31,7
На этапе экономических преобразований нас ждут серьезные проблемы, неудачи и добиться успеха будет нелегко	36,8	34,0	45,2	32,4	30,7	41,5
Надежды на успех нет	8,8	8,4	10,8	7,1	7,0	9,8
Затрудняюсь ответить	10,7	9,8	15,0	17,3	17,3	17,1

По данным опросов 2010 г. (Балакина. Кылгыдай, 2015: 92); 2023 г.

Выявление взаимосвязи особенностей адаптационного поведения и уровня социально-экономического положения жителей

Уровень жизни и доходов оценках респондентов. В ходе опроса блок вопросов был посвящен самооценке жителями собственного уровня доходов. Здесь опрашиваемые давали ответы на вопросы о применяемых ими ограничениях в удовлетворении духовных и материальных потребностей (табл. 4, 5). Почти каждый третий опрошенный указал, что в современных условиях ему не пришлось отказаться ни от чего необходимого. Обращает на себя внимание, что суммарные оценки «отказов» у русских значительно выше, чем у тувинских респондентов. Это свидетельствует о повышенных требованиях опрошенных русских и терпимости тувинских.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «От чего важного для Вас Вы вынуждены были отказаться из-за нынешней ситуации в стране?», в % от числа опрошенных*
 Table 4. Distribution of answers to the question “What important things you have had to give up because of the current situation in the country?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
от продолжения образования	7,1	7,8	2,5
от любимой работы	3,7	3,4	2,5
от приобретения товаров длительного пользования	17,6	16,0	30,9

от решения жилищной проблемы	18,9	18,8	20,0
от туристических поездок по стране и за рубеж	25,0	25,0	22,5
от санаторно-курортного лечения	14,2	14,0	15,0
от необходимых медицинских услуг	11,0	9,5	20,0
от привычной структуры питания	5,1	5,0	5,0
от поездок к родным и близким	5,9	5,3	12,5
от намерений дать хорошее образование детям	4,2	4,2	2,5
от рождения ребенка, женитьбы	7,4	7,2	10,0
ни от чего не отказался	30,6	30,5	30,0

* Данные опроса 2023 г.

По материалам нашего опроса в первую очередь жители экономят на культурных развлечениях (35,9%, 35,9 и 39% соответственно), на покупке одежды и обуви (33,3; 33,9 и 29,3), 37,2% (35,3% тувинцев и 46,3% русских) отказываются от поездок во время отпуска. Также экономия на необходимых медицинских услугах и санаторно-курортном лечении (26,2% опрошенных, из них 23,5% у тувинцев и 35% у русских), с нашей точки зрения, не является позитивным показателем и сдерживает рост ожидаемой продолжительности жизни населения Тувы, которая и так одна из самых низких в стране.

Итак, результаты опроса 2023 г. по-прежнему демонстрируют различия в нюансах оценок динамики социально-экономических процессов со стороны представителей основных этносов, что обусловлено как особенностями менталитета, восприятия действительности, так и дифференциацией уровня доходов. Сдержанные оценки неуспеха в будущем и стабильно высокие позитивные значения изменений собственного благополучия и надежда на успех экономики республики в будущем свидетельствуют о нарастании процессов адаптации жителей Тувы к современным условиям жизни и труда.

Таблица 5. Распределение респондентов по уровню доходов на члена семьи, в % от числа опрошенных *
Table 5. Distribution of respondents by income level per family member, in % of the number of respondents

Уровень душевого дохода	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
До 13 600 руб.	37,2	40,6	17,5
От 13 601 до 16 750 руб.	12,4	12,3	10,0
От 16 751 до 22 000 руб.	18,9	19,7	10,0
От 22 001 до 30 000 руб.	17,8	15,8	32,5
От 30 001 до 43 300 руб.	6,7	6,8	7,5
От 43 301 руб. и выше	7,0	4,8	22,5

* Данные опроса 2023 г.

В данном исследовании были опрошены жители, у 68,4% из которых среднедушевые доходы не превышали или равнялись размеру прожиточного минимума: у 73,2% тувинцев и 37,5% русских. Доходы последователей пассивных практик у большинства (74,3%) не превышают прожиточного минимума или находятся на его уровне, лишь у незначительной части — у 4,8–7,3% — приверженцев пассивных практик выжидания доходы превышают средние по Туве.

Адаптационные практики в ответах респондентов

В ходе опроса респондентам были заданы вопросы об оценке их готовности к изменениям, связанным с колебаниями рыночной инфраструктуры, в частности к возможной потере работы (табл. 6) и направлениях из усилий по поиску работы и сохранению или улучшению своего материального положения (табл. 7).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы в целом оценили свою готовность к возможной потере работы?», в % от числа опрошенных*
 Table 6. Distribution of answers to the question “How would you generally assess your readiness for possible job loss?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
Психологически готов, но пока не начал строить свою жизнь с учётом возможной потери работы	36,1	36,1	35,3
Психологически готов и уже начал действовать в рыночных структурах	13,9	13,8	18,7
Психологически не готов и пока ничего не меняю в своей жизни	31,0	31,1	26,4
Психологически не готов, но вынужден менять свой жизненный уклад, приспосабливаться к возможному поиску работы	16,0	16,0	13,7
Затрудняюсь ответить	3,0	3,0	5,9

* Данные опроса 2023 г.

Динамика отношения жителей Тувы к возможной потере работы, одному из основных рисков рыночной экономики, подтверждает утверждение о растущем их встраивании в рыночные процессы, адаптации к ним (табл. 6). Нарастающие трудности, связанные с ростом цен, усложнением поиска работы, привели к нивелированию, снижению различий в адаптационных установках, выявленных в 2023 г. по сравнению с 2010 г. Различия в готовности действовать в рыночных условиях между тувинцами и русскими сводятся к тому, что среди тувинцев больше доля выжидающих (67,2%), не готовых менять свое поведение в зависимости от конъюнктуры рынка, чем среди русских (61,7%), русские несколько более активно встраиваются в рыночные процессы, чем тувинские респонденты (32,4% и 29,9% соответственно), но среди русских больше неопределившихся.

Дифференциацию адаптационного реагирования на конъюнктурные изменения рынка демонстрируют данные табл. 7.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Что Вы предпринимали для получения работы и улучшения своего материального положения?», в % от числа опрошенных*
 Table 7. Distribution of answers to the question “What have you done to get a job and improve your financial situation?”, in % of the number of respondents

Варианты ответов	Все ответившие	В том числе	
		тувинцы	русские
Искал любую подходящую работу	30,4	30,4	28,3
Искал работу по специальности	29,7	29,7	36,4
Прошел переобучение, получил новую специальность	4,9	5,1	4,8
Уезжал, искал работу в другом населенном пункте	4,6	4,2	7,8
Добился статуса безработного	2,8	2,9	2,0
Не искал работы, так как там, где я живу, поблизости работы нет	3,0	3,1	2,0
Брал деньги в долг, оформлял кредит	7,8	7,8	4,4
Обратился за помощью в органы социальной защиты	6,0	6,1	4,7
Не искал работы в связи с достаточной материальной обеспеченностью семьи	0,2	0,3	0
Не искал работы по другим причинам	10,6	10,6	9,6

* Данные опроса 2023 г.

Таким образом, в результате опроса выявляются различия в реагировании представителей этнических групп на современные вызовы. Для тувинцев более характерны использование возможностей, предоставляемых органами социальной защиты: получение статуса безработного с выплатой пособия по безработице (2,9% тувинцев и 2,0% русских), прохождение переобучения (5,1 и 4,8% соответственно), оформление социального контракта, получение разовых социальных выплат и др. Русские менее полагаются на помощь системы социального обеспечения, более склонны к поиску работы в других населенных пунктах, хотят найти работу по специальности (36,4% русских по сравнению с 29,7% тувинцев), менее склонны к получению кредитов по сравнению с тувинскими респондентами (4,4% русских и 7,7% тувинцев). Такие различия вкпе с дифференциацией отношения к возможной потере работы (54% и 49,9% тувинцев и русских соответственно психологически готовы выйти на рынок труда) позволяют выдвинуть предположение о некотором превышении пассивных практик, более высоком уповании на помощь государства у тувинцев по сравнению с русскими.

Анализ ответов респондентов и проведение вторичных выборок позволило определить несколько уровней активности жителей Тувы в ходе адаптации к условиям рынка труда, изменениям в отраслевой структуре производства и возможностям возрастающей информатизации. Опираясь на данные экспертного опроса и предложенные экспертами подходы к определению адаптационных стратегий, систематизируя ответы жителей, мы выделили десять видов адаптационных практик населения Республики Тыва, дифференцированных по глубине и скорости встраивания в трансформационные процессы (табл. 8), перечень которых в основном совпадает с предложенной классификацией по России (Каравай, 2019). Здесь усовершенствована предложенная нами ранее классификация

адаптационных практик, сформированная по экспертным оценкам (Балакина, 2023: 201–202), где были выделены практики выживания и социального прогресса. Сейчас предлагается учесть не только контуры практик, но и уровень предприимчивости, энергичности их последователей, их социальную и трудовую активность, разбитые на три уровня, номинированные как:

- активные, к которым отнесены более успешные практики, требующие значительного уровня предприимчивости, существенных усилий по конструированию карьеры;
- мобилизующие, занимающие среднее положение между первыми и последними;
- пассивные практики, которые также можно назвать «практиками выживания» с низким уровнем активности, включая добровольную и вынужденную пассивность.

Таблица 8. Выявленные адаптационные практики населения Тувы
Table 8. Identified adaptation practices of the population of Tuva

Группы практик	Виды адаптационных практик	Основные черты практик и их последователей
Активные	Повышение уровня образования и квалификации	Приобретение новых навыков и знаний в группе занятых с наиболее высоким уровнем образования, квалификации для карьерного роста и увеличения уровня доходов, зарплаты
	Изменение места работы и объема занятости	Поиск более высоко оплачиваемой работы, дополнительного заработка, любых приработков, сверхурочной работы
	Смена места жительства	Наиболее мобильная часть занятых в возрасте от 20 до 50 лет с высшим и средним профессиональным образованием значительным опытом работы, имеющих высокую конкурентоспособность на рынке труда
	Приобретение новых навыков и знаний, склонность к инновациям	Восприимчивость новаций, готовность к смене профессии, переобучению для актуализации профессиональных знаний
Мобилизующие	Использование социальных новаций	Применение социального контракта, участие в губернаторских проектах, реализация возможностей увеличения доходов семьи в трудной жизненной ситуации
	Склонность к трудовой миграции	Временная (сезонная) занятость, предполагающая возвращение к семье, проживающей в Туве
	Развитие личного подсобного хозяйства, огородничество, сбор дикоросов	Производство продуктов, выращивание овощей, заготовка кормов для себя и на продажу
Пассивные	Добровольная пассивность	Надежда на помощь родственников, государства; использование активов, ограниченные возможности здоровья
	Увеличение долговой нагрузки	Получение нескольких видов кредитов, иногда по сумме превышающих возможности их оплаты, займы у микро-кредитных организаций
	Вынужденная пассивность	Нет возможностей дополнительного заработка, занятость по уходу за детьми, больными и престарелыми родственниками, нет работы вблизи жилья. Предполагает экономию на многих статьях расхода и повышенный отложенный спрос.

В ходе исследования сделаны выборки по уровню образования, опыту работы, возрасту из числа выбравших активные практики по ряду вопросов. Выяснилось, что активные адаптационные практики выбирают наиболее мобильные во всех отношениях жители Тувы: они готовы к продолжению образования, повышению квалификации, расширению своих должностных обязанностей для увеличения доходов, готовы к смене места работы для карьерного роста и переезду в другой населенный пункт, т. е. предпринимают активные действия для улучшения своего материального положения. Они стремятся получить дополнительные доходы от имеющихся активов, от увеличения нагрузки на основной работе, берутся за сверхурочную, дополнительную работу, подработки. В основном последователи этих практик живут в городах республики (Кызыл, Чадан, Шагонар, Туран, Ак-Довурак), имеют высшее и среднее профессиональное образование, уровень их доходов на члена семьи в несколько раз выше прожиточного минимума. Возраст большинства (63,5%) сторонников практик высокой активности находится в пределах 31–50 лет. Можно констатировать наращивание активов и расширение жизненных возможностей у сторонников активных адаптационных практик в силу достигнутого уровня доходов, превышающего в два-три раза размер прожиточного минимума.

Исходя из полученных нами результатов, мобилизующие адаптационные практики основываются на использовании новых возможностей для трудоустройства и повышения уровня жизни, которые генерируются государством и спецификой рынка труда российских регионов, а также более рационального использования имеющихся активов (садовых и земельных участков, огородов, пастбищ, недвижимости). Эти практики названы мобилизующими, так как создают условия для дальнейшего развития: открытия собственного дела, повышения социального статуса, карьерного роста и др. Сюда относятся жители республики в активном трудоспособном возрасте, молодежь. Медианные доходы представителей данных практик находятся на уровне прожиточного минимума. Результаты опроса демонстрируют распространенность у данной группы населения практик, предусматривающих отложенный спрос и экономию. Одной из основных целей данных практик становится снижение масштабов социальных рисков и депривации до среднего по региону.

В ходе анализа определено, что для сторонников пассивных практик характерны повышенный уровень иждивенческой нагрузки, пониженный уровень владения активами для адаптации, что не позволяет им следовать более активным практикам. Они не имеют возможности или не видят необходимости каких-либо действий для улучшения своего материального положения, надеясь на помощь семьи и государства. Сюда относятся работники учреждений бюджетной сферы (28,3%), жители сел (54,4%), лица пенсионного и предпенсионного возраста (35,8%). Пенсионеры стараются помочь детям и внукам в поддержании уровня благосостояния, получении образования, тем самым снижая уровень собственного потребления. Следует отметить более высокую приверженность тувинцев к выбору пассивных практик, люди как бы ждут лучших времен, выжидают, когда получат более благоприятные условия выбора. Это существенно обусловлено более низкими средними доходами у респондентов-тувинцев, как отмечено выше.

Исследование особенностей адаптационных практик позволяет выявить характерные черты реагирования этнических групп на специфику трансформационных процессов в Туве: более высокая значимость повышения образования и квалификации, применения социальных новаций у тувинцев; смена места работы и повышенные миграционные настроения у русских. Респонденты заинтересованы в развитии личных подсобных хозяйств для производства продуктов питания как для себя и членов семьи, так и на продажу. Достаточно высока доля «выжидающих»: практически каждый четвертый респондент не может в полной мере заботиться о повышении благосостояния семьи и вынужден сдерживать уровень своих притязаний. При этом среди тувинцев удельный вес выжидающих выше, чем среди русских.

Миграционный потенциал этнических групп Тувы

Тува выделяется среди регионов России устойчивым отрицательным значением сальдо миграции: превышением числа выехавших над количеством прибывших в республику, которое компенсируется высоким естественным приростом населения. Наибольшая активность переездов наблюдается внутри Тувы, удельный вес внутрирегиональной миграции в общем миграционном потоке составлял в 2010 г. 75,7%, в 2015 г. — 65,5%, в 2021 г. — 54,3% (Регионы России ... , 2022: 91–99). Существенная миграция внутри региона, преобладание потоков «село — город» обусловили рост доли городского населения с

52,3% в 2010 г. до 54,9% в 2023 г. (там же: 47–48). В последнее десятилетие интенсивность миграционных потоков в регионе снизилась (табл. 9) за счет стабилизации экономической ситуации, расширения программы поддержки малоимущих слоев населения и др. Однако можно говорить об изменении направлений переезда от смены места жительства внутри Тувы к смене региона проживания, от почти мононационального состава выезжающих при подавляющем большинстве некоренного населения к его диверсификации с ростом доли выезжающих тувинцев (Абылкаликов, Баймурзина, 2022; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023; Ахметова, 2022; Попова, Яник, Кашепов, 2023; Чернышев и др., 2023; Самба, 2022).

Таблица 9. Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения*
Table 9. Migration growth rates per 10,000 people

	2005	2010	2015	2019	2020	2021
Российская Федерация	20	19	17	19	9	30
Сибирский федеральный округ	-42	-16	-1	-7	-16	7
Республика Алтай	-49	-28	-10	25	15	25
Республика Тыва	-93	-126	-76	-12	-18	-41
Республика Хакасия	-17	-21	6	-15	-2	-8
Алтайский край	-78	-33	-19	-18	-11	-15
Красноярский край	-64	-15	10	-10	5	42
Иркутская область	-76	-59	-25	-14	-31	-9
Кемеровская область	-17	-13	-7	-9	-15	-12
Новосибирская область	12	26	45	37	6	48
Омская область	-37	-31	-9	-63	-57	-40
Томская область	-17	75	1	30	-42	48

* Регионы России ... , 2022: 91–92; знак (-) означает убыль.

Следует также отметить сохраняющийся высокий миграционный потенциал: более 30% опрошенных хотели бы сменить место жительства (табл. 10). При этом 75,6% опрошенных в 2023 г. (70% тувинцев и 96,8% русских) хотели бы переехать за пределы Тувы, тогда как в 2010 г. желание изменить место жительства, выехав из Тувы, высказали 24,8% респондентов (15,5% тувинцев и 53,8% русских). За прошедшее время с 2010 г. миграционный потенциал населения Тувы увеличился, существенно возрос в этнической группе тувинцев вследствие роста уровня образования, изменения ситуации на рынке недвижимости, при котором цена квартиры в городе Кызыле почти не уступает цене аналогичной квартиры в регионах Сибири и городах центральной части России.

Хотя интенсивность миграционных потоков за 2010–2021 гг., по данным официальной статистики, несколько снизилась вследствие возросшего уровня социальной поддержки и снижения уровня безработицы в Туве, тем не менее миграционный потенциал (уровень желательности перемены места жительства) остается существенным при некотором росте с 2010 г. по 2014 г. и снижении к 2023 г. При этом среди тувинцев доля не желающих переезжать возросла за 2014–2023 гг. с 50,9% до 54,4%, тогда как у русских снизилась с 40% до 36,6%. Возросшая доля затруднившихся с ответом позволяет предположить о неосознанности желания перемены места жительства рядом респондентов.

Более половины готовых к миграции жителей (53,1%) в 2023 г. имеют высшее и незаконченное высшее образование, 43,8% — среднее общее и профессиональное образование. Из них 38,3% —

молодежь в возрасте от 18 до 30 лет и 44,5% — опрошенные 31–50 лет. Более 50% относятся к гуманитариям по образованию, 25% имеют техническое образование, значительно дефицитное в Туве. По социальному положению 51,6% планирующих переезд относятся к служащим, инженерно-техническим, медицинским и научным работникам, преподавателям и творческой интеллигенции.

Таблица 10. Миграционный потенциал жителей Тувы (в % по столбцу)*
Table 10. Migration potential of people living in Tuva (in % by column)

Сменить место жительства...	2010 г.			2014 г.			2023 г.		
	Все респонденты	Из них		Все респонденты	Из них		Все респонденты	Из них	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские		тувинцы	русские
хотели бы	32,5	27,6	48,4	37,3	35,2	50,0	30,4	27,9	48,1
не хотели бы	57,5	62,6	39,8	48,8	50,9	40,0	51,9	54,4	36,5
затруднились с ответом	10,0	9,8	11,8	13,9	13,9	10,0	17,7	17,7	15,4

* Данные опросов автора 2010, 2014 и 2023 гг.

В ходе анализа данных опроса населения 2023 г. определено, что группа «готовых к миграции» жителей Тувы состоит в основном из занимающих высокое место по уровню доходов и образованию (51,6%) и имеющих низкий уровень доходов при значительном стаже и опыте работы (38,4%). Несклонные к миграции жители в большинстве (57%) имеют средние душевые доходы на уровне прожиточного минимума. Результаты изучения особенностей миграционных настроений жителей Тувы могут использоваться органами исполнительной власти при прогнозировании интенсивности миграции и качественного состава мигрантов. Готовность к миграции рассматривается нами как адаптационная практика, которой присущи как положительные, так и отрицательные черты (Балакина, 2023: 199). Мы согласны с А. В. Каравай, что современные вызовы и «жизненные ситуации подталкивают человека к перемещению в другую институциональную среду, ассоциирующуюся для россиян с переездом на новое место жительства» (Каравай, 2019: 142).

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что жители Тувы в целях приспособления к социальным трансформациям действуют рационально в поле сформированных возможностей. Основными триггерами ситуации выбора адаптационной практики, как и в целом по России, выступают уровень образования и квалификации, доходов, накопленные активы, состав семьи. Нами отмечено, что одним из побудительных мотивов трудовой миграции становится необходимость погашения взятых кредитов. Жители республики с низкими доходами вынуждены либо бездействовать, либо выбирать малоэффективные адаптационные практики (рост долговой нагрузки, производство продуктов питания, выращивание овощей для себя).

Для представителей этнических групп Тувы схожим является то, что неблагоприятное соотношение жизненных шансов и рисков формирует установки на внутреннюю миграцию и выезд из Тувы. Особенным для общности коренного этноса становится установка на временный выезд из республики с целью получения работы при сохранении родственных тесных связей и намерении возвращения на родину после решения материальных проблем (погашения кредита, покупки недвижимости, скота) с

помощью заработков в других регионах. Также треть тувинцев, желающих сменить место жительства, рассматривают возможность переезда внутри республики: в другой город или сельскую местность Тувы. Специфика миграционных настроений русских заключается в следующем: большинство предполагающих уехать не собираются возвращаться в Туву, намерены трудоустроиться в других регионах и воссоединиться с переехавшими ранее и / или живущими на исторической родине родственниками.

Неравномерность распределения материальных ресурсов между социальными группами, дифференциация материального благополучия могут стимулировать рост социальной напряженности, порождать социальную апатию, стимулировать следование практикам выживания, ожидания лучших времен, которые вряд ли могут быть отнесены к социально успешным. Значительная доля жителей, выбирающих пассивные практики, позволяет сделать вывод о том, что адаптивный потенциал социума региона недостаточен для обеспечения высоких темпов трансформации, а сами темпы и характер трансформаций отрицательно сказываются на социальном самочувствии населения, порождают снижение уверенности в своем будущем и высокую склонность к миграции.

Результаты исследования адаптационных практик позволяют определить контур поля социально успешных моделей приспособления, к которым можно отнести высокоактивные и мобилизующие практики. Особую часть адаптационных практик составляет вынужденная трудовая миграция, которая, с одной стороны, позволяет решить проблему материального обеспечения жителей при ряде социальных потерь, с другой — обуславливает снижение качества трудовых ресурсов Тувы, человеческого потенциала региона.

Благодарности

Автор благодарит жителей республики, ответивших на вопросы анкеты. Выражаю признательность сотрудникам Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) за помощь в проведении анкетирования населения Тувы, лично О. Д. Натсак за профессиональное руководство опросом жителей и Ч. Б. Даржаа за оцифровку данных и расчеты с применением программ SPSS. Благодарю анонимных рецензентов, замечания которых помогли уточнить формулировки по тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Аксютин, Ю. М. (2022) Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтая в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 150–169. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Аникин, В. А. (2018) Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4 (146). С. 39–67. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Балакина, Г. Ф. (2016) Этносоциальные особенности адаптации населения Республики Тыва к рыночной экономике // Регион: экономика и социология. № 4 (92). С. 176–195. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20160408>

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина, Г. Ф. (2023) Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 193–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск : Наука. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН. 160 с.

Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Волков, Ю. Г., Бинеева, Н. К., Посухова, О. Ю., Сериков, А. В. (2017) Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. Т. 8, № 2 (21). С. 71–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.456>

Горшков, М. К. (2019) О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. № 11. С. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>

Каравай, А. В. (2019) Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. Т. 17, № 3. С. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Лежнина, Ю. П. (2019) Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. Т. 17, № 2. С. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222>

Мареева, С. В. (2018) Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (148). С. 365–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>

Попов, Д. С. (2020) Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода // Социологические исследования. № 11. С. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010466-5>

Попова, С. М., Яник, А. А., Кашепов, А. В. (2023) Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации // Новые исследования Тувы. № 2. С. 17–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2>

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 (2022) : стат. сб. М. : Росстат. 1122 с.

Самба, А. Д.-Б. (2022) Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 135–149. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Тихонова, Н. Е. (2018) Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования, № 6 (410). С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>

Тощенко, Ж. Т. (2020) Прекарная занятость — феномен современной экономики // Социологические исследования. № 8. С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009904-7>

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Allen, K. R., Henderson, A. C. (2016) Family theories: Foundations and applications. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. 272 p.

Beck, U. (2009) World at risk. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press. viii, 269 p.

Bengtson, V. L., Allen, K. R. (1993) The life course perspective applied to families over time // Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach / ed. by P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz. New York : Springer. xxvi, 748 p. P. 469–498.

Berk, R. A. (1980) The new home economics: An agenda for sociological research // Women and household labor / ed. by S. F. Berk. Beverly Hills, CA : Sage. 295 p. P. 113–148.

Coleman, J. S. (1986) Social theory, social research, and a theory of action // American Journal of Sociology. Vol. 91, no. 6. P. 1309–1335.

Elder, G. H. Jr., Caspi, A. (1990) Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations // Studying persons and lives / ed. by A. I. Rabin, R. A. Zucker, R. A. Emmons, S. Frank. New York : Springer Publishing Co. xv, 349 p. P. 201–247.

Giddens, A. (1973) The class structure of the advanced societies. London : Hutchinson. 336 p.

Hareven, T. K. (1991) The history of the family and the complexity of social change // The American Historical Review. Vol. 96, no. 1. P. 95–124. DOI: <https://doi.org/10.2307/2164019>

Moen, P., Wethington, E. (1992) The concept of family adaptive strategies // Annual Review of Sociology. Vol. 18, no. 1. P. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.001313>

Narotzky, S., Besnier, N. (2014) Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An introduction to supplement 9 // Current Anthropology. Vol. 55, no. S9. P. S4–S16. DOI: <https://doi.org/10.1086/676327>

Popova, D., Pishniak, A. (2017) Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia // *Social Indicators Research*. Vol. 130, no. 3. P. 883–910. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1231-7>

Saraceno, C. (1989) The concept of family strategy and its application to the family-work complex: Some theoretical and methodological problems // *Marriage & Family Review*. Vol. 14, no. 1–2. P. 2–18. DOI: https://doi.org/10.1300/J002v14n01_01

Scott, J. (2002) Social class and stratification in late modernity // *Acta Sociologica*. Vol. 45, no. 1. P. 23–35.

Sen, A. (1992) *Inequality reexamined*. New York : Russell Sage Foundation. xiv, 207 p.

Weber, M. (1978a) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : [in 2 vols.] / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley : University of California Press. Vol. 1. cx, 640 p.

Weber, M. (1978b) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : [in 2 vols.] / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley : University of California Press. Vol. 2. xxxii, 641–1469, lxiv p.

Дата поступления: 30.08.2023 г.

Дата принятия: 13.09.2023 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Abylkalikov, S. I., Baimurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Migratsiia naseleniia v Tuve po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda [Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 2020]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Aksiutin, Yu. M. (2022) Sotsial'nyi kapital respublik Tyva, Khakasii i Altaia v otsenkakh i predstavleniiakh zhitelei regionov (po dannym massovykh oprosov 2013 i 2018 gg.) [Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 150–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Anikin, V. A. (2018) Sotsial'naia stratifikatsiia po zhiznennym shansom: popytka operatsionalizatsii dlia massovykh oprosov [Social stratification based on life chances: Operationalization for mass surveys]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 4 (146), pp. 39–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>

Akhmetova, G. F. (2022) Migratsionnye protsessy v natsional'nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia chelovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: The cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Balakina, G. F. (2016) Etnosotsial'nye osobennosti adaptatsii naseleniia Respubliki Tyvy k rynochnoi ekonomike [The Tuva Republic population adaptation to the market economy and its ethno-social peculiarities]. *Region: Economics & Sociology*, no. 4 (92), pp. 176–195. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20160408>

Balakina, G. F. (2022) Riski razvitiia chelovecheskogo potentsiala etnicheskikh obshchnostei Respubliki Tyva (1999–2021 gg.) [Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Balakina, G. F. (2023) Adaptatsionnye strategii naseleniia Respubliki Tyva: problemnoe pole issledovaniia i mneniia ekspertov [Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 193–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: Sociocultural and ethnic processes] / ed. by Z. I. Kalugina. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva] / ed. by L. V. Korel. Kyzyl, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS. 160 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. and Turakayev, M. S. (2022) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala v respublikakh Rossiiskoi Federatsii (po rezul'tatam oprosa ekspertov v Dagestane i Tuve) [Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Volkov, Yu. G., Bineeva, N. K., Posukhova, O. Yu. and Serikov, A. V. (2017) Sotsial'nye nastroyeniia i adaptivnye praktiki zhitelei Rostovskoi oblasti v kontekste rossiiskoi povsednevnosti v usloviakh krizisa [The social attitudes and adaptation practices of people living in Rostov province within the context of everyday Russian life during crisis]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 8, no. 2 (21), pp. 71–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.456>

Gorshkov, M. K. (2019) O sotsial'nykh rezul'tatakh postsovetских transformatsii [Social outcomes of the post-Soviet transformations]. *Sociological Studies*, no. 11, pp. 3–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>

Karavay, A. V. (2019) Osnovnye modeli sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii v raznykh stratakh rossiiskogo obshchestva [Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society]. *Terra Economicus*, vol. 17, no. 3, pp. 128–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: A survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Lezhnina, Yu. P. (2019) Riski i vozmozhnosti rossiian kak baza sotsial'noi dinamiki [The risks and capabilities of Russians as a base for social dynamics]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 207–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222>

Mareeva, S. V. (2018) Zhiznennye shansy zhiteli stolits i provintsiiv v massovom soznanii [Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 6 (148), pp. 365–385. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>

Popov, D. S. (2020) Chelovecheskii kapital v Rossii: tochnost' izmereniia i ogranicheniia podkhoda [Human capital in Russia: Measurement accuracy and limitations of the method]. *Sociological Studies*, no. 11, pp. 27–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010466-5>

Popova, S. M., Yanik, A. A. and Kashepov, A. V. (2023) Osobennosti funktsionirovaniia i pravovogo regulirovaniia rynka truda Respubliki Tyva v usloviakh pandemii COVID-19 i tsifrovoi transformatsii [Features of functioning and legal regulation of the labor market in the Republic of Tuva under conditions of the COVID-19 pandemic and digital transformation]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 17–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2>

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022 [Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2022] (2022) : A statistical digest. Moscow, Rosstat. 1122 p. (In Russ.).

Samba, A. D.-B. (2022) Retrospektivnyi analiz formirovaniia sotsial'no-professional'noi struktury naseleniia Respubliki Tyva [Retrospective analysis of the development of the social and professional structure of the population in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 135–149. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Tikhonova, N. E. (2018) Stratifikatsiia po zhiznennym shansom massovykh sloev sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society]. *Sociological Studies*, no. 6 (410), pp. 53–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>

Toschenko, Zh. T. (2020) Prekarnaia zaniatost' — fenomen sovremennoi ekonomiki [Precarious employment is a phenomenon of the modern economy]. *Sociological Studies*, no. 8, pp. 3–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009904-7>

Chernyshev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Masshtaby i napravleniia obrazovatel'noi migratsii tuvinskoi molodezhi [Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Allen, K. R. and Henderson, A. C. (2016) *Family theories: Foundations and applications*. Hoboken, NJ, John Wiley & Sons. 272 p.

Beck, U. (2009) *World at risk*. Cambridge, UK ; Malden, MA, Polity Press. viii, 269 p.

Bengtson, V. L. and Allen, K. R. (1993) The life course perspective applied to families over time. In: *Sourcebook of family theories and methods: A contextual approach* / ed. by P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm and S. K. Steinmetz. New York, Springer. xxvi, 748 p. Pp. 469–498.

Berk, R. A. (1980) The new home economics: An agenda for sociological research. In: *Women and household labor* / ed. by S. F. Berk. Beverly Hills, CA, Sage. 295 p. Pp. 113–148.

Coleman, J. S. (1986) Social theory, social research, and a theory of action. *American Journal of Sociology*, vol. 91, no. 6, pp. 1309–1335.

Elder, G. H. Jr. and Caspi, A. (1990) Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations. In: *Studying persons and lives* / ed. by A. I. Rabin, R. A. Zucker, R. A. Emmons, S. Frank. New York, Springer Publishing Co. xv, 349 p. Pp. 201–247.

Giddens, A. (1973) *The class structure of the advanced societies*. London, Hutchinson. 336 p.

Hareven, T. K. (1991) The history of the family and the complexity of social change. *The American Historical Review*, vol. 96, no. 1, pp. 95–124. DOI: <https://doi.org/10.2307/2164019>

Moen, P. and Wethington, E. (1992) The concept of family adaptive strategies. *Annual Review of Sociology*, vol. 18, no. 1, pp. 233–251. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.001313>

Narotzky, S. and Besnier, N. (2014) Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An introduction to supplement 9. *Current Anthropology*, vol. 55, no. S9, pp. S4–S16. DOI: <https://doi.org/10.1086/676327>

Popova, D. and Pishniak, A. (2017) Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia. *Social Indicators Research*, vol. 130, no. 3, pp. 883–910. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1231-7>

Saraceno, C. (1989) The concept of family strategy and its application to the family-work complex: Some theoretical and methodological problems. *Marriage & Family Review*, vol. 14, no. 1–2, pp. 2–18. DOI: https://doi.org/10.1300/J002v14n01_01

Scott, J. (2002) Social class and stratification in late modernity. *Acta Sociologica*, vol. 45, no. 1, pp. 23–35.

Sen, A. (1992) *Inequality reexamined*. New York, Russell Sage Foundation. xiv, 207 p.

Weber, M. (1978a) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : in 2 vols. / ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley, University of California Press. Vol. 1. cx, 640 p.

Weber, M. (1978b) *Economy and society: An outline of interpretive sociology* : in 2 vols. / ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley, University of California Press. Vol. 2. xxxii, 641–1469, lxiv p.

Submission date: 30.08.2023.

Acceptance date: 13.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.19

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков)

Михаил А. Бредис, Сюэ Бохао,

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье приводится анализ тувинских фразеологических единиц и фольклорных текстов с числовым компонентом «чеди» (семь). Цель исследования — рассмотрение символики нумератива «чеди» во фразеологии разных разрядов и фольклорных текстах в тувинском языке (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков). Выбор числа обусловлен тем, что оно имеет особое значение не только для тувинской, но и для других рассматриваемых лингвокультур. Особое положение число семь имеет в китайской лингвокультуре. Исследование проведено на материале ФЕ, в том числе паремий, и примеров из фольклорных текстов из авторской картотеки, извлеченных путём сплошной выборки из лексикографических источников тувинского, хакасского, алтайского, монгольского, бурятского, калмыцкого и китайского языков.

Фольклорные тексты и ФЕ тувинской лингвокультуре в большинстве своем основаны на символике числа «чеди», а также его сакральном характере. Это число отражает мифологизированные представления тувинского народа о времени и пространстве, также выражая понятие множественности, большого количества, и по символике соотносится с числом «тос» (девять). Большое сходство в символике числа семь обнаруживается с лингвокультурами рассматриваемых тюркских и монгольских народов, что объясняется родством тюркских и монгольских языков в рамках алтайской макросемьи языков, особенностями общей истории и лингвокультурным трансфером тувинцев, монголов и бурят. Большое влияние оказал буддизм с его символикой. Более сильным число семь является у монгольских народов. Высказано предположение, что символика числа семь связана также с математикой, ведь семь — самое большое простое число в первом десятке.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинский фольклор; тюркские языки; монгольский язык; китайский язык; символика числа; числовой код; фразеология; паремиология

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов.

Для цитирования:

Бредис М. А., Сюэ Б. Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 274-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

Сюэ Бохао — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: xuebohao1997@yandex.ru

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Researcher, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: bredis-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

XUE, Bohao, Postgraduate student at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: xuebohao1997@yandex.ru

PHILOLOGY

Article

Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (in comparison with Turkic, Mongolian and Chinese languages)

Michail A. Bredis, Xue Bohao
RUDN University, Russian Federation

The article conducts an analysis of Tuvan phraseological units and folklore texts featuring the numerical component “chedi” (seven). The research endeavors to scrutinize the symbolism inherent in the numeral “chedi” within phraseological constructs across diverse categories and folklore narratives within the Tuvan linguistic framework, contextualized against the backdrop of several Turkic, Mongolian, and Chinese languages. The selection of the number is substantiated by its distinct significance not only within the Tuvan linguistic milieu but also within the broader spectrum of the linguacultures under consideration. Notably, the number seven holds a distinctive position within Chinese linguacultural contexts. The study is predicated on an examination of materials comprising phraseological units, including proverbs, as well as instances extracted from folklore texts residing in the author’s database. These materials were methodically derived through a comprehensive sampling methodology drawn from lexicographical sources encompassing Tuvan, Khakas, Altai, Mongolian, Buryat, Kalmyk, and Chinese languages.

Folklore narratives and phraseological units within the Tuvan linguacultural domain predominantly derive their thematic essence from the symbolism encapsulated in the number “chedi”, coupled with its sacrosanct character. This numerical representation encapsulates mythologized perspectives held by the Tuvan populace concerning temporal and spatial dimensions, concurrently expressing the conceptual underpinning of multiplicity, abundance, and symbolically aligning with the numerical counterpart “tos” (nine). A discernible congruence in the symbolism of the numeral seven emerges with the linguacultural milieus of the scrutinized Turkic and Mongolian ethnic groups. This affinity is explicable through the inherent relationship among Turkic and Mongolian languages within the Altaic language family, coupled with shared historical trajectories and the linguacultural transference characterizing the Tuvan, Mongol, and Buryat communities. The pervasive influence of Buddhism, along with its symbolic lexicon, is duly acknowledged. Notably, the numerical significance of seven assumes a heightened status among Mongolian ethnicities. A conjecture posited within the study posits that the symbolic representation of the numeral seven is intricately connected with mathematical considerations, as seven represents the largest prime number within the initial decadal sequence.

Keywords: Tuvan language; Tuvan folklore; Turkic languages; Mongolian language; Chinese language; numerical symbolism; numerical code; phraseology; paremiology

Financing

The publication was carried out within the framework of project B.2-A/S2022 of the Grant Support System for Scientific Projects of the Peoples’ Friendship University of Russia.

For citation:

Bredis M. A. and Xue B. Simvolika chisla sem’ v tuvinskoi lingvokul’ture (na fone riada tiurkskikh, mongol’skikh i kitaiskogo iazykov) [Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (in comparison with Turkic, Mongolian and Chinese languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 274-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>

Введение

В лингвокультуре нумеративы играют важную роль, будучи компонентами числового кода культуры. Числительные и слова, которые обозначают количество, образуют числовой код культуры, культурные смыслы которого отражаются во фразеологии языка. Во фразеологизмах нумеративные компоненты, помимо прямой семантики, имеют семантику символическую, «уходящую корнями в древние толщи магических осмыслений Числа» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 204), что входит в круг исследуемых проблем ряда учёных.

Нумеративная лексика как компонент числового кода лингвокультуры в тувинском фольклоре и фразеологии изучена в настоящее время ещё недостаточно. Один из соавторов уже начал работу по этой теме, обосновав проблему и проанализировав некоторые нумеративы (Бредис и др., 2022; Бредис,

Новоспасская, 2023; Бредис, 2023). В частности, это касается паремий как разновидностей фразеологизмов, поскольку, по мнению Е. Е. Иванова и его соавторов, ни одна из «дифференцированных на разных основаниях групп лексических компонентов тувинских пословиц и поговорок не имеет своего полного синхронического освещения (ни в описательном, ни в сопоставительном плане)» (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 49). На наш взгляд, в сопоставительном плане важно выявить не столько специфические компоненты фразеологизмов (в том числе паремий), сколько общее для разных лингвокультур, и уже с учётом общего описывать специфику, что подтверждают новейшие исследования тувинских паремий на фоне различных языков (Бредис, Иванов, 2022; Зиновьева, Алёшин, 2022; Иванов, 2022; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022; Петрушевская, 2022).

Целью работы является рассмотрение символики нумератива *чеди* 'семь' как компонента числового кода культуры в фольклорных текстах и фразеологии тувинского языка (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) и выявление особенностей употребления этого числа. Для исследования из фольклорных произведений выбраны героический эпос и народные сказки. Из фразеологических фондов выбранных языков рассматривались идиомы и паремии как наиболее частотные и употребляемые устойчивые единицы. Выбор числа *чеди* обусловлен его заметной ролью в лингвокультуре тувинцев. Это число носит сакральный характер не только в тувинской, но и в других тюркских культурах Саяно-Алтая, а также в монгольской культуре. Определённой сакральностью семь обладает в китайской лингвокультуре. Кроме того, в задачи входит выявление универсальных и специфических характеристик бытования числа *чеди* в фольклоре и фразеологии тувинцев в сопоставлении с другими рассматриваемыми лингвокультурами.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая тувинские (42), хакасские (56), алтайские (134), монгольские (35), бурятские (82), калмыцкие (236) и китайские (32) фразеологические единицы (ФЕ) и примеры из фольклорных текстов, включающие в себя компонент-нумератив *семь* (617 единиц). Материал отбирался приёмом сплошной выборки из авторитетных словарей и сборников из области фразеологии разных разрядов и фольклорных текстов¹, относящихся к рассматриваемым лингвокультурам, а также ряда монографий и статей.

Методологической базой исследования стали научные работы, в которых в разных аспектах описывается числовой код культуры во фразеологии и фольклоре (Гармаева, 2008; Нам, 2016; Бредис,

¹ Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоконова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961; Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020; Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т. : ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.10.2023); Большой китайско-русский словарь. Главная страница [Электронный ресурс] // БКРС. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения 05.09.2023); Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019; Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Джангар — Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009; Хыйга сôs: сиспектер, сôsпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021; Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011; Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001; Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997; Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994; Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари : около 1500 фразеологизмов / сост. Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Хыйга сôs: сиспектер, сôsпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021.

Ломакина, Мокиенко, 2021; Бредис и др., 2022; Бредис, 2023; Бурькин, 2004; Мижит, 2010; Пюрбеев, 2015; Чугунеева, 2019ab), этнокультурные особенности традиций, мифологии и фольклора тюркских, монгольских и китайского народов (Бабуева, 2001; Бурькин, 2020; Жуковская, 2002; Кенин-Лопсан, 2021; Курбатский, 2001; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022; Ойноткинова, 2021; Самдан, 2016; Субракова, 2005, Титаренко, 2007), новые работы по теории паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021), по теории лингвокультурного сопоставления паремий (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Иванов, 2022). В исследовании использован описательный метод с элементами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа. Отобранный материал анализировался в соответствии с семантикой и образностью компонентов, связанных с числом семь, при необходимости добавлялся лингвокультурологический комментарий. При сопоставлении паремий учитывались их структурно-семантические модели, ключевые образы и значения.

Символика числа семь в тюркско-монгольском мире и в Китае

В числе тюркских нумеративов, несущих заряд традиционного символизма, число семь занимает видное место, наряду с другими почитаемыми числами первого десятка: три, четыре, семь, восемь, девять (Сравнительно-историческая ... , 2001: 580). О древности традиции сакрализации говорит тот факт, что в шаманских представлениях народов Сибири числа семь и девять относятся к важным факторам космогонии, антропогенеза, считаясь «строительным материалом» мироздания. Так, в представлении хакасов Верхний мир с его девятью небесами является обителью девяти творцов, а Нижний мир состоит из семи слоёв и управляется семью подземными божествами (Нам, 2016: 31). Символика числа семь у тюркских народов пронизывает многие сферы лингвокультур: мифологические представления, верования, родственные отношения, фольклор и фразеологию, обозначает обилие, полноту и совершенство событий (Сравнительно-историческая ... , 2001: 584). Кроме того, число семь символизирует определённый временной цикл в круговороте бытия (Нам, 2016: 32).

Большой степенью сакральности число *долоо(н)* 'семь' наделяется у монгольских народов. В кочевом мире монголов числа и выраженные числами наборы предметов и понятий, имеют символическое, ритуальное значение, связанное с определённой традицией (Жуковская, 2002: 165). Число семь по мощи символики у монгольских народов, где она получает магический характер, вероятно, превосходит силу числа семь у тюркских народов, где она сравнима с символикой числа три (Сравнительно-историческая ... , 2001: 585). В шаманизме бурят мы находим семь небесных кузнецов (Бабуева, 2001: 96). В алтайских шаманских текстах каждый из трёх миров — Нижний, Средний и Верхний — подразделяется ещё на семь слоёв — *жету кат*, у божеств Ульгена и Эрлика по семь сыновей, у Эрлика ещё семь дочерей (Ойноткинова, 2021: 295). Согласно шаманистическим представлениям калмыков, в загробном мире существует семь видов ада (*тамин долан орн*), предназначенных для кары грешников (Пюрбеев, 2015: 22). Вместе с буддизмом в монгольскую культуру пришли знания тибетской медицины и астрологии, где число семь приобретает космическое значение, связанное с семью планетами, семью цветами радуги, семью металлами, семью драгоценностями и пр. (Жуковская, 2002: 177).

В китайской лингвокультуре число 七 'семь' трактуется неоднозначно, кроме того, за этим числом стоят важные образы. С одной стороны, оно почитается китайцами и символизирует мужскую силу *ян*. По мнению Лю Дачао, число семь играет весьма важную роль и в китайской, и в мировой фольклористике, «поскольку имеет свойства 'космической цифры' и 'колдовское значение'» (цит. по Ди Яогуанг, 2016: 84). Своё влияние на восприятие символики числа семь оказывают и религиозные воззрения китайцев. В даосизме выделяется семь канонов, в буддизме говорится о семи буддах прошлого, семи рангах буддийских верующих. В конфуцианстве также говорится о семи канонах. Число семь является итогом Инь / Ян и У син (пять стихий) (там же: 84). В Древнем Китае выделялись семь светил (七星): Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Именно за семь дней происходит период обращения небесного цикла. Многие произведения китайской классической литературы начинаются с этого нумератива, например, 七谏 «Семь увещаний»¹, 七发 «Семь наставлений»² и пр. В Древнем Китае

¹ 七谏 [Электронный ресурс] // БКРС. URL: <https://dabkrs.com/slovo.php?ch=七谏> (дата обращения 05.09.2023).

² 七发 [Электронный ресурс] // БКРС. URL: <https://dabkrs.com/slovo.php?ch=七发> (дата обращения 05.09.2023).

существовали семь книг по военному искусству. Предметы повседневного спроса китайцы называют обобщённым названием 七件事 ‘Семь предметов первой необходимости’ (дрова, рис, масло, соль, соя, уксус, чай). В стране популярна детская игра 七巧板 — головоломка из семи частей. В китайской медицине существуют семь разрядов лекарственных средств (там же: 85).

С другой стороны, с числом семь связан обычай 七 ‘седьмин’, соблюдения траура по умершему в течение семи семидневных периодов, т. е. 49 дней, когда каждый седьмой день является поминальным. В китайской культуре число *семь* носит также отрицательный характер, и седьмой месяц года считается «злым» месяцем (恶月) (Хуан Цинхуа, 2010: 141).

Тувинская мифология и число *чеди*

В тувинской лингвокультуре число *чеди* ‘семь’ носит сакральный характер, часто встречаясь в мифологии и фольклоре. Сила символики числа *чеди* у тувинцев сопоставима с символикой числа *тос* ‘девять’, которая буквально пронизывает культуру и быт народа (Бредис, 2023), вероятно, несколько уступая последней. В своей лингвокультуре тувинцы имеют такие понятия, как *чеди чүзүн мал* ‘семь видов скота’ (наряду с *тос чүзүн мал* ‘девятью видами скота’), *чеди кезектиг мөргүл* ‘молебен из семи частей’, почитают *чеди эртине* ‘семь драгоценностей’ и др. Всё, что положено или нельзя делать человеку, распределяется в соответствии с семью периодами жизни тувинца (Кенин-Лопсан, 2021: 6). Существует правило, определяющее, что родственники до седьмого колена не могут жениться между собой. Традиционно тувинский мальчик в семь лет становился помощником отцу, семилетние мальчики и девочки всегда знали, как правильно входить в юрту и как себя вести в ней (Кенин-Лопсан, 2021: 19, 39). В тувинской топонимии число *чеди* символизирует множество, используя в значении ‘много’: в частности, гора с множеством вершин носит название *Чеди-Баштыг* ‘семиголовая’; река, протекающая в местности, где много сопок, называется *Чеди-Тей* ‘Семь холмов’; район, в котором много пресных и солёных озёр, — *Чеди-Хөл* ‘Семь озёр’ и т. п. (Кара-оол, 2019: 696–697).

С участием числа *чеди* у предков тувинцев сформировался астрономический термин *Чеди Хаан* ‘Семь Ханов’, или *Чеди Сылдыс* ‘Семь Звёзд’. Так называется созвездие Большой Медведицы, которое в тувинской культуре обладает сакральным статусом, почитается народом. По тувинским поверьям, это созвездие, главный ориентир в ночное время, наблюдает за всеми семью возрастами человека, охраняя людей и присматривая за спящими в юрте через дымовое отверстие (Кенин-Лопсан, 2021: 6, 49). О созвездии *Чеди Хаан* существует немало тувинских мифов. Так, тувинцы-тоджинцы считают, что когда-то жили семь ханов, которые не хотели выполнять повеления друг друга, говоря: *Мен хаан мен, чүве кылбас мен!* ‘Я — хан! Я ничего не буду делать’. С тех пор они так и сидят поодаль друг от друга на небе неподвижно (Орус-оол, 2020: 11–12). Согласно другому мифу, сначала существовало семь частей света, которыми правили семь ханов. Затем они объединились и стали семью звёздами-ханами (там же). Другое название Большой Медведицы у тувинцев *Долаан бурган* пришло из монгольского языка и буквально означает ‘Семь божеств’ (монг. *Долоон бурхан*). Тувинская культура на протяжении многих столетий испытывала монгольское влияние и заимствовала многие элементы монгольской культуры (Попов, Бурыкин, 2019; Шараяева, Айыжы, 2019). В молитве, обращённой к небу, упоминается именно это название созвездия в качестве божества (Кенин-Лопсан, 2021: 75). Интересно, что в тувинской культуре семь звёзд, семь божеств (монгольские *Долоон бурхан*) персонифицируются в одном божестве по имени *Долаан*, которое перед Новым годом на своём коне объезжает все аалы. Моление созвездию проходило почти в каждой семье с возжиганием лампадок и приглашением лам. Считалось, что одновременно с молитвой происходит и «угощение» созвездия (Монгуш, 1992: 92).

В монгольской лингвокультуре *Долоон бурхан* является самой популярной мифологической семёркой. Одновременно образ созвездия упоминается и в фольклоре, и в шаманской и буддийской мифологии. Монгольские буддисты обозначали семь звёзд созвездия именами Будды Шакьямуни, бодхисаттвы мудрости Маньчжушри и пяти будд созерцания (Жуковская, 2002: 177). По-другому это созвездие у монголов и бурят называется ‘Семь старцев’ (монг. *Долоон өвгэн*, бурятск. *Долоон үбгэд*). Существуют различные сюжеты монгольских и бурятских сказок о семи старцах. Обычно в монгольских мифах речь идёт о семи мужчинах, обладавших особенными способностями. Обозначение их как старцев объясняется следующим образом: «Так давно это было, что стали они старцами» (Бакаева, 2020: 664). Иногда ойраты именовали созвездие *Долоон марал* ‘Семь маралов’, что говорит о связи названия с охотничьей мифологией (там же: 661). В калмыцкой культуре Большая Медведица также почитается

как созвездие, отпускающее грехи. Согласно народному поверью, грехи будут отпущены, если семь раз произнести: *Долан одн, Долан бурхн, дола дэч давтад келхлэ — килнц уга* 'Семь звезд, Семь бурханов, если повторить семь раз, то исчезнут грехи' (там же: 664).

В алтайской и хакасской лингвокультурах Большая Медведица также связана с числом *семь*: хакас. *Четиген (Чети чылтыс)* 'Семь Ханов (Семь звёзд)', алтайск. *Јети Каан* 'Семь Ханов'. Мифы хакасов и алтайцев об этом созвездии имеют сходные с тувинским сюжеты. В алтайских мифах семь звёзд — это семь братьев, сыновей хана, которых Кудай превратил в звёзды из-за их лени, или же они сами поднялись в небо, так как не делали ничего, даже готовую пищу не могли есть, говоря: *Мен — каан, мен — каан* 'Я — хан, я — хан' (Ойноткинова, 2021: 378). Согласно хакасскому мифу, звёзды Большой Медведицы были семью братьями-ханами, а Плеяды (*Улгер*) были семью сёстрами, дочерьми Хана Читетей, жившими на берегу озера у подножия горы Чити-хыс 'Семь дев'. После похищения братьями одной из дочерей Хан Читетей пригвоздил убежавших братьев своей стрелой к небу. Стрела стала Полярной Звездой (*Хан Читетей угы*), и вокруг неё вечно крутятся семь братьев (там же: 382).

В китайской лингвокультуре число 七 (ци, 'семь') также связано с созвездием Большой Медведицы — Северным Ковшом. Другое название созвездия — 七星 'Семь звёзд'. Согласно даосской мифологии, семь звёзд Северного Ковша — это одновременно семь духов, которые властвуют над судьбами людей, их жизнью и смертью. Само изображение Северного Ковша в Китае почиталось магическим, обладавшим способностью отворачивать злых духов (Иксарова, 2021: 8). Кроме того, в мифологических представлениях китайцев существовал волшебный «меч семи звёзд» (七星劍) (там же). С семёркой связано также название созвездия 七公 — Цигун, 'Семь государей' (созвездие из четырёх звёзд созвездия Геркулес и трёх звёзд созвездия Волопас) (Ди Яогуанг, 2016: 85).

Как видим, символика числа семь в мифологии тувинцев обнаруживает большое сходство по своей значимости в рассматриваемых лингвокультурах, что объясняется родством тюркских языков и тюрко-монгольской общностью, а также определяется астрономическими реалиями (созвездие *Чеди Хаан* представляет собой хорошо видимое глазу множество из семи звёзд). В этом символика числа семь сближается с китайской.

Эпическое представление числа семь

В тувинских фольклорных текстах (героических сказаниях и сказках) встречаются различные объекты и события, описанные с помощью числа *чеди*. Свою роль в сакрализации числа *чеди* сыграли мотивы как шаманизма, так и буддизма (Мижит, 2010: 168). В эпосе данное число определяет пространственный аспект, символизирует огромные, фантастические расстояния.

В тувинском героическом сказании «Хунан-Кара» главный герой говорит: *Бистиң черниң чарыжы болза / Ямбы дипти чеди долгандыр / Чарзыр чарыш болза, / Чаржыт болур ыйнаан....* 'Скачки же в нашем краю — / Семь раз Ямбы-дип обежать. / Вот ведь какие скачки'¹.

Число *чеди* выступает здесь частью гиперболического описания, дающего понятие о размахе скачек. Образ Ямбы-дипа (от санскр. Джамбудвипа) связан с буддизмом. Согласно воззрениям буддистов, Джамбудвипа — один из четырёх материков в мировом океане, которые располагаются вокруг горы мироздания Меру (Сумеру). В широком смысле это весь мир людей. Упоминание мифического материка Ямбы-дипа (у монгольских народов Замбатипа) играет в эпосе важную смысловую роль, сближая мир людей с другими мирами (Бурькин, 2020: 193). Одновременно мощной гиперболой является описание скачек, цель которых — семь раз обогнуть весь мир. Эпический размах, где число семь усиливает гиперболу. Ведь проскакать вокруг света один раз — невыполнимая задача, а тем более семь раз. В сказании о богатыре Хан Хулуке («Хан-Шилги аъттыг Хан-Хулук»), герой пересекает семь рек, семь долин, семь горных хребтов и находит семь пятнисто-бурых косуль (Мижит, 2010: 168). Число семь здесь, возможно, неслучайно. Ведь и космическая гора Сумеру в буддийской мифологии отделена от мира людей семью горными хребтами, семью озёрами. Символика числа семь переводит действие эпоса в сакральную плоскость. В сказании «Хунан Кара» встречается один из персонажей, который, придумывая новое испытание для героя, оценивает силы его коня: *Мооң кара богбазы / Чеди хемнин-даа*

¹ Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 210–211.

кайын кежиң, / Чеди артты-даа кайын ажар ‘Разве чёрному его стригунку / Семь рек пересечь? / Разве семь перевалов преодолеть?’¹. Согласимся с Э. Б. Мижитом в том, что в героических сказаниях речь идёт не просто о географии, а о мифическом, своего рода духовном путешествии героя (Мижит, 2010: 168).

Число семь также символ необыкновенной силы или волшебных атрибутов персонажей эпоса. Например, в сказании «Алдай-Буучу» необыкновенная гнедая кобылица, которая три года не могла ожеребиться, разбросала за это время в семь разных сторон семь чёрных скал (Гребнев, 1960: 35). В эпосе «Хунан Кара» атрибут ведьмы-ханши чылбыги — семь волков. Она неоднократно упоминается как *чеди бөрүнү эдерткен* ‘ведущая за собой семь волков’, в семи волках спрятана одна из душ силы Кара Көгел — хана, правителя шулбусов².

Следует отметить, что число *чеди* ‘семь’ в эпосе упоминается наряду с другими сакральными числами, прежде всего, с числом *тос* ‘девять’, которое в тувинских героических сказаниях встречается заметно чаще (Мижит, 2010: 168–169). Иногда *чеди* соседствует с *тос*, символизируя большое множество или большой отрезок времени. Так, в эпосе «Хунан Кара» главный герой угощает стражей: *Чеди дайзынны / Чеди чүүл чеми-биле чемгерип / Тос дайзынны / Тос чүүл чеми-биле / Доңгайты чемгерип* ‘Семь стражей [Хунан Кара] угостил / Семью видами угощений. / Девять стражей / Досыта угостил / Девятью видами угощений’³. Там же: *Чоок дизе, / Чеди чыл иштинден бээр / Келир боор мен, / Ырак дизе, / Тос чыл иштинден бээр / Келир боор мен* ‘Если близко, / Через семь лет / Я вернусь. / Если далеко, через девять лет / Я вернусь’⁴. Семь символизирует здесь определённый предел и как множество, и как отрезок времени. Но предел неокончательный, поскольку существует ещё больший предел — девять.

В тувинских народных сказках магическое число *чеди* очень популярно, о чём говорят, например, следующие названия сказок: «Чеди алышкы» («Семь братьев»); «Чаңгыс тевелиг Чаңгыс-Тас, чеди тевелиг Чеди-Тас» («Одинокий Тас с одним верблюдом и семь Тасов с семьёю верблюдами»); «Чеди оолдуг сааскан» («Сорока с семьёю птенцами»); «Адыш оюу хурүнелиг чеди күске» («Семеро мышей, живущие в норке-с-ладонь»)⁵. В сказках число семь также обозначает множество, определяет отрезки пространства и времени. В первой сказке семь братьев становятся созвездием Угер ‘Плеяды’. Одна фраза в сказке «Семь братьев» упоминает число *чеди* целых пять раз: *Чеди хемниң белдиринге, чеди оруктун белдиринге чеди алышкы сүмелешкеш, чеди хемче чеди чаңгыс ажылдап чоруур бооп чугаалажып туруптур* ‘У слияния семи рек семеро братьев посоветовались и решили, что каждый из семерых работать пойдёт — по одной из семи рек’⁶. Частое использование числа *чеди* в значении *полное множество* придаёт этой фразе особую образность.

В алтайских сказаниях, мифах и легендах символический круг понятий, связанных с числом *јети* ‘семь’, также распространяется на время и пространство, характеризует эпических персонажей. Так, чудовище *Дьелбеген* (тув. *Чылбыга*), когда охвачено яростью, становится семиголовым (*јети башту болор*), другой персонаж эпоса из Нижнего мира — *Јелбис-Бодо-Хан* описывается как чудовище с семьёю ответвлёнными головами (*јети айры башту*), также в алтайском эпосе «Маадай-Кара», который характеризуется довольно высокой частотностью употребления числа семь, фигурируют *јети бөрү* ‘семь волков’. Это духи земли, наряду с девятью воронами (Ойноткинова, 2021: 296). В легендах встречаются духи-хозяева Алтая — *Алтайдын јети ак зайсангы* ‘семь белых зайсанов Алтая’⁷. В целом, числа семь и девять у алтайцев конкурируют, прежде всего, когда речь идёт об описаниях трёх миров, о количестве слоёв и божеств (Ойноткинова, 2021: 297).

В хакасском фольклоре слово *читі* ‘семь’ используется для описания определённого множества, а также большого отрезка времени: *Таи чаиазында чир алтынау читі айна пахласчалар* ‘У подножия

¹ Там же. С. 188–189.

² Там же. С. 272, 284.

³ Там же. С. 158–159.

⁴ Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 188–189, 242–243.

⁵ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. С. 292, 332–333, 370, 372.

⁶ Там же. С. 292–293.

⁷ Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. С. 457.

горы, из-под земли семь чертей»; *Чити кенге читире полчадыр тойлары* 'Свадьба длится у них до семи дней' (Абумова, 2013: 5); *чити кунге читире кures турлар* 'семь дней борьбы'; *чити хурчи агар чаа* 'семь кругов вражеской армии' (Субракова, 2005: 102). В эпосе «Ай Хуучын» число *чити* символизирует совершенство достоинств героя: *Чити ирлик айнадаң / Чити артых Ай Хууңын, / Чити Чайаан Худайдаң / Тиңнес тее парды Ай Хууңын* 'Богатырь Ай Хучин в семь раз / Лучше семи эрликов, / Богатырь Ай Хучин с семьей / Творцами-создателями почти сравнялся' (Субракова, 2005: 103). В этом же сказании *чити* характеризует ход эпического времени: *Чити чылга читкенче сагыпчатхайзың, алғаным. / Чити чыл иртібіссем, иртіп халғаным ол полгай* 'Семь лет будешь ждать конца сраженья, моя суженая, / Если за семь перевалит, значит я погиб' (там же).

В монгольском эпосе число *долоо(н)* 'семь' фигурирует довольно часто, характеризуя персонажей и большие отрезки времени: семь чиновников и семь ханских дочерей, семь волков, семь лет беременная служанка живёт в доме хозяина и др. (Жуковская, 2002: 176). Повтор как художественный приём широко встречается в фольклоре и отличается традиционностью (Ломакина, 2011: 67). Это число используется также для выражения неопределённого количества или полноты качества. В монгольском языке само слово *долоо(н)* имеет одно из значений 'множественный, бесчисленный'¹. В монгольских сказках можно встретить такие словосочетания с числом семь: семь дней и ночей, семь глотков воды, семь дакини (небесных дев), семь небесных коней, на семь лошадей станет толще (Жуковская, 2002: 176).

В бурятском эпосе «Гэсэр» эпический размах выражается при помощи числа *долоон* 'семь' в том, что главный герой поднимается в небо в течение семи суток (*долоон сүүдхэ*), велит работать в течение семи месяцев напролёт: *Долоон сэгээн парада / Хурхэн тамай малтуулна бэлэйл даа* 'Семь месяцев круглых / Копать он заставил поверхность ада'². Неоднократно в эпосе упоминаются семь божественных кузнецов (*долоон дархан*)³. Сакральная символика числа семь проявляется в описаниях, связанных с обрядами: *Газаан хани хархада / Долоо мориной толгой / Зухээтээ лэ байбал даа* 'На дворе, / На шестах / Семь голов лошадиных торчали'⁴. Слово *зухээтээ* этнически маркировано и не имеет эквивалента в русском языке. *Зухэли* — шкура с головой жертвенного животного, которую подвешивают на шесте в ходе шаманского обряда в качестве символа победы над злым духом⁵.

По сравнению с фольклором других рассматриваемых языков одним из наиболее частотных употребление числа *долан* 'семь' является в калмыцком эпосе «Джангар». Оно встречается в тексте 202 раза⁶, что говорит о важности его символики в лингвокультуре калмыков. Сакральность числа *долан* обнаруживается в эпосе в таких выражениях, как *дордин долан орн* 'семь стран преисподней (Нижнего мира)', *долан там* 'семь адов', *долан нарни герл* 'свет, сияние семи солнц', *долан цаһан майд* 'семь белых (священных) верблюдов', *долан давхр ширмин хал* 'семь языков испепеляющего огня (пламени)' (Пюрбеев, 2015: 91). Число *долан* усиливает гиперболу, описывающую необыкновенный ослепительный свет, исходивший от меча богатыря Хонгора: меч излучал свет в семь раз ярче, чем солнечный (*герльнь нарни герлэс долан давхр үлү*) (там же: 66). Упоминается в калмыцком эпосе и символика числа *долан* в отношении к родству 'до седьмого колена': *чамаг угичн долан үйдчн таслад... удл уга эн өшәһән авх* 'уничтожит тебя и твой род до седьмого колена и не замедлит отомстить'⁷. В эпическом мире «Джангара» число семь связано с древними традициями и обрядами. Так, в подтверждение клятвы Бёке Цаган семь раз целует лезвие своего булатного меча (*догшин хар селмин ир дола дэжж долав*) и трижды кланяется, прикасаясь к серебряному ханскому столу (Пюрбеев, 2015: 71). Число *долан* используется в гиперболическом описании недюжинной силы растущего богатыря: *Долодгч насндан*

¹ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

² Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961. С. 78, 179.

³ Там же. С. 37, 59, 97.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ Джангар — Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; даврга ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 106.

⁷ Там же.

долан бээрин ам эвдгсн 'В своём семилетнем возрасте разрушил он семь крепостей'¹. В отношении расстояний и времени пути число *долан* и производное от него *дөчн йисн* 'сорок девять' встречаются в ткани повествования довольно часто, создавая большой масштаб расстояния или времени. Немало в тексте конструкций в виде *долан доландөчн йиснхонгт* 'семью семь сорок девять дней' — это долгий путь, достойный богатыря, также и битвы длятся семью семь сорок девять дней (Бурькин, 2004: 116). Видимо, *долан доландөчн йисн* — это особый художественный приём, гипербола, призванная впечатлить слушающих сказание. Встречается магическая семёрка и в народных сказках, символизируя, например, большой рост героя *долан алд* (семь саженей) или длительный период времени. Так, из калмыцких сказок о животных можно узнать о том, что волк, один раз поев, может продержаться семь дней. Ещё семь дней волк может продержаться на желании есть, и ещё семь дней — на воспоминаниях о запахе пищи (Басангова, 2019: 96, 170).

В китайской космогонии мужская сила возвращается через семь дней после убывания (七日来复) (Ди Яогуанг, 2016: 85). В китайской культуре особенно неблагоприятным считается день двух семёрок — 七七 (седьмое июля), в этот день нельзя играть свадьбы. При этом в этот же день отмечается традиционный Праздник влюблённых (七夕, букв. Циси — Семь вечеров), связанный с древней легендой о любви пастуха и ткачихи (созвездия Волопаса и Веги) (Ди Яогуанг, 2016: 85). Внучка небесного божества спустилась к людям и тайно вышла замуж за пастуха. За это она была заключена в небесную темницу. Ей было разрешено встречаться с мужем и детьми только один раз в году — седьмого июля. Теперь китайцы отмечают этот день как праздник влюблённых (Хуан Цинхуа, 2010: 141).

Таким образом, мы видим, что в тувинском фольклоре, как и в фольклоре других рассматриваемых лингвокультур, число семь играет заметную роль. При этом сопоставительный анализ показывает, что наиболее часто оно встречается в калмыцком эпосе.

Чеди в тувинской фразеологии

Число *чеди* находит своё отражение и в тувинских фразеологических единицах (ФЕ) в качестве числа-гиперболы, показателя высшей степени. В частности, известна такая ФЕ, как *Чеди өкпези (чеделээ) туруп кээр* (букв. Семь лёгких его (всемером) встанут) со значением 'сильно рассердиться, разгневаться'². В данном случае число *чеди* используется для выражения крайней степени гнева. В тувинском языке существуют ещё фразеологизмы со значением *разгневаться*, в которых роль органа злости играют именно лёгкие: *өкпези турар* 'букв. его лёгкое поднимется'; *өкпези хөөрээр* 'букв. лёгкие бурлят'; *өкпезин көргүзөр* 'букв. показывать свои лёгкие'; *өкпезин кызаңнадыр* 'показывать свои красные лёгкие'³. Число *чеди* в сочетании с *поднятием лёгких* многократно усиливает значение ФЕ. Надо отметить, что в данном фразеологизме число семь конкурирует с числом четыре, так как существует вариант *дөртөкпези дөртелээ турар* 'букв. четыре лёгких вчетвером поднимутся'⁴.

Число *чеди* выступает в значении 'много' в тувинской пословице о большом обманщике: *Алды арга, чеди мегелиг* '[У него] шесть хитростей, семь обманов' (Кара-оол, 2019: 696). При довольно активном участии числа *семь* в фольклоре и жизни тувинцев в опубликованных сборниках тувинских пословиц нам не удалось обнаружить других паремий с этим числом, кроме пословицы цэнгальских тувинцев, живущих в Монголии: *Чеди катан хемчээп, / Чаңгыс катан кес* 'Семь раз отмерив, / Один раз режь' (Цэнгальские тувинцы, 2020: 118). Эта пословица, вероятно, представляет заимствование монгольской паремии с той же семантической моделью: *Долоо хэмжиж, нэг огтло* 'Семь раз примерь, один раз отрежь' (Кульганек, 2017: 113).

Символика числа семь находит своё отражение в ФЕ и паремиях тюркских народов Саяно-Алтая. Сходное с тувинским правило о том, что люди перестают считаться родственниками на седьмом колене, зафиксирована в хакасской паремии *Чити төлге читире / Хыс алыспацаң* 'До седьмого поколения /

¹ Там же.

² Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари : около 1500 фразеологизмов / сост. Я. Ш. Хертек; под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С. 184.

³ Там же. С. 131, 132.

⁴ Там же. С. 77.

Нельзя сочетаться браком (с сородичами)¹. Родственные отношения нашли также отражение в хакасской и алтайской пословицах: хакас. *Читі паҗадаң күске дее хорыхпаан, / Ікі харыдастаң аба даа хорыххан* (Семи свояков даже мышь не боится, / Двух братьев даже медведь боится)²; алт. *Јети баја-дан јеекен де коркыбас, / Эки карындаштан айу да качар* (Семи свояков и росомаха не испугается, / От двух братьев и медведь убежит) (Ойноткинова, 2012: 227). В качестве образов семь свояков (более дальнее родство) сравниваются с двумя братьями. Свояки не настолько дружны, как братья. Поэтому, даже если их семеро, т. е. много, их не боятся мелкие звери (мышь, росомаха). Зато два дружных брата способны одолеть самого сильного в тайге зверя (медведя).

Образ росомахи в сочетании с нумеративом *семь* используется и в алтайской пословице: *Јеекен айдат деген: «Јети тууны эбирбезим, / Јеекен адым чыкпазын»* 'Росомаха сказала, говорят: «Семь гор не буду обходить, / Чтобы имя свое росомахи не ославить»' (Ойноткинова, 2012: 90). В образе росомахи высмеивается хвастливый человек. Семь гор метафорически представляют здесь очень большие расстояния.

О старинном обычае, связанном с родственными отношениями, напоминают алтайские паремии: *Јети јеең келзе, јети кой јиир, / Јети бөрү келзе, бирүни јиир* 'Придут семь племянников — семь овец съедят, / Придут семь волков — одну съедят'; *Јеенимкелгенче, јети бөрү келзе торт* 'Чем племяннику моему прийти — / Пусть лучше семь волков придут' (там же: 223). Для понимания данной пословицы необходим лингвокультурологический комментарий. Здесь выражено ироничное отношение к обычаю, согласно которому дядя по матери должен был дарить племяннику обязательный подарок — *баркы*. Если дядя скупился на подарок, то племянник имел право требовать *баркы* через зайсана, возглавлявшего род. Более того, у скупого дяди не считалось грехом даже украсть положенное (там же: 223). В этой пословице иронически описываются опасения дяди относительно того, что племянник может потребовать от него в дар гораздо больше, чем он рассчитывал подарить. Число *семь* здесь неслучайно: *јети бөрү* 'семь волков' символизируют непомерные аппетиты племянника в отношении обязательного подарка. Отголоски подобного обычая сохранились в более позитивной тувинской пословице, которая не содержит нумеративов: *Даг көргенде, бөрү омак, / Даай көргенде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, / А племянник рад, на дядю глядя'³. Интересно, что и в тувинской паремии используются образ волка, который радуется, глядя на свою родную гору, поросшую лесом. И понятно, почему радуется племянник, глядя на своего дядю по матери (Иванов, 2023: 249).

ФЕ в монгольских языках часто характеризуются использованием числа *долоо(н)* в качестве метафоры без сакральной составляющей, со значением неопределённо большого количества или полноты качества, например: монг. *долоо шархтан чоно шиг* 'опытный, осторожный; букв. как семь раз раненый волк'; *долоон уулын цаагуур* 'у чёрта на куличках; букв. за семью горами'⁴; бурятск. *долоон шонын хүлдэжэ үхэхөөр хүйтэн* 'холод, способный заморозить семерых волков'⁵; *досоомни долоон наран гараба* 'внутри у меня семь солнц взойшло'; *досоомни долоон нохой ухөө* 'внутри у меня семь собак умерли'; *долоон уулын с(ц)аагуур* 'букв. за семью горами — очень далеко' (Тагарова, 2011: 115); калмыцк. *дотрм долан нарн харсн мет болв; долан холас ус уусн күн* 'ловкач, человек, выдавший виды, букв. испивший воду семи рек'; *долан хаалһдеер бээх күн* 'на виду у всех, букв. у семи дорог'; *долан хаалһ деер үрглх* 'быть в полном неведении, оставаться неосведомлённым, букв. дремать у семи дорог'; *долан уулд бэг* 'путь останется при семи горах (о нежелательности чего-либо)⁶. Как видим, общим для монгольских ФЕ является образ семи гор как чего-то очень далёкого. Образ волка также встречается в ФЕ разных монгольских языков в сочетании с числом *семь*.

¹ Хыйҕа сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырҕастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 36.

² Там же. С. 125.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

⁴ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т. : ок. 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

⁵ Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020. С. 99.

⁶ Джангар — Би «Жанһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 204.

Число семь активно участвует в поговорках монгольских народов, символизируя множественность и определённый временной отрезок: монг. *Эр хүн долоо дордож, найм сэхдэг* 'Жизнь мужчины семь раз ухудшается, восемь раз улучшается' (Кульганек, 2017: 163); бурятск. *Дуугай хүн долоон аашатай, дунда нуур оёртоо шабартай* 'У тихони семь поступков на уме, у стоячего озера — грязь на дне'; *Нэгэ бүдэрхэн долоо бүдэрхэ* 'Единожды споткнувшийся — семь раз споткнется'¹; калмыцк. *Үүрәсн салхларн долан жыл уульдг, / Төрскнәсн салхларн жирһлин туршар уульдг* 'Расставшись с другом, плачут семь лет, / Расставшись с родиной, плачут всю жизнь'; *Доланас негнь керсү болдг* 'Из семерых один всегда хитроумный'; *Хойр сән иньг нег иргин арснд багтдг, / Хойр му иньг долан иргин арснд багтдг уга* 'Если два друга дружны, то устроятся на шкуре одного барана, / Если же два друга не дружны, то не поместятся и на шкуре семи баранов'².

Двойственность символики числа *семь* в китайской лингвокультуре порождает фразеологизмы, имеющие разные коннотации. Китайское число *семь* выражает крайнюю степень, предел чего-либо: 七窍生烟 (букв. 'Из всех отверстий повалил дым') означает 'сильно разгневаться, выйти из себя, метать громы и молнии'³, что сближает семантику этой ФЕ с тувинской, в которой также используется соматический образ в сочетании с нумеративом 'семь лёгких'. Также *семь* в китайской фразеологии означает большое количество 'много, хорошо и быстро': 倚马七纸 (букв. 'Опёрся на коня — и семь бумаг готовы'). Эта ФЕ имеет значение 'Писать быстро и талантливо'. В основе фразеологизма — предание о Юань Ху, который в походе по приказу начальника написал семь бумаг великолепным слогом, опираясь на бок коня (Ди Яогуанг, 2016: 85). Большое множество дел выражается с помощью ФЕ 七事八事 (букв. 'Семь вещей, восемь вещей') (там же). Отрицательный характер имеют чаще всего ФЕ, в которых число *семь* сочетается с числом *восемь*. Эти ФЕ часто выражают значение отсутствия порядка, путаницы и отрицательных характеристик: 乱七八糟 (букв. 'Семь путаниц, восемь неполадок') 'беспорядок, путаница, всё вверх дном'; 七颠八倒 'Семь — кувырком, восемь — вповалку'⁴; 七零八落 (букв. 'Семь кусочков, восемь падений') 'Рассыпаться в беспорядке; врассыпную; вдребезги'; 七上八下 (букв. 'Семь верх, восемь низ, семь раз подняться, восемь раз опуститься') 'Быть в смятении, растерянности, беспокойство'⁵. Когда говорят о слабом здоровье, используют фразеологизм 七病八痛 (букв. 'Семь болезней, восемь болей') (Хуан Цинхуа, 2010: 141). Таким образом, в китайской фразеологии отражается двойственное отношение китайцев к символике числа.

Подводя итог, отметим, что число *чеди* присутствует в тувинской фразеологии и поговорках, символизируя множественность, полноту, большие отрезки времени, выступая в качестве метафоры в ФЕ и поговорках. Обнаруживается сходство символики числа *семь* в алтайском, хакасском, монгольском, бурятском и калмыцком языках при определённых расхождениях в образности. В китайской фразеологии число 七 имеет двойственную символику, как положительную, так и отрицательную.

Заключение

Согласно проведённому лингвокультурологическому анализу, в тувинских эпических сказаниях, народных сказках и фразеологии заметно проявляется сакральный характер числа *чеди* 'семь', восходящий к мифологической космогонии, представлениям об устройстве мира, древнейшим астрономическим сведениям. Сакральность этого числа в ряде случаев связана с его символикой в буддизме, который исповедуют в Туве. В числовом коде тувинской лингвокультуры число *чеди* является сильным и символическим. Магическая семёрка в эпических произведениях в определённой степени конкурирует с числом *тос* 'девять', иногда соседствуя с ним, дополняя его и при этом уступая ему по частотности употребления. Число *чеди* выражает понятия большого количества, неопределённого множества, определённого периода времени, создавая метафоры, не всегда обладающие сакральным характером. В фольклорных текстах число *семь* создаёт символическую картину миру, а его сочетание с другими числами придаёт текстам особую образность.

¹ Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020. С. 101, 152.

² Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 274, 337, 353.

³ Готлиб О. М., Му Хауин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хауин. 2-е изд., стереотип. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 326.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 325.

Сопоставительный анализ выявил универсальные, общетюркские и этноспецифические образы в фольклоре и фразеологии рассматриваемых языков, связанные с магической семёркой. Символика и семантика числа *семь* у соседних с тувинцами тюрков, а также у монгольских народов обнаруживают большое сходство с тувинской лингвокультурой. Сходство объясняется общностью тюркских языков и более широкой тюрко-монгольской языковой общностью. Обнаружилось, что число *семь* более сильное у монгольских народов, что отражается в частотности его употребления. Например, в калмыцком эпосе «Джангар» число *долан* 'семь' упоминается более 200 раз. Символика и семантика числа *семь* в китайской лингвокультуре, с одной стороны, сходны с тувинскими во многих отношениях, с другой стороны, особенность китайских ФЕ с числом *семь* состоит в отрицательном характере значений, отмечающем негативные стороны жизни.

Кроме того, говоря об универсальной роли семёрки, можно говорить и о культурном трансфере между соседними народами — тувинцами, монголами и бурятами. Не исключается ещё один возможный фактор, объясняющий универсальность роли числа *семь* во всех рассматриваемых лингвокультурах, — это влияние математики, ведь семёрка является самым большим простым числом в первом десятке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абумова, О. Д. (2013) Числовая символика в русском и хакасском языках // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (6). С. 3–6.
- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Бакаева, Э. П. (2020) Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // Oriental Studies. Т. 13. № 3. С. 661–687. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687>
- Басангова, Т. Г. (2019) Животные в калмыцком фольклоре. Элиста : КалмГУ. 192 с. (На рус. и калм. яз.).
- Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–30. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской культуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.
- Бредис М. А., Новоспаская Н. В. (2023) Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>
- Бурыкин, А. А. (2004) Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. Вып. 3. С. 103–119.
- Бурыкин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
- Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Изд-во восточной литературы. 148 с.
- Ди Яогуанг (2016) Сопоставительный анализ устойчивых сочетаний с компонентом «семь — qī» в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 83–86.
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : учебное пособие. М. : Восточная литература. 247 с.
- Зиновьева Е. И., Алешин А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

- Иванов, Е. Е. (2022) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Иванов Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В. Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
- Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорах: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- Иксарова, М. Н. (2021) Место божеств Северного Ковша в китайской системе верований (на примере 北斗七真君) // Культурный код. № 3. С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2021-3-7-14>
- Кара-оол, Л. С. (2019) Числительные в топонимах Тувы // Oriental Studies. № 4. С. 691–706. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 248 с.
- Кульганек, И. В. (2017) Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб. : Петербургское Востоковедение. 184 с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.
- Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
- Ломакина, О. В. (2011) Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л. Н. Толстого) // Вопросы филологии. №. 2. С. 67–72.
- Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 149–172.
- Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве. Историко-этнографическое исследование. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.
- Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>
- Нам, Е. В. (2016) Роль числовой символики в шаманской космологии и в процессе коммуникации между мирами (на материалах сибирского региона) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 1 (65). С. 29–33.
- Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
- Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Ин-т филологии. 354 с.
- Ойноктинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.
- Орус-оол, С. М. (2020) Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы». 80 с.
- Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.
- Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>
- Попов, В. А., Бурькин, А. А. (2019) Калмыцкая терминология родства как отражение исторических связей и этнокультурных контактов Ойратского мира и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.1>
- Пюрбеев, Г. Ц. (2015) Эпос «Джангар»: Культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста : КИГИ РАН. 300 с. (На рус. и калм. яз.).
- Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001): 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Субракова, О. В. (2005) Сакральные числа хакасского эпоса // Чатхан: история и современность. Материалы II Международного симпозиума по чатханной музыке и горловому пению / науч. ред. Л. В. Анжиганова. Абакан : Хакасское книжное издательство. 112 с. С. 100–104.

Тагарова, Т. Б. (2011) К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. № 2 (37). С. 112–117.

Титаренко, М. Л. (2007) Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М. : Восточная литература. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. 869 с.

Хуан Цинхуа (2010) Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3. С. 138–144.

Цэнгэлские тувинцы: фольклор и литература (2020) / У. А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан; отв. за вып. У. А. Донгак. Новосибирск : Наука. 152 с.

Чугунекова, А. Н. (2019а) Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 10–2(37). С. 18–21.

Чугунекова, А. Н. (2019б) Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. Вып. 11. С. 432–436.

Шараева, Т. И., Айыжы, Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Дата поступления: 15.09.2023 г.

Дата принятия: 12.10.2023 г.

REFERENCES

Abumova, O. D. (2013) Chislovaia simbolika v russkom i khakasskom iazykakh [Numerical symbols in Russian and Khakass languages]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 2 (6), pp. 3–6. (In Russ.).

Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2020) Pochitanie Bol'shoi Medveditsy v srede oiratov i kalmykov: drevneishie predstavleniia i buddiiskie naplastovaniia. Chast' 2 [Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient Beliefs and Later Buddhist Additions. Part 2]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 3, pp. 661–687. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687>

Basangova, T. G. (2019) *Zhivotnye v kalmytskom fol'klore [Animals in Kalmyk folklore]*. Elista, KalmGU. 192 p. (In Russ. and Kalm.).

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoj lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Voprosy leksikografii*, no. 26, pp. 5–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/25/1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2021) Chislovoi kod rusinskoj kul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numerical code of the Rusyn culture (based on phraseological material)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Novospasskaya, N. V. (2023) Osobennosti upotrebleniia numerativa piat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Features of the use of the numeral five in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Burykin, A. A. (2004) Chisla v poetike «Dzhangara» [Numbers in the poetics of “Jangar”]. *Mongolovedenie*, issue 3, pp. 103–119. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2020) Buddiiskie motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buriatskikh epicheskikh proizvedenii i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

Garmaeva, A. E. (2008) Chislovaia simbolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [Numerical symbolism in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]*. Moscow, Vost. Lit. 145 p. (In Russ.).

Di Iaoguang (2016) Sopostavitel'nyi analiz ustoichivyykh sochetanii s komponentom «sem' — qi» v russkom i kitaiskom iazykakh [Comparative analysis of stable combinations with the “seven — qi” component in Russian and Chinese]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (59): in 3 parts. Part 2, pp. 83–86. (In Russ.).

Zhukovskaia N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii : Kul'tura. Traditsii. Simvolika [Nomads Of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, Eu. Eu. (2022) Semanticheskaia tipologiya tuvinskikh poslovits (empiricheskie i aksiologicheskie aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, Eu. Eu. (2023) Lingvokul'turologicheskie kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiia i metodika vyavleniia) [The ethnic character of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Iksarova, M. N. (2021) Mesto bozhestv Severnogo Kovsha v kitaiskoi sisteme verovaniia (na primere 北斗七真君) [The place of the deities of the Northern Ladle in the Chinese belief system (for example 北斗七真君)]. *Kul'turnyi kod*, no. 3, pp. 7–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2021-3-7-14>

Kara-ool, L. S. (2019) Chislitel'nye v toponimakh Tuvy [Numerals in Toponyms of Tuva]. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 691–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy; Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kul'ganek, I. V. (2017) *Mongol'skie poslovitsy i pogovorki. Issledovanie, perevod, kommentarii [Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 184 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiya: lingvokul'turologicheskie i lingvoaksiologicheskie potentsialy [Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Lomakina, O. V. (2011) Frazheologizmy i poslovitsy kak smyslovye dominanty khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniia L. N. Tolstogo) [Phraseological units and proverbs as semantic dominants of a literary text (based on the material of L. N. Tolstoy's works)]. *Voprosy filologii*, no. 2, pp. 67–72. (In Russ.).

Mizhit, E. B. (2010) Tuvinskaia traditsionnaia kosmologiya v geroicheskome epose [Tuvan Traditional Cosmology in the Heroic Epic]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172. (In Russ.).

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Lamaism in Tuva: a historical and ethnographic study]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Nam, E. V. (2016) Rol' chislovoi simboliki v shamanskoj kosmologii i v protsesse kommunikatsii mezhdu mirami (na materialakh sibirskogo regiona) [The role of numerical symbolism in shamanic cosmology and in the process of communication between worlds (based on materials from the Siberian region)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (65), pp. 29–33. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]*. Novosibirsk, In-t filologii. 354 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety [Mythological picture of the Altaians' world: concepts, motives, plots]*. Novosibirsk, IPTs NGU. 622 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2020) *Mify, legendy i predaniia tuvintsev-todzhintsev [Myths, legends and legends of the Tuvan-Todzhin people]*. Kyzyl, Detskii literaturnyi sait «Raduga Tuvy». 80 p. (In Russ.).

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / M. A. Bredis et al.; ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, J. A. (2022) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Popov, V. A. and Burykin, A. A. (2019) Kalmytskaia terminologiya rodstva kak otrazhenie istoricheskikh svyazei i etnokul'turnykh kontaktov Oiratskogo mira i tuvintsev [Kalmyk kinship terminology as a reflection of historical ties and ethnocultural contacts between the Oirat world and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.1>

Piurbeev, G. Ts. (2015) Epos «Dzhangar»: Kul'tura i iazyk (Etnolingvisticheskie etyudy) [The epic “Dzhangar”: Culture and language (Ethnolinguistic studies)]. Elista, KIGI RAN. 300 p. (In Russ. and Kalm.).

Samdan, Z. B. (2016) *Mif v fol'klornoj traditsii tuvintsev (formy bytovaniia, siuzhetnyi sostav, sistema personazhei) [Myth in the folklore tradition of Tuvinians (forms of existence, plot composition, character system)]*. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (2001) / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov et al. ; ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed., enlarged. Moscow, Nauka Publ. 822 p. (In Russ.).

Subrakova, O. V. (2005) Sakral'nye chisla khakasskogo eposa [Sacred numbers of the Khakass epic]. In: *Chatkhan: istoriia i sovremennost' [Chatkhan: History and modernity]*. Materials of the II International Symposium on Chathanna Music and Throat Singing / ed. by L. V. Anzhiganova. Abakan, Khakass Book Publishing House. 112 p. Pp. 100–104. (In Russ.).

Tagarova, T. B. (2011) K lingvokul'turologicheskomu opisaniiu buriatskikh frazeologicheskikh edinit s chislitel'nymi [To the linguoculturological description of Buryat phraseological units with numerals]. In: *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Issue Filologiya, istoriia, vostokovedenie*, no. 2 (37), pp. 112–117. (In Russ.).

Titarenko, M. L. (2007) *Dukhovnaia kul'tura Kitaia [Spiritual Culture of China] : an encyclopedia : in 5 vol. / ed. by M. L. Titarenko. Moscow, Vostochnaia literatura. Vol. 2. Mifologiya. Religiya / ed. by M. L. Titarenko et al. 869 p. (In Russ.).*

Khuan Tsinkhua (2010) Simpatii i antipatii k chislam v russkoi i kitaiskoi kul'turakh [Sympathy and antipathy to numbers in Russian and Chinese cultures]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 3, pp. 138–144. (In Russ.).

Tsengel'skie tuvinty: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: Folklore and literature] (2020) / U. A. Dongak et al., ed. by G. Zolbaier and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019a) Simvolika chisel v khakasskoi i tuvinskoi paremiologii [Symbolism of numbers in Khakass and Tuvan paremiology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2(37), pp. 18–21. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019b) Simvolika chisel v khakasskom i tuvinskom iazykakh (na materiale fol'klornykh tekstov) [Symbolism of numbers in the Khakass and Tuvan languages (based on folklore texts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12, issue 11, pp. 432–436. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. and Aiyzhy, E. V. (2019) Chai v traditsionnoi kul'ture kalmykov i tuvintsev [Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Submission date: 15.09.2023.

Acceptance date: 12.10.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.20

Статья

Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка

Тамара Г. Боргоякова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Российская Федерация

В статье анализируются проблемные аспекты функционирования тувинского компонента контактного билингвизма с динамической, контекстно-зависимой точки зрения, фокусируясь на анализе нового дискурса языковой политики в Республике Тыва – Стратегии государственной поддержки тувинского языка. Презентация Стратегии состоялась в рамках Межрегиональной научно-практической конференции «Будущее языков Саяно-Алтая: сохранение и развитие» (14–15 сентября 2023), прошедшая на базе Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва и Тувинского государственного университета (г. Кызыл, Тува, Россия).

Авторы анализируют этапы развития контактного билингвизма в Республике Тыва. Экономические, культурные и языковые трансформации отразились на языковой ситуации в Туве, определяя разные типы билингвизма, разные группы говорящих тувинских детей, типы интерференций. Сегодня ученые констатируют языковой сдвиг относительно тувинского языка с переходом к русскому языку с полной или частичной утратой знания тувинского языка, это становится все более заметным и имплицитно формулировалось в Государственной программе «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы». Эксплицитное выражение проблемы языкового сдвига впервые находит место в новом для республики институциональном дискурсе — в принятой указом Главы Республики Тыва «Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.». В статье анализируется этот этап языковой политики Тувы, а также задачи, связанные с реализацией языкового планирования в республике, в первую очередь, в сфере образования и информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: государственная стратегия; языковая политика; тувинский язык; Тува; родной язык; языковой сдвиг; общественное обсуждение

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21–512–12002 ННИО а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования:

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Боргоякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 92. Эл. адрес: tamarabee@mail.ru

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Адреса: 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а. Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language

Tamara G. Borgoiakova

N. F. Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Aisa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article undertakes an analysis of the problematic aspects surrounding the operation of the Tuvan component within the context of contact bilingualism from a dynamic and context-dependent standpoint. The focus is directed towards examining the emerging discourse on language policy in the Republic of Tuva, specifically delving into the State Strategies aimed at supporting the Tuvan language. The unveiling of this Strategy took place during the proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference titled “The Future of Languages in Sayan-Altai: Preservation and Development” (September 14–15, 2023), hosted by the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva and Tuvan State University in Kyzyl, Tuva, Russia.

The authors delve into an analysis of the developmental stages of contact bilingualism within the Republic of Tuva. Economic, cultural, and linguistic transformations have manifested in the language dynamics of Tuva, giving rise to distinct forms of bilingualism, diverse groups of Tuvan-speaking children, and varied types of linguistic interferences. Presently, scholars observe a linguistic shift towards the Russian language, accompanied by the complete or partial erosion of proficiency in the Tuvan language. This trend becomes increasingly conspicuous and finds implicit articulation within the State Program “Development of the Tuvan Language for 2017–2020”. The explicit formulation of the linguistic shift predicament is introduced for the first time within the new institutional discourse of the Republic, as outlined in the decree by the Head of the Republic of Tuva titled “Strategies for State Support and Development of the Tuvan Language for the Period from 2024 to 2033”. The article scrutinizes this phase of Tuva’s language policy and elucidates the associated challenges in implementing language planning, primarily in the realms of education and information-communicative technologies.

Keywords: state strategy; language policy; Tuvan language; Tuva; native language; linguistic shift; public discourse

Financing

The article was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 HHIO_a “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

For citation:

Borgoiakova T. G. and Bitkeeva A. N. Tuvinskii komponent bilingval'nogo prostranstva ili razmyshleniia o strategii gosudarstvennoi podderzhki tuvinskogo iazyka [The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 290-300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

BORGOIAKOVA, Tamara Gerasimovna, Doctor of Philology, Director, Research Institute of Humanities and Sayano-Altai Turkology; Professor, Department of Foreign Linguistics and Language Theory, N. F. Katanov Khakass State University. Postal address: 92 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. E-mail: tamarabee@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9958-9086

BITKEEVA, Aysa Nikolaevna, Doctor of Philology, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 1/1 B. Kislovsky per, Moscow, 125009, Russian Federation; 25 a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation. E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0003-3765-2144

Введение

Характерным явлением в исследовании языковой политики последних двух десятилетий стало появление дискурсивных и этнографических подходов, связанных с переходом от некогда доминирующей концептуализации языковой политики как статуса кво к ее направленности на динамичные процессы, посредством которых осуществляется власть над использованием языка. Обозначая данную тенденцию, К. Савски отмечает усиление актуальности большего внимания к дискурсу языковой политики, в котором текст непрерывно формируется и переформируется во времени и пространстве, отражая реальную политику и включая в себя циклы написания и переписывания, а также интерпретации и повторной интерпретации (Savski 2023). Новые реалии динамичных и контекстно обусловленных языковых практик побудили Б. Сполски внести коррективы в предложенную им модель языковой политики, состоящую из трех независимых, но взаимосвязанных компонентов: языковой практики, языковых убеждений (идеологий) и языкового управления. Модификация данной модели включает дифференциацию субъектов языковой политики на: акторов без власти и менеджеров с властью. Это помогает понять, почему разработка государственной языковой политики редко бывает успешной, а попытки на других уровнях, включая усилия активистов по сохранению языков меньшинств, имеют столь ограниченный эффект (Spolsky, 2019).

В исследованиях языковой политики в России последних лет отмечается отход от государствоцентричности к большей инклюзивности других акторов языковой политики и трансформации языковых идеологий в сторону большей либеральности и толерантности (Замятин, 2021; Хилханова, 2020; и др.).

Следует отметить новый вектор дискурса языковой политики в наднациональных политических текстах, направленных на продвижение идей языковой справедливости в условиях глобального сокращения языкового многообразия. К жанру руководства к действию через систему международных, региональных, национальных и местных нормативных документов, стратегий и нормативно-правовой базы, несомненно, можно отнести Глобальный план действий по проведению Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032), утвержденный Генеральной Ассамблеей ООН в 2020 г.¹ Обязательность участия «низовых» акторов языковой политики здесь обозначено принципом *nothing for us without us* 'ничего для нас без нас'. К ожидаемым результатам десятилетия относится создание возможностей для коренных народов изучать, преподавать и передавать свои языки настоящему и будущим поколениям, предлагая более высокое качество жизни, безопасную и **уверенную идентичность**, а также увеличение **количества носителей** через **расширение сфер** использования их языков².

План действий по проведению данного десятилетия в РФ утвержден распоряжением Правительства РФ №204-р от 09.02.2022, в котором также содержится рекомендация органам исполнительной власти субъектов РФ разработать и утвердить региональные планы мероприятий по проведению в 2022–2032 годах в РФ Международного десятилетия языков коренных народов³.

Цель данной статьи рассмотреть проблемные аспекты функционирования тувинского компонента контактного билингвизма⁴ с динамической, контекстно-зависимой точки зрения, фокусируясь на анализе нового дискурса языковой политики в Республике Тыва — Стратегии государственной под-

¹ Global Action Plan of the IDIL2022–2032 [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/idil2022-2032/globalactionplan> (дата обращения 18.09.2023).

² Global Action Plan of the IDIL2022–2032 [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/idil2022-2032/globalactionplan> (дата обращения 18.09.2023). Выделено авторами — Т. Б. и А. Б. Перевод сделан Т. Г. Боргояковой.

³ Распоряжение от 9 февраля 2022 г. № 204-р «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022–2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/NOPGRVx2Sr0yoTLBT3rmS4rSI89skJy1.pdf> (дата обращения: 18.09.2023).

⁴ Контактный билингвизм — усвоение второго языка через длительное непосредственное общение двух языковых общностей. Является основой национально-русского билингвизма в России. Языковой ситуации в Тыве характерен тувинско-русский контактный билингвизм.

держки тувинского языка¹ (далее — Стратегия). Контекстная зависимость функционирования языка определяется экстралингвистическими факторами, включающими, в том числе, отражение роли акторов языковой политики в дискурсивных практиках региона. Указанная Стратегия разработана сотрудниками сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва Б. Ч. Ооржак, Э. К. Аннай, Ч. Г. Ондар, О. М. Саая, при активном участии М. В. Бавуу-Сюрюн, К. А. Бичелдея. Приведенный список основных разработчиков и консультантов нового документа включает известных тувинских лингвистов, которые представляют акторов без власти, но действующих в данном случае по поручению правительства республики. Важно отметить, что в их числе есть и языковые активисты, критиковавшие языковую политику республиканских властей. Поэтому интеллектуально-властное объединение усилий при создании языковой Стратегии является также маркером большей инклюзивности разных акторов языковой политики и трансформации региональных языковых идеологий.

Данная Стратегия, принятая в августе 2023 г., охватывает десятилетний период, практически совпадая с упомянутой выше Международной декадой языков коренных народов. Ее презентация состоялась в рамках Межрегиональной научно-практической конференции «Будущее языков Саяно-Алтая: сохранение и развитие» (14–15 сентября 2023), прошедшей на базе Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва и Тувинского государственного университета². В рамках проведенной в рамках конференции дискуссионной площадки «Республика Тыва: языковой портрет в этноязыковой палитре России» состоялось также обсуждение проблем языкового сдвига в восприятии носителей тувинского языка.

Развитие контактного билингвизма в Республике Тыва

Анализ дискурса языковой политики в Республике Тыва, представленный в законе о языках³, в соответствующих государственных программах и нормативных актах⁴, отражает сложность и противоречивость развития и государственного управления контактным тувинско-русским билингвизмом. Это было предопределено и обусловлено как характером языковых компетенций тувинцев к 1990-м гг., 40% которых по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. были одноязычны, владея либо только родным, либо русским языком (Боргоякова, 2002, 2013), так и корреляцией с социально-экономическими и политическими трансформациями в стране. Законы о языках в РТ в редакциях разных лет, как правило, не содержали императивные установки по изменению сложившейся функциональной дистрибуции русского и тувинского языков, хотя в них декларируется равноправное их употребление «во всех сферах общения, регулируемых законодательством» (Закон о языках в Республике Тыва в редакции 1994 г.⁵).

¹ Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период с 2024 по 2033 гг. [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/3d-flip-book/strategiya-gosudarstvennoj-podderzhki-razvitiya-tuvinskogo-yazyka-v-respublike-tyva-v-period-s-2024-po-2033-gg/> (дата обращения 18.10.2023).

² Участники Межрегиональной научно-практической конференции «Будущее языков Саяно-Алтая: сохранение и развитие» в ТИГПИ высоко оценили принятие Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка до 2033 года [Электронный ресурс] Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/uchastniki-mezhregionalnoj-nauchno-prakticheskoy-konferenczii-budushhee-yazykov-sayano-altaya-sohranenie-i-razvitie-v-tigpi-vysoko-ocenili-prinyatie-strategii-gosudarstvennoj-podderzhki/> (дата обращения 18.09.2023).

³ Конституция Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=166004749&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения 18.09.2023); Закон Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166023364&backlink=1&&nd=166014332> (дата обращения 18.09.2023).

⁴ Государственная программа Республики Тыва «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021-2024 годы» // Консультант. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW434;n=40457#lklluTCwkm7YWXb1> (дата обращения 18.09.2023).

⁵ Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 года № 462 ВХ-1 «О языках в Республике Тыва» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166023364&backlink=1&&nd=166014332> (дата обращения 18.09.2023).

Следует отметить, что тувинский язык долгое время занимал в республике уверенные позиции, дополнительно к русскому языку, в сферах образования, массовой коммуникации и духовной культуры. И в разных социолингвистических классификациях он относился и продолжает относиться к категории относительно благополучных языков народов России (Мартан-оол, 2000; Боргоякова, 2002) или языков с перспективным типом развития (Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019: 13). В то же время к началу 2000-х гг. тревожные маркеры развития процессов языкового сдвига или языковой ассимиляции тувинцев стали отмечаться в научном дискурсе. Так, например, в 2002 г. было отмечено, что 33% из 600 тувинских старшеклассников городских и сельских школ Республики Тыва считали, что будущее тувинского языка находится под угрозой. Поводом для подобной оценки послужила «ограниченность функционирования языка в сравнении с доминантным русским языком в определенных сферах социальной коммуникации» (Боргоякова, 2002: 201–202). Старшеклассники отмечали, что знают много тувинцев, не владеющих родным языком. По итогам социолингвистических опросов 2013 г. уже 62% тувинских респондентов считали, что будущее тувинского языка находится под угрозой (Боргоякова, Гусейнова 2017: 69–70).

В исследованиях, посвященных функциональному измерению тувинского языка, ученые все чаще стали отмечать негативные процессы ассимиляции/языкового сдвига у молодого поколения тувинцев, ослабления естественной передачи языка в семье и неуклонного языкового регресса (Бавуу-Сюрюн, 2010: 62; Сэрээдэр, 2018; Боргоякова, Биткеева, 2020: 50; Донгак, 2020: 67; Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021: 267; Биткеева, Цыбенова, 2022).

Анализ наиболее релевантных для современного тувинского языка и языковой ситуации в Туве факторов языкового сдвига проводится с опорой на базу данных социолингвистического обследования 2021 г. среди городского и сельского населения Тувы в (Биткеева, Цыбенова, 2022). Авторы выяснили, что экстралингвистические факторы функционирования современного тувинского языка (географическое положение, труднодоступность региона, позднее вхождение Тувы в состав СССР, компактность проживания и численное преобладание тувинцев на одной территории) уже не являются определяющими. К наиболее динамичным факторам, которые способствуют постепенному изменению языковой лояльности, языковых установок тувинцев, нарушению межпоколенной передачи родного языка, авторы относят «повышение прагматической ценности образования среди молодежи, распространение цифровых технологий, а также изменение системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом» (Биткеева, Цыбенова, 2022: 6). Ученые обращают также внимание на тенденцию разделения сфер использования тувинского и русского языков и выход тувинского языка из категории языков обучения с 2018 года, отмечая развитие неравновесности билингвальной ситуации и риски потери в процессе межпоколенной передачи тувинской культуры (Арефьев, Бахтикиреева и др, 2021).

Таким образом, тревожные симптомы языкового сдвига в тувинском компоненте официально признанного билингвизма в Республике Тыва, особенно заметные среди городской молодежи, стали получать экспликацию в научном дискурсе с начала 2000-х гг. В Атласе языков под угрозой исчезновения ЮНЕСКО (2010) тувинский язык вошел в относительно благополучную категорию *уязвимых* языков (*vulnerable*) (Ламажаа, 2021: 184) в связи с узкой сферой применения в социальном пространстве региона при продолжающейся передаче родного языка детям в семье. К началу второго десятилетия текущего столетия серьезные проблемы языковой ассимиляции обозначились и в сфере семейного общения. Поэтому вопросы языкового планирования в области контактного билингвизма с участием всех субъектов языковой политики республики относятся к первостепенным задачам региональной власти и общественности.

Языковое планирование в новом институциональном дискурсе Республики Тыва

Проблематизируемый в академическом дискурсе языковой сдвиг с переходом к русскому языку с полной или частичной утратой знания тувинского языка становится все более заметным и имплицитно формулируется в Государственной программе «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы»¹ через

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 7 апреля 2017 г. № 152, г. Кызыл Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» (В редакции Постановлений Правительства Республики Тыва от 09.11.2017 № 499; от 14.06.2018 № 299) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166086510&backlink=1&nd=166060535&rdk=2&refoid=166086511...> (дата обращения: 18.09.2023).

показатель «увеличение доли выпускников... с качественным уровнем владения тувинским языком до 55%» в числе ожидаемых результатов реализации Программы. Данный показатель свидетельствует о признании критического уровня владения родным языком среди учащихся общеобразовательных школ республики, с одной стороны, и нереальности исправления ситуации за плановый трехлетний период, с другой. Эксплицитное выражение проблемы языкового сдвига впервые находит место в новом для республики институциональном дискурсе — в принятой указом Главы Республики Тыва «Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.», где к важнейшим направлениям исследований, требующим особого внимания, отнесены «языковой сдвиг и переключение кодов»¹. Этот документ является определенным итогом рефлексии по поводу (не)эффективности языковой политики республики с участием большинства ее субъектов, включая языковых активистов, представляющих «движение снизу» или защитников языка без власти.

Важной особенностью Стратегии является ее направленность на достижение результатов через такие конкретные механизмы как: создание Государственного совета по вопросам реализации языковой политики и сохранению национального языка в РТ с ежегодным отчетом в День тувинского языка, основанном на предварительном мониторинге эффективности; создание Фонда поддержки развития тувинского языка, разработку и утверждение Государственных программ по государственной поддержке развитию тувинского языка; введение новых образовательных программ в ТувГУ, а также грантовой поддержки проектов, направленных на повышение престижа и востребованности тувинского языка².

Предложенные меры логично вытекают из аналитической части Стратегии, в которой содержатся аргументированные выводы о том, что характер билингвизма в РТ весьма далек от паритетного или двустороннего в значении владения контактирующими коллективами двумя языками³. Второе значение данного термина, относящееся к фактической или официальной политике использования двух языков в регионе⁴, становится более актуальным в свете положений обсуждаемой Стратегии. Ученые справедливо относят данный тип билингвизма в совокупности его трактовок к наиболее трудным и сложным для практической реализации (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021).

Именно поэтому предложенная в Стратегии комплексная система «ориентиров для выстраивания долгосрочных планов по государственной поддержке развития тувинского языка»⁵ в ситуации неуклонного ослабления его коммуникативной мощности является актуальной и востребованной, усиливающей официальную политику фактического использования двух государственных языков республики. Оправданной представляется предложенная логика структурного деления документа, где кроме общих положений, включающих правовую основу, его принципы и исполнителей, а также заключения, выделяются три основных раздела. Наибольший раздел, посвященный современному состоянию функционирования тувинского языка, включает дефиницию тувинского языка как родного языка тувинцев, коренной титульной нации Республики Тыва. Информативными являются приведенные здесь данные последней Всероссийской переписи населения 2020 г., согласно которым тувинским языком владеет 82,35% тувинцев, проживающих в РФ, а русским языком — 93%. Аналитический обзор функционирования тувинского языка представлен десятью сферами, включая и сферу неофициального общения. Анализ ситуации в каждой сфере включает констатацию

¹ Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период с 2024 по 2033 гг. [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/3d-flip-book/strategiya-gosudarstvennoj-podderzhki-razvitiya-tuvinskogo-yazyka-v-respublike-tyva-v-period-s-2024-po-2033-gg/> (дата обращения 18.10.2023). С. 36.

² Там же. С. 48–51.

³ См.: Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 52.

⁴ Bilingualism [Электронный ресурс] // Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bilingualism> (дата обращения 18.10.2023).

⁵ Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период с 2024 по 2033 гг. [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/3d-flip-book/strategiya-gosudarstvennoj-podderzhki-razvitiya-tuvinskogo-yazyka-v-respublike-tyva-v-period-s-2024-po-2033-gg/> (дата обращения 18.10.2023). С. 1.

неисполнения языкового законодательства РТ, отсутствия последовательности мер по поддержке тувинского языка и достаточности финансирования, а также формулировки предстоящих задач.

Особую важность представляет подраздел сферы образования, в котором отмечаются причины вынужденности выбора учебных планов с обучением на русском языке на всех ступенях образования без учета языковой компетенции детей и с переходом тувинского языка и литературы в разряд только учебных дисциплин. Аргументированной выглядит логика и содержание последующего раздела, в котором изложены цели, задачи и приоритетные направления Стратегии. Остановка языкового сдвига и восстановление передачи родного (тувинского) языка в естественных условиях отнесены здесь к основным задачам Стратегии. Реализация данного направления деятельности по остановке языкового сдвига подразумевает совместную деятельность со всеми акторами языковой политики.

Таким образом, отметим своевременность, продуманность и обоснованность положений Стратегии — нового вида институционального дискурса в Республике Тыва. Важным представляется развитие на ее основе и традиционных жанров языкового планирования в виде нового поколения программ сохранения и развития тувинского языка с учетом современных тенденций развития языковой политики на международном и российском уровне.

О реализации задач Стратегии развития тувинского языка в Республике Тыва

Состоявшаяся дискуссия в рамках конференции «Республика Тыва: языковой портрет в этноязыковой палитре России», прошедшая в сентябре 2023 г. высветила основные задачи и соответственно проблемы, которые возникают в процессе реализации языкового планирования и которые предстоит решить республиканской общественности. Определяются такие приоритетные темы — роль и задачи образования в витальности тувинского языка и роль информационно-коммуникативных технологий в витальности языка в ситуации языкового сдвига у тувинцев.

В условиях реформы системы языкового образования, начиная с 2017 г. многие национально-территориальные образования, в которых преподаются государственный язык РФ и государственный язык региона, находятся в непростой ситуации. Школа сыграла роль в процессе русификации, создавая условия, при которых представители этносов вынуждены отказываться от родного языка и культуры в пользу доминантной русскоязычной лингвокультуры. На фоне такой языковой ситуации в большинстве республик РФ, в Тыве, как в относительно моноязычном регионе, тенденция развития и поддержки этнокультурного образования сохраняется, до недавнего времени отмечалась достаточная степень сохранности, относительно высокий уровень языковой компетенции носителей, интенсивность функционирования тувинского в большинстве социальных сфер как средства внутриаэтнического общения тувинцев. Тем не менее, принцип добровольности, сокращение функционирования языка во многих сферах, ухудшение общей языковой компетенции молодых носителей языка, наличие разных типов говорящих на тувинском языке, соответственно отсутствие разных типов учебно-методических комплектов (УМК) для обучения тувинскому детям с разным уровнем языковой компетенции, требующая обновления методика преподавания языка не способствуют улучшению ситуации по преподаванию тувинского языка в школах. Эти вопросы волнуют педагогическую общественность Тувы, этой теме были посвящены августовский педагогический съезд, ряд педагогических мероприятий, прошедших осенью 2023 г.¹

В последние годы имеют место языковые ситуации с негативным контекстом. По мнению одной из собеседниц, проживающих в Кызыле, принявших участие в нашем опросе в 2021 г., в семье она старается сохранять общение на тувинском языке, поэтому до поступления в школу ребенок не владел русским языком. Напомним, что обучение в тувинских школах с 2017 г. переведено на русскоязыч-

---

¹ В Тувинском госуниверситете обсудили актуальные проблемы обучения на родном языке [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/9219-2/> (дата обращения: 18.09.2023); VIII Республиканский форум «Тувинский язык — достояние народа» завершил свою работу [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/viii-respublikanskij-forum-tuvinskij-yazyk-dostoyanie-naroda-zaver-shil-svoyu-rabotu/> (дата обращения: 02.11.2023).

ные учебники, соответственно у детей монолингвов без знания русского языка возникают большие сложности в восприятии материала, это влияет на успеваемость ребенка и создает негативное отношение со стороны учителей. Казалось бы, такой положительный пример семьи, ориентированной на сохранение родного языка, не находит поддержки в образовательной системе. Причина в отсутствии разных типов УМК для обучения тувинскому детям с разным уровнем языковой компетенции.

Отметим, что в Стратегии отмечается важность проведения научного исследования типов языковых ситуаций в Туве, степень и характер их влияния на типы двуязычия/многоязычия и т. д.¹ В разрабатываемой дорожной карте реализации Стратегии это должно найти практическое отражение. Правильно в начале провести мониторинг языковой ситуации среди детей, определить типы говорящих среди них, определить уровень их языковой компетенции, типы интерференций и отталкиваясь от этого разрабатывать разнонаправленные УМК. Универсальная методика определения уровня языковой компетенции очень востребована сейчас в национальных регионах РФ. К сожалению, эта методика пока абстрактна, возможно в скором будущем учеными совместно с педагогами такой механизм будет разработан.

Одна из важных сфер привлечения молодого поколения — сфера новых технологий. Информационно-коммуникационная среда способствует формированию новых этнокультурных маркеров у детей. Доля представленности контента на тувинском языке в сети «Интернет» небольшая и в новых технологичных сферах он практически не функционирует (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023). Носители тувинского языка вынуждены переходить на функционально более мощный русский язык, использовать более развитые русскоязычные, англоязычные и другие контенты. В июне 2021 г. нами было проведено социолингвистическое обследование в Республике Тыва, в котором приняли участие около 450 респондентов городских и сельских жителей (Биткеева, Цыбенкова, 2022). Опрос на предмет преимущественно используемых языках в информационном пространстве Республики Тыва показал, что 72% опрошенных в повседневной жизни используют русский язык, 26% отметили, что используют два языка — русский и тувинский в равной степени в сфере информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) лишь 4% опрошенных указали, что единственным языком коммуникации является тувинский язык².

В этом контексте информационно-коммуникационная среда играет двоякую роль. ИКТ сегодня воздействует негативно на развитие тувинского языка. Наблюдается возрастающая роль телевидения на развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Согласно статистическим данным на конец 2018 г. в городах Тувы имели возможность принимать цифровое и аналоговое телевидение всё население, а на селе цифровое телевидение было доступно 95,4% населения, аналоговое — 91,2%³. Многие тувинские дети увлекаются просмотром российского телеканала «Карусель». Соответственно, эти дети не владеют родным (тувинским) языком активно, разговаривают исключительно на русском языке, который был освоен путем просмотра телевизионных передач, мультипликационных фильмов. В этом контексте, важно, что одной из приоритетных задач Стратегии является увеличение объема и охвата телерадиовещания на тувинском языке, поддержка новых каналов, студий с учетом максимального охвата разных слоев целевой аудитории, разработка новых технологичных продуктов...

Однако в современный век технологий есть понимание, что повышение престижа языка, формирование образа современного модного языка у детей, тоже только через ИКТ сферу. В рамках реализации Стратегии тувинскими учеными запускается проект «Цифровое развитие тувинского языка на 2023–2032 годы», разрабатываемый под руководством Ч. Г. Ондар⁴.

В деле цифровизации тувинского языка имеется большой задел — активно ведется оцифровка словарей, уже имеются в цифровом формате «Русско-тувинский электронный словарь», «Тувинско-

¹ Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период с 2024 по 2033 гг. [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/3d-flip-book/strategiya-gosudarstvennoj-podderzhki-razvitiya-tuvinskogo-yazyka-v-respublike-tyva-v-period-s-2024-po-2033-gg/> (дата обращения 18.10.2023). С. 10–11.

² Материалы опроса хранятся в личном архиве одного из соавторов — А. Н. Биткеевой.

³ Республика Тыва в цифрах 2021. Стат. сб. Кызыл: Красноярскстат, 2022. С. 44.

⁴ План работ по проекту «Цифровое развитие тувинского языка на 2023–2032 годы», с которым разработчики любезно разрешили ознакомиться авторам статьи.

русский электронный словарь», создана специальная форма для сбора параллельных фраз и из 1 млн параллельных фраз собрано силами волонтеров 204 тыс. фраз, сделана регистрация тувинских букв (ө, ү, ң) в системе Юникод и разработана раскладка клавиатуры для набора текстов на тувинском языке¹, имеется договоренность в Яндекс для создания платформы для тувинско-русского и обратного переводчика (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023: 200). Кроме этого, активно создается Национальный корпус тувинского языка (Салчак, Ондар, 2000). В конечном результате целью разработчиков является консолидация усилий в деятельности по цифровому развитию тувинского языка, а именно созданию электронных программ, электронных словарей разного типа (всего 12 наименований), обеспечивающих функционирование данного корпуса, а также цифровых продуктов на тувинском языке, способствующих широкому функционированию тувинского языка в обществе и глобальной сети Интернет².

Заключение

Таким образом, комплексный подход в задаче сохранения тувинского языка, принятие Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка, направленной на приостановку языкового сдвига в тувинской языковой общности, представляет собой большую практическую ценность для формирования взвешенной языковой политики в Туве, является значительным вкладом в успешное развитие тувинской этнической культуры и этнокультурной идентичности коренного населения республики.

Принятие и реализация Стратегии предположительно должно ситуацию изменить. Появление нового типа политического дискурса в виде «Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва» представляет новый этап долговременного планирования языковой политики региона. Позитивной стороной документа являются его нацеленность на реализацию принципов языковой справедливости, отраженных в стратегических целях Международного десятилетия языков коренных народов, которые включают уверенную идентичность коренного народа, возможность обучения на родном языке, увеличение количества его носителей через расширение сфер использования языка. Направленность на координацию и активизацию всех субъектов языковой политики, а также на включенность муниципальных и местных уровней управления также соответствуют современным трендам языковой политики. Важно, что в документе предусмотрена возможность его корректировки по итогам мониторинговых и аналитических процедур. Нет сомнений, что такая необходимость будет появляться, особенно с учетом того, что развитие одного компонента контактного билингвизма будет требовать взаимообусловленной сопряженности с другим. Во всяком случае действующая государственная программа «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы» включает две подпрограммы: подпрограмму 1 «Развитие и распространение русского языка как основы гражданской самоидентичности и языка международного диалога» и подпрограмму 2 «Развитие тувинского языка».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 57–71.

Биткеева, А. Н., Вингендер, М., Михальченко, В. Ю. (2009) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

¹ В ТИГПИ прошло совещание по реализации проекта цифровизации тувинского языка [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/v-tigpi-proshlo-soveshhanie-po-realizacii-proekta-czifrovizacziituvinskogo-yazyka/> (дата обращения: 18.10.2023).

² План работ по проекту «Цифровое развитие тувинского языка на 2023–2032 годы».

Биткеева, А. Н., Цыбенкова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Боргоякова, Т. Г. (2002) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 166 с.

Боргоякова, Т. Г. (2013) Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7(25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 36–39.

Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан : Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 136 с.

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Замятин, К. Ю. (2021) Формирование языковой политики в российских республиках в начале 1990-х годов: идеологии, интересы, институты // Социолингвистика. № 2(6). С. 61–127. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-6-62-128>

Донгак, Ч. Б. (2020) Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия)) // Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки. № 4 (68). С. 63–72.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Марган-оол, М. Б. (2000) Тувинский язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1 / отв. ред. В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. М. : Academia. 656 с. С. 485–500.

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Салчак, А. Я., Ондар, В. С. (2020) Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги // Новые исследования Тувы. № 1. С. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.6>

Сэрээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Хилханова, Э. В. (2020) Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16.3. P. 756–815. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716324>

Savski, K. (2023) Language policy from textuality to (re)contextualization: expanding the toolkit for discursive analyses // Language Policy. 22 September. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-023-09668-1>

Spolsky, B. (2019) A modified and enriched theory of language policy (and management) // Language Policy. 18. P. 323–338. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9489-z>

Дата поступления: 06.10.2023 г.

Дата принятия: 26.10.2023 г.

REFERENCES

Aref'ev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Siniachkin, V. P. (2021) Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo iazykovogo obrazovaniia Respubliki Tyva [Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Bavuu-Surun, M. V. (2010) Tuvinskii iazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyi aspekt [Tuvan language at the present stage: educational aspect]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 57–71. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N., Vingender, M., Mikhal'chenko, V. Yu. (2009) Prognozirovaniye i iazykovoye mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, vol. 18, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2019.3.1>

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Borgoyakova, T. G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of southern Siberia]*. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. (2013) Razvitie bilingvizma v Respublikakh Tyva i Khakassii (elektronnyi dokument) [Development of bilingualism in the Republics of Tuva and Khakassia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7(25): in 2 parts. Part 1, pp. 36–39. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Guseinova, A. V. (2017) *Status i funkcionirovanie tiurkskikh iazykov Iuzhnoi Sibiri [Status and functioning of the Turkic languages of southern Siberia]*. Abakan, Publishing House of Katanov State University of Khakassia. 136 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Zamiatin, K. Yu. (2021) Formirovanie iazykovoii politiki v rossiiskikh respublikakh v nachale 1990-kh godov: ideologii, interesy, instituty [The formation of language policy in Russia's republics in the early 1990s: ideologies, interests, institutions]. *Sociolinguistics*, no. 2(6), pp. 61–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-6-62-128>

Dongak, Ch. B. (2020) Yazykovaia politika i problema kontaktnogo bilingvizma v natsional'nykh respublikakh Rossii (na primerakh respublik Tatarstan, Tyva i Sakha (Iakutiia)) [Language policy and the problem of contact bilingualism in the National Republics of Russia (using the examples of the Republics of Tatarstan, Tuva and Sakha (Yakutia))]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, issue 1. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 4 (68), pp. 63–72. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religii i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Martan-ool, M. B. (2000) Tuvinskii iazyk [Tuvan language]. In: *Pis'mennye iazyki mira: Iazyki Rossiiskoi Federatsii. Sotsiolingvisticheskaia entsiklopediia [Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic encyclopedia]*. Book 1 / ed. by V. M. Solntsev and V. Yu. Mikhal'chenko. Moscow, Asademiia. 656 p. Pp. 485–500. (In Russ.).

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S., Mongush, D. S. (2023) Tuvinskii iazyk v Internete: predstavlenost', problemy i perspektivy [The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Salchak, A. Ya. and Ondar, V. S. (2020) Sozdanie rusско-tuvinskogo parallel'nogo podkorpusa elektronnoho korpusa tuvinskogo iazyka: pervye itogi [Setting up a parallel Russian-Tuvan subcorpus within the electronic corpus of Tuvan language: preliminary outcomes]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 75–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.6>

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Khilkhanova, E. V. (2020) Liudi v iazykovoii politike: teoriia i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoi Evropy) [People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 16.3, pp. 756–815. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716324>

Savski, K. (2023) Language policy from textuality to (re)entextualization: expanding the toolkit for discursive analyses. *Language Policy*, 22 September. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-023-09668-1>

Spolsky, B. (2019) A modified and enriched theory of language policy (and management). *Language Policy*, 18, pp. 323–338. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9489-z>

Submission date: 06.10.2023.

Acceptance date: 26.10.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.21

Статья

Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.)

Игорь А. Данилов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Российская Федерация,

Нина И. Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация

В статье анализируются проблемы языковой повседневности, языковой дистрибуции городской повседневности саха (якутов) Республики Саха (Якутия, Россия). Материалами анализа выступили результаты массового социолингвистического анкетирования (2021 г., г. Якутск). Данные по функционированию якутского языка в полиэтничном городе Якутске представлены в динамике. Для этого использованы результаты предыдущих исследований (1985, 2007, 2014 гг.). Также в сравнительном плане проведен анализ языковой ситуации в моноэтнической сельской местности республики.

Установлена тенденция расширения функций якутского языка в сфере межличностной коммуникации в условиях города. Урбанизированные саха в домашнем общении, в общении с друзьями и коллегами преимущественно применяют якутский язык. Коммуникация на якутском языке поддерживается, в большей степени, благодаря увеличению демографической и коммуникативной мощности городского якутоязычного населения, мигрировавшего из сельской местности. При этом в межпоколенческом разрезе наблюдается тенденция смещения якутского языка русским. Переходным этапом для названного процесса выступает двуязычие, актуальное для более молодого поколения. Данное явление зафиксировано и в сельской местности. Вероятно, оно формирует предпосылки для языкового сдвига.

Отмечено, что проникновение неэтнического языка посредством распространения несбалансированного двуязычия и новой цифровой повседневности в нерегламентируемые (аморфные) сферы общения может предопределить существенное ослабление позиций регионального недоминирующего языка, имеющего в республике государственный статус.

Ключевые слова: якутский язык; языковая дистрибуция; сфера межличностного общения; языковая ситуация; городская повседневность; саха; Якутск; Республика Саха; Якутия

Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Якутский язык: систематизация единиц разного уровня для формального представления лингвистических данных» (2021–2023 гг.) в рамках выполнения Программы Сибирского отделения РАН «Разработка современных лингвистических теорий и их приложений для описания языковых систем и изучения активных процессов в языках мира» и научному проекту «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант правительства РФ, соглашение №075-15-2021-616).

Для цитирования:

Данилов И. А., Иванова Н. И. Языковая дистрибуция городской повседневности саха: социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.) // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 301–313. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.21>

Данилов Игорь Альбертович — младший научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова; младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адреса: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 141; 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 310. Эл. адрес: igor_danilov_2000@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; главный научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 310; 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 141. Эл. адрес: haar-haar@mail.ru

Language distribution of urban everyday life in Sakha: sociolinguistic dimension (according to data from 2021)

Igor A. Danilov

Ammosov North-Eastern Federal University; Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North SB RAS, Russian Federation,

Nina I. Ivanova

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North SB RAS; Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation

The article undertakes an analysis of the linguistic challenges pertaining to everyday language use and the distribution of language in the urban context of the Sakha (Yakuts) population in the Republic of Sakha (Yakutia, Russia). The analytical framework is constructed on the basis of extensive sociolinguistic surveys conducted in 2021 in Yakutsk. The study presents a dynamic portrayal of the functioning of the Yakut language in the polyethnic urban landscape of Yakutsk, drawing from prior research conducted in 1985, 2007, and 2014. Additionally, a comparative examination of the linguistic landscape in mono-ethnic rural areas within the republic is carried out.

A discernible trend is identified wherein the Yakut language is progressively assuming broader functions in interpersonal communication within the urban milieu. Urbanized Sakha individuals predominantly utilize the Yakut language in domestic settings, as well as in interactions with friends and colleagues. The sustained use of the Yakut language is primarily attributed to the heightened demographic and communicative influence of the urban Yakut-speaking population, which has undergone migration from rural areas. However, intergenerationally, there is a notable shift towards the displacement of the Yakut language by Russian. Bilingualism, particularly prevalent among the younger generation, functions as a transitional stage in this linguistic evolution. This phenomenon is observed not only in urban settings but is also evident in rural areas, potentially laying the groundwork for further linguistic transformations.

The study emphasizes that the infiltration of non-ethnic languages, facilitated by the propagation of imbalanced bilingualism and the adoption of new digital communication practices in unregulated (amorphous) communicative domains, may substantially erode the position of the regional non-dominant language, which holds official status within the republic.

Keywords: Yakut language; linguistic distribution; interpersonal communication; linguistic situation; urban everyday life; Sakha; Yakutsk; Republic of Sakha; Yakutia

Financing

The article was prepared within the framework of the project "The Yakut language: systematization of units of different levels for the formal presentation of linguistic data" (2021–2023) as part of the Program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Development of modern linguistic theories and their applications for the description of language systems and the study of active processes in the languages of the world" and the scientific project "Preservation of linguistic and cultural diversity and sustainable development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation" (grant of the Government of the Russian Federation, Agreement No. 075-15-2021-616).

For citation:

Danilov I. A. and Ivanova N. I. Yazykovaia distributsiia gorodskoi povsednevnosti sakha: sotsiolingvisticheskoe izmerenie (po dannym 2021 g.) [Language distribution of urban everyday life in Sakha: sociolinguistic dimension (according to data from 2021)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 301-313. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.21>

DANILOV, Igor Albertovich, Junior Researcher, International research laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», Ammosov North-Eastern Federal University; Junior Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: office 141, 42, Kulakovskiy St., 677000, Yakutsk, Russian Federation; office 310, 1, Petrovskogo St., 677027 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1974-3088

IVANOVA, Nina Immokentyevna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, International research laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: office 310, 1, Petrovskogo St., 677027, Yakutsk, Russian Federation; office 141, 42, Kulakovskiy St., 677000, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: haar-haar@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3064-0175

Введение

Мониторинговые исследования функционирования миноритарных языков Российской Федерации в городском пространстве интересны, во-первых, с точки зрения использования полученных данных для определения их функциональной пригодности и жизнестойкости в полиэтничном сообществе, во-вторых, в качестве материала для проведения социолингвистических прогнозов, необходимость которых активно обсуждается в научном дискурсе (напр.: Биткеева, 2022). В этом отношении особого внимания заслуживают языки этнических групп, признанные на региональном уровне государственными наравне с русским языком и конкурирующие с ним. Учитывая, что титульные языки так называемых национальных субъектов занимают значительное место в социально-коммуникативной системе городов, в частности столичных, в последнее время широкомасштабно реализуются социолингвистические исследования функциональной дистрибуции государственных языков в речевом поведении горожан, например, жителей городов Башкортостана (Салихова и др., 2021), Бурятии (Дырхеева, Бадараев, Хилханова, 2022), Дагестана (Шахбанова, 2022), Татарстана (Габдрахманова, Макарова, Мухамедзянова, 2016), Тувы (Каплунова, 2022), республик Южной Сибири (Боргоякова, Гусейнова, Покоякова, 2022; Боргоякова, Покоякова, 2022) и др., которые свидетельствуют о явном сужении общественных функций этнических языков в условиях города.

Данное исследование продолжает серию социолингвистического мониторинга функционирования якутского языка в городском пространстве одного из соавторов статьи (см.: Иванова, 2017; Иванова, 2022 и др.).

Повседневность в совокупности значимых феноменов жизни — семьи, дома, быта, друзей, работы определяет существование человека. Она привычна, неосознаваема, сложна в измерении. В рамках данной статьи авторы ставят перед собой цель измерить языковую повседневность, а именно — языковую дистрибуцию повседневности саха (самоназвание якутов), путем проведения анализа социолингвистических данных в широком социальном контексте.

Актуальность изучения современного положения якутского языка в городе обуславливается нарастающей в Республике Саха (Якутия) сельско-городской миграцией (Бреславский, 2020), тенденция которой также характерна для других национальных субъектов России (напр.: Бюраева, 2023) и для всей страны (Блинова, Былина, Русановский, 2020). При этом, авторами не ставится цель изучения языковой адаптации сельских саха в городском сообществе. Миграционный прирост городского населения за счет выходцев из сельской местности рассматривается лишь в качестве экстралингвистического фактора, повлекшего за собой увеличение демографической и коммуникативной мощности якутского языка, что подтвердилось в итогах Всероссийской переписи населения — 2020 (см. табл. 6).

Исследовательское внимание фокусируется на функционировании якутского языка в сфере межличностного общения урбанизированных саха. В целом, межличностная коммуникация анализируется нами как неотъемлемая часть повседневности, а реальность повседневной жизни существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность, не требующая доказательств и проверок своего существования, что П. Бергером и Т. Лукманом было философски осмыслено и обосновано в рамках теории социального конструирования реальности (Бергер, Лукман, 1995).

В данном контексте также интересны размышления М. Н. Губогло, который поднимает проблему изучения этноязыковой стороны повседневной жизни в ракурсе междисциплинарной темы «язык и жизнедеятельность» (Губогло, 2013: 219).

Исследование языкового аспекта городской повседневности, предпринятое в данной статье, сосредоточено на изучении дистрибуции языков в нерегулируемых и регулируемых сферах социально-коммуникативной системы, составляющих функциональный статус языка, следовательно, являющихся компонентами языковой ситуации. Между тем общение на работе, в школе, ссузе, вузе помимо регламентируемой коммуникации предполагает нерегулируемую ее часть, дифференцированную полуофициальностью или неофициальностью ситуации, взаимоотношений собеседников. По мнению авторов, в ходе опроса были получены именно неосознаваемые, не дифференцированные на официальную или неофициальную части языковой коммуникации, и поэтому вполне объективные ответы на вопрос о реализуемых языках в заданных сферах. Данное предположение должно способствовать более точному измерению повседневности, реализуемому в языковом поведении городских саха в ходе их общения дома, с друзьями и коллегами. Выбор данных коммуникативных сфер обосновывается также и мнением других исследователей: «структура повседневной жизни

складывается в кругу семьи, друзей и коллег» (Иванов, Полякова, 2018: 13). По утверждению Л. А. Савченко, члены семьи и друзья входят в первую окружающую среду, ближайшее поле отношений человека, и именно с ними в повседневности «выполняются важные для него социальные обмены»¹.

География и материалы исследования

Территорией исследования выступает отличающийся высокой полиэтничностью населения и языковой неоднородностью город Якутск — столица Республики Саха (Якутия)². В свете данного исследования интерес представляют выводы А. И. Яковлева, изучавшего историю якутской городской повседневности конца XIX — начала XX в.: «повседневная жизнь горожан Якутска отличалась в зависимости от принадлежности к сословию, конфессии, национальности. Объединяющим все слои города фактором был якутский язык»³. Вместе с тем, уже в конце XX в. социолингвистом Т. В. Аргуновой констатируется сужение в г. Якутске круга лиц из числа саха, свободно владеющих родным языком: «В 1988 г. при опросе среди жителей г. Якутск лишь 21,7% респондентов отметили свободное владение якутским языком» (Аргунова, 1992: 75). Кроме того, было отмечено, что городское якутско-русское двуязычие широко проникло в сферу семейно-бытового общения (там же: 79). Исходя из этого, возникает вопрос о месте якутского языка в современной городской повседневности.

В качестве материала исследования взяты данные, полученные в ходе массового анкетного опроса, проведенного в Республике Саха (Якутия) в 2021 г. В данной статье рассматриваются ответы саха, проживающих в г. Якутске и некоторых моноэтнических районах региона. Анкетирование проводилось на двух государственных языках республики (русском и якутском): респондентам давалась возможность выбора языка прохождения анкетирования.

Репрезентативная выборка по полиэтничному г. Якутску представлена 418 урбанизированными саха с разными уровнями образования и представляющие разные социальные группы, сферы деятельности. Из выборочной совокупности респондентами мужского пола являются 31,6% опрошенных, женского — 68,4%. Возраст участников опроса: 16–18 лет — 23,5%, 19–25 лет — 20,3%, 26–35 лет — 15,8%, 36–50 лет — 22%, старше 50 лет — 18,4%. Для выявления динамики приводятся релевантные данные по г. Якутску, полученные нами в 2007 и 2014 гг. и проанализированные в ранней публикации (Иванова, 2017).

В качестве сравнения по бинарной оппозиции «город — село» привлекаются результаты опросов 465 жителей моноэтнических сельских поселений Сунтарского, Усть-Алданского и Чурапчинского районов Республики Саха (Якутия), проведенных также в 2021 г. Их показатели в таблицах далее рассматриваются в категории «село». По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., практически моноэтническое население Сунтарского района составляет 22643 чел. — представителей 27 различных этнических групп, в том числе 21997 (97,1%) саха и 138 (0,6%) русских; Усть-Алданского — 22575 чел. — 17 различных этнических групп, из них саха — 22250 чел. (98,6%), русских — 56 чел. (0,2%); в Чурапчинском улусе проживает 22006 чел. — 19 различных этнических групп, в том числе 21603 (98,2%) саха и 34 (0,1%) русских. Анкетированием охвачены Бордонский (всего жителей — 761 чел.) и Тойбохойский (1278 чел.) наслеги⁴ Сунтарского района, Курбусахский (999 чел.) и Легойский (1479 чел.) наслеги Усть-Алданского района, Кытанахский (525 чел.) и Сыланский (1099 чел.) наслеги Чурапчинского района. Таким образом, выборочная совокупность представляет собой 7,6% изученного сельского населения, что отвечает требованиям количественной репрезентативности.

¹ Савченко Л. А. Повседневность: методология исследования, современная социальная реальность и практика (социально-философский анализ): дис. ... д-ра. филос. наук. Улан-Удэ, 2014. С. 50.

² По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2023 г. в г. Якутске проживает 361154 человека. Согласно итогам Всероссийской переписи населения — 2020, проживают представители 103 этнических групп, из них саха (якутов) — 39,6%, русских — 17,6%, киргизов — 2,3%, эвенков — 1,3%, таджиков — 1,2% и др.

³ Яковлев А. И. Городская повседневность Якутска конца XIX — начала XX в.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. С. 9.

⁴ Наслегами в Республике Саха (Якутия) именуется административно-территориальные единицы, соответствующие сельскому поселению

Дистрибуция языков в домашней повседневности

Основной средой, в которой устойчиво функционируют миноритарные языки, безусловно, является сфера семейного общения, анализ которой необходимо проводить углубленно, с учетом семейных отношений и обращением к данным в межпоколенческом разрезе, чему будет посвящена отдельная статья. Поэтому в рамках данного исследования мы ограничимся интерпретацией полученных ответов на вопрос «На каком языке Вы обычно общаетесь дома?» (табл. 1), обобщения которых могут пролить свет на общую картину, сложившуюся в домашней повседневности городских саха.

Табл. 1. Распределение языков в домашнем общении в зависимости от возраста респондентов в динамике (г. Якутск, 2014–2021 гг.), в %
Table 1. Distribution of languages in home communication depending on the age of respondents in dynamics (Yakutsk, 2014–2021), in %

Языки	Возраст, лет							
	17–25 / 16–25		26–35		36–50		старше 50	
	2014	2021	2014	2021	2014	2021	2014	2021
Якутский язык	73,3	67	69,1	77,3	62,8	72,8	64,7	83,9
Русский язык	14,7	11,6	17,5	4,5	14,5	13,1	13,2	3,9
Оба языка	12	21,4	13,4	16,7	22,7	14,1	22,1	12,2
Затруднились ответить	—	—	—	18,2	—	—	—	12,2

Как видно из таблицы 1, у опрошенных нами саха, проживающих в Якутске, основным коммуникативным инструментом, обслуживающим сферу домашнего общения, выступает якутский язык, использование которого колеблется между возрастными группами от 67 до 83,9%. По сравнению с данными 2014 г., наблюдается увеличение круга лиц, использующих якутский язык в домашнем общении. Объяснением этому может послужить миграционный прирост за счет переезда трудоспособного якутоязычного населения из сельской местности в город (см.: Бреславский, 2020).

Исключение составляют представители молодежи 16–25 лет. Если в 2014 г. было зафиксировано 73,3% молодых респондентов из этой группы, использующих якутский язык дома, то их количество за последние семь лет сократилось на 7,7%, что, свидетельствует о постепенном замещении якутского языка якутско-русским двуязычием, характерным и для молодежи 26–35 лет. Такое явление является типичным и для других национальных субъектов Российской Федерации, например, для Тувы (Боргоякова, Биткеева, 2020: 55).

Сужение можно заметить и в части использования русского языка: количество респондентов из возрастных групп 26–35 лет и старше 50, общающихся дома только на русском языке, значительно сократилось (почти в 4 раза). Однако данный показатель в возрастных группах 16–25 лет и 36–50 лет практически не изменился — первая группа по сравнению с другими группами характеризуется, как наиболее выраженное «цифровое поколение», с присущими ему неэтническими характеристиками в речевом поведении; а стабильность числа городских саха 36–50 лет, находящихся в экономически активном возрасте, вероятно, поддерживается за счет тех родителей, которые со своими детьми школьного возраста общаются только на русском языке. Это обстоятельство подтверждается, прежде всего тем, что в г. Якутске наблюдается сокращение контингента детей-саха, обучающихся на родном языке (Иванова, Никитина, Филиппова, 2021: 74). Кроме того, в 2021 г. из числа саха, проживающих в г. Якутске, выразили «обеспокоенность 75,2% этнической общности стремительным переходом детей саха на русский язык общения» (там же: 76), что является реакцией на современную языковую реальность г. Якутска.

Ситуация в сельском социуме складывается по-иному. Данные по языковой дистрибуции в домашнем общении сельских жителей представим в таблице 2, для сопоставления снабдив ее данными по г. Якутску (город).

Табл. 2. Распределение языков в домашнем общении в зависимости от возраста респондентов в сравнении «город — село» (2021 г.), в %
 Table 2. Distribution of languages in home communication depending on the age of respondents in the comparison «city — village» (2021), in %

Языки	Город / село	Возраст, лет					
		16–18	19–25	26–35	36–50	51–60	старше 60
Якутский язык	Город	54,1	80	77,3	72,8	85,7	82,1
	Село	91,7	90	97,3	95,1	98,8	100
Русский язык	Город	18,4	4,7	4,5	13	4,1	3,6
	Село	1,7	0	0	0	0	0
Оба языка	Город	27,6	15,3	16,7	14,1	10,2	14,3
	Село	5,8	10	2,7	4,9	1,2	0

Якутский язык стабильно используется в домашнем общении сельских саха, показатель по возрастным группам колеблется от 90 до 100%. В группах молодых саха доля общения на родном языке несколько ниже. 10% молодежи 19–25 лет указали, что используют в равной мере якутский и русский языки, что является самым высоким по сравнению с данными других возрастных групп. В этот круг, вероятно, входят молодые родители, осознанно ориентирующиеся на билингвизм и транслирующие ее ценности (порой неграмотно) своим детям. Приведем в пример случай из опыта наблюдения за поведением молодых родителей, проживающих в сельской местности. Девушка 23 лет к своему трехлетнему ребенку обращается по-русски, частично на якутском и объясняет использование русского языка тем, что словарный состав ребенка состоит в большей степени из русских слов, усвоенных им в результате просмотра русскоязычных мультфильмов. Подобная речевая стратегия характерна и для тех родителей, которые проживают в городской среде.

Сельские школьники, по сравнению с городскими, показывают довольно высокий процент использования якутского языка дома — 91,1%. Вместе с тем, в этой же возрастной группе начинают распространяться практики использования двуязычия либо русского моноязычия, причем последнее зафиксировано лишь в этой возрастной группе. Явление свидетельствует о трансформации речевого поведения и в моноэтнической сельской местности. Ранние исследования, проведенные по изучению уровня владения родным якутским языком детьми саха, также подтверждают появление такого процесса: «количество детей дошкольного возраста, говорящих полностью на родном языке, — 34,2%; говорящих на родном языке с иноязычными вкраплениями (цветообозначения, союзы) — 20,5%; говорящих на смешанном языке — 38,4%, только на русском языке — 6,8%», что «отражает стремительное разрушение межпоколенческой передачи языка» в моноэтническом сельском социуме (Иванова, Никитина, Филиппова, 2021: 79).

Если же рассмотреть ответы городских школьников 16–18 лет, не объединяя их с ответами молодежи 19–25 лет, то можно убедиться в том, что городская учащаяся молодежь стремительно переходит на русский язык: якутским языком в домашнем общении пользуются лишь чуть больше половины респондентов подросткового возраста, показатели этой группы по использованию русского языка и якутско-русского двуязычия самые высокие по сравнению с данными других возрастных групп. При этом важно учитывать возрастные особенности респондентов, влияние массовой культуры, навязывающей свои вкусы и стандарты и т. д. Этническая идентичность, этническая культура не являются приоритетными в данном возрасте.

Распределение языков в сфере дружеского общения

Другим центральным аспектом, приватным проявлением повседневности являются личные взаимоотношения людей в рамках социального института дружбы. Данные по языку общения городских саха с друзьями представим в динамике 2007–2021 гг. в таблице 3.

Табл. 3. Распределение языков в дружеском общении в динамике (г. Якутск, 2007–2021 гг.), в %
Table 3. Distribution of languages in friendly communication in dynamics (Yakutsk, 2007–2021), in %

Языки	2007	2014	2021
Якутский	45,1	50,1	54,1
Русский	24,1	13,8	14,8
Оба языка	22,2	24,5	30,1
Язык обращения	8,6	11,6	—

Итак, использование якутского языка в сфере дружеского общения имеет позитивную динамику: по сравнению с данными 2007 г. количество городских саха, общающихся со своими друзьями только на якутском языке, увеличилось почти на 10%. Такая тенденция была зафиксирована уже в 2014 г. Использование русского языка в качестве единственного инструмента коммуникации с друзьями по сравнению с данными 2007 г. сократилось почти на 10%, а по сравнению с 2014 г. изменилось незначительно. Функционирование якутско-русского двуязычия в сфере дружеского общения имеет тенденцию к расширению.

Если рассмотреть языковую дистрибуцию в межпоколенческом разрезе и в сравнении с сельскими данными, возможным видится получение более детальной информации (см. табл. 4).

Табл. 4. Распределение языков в дружеском общении в зависимости от возраста респондентов в сравнении «город-село» (2021 г.), %
Table 4. Distribution of languages in friendly communication depending on the age of respondents in the comparison «city-village» (2021), %

Языки	Город / село	Возраст, лет					
		16–18	19–25	26–35	36–50	51–60	старше 60
Якутский язык	Город	21,4	57,6	63,6	64,1	71,4	71,4
	Село	81	77,5	84	91,2	95,3	100
Русский язык	Город	34,7	12,9	12,1	9,8	0	0
	Село	5	5	4	0	0	0
Оба языка	Город	43,9	29,4	22,7	23,9	28,6	25
	Село	11,6	17,5	12	8,8	4,7	0

Как видно, в селе в сфере дружеского общения активно используется якутский язык. Вместе с тем 4–5% сельской молодежи применяют в общении с друзьями только русский язык, в этом мы также усматриваем влияние «цифровой» и массовой культуры повседневности, а также учитываем, что объективно этническая принадлежность друзей может не совпадать с этнической принадлежностью респондента, либо функциональный язык друзей может быть иным, не якутским. Например, многие дети и подростки находят друзей на многопользовательской виртуальной платформе «Роблокс» (<https://www.roblox.com>). Обращение к якутско-русскому двуязычию в условиях сельской реальности характерно для молодежи и колеблется от 11,6 до 17,5%. Неэтнический язык молодежи и подростков в ситуации дружеского общения почти в два раза чаще используется, чем в ситуации «дома».

В городской же среде якутский так же широко распространен в дружеском общении, им пользуются 57,6–71,4% взрослых, что, впрочем, существенно ниже сельских показателей. У большинства учащейся молодежи 16–18 лет социальный институт дружбы характеризуется билингвизмом (43,9%), весьма значим русский язык (34,7%), на якутском языке происходит 1/5 часть дружеского общения. Значи-

мость русского языка в рассматриваемой сфере молодых респондентов можно объяснить возрастными особенностями, когда поведение диктуют так называемые публичные масскультурные авторитеты, о чем говорилось выше; кроме того, с одной стороны, осознание собственной индивидуальности, с другой — потребность в сплоченной группе индивидов, объединенных общими интересами, в том числе и языковыми предпочтениями. Язык общения — существенный маркер в городском сообществе, варьирующий в зависимости от ситуации. Он может служить средством как социального включения, так и исключения.

Языки в производственных отношениях горожан

Треть повседневной жизни человека в социуме происходит в лоне производственных отношений, поэтому коммуникацию в этой сфере, как и в двух предыдущих, необходимо рассматривать в рамках изучения языка городской повседневности. Данные о языковой дистрибуции городских саха в общении с коллегами представим в динамике с 1985 по 2021 г. (см. табл. 5). Сведения за 1985 г. взяты из исследования Т. В. Аргуновой, в котором в контексте изучения развития якутско-русского двуязычия в Якутии также рассматривается языковая ситуация в г. Якутске путем анализа релевантных нашему исследованию данных (Аргунова, 1992: 58).

Табл. 5. Распределение языков в общении «на работе» в динамике (г. Якутск, 1985–2021 гг.), в %
Table 5. Distribution of languages in communication «at work» in dynamics (Yakutsk, 1985-2021), in %

Языки	1985	2007	2014	2021
Якутский	5,3	23	27,4	51
Русский	45,6	44,1	28,1	18,4
Оба языка	49,1	19,2	31,2	28,6
Язык обращения	—	13,7	13,3	—

Если в конце прошлого столетия нагрузка на якутский язык, реализуемая в общении саха в городских трудовых коллективах, была минимальной (5,3%), то уже к 2007 г. количество саха, использующих только якутский язык на работе, увеличилось почти на 18%. В промежутке 2007–2014 гг. данная тенденция умеренно продолжается. В 2021 г. объем общения на якутском языке в ситуации «на работе» превысило 50%-й рубеж. В данном случае также прослеживается прямая корреляция с внутренней сельско-городской миграцией и убылью русского населения: по сравнению с данными ВПН–2010 г. количество русских, проживающих в г. Якутск, сократилось на 19,4%. Доля городских саха в процентном соотношении хоть и уменьшилась, но численно увеличилось на 8032 чел. (см. табл. 6).

Табл. 6. Количество саха и русских, проживающих в г. Якутск
Table 6. The number of Sakha and Russians living in Yakutsk

Год	Всего	Саха		Русские	
	кол., чел.	кол., чел.	в %	кол., чел.	в %
2010	286160	139500	48,7	105790	37,0
2020	372928	147532	39,6	65747	17,6

Прим.: рассчитано по данным ВПН–2010 и ВПН–2020.

Также сложившийся баланс языков можно объяснить характером рода деятельности опрошенных — 36,3% заняты в бюджетной сфере, в частности, в образовании, культуре, науке, спорте, где в

наибольшей степени трудоустроены саха. В какой-то мере может влиять и тот факт, что ситуация «на работе» предполагает, как официальное, так и неофициальное общение между коллегами.

Обратимся к данным в возрастном разрезе в сравнении с результатами анкетирования, проведенного в 2014 году, и в оппозиции «город — село» (см. табл. 7).

Табл. 7. Распределение языков в общении с коллегами в зависимости от возраста респондентов в динамике и в сравнении «город-село» (2014–2021 гг.), в %
Table 7. Distribution of languages in communication with colleagues depending on the age of respondents in dynamics and in comparison «city-village» (2014-2021), in %

Языки	Возраст, лет								
	26–35			36–50			старше 50		
	2014		2021	2014		2021	2014		2021
	город	город	село	город	город	село	город	город	село
Якутский	28,9	31,8	82,7	25,5	41,3	96,1	39,7	50,5	91,1
Русский	30,9	31,8	0	20,9	26,1	0	20,6	19,9	0
Оба языка	29,9	30,3	17,3	40,9	30,4	3,9	25	26,8	3,5

У молодого трудоспособного населения 26–35 лет использование якутского, русского языков и якутско-русского двуязычия в производственных коллективах распределено равномерно, что было зафиксировано и в 2014 г., поэтому можно предположить, что такая константа сохранится и в будущем. Баланс языков указывает на сбалансированность языковой дистрибуции.

Рост частного бизнеса, предпринимательства отразился увеличением доли лиц среднего (экономически активного) возраста, использующих лишь якутский язык (на 15,8%), либо русский язык (на 5,2%), так как данному сектору экономики характерна этническая сегрегированность. К примеру, стремительное становление якутской киноиндустрии, по объему выпускаемой кинопродукции, занимающей после гг. Москвы и Санкт-Петербурга третье место¹, позволяет представить данное, вполне объективное, соотношение. Среди людей старшего возраста наблюдается сокращение количества лиц, использующих только русский язык на работе. Коммуникация на русском языке замещается якутской: говорящих на работе на родном языке саха увеличилось на 10,8%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в городской производственной повседневности коммуникация на якутском языке занимает значительную долю, что демонстрируют представители всех возрастных групп. У экономически активного населения 36–50 лет наблюдается увеличение лиц, использующих только русский язык на работе, и наоборот — сокращение функций якутско-русского двуязычия, что не зафиксировано в двух других группах. Как показывает статистика, 48,9% респондентов данной возрастной группы заняты в сферах образования, культуры, науки. Две из них, образование и наука, представляют собой максимально регламентированные конвенциональными и неконвенциональными установками коммуникативные сферы.

В сельской же местности в данной коммуникативной ситуации свойственно общение на родном (этническом) языке и его объем колеблется от 82,7 до 96,1%. Среди молодежи распространяется двуязычное речевое поведение, его объем составляет 17,3%.

¹ Айсен Николаев: «Якутия занимает третье место в стране по уровню кинопроизводства» [Электронный ресурс] // Ulus.Media. 2023, 27 августа. URL: <https://ulus.media/2023/08/27/ajsen-nikolaev-yakutiya-zanimaet-trete-mesto-v-strane-po-urovnyu-kinoproizvodstva/> (дата обращения: 28.08.2023).

Принимая во внимание, что большую часть молодежи до 25 лет представляют студенты, представим их ответы по использованию ими языков в общении с участниками образовательного процесса (см. табл. 8). Для соблюдения релевантности ответов, в сельской группе молодежи не рассматриваем ответы респондентов 19–25 лет, т. к. в опросе населения в малых селах их представленность незначительна вследствие физического отсутствия. В результате сельско-городской миграции, например, в некоторых малых селах с населением в 300 человек их количество не превышает 3–5 человек.

Табл. 8. Распределение языков в общении в школе, ссузе, вузе в зависимости от возраста респондентов в сравнении «город – село» (2021 г.), в %
Table 8. Distribution of languages in communication at school, college, university, depending on the age of respondents in comparison «city – village» (2021), in %

Языки	Город, возраст, лет		Село, возраст, лет
	16–18	19–25	16–18
Якутский язык	17,3	28,2	74,4
Русский язык	40,8	40	2,5
Оба языка	41,8	29,4	17,4

В повседневном общении городской молодежи в данной сфере актуализированы в равной мере двуязычие и использование русского языка, у студентов (19–25 лет) в силу особенностей образовательного процесса, стандартизированного в рамках государственного русского языка, последнее более выражено. Количество лиц, использующих только якутский язык в общении с участниками образовательного процесса, многочисленнее среди студенческой молодежи, нежели у школьной, так как вопреки абсолютному доминированию русского языка в вузах, в последние десятилетия основным дифференцирующим параметром языковой компетенции в этнической общности саха выступает возраст: чем моложе возраст, тем ниже уровень владения этническим языком, следовательно и коммуникативная мощность.

У школьников (респондентов нашего опроса в возрасте 16–18 лет) больше тех, кто использует якутско-русское двуязычие, и 17,3 % использует якутский язык. Опросом целенаправленно были охвачены старшеклассники школ с неполной этнокультурной средой, в которых на время опроса (2021 г.) функционировали несколько классов с якутским языком обучения: школы №№ 3 и 26 г. Якутска.

Двуязычное повседневное общение распространяется и среди учащихся сельских школ: 17,4% школьников говорят в равной степени на якутском и русском языках. Общение на якутском языке характерно для 74,4% сельских школьников, 2,5 % старшеклассников общаются на русском языке.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что функционирование якутского языка в городской повседневности Республики Саха (Якутия), в целом характеризуется как активное. По сравнению с предыдущими исследованиями прослеживается динамика в расширении функций якутского языка в сфере межличностной коммуникации в условиях города. Урбанизированные саха в домашнем общении, в общении с друзьями и коллегами преимущественно применяют якутский язык, который поддерживается, в большей степени, благодаря увеличению демографической и коммуникативной мощности якутоязычного населения, мигрировавшего из сельской местности.

При этом в межпоколенном разрезе можно заметить тенденцию в смещении якутского языка русским, переходным этапом для которого выступает двуязычие, актуальное для более молодого поколения. К сожалению, данное явление под воздействием лингвополитического фактора и массового внедрения новых информационных технологий, зафиксировано и в сельской местности,

формируя, вероятно, предпосылки для языкового сдвига. Проникновение неэтнического языка посредством распространения несбалансированного двуязычия и новой цифровой повседневности в нерегламентируемые (аморфные) сферы общения может предопределить существенное ослабление позиций регионального недоминирующего языка.

Между тем позитивные факторы, как рост числа билингвов координативного типа¹ (см.: Иванова, 2022), относительно стабильное функционирование якутского языка в современной городской повседневности, распространение этнического языка в креативной индустрии (кино, анимация) и освоение новых культурных пространств этнической общностью позволяют строить благоприятный прогноз относительно развития якутского языка в городской среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргунова, Т. В. (1992) Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск : ЯНЦ СО РАН. 88 с.
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 323 с.
- Биткеева, А. Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 38–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>
- Блинова, Т. В., Былина, С. Г., Русановский, В. А. (2020) Прогнозирование изменения численности населения сельских территорий России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 18. С. 466–482. DOI: <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-466-482>
- Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>
- Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В., Покоякова, К. А. (2022) Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан : ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 160 с.
- Боргоякова, Т. Г., Покоякова, К. А. (2022) Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>
- Бреславский, А. С. (2020) Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. № 1. С. 68–81. DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2020.1.32402>
- Бюраева, Ю. Г. (2023) Внутрорегиональная миграция в Республике Бурятия: объемы, направления, последствия // ЭКО. № 4(586). С. 149–165. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165>
- Габдрахманова, Г. Ф., Макарова, Г. И., Мухамедзянова, А. Р. (2016) Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Казань : ООО «Фолиант». 207 с.
- Губогло, М. Н. (2013) Антропология повседневности. М. : ЯСК. 782 с.
- Дырхеева, Г. А., Бадараев, Д. Д., Хилханова, Э. В. (2022) Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации // Научный диалог. Т. 11, № 5. С. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135>
- Иванов, А. Г., Полякова, И. П. (2018) Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. №. 1. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-5-15>
- Иванова, Н. И. (2017) Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. М. : ООО «Языки народов мира». 260 с.
- Иванова, Н. И., Никитина, В. Н., Филиппова, А. Г. (2021) Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. № 10. С. 65–84. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>
- Иванова, Н. И. (2022) Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.7>

¹ При координативном типе билингвизма первый и второй языки билингва автономны в его сознании и не смешиваются в его речевой практике.

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Салихова, Э. А., Искужина, Н. Г., Мурсалимова, Ю. Р., Исмагилова, Н. В., Аюпова, Л. Л., Дильмухаметова, Л. Ф., Ситдикова, М. Г. (2021) Языковая мозаика г. Уфы. Уфа : ООО «Аэтерна». 414 с.

Шахбанова, М. М. (2022) Языковые установки городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 265–271. DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271>

Дата поступления: 06.08.2023 г.

Дата принятия: 12.09.2023 г.

REFERENCES

Argunova, T. V. (1992) *Yakutsko-russkoe dvuiazychie (sotsiolingvisticheskiy aspekt) [Yakut-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect)]*. Yakutsk, IaNTs SO RAN. 88 p. (In Russ.).

Berger, P. and Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]*. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2022) Model' sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniya i aktual'nye tendentsii iazykovoi politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 38–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Blinova, T. V., Bylina, S. G. and Rusanovskii, V. A. (2020) Prognozirovaniye izmeneniya chislennosti naseleniya sel'skikh territorii Rossii [Forecasting changes in the population of rural areas of Russia]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniya RAN*, no. 18, pp. 466–482. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-466-482>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvinskii iazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Borgoiakova, T. G., Guseinova, A. V. and Pokoiakova, K. A. (2022) *Yazyki Iuzhnoi Sibiri v dinamike sotsial'nogo konteksta [Languages of Southern Siberia in the dynamics of social context]*. Abakan, KhGU im. N. F. Katanova. 160 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Pokoiakova, K. A. (2022) Smyslovye zony vospriyatiya iazykov v kontekste natsional'no-russkogo bilingvizma Iuzhnoi Sibiri [Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in southern Siberia]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Breslavskii, A. S. (2020) Protsessy urbanizatsii v Respublike Sakha (Iakutiya): dinamika klyuchevykh parametrov (1989–2018) [Urbanization processes in the Sakha Republic (Yakutia): the dynamics of key parameters (1989–2018)]. *Urbanistika*, no. 1, pp. 68–81. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2020.1.32402>

Byuraeva, Yu. G. (2023) Vnutreregional'naya migratsiya v Respublike Buriatiya: ob'emy, napravleniya, posledstviya [Intraregional Migration in the Republic of Buryatia: Volume, Directions, Consequences]. *EKO*, no. 4(586), pp. 149–165. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165>

Gabdrakhmanova, G. F., Makarova, G. I. and Mukhamedzianova, A. R. (2016) *Gosudarstvennye iazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmerenii [State languages of the Republic of Tatarstan: multiple dimensions]*. Kazan', ООО «Foliant». 207 p. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2013) *Antropologiya povsednevnosti [Anthropology of everyday life]*. Moscow, IaSK. 782 p. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A., Badaraev, D. D. and Khilkhanova, E. V. (2022) Buriatskii iazyk v polietnichnoi Buriatii: funktsional'naya distributsiya, iazykovaia kompetentsiya, motivatsii [Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations]. *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 5, pp. 116–135. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135>

Ivanov, A. G. and Poliakova, I. P. (2018) Sotsial'naya mifologiya v prostranstve povsednevnosti i mass-media [Social mythology in the space of everyday life and mass media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, no. 1, pp. 5–15. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-1-5-15>

Ivanova, N. I. (2017) *Sotsiolingvisticheskie aspekty funktsionirovaniya iakutskogo iazyka v g. Iakutsk: tsifry i fakty [Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: facts and figures]*. Moscow, ООО «Iazyki narodov mira». 260 p. (In Russ.).

Ivanova, N. I., Nikitina, V. N. and Filippova, A. G. (2021) Sotsiolingvisticheskaia obuslovlennost' funktsionirovaniia iakutskogo iazyka v sfere shkol'nogo obrazovaniia: istoki nachinaishchegosia krizisa [Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis]. *Nauchnyi dialog*, no. 10, pp. 65–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>

Ivanova, N. I. (2022) Sushchnost' i svoeobrazie iazykovoi identichnosti molodezhi sakha v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste [The essence and peculiarity of the linguistic identity of the Sakha youth in contemporary sociocultural context]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 89–105 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.7>

Kaplunova, M. Ya. (2022) Otsenka vospriiatiia iazykovoi situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniem (na materiale polevogo issledovaniia 2021 g.) [Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Salikhova, E. A., Iskuzhina, N. G., Mursalimova, Iu. R., Ismagilova, N. V., Aiupova, L. L., Dil'mukhametova, L. F. and Sitdikova, M. G. (2021) Iazykovaia mozaika g. Ufy [Language mosaic of Ufa]. Ufa, OOO «Aeterna». 414 p. (In Russ.).

Shakhbanova, M. M. (2022) Iazykovye ustanovki gorodskogo naseleniia Dagestana [Language instructions of the urban population of Dagestan]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 2, pp. 265–271. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271>

Submission date: 06.08.2023.

Acceptance date: 12.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.22

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Статья

Тупрак ‘земля, почва’ в мифоритуальных традициях башкир: архаичные истоки, особенности и современные модификации**Розалия А. Султангареева***Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация*

В статье анализируются мифологические истоки, трансформации и современные реалии практики почитания, традиций сакрализации земли и земной почвы, передаваемых в концептах башкирской лингвокультуры «тупрак» и «ер».

Башкирская традиционная система почитания земли восходит к мифам о ее живой сути, кровнородственной связи земли и человека, к осознанию священности земли обитания, возникшей из тела демиурга Урал-батыра. Последующие модификации идей происходили сообразно целям меняющихся календарных обрядов, практик, ритуалов и получили практическую направленность — для хозяйственной деятельности, для целительства. В ритуалах, обращенных к земле, обнаруживается синтез и сращение тенгрианских, исламских верований.

Современная политика продаж земель, несоблюдение правил почтительного отношения к земле вступили в противоречие с традиционными ценностями. Это порождает настроения тревоги в общественном дискурсе и современном фольклоре.

Ключевые слова: культ земли; Мать-земля; тупрак; башкиры; башкирский язык; обряд; миф; башкирская культура; башкирский фольклор

Для цитирования:

Султангареева Р. А. Тупрак ‘земля, почва’ в мифоритуальных традициях башкир: архаичные истоки, особенности и современные модификации // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 314-327. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.22>

Султангареева Розалия Асфандияровна — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра Башкирского фольклора Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Адрес: Россия, 450008, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д.8, корпус 13. Эл. адреса: sasania@mail.ru; bashfolklor2022@mail.ru

SULTANGAREEVA, Rosalia Asfandiyarovna, Doctor of Philology, Head, Research Center of Bashkir Folklore, Akmulla Bashkir State Pedagogical University. Postal address: 8/13, Oktyabrskaya revolyutsii St., 450008, Russia, Ufa. Email addresses: sasania@mail.ru; bashfolklor2022@mail.ru

ORIENTAL STUDIES

Article

Tuprak 'land, soil' in the mythoritual traditions of the Bashkirs: origins, features and modern modifications

Rozaliya A. Sultangareeva

Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

The article delves into the mythological origins, transformations, and contemporary realities of worship practices and traditions related to the sanctification of land and soil, as conveyed through the concepts in Bashkir linguoculture, namely "tupraq" and "yer".

The traditional Bashkir system of venerating the land can be traced back to myths depicting its living essence, the inherent blood relationship between the land and humanity, and the recognition of the land's sacredness, emanating from the essence of the demigod Ural-Batyr. Subsequent modifications of these concepts occurred in alignment with the evolving objectives of calendar rites, practices, and rituals, adapting practically for agricultural pursuits and healing rituals. Rituals dedicated to the land exhibit a synthesis and amalgamation of Tengrian and Islamic beliefs.

However, contemporary policies regarding land sales and the disregard for the respectful treatment of the land have generated a discord with traditional values. This disjunction has led to a sense of concern evident in public discourse and contemporary folklore.

Keywords: land worship; Mother Earth; tuprak; Bashkirs; Bashkir language; ritual; myth; Bashkir culture; Bashkir folklore

For citation:

Sultangareeva R. A. *Tuprak 'zemlia, pochva' v miforitual'nykh traditsiiakh bashkir: arkhainnye istoki, osobennosti i sovremennye modifikatsii* [Tuprak 'land, soil' in the mythoritual traditions of the Bashkirs: origins, features and modern modifications]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 314-327. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.22>

Введение

Осознание кровнородственности земли и человека традиционно для коренных народов (башкир, алтайцев, кыргызов, туркмен, казахов, тувинцев, якутов и др.) и определяет суть, содержание всего многообразного мифоритуального комплекса и фольклора о поклонении земле. Однако обожествление, обережение земли обитания сильно оскудело в современном мире. Нынешняя система продаж не учитывает традиции почитания родных земель, священных для народов, проживающих на них. Поэтому исследователями подчеркивается, что «правовое управление земельными ресурсами сложный, комплексный процесс, требующий постоянного совершенствования законодательства всех уровней»¹. В этой связи древние мифы, народные знания обожествления родной земли ждут системных научных исследований, а также принятия мер по престижу, активации их в современном социуме.

В башкирских мифах, древних обрядах *ер* часто упоминается в контексте тенгрианских воззрений, называется *ер тәңреһе* 'тенгри земли' и как у всех тюрко-монголов, народов Саяно-Алтая, несмотря на множество значений (прародительница, родина, родное место бытия, кормилица, суша, последняя обитель *гүр*, сакральная территория, родоплеменное пространство) имеет константную харак-

¹ Янбухтин Н. Р. Регулирование земельных правоотношений в Республике Башкортостан в контексте разграничения государственной собственности на землю // Конституции Республики Башкортостан — 25 лет: итоги и перспективы развития». Материалы Всероссийской конференции, посвященной 25-летию Конституции Республики Башкортостан, 19–21 декабря 2018 года / под общ. ред. З. И. Еникеева, Ф. Р. Муратшина. Уфа: Мир печати, 2019. С. 235–236.

теристику священности — *изге*. Примечательны единообразность и созвучность лексических названий земли, а также традиций почитания *чер* тувинцев (Майны, 2023: 31), *ер* у башкир, *чир* — хакасов, *жер* — алтайцев, *чер* — тофаларов, *жир* — татар в полисемантике стихии как «планета Земля, мир, вселенная, земной шар; суша; почва, чернозём; земная кора; территория с угодьями, земельные угодья; место, местность, край, сторона, территория, родина, отчий дом, страна». В целом универсальна типология осознания священности земли в аспекте «место силы, которое обеспечивало благополучие социума» (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 29). Надо признать, что специальные предметные исследования в тувиноведении внесли особо важный вклад в проблему, выделив ее и как научную, и как социальную, и как ценностный культурный концепт (Ламажаа, 2021: 4; Майны, 2023: 26–37).

Цель статьи — выявить и изучить башкирскую этнокультурную систему землепочитания с охватом древних свидетельств, верований и ее трансформаций во времени. Данной целью обусловлены следующие задачи: 1) выявление системы башкирского традиционного землепочитания; 2) анализ особенностей трансформаций ее во времени; 3) восстановление картины современного отношения народа к земле обитания. В исследовании рассматриваются башкирские мифы, воззрения, жанры фольклора, целительство, обряды, связанные с культом земли и земной почвы — *тупрак*, а также современное состояние землепочитания. Предмет исследования — особенности отношения к земле и земной почве у башкир. Используются методы выявления, собирания, систематизации, реконструкции, трансляции фактологического материала как архивного, опубликованного, а в большинстве своем — собственно авторских полевых записей последних десятилетий.

Источниковую базу составляют исторические свидетельства, а также как опубликованные, так и собранные автором жанры народного творчества, верования, мифы, используются материалы из многотомного издания «Башкорт халык ижады» и экспедиционные материалы фольклористов¹; рассматриваются: 1) эпические сказания, предания, паремика, приметы, песни; 2) целительские, сельскохозяйственные праздничные, обрядовые практики, зафиксированные в современности по целевому опросу. Данный метод предусматривает специальные беседы с информантами по теме, аудио-, видеофиксации. Почитание земли раскрывается на фоне самых разных сфер народной жизни — мировоззренческой, обрядово-ритуальной, религиозной, художественно-творческой. В исследовании большое место занимают экспедиционные материалы, собранные как самим автором, так и другими фольклористами². Впервые вводятся в научный оборот материалы, собранные автором в Кугарчинском, Салаватском, Альшеевском, Хайбуллинском и других районах Республики Башкортостан, также в Саратовской области РФ.

¹ Башкорт халык ижады. Йырзар [Башкирское народное творчество. Песни] / сост. С. А. Галин. Уфа, 1974. (На баш. яз.); Башкорт халык ижады. Йола фольклоры [Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор] / сост., авт. вступ. ст. и комм. А. М. Сулейманов и Р. А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. Т. 1. (На баш. яз.); Башкорт халык ижады. Эпос [Башкирское народное творчество. Эпос / сост. А. М. Сулейманов, М. М. Сагитов, Р. Ф. Резяпов. III т. Уфа, 1998. (На баш. яз.); Башкорт халык риүәйәттәре һәм легендалары [Башкирские народные предания и легенды] / сост. Ф. А. Надршина. Уфа, 2001. (На баш. яз.); Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр [Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки] / сост., авт. вступ. ст. Ф. А. Надршина. Уфа: Китап, 2006. (На баш. яз.); Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р. А. Султангареевой, А. М. Сулейманова. XII т. Уфа, 2010; Экспедиционные материалы: Учалы башкорттары фольклоры (кыуакан, тиләү, барын-табын, кара табын ырызулары). Фольклорсы-йыйыусылар һәм төзөүселәр: Солтангәрәева Р. Ә., Гайсина Ф. Ф., Зинурова Р. Р., Ваһапова Р. Р. Өфө: РБ МҮИ, 2014. 249 б. (На башк. яз.); Экспедиционные материалы — 2018: Салаватский район: в 2-х томах / сост., авторы науч. ст. Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Ишкильдина, З. Р. Саямова. Уфа: Мир печати, 2022. Т. 1. (На башк. яз.).

² Учалы башкорттары фольклоры (кыуакан, тиләү, барын-табын, кара табын ырызулары). Фольклорсы-йыйыусылар һәм төзөүселәр: Солтангәрәева Р. Ә., Гайсина Ф. Ф., Зинурова Р. Р., Ваһапова Р. Р. Өфө: РБ МҮИ нәшрият, 2014; Экспедиционные материалы — 2004 г. Альшеевский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина. Уфа, 2006; Экспедиционные материалы — 2006: Бураевский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Сальманова, Ф. Ф. Гайсина. Уфа, 2008; Экспедиционные материалы — 2018. Салаватский район / сост., авторы науч. ст. Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Ишкильдина, З. Р. Саямова. Уфа: Мир печати, 2022. Т. 1. (На башк. яз.).

Традиционная система землечитания башкир

Изначальная суть почитания земли *ер* отражена в сакрализации живого *тупрак* ‘почва’, в башкирских верованиях называемой как *бәндәнең ахыр пак түшәге-туған тупрак* ‘истинно последняя подушка человека’. Ее кладут под голову прокойника, а священность этого *тупрак* ритуализируется в эпизодах бросания горстки почвы в могилу, в последнее обиталище человека — *гүр*: так трансформируется миф о чадородной сути *тупрак*. Этот древний ритуал сакрализации *тупрак* отражен в мифологическом эпосе «Урал-батыр», когда в могилу героя народ бросает почву, от которой образуются горы Уралтау.

Известно, что земля и почва воспринимаются у многих народов как плодородные материнские начала. Означено общетюркское почитание *тупрак* как массы, «из которой после смерти создается человек» (Кондыбай, 2018: 344), женская плодородная суть земли маркирована в словосочетании *Ер-Әсә* ‘Мать-Земля’ и у башкир «выступает материальным телом материнского или женского начала *инә*» (Салихов, Галимов, 2018: 100), восходя так к архетипам эпохи матриархата. Праматерь *Ер-Әсә*, *Ер-Ана*, *Ер-Инә* ‘Мать-Земля’ издревле персонифицировалась у башкир в обликах рыжеволосой красивой девушки, возлюбленной, седой старухи, старика или беременной женщины. Ей оказывали почести, соблюдали правила поведения. Сакрализация пашенной земли как беременной матери-земли и предписания, запреты, соблюдаемые в послеполевой период, имеют параллели у многих народов (Салмин, 2007: 120–126).

В историческом эпосе «Идукай и Мурадым» образ могущественной горы Урал-тау представляется как священное место социализации, живой символ матери-земли и оплот неразрывности кровно-родственной связи человека и земли:

Урал-Илгә ата ул! Урал-Илгә Әсә ул! ¹	Урал — отец страны родной он! Урал — мать страны родной он ²
---	--

В раскрытии феномена почитания важно понимание обожествления, сакрализации характеристик родной земли, т. к. в целом восходят они к осознанию этой сферы как локуса «рождения растительности, плодородия полей и садов, местопребывания умерших предков» (Шуклин, 1995: 67). Отсюда традиционная система высшего обожествления Земли-матери и почвы *тупрак* вбирает весь цикл, круговорот жизни и сферы бытия (обряды, целительство, бытохозяйственные, промысловые традиции и т. д.) человека: от рождения, мирской жизни до «бытия» в ином мире (смерть) и реинкарнированного «возвращения» в мир земной.

На этом фоне всякий захват родных земель воспринимался как осквернение матери-земли. Исторические причины восстаний башкирского народа в 1600, 1740, 1773–1775-х гг. были связаны с его протестами против захвата священных земель (Акманов, 1998: 145) и родовых территорий (История башкирских ... , 2015: 65), против усиления расхищения угодий в Зауралье, роста фискального гнёта, прямого насилия со стороны воевод и их помощников. Психоментальные истоки яростной, многовековой борьбы башкир восходит к обожествлению Земли-Матери как живой плоти-фетиша, возникшего из тела эпического Урал-батыра. Отмечаем, что среди всех эпосов коренных народов башкирский архаический *кобайыр* ‘кубаир’ (мифоэпическое сказание или жанр башкирской народной поэзии, короткий поэтический сказ, традиционно исполняемый речитативом под аккомпанемент думбыры, реже курая³) «Урал-батыр» уникален тем, что «родина, родная земля» непосредственно названа демиургическим именем эпического батыра. Само жизнебытие свое башкир до сих пор однозначно связывает с целостностью священной родной земли. «Если нет земли — нет мира. Если уйдут земли — не будет и родов. Башкир не будет»⁴.

¹ Изеүкәй менән Моразым. Тарихи кобайыр [Идукай и Мурадым. Исторический кубаир]. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1994. С. 75–76.

² Здесь и далее подстрочные переводы автора. — Р. С.

³ Галин С. А. Эпические традиции в башкирском фольклоре: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. М., 1994. С. 25.

⁴ Экспедиционные материалы — 2018: Салаватский район: в 2-х томах / сост., авторы науч. ст. Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Ишкильдина, З. Р. Саямова. Уфа: Мир печати, 2022. Т. 1. С. 232.

Мудрость древних тюрков и башкир гласит *Кешене ер яһай* ‘Человека творит земля’. Она выражает ценностное отношение к родной земле и связь человека с ней. Архетип родства Земли и Человека запечатлен в эпосе башкир «Урал-батыр», в котором повествуется о посмертном превращении тела мироустроителя в гору, землю, родину проживания башкир — *Урал-тау*¹. Семантически то, что понятие о сакральности земли-суши, места бытия в этом эпосе выражено термином *урын*.

Краткая фабула эпического произведения “Урал-батыр” такова.

По сюжету эпоса в начале времен, в давние-предавние времена было *урын* ‘место’, окруженное с четырех сторон *диңгез* ‘морем’, где появляются первочеловеки Янбирды ‘душу, жизнь давший’ и Янбике ‘душу, жизнь берегущая’. Их сыновья Урал и Шульген выбирают разные пути добывания *Йән-шишмә* ‘вечного родника жизни’ и борьбы со смертью. Шульген идет по пути зла, обмана, предательства. Урал, творящий добро, уничтожает змей, драконов, освобождает рабов в царстве злого Катила, добывает волшебный посох власти *ынйы башлы таяк*, устанавливает из хаоса цветущий мир, и, не проглотив ни капли воды, окропляет его живой водой. Сыновья его Идель, Яик, Нугуш, также сын Шульгена Хакмар через много лет снова добывают земле живительные воды, разрубая булатным мечом скалы, горы. В эпосе провозглашается Добродетель как единственное спасительное учение, подобное вечно живой воде. С четырех сторон окруженное водой эпическое место *урын* связывается с дотюркомонгольским *өр, ор* (Дугаров, 1981: 99), что дает проекции на древнейшие первородные истоки названия Уралтау — Уральских гор.

Родная земля и родина идентифицируются с могучей горой *Уралтау* —неприкосновенной для врага-чужака священной территорией, отчизной, местом обитания самых древних башкир. В эпосе об этом сказано так: «Дорога Урала — горой высокой, Могила Урала — славною горой — Уралом называться стала, оказывается...»². Родная Земля как суша после Туфана впервые вербализуется в главном эпосе башкир словом *урын* (в «Урал-батыре» — ‘место, окруженное водой’). Лексема обнаруживает также связи с древнетюркским *оуп* ‘место’³, означающим некий дальний, недоступный мир с названиями *Ур, Урум, Рум* (тюркское название Византийской империи) (Кондыбай, 2005: 240).

Тюркская праформа *иг-* (*ор*) ‘яма, расщелина’ относится также к обозначению замкнутого пространства, пещеры (Древнетюркский словарь, 1969: 370). У башкир — дом, возвышенность *үр+ын*, землянка. *Урын* — это место посева, покоса, пастбищ, также могила, «дом» умершего, страна эпических героических предков.

Название сохранило исконный код священного единства и родства связи человек — земля обитания. В тувинском *Оран ээзи*, т. е. хозяин Вселенной, корень *ор/ур* (Алексеев, 1984: 45) также семантичен в обозначении высокого священного лица и его знакового места. Как повествуется в башкирском эпосе, могила Урал-батыра становится ‘светящейся’ горой:

Урал-батыр үлгән һун, Гүре балкып торған, ти ⁴	После смерти Урал-батыра, Могила светилась, говорят...
--	---

В эпосе говорится: «драгоценные камни-они и есть, оказывается, чудесные кости Урал-батыра. Кровь Урал-батыра не остыла еще, за много лет просто цвет и свойства изменились. То, что мы принимаем за масло земли – оно есть неиссыхающая кровь Урала»⁵. Эпос запечатлел яркий акцент о кровно-родственности героя и земли. Это распространенный мотив в архаичной мифологии. Таким образом, ментальные истоки многовекового поклоннического отношения и самоотверженной защиты башкирами родной территории обитания зиждуются на архетипичном восприятии земли как живой плоти, фетиша – запретного тела Урал-батыра.

Единство и различие земной почвы *тупрак* как чадородной массы и земли как родного места (пространства) обитания ярко выражены в мифоэпосе «Урал-батыр». После смерти на могилу батыра люди по горстке в ладонях бросают почву, которая становится золотом, далее образуется гора:

¹ Башкирское народное творчество. Эпос / сост. А. М. Сулейманов, М. М. Сагитов, Р. Ф. Резяпов. Т. III. Уфа: Китап, 1998. С. 58.

² Там же. С. 122.

³ Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. С. 372.

⁴ Башкирское народное творчество. Эпос ... С. 123.

⁵ Там же. С. 136.

<p>Урал-батыр үлгән һун, Гүре балкып торған, ти. Быны күргән кешеләр Йыйылышып барған, ти. Бер ус тупрак алған, ти, Бары данлап һалған, ти, Бара-бара ул ерзә Алтын булып киткән, ти¹.</p>	<p>После смерти Урал-батыра, Могила светилась, говорят. Люди, увидев такое, Все собрались и пришли, говорят. Каждый горсть земли взял, говорят, Все славя, бросали ее (в могилу), говорят Со временем на месте том почва — Золотом стала, говорят..</p>
---	---

Мифологема «земля — плоть человека» таким образом, лежит в основе понятий «окультуренное место, земля, суша, родная обитель, священная территория». Поэтизируется философия неразрывности связи *земля-могила-человек*, означающей величие горы и места обитания:

<p>Урал юлы — бейек тау, Урал гүре — данлы тау — Урал булып калған, ти!²</p>	<p>Дорога Урала-горой высокой, Могила Урала-горою славной — Уралом называться стала, говорят!</p>
---	---

Универсальна в традициях народов идея возникновения земли-почвы в связи с тотемной плодородной птицей(уткой) или жизнетворной сутью живой Воды. В мифологическом эпосе «Урал-батыр» герой обрызгивает (сакральный акт зарождения жизни) живой водой мир и появляется процветающая Земля, вечно зеленая природа — лоно людей, птиц, зверей — масштабный мир, отличный от личного пространства обитания *урын*, т. е. первотворенное место.

В отличие от эпоса «Урал-батыр» в историко-романическом сказании «Узак-Тузак-балабашняк ярсыгы» («Узак и Тузак — последний из рода балабашняков (печенегов)») очень точно конкретизируется идея единства, парности Человека — Земли, провозглашается священность *Ер-һыу* 'Земля-Вода'. Замысел этого эпоса концептуален и уникален, отображая идею о Человеке как неразделимой части мироздания, что он единоутробен с божеством среднего мира *Ер-һыу* 'Земля-Вода', единственным в своем роде.

Герой эпоса Узак-Тузак после смерти своего отца ищет ответ на вопрос, что же это такое *Ер-һыу* 'Земля-Вода', которые оставил его отец, и в поисках ответа обращается к духам реки, зайца, леса, камня, деревьев и т. д. Духи отзывчивы с ним, отвечают его вопросам, разговаривают, но наставнически направляют разум на постижение Истины. Последний из рода печенегов (балабашняк), наконец, находит жизнесмысловый ответ, касающийся идентификации себя самого с родным *Ер-һыу*: человек счастлив и свободен только в единстве и неразделимости с родной, потому священной землей! В устах героя лаконично фольклоризована основа жизнебытия, главные нравственно-экологические ориентиры человека, осознающего родство с землей и ответственность за родную землю.

<p>Ер-һыу — йөрәк тибешем, Ер-һыу — миңең төп ишем. Атайымдың төсө ул, Беләгемдең көсө ул,..... Ер-һыу тәне — Кеше ул, Ер-һыу Кешенең ише ул! Ер-һыуға кеше менән йәм керә, Ер-һыуға кеше менән тәм керә³.</p>	<p>Земля-вода — сердца моего биение, Земля-вода — мой главный товарищ, Память отца моего, Сила рук они моих... Тело Земли-воды — это Человек, Земля-вода — человека пара и суть! В Землю-воду человек вносит красу, В Землю-Воду человек вносит вкус.</p>
---	---

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 122.

³ Надршина Ф. А. Узак и Тузак – потомки балабашняков. Исторические корни эпоса // Ватандаш. 1999. № 1. С. 74–78.

Земля универсально воспринималась в мифологии народов в паре с водной стихией, называясь *Ер-Һью* (Земля-Вода), отображая неразрывность двух разных стихий. Эта неразрывность фольклоризована как масштабное мировоззрение жизнебытия, принцип взаимответственности, долга, защиты человеком себе подобного мира — Земли-Воды. Башкирский эпос дает конкретику трансцендентального подхода к природе, идею гармоничного единения с ней как непереносимым условиям жизни. Эпос неслучайно связан с понятием «последний из рода». Узак-Тузак — последний из вымершего народа печенегов. Он действует как декларирующий высшую священность родной земли, как мудрец, несущий вероучение о единстве и взаимответственности природы и человека. «Узак-Тузак, найдя, в конце концов, ответы на вопросы, становится человеком новой культуры, нового мировоззрения. Он принимает те условия, которые ставит ему здесь уральская природа, находит “ответ” на “вызов” природы. Данный «ответ» является уже “башкирским”, а не “печенежским”», верно оценивает суть эпоса исследователь (Исянгулов, 2008: 20).

В эпическом тексте метафоризирована философия не только кровной, но и духовно-нравственной, социо-биогенетически родственной связи «земля — вода — человек». Назывные краткие фразы о родстве земли и человека даются как формулы исконно народного вероучения. Непередаваемые в переводе поэтические модели как ассонансы и консонансы, емкая метафоричность, благозвучность темпоритмически выверенного слога представляют этот кубаир¹ как поэтический закон о Земле, который уже в древности, в результате духовных поисков, сформировался в сознании сказителей-башкирских сэсэнов.

Если в мифах, эпосе отображено почитание Земли-планеты в целом, то в обрядовом фольклоре обожествление земли и почвы *тупрак* конкретизировано в ритуальных действиях, а в песнях, паремике, байтах² — в поэтико-словесном плане обобщена любовь народа к родной земле и принципы ее защиты. Паремические жанры лаконично запечатлели многообразные значения и замыслы башкирского землечитания.

Башкирская паремика представляется как система мудростей и учения о священности единства Человек-Земля. Главные качества настоящего мужчины тестируются через образ родной земли: «*Ир булһаң-ерзэй бул, Ер ни нәмәләр күтәрмәй*» ‘Если ты мужчина, будь как земля, земля ведь чего только не поднимает’. В пословицах и поговорках запечатлены исконные народные принципы любви и защиты Земли как гаранты благополучной жизни: «*Ерен һәйгән — көн күргән*» ‘Кто любит землю свою — у того и жизнь будет’; крепости государства — «*Ере барзың — иле бар*» ‘Кто имеет землю свою, тот и страну имеет’; обеспеченности и здоровья — «*Ере барзың еме бар, еме барзың име бар*» ‘У кого есть земля — у того и пища есть, у кого есть пища — у того и исцеление есть’³. В тувинской паремике также отчетливы параллели по связи земли и человека, которая «уподоблялась той же связи, которая есть в природе у животных к местам обитания: “*Куш уялыг, кижги чурттуг*” ‘У птицы — гнездо, у человека — Родина’» (Сувандии, 2023: 31). Подчеркивается, что в «пословицах и поговорках лексема *чер* употребляется вместе с другими частями окружающего людей пространства: «*Дээр — ада, Чер — ие* (“Небо — отец, Земля — мать”» (Сувандии, 2023: 32), как и в башкирских поговорках «*Атабыз — һауа, анабыз — ер*» ‘Отец — небо, Земля — мать’.

Высший принцип почитания Земли-матери составляет идейную, содержательную основу мудрых изречений, до сих пор устойчивых в активе фольклорной памяти. «*Ер — Анабыз, Ер — тамағыбыз, Ер — барымыбыз*» ‘Земля-мать, Земля-кормилица, Земля-обитель, куда после смерти идти нам’⁴.

В системе обожествления земли особо важное место занимают традиции возложения каменных сооружений как маркеров обитаемости. Необитаемое пространство (круг) представляется пустотой, а если в центр его воздвигнуть кол (столб, палку, камень и т. д.), оно превращается в обозначенное,

¹ Кубаир — эпическое сказание башкир.

² Байт — лиро-эпический жанр татарской и башкирской поэзии, основу его составляет двестишье.

³ Башкорт халык ыжады. X том. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр [Башкирское народное творчество. X том. Пословицы и поговорки] / төзөүсе, инеш мәкәлә һәм коммент. авторы Ф.А. Нәзершина Өфө, 2006. С.87-88.

⁴ Полевые материалы автора (далее — ПМА): записано от М. Д. Буранбаевой в дер. Идрисово Альшеевского района РБ в 2003 г.; ПМА: записано от Д. Бикбаева в дер. Мурадымово Кугарчинского района РБ в 2008 г.

имеющее своего покровителя и владельца окультуренное место. Башкирская традиция водружения каменных сооружений — *караскы* (*таш бағана, уба, тораташ, таиһын*) на вершинах гор, холмов, на родовых территориях относится к сакрализации священных мест. *Караскы* от слова *карау* 'смотреть, наблюдать' / вбирает понятия 'защищать, оберегать'. Информативно то, что еще в 1930-е гг. совершались кровавые жертвоприношения возле караскы (Илимбетова, 2020: 129).

Традиции обозначения грудями камней знаковые места бытовали у киргизов, хакасов, тюрко-монгол Центральной и Средней Азии, бурят, таджиков, узбеков и мн. др. (Илимбетова, 2020: 131–132) и обнаруживают параллели с башкирскими и алтайскими традициями, когда «поклоняясь родным местам, преподносят возле них ритуальную еду» (Казагачева, 2002: 253). В форме груды камней выглядят святилища у народов Закавказья, осетин Северного Кавказа (Бидеева, 2014: 33–35). Камень — отвердевший свет, символ истины по верованиям, в целом вбирает также значения «тотемов зачатия», «частицы тотемического первопредка» (Илимбетова, 2020: 59). Отсюда манипуляции с сооружениями *уба* направлены на умилоствление хранителей духов *эйа* земли и активацию защитных сил во имя рождения покровителей, ибо кучки камней *уба* (*обо*) действуют как естественные храмы почитания земли, собиратели земной энергии. Во всех случаях камни символизируют крепость, вместилища духов земли, изваяния духов предков-хранителей, а также сакральные границы — межи, за которые нельзя переступать с враждебными целями. Прочность и глубина генной памяти обожествления родной земли поражают: эти традиции складывания камней на особых местах, вершинах гор нами зафиксированы в Бурзянском (2017), Абзелиловском, Хайбуллинском (2010), Баймакском (1984, 2016), Белорецком, Давлекановском и др. районах Республики Башкортостан.

Мифов о планете Земля зафиксировано сравнительно мало, но их отличает информативная наполненность, сохранность космогонических взглядов, верований в ярких метафоричных высказываниях, приметах. Даются понятия о состоянии, движении 'Земли-планеты': «*Ер үгез өстөндө тора, үгез мөгөзөн һелкетһә — ер һелкенә!*» 'Земля стоит на огромном быке, если бык потрясет рогами, случаются землетрясения!'¹ Глубокий пласт древних знаний запечатлели до сих пор бытующие в памяти народа короткие мифы о Земле (она стоит на быке, змее, рыбе, черепахе). «*Дүрт ташбака өстөндө тора ер. Шул яйлап кына эйләнә, шулай дүрт мизгел була инде*» 'На четырех черепахах стоит земля. Медленно поворачивается, вот и получаются так четыре сезона в году'².

Разумное объяснение семантики и метафоричности этих, на первый взгляд, примитивных мифов возможно при обращении к традициям архаичной астрологии, т. е. к 12-летнему животному календарю, по которому жили тенгрианцы — народы Алтая, Сибири, Тибета, Китая, а также древние казахи, кыргызы (Мухамбетова, 2001: 14). Поныне этот способ летоисчисления — 12 летний *мөсәл* (мусаль) — бытует и у башкир, когда каждый год символизирует свой покровитель — животное Года (бык-корова, лошадь-конь, змея-дракон, собака-заяц и т. д.), чередуясь согласно гендерным парам. Летоисчисление по животному календарю известно тибетской проторелигии бон, о происхождении которой множество взглядов и концепций. В определённой интерпретации бон («ритуал», «речевые обращения») — четко структурированное учение с традициями высшего почитания Природы, зверей, небесных светил, земли, «включало и названия бонских служителей культа, была создана иранцами и в переводе с иранского означает «день», «сила», также известна была ещё до появления буддизма в Тибете (Кычанов, Мельниченко, 2005: 267).

В генной памяти народа прочно сохраняется понятие о священности земли, оно корректирует поступки и нормы поведения людей старшего поколения (это строгие запреты плевать на землю, копать ее без надобности, кричать и ругаться возле посевного поля, оставлять пустую выкопанную яму, лежать мужчинам лицом вниз на земле-матери и т. д.). Последний запрет особо ревностно еще соблюдается в быту. Так, аксакалы жестко хлестали кнутом или прутиком незадачливых молодых людей за «прелюбодеяние» с Матерью-землей (*Ер-Ана менән зина кылаһыңмы, аһот!*³).

¹ ПМА: записано в Кугарчинском, Караидельском районах РБ.

² ПМА: записано от Г. С. Хусаинова, 1931 г.р. в дер. Таллы Самарской области РФ.

³ ПМА: записано от Д. Бикбаева 1941 г.р. в дер. Мурадымово Кугарчинского района РБ в 1992 г.

Рудименты сакрализации отношений с *ер эйәһе* ‘хозяйном земли’ сохраняются в специальных обрядах, действиях, манерах поведения: так, при нечаянном спотыкании три раза плюют на это место и что-нибудь оставляют от себя; забирая земную почву, белую глину, кладут туда жертву-кусочек хлеба, монеты, соль; перед посевом на вспаханную почву, т. е. в первую борозду, бросают яйца, кусочки жира, «умилостивляя» и укрепляя, таким образом, плодотворные силы стихии.

Особенности трансформаций почитания земли

Землепочитание башкир дифференцировано, оно проявляется в нескольких основных концептах. Земля — это: 1) часть мироздания, планета; 2) чадородная, кровнородственная человеку живая стихия, т. е. *ер-тупрак*, от которой создан и которая питает человека и берет к себе после смерти; 3) священное место жизневедения, социализации человека (Родина, место жизнедеятельности, хозяйствования, празднеств, обрядов и т. д.), 4) суша и окультуренное пространство жизнебытия человека. Примечательно, что дифференцирование земли у башкир и тувинцев обнаруживает прямые параллели (Майны, 2023: 44). У башкир сохраняется синкретичность восприятия *тыуған ер* ‘место рождения’, *торған ер* ‘место проживания’, *кайткан ер* ‘погребения’.

В отличие от сугубо вербальных жанров, обряды и ритуалы обнаруживают специфику более гибких модификаций к современным событиям. Отметим, что сакральность родной земли и *тупрак* особо акцентирована в обрядах с пограничной семантикой — проводов и встреч. По приезде из странствий ранее устраивался обряд *Ер тануу* ‘узнавание земли’. Воин (или человек, совершивший хадж, долговременное путешествие, поход) должен повалиться на земле, целовать, просить прощения перед тем, как войти в пространство своего аула-деревни¹. Ритуал предусматривает соблюдение долга поклона сакрально чистой родной земле-*тупрак*, также отторжение от злостных сил, «следовавших» за путником.

Ныне обряд поклона почти утерян. Однако старики еще спрашивают приезжающих на родовые праздники *шәжәрә байрамы* о том, «помнят ли они знаковые места родной земли, каких батыров вырастила эта земля и т. д.».

Особо выразительно проявляются идеи обожествления *тупрак* в земледельческих традициях. Башкиры медленно осваивали пахотные работы. Отчуждение основывалось на страхе причинить боль живому телу земли-матери и «потому для себя большой нужды в земледелии не имеющие» башкиры «питали такое отвращение к этому, что готовы лучше умереть с голоду, чем принудить себя взять соху в руки» (Черемшанский, 1859: 148). Ранее окропляли плуг молитвенной водой, произносили причитания, просили прощения за то, что вынуждены ранить тело матери-земли. В аграрных традициях долгое время (и ныне) бытовали акты умилостивления земной почвы: раскатывая по первой борозде яйца, произносили заклинания об обильном урожае. В обращениях лаконичен образ дарителя благ — тенгрианского божества Матери-земли, покровительницы и кормилицы:

<p>Ер! Ер! Көсөң бир! Алтмыш арба арыш бир! Етмеш арба етен бир! Тужхан арба тары бир! Аска бир, тукка бир!²</p>	<p>Земля! Земля! Силы дай! Шестьдесят телег ржи дай! Семьдесят телег льна дай! Девяносто телег пшена дай! Голодному дай, сытому дай!</p>
---	--

В настойчивости молебных просьб и обращений проявляется посыл волевого человека и достойного хозяина. Ритмичность речитаций, лаконичный строй и четкий темп передают сильную энергетику, жизнесмысловой пафос ритуальных действий.

Правила почитания почвы *тупрак*, структурирующие модели отношений «человек — земля — человек», до сих пор бытуют в памяти народа. Во время посевных обрядов ныне «угощают» почву яйцами, «белым напитком»; провожая в армию, уезжающему вручают кيسет с *тупрак* в качестве оберега и

¹ ПМА: записано от А. Барлыбаева в с. Юмашево Баймакского р-на РБ в 1992 г.; ПМА: записано от М. М. Мусиной 1926 г.р. в дер. Кыдрасово Абзелиловского района РБ в 2008 г.

² Башкорт халык ижады. Йола фольклоры [Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор] / сост., авт. вступ.ст и коммент А. М. Сулейманов и Р. А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. Т. 1. С. 272.

«гаранта» возвращения на родную землю; впервые наступая на территорию мужа, невестка бросает на землю монету (кусочек хлеба, зернышки), произнося сакральное изречение: «*Торған ерем бул!*» 'Будь землей, где жить мне!'; танцора обучают «ступать на землю осторожно, но твердо», утверждая свой статус хозяина и защитника территории. Сила клятвы молодого егета¹ перед страной закреплялась обсыпанием на его плечи почвы с могилы известного батыра. Ныне произносят аят из Корана возле могилы родового батыра. Прощание невесты с родной землей реализовалось в ритуале *ялан ташлап сеңләү* ('причитания в поле') во время проводов из дома отца в дом жениха. Ныне этот ритуал превращен в увеселительное прощальное хождение молодежи в поле. В этих и многих других функциональных действиях отличительно доминируют идеи развлечений и дани обычаям.

Верования о святости *тупрак* продолжают составлять особенности современных модификаций этнокультурных ритуалов.

Отношение к родной земле в современности

Традиции почитания возрождаются в проведении многолюдных *ырыу йыйыны*, народных, родовых собраний, обрядовых круговых танцев *түнәрәк*, исполняемых *ер именлегенә* 'во благо земли'.

Особую актуальность и популярность обретает масштабное собрание целителей и народных врачей, называемый *Ер кото* 'Сила земли', которое с 2022 г. ежегодно проводится в Абзелиловском районе РБ по инициативе РОО «Общество башкирских женщин» РБ. В полевых условиях участники совершают коленопреклонение, молятся, проводят обряд получения прощения у земли, совершают приношения, поклоны, в большом круговом танце громко произносят благопожелания. Круговое хождение завершается клятвоприношением стране, земле, затем исполняется коллективный танец под мелодии *курая*².

Мудрость о том, что священная земля «рождает», «кормит», «защищает», «водит по судьбе» и «возьмет» в свое лоно после смерти, отражается в до сих пор активных в памяти народа изречениях: «*Тупрактан яралғанбыз — тупракка кайтабыз*» 'Из почвы земной родились — в почву земную возвращаемся' или «*Ерҙән килгән ергә китә*» 'Пришедший из земли уходит в землю'³.

Идеи ценности «земли родной, что жизни дороже», которыми пронизан весь фольклор, продолжают транслироваться в мировосприятии, поведении людей. Напомним, что земля родная олицетворяется в образе Уралтау — Уральской горы как родной страны *тыуған ил*, много веков защищенной любовью и почитанием башкирского народа. Среди множества народов, проживающих на Урале, только башкиры сочинили песню *йыр* о великой и чистой любви к земле, ответственности за ее безопасность, за родину предков. Сложение героико-патетической песни относится к временам добровольного воссоединения Башкирии к Руси, к 1553–1557 гг. Традиции и идеи почитания Земли главенствуют в этой башкирской народной гимнической песне, с которой начинаются все большие собрания *йыйын*, праздничные торжественные мероприятия. В высоком слоге песни «Урал» выражается великая любовь башкир к родной земле: «Не жалея жизни, кровь проливал, но не отдавал башкир свой Урал!»⁴

В разговорной речи современного башкира родная земля все еще предстает как живое существо. Во время опросов населения, общения с людьми в их речи часто звучат лексемы очеловечивания родной земли. Антропоморфность земли лексически обозначается в соматических характеристиках: она имеет *йөз* 'лицо', *бит* 'лицо', *аяк* 'ноги' и *баш* 'голову', *кендек* 'пуповину'. Объясняя природные явления, информатор XXI в. продолжает выступать как мифотворец, выстраивая гармонию связей жизни природы и земли в ассоциативной символической паре супружеских отношений: «*Ямғыр яуа бит ергә. Бына ошо инде Һауа Атабыздың Ер-Әсгә төшөргән өлөшө. Ямғырҙа бит Күктең котло орлоғо бар*» 'Дождь ведь льет на землю. Вот это и есть доля Неба-Отца, отпускаемая для Матери-Земли. В дожде содержится благотворное семя Неба'. До сих пор в кратких приговорах фольклоризуется материнская суть земной

¹ *егет* (башк.) — парень.

² *Курай* — национальный музыкальный инструмент башкир; изготавливается из тростникового растения.

³ ПМА: записано от Я. А. Вильдановой (1926–2023) в Альшеевском р-не, дер. Ново-Сепяшево, 2005 г.

⁴ Башкорт халык ыжады. Йырҙар. Беренсе китап [Башкирское народное творчество. Песни. Книга первая] / төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе С. А. Ғәлин. Өфө, 1974. С. 12.

почвы: «*Ер — инэ йынысы, Ыауа — ата йынысы, тизэр*» ‘У Земли — материнская, у Неба — отцовская суть, говорят’¹.

Язык мифоритуалов лаконичен и универсален, в нем можно прочесть соединение разных символов, идей и традиций, сочетание сходных явлений и представлений. Тюркское божество *Йер-Су* ‘Земля-Вода’, у башкир — *Ер-Һыу* — числится в разряде земных *тосей* (образов), входит в культовую сферу высшего почитания Природы, а также «хозяев»: тенгри земли, воды, растительности. До сих пор в практике современных башкирских целителей упоминается Дух земли. В закличках он представляется в образе старца-целителя или пожилой женщины. Если случаются сильные засухи, трескается почва, говорят, что «Мать земля, открыла рот, просит воды». Поэтому в земные щели спускают пищу (хлебные крошки, зерна, соль) или вливают молоко со словами:

Ер анаһы — ерэн һакал!
Һыу анаһы — һыу(ы)ған һакал!
Төҫҫ! Төҫҫ!

Мать земли — рыжая борода!
Мать воды — холодная борода!
Тоссь! Тоссь!²

Образ *һакал* ‘бороды’ — метафора старшинства, особой древности *эйә* ‘хозяина’ сферы, транслируется и как название женского украшения, закрывающего шею, т. е. *һакал* ‘борода’. Выдержан акцент на цветовом соответствии мастей и стихий. Здесь: рыжая борода, олицетворяющая мать земли *ерэн һакал* вбирает соответствия красно-рыжего цвета земли (глины). Известно, что Земля, как всякое тенгрианское божество и как «жестокое божество, требует в жертву серую или рыжую лошадь» (Гумилев, 1993: 79). В башкирских обрядах земле приносили в жертву *күк, буз* ‘светлосерую’ или *ерэн* ‘рыжую’ лошадь. Традиционно в обряде инициирования дождя башкиры забивали черного барана, одевались в черные одежды, на голову надевали черные шапки. Это делалось с целью привлечения черной дождевой тучи и довольства духа матери-земли. Перед освоением новой летовки забивали черного(белого) барана во имя благодати земли *ер именлегенә корбан салыу була*³. Эти обряды в современности сохраняются, но проводятся с соблюдением лишь некоторых компонентов: читают *ямғыр намазы* ‘намаз дождя’, приносят жертвы, а заклички, призывания дождя произносят уже редко.

В народной памяти еще устойчива вера в особую силу земной почвы. Понятие *ер ала* ‘земля берет’ имеет как целительное, также охранительное значение. Отсюда активны еще в этикете предупреждения «*Ер тарта ул — унда озак ятма*» ‘Не лежи долго на земле — она тянет к себе (т. е. тянет в могилу)’. При лихорадке, болезнях суставов, нервной системы, внутренних органов поныне устраивают целительный акт *ергә һалыу* ‘укладывание в землю’. Он основан на представлениях о высасывающей всякие хвори оздоровительной силе земной почвы. Для этого, раскопав яму величиной в рост больного, разводят в ней костер. Через полтора часа прогретую яму набивают разными целебными травами, ошпаривают кипятком и укрыв, томят час, после укладывают туда больного.

Миф о прародительнице Земли — Матери *Ер ана* обнаруживает следы в родильном фольклоре. Принимая роды, повивальная бабушка говорит: «*Ананан түгел, Ер Әсәнән алам баланы*» ‘Не от матери дитя беру, а из земли-матери беру!’⁴ Здесь транслируются мифологические верования о том, что каменные расщелины, гроты, пещеры и т. д. воспринимались как метафоры детородных органов Земли-матери (Сагалаев, 1991: 78–79), которые сосемантически с башкирскими обрядами выпрашивания дитя у пещер (Султангареева, 1998: 28–30). Особыми энерго-информационными точками, где проводили специальные ритуалы умилоствления, «кормления» земли, являются сакральные ниши башкирских гор: Уклыкая (Гафурийский р-н), Мурадымовская пещера (Кугарчинский р-н), Олотау (Белорецкий р-н), пещеры Шульген-таш (Бурзянский р-н) и другие «детородные места». Современные целители в своей практике еще проводят обряды умилоствления духа пещеры и выпрашивания дитя. Камни возле пещер мажут маслом, медом, жиром барана, принесенного в жертву во имя рож-

¹ Экспедиционные материалы — 2006: Бураевский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Сальманова, Ф. Ф. Гайсина. Уфа, 2008. С. 93.

² Звукоподражание изгнания чего-либо.

³ ПМА: записано от И. А. Мигранова, 1938 г.р. в дер. Аркаулово Салаватского р-на РБ в 2018 г.

⁴ ПМА: записано от М. М. Мусиной 1926 г.р. в дер. Кыдрасово Абзелиловского района РБ в 2008 г.

дения дитя, произносят заклинания. Обращения должны быть искренними, прямое обращение к стихиям позволяет чистым душой и помыслами людям, не нарушающим законы природы и благочестия. Обычно такие действия проводят многодетные, заслужившие особое уважение сельчан бабушки, ничем не запятнавшие себя. Аналогичны требования, предъявляемые в шаманских традициях саха-якутов, калмыков.

Современная культура землепользования башкир также основана на традиционных правилах. Так, «чтобы не портить лицо» Земли-матери, лишь после полного подсыхания весенней почвы стада выпускают в поле, лес; оберегая «легкие» Земли-матери, не допускается чрезмерная рубка леса; в период весенней распутицы или осеннего бездорожья всем селом проводят праздник *Баткак сэй* 'Чай грязи', когда все ходят в гости друг к другу, угощаются блинами, произносят благопожелания¹. Смысл обряда подразумевает оказание «помощи» матери-земле в трудный для нее период бездорожья, слякоти, неустойчивой почвы.

Весна — время пробуждения новых сил земли. Это время года мифологизируется как брачный сезон могучих стихий, «когда Небо вступает в супружеский союз с землей» (Салихов, Галимов, 2018: 100). Свадьба стихий насыщена ритуалами приветствия и заполучения благосклонности божеств, духов. Появление из-под снега черной земли *тунрак* осознавалось как великая благосклонность людям божеств и Природы после ее временной смерти. В сознании народа еще сохраняется соблюдение завета предков — *аманат*². Так, не столько ради обряда, а для получения довольства земли ныне посвящают этому периоду времени обряд *Кара ергэ баһыу* 'Наступание на черную землю'. В первой половине дня сельчане собираются и поднимаются на ближайший холм. Мулла громко приветствует и поздравляет всех с тем, что наконец, прошла зима, земля «сняла саван» и все наступили на черную землю. После благословительной молитвы люди устраивали круговое хождение, произносили благопожелания, громко скандируя, обращались к Аллаху с просьбами урожая и мира. Тенгрианский обряд почитания земли, таким образом, наполняется исламскими мотивами. Он еще бытует у юго-западных, западных башкир (Султангареева, 2019: 56–58).

Нынешнее время предоставило человеку права продажи земель, вольного пользования, и повлекло за собой также загрязнение, разрушение неприкосновенности священных гор, скал и др. Все это противоречит традиционному бережному отношению, порождает общественный дискурс с нотами негодования: «*Һатылғас, ул ер нисек уңыш бирһен?!. Ер-Әсә рәнйене — шуға бына бәлә-каза, ер тетрәү килде. Ерзән кот киткәс — илдән дә кот китә бит!*» 'Проданная земля как же урожай может принести?! Мать-земля оскорблена, поэтому и беды пришли, и землетрясения пришли на нашу землю. Если уходит кут (благо) земли, то ведь исчезает и благо, сила страны'³. Настроения народа, ощущения тревоги, ноты осуждения выливаются в создание нового фольклора (стихов, четверостиший, приговоров) с мотивами горечи и тоски по земле.

Заключение

Анализ фольклорных источников позволяет сформулировать традиционные ценности землепочитания башкирского народа, которые в целом можно назвать народным Учением о Земле. Он охватывает все сферы жизнедеятельности народа: практики целительства, посевные, праздничные, свадебные, погребальные обряды, ритуалы посвящений, умилоствлений земли и др. В жанрах фольклора, обрядовых комплексах транслируются идеи единства и неразделимости человека с территорией обитания, нормы бережения своей родной земли.

Фонд фольклорно-этнографических, историко-этнологических знаний о народном землепочитании актуален как для научного знания, так и для социальной практики. Знания и духовный опыт предков особо остро востребованы в нынешний период умаления значимости народных ценностей, традиций. Актуально ныне системное применение их как руководств для улаживания и регуляции

¹ ПМА: записано от А. Г. Саттаровой 1933 г.р. в дер. Кусембетово Перелюбского р-на Саратовской области РФ в 2005 г.

² *Аманат* — священный завет предков, залог.

³ Экспедиционные материалы — 2018. Салаватский район / сост., авторы науч. ст. Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Л. К. Ишкильдина, З. Р. Саямова. Уфа: Мир печати, 2022. Т. 1. С. 233–236.

проблем землепользования. Обесценивание, забвение традиций в противном случае ведут к оскудению и исчезновению культур в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акманов, И. Г. (1998) Башкирские восстания XVII — начала XVIII вв. Уфа : Китап. 224 с.
- Алексеев, Н. А. (1984) Шаманизм тюркских народов Сибири. Новосибирск : Наука. 233 с.
- Бидеева, С. Ч. (2014) Природоохранные традиции осетин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5–1 (43). С. 32–34.
- Гумилев, Л. Н. (1993) Древние тюрки. М. : Клышников, Комаров и Ко. 536 с.
- Дугаров, Д. С. (1981) К этимологии слова «Юурэн, уур, ууры» // Советская этнография. № 1. С. 98–102.
- Илимбетова, А. Ф. (2020) Символика камня в фольклоре, обрядах и обычаях башкир. Уфа : Мир печати. 168 с.
- История башкирских родов. Гайна. (2015): в 47 т. / сост.: С. И. Хамидуллин и др. Уфа : ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат. Т. 11. 696 с.
- Исянгулов, Ш. Н. (2008) Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана. Уфа : Аэрокосмос и ноосфера. 134 с.
- Казагачева, З. С. (2002) Алтайские героические сказания Очи-балаи Кан-Алтын. Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип. 347 с.
- Ковалевский, А. П. (1956) Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков : Изд-во Харьковского гос. университета им. А. М. Горького. 345 с.
- Кондыбай, С. (2005) Байырғы казак дүниетанымының негіздері. Энциклопедиялық басылым [Основы мировоззрения коренных казаков. Энциклопедическое издание]. Алматы : Казак тілі баспасы. 480 бет. (На каз. яз.).
- Кычанов, Е. И., Мельниченко, Б. Н. (2005) История Тибета с древнейших времён до наших дней. М. : Восточная литература. 351 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Майны, Ш. Б. (2023) Представления о чер 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>
- Мухамбетова, А. И. (2001) Тенгрианский календарь и время в казахской культуре // Евразия. № 2. С. 12–22.
- Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Сагалаев, А. М. (1991) Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 156 с.
- Салихов, Г. Г., Галимов, Б. С. (2018) Мифы в картине мира башкир. Уфа : Китап. 208 с.
- Салмин, А. К. (2007) Система религии чувашей. СПб. : Наука. 654.
- Султангареева, Р. А. (1998) Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа : Гилем. 243 с.
- Султангареева, Р. А. (2019) Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции : в 2 т. Уфа : Башкирская энциклопедия. Т. 2. Календарный фольклор: миф и ритуал. 296 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск : Наука. 226 с.
- Черемшанский, В. М. (1859) Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом отношении. Уфа : Тип. Оренбургского губернского правления. 452 с.
- Шуклин, В. В. (1995) Мифы русского народа. Екатеринбург: Банк культурной информации. 336 с.

Дата поступления: 05.05.2023 г.

Дата принятия: 11.07.2023 г.

REFERENCES

- Akmanov, I. G. (1998) *Bashkirskie vosstaniia XVII — nachala XVIII vv. [Bashkir uprisings of the XVII — early XVIII centuries]*. Ufa, Kitap. 224 p. (In Russ.).

Alekseev, N. A. (1984) *Shamanizm tiurkskikh narodov Sibiri [Shamanism of the Turkic peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. 233 p. (In Russ.).

Bideeva, S. Ch. (2014) Prirodookhrannye traditsii osetin [Environmental traditions of Ossetians]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–1 (43), pp. 32–34. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (1993) *Drevnie tiurki [Ancient Turks]*. Moscow, Klyshnikov, Komarov i Ko. 536 p. (In Russ.).

Dugarov, D. S. (1981) K etimologii slova «Iuuren, uur, uury» [To the etymology of the word “Yuuren, uur, uur”]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 98–102. (In Russ.).

Ilimbetova, A. F. (2020) *Simvolika kamnia v fol'klore, obriadakh i obychaiakh Bashkir [The symbolism of the stone in folklore, rituals and customs of Bashkirs]*. Ufa, Mir pechatii. 168 p. (In Russ.).

Istoriia bashkirskikh rodov. Gaina [The history of Bashkir families. Gaina] (2015): in 47 vol. / comp. by S. I. Khamidullin et al. Ufa, GUP RB Ufimskii poligrafkombinat. Vol. 11. 696 p. (In Russ.).

Isiangulov, Sh. N. (2008) *Maloizuchennye aspekty istorii dorevoliutsionnogo Bashkortostana [Little-studied aspects of the history of pre-revolutionary Bashkortostan]*. Ufa, Aerokosmos i noosfera. 134 p. (In Russ.).

Kazagacheva, Z. S. (2002) *Altaiskie geroicheskie skazaniia Ochi-balai Kan-Altyn. Aspekty tekstologii i perevoda [Altai heroic tales of Ochi-bala Kan-Altyn. Aspects of textology and translation]*. Gorno-Altai, Gorno-Alt. tip. 347 p. (In Russ.).

Kovalevskii, A. P. (1956) *Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. [The book of Ahmed ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921–922]*. Khar'kov, Izd-vo Khar'kovskogo gos. universiteta im. A. M. Gor'kogo. 345 p. (In Russ.).

Kondybai, S. (2005) *Baiyrly kazak dūnietanymynyn negizderi. Entsiklopediialyk basylym [Fundamentals of the worldview of the indigenous Cossacks. Encyclopedic edition]*. Almaty, Kazak tili baspasy. 480 bet. (In Kaz.).

Kychanov, E. I. and Mel'nichenko, B. N. (2005) *Istoriia Tibeta s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The history of Tibet from ancient times to the present day]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 351 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoii kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2023) Predstavleniia o cher 'zemle' sovremennykh tuvintsev [Perceptions of 'cher' ('earth') among contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Mukhambetova, A. I. (2001) Tengrianskii kalendar' i vremia v kazakhskoi kul'ture [Tengrian calendar and time in Kazakh culture]. *Evrasiia*, no. 2, pp. 12–22. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Sagalaev, A. M. (1991) *Uralo-altaiskaia mifologii: simvol i arkhetyip [Ural-Altai mythology: symbol and archetype]*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 156 s. (In Russ.).

Salikhov, G. G. and Galimov, B. S. (2018) *Mify v kartine mira Bashkir [Myths in the picture of the Bashkir world]*. Ufa, Kitap. 208 p. (In Russ.).

Salmin, A. K. (2007) *Sistema religii chuvashel [The Chuvash religion system]*. St. Petersburg, Nauka. 654 p. (In Russ.).

Sultangareeva, R. A. (1998) *Semeino-bytovoi obriadovyi fol'klor bashkirskogo Naroda [Family and household ritual folklore of the Bashkir people]*. Ufa, Gilem. 243 p. (In Russ.).

Sultangareeva, R. A. (2019) *Bashkirskii fol'klor: semantika, funktsii i traditsii [Bashkir folklore: semantics, functions and traditions]*: in 2 vol. Ufa, Bashkirskaiia entsiklopediia. Vol. 2. Kalendarnyi fol'klor: mif i ritual [Calendar folklore: Myth and Ritual]. 296 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world] (1988) / ed. by L'vova E. L., Oktiabr'skaia I. V., Sagalaev A. M. and Usmanova M. S. Novosibirsk, Nauka. 226 p. (In Russ.).

Cheremshanskii, V. M. (1859) *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskom, etnograficheskom otnosheniakh [Description of the Orenburg province in economic, statistical, ethnographic relations]*. Ufa, Tip. Orenburgskogo gubernskogo pravleniia. 452 s. (In Russ.).

Shuklin, V. V. (1995) *Mify russkogo Naroda [Myths of the Russian people]*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. 336 p. (In Russ.).

Submission date: 05.05.2023.

Acceptance date: 11.07.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.23

Статья

Экологизация традиции завязывания зурам, хадаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия

Оюна В. Доржигушаева, Арьяна В. Киплюкс

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

В работе рассмотрен феномен трансформации буддийской традиции подношения ритуальных лент и флагов (зурам, хадаков и хий-морин) в Республике Бурятия под влиянием экологических требований. Эмпирическая база собрана в полевых экспедициях по сакральным местам и буддийским монастырям Республики Бурятия в 2020–2023 гг.; собраны фотофакты, интервьюировались буддийские ламы, работники храмов, миряне; изучались сайты организаций, материалы региональной прессы.

Сама традиция, связанная с подношением, не несла никакого негативного экологического эффекта, потому что ткани были натуральными, быстро разлагались; верующие практиковали не тугое повязывание. Современные практики существенно изменились, в том числе ленты изготавливаются из искусственных тканей. Традиция стала массовой и стала вредить деревьям, на которые люди повязывали ленты в большом количестве. Помимо этого, одним из последствий пандемии COVID-19 стало новшество: туристы в святых местах начали повязывать медицинские изделия (маски, салфетки).

Начиная с 2014 г. Буддийская традиционная Сангха России призвала верующих выступила с обращением, ламы и активисты начали практиковать очищения мест поклонения. Стало развиваться экологическое просвещение населения. Тем самым авторы фиксируют рациональный подход религиозного и общественного движения в республике по исправлению ситуации.

Ключевые слова: трансформация традиции; экология; буддизм; сакральное место; ритуальная лента; зурам; хадак; хий-морин; Бурятия

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-18-00412-П «Экологическая этика буддизма».

Для цитирования:

Доржигушаева О. В., Киплюкс А. В. Экологизация традиции завязывания зурам, хадаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 328-343. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>

Доржигушаева Оюна Владимировна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник управления научных исследований Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, строение 1. Эл. адрес: oyuna79@mail.com

Киплюкс Арьяна Вячеславовна — лаборант исследователь управления научных исследований Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. Адрес: 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40в, стр. 1. Эл. адрес: vyacheslavsovna@gmail.com

Article

Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia

Oyuna V. Dorzhigushaeva, Aryana V. Kiplyuks

East Siberian State University of Technologies and Management, Russian Federation

The study examines the phenomenon of the transformation of the Buddhist tradition of offering ritual ribbons and flags (zurams, hadaks, and hiy-morins) in the Republic of Buryatia under the influence of environmental demands. Empirical data were gathered during field expeditions to sacred sites and Buddhist monasteries in the Republic of Buryatia from 2020 to 2023. The research involved the collection of photographic evidence, interviews with Buddhist lamas, temple personnel, and laypersons, as well as an analysis of organization websites and materials from the regional press.

Initially, the tradition itself, associated with offerings, did not pose any negative environmental impact since the fabrics used were natural and biodegradable, and the method of tying employed by believers was not tight. However, contemporary practices have undergone significant changes, including the use of artificial fabrics for ribbons. This tradition became widespread and began to harm trees due to the substantial number of ribbons tied to them. Additionally, a consequence of the COVID-19 pandemic was the emergence of a new trend: tourists started tying medical items, such as masks and tissues, at sacred sites.

Since 2014, the Buddhist Traditional Sangha of Russia has urged believers to address this issue, leading to lamas and activists performing cleansing rituals at worship sites. This initiative has facilitated the promotion of environmental awareness among the population. Thus, the authors highlight a rational approach by religious and social movements in the republic to rectify the situation.

Keywords: tradition transformation; ecology; Buddhism; sacred place; ritual ribbon; zuram; hadak; hiy-morin; Buryatia

Financing

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 19-18-00412-P «Ecological ethics of Buddhism».

For citation:

Dorzhigushaeva O. V. and Kiplyuks A. V. Ekologizatsiia traditsii zavyazyvaniia zuram, khadakov i khii-morin na mestakh pokloneniia v Respublike Buriatiia [Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 328-343. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>

DORZHIGUSHAeva, Oyuna Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Senior Researcher of Department of Organization and Management of Scientific Researches, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 670013, Russia, Ulan-Ude, st. Klyuchevskaya 40v, building 1. E-mail: oyuna79@mail.com

ORCID ID: 0000-0001-6930-0915

KIPLYUKS, Aryana Vyacheslavsovna, Laboratory assistant Researcher, Department of Scientific Research, East Siberian State University of Technology and Management. Postal address: 670013, Russia, Ulan-Ude, st. Klyuchevskaya 40v, building 1. E-mail: vyacheslavsovna@gmail.com

ORCID ID: 0009-0000-7076-3458

Введение

Выживание обществ в современном мире зависит от сохранности природной и культурной среды, от того, как они впишут элементы традиционного образа жизни в новые условия. Воспроизведение традиционных действий в виде почитания хозяев местности и завязывания на местах поклонения в Бурятии полосок ткани *зурам*, ритуальных шарфов *хадак* и флажков *хий-морин* сохраняется, но современная индустрия производства религиозной атрибутики в погоне за удешевлением использует синтетику. Использование синтетических материалов приводит к тому, что функционирование традиций со временем наносит экологический ущерб живой природе. В статье мы хотим рассмотреть, как священнослужители и миряне современной Бурятии реагируют на эту проблему.

Актуальность исследования заключается в изучении тех факторов, которые помогут понять, какие аспекты традиций согласуются с современными экологическими ценностями, к которым относятся желание жить в гармонии с окружающей человека природой, формирование экологической ответственности за свои действия, умение проявить экологическую инициативу, забота о природной среде, растениях, животных и экосистемах. Исследование важно для разработок новых стратегий и подходов к построению экологически устойчивого будущего, учитывающего и уважающего традиционные ценности.

Целью исследования является изучение феномена трансформации традиции завязывания *зурам*, *хадаков* и *хий-морин* в местах поклонения в Республике Бурятия под влиянием экологических требований. Для этого были поставлены следующие задачи узнать: какие факторы учитывают буддийские религиозные организации в формировании ландшафта вокруг сакральных мест, имеются ли попытки переосмысления традиционных форм обустройства религиозной жизни с учетом экологических норм, являются ли экологические ценности важными для буддийского духовенства, а также представить кейсы о видоизменении религиозной традиции в связи с меняющимися условиями.

Научная новизна исследования заключается в изучении трансформации традиции завязывания *зурам*, *хадаков* и *хий-морин* на местах поклонения в Республике Бурятия под влиянием новых экологических норм. Полевые исследования, проведенные научным коллективом под руководством О. В. Доржигушаевой показали, что инициаторами изменения бурятской традиции подношения *зурам*, *хадаков* и *хий-морин* в Республике Бурятия являются религиозные лидеры, которые чутко относятся к экологическим изменениям в своем регионе. Объектом исследования является традиция завязывания *зурам*, *хадаков* и *хий-морин* на местах поклонения в Республике Бурятия. В качестве предмета исследования выступает ее трансформация под влиянием новых экологических норм.

В ходе исследования применены общенаучные методы описания, интерпретации и сравнительно-исторический метод, отмечающий особенности и отличия в формировании эколого-этической культуры буддизма. Работа выполнена на стыке религиозной антропологии и гуманитарной экологии.

Эмпирическая база собрана в полевых экспедициях по сакральным местам и буддийским монастырям Республики Бурятия; широко применялось интервьюирование как самих буддийских лам, так и мирян, работников дацанов. Полевые исследования проводились разных районах Республики Бурятия: в мае — июне 2022 г. в Тункинском районе, в августе 2022 г. — в Еравнинском районе, в сентябре 2022 г. — в местности гора Омудевая, в феврале 2023 г. — в Иволгинском районе, в июне 2023 г. — в Кижингинском районе, в августе-сентябре 2023 г. — в дацане «Римпоче-багша» на Лысой горе и дацане Калачакры на Верхней Березовке. Проведен контент-анализ республиканской прессы по теме исследования за период с 2010 г. по 2023 г.

Степень научной разработанности темы. Заметный вклад в развитие вопроса взаимодействия религии и экологии внесли такие ученые как Л. Уайт (Уайт, 1990), Р. Атфилд (Атфилд, 1990) и др. Из буддологических работ, выполненных на стыке с экологической этикой, можно упомянуть известную работу М. Батчелор и К. Браун «Буддизм и экология» (Batchelor, Brown, 1992) и «Дождь Дхармы» под редакцией С. Каза и К. Кеннета (Kaza, Kenneth, 2000). Чтобы проследить современные тенденции в мире мы ознакомились с работой зарубежных авторов, анализирующих изменения в экологическом поведении людей в период пандемии коронавируса, таких как, Э. А. Северо и др. (Severo, De Guimarães, Dellarmelin, 2021), Дж. Дж. Эскаррио (Escario, и др., 2022). Проблемы экологизации и геосоциальности поднимает в своих работах И. А. Герасимова (Герасимова, 2021). В постперестроечное время экологические традиции активно изучаются в российских республиках. В Республике Бурятия эту тему исследовали социологи Ц. Б. Будаева (Будаева, 2003, 2006) и Д. Ц. Будаева (Будаева, Жилкина, 2016),

этнографы М. М. Содномпилова (Содномпилова, 2023; Содномпилова, Амоголонова, 2020), С.-Х. Д. Сыртыпова (Сыртыпова, 2005). В Якутии экологические традиции арктической циркумполярной цивилизации исследуют У. А. Винокурова (Винокурова, 2017, 2020; Винокурова, Захарова, 2022), Н. С. Попов¹ и др. Историю экологических исследований в Республике Тыва мы можем узнать из публикации В. И. Заики (Заика, 2020). В Республике Алтай о традициях бурханизма в современности пишут С. Н. Турлунова (Турлунова, 1998), Н. А. Тадина (Тадина, 2020), Т. С. Ябыштаев (Ябыштаев, 2020). Об *өлгү* цветных ленточках как сакральном маркере калмыков пишет Т. И. Шараева (Шараева, 2015), о способах завязывания полосок ткани на ветках в местах обитания Белого старца — хозяина местности — Э. П. Бакаева (Бакаева, 2015).

Почитание духов хранителей местности посредством выделения мест их обитания разноцветными ленточками *зурам* является традицией в контексте воспитания благоговейного отношения к силам природы, которую сейчас можно назвать экологической, но массовое завязывание *зурам*, хадаков и *хий-морин* сделало эту традицию губительной для деревьев, в связи с чем повязывание было перенесено на другие объекты. Специальных работ, посвященных экологическому аспекту трансформации традиции подношения *зурам*, хадаков и *хий-морин* в Республике Бурятия нет, что и побудило авторов к написанию этой статьи.

Значение экологических традиций для этнических сообществ

Корни экологического кризиса восходят к европейскому средневековью, когда была заложена духовная основа возникшего позже индустриального общества, считает Л. Уайт-мл.:

«В эпоху античности каждое дерево, каждый ручей, каждый водный поток, каждый холм имели своего *genius loci*, своего духа-защитника... Прежде чем срубить дерево, вырыть шахту, перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел определенной ситуацией, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишиться его милости. Разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» (Уайт, 1990: 197).

Он утверждал, что эти убеждения привели к безразличию к природе, которое продолжает оказывать влияние в индустриальном, «постхристианском» мире. То есть получив религиозное оправдание, европейцы начали изменять мир под нужды людей, что и привело в конце концов к экологическому кризису. Л. Уайт приходит к выводу, экологические проблемы нельзя решить при помощи науки и технологий, которые послужили причиной их возникновения; он считает, что должны измениться фундаментальные представления человечества о природе.

В экологической популярной литературе традиции коренных народов представляются более гармоничными и экологичными по сравнению с европейским антропоцентрическим отношением к миру². В соцсетях популярны цитаты из речей «вождя индейцев», «сибирского шамана», «буддийского монаха», призывающих к сохранению природы.

Ю. Харгроув, известный современный американский экофилософ, отмечает, что коренные народы в борьбе за проживание на своих исконных территориях применяют экологическую риторику. Далее он утверждает, что именно экологические аргументы используют представители незападной интеллектуальной традиции для защиты своей национальной системы знаний (Hargrove, 1989: xv). Мы считаем, что благодаря социокультурному механизму наследования, последующие поколения могут осознать взаимосвязь с изменением природной среды, что благоприятно влияет на формирование чувства ответственности перед прошлыми и будущими поколениями. Настоящий этап развития общечеловеческой культуры, в том числе экологической культуры, отмечается поисками равновесия в отношениях «человек — природа». Обращение к традиционной этнокультуре, особенно к экологическим традициям, способствует устойчивому развитию общества. Большой вклад в этноэкологию внесли труды Н. В. Абаева, который определяет экологические традиции, как «апробированные веками традиции взаимоотношений общества и природы, установленные нормы, императивы, правила

¹ Попов Н. С. Экологические традиции в культуре якутов: дисс. ... кандидата культурологии. СПб., 2004.

² См.: Моуэт Ф. М. «Не кричи: Волки!»: сборник / пер.: Г. Топорков, В. Паперно. М.: Армада-пресс, 2001; Цзян Ж. Волчий тотем / пер. с кит. Н. Ю. Агеева. М.: Мир книги, 2007; и др.

и др., которые обогащают экологические знания, умения, способы и навыки и тем самым являются социокультурным фактором, обеспечивающим равновесное развитие этносоциума и окружающей природной среды» (Абаев, Герасимова, Железнов, 1992: 3).

Если проследить изменение отношения к традициям, то можно выстроить следующую градацию. Традиционное общество экологично, потому что традиционный человек встроен в кормящий ландшафт, стабильность природных систем служила гарантом его существования; оно ориентировано на прошлый опыт, для него характерно доминирование традиций и естественная связь человека с природой. Индустриальное общество отказывается от традиции, и превыше всего ставит прогресс и развитие промышленности, человек начинает активно преобразовывать природу. Постиндустриальное общество характеризуется интенсивным развитием науки, человечество под давлением фактов начинает задумываться о деструктивном влиянии на природу. Появляется понимание необходимости преодоления проблемы отчуждения общества от природы. «В современном мире нужно создавать культуру деятельного самосознания, которое может соединить модернизацию с почвой собственной традиции» (Кунь, 2022: 210).

Подношение зурам, хадаков и развешивание хий-морин

У многих сибирских народов есть традиция завязывания цветных лоскутков на деревья в священных местах. Повязывая ткань, человек тем самым делает подношение и надеется получить поддержку от духов местности.

Британская антрополог К. Хамфри писала: «Когда летом 2013 года я путешествовала по деревням буддийских бурят-цонголов в районе Чикой, мне рассказывали, что у каждого патрилинейного клана (*уг, яхан*) по соседству есть своя гора с *обоо*, и что в один из летних дней мужчины, члены каждого рода поднимаются на свое сакральное место, чтобы совершить подношения и “встретиться” с духами своих предков»¹.

Рядом с сакральными местами кроме цветных ленточек *зурам* повязывают хадаки — шелковые шарфы, которые в странах тибетской буддийской традиции принято дарить людям в знак уважения, и хий-морин — флажки с изображением коня, несущего драгоценную ношу *чинтамани*. *Хий-морин* переводится как конь ветра, символизирует стремление к цели, их развешивают в святых местах, чтобы устранить препятствия на пути к личной цели.

И хадаки, и хий-морин бывают пяти цветов, значение которых восходит к пяти первоэлементам — *махабхутам*. Синий цвет — символ Неба, пространства, мужского начала, считается основным цветом монгольского мира; желтый — символ Земли, цвет монашеских одежд в школе гелуг, поэтому хадаки желтого цвета подносят буддийским монахам; красный — Огонь, власть и защищенность; белый относится к первоэлементу Вода, символизирует чистоту намерений; зеленый — Ветер, символизирует плодородие, жизненную силу, относится к женскому началу. «Лунный Новый год — это самое благоприятное время для обновления выгоревших и истрепавшихся на ветру молитвенных флагов. Трепетание на ветру флажков с наполненными молитвами будет звучать непрерывно, разнося магическую силу мантр и имя собственника»².

Нужно обозначить, что к буддизму относится традиция завязывания флажков *хий-морин* и хадаков. Завязывание лент *зурам* было добуддийской шаманистской традицией, о чем в интервью в сентябре 2023 г. сообщил нам Жаргал-лама Дугданов, но поскольку буддизм в ходе ассимиляции шаманизма обратил *эжинов* (хозяев местности) в буддийскую веру и взял с них клятву «не причинять вред живым существам», то соответственно произошел синтез традиций.

В древности традиция, связанная с подношением, не несла никакого негативного экологического эффекта, потому что ткани, из которых изготавливаются *зурам*, хадаки и хий-морин, были натуральными — из шелка-сырца или хлопка (*фото 1*).

Humphrey C. Spatial Conjunctions [Электронный ресурс] // Anthropology of This Century. 2015. Т. 13. URL: <http://aotcpres.com/articles/spatial-conjunctions/> (дата обращения: 10.09.2023).

Хий Морин [Электронный ресурс] // Буддийская традиционная Сангха России. URL: <https://sangharussia.ru/buddiiskoe-uchenie/khii-morin> (дата обращения: 10.09.2023).

Фото 1. В центре фотографии старые хадаки начала XX в. из натурального шелка-сырца в музее Чойжил Ламын Сум, г. Улан-Батор, Монголия. Фото А. Киплюкс, 2023 г.

Photo 1. In the center of the photo are old Kodaks of the early twentieth century made of natural raw silk in the Choizhin Lamyn Sum Museum, Ulaanbaatar, Mongolia. Photo by A. Kiplyuks, 2023.

Кроме того, раньше не практиковали тугое обвязывание, из-за чего лоскуток из натуральной ткани мог легко развязаться и быстро разложиться. В современном мире для лент и хадаков в основном используют синтетический шелк, который практически не разлагается и если им туго обвязать дерево, то это обречет его на гибель.

Почему современные миряне слишком туго обвязывают деревья? В интервью, взятом в с. Кижинга у сакральной горы Челсана во время проведения *обоо* в июне 2022 г., священнослужитель Дамдин-лама Санжижапов (60 лет), сказал нам, что возможно дело в разрыве традиции в советское время. Вернувшиеся в лоно религиозной традиции люди думают, что ткань *хадака* или *зурам* должна навечно остаться на деревьях, в то время как буддисты прошлого понимали условность и символичность этого обряда.

Хозяевам местности подносится *зуйл* — сущность подносимого, например, шелковый лоскуток, который в мире духов обращается в шелковую ткань любого размера. Непременное требование — чтобы лоскуток или ленточка были из новой ткани, поскольку божествам всегда подносятся начатки еды, вещей, напитков. С. Д. Сыртыпова пишет, что происхождение данной традиции связано с охотничьей традицией совершать подношения духам местности шкурками добытых зверьков, подвешивая их на деревья (Сыртыпова, 2007: 64). Но возможность поднести звериные шкурки была не у каждого, поэтому люди завязывали ленты, лоскуты и платки, а если и ткани не было, то подносился конский волос. В буддийской традиции подношение может быть и мысленным, если подносящий развил в себе способность визуализации посредством медитации *шаматха* — однонаправленной концентрации. Так, лучшим подношением Буддам и бодхисаттвам считается идеальный мир, который создал и преподнес бодхисаттва Самантабhadра в своем сознании. Об этом нам рассказал в мае 2022 г. в интервью *ширетуй* (настоятель) Хандагатайского дацана «Бодхидхарма» Даши-лама Шаглахаев.

Раньше *зурам*, хадаки и хий-морины привязывали к ветвям деревьев в местах обитания эжинов — духов-хозяев местности, потому что среди деревьев есть особые деревья, которые считаются лестницей в высший мир. В постперестроечное время, когда религиозность населения увеличилась многократно¹, деревья, обвязанные ленточками, хадаками и хий-морины начали засыхать, и поэтому этот обряд, который изначально символизировал почитание сил природы, стал вредить природе.

Экологическая работа с мирянами через СМИ

В бурятской прессе беспокойство, относительно развешивания лент, хадаков и хий-моринов, прозвучало еще в 2014 г., когда Буддийская традиционная Сангха России призвала верующих не завязывать хадаки и ленточки на живые деревья. Так, Буддийская традиционная сангха России выступила с обращением: «Убедительно просим не вешать хадаки и ленточки (*зурам*, *сэмэлгэ*, *дарцог*, *хий морин*) на живые деревья»². Пресс-служба сангхи выпустила специальные памятки, в которых содержатся советы для мирян. «Ламы дают ряд рекомендаций: ленты лучше нарезать из хлопковой ткани; ленты вывешивать на специальных шестах в отведенных местах, а не на деревьях; убирать с деревьев ленточки и *хадаки*, которые «душат и убивают». В этом случае также акцент делается на законах кармы и ахимсы» (Ленхобоева, 2021: 102).

Ламы проводят разъяснительную работу зимой перед традиционным Новым годом по лунному календарю и в начале лета перед проведением ритуальных обрядов *обоо*, когда люди стараются приехать на свою малую родину, чтобы совершить обряд почитания хозяев местности и сделать им подношение. Даши-лама из дацана «Бодхидхарма» очищает деревья от ткани и призывает верующих присоединиться к его экологическому почину. В 2019 г. на телеканале «Вести Бурятия» Бато-лама, лама дацана «Хамбын Хурэ», дал интервью, где отметил, что современные ленты для ритуалов, не порвутся пока человек сам не развяжет и при очищении святых мест от синтетики, ее сжигание сравнимо по вреду сжиганию резины. Бато-лама подчеркнул, что деревья нужно очищать, но перед этим лучше обратиться к ламам и выбрать более удачный день³. В этом же году в июле на территориях Республик Бурятия и Тыва прошла акция «Хватит душить деревья»: ламы Тугнуйского дацана начали снимать с деревьев хадаки и ленты, а в Туве лесники очистили Чаа-Оваа от отходов, оставленных после ритуалов⁴. На официальном сайте министерства лесного хозяйства и природопользования

¹ «Данные социологических опросов, проводившихся в Бурятии в последние годы, свидетельствуют о практически поголовной религиозности бурят и о снижении числа неверующих почти до дореволюционного уровня: например, среди буряток-горожанок суммарное число безоговорочно верующих и сомневающихся, но все же склоняющихся к вере, составляет 96,4% (среди мужчин-бурят — 79,6%), при этом подавляющее большинство опрошенных причисляют себя к буддийской конфессии» (Амоголонова, 2017: 35).

² Убедительно просим не вешать хадаки и ленточки на живые деревья [Электронный ресурс] // Буддийская традиционная Сангха России. 2018, 23 мая. URL: <https://sangharussia.ru/news-sangha/ubeditelno-prosim-ne-veshat-khadaki-i-lentochki-na-zhivye-derevyu> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Дамбаев Б. Хватит «душить» деревья [Электронный ресурс] // Вести Бурятия. 2019, 27 августа. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/176894/> (дата обращения: 09.09.2022).

⁴ Бурятский марафон «Хватит душить деревья» пошёл по регионам [Электронный ресурс] // ИА Байкал-Daily. 2019, 22 августа. URL: <https://m.baikal-daily.ru/news/16/371433/> (дата обращения: 05.09.2023).

Республики Тыва содержатся рекомендации относительно правил поведения на святых местах: вывешивать ленты, кадаки, флажки *хей-аът* необходимо на специальные шесты и стойки в отведенных местах, а не на живые деревья (это приводит к засухе и гибели деревьев), вешать ленты из простой хлопковой ткани и заплетать *чалама*; необходимо убирать за собой мусор после совершения обрядов¹.

В 2021 г. специалисты учреждения «Бурприрода»² опубликовали фотографии в социальных сетях, на которых изображены последствия тугой и плотной вязки деревьев. Л. Иванова, инспектор этого учреждения, напомнила в газете «Новая Бурятия» гражданам о специальных столбах (*сэргэ*), которые устанавливаются специально для осуществления данного ритуала³. В начале сентября 2023 г. прошла экологическая акция при поддержке БУ «Бурприрода» в местности с минеральными источниками Шумак, расположенном в Национальном парке «Тункинский», где помимо уборки мусора, оставленного туристами, волонтеры срезали ленты с деревьев.

СМИ играет важную роль в формировании общественного сознания, информирует об экологических акциях, освещение экологических проблем способствует формированию чувства экологической ответственности, мотивирует людей принимать участие в экологических акциях на сакральных местах.

Для шаманизма, также важно, чтобы при соблюдении традиций и обрядов не происходило существенных изменений естественного ландшафта. Один из основных принципов шаманизма гармоничное сосуществование с природой и воспитание своей ответственности за мир. На своей официальной странице «Тэнгэри», религиозный центр шаманов, высказался по поводу подношений в виде лент и хадаков: «Большая просьба к прибывающим на эту гору: не завязывать *хадаки* на деревьях. Завязывая *хадаки* на деревьях, вы их убиваете и разрушаете свою карму»⁴. Сейчас религиозным деятелям важно донести до верующих необходимость экологически ответственного поведения. Традиции должны соблюдаться осознанно, необходимо знать генезис традиции, так как слепое следование за прошлым, может нарушить духовный характер традиции и привести к печальным последствиям.

Изменение традиции в контексте экологических требований современного общества

Во время полевых исследований в 2022 и 2023 гг., мы отметили изменение традиции завязывания ленточек на ветки деревьев под воздействием экологических требований.

Представители Буддийской традиционной сангхи на местах почитания сейчас устанавливают специальные конструкции, железные или деревянные, чтобы избежать завязывания хадаков на ветви деревьев. Буддийские ламы объясняют мирянам, что раньше для подношения использовались ткани из натуральных материалов, а сейчас это в основном синтетика, которая не разлагается, а при горении выделяет вредные вещества. В святых местах устанавливают специальные таблички, указывающие на то, что вязать ленты необходимо только на специальные сооружения и ни в коем случае на деревья.

Современная индустрия производства религиозной атрибутики заменила натуральные материалы на синтетические. Поскольку внешний вид современной религиозной атрибутики почти не отличается от традиционной, религиозные лидеры не сразу отреагировали на проблему. Об этом нам в интервью в июне 2022 г. рассказал ловон-лама Бадинского дугана Дандар Базаржапов (45 лет). Для самих верующих религиозное действие носит часто разовый характер, они не замечают того, что происходит с течением времени, но священнослужители в длительной динамике отмечают негатив-

¹ Чистота сакральных мест Тувы в зоне внимания Министерства [Электронный ресурс] // Министерство лесного хозяйства и природопользования Республики Тыва. 2019, 23 мая. URL: <https://mpr.rtyva.ru/events/6780/> (дата обращения: 15.09.2023).

² Под охраной БУ «Бурприрода» (<https://burpriroda.ru/>) находятся особо охраняемые природные территории регионального значения, расположенные по всей территории Республики Бурятия.

³ В Бурятии призывают не «душить» деревья ритуальными лентами [Электронный ресурс] // Новая Бурятия. 2021, 27 октября. URL: https://newbur.ru/newsdetail/v_buryatii_prizyvayut_ne_dushit_derevyia_ritualnymi_lentami/ (дата обращения: 15.08.2022).

⁴ Иванов А. Жители Бурятии портят свою карму, повязывая хадаки на деревья у «Спящего льва» [Электронный ресурс] // Информ Полис online. 2022, 6 августа. URL: <https://www.infpol.ru/244903-zhiteli-buryatii-portyat-svoyu-karmu-povyazyvaya-khadaki-na-derevyia-u-spyashchego-lva/> (дата обращения: 12.10.2022).

Фото 2. Предупреждающее объявление в дацане «Ринпоче Багша», г. Улан-Удэ. Фото А. Киплюкс, 2023 г.
Photo 2. Warning announcement in the datsan "Rinpoche Bagsha", Ulan-Ude. Photo by A. Kipyuks, 2023.

ное влияние на ландшафт святых мест. Дандар-лама проводит большую экопросветительскую работу с мирянами (Dondukov, 2021: 133–134.).

В сентябре 2023 г. мы взяли интервью у работников дацана «Ринпоче багша» в городе Улан-Удэ. Были заданы следующие вопросы: когда появились специальные конструкции для хадаков и хий моринов, что было до их установки, как часто проходит очищение этих конструкций от обветшавших ритуальных объектов? Они рассказали нам, что конструкцию в виде металлических арок поставили в 2016 г., до этого ритуальные флажки вывешивали на деревьях и перилах, сейчас же в этих местах стоят плакаты с предупреждениями, что вывешивать хий морины и хадаки на деревья запрещено (фото 2).

Очищают эти конструкции раз в год перед Сагаалганом — буддийским новым годом. Сравнивая фотографии 2010 г. с официального сайта дацана и фактическое положение дел в августе 2023 г. во время нашего полевого исследования, мы отмечаем, что в 2010 г. на деревьях вокруг дацана наблюдается наличие лент и хадаков, а в 2023 г. все деревья очищены от них (фото 3).

Самым первым дацаном, который установил специальные жерди для завязывания хий-моринов в 2010 г. стал Дуйнхор дацан (Храм Калачакры) на местности Верхняя Березовка. В 2022 г. специальное место для ритуальных флажков появилось в Иволгинском дацане. На официальном сайте дацана есть информация об оборудовании специальной площадки (фото 4).

«Проект «Иволгинский дацан — территория гостеприимства и экологической чистоты» стал победителем конкурса грантов Правительства Бурятии. Здесь будет оборудована специальная площадка с флагштоками для вывешивания флажков ветра удачи. Отойдет в прошлое развешивание ритуальных хий-моринов на деревьях, как неэкологичное и вредящее зеленым насаждениям. Иволгинский дацан давно стремился к этому и, наконец-то, ситуация изменится»¹.

¹ Грант Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Иволгинский дацан «Хамбын Хурэ», 2022. URL: <https://ivolgdatsan.ru/grants/grants-buryatia/369/> (дата обращения: 18.08.2023).

Фото 3. Металлические конструкции для ритуальных флажков в дацане «Ринпоче Багша», г. Улан-Удэ. Фото А. Киплюк, 2023 г.
Photo 3. Metal structures for ritual flags in the datsan "Rinpoche Bagsha", Ulan-Ude. Photo by A. Kiplyuks, 2023.

Фото 4. Жерди для хий-моринов на специальной площадке на территории Иволгинского дацана, Республика Бурятия. Фото А. Киплюкс, 2023 г.

Photo 4. Poles for hi-morins on a special site on the territory of the Ivolginsky datsan, Republic of Buryatia.

Photo by A. Kiplyuks, 2023.

Также в социальных сетях дацана есть памятка посещения, в которой указано:

«Соблюдайте правило: привязывайте флажок так, чтобы нарисованная на нем лошадь скакала параллельно земле, а сам флажок в дальнейшем хорошо развивался на ветру. Ни в коем случае не используйте для вывешивания флажков деревья — этим вы наносите вред природе! Пожалуйста, не оставляйте на площадке около флажковок конфеты, монеты и другие посторонние предметы, не привязывайте здесь хадаки. В центре площадки находится хий-морин дацана, рядом с ним всегда должно быть чисто и опрятно»¹.

Можно сказать, что вследствие переноса зурам, хадаков и хий-моринов на искусственные конструкции изменился визуальный образ святых мест, деревья вокруг них теперь близки к образу «нетронутой природы», а у мирян и священнослужителей появилась новая практика — экологические десанты для очищения деревьев от оставшихся лент и хадаков, и раз в год перед буддийским новым годом по лунному календарю, конструкций от обветшавших ритуальных объектов.

¹Правила для вывешивания флажков ветра удачи [Электронный ресурс] // Иволгинский дацан «Хамбын Хурээ» ВКонтакте. 2023, 28 февраля. URL: https://vk.com/wall-211860747_3482 (дата обращения: 25.08.2023).

Таким образом, во время полевых исследований мы зафиксировали трансформацию традиции в контексте экологических требований современного общества.

Маски и салфетки на деревьях во время пандемии

Ограничительные меры в период COVID-19 в виде карантина для борьбы с коронавирусом оказали положительное влияние на окружающую среду из-за сокращения большого количества источников загрязнения. Но несмотря на это, производство бытовых и больничных отходов значительно выросло за период пандемии.

Во время полевого исследования мы заметили, что в отличие от прошлых лет, в связи с пандемией коронавируса, туристы неправильно интерпретируют сам смысл завязывания лоскутков ткани и все больше на святых местах мы можем видеть завязанные санитарные маски или влажные салфетки. Приезжие начали завязывать медицинские маски, которые долгое время были обязательны для ношения в России и в большинстве стран, а также антибактериальные салфетки, которые пользовались большим спросом во время пандемии не только на специальные конструкции, но и на деревья (фото 5).

*Фото 5. Дерево, обвязанное медицинскими отходами и лентами. Фото А. Киплюкс, 2020.
Photo 5. A tree tied with medical waste and ribbons. Photo by A. Kiplyuks, 2020.*

То есть люди, находящиеся вне этой культурной традиции, думают, что завязывать можно все что угодно. Местные жители относятся к этому с неодобрением. Наши респонденты из их числа считали, что туристы, таким образом завязывающие на деревьях медицинские маски и антибактериальные салфетки, ухудшают свою карму, навлекают на себя болезни, вызывают гнев духов местности. Местные священнослужители, говоря нам о данных случаях, подчеркивали, что не нужно без должного

понимания пытаться имитировать чужие религиозные традиции. Если традицию видоизменяют по незнанию, как в случае с завязыванием медицинских масок и салфеток на деревья, то это действие не является в строгом смысле подношением духам, а является неправильной имитацией обряда.

Мы считаем, что исследований на тему изменения экологически ответственного поведения в период COVID-19 все еще недостаточно, несмотря на то что пандемия оказала существенное влияние на все сферы жизни каждого человека и на мир в целом.

Заключение

Мы можем сделать вывод, что буддийские религиозные организации постепенно начинают формировать принципы устройства святых мест с учетом множества факторов — традиции, современной индустрии, долгосрочных последствий. В перспективе намечается начало этапа переосмысления традиционных форм обустройства религиозной жизни с учетом экологических норм. Важность экологической повестки для духовенства является значимой для осознанного формирования традиционной религиозности и экологического просвещения населения. Мы видим, что буддийские монахи и верующие в Республике Бурятия рационально относятся к трансформации традиции, и если традиция наносит вред природе, то они корректируют ее с учетом экологического фактора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, Н. В., Герасимова, К. М., Железнов, А. И. (1992) Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука. 160 с.
- Амоголонова, Д. Д. (2017) Хамбо лама Дамба Аюшеев и его роль в современном буддийском возрождении Бурятии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 2. С. 33–42.
- Атфилд, Р. (1990) Этика экологической ответственности // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : пер. с англ. и франц. / сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой. М. : Прогресс. 495 с. С. 203–258.
- Бакаева, Э. П. (2015) К исследованию этнической специфики образа божества Белый старец у ойратов Монголии и калмыков России (по материалам полевой экспедиции по Убсунурскому аймаку Монголии) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. № 3. С. 43–78.
- Будаева, Д. Ц., Жилкина, М. В. (2016) Этноэкологическая этика как фактор устойчивого развития мира // Проект евразийской экологической цивилизации (на примере устойчивого развития Байкальского региона) / отв. ред. А. А. Бурзалова Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 420 с. С. 229–241.
- Будаева, Ц. Б. (2003) Возрождение экологических традиций бурят // Социологические исследования. № 6. С. 120–123.
- Будаева, Ц. Б. (2006) Этноэкологические традиции народов Байкальского региона в условиях трансформационных процессов: проблемы сохранения и развития. Улан-Удэ : ВСГТУ. 297 с.
- Винокурова, У. А. (2017) Якутские ценности в начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–99. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>
- Винокурова, У. А. (2020) Принципы Стратегии экологического образования в Республике Саха // Социальные риски в современном обществе / отв. ред. Г. В. Жигунова. Красноярск : Научно-инновационный центр. 338 с. С. 44–48.
- Винокурова, У. А., Захарова, А. Е. (2022) Аксиологические основания экодуховных ценностей коренных народов Арктики // Человек и культура. № 6. С. 68–77. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2022.6.39467>
- Герасимова, И. А. (2021) От модернизации к экологизации. Геоэкология и геосоциальность // Epistemology & Philosophy of Science. Т. 58. № 1. С. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps20215812>
- Заика, В. В. (2020) История развития экологических исследований в Туве // Новые исследования Тувы. № 2. С. 241–259. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.17
- Кунь, В. (2022) Буддизм в современном Китае // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 40. № 2. С. 202–211. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-202-211>

Ленхобоева, Т. Р. (2021) Экологическая этика буддизма в региональных СМИ (на примере Республики Бурятия): способы конструирования // *Litera*. № 11. С. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.11.36867>

Содномпилова, М. М. (2023) «Язык» леса в информационном пространстве кочевой культуры на примере тюрко-монгольских народов // *Монголоведение (Монгол судлал)* Т. 15. № 1. С. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-1-129-141>

Содномпилова, М. М., Амоголонова, Д. Д. (2020) Традиционные и новые места религиозного паломничества в Бурятии // *Этнографическое обозрение*. № 2 С. 47–60. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009604-4>

Сыртыпова, С. Д. (2005) Памятники кочевого мира Трансбайкалья // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 5. С. 17–27.

Сыртыпова С. Д. (2007) Святые кочевников Трансбайкалья (Традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры). Улан-Удэ : Изд.-во Бурятского госуниверситета. 269 с.

Тадина, Н. А. (2020) Современный бурханизм через историю в ритуальной жизни алтайцев // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. Т. 31. С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.31>

Турлунова, С. Н. (1998) Традиционная экологическая этика алтайских охотников // *Этнография Алтая и сопредельных территорий* / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул : Барнаульский государственный педагогический университет. 264 с. С. 237–238.

Уайт, Л., мл. (1990) Исторические корни нашего экологического кризиса // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и франц. / сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаева*. М. : Прогресс. 495 с. С. 188–202.

Шараева, Т. И. (2010) Современное бытование сакрального маркера өлгц у калмыков (по материалам полевых исследований 2008–2010 гг.) // *Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов*. № 2. С. 158–186.

Ябыштаев, Т. С. (2020) Проблема соблюдения родовых традиций у алтайцев в современных условиях // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. № 26. С. 306–310. DOI: <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2020.26.50>

Batchelor, M. Brown, K. (1992) *Buddhism and Ecology*. London ; New York : Motilal Banarsidass. 112 p.

Dondukov, B. (2021) Public Discourse of Buddhist Leaders in the Context of Forest Fires in the Republic of Buryatia, Russia // *International Journal of Religion and Spirituality in Society*. Vol. 11. № 2. P. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.18848/2154-8633/CGP/v11i02/131-140>

Escario, J. J. Rodriguez-Sanchez, C., Valero-Gil, J., Casaló, L. V. (2022) COVID-19 related policies: The role of environmental concern in understanding citizens' preferences // *Environmental Research*. Vol. 211. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2022.113082>

Hargrove, E. (1989) Foreword // *Nature in Asian Traditions of Thought: Essays in Environmental Philosophy*. Ed. by J. B. Callicott, R. T. Ames. N-Y. : State University of New York Press. 360 p. P. xiii–1.

Kaza, S., Kenneth, K., eds. (2000) *Dharma Rain*. Berkeley : Shambhala. 504 p.

Severo, E. A., De Guimarães, J. C. F., Dellarmelin, M. L. (2021) Impact of the COVID-19 pandemic on environmental awareness, sustainable consumption and social responsibility: Evidence from generations in Brazil and Portugal // *Journal of cleaner production*. Vol. 286. 124947. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124947>

Дата поступления: 27.08.2023 г.

Дата принятия: 09.10.2023 г.

REFERENCES

Abaev, N. V., Gerasimova, K. M. and Zheleznyov, A. I. (1992) *Ekologicheskie traditsii v kul'ture narodov Tsentral'noi Azii [Ecological traditions in the culture of the peoples of Central Asia]*. Novosibirsk, Nauka. 160 p. (In Russ.).

Amogolonova, D. D. (2017) Khambo lama Damba Aiusheev i ego rol' v sovremennom buddiiskom vozrozhdenii Buriatii [Hambo Lama Damba Ayusheev and his role in the modern Buddhist revival of Buryatia]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 33–42. (In Russ.).

Atfild, R. (1990) Etika ekologicheskoi otvetstvennosti [Ethics of environmental responsibility]. In: *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti [Global problems and universal values]* : transl. from Engl. and Fr. / comp. by L. I. Vasilenko and V. E. Ermolaeva. Moscow, Progress. 495 p. Pp. 203–258. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2015) K issledovaniuu etnicheskoi spetsifiki obraza bozhestva Belyi starets u oiratov Mongolii i kalmykov Rossii (po materialam polevoi ekspeditsii po Ubsunurskomu aimaku Mongolii) [To study the ethnic specifics of the Image of the White Elder deity among the Oirats of Mongolia and the Kalmyks of Russia (based on the materials of a field expedition to the Ubsunur Aimag of Mongolia)]. *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov*, no. 3, pp. 43–78. (In Russ.).

Budaeva, D. Ts. and Zhilkina, M. V. (2016) Etnoekologicheskaiia etika kak faktor ustoichivogo razvitiia mira [Ethnoecological ethics as a factor of sustainable development of the world]. In: *Proekt evraziiskoi ekologicheskoi tsivilizatsii (na primere ustoichivogo razvitiia Baikalskogo regiona)* [The project of the Eurasian ecological civilization (on the example of the sustainable development of the Baikal region)] / ed. by A. A. Burzalova. Ulan-Ude, Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi universitet tekhnologii i upravleniia. 420 p. Pp. 229–241. (In Russ.).

Budaeva, Ts. B. (2003) Vozrozhdenie ekologicheskikh traditsii buriat [Revival of ecological traditions of the Buryats]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 120–123. (In Russ.).

Budaeva, Ts. B. (2006) *Etnoekologicheskie traditsii narodov Baikalskogo regiona v usloviakh transformatsionnykh protsessov: problemy sokhraneniia i razvitiia* [Ethnoecological traditions of the peoples of the Baikal region in the conditions of transformation processes: problems of preservation and development]. Ulan-Ude, VSGTU. 297 p. (In Russ.).

Vinokurova, U. A. (2017) Iakutskie tsennosti v nachale XXI veka [Yakut values at the beginning of the 21st century]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>

Vinokurova, U. A. (2020) Printsipy Strategii ekologicheskogo obrazovaniia v Respublike Sakha [Principles of the Strategy of Environmental Education in the Sakha Republic]. In: *Sotsial'nye riski v sovremennom obshchestve [Social risks in modern society]* / ed. by G. V. Zhigunova. Krasnoarsk, Nauchno-innovatsionnyi tsentr. 338 p. Pp. 44–48. (In Russ.).

Vinokurova, U. A. and Zakharova, A. E. (2022) Aksiologicheskie osnovaniia ekodukhovnykh tsennostei korennykh narodov Arktiki [Axiological Foundations of Eco-Spiritual Values of Indigenous Peoples of the Arctic]. *Man and Culture*, no. 6, pp. 68–77. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2022.6.39467>

Gerasimova, I. A. (2021) Ot modernizatsii k ekologizatsii. Geoekologiya i geosotsial'nost' [From Modernization to Greening]. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 58, no. 1, pp. 8–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5840/eps20215812>

Zaika, V. V. (2020) Istoriia razvitiia ekologicheskikh issledovaniy v Tuve [The development of environmental studies in Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 241–259. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.17>

Kun', W. (2022) Buddizm v sovremennom Kitae [Buddhism in Modern China]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 40, no. 2, pp. 202–211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-202-211>

Lenkhoboeva, T. R. (2021) Ekologicheskaiia etika buddizma v regional'nykh SMI (na primere Respubliki Buriatiia): sposoby konstruirovaniia [Environmental ethics of Buddhism in regional mass media (based on the example of the Republic of Buryatia): methods of construction]. *Litera*, no. 11, pp. 98–105. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.11.36867>

Sodnompilova, M. M. (2023) «Iazyk» lesa v informatsionnom prostranstve kochevoi kul'tury na primere tiurko-mongol'skikh narodov [The 'Language' of Forest in Information Space of Nomadic Culture: A Case Study of Turkic and Mongolic Peoples]. *Mongolian Studies*, vol. 15, no. 1, pp. 129–141. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-1-129-141>

Sodnompilova, M. M., Amogolonova, D. D. (2020) Traditsionnye i novye mesta religioznogo palomnichestva v Buriatii [Traditional and New Places of Religious Pilgrimage in Buryatia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 47–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009604-4>

Syrtyanova, S. D. (2005) Pamiatniki kochevogo mira Transbaikalia [Monuments of the nomadic world of Transbaikalia]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5, pp. 17–27. (In Russ.).

Syrtyanova S. D. (2007) *Sviatyni kochevnikov Transbaikalia (Traditsionnye kul'tovye ob'ekty kak pamiatniki istorii i kul'tury)* [Shrines of the Trans-Baikal nomads (Traditional places of worship as monuments of history and culture)]. Ulan-Ude, Izd-vo Buriatskogo gosuniversiteta. 269 p. (In Russ.).

Tadina, N. A. (2020) Sovremennyi burkhanizm cherez istoriiu v ritual'noi zhizni altaitsev [Modern Burkhanism through the History in the Ritual Life of the Altai People]. *Bulletin of the Irkutsk state university. Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series*, vol. 31, pp. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.31> (In Russ.).

Turlunova, S. N. (1998) Traditsionnaia ekologicheskaiia etika altaiskikh okhotnikov [Traditional ecological ethics of Altai hunters]. In: *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and adjacent territories] / ed. by

M. A. Demin and T. K. Shcheglova. Barnaul, Barnaul'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 264 p. Pp. 237–238. (In Russ.).

Uait, L., ml. (1990) Istoricheskie korni nashego ekologicheskogo krizisa [The historical roots of our ecological crisis]. In : *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti [Global problems and universal values]*: transl. from Engl. and Fr. / comp. by L. I. Vasilenko and V. E. Ermolaeva. Moscow, Progress. 495 p. Pp. 188–202. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. (2010) Sovremennoe bytovanie sakral'nogo markera ölgts u kalmykov (po materialam polevykh issledovaniï 2008–2010 gg.) [The modern existence of the sacred marker ölgts among the Kalmyks (based on the materials of field research 2008-2010)]. *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov*, no. 2, pp. 158–186. (In Russ.).

Yabyshtaev, T. S. (2020) Problema sobliudeniia rodovykh traditsii u altaitsev v sovremennykh usloviakh [The problem of keeping general traditions with the Altai people in modern conditions]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia*, no. 26, pp. 306–310. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2020.26.50>

Batchelor, M. and Brown, K. (1992) *Buddhism and Ecology*. London; New York: Motilal Banarsidass. 112 p.

Dondukov, B. (2021) Public Discourse of Buddhist Leaders in the Context of Forest Fires in the Republic of Buryatia, Russia. *International Journal of Religion and Spirituality in Society*, vol. 11, no. 2, pp. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.18848/2154-8633/CGP/v11i02/131-140>

Escario, J. J. Rodriguez-Sanchez, C., Valero-Gil, J. and Casaló, L. V. (2022) COVID-19 related policies: The role of environmental concern in understanding citizens' preferences. *Environmental Research*, vol. 211, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2022.113082>

Hargrove, E. (1989) Foreword. In: *Nature in Asian Traditions of Thought: Essays in Environmental Philosophy*. Ed. by J. B. Callicott, R. T. Ames. N-Y., State University of New York Press. 360 p. P. xiii–1.

Kaza, S., Kenneth, K., eds. (2000) *Dharma Rain*. Berkeley, Shambhala. 504 p.

Severo, E. A., De Guimarães, J. C. F. and Dellarmelin, M. L. (2021) Impact of the COVID-19 pandemic on environmental awareness, sustainable consumption and social responsibility: Evidence from generations in Brazil and Portugal. *Journal of cleaner production*, vol. 286, 124947. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.124947>

Submission date: 27.08.2023.

Acceptance date: 09.10.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.4.24

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья

Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев

Чимиза К. Ламажаа

Независимый исследователь, Российская Федерация,

Чойган Х. Санчай, Айлаана В. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье проанализированы формы распространения ритуальных лент и флагов (чалама, кадак, тук) в социокультурной жизни современной Тувы. Работа основана на собранных авторами материалах в разных районах республики 2012–2023 гг. Рассмотрены вопросы терминологии ритуальных лент, флагов, истоков традиции их повязываний и использования. Подчеркнуто, что чалама имеют древнее происхождение и связываются с исконной шаманистской религией региона. Кадактар и туктар являются культурными заимствованиями, однако история их распространения в тувинских обрядах уже достаточно длительная, поэтому они считаются тувинскими традиционными.

Тема распространения ритуальных лент рассмотрена в соответствии с типологией объектов, на которые они повязываются (преподносятся). Это: места шаманистского поклонения, культов; освящаемые животные; буддийские сооружения; нерелигиозные объекты; а также люди, которым передаются кадаки. Показана масштабность распространения ритуальных лент в социокультурной жизни тувинцев, взрывной рост спроса на ленты и флаги, что привело к увеличению их продаж и доступности для населения. Приведены отдельные мнения опрошенных тувинцев разных возрастов относительно сути ритуалов повязываний. Отмечены проблемы просвещения населения, незнания ими основ ритуальных практик, поведения в святых местах, что приводит к экологическим бедствиям.

В целом, повязывание ритуальных лент и флагов характеризуется как проявление этнокультурного неотрадиционализма.

Ключевые слова: Тува: тувинцы; шаманизм; тувинский буддизм; ритуальная лента; ритуальный шарф; буддийский флаг; освящение; оваа; чалама; кадак; конь ветра; этнокультурный неотрадиционализм

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21–18–00246).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Санчай Ч. Х., Монгуш А. В. Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Российская Федерация. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Санчай Чойган Херел-ооловна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: choukasanchai@mail.ru

Монгуш Айлаана Витальевна — младший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: ailaashka_88@mail.ru

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans**Chimiza K. Lamazhaa**

Independent researcher, Russian Federation,

Choigan Kh. Sanchai, Aylaana V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the patterns of distribution of ritual ribbons and flags (*chalama*, *kadak*, *tuk*) in the sociocultural life of contemporary Tuva. The work is based on the materials collected by the authors in different parts of the Republic in 2012–2023. We consider the issues of terminology related ritual ribbons, flags and the origins of the tradition of their tying and use. It is emphasized that *chalama* have an ancient origin and are associated with the primordial shamanistic religion of the region. *Kadaktar* and *tuktar* are cultural borrowings, but the history of their spread in Tuvan rituals is already quite long, so they are considered as Tuvan traditional ones.

The topic of the distribution of ritual ribbons is considered in accordance with the typology of the objects on which they are tied and presented. These are places of shamanic worship and cults; consecrated animals; Buddhist facilities; non-religious objects; as well as people to whom *kadaks* are handed. The authors show the scale of the occurrence of ritual ribbons in the sociocultural life of the Tuvans, the explosive growth in demand for ribbons and flags. This has led to an increase in their sales and availability for the population. We provide some opinions of the surveyed Tuvans of different ages regarding the essence of the tying rituals and highlight the issues of educating the people, their ignorance in the basics of ritual practices and behavior in sacred places. All these lead to environmental problems.

In general, tying of ritual ribbons and flags is described as a manifestation of ethnocultural neotraditionalism.

Keywords: Tuva; Tuvans; shamanism; Tuvan Buddhism; ritual ribbon; ritual scarf; Buddhist flag; consecration; *ovaa*; *chalama*; *kadak*; wind horse; ethnocultural neotraditionalism

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project “Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)” (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush A. V. Ritual'nye lenty i flagi v praktike sovremennykh tuvintsev [Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, independent researcher, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuva.asia *ORCID ID: 0000-0003-1813-3605*

SANCHAI, Choigan Kherel-oolovna, Candidate of Culturology, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: choykasanchai@mail.ru

MONGUSH, Aylaana Vitalyevna, Junior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: ailaashka_88@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3164-1463

Введение

Сегодня обряды освящения и поклонения (Ламажаа, 2021; Дагылга: тувинские ... , 2021; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023), даже просто торжественные мероприятия, приемы важных гостей у тувинцев не обходятся без ритуальных лент и флагов разных типов и расцветок, которые повязываются на разные объекты/места и/или преподносятся людям. Это могут быть *чалама*¹ (ленты), *кадак*² (широкие ленты — шарфы), *тук* (знамя, флаг, в том числе буддийские, напр., *хей-аът тугу*³ 'флаг вдохновения' — прямоугольный флажок с изображением «коня ветра» в центре). Пестреющие разноцветными повязками пирамиды *оваа*, кусты, деревянные строения, конструкции возле буддийских сооружений, а также одеяния шаманов — стали одной из примет современной тувинской этнической культуры, одним из маркеров ее возрожденной в XXI в. новой традиционности. Впрочем, подобная картина также характерна и для других регионов Центральной и Юго-Восточной Азии, где распространены не только шаманизм и буддизм (с традициями освящения и подвязыванием лент, культом *оваа* / *овоо* (Ли, 2019; Charleux, Smith, 2021)), но и мусульманские традиции подвязывания лоскутов ткани во время совершения паломничества к почитаемым местам (Терлецкий, 2009 и др.⁴).

Несмотря на легкую наблюдаемость данного вида маркера, масштабность его присутствия, например, в российских регионах, изучение его началось только в последние годы⁵. Этнографические исследования касались этой темы в регионах: Алтае (Шерстова, 2010; Чилбакова, 2017; Екеева, Белекова, 2018), Бурятии (Соболева, 2017; Жамбалова, 2023), Хакасии (Бурнаков, 2012), Калмыкии (Бакаева, 2008; Gazizova, 2021), Монголии (Нанзатов, Содномпилова, 2012; Цэдэв Новаанзоч, 2015) и др. Но в этих работах ритуальные ленты, ткани рассматриваются как часть обрядности, обрядовой одежды, упоминаются как второстепенные объекты. Сегодня уже появились новые работы, например, исследование роли, структуры и символики молитвенных флажков *ки мөрн* в условиях городской жизни калмыков (Лиджиева, 2019); анализ ритуального пространства народа саха в аспекте ритуальных предметов, в том числе *салама* (Данилова, Васильев, 2019).

Поэтому, чтобы восполнить подобный пробел исследований в одном из характерных регионов — Республике Тыва (Туве) — целью нашего исследования будет анализ форм распространения ритуальных лент и флагов в социокультурной жизни современной Тувы. Работа основана на собранных авторами материалах в разных районах республики. Также проведены некоторые сопоставления с наблюдениями коллег в других регионах Азии. Ритуальными лентами и флагами мы в данном случае условно называем все виды изделий из ткани (ленты любых размеров, шарфы, флаги, знамена и пр.), которые имеют ритуальный характер (используются для ритуалов освящения, церемониального приветствия, освященные для специальных целей и пр.).

В соответствии с поставленной целью мы рассмотрим: 1) вопросы терминологии ритуальных лент, флагов, истоков традиции их повязываний, использования; 2) тему распространения ритуальных лент в зависимости от объектов, на которые они применяются; 3) проанализируем мнения опрошенных тувинцев относительно сути ритуалов повязываний; 4) отдельно остановимся на проблеме связи новой жизни традиции с экологическими проблемами, ставшими в последние годы очень острыми.

Специфика наших объекта (ритуальные ленты и флаги) и предмета анализа (их распространенности), которые мы рассматриваем как одно из видимых следствий социальной практики, связанной с освящениями *ыдыктаар*, *дагыыр* (Дагылга: тувинские ... , 2021; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023; и др.⁶), в рамках нашего анализа *концептуализации этнокультуры* (Ламажаа, 2023), позволяет данную работу

¹ Во мн. числе *чаламалар*.

² Во мн. числе *кадактар*. В случае использования названия как заимствования в русском языке (с соответствующими склонениями: кадаков, кадаки и пр.) слово пишется без курсива. При этом склонения слова *чалама* как заимствования встречаются весьма редко, слово «плохо» склоняется, поэтому как заимствование нами не используется.

³ В ед. числе *тук* 'флаг', во мн. ч. *туктар* 'знамена, флаги'.

⁴ Терлецкий Н. С. К вопросу о роли лоскутов ткани (латга-банд) на мазарах Центральной Азии // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2007 года. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007. С. 118–122.

⁵ Но изучение тибетских молитвенных флагов началось ранее, напр.: Wise, 2002; Barker, 2003; Kelényi, 2003; Rabten, 2011; Курасов, 2013; и др.

⁶ А также в монографии «Тува. Родная земля»: (Тува. Родная ... , 2023).

вести в междисциплинарной плоскости — на стыке филологии, лингвокультурологии, этнологии и визуальной антропологии.

Источниками нашего исследования выступили авторские наблюдения, в том числе зафиксированные: во-первых, в фотоматериалах в течение последних десяти лет (2012–2023 гг.) в разных районах Республики Тыва, во-вторых, в мнениях людей — тувинцев, которые были нами опрошены с января по август 2023 г., 19 человек. Мы также опирались на факты, собранные нашими коллегами по лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета¹.

Истоки традиции

Учитывая тот факт, что религиозная ситуация в Тыве, также как и по всему Саяно-Алтаю, характеризуется наличием синкретического комплекса (Хомушку, 2005), то далеко не всегда непосвященному наблюдателю понятны истоки традиции ритуальных лент и флагов. Ведь, одни их типы присущи шаманистской обрядности, другие — буддийской. Для того, чтобы попытаться различать традиции их происхождения, а значит — и назначения, мы рассмотрим наиболее распространенные — в вопросах терминологии и истоков.

Во-первых, ленты *чалама* (фото 1). Тувинско-русский словарь под редакцией Э. Р. Тенишева нам сообщает, что так называются «разноцветные ленты (на шаманской одежде и священных предметах)»².

Фото 1. Пучок лент чалама. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 год.
Photo 1. A bunch of chalam ribbons. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

К.-М. А. Симчит пишет, что «возможная первоначальная семантика у глагола *чалбар* — ‘привязывать или преподносить чалама, т. е. просить милости от высших сил’³. Но другие авторы подчеркивают, что в письменных источниках это слово имеет варианты написания: *чалма*, *джелама*, *жемаль* (Ондар, 2004: 219), а также известные варианты названия — *двалама*, *ялама*, *салама*, что указывает на более сложный вопрос с этимологией этого слова. Так, якутский филолог Н. К. Антонов возводит историю якутского названия этой ленты *салама* к тюркскому слову *шал* ‘грива’ (Антонов, 1971: 15), тем самым подчеркивая общее тюркское происхождение названия. Исследователь алтайского бурханизма Л. И. Шерстова отмечает, что первоначально *ялама* / *жалама* / *чалама* была архаичной жертвенной

¹ Лаборатория этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Главная страница [Электронный ресурс] // Лаборатория этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. URL: <https://ethnolab.tuvsu.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 513.

³ Симчит К.-М. А. Лексика шаманизма в тувинском языке : автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. С. 15.

лентой (Шерстова, 2010: 208). Алтайский этнографический словарь 2023 г. уточняет, что этим словом обозначался пучок волос из конской гривы *jal*, который повязывали в качестве подношения духам и божествам местности на *обоо* (тув. *оваа*), на перевалах¹. Впоследствии, подчеркивает Л. И. Шерстова, *ялама* был заменен на ленты из ткани. При этом раньше *ялама* и *кыйра* различались и их привязывали отдельно. Сейчас различие, пишет Л. Ш. Шерстова, между ними понимают немногие алтайцы (Шерстова, 2010: 208). Очевидно, что такие нюансы «стерлись» и в тувинской культуре.

Г. Н. Потанин описывал шаманские лоскуты охранителя духа *ээрэн*, на которые были нашиты фигурки. В свою очередь на их животах были нашиты пучки *ялама* или *джалама*, как он записал от урянхайцев Улуг-Хема и Каа-Хема (Потанин, 1883: 99). Исследователь также приводит рисунок этого лоскута с лентами (там же: 1032) фиолетово-синего и белого цветов, на что специально также указывает С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1974: 181).

О том, что *чалама* были непременно атрибутом шаманских ритуальных предметов, обрядов и одеяний, писали многие этнографы, путешественники, бывавшие на рубеже XIX–XX вв. в Туве и анализирувавшие традиционный быт тувинцев первой половины XX в.

С. И. Вайнштейн сам писал о разноцветных полосках, составляющих прямоугольный длинный кусок ткани (длиной 95 см) *ээрэн*, на которой были закреплены фигурки: схематично вырезанный из жести всадник на лошади, а также изображение солнца (там же: 182). Помимо этого, он упоминает о лентах на одеянии шамана: те обвивали длинные кожаные жгуты, которые свешивались с головного убора (Вайнштейн, 2009: 319). В том числе речь шла и о свисающих лентах *чалама* (Вайнштейн, 1961: 183–184). Эти ленты также привязывалась к *илдирге* — петле из кожи, которая крепилась к *орба* (колотушке для бубна) (там же: 181).

Однако, М. Б. Кенин-Лопсан считает *чалама* не только атрибутами, но и самим духом шамана, который сотворен из этих лент (Кенин-Лопсан, 2002: 508). Описывая детально одеяние шамана, он не называет прямо *чалама* на головном уборе (Кенин-Лопсан, 2009: 82–83). Тем не менее, ученый отмечает, что два длинных пера, венчающих последний, на кончиках имеют *ыдык* ‘святыню’, которая состоит из лоскутов белого и красного цвета (Кенин-Лопсан, 2009: 83). Такой же *ыдык*, по его словам, должен был быть прикреплен к кончикам медных рогов на головном уборе (там же: 82), к верхней части рукоятки бубна (там же: 84). Белые лоскуты (*ак чүве* ‘белая вещь, белая штука’) должен был привязывать к правому рукаву плаща шамана каждый приглашающий его (таким образом, с каждым годом число лоскутов увеличивалось) (там же: 81). К месту под названием *шенек байлаа* ‘богатство локтя’ прикреплялись три белые ленточки (там же: 81).

М. Б. Кенин-Лопсан также указывал, что если шаман имел родословную небесного происхождения, то ему необходимо было сделать *ээрэн* — радугу из пяти разноцветных ленточек: белой, красной, синей, голубой и серой ткани (там же: 96). Длина каждой ленты была около метра, ширина — около 6 см. Другие описываемые ими *ээрэн* также имели разноцветные ленты, некоторые даже составляли кисти *салбак* (там же: 98).

Ленты *чалама*, по описаниям С. И. Вайнштейна, висели на вершине кедрового шеста, установленного около входа в чум шамана и где тот совершал обряд *саң салыр* ‘освящение огня’ (Вайнштейн, 1961: 185). Л. П. Потапов также отмечал наличие цветных лент *чалама*, развешанных на дереве, под которыми сидели и камлали шаманы (Потапов, 1969: 353).

По сведениям участников Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, совершившей комплексную поездку в Туву в 1957 г., например, в Монгун-Тайге проводился обряд «коже тагыр» для излечения тяжело болеющего человека. В этом случае моление устраивалось шаманом перед *кожээ* — каменной бабой (отсюда и название моления, указанное в старом написании; корректнее — *кожээ дагыр*). Во время моления больного опоясывали веревкой с лентами *чалама*, которую пропускали через плечи, грудь и голову. После камлания веревку с *чалама* снимали с больного и надевали на статую, считая, что так она принимает на себя болезнь².

¹ Алтайский этнографический словарь / редколл.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. С. 328.

² Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции / отв. ред.: Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ие, 1960. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы [1957–1958]. С. 219.

Тем не менее *чалама* был не только предметом, который используется шаманом и остается у него или в месте проведения им ритуала. Как указывает М. Б. Кенин-Лопсан, каждой юрте тувинца, по указанию шамана, полагалось иметь *Сүлде Чаламазы ээрен* ('Идол Чалама для спасения души человека', как перевел его сам автор (Кенин-Лопсан, 2009: 106)), т. е. *Чалама* для души. Он должен был защищать вход юрты от всего дурного, от всяких бед и несчастий, от дурного глаза. Состоял из шнурка с разноцветными ленточками, посреди которого висела белая широкая лента.

К группе лент *чалама* мы отнесем любые разноцветные ленты, повязки, нити, используемые как шаманами, так и обычными людьми и для ритуалов, и для повязывания во время и после различных обрядов. Не всегда они в повязанном виде могут свисать свободно (как это обычно происходит с *чалама*), а могут скручивать между собой, оборачивать различные предметы (кожаные жгуты, рукоятки и пр.). Ленты также могут носить определенную ритуальную семантическую нагрузку. Один из таких примеров был приведен выше в связи с описанием С. И. Вайнштейна.

К этой группе, ориентируясь на выделяемый нами критерий ритуальности, мы не будем относить украшения на одежде (кожаные полосы, ленты и нитки с бусинами), особенно женской, напр., *чавага* (накосное украшение из нитей и бусин). Однако особым видом ритуальных повязок можно назвать обереги, изготовленные шаманами, которые носятся на теле или одежде человека: скрученные нитки (напр., браслеты для запястья) (см. с иллюстрациями: Кириленко, 2020), мешочки с кистями на веревке (на шею), поясок из скрученных, сплетенных нитей и пр. (часто их носят так, чтобы они были прикрыты, не были видны чужому глазу); обереги, предназначенные для дома, автомобиля (автотранспорта), также плетеные ленты с привязанными к ним костями домашних животных на ритуальных местах, призванные оберегать *аал коданы* 'место, где находится аал'.

Во-вторых, *кадак* (в другом написании *хадак*) (*фото 2*) — тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты¹. В основном, как отмечают авторы Тувинско-русского словаря, главным его предназначением является преподношение важным, почитаемым лицам², что практикуется также у монгол и у других народов.

К.-М. А. Симчит указывает на основное отличие *кадак* от *чалама*: *кадак* — шелковый и по размерам больше³. Такое же отличие есть и у других региональных традиций. Например, Э. В. Екеева описывает алтайские ленты *дыялама* (*кыйра*) также, как явно более узкие, чем *кадак*: 3–4 см шириной и 70–90 см длиной (Екеева, Белекова, 2018: 15).

В тувинской традиционной культуре, как и в других культурах распространения шаманизма, *кадак* нередко считается атрибутом шаманистских верований, причем даже этнографами. Например, Л. П. Потапов описывал шаманский погребальный обряд у тувинцев: «Завертывали тувинцы только тело покойного, а на лицо ему клали *хадак* (шелковый платок), после чего обращали его головой в сторону восхода солнца» (Потапов, 1969: 374).

М. Б. Кенин-Лопсан в описании атрибутов ритуалов шамана называет шелковые платки *кадактар*, которые крепились в отверстие *кузунгу* — специального ритуального зеркала (Кенин-Лопсан, 2009: 92). С помощью шелкового платка *кузунгу* сам крепился к жерди в юрте шамана (там же). С его (*кадак*) помощью, по сведениям автора, шаманы привязывали к себе приобретенное Небесное тело (железный предмет, редкий *ээрен* для особо могущественных шаманов) (там же: 98–99).

Исследователь также упоминает о разновидностях *кадак*, выделяя особо дорогой шелковый с кратким названием *хип*, который, по его словам, в старой Туве приравнялся по стоимости к лучшему скакуну. При этом большой шаман имел специальный *өзек ээрен* (ядро), состоящий из пятидесяти (!) *хип* (там же: 101). Из *кадар хип* также делался *Шагар ээрен* (*Ээрен* «Жалить», в написании автора) (там же: 108). Сам *Шагар ээрен* понимался как злой дух, отличался обидчивостью и суровостью, мог «ужалить» (видимо, вызвать травму, болезнь). Но в его функции входило строгое соблюдение взрослыми и детьми древних обычаев, связанных с культом домашнего очага.

Несмотря на выделение более богатого вида ленты, очевидно, что для простых тувинцев любой *кадак* был дорогим и недоступным предметом, поскольку он завозился из Монголии и Китая. До него,

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 215.

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 3. С. 39.

³ Симчит К.-М. А. Лексика шаманизма в тувинском языке : автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. С. 15.

Фото 2. Кадаки пяти цветов. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 год.

Photo 2. Kodaks of five colors. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

как указывает Н. Ф. Катанов, в народе использовали в качестве подарка *дадаазын* (ленту, полосу, которая готовилась из козлиной шкуры) (Катанов, 2011: 329).

Нетувинское происхождение самого изделия говорит нам о том, что он стал заимствованием, был принят в среде тувинских шаманистов и далее стал восприниматься как атрибут шаманизма. Поэтому этнографы не делали особых различий в идентификации традиции. Например, Л. П. Потапов описывал ритуал освящения лошади шаманом. В том числе он указывал, что после окуривания дымом можжевельника (*артыш*) и обмазывания частей тела животного маслом, к гриве, хвосту и удилу затем привязывали и ленты *ыдыы* (ленты святости), и хадаки (Потапов, 1969: 363–364). Также этнограф описал камлание шамана хадаком, а не бубном (там же: 380).

Тем не менее применение шаманами лент *хадак* Н. Л. Жуковская назвала одной из обрядовых инноваций в ходе модернизации шаманства (Жуковская, 1977: 141).

На заимствование указывает и этимология слова. Как подчеркивает Б. И. Татаринцев, ссылаясь на М. Ряснену, это слово не монгольского происхождения, а тибетское заимствование в монгольском языке, откуда оно и было перенесено в тувинский¹. На тибетском языке оно носит название *хада*, на монгольском — *хадаг*. Однако и рассматривать данную традицию исконно буддийской очевидно также не верно. Считается, что традиция молитвенных флагов буддизма сама по себе восходит к древнему, добуддийскому Тибету, к религии Бон (Rabten, 2011: 153). Вероятно, поэтому сами тибетцы воспринимают *хада* как самоценность, как наиболее важный подарок. Так они называют белоснежную материю шириной, как правило, около 20–30 см и длиной до 1–2 м. Ткут ее из пряжи или шелка. *Хада* преподносят всякий раз, когда происходит некое торжественное событие, прибывает важный гость издалека, наносится визит вождю или совершается прощальное путешествие (Юаньпэн, Алексеева, Тинтин, 2020: 26–27).

Впоследствии ритуальные ленты, флаги и пр. стали в тибетском буддизме чрезвычайно распространенными, войдя также в состав буддийской символики (Бир, 2011: 80, 85, 136, 144, 176, 197 и др.).

В Туве и других регионах распространения буддизма как шелковые ленты *хадак*, так и флаги (о них — далее) также стали символами буддизма. Так, рассматривая отдельно шаманский и «ламаистский»² виды похорон, Л. П. Потапов так описывал один из «ламаистских» видов в Эрзинском районе (причем умерший был Камбы-ламой):

«Обряд проходил следующим образом: умершего клали ничком, голым, с остриженными волосами и ногтями; накрывали его белым шелковым покрывалом, на котором золотой краской были написаны

¹ Там же.

² Устаревший термин, т. е. буддийский.

молитвы; поверх покрывала укладывали крестообразно два **хадака** (серого цвета), вытянув нижний вдоль спины, а второй — поперек первого...» (Потапов, 1969: 397; выделено жирным нами. — *Авт.*).

Как уже было сказано выше, исследователи алтайской культуры считают, что у алтайцев с появлением бурханизма *жалама* стали заменять *кыйра* (Шерстова, 2010: 209) — двумя парными ритуальными лентами шириной до 5 см и длиной около 1 м, которые повязывали к ветвям берёзы и лиственницы. Для их изготовления использовали материю трех цветов: белый, жёлтый и синий. Привязывать её на ветви деревьев надлежало с восточной стороны особым узлом, после чего, отойдя на несколько шагов, принять особую позу и, стоя лицом на восток, произнести молитву¹.

В-третьих, *буддийские флаги и флажки*, которых в целом у тибетского буддизма насчитывается большое количество видов. Мы здесь только остановимся на наиболее распространенном в Туве — *хей-аът тук* 'флаге вдохновения'² (*фото 3*), тиб. *rlung rta*, монг. *хий морь*, бур. *хиу морин*, калм. *ки мөрн*.

Хей-аът туктар представляют собой горизонтальные флажки пяти цветов (белый, желтый, красный, синий и зеленый). Конь ветра признан символом тибетского буддизма в образе коня, несущего на спине *чинтамани* — драгоценность, исполняющую желания и приносящую благополучие. Как пишет Т. Рабтен, *rlung* означает воздух, который пронизывает все пространство и является одним из пяти важных элементов жизни (остальные: огонь, земля, железо, дерево). Благодаря ему могут жить и расти все люди, животные, растения. А лошадь символизирует идею о том, что люди могут достичь всего, что пожелают, без каких-либо препятствий, и тем самым могут увеличить свою удачу (Rabten, 2011: 153–154).

Фото 3. Хей-аът туктар 'флаги коня ветра' пяти цветов. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 год.
Photo 3. Hey-аът tuktar 'flags of the wind horse' of five colors. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Н. Ф. Катанов упоминает о флаге *хей-аът тук*, а также в целом о буддийских лентах, флажках в обрядности тувинского буддизма XIX — начала XX в. (Катанов, 2011: 253, 164, 175). Тем не менее, очевидно, что массовое распространение эти флаги также приобрели уже в современности. Помимо него используются и флажки с изображениями буддийских божеств, с нанесенными буддийскими мантрами.

Более того, очевидно, уже локальной вариацией заимствования стали так называемые родовые флаги — *аймактың хей-аът тугу* (*туктары*). Они в несколько раз больше обычных *хей-аът туктары* и предназначены для прикрепления на высокие шесты. Встречаются отдельно стоящие длинные шесты с родовыми флагами, также можно увидеть парно установленные шесты или образующие композицию с несколькими шестами вместе с оваа разных конфигураций. Так, на подъезде села Тарлаг Пий-Хем-

¹ Алтайский этнографический словарь / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. С. 188, 189, 328.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 473.

ского района установлены остроконечные столбы, обязанные цветными шелковыми лентами *кадак* и шесты с *аймактың хей-аът туктары*.

Таким образом, мы выделяем три группы ритуальных лент и флагов разного происхождения (*чалама*, *хадак* и *хей-аът тугу*), которые на сегодня наиболее часто используются тувинцами. Если относительно *чалама* можно сказать, что они имеют древнее происхождение и связываются с исконной шаманистской религией региона, то две другие группы являются культурными заимствованиями. Тем не менее история их распространения в тувинских обрядах уже достаточно длительная настолько, что сами тувинцы и даже ряд исследователей считают их традиционными тувинскими.

Объекты повязывания

Для того, чтобы максимально полно охватить вниманием все распространенные варианты использования ритуальных лент и флагов в Туве, мы снова условно сгруппировали наш материал по объектам повязывания.

Во-первых, это объекты шаманистских древних культов: освященные горы, аржааны (водные целебные источники), вершины горы, перевалы, места у реки, каменные идолы и пр. В таких случаях ритуальные ленты используются в связи с преклонением перед духами мест (гор, рек и пр.), освящением и повязываются в местах проведения ритуалов преклонения, освящения (Кенин-Лопсан, 2006: 90-109).

Чаще всего речь идет о специальных конструкциях из жердей, воткнутых в каменные насыпи *оваа* (т. е. в сочетании *оваа* и шалаш), но бывают и самостоятельные святыне шалаша без *оваа*, но с его значением, которые М. Б. Кенин-Лопсан так и называет — шалаш-*оваа* (там же: 100), вход которого должен смотреть в сторону солнца.

В комбинированных конструкциях шалаш-*оваа* камни подпирают отдельные одиночные жерди, вставленные или строго вертикально или с небольшим наклоном.

Например, конструкция на гребне горы мыса Виланы, у слияния рек Пий-Хема и Каа-Хема, состоит из одиночной длинной палки, вертикально уставленной, а две остальные направлены в сторону, полностью покрытые *кадаками* и флажками *хей-аът туктары* (фото 4). На земле виднеются несколько жердей, которые служат основой, подпираемые камнями в виде *оваа* несколько поодаль от самой конструкции. По всей видимости, эта конструкция появилась недавно, с установкой статуи Будды.

К ним могут крепиться еще несколько жердей, связанные между собой на вершине в виде конуса.

Ярким примером такого сооружения является шалаш-*оваа* в местечке Кундустуг на правом берегу Енисея к западу от города Кызыла (фото 5). Жерди нижними концами упираются в землю, другими — смыкаются в центре. По кругу скоплены крупные и мелкие камни, служащие надежной опорой для нижних шестов. Обычно в таком сооружении 2–3 шеста выделяются, зрительно удлиняя и поднимая всю композицию ввысь.

В последние годы распространились и горизонтальные конструкции, удобные для повязывания на одной высоте (фото 6), примыкающие к шалашу-*оваа*. Например, одну из таких можно наблюдать на перевале Бичии-Арт (или Бай-Дагский) в Тес-Хемском районе.

Вертикально-горизонтальные способы повязывания стихийно возникают и в местах поклонения каменным идолам (*кожээ*), вокруг которых строятся навесные покрытия, а также окружающие их решетчатые заборы (тогда все заборы начинают пестреть лентами).

В некоторых местах *оваа* можно встретить и двойные конструкции — старые и новые. В Чаа-Хольском районе в местечке Бойш-Даг (фото 7) на горе установлен *оваа*. Данное место часто посещается, поэтому появилась необходимость доработать конструкцию *оваа* так, чтобы он имел дополнительные, добавленные приспособления для привязывания ритуальных ленточек. Основная жердь имеет наклон примерно 45 градусов и направлена в сторону спуска горы. К центральной жерди привязаны длинные веревки, которые отходят в разные противоположные стороны, привязанные на вертикально укрепленные и вкопанные в землю железные трубы, которые в свою очередь завалены камнями. Протянутые веревки сплошь закрыты цветными веревками, *кадаками*. Тут же можно увидеть отдельно вертикально установленные железные трубы, вкопанные и заваленные камнями, от которых отходят тонкие жгуты-веревки, на которых привязаны буддийские флажки, цветные ленты, лоскутки, свободные и плетенные *кадаки*.

Фото 4. Сооружение для повязывания ритуальных лент в местечке Виланы на мысе у слияния рек Пий-Хема и Каа-Хема.
 Фото Ч. Х. Санчай, 2022 г.
 Photo 4. A structure for tying ritual ribbons in the town of Vilany on the cape at the confluence of the Biy-Khema and Kaa-Khema rivers.
 Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2022.

Фото 5. Конструкция шалаш-оваа в местечке Кундустуг для повязывания ритуальных лент на правом берегу Енисея к западу от Кызыла. Фото Ш. Б. Майны, 2023 год.
 Photo 5. The construction of shalash-ovaa in the town of Kundustug for tying ritual ribbons on the right bank of the Yenisei to the west of Kyzyl. Photo by Sh. B. Maina, 2023.

Фото 6. Горизонтальная конструкция жердей рядом с шалаш-оваа для повязывания ритуальных лент на перевале Бичии-Арт, Тес-Хемский район. Фото Ч. К. Ламажаа, 2019 г.
 Photo 6. Horizontal construction of poles next to shalash-ovaa for tying ritual ribbons on the Bichii-Art Pass, Tes-Khemskey Rayon. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2019.

Фото 7. Оваа в местечке Бози-Даг в Чаа-Хольском районе с добавленными приспособлениями для привязывания ритуальных ленточек. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
 Photo 7. Ovaa in the place of Bosh-Dag in the Chaa-Khol Rayon with added devices for tying ritual ribbons.
 Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Фото 8. Оваа типа шалаи-юрта в местечке Чаламалыг арт вблизи поселка Иштии-Хем в Улуг-Хемском районе. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
 Photo 8. Ovaa of hut/yurt type in the place of Chalamalyg art near the village of Ishtii-Khem in the Ulug-Khem Rayon.
 Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Фото 9. Конструкция для повязывания лент около ступы, близ Устуу-Хурээ и г. Чадан. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
 Photo 9. Construction for tying ribbons near a stupa, in the vicinity of Ustuu-Khuree and Chadan. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Помимо шалашей-оваа, а также горизонтальных жердей, совсем недавно появились и шалашы-юрты. Яркий пример этого типа конструкции установлен вблизи поселка Иштии-Хем Улуг-Хемского района. Сооружение состоит из основного центрального столба, который специально для этого подготовлен и срублен (фото 8). Центральный столб обкладывается камнями, образуя кучу с массивными камнями. От него по периметру круга устанавливаются другие срубы, но потоньше в количестве 8 штук, которые также воткнуты в землю. Основной столб соединен длинными жердями с каждой из 8 вертикальных столбов. Жерди крепятся от центра по наклону. Все столбы соединяются по кругу несколько тонкими обтёсанными жердями. Открытым оставляется лишь пространство для входа с восточной стороны.

Во-вторых, еще одним шаманистским наследием можно рассматривать ритуалы повязывания лент на освященных животных.

Об этом подробно пишут М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 2006: 131–133), а также С. Ч. Донгак (Донгак, 2018). Животные становились *ыдык мал* ‘освященным скотом’, считались животными небесного происхождения и были неприкосновенными (напр., женщины не могли прикасаться к ним; на освященном коне ездить мог только его хозяин и пр.). Чтобы их отличать от других животных в стаде, им привязывали белые и синие ленты *чалама* (там же: 33–34; см. также: Мал-маган ..., 2023). Кадаки также использовали. Но С. Ч. Донгак делает отличие в повязывании *чалама* и *кадак*: если, например, конь был посвящен буддийскому защитнику, то ему повязывали шарф *кадак* (там же: 39). В целом она подчеркивает, что кадаки были в практике именно у лам (там же: 45), в остальных случаях упоминаются только *чалама*.

Сегодня, по нашим наблюдениям, а также данным наших информаторов из разных районов республики, практика освящения животных с повязыванием им лент еще встречается в Бай-Тайгинском, Кызылском, Тоджинском районах (см. фотоиллюстрации: Мал-маган ..., 2023: в печати).

В-третьих, ритуальные ленты широко используются для повязывания в местах преклонения перед буддийскими сооружениями — возле храмов, ступ, священных мест. В этих случаях устанавливаются специальные шести, между которыми растягиваются канаты для повязывания, чтобы паломники могли оставлять там свои ленты и не трогать ступы (фото 9). Однако бывают и случаи, что ленты, очевидно, по недогаду, могут даже перекрывать строение ступы, будучи привязанными за любой удобный для этого выступ. Такую буквально перевязанную почти целиком ступу мы наблюдали, например, у подножия г. Хайыракан в 2014 г.

Если взглянуть на вариации, способы повязывания лент у храмов, строений и святых мест, связанных с буддийским верованием, можно отметить отсутствие специфических особенностей между способами повязывания лент — у шаманистских объектов, и у буддийских. Разве что у буддийских — больше буддийских флажков. Но и там, и там очень много кадаков.

Например, прихожане-буддисты могут даже повязать шелковые шарфы просто на кованный забор или ворота храма. Мы зафиксировали такие повязки на заборе храма Цэченлиг в г. Кызыле (фото 10). Такую же практику — повязывания молитвенных флажков на ограду здания и ворота главного храма Калмыкии «Золотой обители Будды Шакьямуни» — описывает А. М. Лиджиева (Лиджиева, 2019: 80).

Религиозный синкретизм, отличающий картину традиционных верований местного населения Тувы, и который можно увидеть и в практиках подвязывания ритуальных лент, хорошо заметен, например, в местечке под названием *Бурган изи* ‘След Будды’, обнаруженном в 1990-х гг. на одной из скал вблизи с. Целинное Кызылского района.

Как подчеркивается в истории о достопримечательностях района на официальном сайте муниципалитета, по легенде, когда Далай-Лама XIV пролетал над Тувой, то он увидел на земле светящийся свет, исходящий от села. Об этом Его Святейшество потом сообщил местным буддистам. Ламами этот след был вскоре обнаружен вблизи села Кур-Чер (Целинной) и Шамбалыг в местечке под названием Чараш кыштаг (‘Красивый зимник’). После этого началось паломничество сначала жителей близлежащих сел, а потом и буддистов со всей республики¹.

Популярность этого места становится сразу визуально заметной при приближении к горе, поскольку вся ее верхушка пестрит деревьями, кустами в разноцветных лентах (фото 11). Идентифицировать

¹ Достопримечательности Кызылского кожууна [Электронный ресурс] // Администрация Кызылского кожууна. Официальный сайт. URL: <https://kuzulsky.rtyva.ru/node/2129/> (дата обращения: 12.08.2023).

Фото 10. Кадаки, повязанные на заборе храма Цэченлиг в г. Кызыле. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
Photo 10. Kadaks tied on the fence of the Tsechenling temple in Kyzyl. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Фото 11. Местечко След Будды возле с. Целинное, Кызыльский район. Фото Ч. К. Ламажаа, 2014 г.
Photo 11. The place of the Buddha's Footprint near the village of Tselinnoe, Kyzyl Rayon. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2014.

Фото 12. Дерево с повязанными лентами всех типов. Местечко След Будды возле с. Целинное, Кызыльский район. Фото Ч. К. Ламажаа, 2014 г.
Photo 12. A tree with tied ribbons of all types. The place of the Buddha's Footprint near the village of Tselinnoe, Kyzyl Rayon. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2014.

Фото 13. Ленты чалама, привязанные к перилам моста через речку в Улуг-Хемском районе. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
Photo 13. Chalama ribbons tied to the railings of the bridge over the river in the Ulug-Khem Rayon. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

это место однозначно как именно буддийской святыни, а не шаманистского освящения, на первый взгляд довольно затруднительно.

И хотя буддийские флажки *хей-аът туктары* ‘флаги с конем ветра’ встречаются и в местах языческого поклонения духам мест, тем не менее, конечно, таких флажков гораздо больше в местах буддийских святынь. Они перемежаются и с *чалама*, и с кадаками. Такой пример смешения видов лент, в том числе буддийских флажков, не только *хей-аът туктары* на одном объекте — можно увидеть на одном из деревьев в том же местечке След Будды (фото 12).

Мы видим, что паломники начинают повязывать ленты без каких-либо правил на все удобные места (шесты, жерди, ветки растений, выступы камней и пр.), практически не различая шаманистский или буддийский тип объекта преклонения. Главное, что у них есть объект поклонения, молитв.

В-четвертых, такой «расширительный подход» к объектам преклонения, особенного значения в итоге привел к тому, что население стало повязывать ленты не только к тому, что на первый взгляд не связано с религиозными верованиями. Среди объектов повязывания появились и совершенно нерелигиозные: общественные пространства, мосты (фото 13), заборы, деревья, ворота, заборы возле учреждений. Такие случаи, например, ритуальные ленты, повязанные к строению моста, фиксируются и в других регионах, к примеру, в Монголии (Петров, 2006: 123).

Можно было бы предположить, что это связано с традиционной тувинской культурой, элементы которой сегодня для населения стали активно приобретать значение святости. Как мы уже фиксировали, без специальных ритуалов и обрядов им часто придается значение *ыдык* ‘святыни’ (см.: Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023). Тем не менее, очевидно, что во многих случаях мы можем найти религиозные причины такого поведения. Ряд объектов содержит отголоски представлений о наличии духа этого места, например, духа реки, на котором построен мост: «Это очень греет душу: когда человек не просто проезжает мост, а вспоминает, что под этим мостом течет вода, несущая жизнь степному пространству» (Петров, 2016: 123).

Подвязанные ленты на дереве у Дома народного творчества в г. Кызыле (фото 14), например, были объяснены одним из наших респондентов З., 2001 г.р., студентом, тем, что из одного корня выросли разные виды деревьев — такое прорастание считается явлением особенным, что это шаманское место, место особой силы. Кто-то из тувинцев или знал об этом месте, или заметил, возможно, проведя соответствующий обряд.

А. М. Лиджиева выделяет в особую группу объектов повязывания молитвенных буддийских флажков в г. Элисте места кратковременного отдыха горожан, а также достопримечательности, где бывают туристы (Лиджиева, 2019: 81). По ее мнению, это связано с потребностями людей (идеей личной значимости мест) и их досуговым поведением: «... пошли гулять — заодно и повесили ленточку/флажок на удачу» (там же). Но мы полагаем, что речь все же идет не о досуговом поведении; необходим более тщательный анализ.

В эту же группу объектов можно отнести и объекты в домашнем пространстве, которые тувинцы (как и представители других этносов, поддерживающих эту традицию) также украшают и лентами, и шелковыми шарфами, и буддийскими флажками *хей-аът тугу*. Так, они размещаются часто в дверных проемах, на карнизах, балконах, над воротами, между козырьков (подобное у калмыков описывает А. М. Лиджиева (там же: 82)). Внутри помещений ленты используются в так называемых «красных уголках» — уголках, где находятся святые изображения, фигурки Будды, различных буддийских божеств, курительницы и пр. (Трофимова, 2013).

Фото 14. Ленты *чалама* на дереве возле Дома народного творчества, г. Кызыл. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.

Photo 14. Chalama ribbons on a tree near the House of Folk Art, Kyzyl. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

В-пятых, также расширение практики подвязывания ритуальных лент отразилось и на сувенирной продукции, которая в последние годы в ответ на спрос стала активно развиваться в Туве. Готовые изделия ритуального назначения сразу продаются с ленточками самых разных видов, размеров (напр., *тос-карак* ‘девятиглазка’, т. е. ритуальная ложка с 9 углублениями для разбрызгивания молока, уже упоминавшиеся нами выше обереги и др.). Также мастера стали готовить и предлагать для населения более сложные варианты ленты — уже переплетенные (*өрүп каан*), буквально косы *чалама* — для подвязывания в святых местах (фото 15). В сувенирных и специализированных киосках при буддийских монастырях можно встретить и пучки лент, предназначенные для шаманов.

Еще одной приметой времени в этой же тенденции популяризации стал перенос ее на моду и искусство. Там, конечно, речь идет уже не о ритуале, а о художественном осмыслении (образы шаманов в постановках), а также о модном веянии, когда ритуальные ленты теперь стали частью этномоды (костюмы, предметы украшения).

И, в-шестых. Поскольку изначальным вариантом использования шарфов *кадак* был вариант преподнесения в дар, то следует упомянуть и людей как объекты, которым издавна и ныне тувинцы преподносят эти шарфы. Нередко на ткань кладется подарок. Порой сам шарф накидывается преподносящим на шею одариваемому. Это делается в особых случаях встречи почетного гостя, во время церемониалов, в том числе на свадьбах, семейных торжествах и обрядах, во время праздников, в том числе Шагаа, Наадым и пр. Стало своего рода правилом для тувинцев всегда иметь дома несколько шарфов на такие случаи. Те, кто часто на автомашинах колесят по дорогам Тувы, держат ленты в бардачках транспортных средств. Ну а ряд организаций, в том числе учреждений культуры, администра-

ции ведомств и вовсе закупают оптом специальные шарфы для приемов как в Кызыле, так и для вручения подарков во время визитов официальных лиц за пределами Тувы.

Мы видим, что для повязываний используются ленты самых разных видов (*чалама*, простые лоскуты, ленты, а также *кадаки*). Если раньше для этого в 1990-е гг., когда этническая культура получила свободу самовыражения, люди сначала использовали любые лоскуты ткани, которые готовили заранее (нарезая, разрывая из имеющихся кусков материи), то сегодня достаточно приобрести готовые *кадаки*. Они сейчас в изобилии продаются в разных киосках, сувенирных магазинах, в лавках при храмах. Ранее бывшие большой ценностью сегодня эти предметы стали повседневными вещами для всего населения. Диапазон их стоимости широкий: от 50 руб. за самые простые до 500 руб. за изделия из более прочных тканей с рисунками, в том числе буддийского содержания.

Повязывание производится не только на специально подготовленные по традиционным меркам жерди (высохших стволов, ветвей, специально обработанных, очищенных стволов срубленных деревьев), но и на нетрадиционные железные прутья. Кроме того, в 1990-е годы и в начале 2000-х стало практиковаться повязывание на живые деревья, что встречается порой и сегодня (о чем мы отдельно скажем далее). Кроме того, можно отметить, что в конструкциях для повязывания появились и тенденции удобства: они устанавливаются так,

Фото 15. Переплетенные ленты *чалама* в продаже.
Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.

Photo 16. Intertwined *chalama* ribbons on sale.
Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

чтобы людям не надо было высоко и далеко тянуться, чтобы жерди были достаточно длинными для одновременно большого числа лент.

Распространение традиции повязывания ритуальных лент подкрепляется специальными акциями, проводимыми учреждениями культуры и посвященными *чалама*¹. Например, органы ЗАГС в сотрудничестве с Центром традиционной тувинской культуры и ремесел Республики Тыва дают наставления о том, как правильно не только преподнести *кадак*, но и принимать его².

Смысл повязывания

Прежде всего звучное слово *чалама* в тувинской лингвокультуре «перешагнуло» за пределы значения лент. Еще в прошлом оно прочно вошло в топонимию — стало распространенным для обозначения рек, перевалов, гор в Тыве. Например, в Тоджинском районе есть *Чаламалыг-Арт* ‘перевал с *чалама*’ (Ондар, 2004: 219). Также недалеко от с. Терлиг-Хая в Кызыльском районе есть одна из достопримечательностей всей Тывы — священный камень Чалама, высотой 9 метров. Рядом с ней растут две крупные старые лиственницы: первая побольше (200-летняя, вошла в Национальный реестр старовозрастных деревьев России) и вторая — поменьше³. Между лиственницами протянуты веревки с цветными *чалама*⁴. Последние несколько лет это место силы освящается Кызыльской религиозной организацией шаманов «Адыг-Ээрен» — «Дух Медведя». Здесь проводятся съезды шаманов, к камню совершаются паломничества.

Последними новшествами стало использование термина в различных названиях, торговых марках. В городе Кызыле открылась гостиница «Чалама» с одноименным кафе. Нам встречались и кулинарные рецепты пирогов под названием «Чалама».

Заметным событием в культурной жизни стало появление музыкальной группы «Чалама» вслед за сольным альбомом «Чалама» (2013) музыканта Радика Тюлюша («Ят-Ха», «Хун-Хурту»)⁵.

Как рассуждает Р. Тюлюш, отвечая на вопрос интервьюера,

«слово “чалама” — древнее, присутствует во всех тюркских языках, это некое действие, ритуал, когда яркие красные ленточки повязывают на дерево в священном месте “оваа” в Тыве. Ритуал помогает человеку получить благословение духов местности, когда он переходит перевал, достигает высшей точки. Это состояние, когда ты прошел свой путь, некое очищение. Своим проектом, своим альбомом, я тоже делаю подношение духам музыки от своего имени и от имени всего тувинского народа — повязываю свою “чалама” на большое мировое культурное дерево»⁶.

¹ Например: Акция «Чалама» [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. 2018, 22 января. URL: <https://mkyzyl.ru/about/info/news/11647/> (дата обращения: 12.08.2023); в программе фестиваля шаманизма в 2023 г. входил обряд плетения чалама, см.: В Тыве состоится II всероссийский фестиваль шаманизма [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2023, 17 августа. URL: https://rtuva.ru/press_center/news/activity/53504/ (дата обращения: 22.08.2023); Мероприятие «Чалама — символ благопожеланий» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Тыва. URL: <https://culture-tyva.ru/uncat/meropriyatye-chalama-simvol-blagopozhelanii/> (дата обращения: 12.08.2023).

² Обычай преподнесения кадака (хадака) [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/6534/> (дата обращения: 12.08.2023). Сам Центр тувинской культуры подготовил видеосюжет о церемонии: Обычай преподнесения кадака [Электронный ресурс] // YouTube.com. Tuvan Cultural Center / Центр тувинской культуры. 2020, 16 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m9KPKkQizVc> (дата обращения: 12.08.2023).

³ Вид дерева: Лиственница (*Larix* sp.) [Электронный ресурс] // Всероссийская программа «Деревья-памятники живой природы». URL: https://treeportal.ru/index.php?option=com_adsmanager&page=show_ad&adid=566&catid=1&Itemid=85 (дата обращения: 12.08.2023).

⁴ Есть такой камень ... / подгот. И. Владимирова [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2021, 5 марта. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/est-takoi-kamen/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁵ Помимо него в тандем входят еще два профессиональных музыканта: Геннадий Лаврентьев и Сергей Калачёв. См.: Радик Тюлюш: «Проект «Чалама» — это дитя современного состояния традиционной тувинской музыки» / А. Ржевина (корр.), Р. Тюлюш [Электронный ресурс] // Jazz-квадрат. 2015, 1 сентября. URL: <https://jazzquad.ru/index.pl?act=PRODUCT&id=4242> (дата обращения: 12.08.2023). Канал проекта на YouTube: <https://www.youtube.com/channel/UCO8IghU-FuMXtfVBmZw61zA>

⁶ Радик Тюлюш: «Проект «Чалама» — это дитя современного состояния традиционной тувинской музыки» [Электронный ресурс] // Jazz-квадрат. 2015, 1 сентября. URL: <https://jazzquad.ru/index.pl?act=PRODUCT&id=4242> (дата обращения: 12.08.2023).

Какие смыслы сами тувинцы придают подвязыванию ритуальных лент, различают ли они их? С этими и другими вопросами мы обратились к нашим респондентам — тувинцам разных возрастов и рода деятельности. В целом наши расспросы показали, что тувинцы, особенно молодые, не делают различий между лентами, не знают истоков традиций, не знают предназначения лент и особенностей их повязываний, они только стараются выполнять требования, наказы шаманов, когда понимают, что в их жизни происходит что-то неправильное и надо обратиться за помощью к священнослужителям.

Например, на вопрос о том, что такое *чалама*, нам отвечали:

Б., 1994 г. р., уроженка с. Ээрбек Кызылского района:

— *Ыдыктыг чүве деп билир мен. Чалама деп чер билир мен. Баян-Колда Чалама деп ыдыктыг даг бар. Чалама дээрге терекке пөстер шарыыр деп билир мен.*

— Знаю, что это святое, освященное. Это может быть место *чалама*. Например, в Баян-Коле есть святая гора Чалама. Еще знаю, что это завязывание разноцветных лент на дерево или на специальное приспособление.

М., 1991 г. р., уроженка с. Саглы Овюрского района:

— *Эки билбес мен, аал чорааш бир ыяштарга, дыттарга баглаар чүве деп билир мен. Өвүрде Солчурда Чалама дээр аалдарлыг чер ады билир мен. Чижээ, бо улустуң аалы Чаламада, деп турарын дыңнаан мен. Пөстер шарыыр ыдык ыяшты чалама деп турар деп бодап турган мен, ол кезек черни Чалама деп адаар болган.*

— Не знаю хорошо, знаю лишь, это святое дерево или место, где вешают разноцветные ленты. Знаю, что есть в селе Солчуре Овюрского района местечко Чалама. Слышала, что там находятся летние чабанские стоянки. Раньше думала, что *чалама* — это святое дерево с разноцветными лентами, позже поняла, что так называют и близлежащую местность.

У представителей зрелого возраста также нередко путаница представлений о том, что такое *чалама*, чем он отличается от *кадак*.

М., 1995 г. р., житель с. Хандагайты Овюрского района:

— *Чалама дээрге ийи кыдынга ыяш тургускаш кадактар азар чүүл, аңаа туктар база азар. Чанынга чадырланчак оваа база турар. Өвүр кожуунуң Улаатай хеминиң артында хаялыг дагда Хос-Терек деп чер бар. Ооң иштинге өрттедип каан хой бажын, дөрт дуую, хамык аыш-чемниң дээжизин салып турган. Аңаа чалбарып, тейлеп, багай кылган чүүлдерин шуптузун иштинден үндүр чугаалап, сеткилиниң ханызындан бүзүрөп, аймактың өгбелери чедип келген катый чугаалажып, хөглөп турар деп сүзүглөп диленир. Тейлээн, диленген соонда шупту чүве бүдөр, чорук-херек бүдүңгүр боор.*

— Чалама — это специальные сооружения для кадаков в виде деревянных стоек, куда завязывают и флажки. Рядом возводят и курган в виде чума. В Овюрском районе за скалистой горой за рекой Улаатай есть местность Хос-Терек. Во внутрь кургана клали закопченную баранью голову и делали всякие подношения в виде белой пищи. Надо ей поклониться, признаться за содеянные плохие поступки, от души верить, просить, что пришли старейшины рода вместе разговаривать и веселиться. После этого дела пойдут хорошо, всё будет благополучно.

К., жен. 1977 г. р., жительница с. Успенка Тандинского района:

— *Мен бодаарымга, чалама дээрге беш аңгы өңнүг кадактарны чүдүлге ёзугаар тейлеп азар ыяшты ынча дээр, чүге дизе оон эки чүүлдү чалап ап турарым ол. Кадактар бүрүзү өң чүзүнү-биле ханы утканы илередип турар. Чижээ, ак кадак ак сагышты, эки ак бодалдарны, келир үеже өөрүшкүлүг күзелдерин илереткен, сарыг өңнүг кадак сарыг-шажынны, чырыткылыг Далай-Лама башкының өөредиин сөңнеп турар. Ногаан кадак бүгү-ле дириг амылыг бойдусту, көк кадак — көк дээрни, дээр адам — чер ием дээн ышкаш утканы илереткен. А кызыл өңнүг кадак кижиниң чуртталгазын, от-көзүн демдеглен турар. Ынчангаш тывалар шаандан тура бо ханы уткалыг кадактарны хүндүткелдиң демдээ кылдыр бо үеге чедир болгаш ам-даа куда-дойга, байыр-наадымга, улуг арттарга, хүрээлерге азып, тейлеп, экини чалап ап чоруурлар деп бодаар мен. Кадак дээрге өргүл боор, өргүл боорда пөс-таавы талазындан дээжизи боор. Бурганнар, Буддалар, Будда Шакьямуни болгаш өске дээди чүүлдерге өөргүүрге, кижиниң буяны улгадыр демдектер.*

— Я считаю, что *чалама* — это то, к чему с молитвами завязывают религиозные пятицветные кадаки. Чалама от слова *чалап* означает «пригласить», то есть позвать добро. Каждый цвет кадака имеет глубокий смысл. Например, белый *кадак* символизирует чистую душу, чистые помыслы, радостные и светлые пожелания на будущее. Желтый *кадак* связан с желтой религией и учением его Святейшества Далай-

ламы. Зеленый цвет символизирует всю живую природу, синий — синее небо, выражает религиозное значение, как в пословице «Небо — отец, земля — мать». Красный *кадак* связан со стихией огня, означает домашний очаг в жизни человека. Именно поэтому тувинцы испокон веков и до настоящего времени с глубоким уважением и пожеланиями добра используют кадаки во время торжеств, свадебных церемоний, в монастырях, в сакральных местах, например, на перевалах.

Кадак является подношением, причём подношением, связанным с материалом, что означает умножение добра, блага того человека, который преподносит его божествам: Буддам, Будде Шакьямуни и др.

М., 1985 г. р., жительница г. Кызыла:

— В 2020 году наша семья купила дом. Въехали, а там висели *чалама* над входной дверью. Позже их забрала девушка, видимо, дочь прежних хозяев. При этом она сказала, что этот дом хороший. Мы, молодые, не обратили на это внимание. И в мыслях даже не было, что надо пригласить шамана, провести обряд очищения нового жилья. Но в 2022 году в нашей семье стали происходить неприятности. Тогда мама сказала: «Надо пригласить шамана, очистить дом, дочь». Что поделать, пригласила я шамана домой.

По телефону шаман нам подсказал, что надо купить заранее: лоскутки ткани или ленты разных цветов — зеленого, желтого, синего, красного и белого. Я все подготовила. Прежде чем приступить к делу, шаман спросил наши даты рождения и провел обряд. Он окропил молоком эти разноцветные лоскутки и запел их. Затем велел повесить эту *чалама* высоко, сказав: «Этот *чалама* теперь будет тебя оберегать». Я так и сделала.

Ш., 1983 г. р., жительница г. Ак-Довурак:

— Я слышала про *чалама*, но что это такое не знаю. Знаю, что *кадак* надо вешать на высоких местах. Мы вешаем его на больших перевалах по дороге. Мой муж родом из Самагалтая, поэтому по пути в Самагалтай на перевале Калдак-Хамар обязательно завязываем *кадак*. Еще знаю, что *кадаки* бывают разных цветов в соответствии со стихией *менги*.

Как мы видим, тувинцы разных возрастов путают ритуальные ленты и флаги, не слишком хорошо осведомлены в их различиях. Но общее, что можно отметить, заключается в следующем: мотивация подвязывания в основном связывается с просьбами к духам, богам лучшей судьбы для семьи, защиты своих близких, отведения всего плохого, т. е. содержит достаточно распространенные пожелания, которые люди озвучивают в ритуалах и обрядах.

Традиция и экология

В историях наших респондентов также появилась тема изменения практики повязывания. Они признавались, что до недавнего времени привязывали кадаки на живые деревья, но сейчас они стараются этого не делать.

Ч., 1996 г. р., житель Дзун-Хемчикского района:

— *Суг бажы дагыырда черни каскаш, шет адагашты олурткаш аразынга узун ыяш биле тудуштуруп кадааш, кадак азар кылдыр кылыр. Чүге ынчалдыр кылып турар дээрге кадакты чаш өзүп орар ыяшка аспас дээш. Чүге дизе ыяшты боой тудуп өлүрүп болур. Бокталдырбас дээш, эки быжыдыр шарыыр.*

Кадак азар адагаштарны Чөөн-Хемчикке, Чадаана хем эриинге арга иштинге, Өвүрнүң Шивилиг деп черде Кургаг-Адырга кылчып турган мен.

— Прежде чем проводить обряд освещения истока воды *суг бажы дагыры*, с помощью столбиков из лиственницы нужно соорудить специальное приспособление для завязывания кадаков. Почему так делали? Потому что нельзя завязывать *кадак* на живое дерево, так как от этого оно может погибнуть. Кадаки надо туго завязывать к сооружению, чтобы они не падали на землю и не образовывали мусор.

Я сам принимал участие в установке приспособлений для кадаков в Дзун-Хемчике на берегу речки Чадаана в лесу, в Овьуре в местечке Шивилиг на местности Кургаг-Адыр.

Молодежь уже приучается сразу правильно вести себя.

А., 2001 г. р., уроженец м. Ак-Ой Барыын-Хемчикского района:

— *Өгбелерим дагылгазынга чаламаны черге кылырын көргөн мен. Ону кылыр ужуру болза, мээң билип алганым-биле, дагып чоруур черинге ол дириг ыяшты камнап, хей-ат туктары-биле боой шарывайн, аңгы кылып, баглап турар. Дагаан черивисти үрегдеп өлүрбейн, оларны хумагалап, карактап, аштап арыглаар. Кол-ла ужуру ыяш боой шарывайн, аңгы кылып турар.*

— Во время обряда *дагылга* моими предками я видел повязывание *чалама*. Во время обряда *дагылга*, проводимого моими старшими родственниками, я видел, как выполняется повязывание *чалама*. В соответствии с правилами, как я понял, на месте освящения дерева для его сохранения *хей-аът туктары* подвязывают к другому месту, чтобы не навредить живому дереву. Чтобы также беречь и не засорять место освящения дерева, надо чистить его. Самое главное, чтобы на живые деревья не вешать, отдельно надо сделать.

Как мы уже сказали, повязывание ритуальных лент, которое стало одним из явных признаков религиозного возрождения в Туве в 1990-е гг., в первое время было практически бесконтрольным и чаще всего практиковалось на живых деревьях. Причем такие примеры можно обнаружить и сегодня (фото 16, 17).

Если раньше, в старые времена ленты делались из тканей натуральных и могли не вредить деревьям (истончаясь, разлагаясь и отвязываясь; к тому же их повязывалось не столь много), то сегодня массовое распространение лент из искусственного шелка вкупе с их доступностью и желанием большого числа людей вести себя в соответствии с традициями¹, все это стало приводить практически к экологическим бедствиям. Повязанные ветви, стволы деревьев стали деформировать растения (фото 17). Проблема усугубляется тем, что места повязываний никто затем не убирал. Это привело к тому, что в святых местах стали чахнуть и гибнуть растения, расти горы мусора, в том числе из остатков жертвенной еды, бытовых отходов и груд грязных разноцветных лент.

В 2009 г. директор экологической организации «Арт» А. Куксин с тревогой наблюдал за ростом популярности вершины горы Догээ, к которой была проложена автодорога: улучшилась доступность, увеличилось число посетителей, стали расти шесты для повязки *чалама*. Он написал в местной газете «Центр Азии»: «Считаю, что расчисткой дороги, несомненно, положили начало конца горы в качестве священного объекта. Вопрос — защитят ли оваа гору от материального и духовного загрязнения, если люди будут молчать?»²

Вопросы и волнения общественности стали увеличиваться. Так, журналист О. Дамба-Хуурак в 2013 г. написал большое эмоциональное стихотворение на тувинском языке «Ыдыктыг ыяш» («Освященное дерево»), в котором от лица освященного дерева рассказывал о судьбе растения, о его мечтах, горечи и разочаровании в людях. Оно мечтало жить до 500 лет, но его расположение на перевале, высота и богатство привели к тому, что люди возвели возле него каменную насыпь *оваа*, затем стали устраивать возле него привалы, привязывать ленты, губить растения, в том числе и его самого...³

Наконец, масштаб проблемы разросся настолько, что необходимо стало менять ситуацию. Инициативу взяли на себя священнослужители, журналисты, интеллигенция, активисты, сотрудники муниципальных учреждений. Они начали организовывать и проводить субботники с очисткой загрязненных мест. Например, в июле 2021 г. Управление культуры администрации Улуг-Хемского района совместно с администрацией города Шагонара благоустроили территорию перевала Он-Кум — памятника, посвященного приезду в Туву Его Святейшества Далай-ламы XIV (в 1992 г.). В том числе они привели в надлежащий вид место для повязываний *чалама*, утилизировали пришедшие в негодность ритуальные ленточки и атрибутику, обновили информационный стенд⁴. В сентябре 2023 г. сотрудники Департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Кызыла убирались на тропе горы Догээ, возвышающейся на правом берегу столицы Тувы (см. о Догээ: Кисель, Хаврин, 2009). Они очистили встретившиеся им *оваа* от старых *чалама*, флажков, кадаков, и, конечно, мусора. По их мнению, «такие священные места тоже нуждаются в уборке. Когда флажки и *чалама* висят долго, их уже невозможно отвязать — настолько их обдувает ветер! А такие ленты разрезать нельзя, бросать их

¹ См., напр.: Антуфьева Н. В сердце ущелья [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2009. № 24. URL: <http://centerasia.ru/issue/2009/24/2744-v-serdce-uschelya.html> (дата обращения: 25.09.2023).

² Куксин А. Статья ближе к небу. Начало конца горы Догээ [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2009. № 15. URL: <http://centerasia.ru/issue/2009/15/2587-stat-blizhe-k-nebu.-nachalo-konca-gori.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Ынчан, 2013 чылда ... [Электронный ресурс] // Орлан Дамба-Хуурак. ВКонтакте. 2022, 15 марта. URL: https://vk.com/wall356847763_5577 (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ В Туве благоустраивают территорию перевала Он-Кум, посвященного Далай-Ламе [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2021, 23 июля. URL: <https://tuvaonline.ru/2021/07/23/v-tuve-blagoustravayut-territoriyu-perevala-on-kum-posvyaschennogo-dalay-lame.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Фото 16. Живые деревья, обвязанные ритуальными лентами, на одном из перевалов Тувы. Фото Ч. К. Ламажаа, 2021 г.
Photo 16. Live trees tied with ritual ribbons on one of the passes in Tuva. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2021.

Фото 17. Живое дерево с деформированным стволом из-за повязки, у источника в п. Иштии-Хем Улуг-Хемского района.
Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
Photo 17. A live tree with a deformed trunk due to a tying, at a spring in the village of Ishtii-Khem, Ulug-Khem Rayon. Photo by Ch. H. Sanchai, 2023.

в мусор — тоже...»¹. Собранное с *оваа* доставлено в *хурээ*, где такой особый «мусор» сжигают после прочтения специальных молебнов.

Весной 2023 г. в связи с началом паломничеств по святым местам Камбы-Лама Тувы снова напомнил всему населению республики о том, что не следует повязывать синтетические шелковые ленты на живые деревья. Это вредит не только деревьям, но людям, совершающим такие поступки: «Заставлять страдать другие живые существа — это однозначно наказуемое деяние»². Также, в связи с этим Министерство природных ресурсов и экологии Республики Тыва отчиталось о ведении профилактической работы. В кожууны направлены рекомендации по содержанию таких мест: вешивать ленты, кадаки, флажки *хей-аът тугу* необходимо на специальные шесты и стойки в отведенных местах, а не на живые деревья, вешать ленты из простой хлопковой ткани, убирать за собой мусор после совершения обрядов³. В том числе министерство стало практиковать выезды инспекторов на места.

Эти меры явно позволили ситуации меняться в лучшую сторону, что также констатировал с удовлетворением О. Дамба-Хуурак, вспоминая о своем стихотворении десятилетней давности⁴. После поездки по святым местам Улуг-Хемского района в мае 2023 г. мы также можем свидетельствовать о том, что везде появились билборды с перечнем правил поведения, бережного отношения к природе; упорядочились места повязываний лент, не видно больших куч мусора. Тем не менее такие акции не могут быть разовыми, ситуация требует постоянного наблюдения, профилактики и внимания, а также просвещения населения.

Заключение

Таким образом, наше исследование показывает, во-первых, широкую распространенность ритуальных лент и флагов в практике современных тувинцев. Люди применяют ленты и в ритуалах освящения, и после него, и во время поклонений, при встрече с другими людьми в особых случаях. Теперь это не только привилегия шаманов и лам использовать ленты и флаги, но и повседневная практика населения. Это вызвало взрывной рост продаж в ответ на спрос соответствующей продукции, что в свою очередь также приводит к расширению подобной практики. Во-вторых, к сожалению, просвещение населения Тувы относительно разновидностей и предназначения лент и флагов очевидно находится не на высоком уровне. Люди, особенно молодежь, часто путают ленты, шарфы, флаги, не различают их. Их желание только соответствовать традиции помноженное на легкую возможность приобрести недорогие ленты стало приводить к усилению соответствующей «повязочной нагрузки» в святых местах. Массовое, мало регулируемое повязывание лент, флагов губительно отражается на деревьях, а также ведет к росту мусора, к экологическим проблемам.

Если же характеризовать в целом повязывание ритуальных лент и флагов как социокультурное явление, то мы можем с большой уверенностью определить его как проявление этнокультурного неотрадиционализма. Ю. В. Попков рассматривает его как «духовно-практическое явление, характеризующее современное состояние этнической культуры и связанное с преобразованием аутентичной традиции в ее обновленную и адаптированную к актуальным условиям форму путем рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в системе синхронно-диахронных взаимодействий этносоциальных субъектов» (Попков, 2023: 212). Причем рефлексия автор понимает не только как осознанную (мыслительную) деятельность субъекта, но и как свойство самой практики, проявляющейся во взаимопроникновении и взаимной адаптации различных ее компонентов (там же: 213). Данное явление развивается хотя и при участии определенных деятелей, активистов (на

¹ На горе Догээ организован субботник [Электронный ресурс] // Культура. Спорт. Молодежная политика. Кызыл. ВКонтате. 2023, 22 сентября. URL: https://vk.com/wall-97744169_9267 (дата обращения: 25.09.2023).

² Камбы-Лама Тувы пояснил, нужно ли вешать кадаки, флажки и ленточки на живые деревья [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2023, 23 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2023/05/23/kamby-lama-tuvy-po-yasnil-nuzhno-li-veshat-kadaki-flazhki-i-lentochki-na-zhivye-derevy.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Чистота сакральных мест Тувы в зоне внимания Министерства [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и природопользования Республики Тыва. 2019, 23 мая. URL: <https://mpr.rtyva.ru/events/6780/> (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ Ынчан, 2013 чылда ... [Электронный ресурс] // Орлан Дамба-Хуурак. ВКонтате. 2022, 15 марта. URL: https://vk.com/wall356847763_5577 (дата обращения: 25.09.2023).

что делают акцент обычно представители конструктивизма в этнологии), тем не менее логика его развития выходит за пределы деятельности отдельных людей, охватывает всю этническую общность, представители которой действуют с намерением развивать этнокультурную традицию, тем не менее уже в новых условиях, с новыми возможностями и в том числе с новыми (не всегда позитивными) результатами этого развития¹. Тем самым это не полный возврат к традиционной культуре, но ее новая фаза развития, которая нуждается в определенной саморегуляции и регуляции, для чего важно в том числе и научное изучение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов, Н. К. (1971) Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск : Якутское книжное изд-во. 175 с.
- Бакаева, Э. П. (2008) Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста : Издательский дом «Герел». 189 с.
- Бир, Р. (2011) Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М. : Ориенталия. XX, 406 с.
- Бурнаков, В. А. (2012) Ткань в ритуальной практике хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11. № 5. С. 175–186.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во восточной литературы. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 219 с.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : ООО «Домашняя газета». 416 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Данилова, Н. К., Васильев, В. Е. (2019) Религиозный ландшафт: «сиэл», «салама» и «дэлбиргэ» в ритуальном пространстве в свете изучения эволюции бескровных жертвоприношений народа саха // Общество: философия, история, культура. № 12 (68). С. 30–35. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.4>
- Донгак, С. Ч. (2018) Мал ыдыктаар тыва ёзулалдар = Тувинские обряды освящения скота. Кызыл : б. и. 52 с. (На тув. и рус. яз.).
- Екеева, Э. В., Белекова, Э. А. (2018) Культурная атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. Горно-Атайск : БНУ РА «Научно-исследовательский Институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 120 с.
- Жамбалова, С. Г. (2023) Ритуальные коновязи сэргэ у бурят в XXI веке // Гуманитарный вектор. Т. 18, № 1. С. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132>
- Жуковская, Н. Л. (1977) Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 199 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 384 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Мифы тувинских шаманов = Тыва хамнарның торулгалары. Кызыл : Новости Тувы. 544 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 232 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М. : ООО «ИПЦ «Маска»». 328 с.
- Кириленко, Е. И. (2020) Нить на запястье: тувинский опыт здоровья (по материалам интервью со студентами тувинской диаспоры Томска) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.1>
- Кисель, В. А., Хаврин, С. В. (2009) Гора Догээ как археологический и этнографический памятник Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 101–108.

¹ Подобный пример был нами зафиксирован в неотрадиции мясоедения у тувинцев (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022).

Курасов, С. В. (2013) Декоративно-прикладное искусство Тибета: символика и структура ритуальных объектов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 1–1 (77). С. 104–111.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тувинские обряды дагылга в XXI в. // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой ээди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Ли, М. (2019) Традиционный тибетский фестиваль скачек // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : мат. Межд. науч. конф. (Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Иркутский гос. ун-т. 541 с. С. 304–311.

Лиджиева, А. М. (2019) Молитвенные флажки «ки мөрн» в современной городской жизни калмыков // Magna Adurgit: Historia Studiorum. № 2. С. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.22162/2541-9749-2019-8-2-76-82>

Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.

Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2012) В Монгольской Джунгарии: этнографические зарисовки // Культурное наследие народов Центральной Азии : сб. ст. Вып. 3 / отв. ред. М. М. Содномпилова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 226 с. С. 5–27.

Ондар, Б. К. (2004) Топонимический словарь Тувы. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. М. Катанова. 256 с.

Петров, Ф. Н. (2006) Образ Монголии: экспедиционные впечатления // Вестник Челябинского государственного университета. № 3 (76). С. 115–133.

Попков, Ю. В. (2023) Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. № 3 (21). С. 203–223. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-западной Монголии : Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оною Г. Н. Потаниным. Вып. 4. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°. [18], 1026 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 404 с.

Соболева, Е. С. (2017) Неотрадиционализм в современной культуре сойотов и бурят Окинского района Республики Бурятия // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17. Памяти Е. А. Алексеенко / под ред. Е. Г. Федоровой. СПб. : МАЭ РАН. 268 с. С. 109–132.

Терлецкий, Н. С. (2009) Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения (к вопросу о функциях и символизме *туга*) // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2 / отв. ред. Р. Р. Рахимов, М. Е. Резван. СПб. : МАЭ РАН. 396 с. С. 112–149.

Трофимова, Е. А. (2013) Домашний алтарь в тибетском буддизме: символизм и традиции // Буддизм Ваджраяны в России: исторический дискурс и сопредельные культуры / отв. ред. Е. В. Леонтьева. М. : Алмазный путь. 512 с. С. 453–459.

Тува. Родная земля (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. (В печати).

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хомушку, О. М. (2005) Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : Изд-во РАГС. 228 с.

Цэдэв Новаанзоч (2015) Священная гора Сутай и обряды, связанные с ее государственной сакрализацией // Алтай — Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии : мат. I российско-индийско-монгольского семинара, 19–20 июня 2015 г. / под ред. Н. А. Колпакова, И. В. Фотиевой. Барнаул : Изд-во фонда «Алтай — 21 век». 228 с. С. 63–68.

Чилбакова, А. В. (2017) Символика ритуальных лент алтайцев // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии : мат. LVII Российской (с международным участием) археолого-

этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Сургут, 17–21 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. В. Кениг. Сургут : Институт археологии и этнографии СО РАН. 412 с. С. 396–397.

Шерстова, Л. И. (2010) Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Томский гос. ун-т. 288 с.

Юаньпэн, Х., Алексеева, Г. В., Тинтин, Ц. (2020) Тибетская культура бассейна реки Хуанхэ в творчестве современных китайских художников // ИКОНИ. № 4. С. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.33779/2658-4824.2020.4.025-037>

Barker, D. (2003) Tibetan prayer flags: Send your blessings on the breeze. London : Connections Book Publishing Ltd. 64 p.

Gazizova, V. (2021) Sacred heights in the topography of flatlands. Ovaа kurgans in the Kalmyk Buddhist landscape // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. № 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4960>

Charleux, I., Smith, M. J. (2021) Introduction // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. № 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4919>

Kelényi, B., ed. (2003) Demons and protectors: Folk religion in Tibetan and Mongolian Buddhism. Budapest : Ferenc Hopp Museum of Eastern Asiatic Art. 135 p.

Rabten, T. (2011) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan *rlung rta* (prayer flags) // Proceedings of the tenth seminar of the IATS, 2003. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. xi, 336 p. P. 151–160. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004155190.1-348.66>

Wise, T. (2002) Blessings on the wind: The mystery and meaning of Tibetan prayer flags. San Francisco, CA : Chronicle Books. 64 p.

Дата поступления: 29.09.2023 г.

Дата принятия: 05.10.2023 г.

REFERENCES

Antonov, N. K. (1971) *Materialy po istoricheskoi leksike iakutskogo iazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]*. Yakutsk, Yakut Publishing House. 175 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2008) *Odezhda v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika [Clothing in the Kalmyk culture: Traditions and symbols]*. Elista, Gerel. 189 p. (In Russ.).

Beer, R. (2011) *Entsiklopediia tibetskikh simvolov i ornamentov [Tibetan symbols and motifs]* / transl. from English by L. Bubenkova. Moscow, Orientalia. xx, 406 p. (In Russ.).

Burnakov, V. A. (2012) Tkan' v ritual'noi praktike khakasov [Textile in the ritual practice of the Khakas]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, vol. 11, no. 5, pp. 175–186. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 218 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1974) *Istorii narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 219 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta. 416 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Danilova, N. K. and Vasilyev, V. E. (2019) Religiozniy landshaft: «siel», «salama» i «delbirge» v ritual'nom prostranstve v svete izucheniia evoliutsii besкровnykh zhertvoprinoshenii naroda sakha [Religious background: “siel”, “salama” and “delbirge” in ritualistic space in light of examination of evolution of bloodless sacrifices performed by Sakha people]. *Obshchestvo: filosofii, istorii, kul'tura*, no. 12 (68), pp. 30–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.4>

Dongak, S. Ch. (2018) *Mal ydyktaar tyva ezulaldar = Tuvinskie obriady osviashcheniia skota [Tuvan rites of consecration of cattle]*. Kyzyl, s. n. 52 p. (In Tuv. and Russ.).

Ekeeva, E. V. and Belekova, E. A. (2018) Kul'tovaia atributika v traditsionnom mirovozzrenii altaitsev [Cult paraphernalia in the traditional worldview of the Altayans]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. 120 p. (In Russ.).

Zhambalova, S. G. (2023) Ritual'nye konoviazii serge u buriat v XXI veke [Ritual hitching posts serge among the Buryats in the 21st century]. *Gumanitarnyi vektor*, vol. 18, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132>

Zhukovskaia, N. L. (1977) *Lamaizm i rannie formy religii [Lamaism and early forms of religion]*. Moscow, Nauka. 199 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2011) *Ocherki uriankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo v 1889 godu po porucheniiu Imperatorskoi Akademii nauk i Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Essays on the Uriankhai territory. The diary of a journey made in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society]*. Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities Research under the Government of the Republic of Tuva. 384 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2002) *Mify tuvinskikh shamanov = Tyva khamnarnyḡ torulgalary [Myths of Tuvan shamans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 544 p. (In Russ. and Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]* / transl. from Tuvan. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvinskie shamany [Tuvan shamans]*. Moscow, Maska. 328 p. (In Russ.).

Kirilenko, E. I. (2020) Nit' na zapiast'e: tuvinskii opyt zdorov'ia (po materialam interv'iu so studentami tuvinskoii diaspory Tomska) [A piece of thread around the wrist: Tuvan experience of health as seen in interviews with students from the Tuvan diaspora in Tomsk]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 3–18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.1>

Kisel, V. A. and Havrin, S. V. (2009) Gora Dogee kak arkhologicheskii i etnograficheskii pamiatnik Tuvy [The Dogee mountain as an archaeological and ethnographic monument of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 101–108. (In Russ.).

Kurasov, S. V. (2013) Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Tibeta: simbolika i struktura ritual'nykh ob'ektov [Tibetan decorative and applied arts: Symbolism and structure of ritual objects]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ia. Iakovleva*, no. 1–1 (77), pp. 104–111. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvinskie obriady dagylga v XXI v. [Tuvan rites dagylga in the 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia [Concepts of culture: Form, idea, social regulation]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi e"di dlia tuvintsev. Identichnost', udobstvo, otvetstvennost' [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) Sviatoe v tuvinskoii kul'ture: proshloe i sovremennost' [The sacred in Tuvan culture: Past and modernity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Li, M. (2019) Traditsionnyi tibetskii festival' skachek [Traditional Tibetan festival of races]. In: III Gotlibovskie chteniia: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti [The 3rd Gottlieb Readings: Oriental studies and regional studies of the Asia-Pacific region in the focus of modernity] : Proceedings of the International conference (Irkutsk, September 10–16, 2019) / ed. by E. F. Serebrennikova. Irkutsk, Irkutsk State University. 541 p. Pp. 304–311. (In Russ.).

Lidzhieva, A. M. (2019) Molitvennye flazhki «ki morn» v sovremennoi gorodskoi zhizni kalmykov [Prayer flags “ ki morn” in contemporary urban life of the Kalmyks]. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*, no. 2, pp. 76–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2541-9749-2019-8-2-76-82>

Mal-magan. Tuvintsy – skot – miaso [Mal-magan. Tuvans – cattle – meat] (2023) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (Forthcoming). (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2012) V Mongol'skoi Dzhungarii: etnograficheskie zarisovki [In Mongolian Dzungaria: Ethnographic sketches]. In: *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noi Azii [Cultural heritage of the peoples of Central Asia]* : A collection of articles. Issue 3 / ed. by M. M. Sodnompilova. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Centre of the SB RAS. 226 p. Pp. 5–27. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2004) *Toponimicheskii slovar' Tuvy [A toponymic dictionary of Tuva]*. Abakan, N. F. Katanov Khakassian State University. 256 p. (In Russ.).

Petrov, F. N. (2006) Obraz Mongolii: ekspeditsionnye vpechatleniia [The image of Mongolia: Expedition impressions]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (76), pp. 115–133. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2023) Etnokul'turnyi neotraditsionalizm: refleksivno-integratsionnaia teoreticheskaia model' [Ethno-cultural neotraditionalism: Reflexive integration theoretical model]. *Etnografia*, no. 3 (21), pp. 203–223. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Potanin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii: Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo G. N. Potaninym* [Essays of north-western Mongolia: The results of a trip made in 1879 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by its member and employee, G. N. Potanin]. Issue 4. St. Petersburg, Printing House of V. Bezobrazov and C°. [18], 1026 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka. 404 p. (In Russ.).

Soboleva, E. S. (2017) Neotraditsionalizm v sovremennoi kul'ture soiotov i buriat Okinskogo raiona Respubliki Buriatii [Neotraditionalism in the contemporary culture of the Soyots and Buryats of the Okinsky rayon of the Republic of Buryatia]. In: *Materialy polevykh issledovanií MAE RAN* [Materials of field research of the MAE RAS]. Issue 17. In memory of E. A. Alekseenko / ed. by E. G. Fedorova. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 268 p. Pp. 109–132. (In Russ.).

Terletskii, N. S. (2009) Nekotorye drevnie atributy musul'manskikh mest palomnichestva i pokloneniia (k voprosu o funktsiiakh i simvolizme tuga) [Some ancient attributes of Muslim places of pilgrimage and worship (the question of the functions and symbolism of the tug)]. In: *Tsentrāl'naia Aziia: traditsiia v usloviakh peremen* [Central Asia: Tradition in the face of change]. Issue 2 / ed. by R. R. Rakhimov and M. E. Rezvan. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 396 p. Pp. 112–149. (In Russ.).

Trofimova, E. A. (2013) Domashnii altar' v tibetskom buddizme: simvolizm i traditsii [The home altar in Tibetan Buddhism: Symbolism and traditions]. In: *Buddizm Vadhraiany v Rossii: istoricheskii diskurs i sopredel'nye kul'tury* [Vajrayana Buddhism in Russia: Historical discourse and adjacent cultures] / ed. by E. V. Leontieva. Moscow, Almaznyi put'. 512 p. Pp. 453–459. (In Russ.).

Tuva. Rodnaia zemlia [Tuva. Native land] (2023) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. (Forthcoming). (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2005) *Religiia v kul'ture narodov Saiano-Altaiia* [Religion in the culture of the Sayano-Altai peoples]. Moscow, The Russian Academy of Public Administration. 228 p. (In Russ.).

Tsedev Novaanzoch (2015) Sviashchennaia gora Sutai i obriady, sviazannye s ee gosudarstvennoi sakralizatsiei [The sacred Sutai Mountain and the rituals associated with its state sacralization]. In: *Altai – Gimalai: traditsionnye znaniia i innovatsii v razvitií gornyykh i predgornyykh regionov Evrazii* [Altai – Himalayas: Traditional knowledge and innovations in the development of mountainous and submontane regions of Eurasia] : Proceedings of the 1st Russian, Indian and Mongol seminar, June 19–20, 2015 / ed. by N. A. Kolpakov and I. V. Fotieva. Barnaul, Altai – 21 vek. 228 p. Pp. 63–68. (In Russ.).

Chilbakova, A. V. (2017) Simvolika ritual'nykh lent altaitsev [The symbolism of ritual ribbons of the Altayans]. In: *Sovremennyye problemy izuchenii drevnikh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii* [Modern issues of studying ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia] : Proceedings of the 57th Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students, Postgraduates and Young Researchers (Surgut, April 17–21, 2017) / ed. by A. V. Kenig. Surgut, Institute of the Archaeology and Ethnography of the SB RAS. 412 p. Pp. 396–397. (In Russ.).

Sherstova, L. I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origins of the ethnic group and religion]. Tomsk, Tomsk State University. 288 p. (In Russ.).

Yuanpeng, H., Alekseeva, G. V. and Tingting, Q. (2020) Tibetskaia kul'tura basseina reki Khuankhe v tvorchestve sovremennykh kitaiskikh khudozhnikov [Tibetan culture of the Yellow River Basin in the work of contemporary Chinese artists]. *ICONI*, no. 4, pp. 25–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33779/2658-4824.2020.4.025-037>

Barker, D. (2003) *Tibetan prayer flags: Send your blessings on the breeze*. London, Connections Book Publishing Ltd. 64 p.

Gazizova, V. (2021) Sacred heights in the topography of flatlands. Ovaa kurgans in the Kalmyk Buddhist landscape. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, no. 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4960>

Charleux, I. and Smith, M. J. (2021) Introduction. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, no. 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4919>

Kelényi, B., ed. (2003) *Demons and protectors: Folk religion in Tibetan and Mongolian Buddhism*. Budapest, Ferenc Hopp Museum of Eastern Asiatic Art. 135 p.

Rabten, T. (2011) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan rlung rta (prayer flags). In: *Proceedings of the tenth seminar of the IATS, 2003*. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. xi, 336 p. Pp. 151–160. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004155190.1-348.66>

Wise, T. (2002) *Blessings on the wind: The mystery and meaning of Tibetan prayer flags*. San Francisco, CA, Chronicle Books. 64 p.

Submission date: 29.09.2023.

Acceptance date: 05.10.2023.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редактор *Б. Н. Гайдин.*

№ 4, 2023

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/60>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Чимизы Ламажаа*

Подписано к публикации 05.12.2023 г.

Объем - 43,0 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia